

**Міністерство освіти і науки України  
Херсонський державний університет**

**Валентина Федяєва**

# **Сімейна педагогіка**

Хрестоматія

Том II

**Херсон – 2007**

УДК  
ББК 74 03 (4 УКР) я 73  
М 19

**Упорядник: В.Л.Федяєва** – кандидат педагогічних наук, професор,  
проректор з наукової роботи ХДУ

**Науковий редактор: О.В.Сухомлинська** – академік АПН України, професор.

**Рецензенти: С.І.Харченко** – доктор педагогічних наук, професор, проректор з  
наукової роботи Луганського національного  
університету ім. Т.Г.Шевченка,

**Т.І.Сущенко** – доктор педагогічних наук, професор, завідувач  
кафедри педагогічної майстерності  
Запорізького обласного інституту  
післядипломної педагогічної освіти.

У другому томі Хрестоматії в системному вигляді представлені праці зарубіжних педагогів, психологів, етнографів дитинства з основних проблем виховання дітей у сім'ї.

Для студентів, викладачів вищих навчальних закладів, педагогів, соціальних працівників, науковців, педагогічної громадськості.

М 19 Сімейна педагогіка: Хрестоматія. Том II / Упор.: В.Л.Федяєва. – Херсон: Видавництво ХДУ, 2007. – 448 с.

ББК 74.03 (4 УКР) я 73

© Федяєва В.Л., 2007  
© ХДУ, 2007

# ЗМІСТ

**Коменський Я. А.** Материнська школа .....

**Песталоцці І. Г.**

Щоденник Песталоцці про виховання його сина .....

Про значення почуття слуху у зв'язку з використанням звуку та мови у навчанні .....

**Лесгафт П.Ф.** Сімейне життя дитини .....

**Каптерєв П.Ф.**

Початкове виховання .....

Відповідальність батьків перед дітьми .....

Батьки і діти .....

Із історії морального розвитку дітей .....

Труднощі сімейного виховання .....

Педагогічні курси для матерів та нянь .....

Завдання і основи сімейного виховання .....

Про моральне загартування .....

Про суспільно-моральний розвиток і виховання дітей .....

Всеросійський з'їзд із сімейного виховання .....

**Кон І.С.** Етнографія батьківства .....

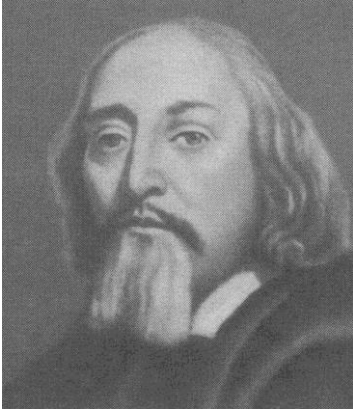
**Мід М.** Виховання і особистість .....

**Еріксон Е. Г.** Юність та еволюція ідентичності .....

**Арієс Ф.** Дитина і сімейне життя при Старому режимі .....

## Коменський Ян Амос (1592-1670)

**Видатний мислитель-гуманіст, суспільний діяч, засновник педагогіки нового часу**



Ян Амос Коменський народився у 1592 р. в Південній Моравії (Чехія). Закінчив латинську школу та навчався в університетах Німеччини. Був проповідником, а згодом і головою своєї релігійної спільноти. Займався педагогічною діяльністю: працював викладачем у різних країнах Європи – в Чехії, Польщі, Венгрії.

У 1640-х р. був запрошений у Швецію для проведення реформи шкіл. З 1650 р. проводив реформу шкіл в Угорщині, підготував ряд підручників: його ілюстрований підручник **“Світ чуттєвих речей в картинках”**, (“*Мир чувствених вещей в картинках*”) (1658) став першою навчальною книгою, створеною на основі психологічних принципів навчання. Згодом, щоб урізноманітнити навчання школярів, створив навчальний посібник **“Школа – гра”** (1656). За його підручниками навчалися в багатьох країнах світу, навіть у Росії.

Творча спадщина Я.А.Коменського мала великий вплив на розвиток світової педагогіки і шкільної практики. Розглядаючи питання навчання і виховання в нерозривній єдності, педагог закликав до універсальної освіти спочатку рідною мовою, а потім і латинською – мовою науки і культури того часу. Мету виховання педагог убачав не тільки в оволодінні знаннями, але й у розвитку моральних якостей людини, з яких найбільш важливими вважав справедливість і мужність.

У його працях з питань навчання і виховання дітей (“*Материнська школа*”, “*Великая дидактика*”, “*Новітній метод мов*”, “*Пансофічна школа*”) розглянуті всі важливі педагогічні проблеми того часу.

До цього видання відібрано працю Я.Коменського “*Материнська школа*”.

*Коменський Я.*

### **Материнская школа**

Что для родителей дети должны быть милее и дороже, чем золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, – это можно заключить из взаимного сравнения тех или других даров божьих. Именно: во-первых, золото, серебро и другие такого рода предметы суть вещи неодушевленные и не что иное, как попираемы ногами прах, лишь немного более обработанный и очищенный, а дети – живые образы живого Бога.

Во-вторых, золото и серебро суть вещи внешние, произведенные одним словом повеления божья, а дети – это то создание, творений которого святейшая троица образовала особый совет и, которую создал Бог своими перстами.

В-третьих, золото и серебро – вещи ненадежные скоро проходящие, а дети – бессмертное наследие. Ибо хотя многие из детей умирают, однако они не обращаются в ничто и не погибают, а только переходят из смертной оболочки в бессмертное царство. Поэтому Бог возвратил Нову все его богатство и все, что он имел, вдвойне по сравнению с тем, что отнял у него прежде; лишь детей он дал столько, сколько он имел раньше (именно семь сыновей и три дочери); однако и это также было вдвойне, так как первые не погибли, но были ранее направлены к Богу.

В-четвертых, золото и серебро происходят из земного праха, дети – из самой нашей сущности. Следовательно, они часть нашей сущности, и их следует нам любить не меньше, чем самих себя. Поэтому в природу всех животных Бог вложил такую любовь к своим детям, что иногда за их спасение они готовы пожертвовать своею собственною жизнью. Если кто-либо такую любовь перенес бы на золото и серебро, то на суде самого Бога был бы осужден за идолопоклонство.

В-пятых, золото и серебро переходят от одного к другому как бы не принадлежала никому, а являясь общим всем, а дети, по божеской воле, являются для родителей таким неотъемлемым достоянием, что нет никого в мире, кто мог бы лишить кого-либо этого права, отнять у него это достояние. Ведь это введение исходит с небес и является неотъемлемым наследством.

В-шестых, хотя золото и серебро – также дары божьи, однако такие дары, которым Бог с небес не обещал охраны ангелов; мало того, большею частью сюда вмешивается сатана, чтобы этим средствами, точно петлями и силками, воспользоваться для уловления неосторожных, увлекая их, точно цепями, к алчности, гордости и расточительности. А забота о малых детях, по свидетельству самого Господа (Матф. 18, 10), всегда вверяется ангельскому попечению. Итак, у кого в доме есть дети, тот может быть уверен, что в его доме присутствуют ангелы; всякий, кто обнимает руками маленьких детей, пусть не сомневается, что обнимает ангелов. Всякий, кто покоится окруженный ночной темнотой с ребенком может питать твердую надежду, что он вместе с детьми охраняется ангелами, чтобы не имел доступа дух тьмы. Как это значительно!

В-седьмых, серебро, золото и все внешнее не привлекает к нам любви божьей и не защищает нас от божьего гнева, как дети. Ибо любя детей, бог из-за них иногда щадит родителей, как показывает пример ниневитян. Так как там было много детей, то Бог пощадил самих родителей, чтобы они не были поглощены землей (Ион. 4, 11).

В-восьмых, человеческая жизнь, по словам Господа (Лука 12, 15), состоит не в изобилии средств, так как если Бог отнимает свое благословение то пища не питает, лекарство не излечивает.

Наконец, серебро, золото, драгоценные камни не могут научить нас ничему иному, чему учат другие творения, а именно – божественной мудрости, могуществу, благодати. А дети нам даются как зеркало скромности, приветливости, доброты, согласия и других христианских добродетелей, так как сам Господь изрекает: “Если вы не обратитесь и не станете как дети, то не войдете в Царство Небесное” (Матф. 18, 3). Итак, если Бог хочет, чтобы этих детей мы имели учителями, то по справедливости мы полагаем, что мы должны о них заботиться.

Каким образом должно развивать у детей здоровье и силу?

1. Кто-то сказал, что должно молить богов о том, чтобы в здоровом теле был здоровый дух. Нужно, однако, не только молиться, но и трудиться, ибо Бог обещает благословение не праздным людям, а трудолюбивым.

Так как дети трудиться еще не могут и не умеют изливать мольбы к богу, то за них должны это делать родители, стараясь питать и воспитывать (во славу божью) тех, кого они произвели на свет.

2. Но, прежде всего, так как обучать детей можно только в том случае, если они будут живы и здоровы (ведь с больными и хилыми не достигнешь никакого успеха), то первая забота родителей оберегать здоровье детей. Это обязанность преимущественно матерей, а потому необходимо здесь к ним и обратиться с советами.

3. Лишь только мать заметит, что Бог, творец всего, начал в ее утробе творить ребенка, с этого момента она будет предаваться благочестию более чем прежде, обращаясь с горячими ежедневными молитвами к Богу, чтобы он дал ей произвести в совершенстве развитым и здоровым на свет то, что она носит под сердцем.

4. Далее, женщины должны заботиться о себе, чтобы как-нибудь не повредить своему ребенку. Поэтому (1) они должны соблюдать воздержание и умеренность, чтобы объедением и опьянением или несвоевременным постом, очищениями, кровопусканиями, простудами и пр. не изнурять себя и не подрывать своих сил или чтобы не губить и не ослаблять своего ребенка. Итак, женщинам нужно избегать всякого излишества, пока они будут беременными. (2) Они не должны слишком сильно поскользнуться, спотыкаться, на что-либо наталкиваться, обо что-либо ударяться или даже неосторожно ступать, так как весьма легко всем этим повредить слабого и еще не окрепшего во чреве ребенка. (3) Беременной женщине необходимо строго воздерживаться от всяких волнений, чтобы не предаваться внезапному страху, не слишком сердиться, не мучиться, не терзаться и пр. Ведь, если она не будет этого остерегаться, у нее должен родиться раздражительный, беспокойный, печальный ребенок. И что еще хуже, вследствие внезапного страха и чрезмерной раздражительности зародыш может родиться мертвым или, самое меньшее, бить слабого здоровья. (4) Что касается внешних действий, то беременная должна следить за тем, чтобы не ослаблять себя излишним сном, вялостью и бездельем, но в выполнении работ она должна быть бодрой при возможно большей быстроте и веселости. Ведь какую она бывает тогда сама,

такого характера она родит и ребенка и пр. Об остальном дадут советы опытные врачи, повивальные бабки и почтенные матери.

5. Когда ребенок уже родился на свет, обмыв и очистив его самым тщательным образом и завернув нежное и слабенькое существо сверху теплыми и мягкими согревающими покрывами, родители тотчас должны позаботиться о соответствующем для него питании. При этом особенно должно обратить внимание на то, чтобы мать сама была кормилицей и не отталкивала от себя своего ребенка и не прекращала теперь того питания, которым она начала кормить свое дитя в своей утробе. Но увы! Напротив того, какой вредный и заслуживающий порицания обычай утвердился, когда некоторые матери (преимущественно из сословия знатных), наскучив тем, чтобы кормить своего ребенка, поручают это делать чужим женщинам. Сама сущность дела заставляет здесь открыться весь позор этого и показать, как осторожно нужно поступать в этом деле. Ведь чем более глубокие корни пустил этот обычай, и чем шире он распространился, тем менее можно обходить его молчанием именно здесь, где мы предположили показать с самых оснований правильно поставленный, добрый порядок.

6. Итак, я заявляю, что это жестокое отчуждение детей от их матерей и питание их чужим молоком кормилиц (если только не вызывается это каким-либо неизбежным случаем или слабостью матерей) прежде всего противно Богу и природе, во-вторых, вредно для детей, в-третьих, губительно для самих матерей, в-четвертых, совершенно не заслуживает уважения и достойно сильнейшего порицания.

7. Что такое кормление ребенка совершенно природе, ясно видно из того, что в ней не встречается ничего подобного даже среди диких зверей. Волчица, медведица, львица, пантера и остальные подобные дикие животные кормят своих детенышей собственными сосцами. Итак, ужели матери человеческого качества души. Но никоим образом нельзя извинить, если в настоящее время самые почтенные, самые знатные и благочестивые матери поручают своих детей немедленно после рождения бесчестным, безбожным женщинам, и иногда даже гораздо более слабого здоровья, чем сами. Ведь таким образом дорогое дитя отдается в жертву вернейшей заразе, физической и духовной. И, конечно, в этом случае родителям нечего удивляться, если их дети по своим нравам и действиям оказываются в жизни совершенно непохожими на них и не идут по их стопам. Ведь по известному латинскому меткому выражению: порок всасывается с молоком.

8. В-третьих, когда изнеженные матери боятся, чтобы в процессе забот о детях не утратить чего-либо из своих удобств или изящества формы, что часто вместе со здоровьем они теряют, не столько покой, красоту, но даже жизнь, потому что, имея молоко, они не прибегают к своим детям, как к своим врачам, которые обыкновенно освобождают матерей от чрезмерно многих, даже скрытых болезней и излишних соков. Вышеназванный философ показал это довольно подробно. Поэтому Плутарх счел нужным написать отдельную книгу и напомнить матерям об их обязанности, к которой они призываются Богом и природою. А Авл Геллий пишет, что недостойны имени матери те, которые

отказываются делать то, что повелевает Бог и природа. За это он грозит им даже несчастьями всякого рода.

9. Наконец, отказывать в груди собственным детям не соответствует материнскому достоинству. Dicalus Apolephtes называет таких не матерями, а мачехами. Весьма многие, говорит он, предпочитают обнимать хоть щенка, чем носить у себя на груди своего сына, и многие скорее стыдятся носить на руках своего ребенка, чем собаку или лесную мышь. Какое животное, спрашиваю я, настолько дико, чтобы доверять своих детей чужим? Напротив того, есть род животных, у которых самец спорит с самкой о том, кому из них ухаживать за потомством. Также птицы, хотя иногда выводят шесть или больше птенцов и Бог не наградил их сосцами, чтобы кормить своих детей, не покидают своих птенцов, но с возможной заботой питают и кормят.

10. А какое зло получается в том случае, если детей кормит не мать, но наемная кормилица, я это поясню тремя примерами трех римских императоров.

По свидетельству Лампридия, во всю свою жизнь Тит был повержен болезням потому, что у него была больная кормилица. Калигула был дикий зверь в человеческом виде; причину этого приписывали не родителям, а кормилице, грудью которой он питался; она, кроме того, что была злая и безбожная, кормила его грудью, обыкновенно намазывая ее кровью. Отсюда он стал настолько свирепым, что не только охотно проливал человеческую кровь, но даже лизал языком кровь, оставшуюся на мече, никогда не чувствуя удовлетворения своей кровожадности.

А что касается нравов и добрых качеств, то дети должны отличаться следующими:

1. *Умеренностью* их нужно научить есть, и пить сообразно с требованием природы; не объедаться и не переполняться пищей и питьем сверх необходимости.

2. *Опрятностью*, чтобы они научились соблюдать приличие при еде, в одежде и в попечении о теле.

3. *Почтительностью* к старшим, чтобы они научились относиться с уважением к их действиям, словам и взглядам.

4. *Предупредительностью*, чтобы они по знаку и слову старших готовы были немедленно выполнить все.

5. Крайне необходимо, чтобы они научились *говорить правду*, чтобы все их речи были по учению Христа: что есть – то есть, чего нет – того нет. Пусть же никогда не приучают их лгать и говорить не то, что есть, серьезно или шутку.

6. Также нужно приучать их к *справедливости*, чтобы они не касались ничего чужого, не трогали, не брали тайно, не прятали и не причиняли кому-либо вреда.

7. Нужно также внушать им *благотворительность*; быть приятными для других, чтобы они были щедрыми, а не скупыми и не завистливыми.

8. Чрезвычайно полезно *приучать их к труду*, чтобы они привыкли избегать ленивого досуга.



9. Их нужно приучать не только говорить, но и молчать, где это необходимо: во время молитвы или когда говорят другие.

10. Нужно приучать их к *терпению*, чтобы они не думали, что все должно являться к ним по их мановению; с раннего возраста постепенно они должны приучаться обуздывать страсти.

Каким образом родители должны готовить своих детей к школе?

1. Все человеческие дела, если ими заниматься с пользой, требуют осмотрительности и должной подготовки. На это указывает Сирах (18, 18), требуя подготовки и перед молитвой, и перед судом, и перед тем, как произнести какое-либо слово, хотя бы вопрос оказался особенно ясным (33, 4). И, во всяком случае, естественно, чтобы создание, владеющее разумом, ничего не делало без обдумывания, почему это делать и какое должно или может быть следствие, если поступить, так или иначе. Итак, родители должны отдавать своих детей для образования в школу обдуманно, и, прежде всего сами должны подумать, что предстоит здесь делать, и открыть глаза детям, чтобы они поразмыслили о том же самом.

2. Итак, неразумно поступают те родители, которые без всякой подготовки ведут своих детей в школы, точно телят на бойню или скотину в стадо – пусть потом школьный учитель мучится с ними, терзает их, как хочет. Но еще более безумны те, кто сделали из учителя пугало, а из школы застенки, и все-таки ведут туда детей. Это происходит в том случае, если родители или прислуга в присутствии детей неосторожно болтают о школьных наказаниях, о строгости учителей, о том, что больше дети не будут играть, и т. п. “Пошлю тебя в школу, – говорят, – успокойся, выпорют тебя, подожди только” и пр. Этим способом в детях развивается не кротость, но еще большее одичание, отчаяние и рабский страх по отношению к родителям и учителям.

3. Итак, разумные и благочестивые родители, воспитатели и попечители будут поступать так. Во-первых, когда приближается время посылать детей в школу, они будут ободрять их, точно наступает ярмарка или собрание винограда, говоря, что они пойдут в школу вместе с другим детьми и вместе с ними будут учиться, и будут играть. Может также отец или мать пообещать ребенку красивую одежду, изящную шляпу, красивую дощечку для письма, книжку и что-либо подобное, а иногда и показать то, что уже приготовлено для ребенка (ко дню отправления в школу). Однако давать этого не будут (чтобы дети все более и более воспламенялись желанием), но будут только обещать, что дадут. Об этом будут говорить такими и следующими словами: “Ну, дорогой сын, усердно молись, чтобы поскорее наступило то время, будь благочестивым и послушным” и пр.

4. Хорошо будет также разъяснить детям, какое это прекрасное дело посещать школу и учиться. Ведь из таких детей выходят важные люди, начальники, доктора, проповедники слова божия, сенаторы и пр., все выдающиеся, славные, богатые и мудрые люди, к которым остальные должны относиться с почтением. Таким образом, гораздо лучше посещать школу, чем дома томиться от безделья, или бегать по улицам, или изучать ремесло и пр. Затем учение не есть труд, но забава с книгами и пером, и гораздо приятнее

сахара. А чтобы они заранее до некоторой степени познакомились с этими занятиями, не мешает дать им в руки мел, которым бы они могли рисовать на скамейках, на столе или на данной доске проводить линии, рисовать, что только хотят: чашки, кресты, круги, звездочки, лошадей, деревья и пр., передают ли они это верно или нет – неважно, лишь бы только они получали от этого удовольствие. Невозможно, чтобы это осталось без результата; ведь они, таким образом, легче будут привыкать чертить буквы и различать их, и вообще не следует упускать из виду ничего, что сверх того можно придумать для возбуждения в детях любви к школе.

5. Кроме того, родители должны будут внедрять детям любовь и доверие к будущим преподавателям. Этого одним способом достигнуть нельзя. Иногда нужно любовно упоминать об учителе, называя его дядей по отцу или по матери, крестным отцом, соседом и вообще расхваливая его ученость и мудрость, его любезность и доброту, указывая, что он человек выдающийся, многое знает, ласков к детям и их любит. И хотя и правда, что некоторых он наказывает, но только безнравственных и непослушных, кто заслуживает того, чтобы его наказывали, а послушных он не наказывает никогда. При всем этом он показывает, каким образом что-либо нужно писать или читать и пр. Говоря с детьми так и каким-нибудь иным подобным образом, по-детски, родители должны устранить у детей всякий страх перед школой. Затем также нужно спрашивать: будешь ли ты послушен? Если ребенок скажет, что он будет послушен, ему нужно сказать: итак знай наверно, что учитель тебя полюбит.

*Каменский Я.А. Избранные педагогические сочинения: В 2т. – Т.1. – М.: Педагогика, 1982. – С. 201–205; 213–214; 239–240.*

## Песталоцці Іоган Генріх (1746-1827)

**Видатний швейцарський педагог-демократ, теоретик народної школи, один із засновників дидактики початкового навчання**



Іоган Генріх Песталоцці народився в 1746 році в Цюріху. Освіту отримав у колегіумі Кароліnum. Очолював установу для бідних у Нейхофі (1774–80), притулок для сиріт у Станці (1798–99), інститути в Бургдорфі (1800–04) й Івердоні (1805–25).

Під впливом ідей видатного французького педагога Ж-Ж. Руссо він присвятив своє життя пошукам кращого життя для народу. В 50-60-х роках XVIII століття брав активну участь у русі швейцарської інтелігенції.

І.Г.Песталоцці виступав за створення такої школи, що “...задовольняла б потреби народних мас, охоче б проймалася ними і була б значною мірою створенням їхніх власних рук”.

І.Г.Песталоцці розробив методику початкового навчання дітей рахунку та мові, значно розширив зміст початкового навчання, включивши в нього елементарні зведення з геометрії, географії, малювання, співів, гімнастики.

Він вважав, що виховання має будуватися на принципах природовідповідності, наголошував на важливості взаємозв'язку розумових, моральних і фізичних здібностей дитини в процесі навчання, що забезпечує гармонійний розвиток особистості. Ідею Песталоцці про розвивальне навчання К.Д.Ушинський назвав “великим відкриттям”.

Значну роль педагог відводив моральному вихованню, витоки якого вбачав у сім'ї. Виховні заклади пропонував будувати по типу сім'ї, а відносини – на любові вчителя до дітей і бережливого підходу до них.

І.Г.Песталоцці здійснив значний вплив на розвиток світової педагогічної теорії і шкільної практики. Він автор численних педагогічних праць, з яких найвагомішими є “Лінгард і Гертруда” (1781-87.), “Як Гертруда вчить своїх дітей” (1801), “Лист до друга про перебування в Станці” (1799.), “Лебедина пісня” (1826).

До цього видання включені праці І. Песталоцці “Щоденник Песталоцці про виховання його сина”, “Про значення почуття слуху у зв'язку з використанням звуку та мови у навчанні”.

## **Дневник Песталоцци о воспитании его сына**

27 ЯНВАРЯ. Я показал ему воду, как она, прозрачная, сбегает вниз с гор. Это его забавляло. Я спустился немного ниже. Он, следуя за мной, сказал, обращаясь к воде: “Обожди меня, вода! Я скоро снова приду”. Я сейчас же повел его к воде, только пониже.

– Смотри, папа, вода тоже идет, она идет вон оттуда, она идет сверху.

Мы шли, следуя течению воды, и я повторил ему несколько раз: “Вода бежит с гор вниз”.

Я назвал ему несколько животных, например: “Собака, кошка – животные”, и для противопоставления добавил: “а дядя Титус, Клаус – люди”. Затем спросил его: “Что такое бык? корова? теленок? мышь? наш Клаус? Меде? барышня Рот? слон? наш священник? Шеффли? Гайсли? и т. д.”. Он отвечал в большинстве случаев правильно на эти вопросы. Когда же давал неправильные ответы, то это сопровождалось свойственной ему усмешечкой, обнаруживавшей, что он нарочно дает неправильный ответ. Это желание давать неверные ответы кажется мне смешной попыткой проявления упрямства и желания представить дело так, что все происходит по произволу, по моему желанию. Это, следовательно, требует тщательного наблюдения.

Я спросил его после этого: “Что такое смерть?” Он ответил: “Смерть”.– “А умывальник – животное?” – “Нет”.– “Почему?” – “Он тоже мертвый”.– “А кровать – животное?” – “Нет!” – “Почему?” – “Не знаю”.

Я вижу, что понятия о жизни и смерти, о свободном движении и невозможности производить его, необходимы ему для того, чтобы уметь правильно отличать животных и людей от неодушевленных предметов. Я взял эти понятия на заметку, чтобы в дальнейшем развить их.

29-го. Л. О. Я добился своей цели продержать его долго за сухой латынью. Воспользовавшись присутствием Бабели, организовал подвижную игру с колокольчиками и заставил его бегать на довольно большом холоде. Я убедился в том, что учитель должен обладать физической силой, если он хочет осуществлять свои намерения в процессе игры, проводить забавы на свежем воздухе и т. д. Я понял, какое большое значение имеет для ребенка крепкое тело.

30-го. Ему было несколько скучно учить азбуку. Я твердо решил заставить его заниматься в течение известного времени или добровольно, или против воли. Поэтому я решил очень строго дать ему почувствовать эту необходимость с первого раза. Я поставил его в такое положение, что у него не оставалось иного выбора, как работать или подвергаться моему гневу или наказанию арестом. Только после третьего ареста он стал терпеливым. После этого О. и Л. начали проходить с шутками и живо.

Я показывал ему, что дерево плавает в воде и что камень, напротив, падает на землю. После обеда он пошел со служанкой в Брунег.

31-го. Я отсутствовал, был в Кенигсфельдене.

1 февраля. Л. О. Л. Серьезность занятий была нарушена нашим беспокойством, вызванным тем, что он стал кашлять по ночам. В качестве упражнения в латинском языке я научил его называть части головы; показывая рисунки и предметы, я научил его таким словам, как: *снаружи и внутри, внизу и наверху, середина и стороны*. Я показал ему, как снег превращается в комнате в воду, и нашел, что произвольные переходы от громких топов к самым тихим, от певучих к резким являются полезным упражнением. Но куда ведут эти своеобразные приемы?

Несколько дней тому назад он видел, как резали свиней, и вот он захотел сегодня также резать свиней и просил для этого нож, который и повесили ему на пояс. Он взял кусок дерева и положил его как полагается. В это время мать позвала его: “Жакели!”, на что он откликнулся: “Нет, мама, ты должна звать меня “мясник!”

2-го. Л. О. Л. Объясняя ему, истинное значение первых чисел, я старался придать определенность тем словам, которые он говорил наизусть, не понимая их подлинного смысла. На этом примере самый неспособный человек мог бы убедиться, каким препятствием для знания истины является усвоение слов, с которыми не связаны правильные понятия о вещах. Привычка не думать, чем по своему существу отличаются выражаемые словами числа, была налицо и препятствовала вниманию. 7, 8, 9 и 1 были для него тем же, что 3, 5 и 17 и я нисколько не мог сегодня устранить последствия этой привычки не думать.

Почему я сделал такую глупость, научив его столь преждевременно называть такие важные для познания истины слова, не позаботившись о том, чтобы сейчас же уточнить самые понятия, когда я называл ему первые числа? Как естественно било бы не учить его говорить *три*, пока он не будет правильно узнавать 2 во всех данных ему предметах. Как естественно выучился бы он тогда считать и как сильно отклонился я благодаря этой поспешности с путей природы! О, вы, истинные, важные для мудрости и добродетели, научите меня быть осторожным!

Оставшись сегодня один, он подошел к чану со сливками и налил себе стаканчик. Подошла служанка, он сказал ей: “Мама мне позволила это!”

Он неохотно учит азбуку. Обходные пути, которые он выбирает, чтобы избавиться от этого, условия, которые он при этом ставит, быстрота, с которой старается приняться за другие занятия, привычка все, что он желает, иметь и, что ему нелегко получить, искать под тем предлогом, что ему это нужно, чтобы учиться читать, – все это привлекает уже несколько дней мое внимание, и я чувствую, что мой долг точно пронаблюдать эти обходные маневры.

Скрипка, которую для него купили, доставила ему бурное удовольствие, но по разным обстоятельствам я не мог извлечь из этой радости всей пользы, которую желал бы извлечь.

3-го. Я почувствовал ошибки в обучении его счету сегодня с такой же силой, как вчера. Если все слова, заученные нами без понимания их смысла, производят такую непреодолимую путаницу в нашей душе, что же является в нашем познании подлинной истиной?.. Все слова являются суждениями. Как должно путать, когда множество этих слов быстро и неправильно

предшествуют знанию предметов, которые они обозначают, когда упражнение в ошибочном и непродуманном помимо нас ежедневно пролагает пути неправде, когда борьба против ошибок так трудна, тогда как следовать за простой истиной так естественно и легко!

Л. О. Л. Он много работал над этим. Он почувствовал сегодня боль в животе, скрючился и сказал: “Мне больно”. Мама сказала: “Дай я посмотрю, Жакели!” Он ответил: “Ты ничего не увидишь”. В эти холодные дни я не в состоянии переносить холод в передней, который он переносит. Мне это неприятно.

4-го. Я был в Кенигсфельдене, и день для занятий с Жаком у меня пропал. Приступ лихорадки, вызванный у него простудой, испугал нас. Вечером пришел господин Коллер. Нам было очень трудно заставить Жака принять какое бы то ни было лекарство. Господин Коллер посоветовал нам, чтобы мы по временам давали Жаку, когда он здоров, безвредные, но невкусные лекарства для того, чтобы не нужно было больше заставлять его силой пить их, как пришлось это сделать в данном случае. Я сразу же нашел, что это верное правило, и думаю, что его можно следующим образом обобщить, чтобы применять в воспитании. Все навыки, все усилия преодолеть себя, которые необходимы в редких случаях, должно привить задолго до того, как наступит время, когда их требуется использовать. Ведь тогда, когда наступает крайняя необходимость использовать эти навыки, оказывающие очень редкие, но важные услуги, большей частью бывают такие обстоятельства, которые делают невозможным очень быстрое приучение к этим навыкам, как это было в данном случае.

5-го. Продолжение маленькой лихорадки и мое повторное отсутствие не дали мне возможности полностью использовать также и этот день. Мы упражнялись в счете, вырезали с этой целью ножницами бумажные фигурки.

Он, казалось, подражал с невинным видом жестам, тону и словам взрослых.

Следует ли мне позволить ему идти к расширению своих познаний путем подражания? Нужно ли стараться сделать его сознания многосторонними, его внимание более общим и его умение подражать при этом естественно возникшем упражнении более острым? Достаточно ли глубока почва, чтобы дать развиться дерзости, которая, по всей вероятности, ищет места, где бы ей укорениться, хотя бы мы и применили все средства для того, чтобы сказать ей противодействие? Как распознать элемент жизнерадостности в невинном подражании, как следует тормозить зачатки дурных поступков? Может быть, так: “Ты можешь подражать каждому красивому слову, каждой красивой позе, но ты не должен, дитя мое, ты не хочешь быть безобразным” и т. д.?

С 6-го по 12-е. Присутствие Жака Шультгеса, пребывание в Зеоне, продолжительное беспокойство о здоровье ребенка и непростительная Небрежность по отношению к нему – вот что можно отметить в эти ничем не заполненные дни.

13-го. Бережное отношение к здоровью Жака дало свои результаты: эгоизм стал заметно сильнее. Я взял у него орех, чтобы ему его разбить. Он

подумал, что я хотел его съесть – крик, топанье ногами, искаженное гримасой лицо. Я смотрел на него и стоял неподвижно. Взял без слов у него еще один орех и хладнокровно съел оба на его глазах. Он продолжал плакать. Я взял зеркало – он убежал, как обычно, чтобы спрятаться.

Я удивляюсь правоте нашего слуги Клауса, проявленной им сегодня в разговоре со мной. Я привык прислушиваться к непринужденным речам по вопросам воспитания людей, выросших на свободе. “Клаус, – сказал я, – неправда ли, у Жака хорошая память?” – “Да, – сказал он, – но вы его переутомляете”. – “Я тоже иногда боюсь этого. Но, видишь ли, всегда можно видеть по ребенку, когда он перегружен. Он утрачивает резвость, становится беспокойным, боязливым. Как только появляются следы этого, требуется заботливость и снисходительность”. – “А вы также обращаете внимание на резвость и радость? Я именно боялся, что вы об *этом* забываете”. – “О Клаус, все учение ни грота не стоит, если благодаря ему пропадает резвость и радость. До тех пор, пока я вижу бодрость и радость на его лице, пока он проявляет живость и резвость во всех играх, пока радость и счастье занимают преобладающее место в его ощущениях, я не боюсь. Короткие мгновения усилий, которые сейчас же приправляются радостью и живостью, не подавляют духа”. К такому выводу пришли мы с Клаусом. Видеть, как из послушания и порядка рождаются спокойствие и счастье, – значит воспитывать для общественной жизни.

То, что имеет перевес в ощущениях и переживаниях, определяет характер.

Разве сила глаза ребенка станет убывать, когда он видит многое?

Но отец и учитель не должны допускать нарушения порядка и спокойствия. Большинство упражнений должно быть упражнениями в соблюдении порядка и спокойствия. Величайшие радости возникают из медленного, продолжительного искания. Примером может служить ловля бабочек. Не торопись навязывать знания ребенку. Пускай истинный мир, явления и предмета сложные или такие, которые могут обернуться к ребенку разными сторонами, проходят перед ним в возможно большем количестве, пускай они приходят и снова уходят, не навязываясь ему.

Пускай он всегда смотрит и слушает; редко требуй от него суждений, а если ты требуешь, то большей частью о таких вещах, которые он может или, вернее, должен сейчас использовать. Требуй от него суждения, как это делает природа: она не требует от тебя суждения о ширине рва, мимо которого ты проходить, – она только показывает его тебе. Может быть, ты и вынесешь о нем суждение. Но о рве, пересекающем улицу, по которой тебе надо пройти, ты должен судить. Таким образом, каждый раз, когда ребенок может что-то применить, требовать от него суждения естественно и необходимо. Чтобы эту истину было легче использовать, я выражусь более осторожно. Я скажу: если ты можешь возбудить в достаточной степени интерес ребенка, требуй суждения, но пусть он больше смотрит и проходит мимо, чем рассуждает.

*14-20.* Сегодня все шло хорошо, он учился охотно. Я играл: был наездником, мясником, всем, чем он хотел. От времени до времени давал ему

варенные яблоки. Он хотел их все съесть и искал свою ложку. Я сказал ему, что не позволю ему брать ложку. Сказал, что, как только он возьмет ложку, я отставлю тарелку в сторону, если же он будет заниматься, дам ему больше яблок. Он оставил ложку в покое.

Я велел ему проводить прямые черточки и перпендикулярные линии. Господин Фюссли сказал мне: “Все, что выделаете, должно быть доведено до конца. Не переходите от *a* к *b*, пока он не будет вполне знать *a*, – и так во всем. Не спеши вперед, оставайся при первом до тех пор, пока не сделаешь это до конца, и тогда ты предупредишь болтовню и сбивающую с толку рассеянность”. Порядок, точность, полная законченность, совершенство – как чувствую я, что мой характер не был развит в этом направлении во время моего первоначального воспитания!

У моего ребенка имеются как раз эти опасные искушения – поддаться живости своего характера. Он склонен удовлетвориться мерцанием быстрого успеха, забыть об отдельных пробелах, когда он ослеплен блеском достигнутого им в целом, забыть, что еще осталось незавершенным в том деле, которое кажется уже законченным, проскочить мимо этого.

Я не должен этого забивать: *все полностью* и ничего с излишней поспешностью. Порядок, точность, полная законченность, совершенство! Я хочу рано привить ему эти принципы при помощи ежедневной практической работы, идти вперед, всегда работать, всегда развивать, по всегда оглядываться назад; ни шагу вперед, пока не будут заполнены все пробелы. Все полностью, все в порядке, нигде никакой путаницы. Быть довольным тем, что имеется, и что может полностью без вреда быть здесь. Ничего не отдавать тщеславию, все – истине. Великие намерения!

Способ, при помощи которого я развивал сто память, дал повод к следующим размышлениям.

Возможно ли, что слабость молодого организма происходит от внимания и упражнения памяти? Возможно ли, что слабый мозг настолько перегружается несколькими сотнями слов? Я этого не считаю. Подумать только, как богат родной язык, и какой силы памяти требует он один. Никому еще в голову не приходило, что усвоение родного языка перегружает слабые силы юного ума. После маленького упражнения, глаза всегда способны смотреть, уши слушать и т. д. Только контрасты вредны. Если много смотреть, много слушать, то это укрепляет и исправляет, но гром и яркое солнце вредят. Если обучать десяти языкам таким же способом, каким природа учит первому языку, то эти десять языков также укрепляли бы душевные силы. Но неестественная суровость, очень сильное напряжение не являются упражнением духовных сил, и последствия, которые они влекут за собой, не следует пытаться объяснять отсутствием памяти. Я должен заметить, что в обучении латинскому языку я недостаточно следую пути природы. Я должен постоянно приучать себя больше говорить на латинском языке. Все же я доволен успехами Жака.

15-20. Я пишу сегодня об одной привычке моего ребенка. Она рисует в выгодном свете его способности и настойчиво говорит, о чем я должен проявить большую заботу. Все, что он хочет, он начинает требовать в такой



форме, из которой ясно, что он или заранее придумал причину, из-за которой ему могут отказать, или же приводит причину, которая должна побудить нас дать ему то, о чем он просит. “Мама, я не разобью этого”, “Я только хочу посмотреть”, “Я возьму это, потому что хочу учиться”, “Можно мне взять одну только штуку?” – так начинает он каждый раз свою просьбу. Он не должен извлекать пользу из этих окольных путей: прямое заявление о своем желании для нас гораздо ценнее, и мы должны заставить его заявить свою просьбу прямо, если он прибегает к окольным путям. Мы должны, кроме того, часто отказывать ему в просьбе, которую он высказал не прямо. Когда не хочет чего-нибудь делать, он в большинстве случаев не скажет, например: “Я не хочу причесываться”, – а скажет: “Я хочу учиться”. Это доказывает, что он знает, что я на многое соглашусь ради учения, – тема для размышления о том, как далеко может простираться, не причиняя более серьезного вреда ребенку, эта уступчивость, не следует ли ее ограничить.

Несколько недель тому назад теленок находился как-то на привязи в проходе хлева. Место непривычное. Жак думал, что теленок не привязан. Я показал ему веревку, которой был привязан теленок. Напрасно. Он плакал от страха и ни за что не хотел остаться. После этого как-то я не позволил ему идти в хлев. “Я не буду плакать, теленок привязан, идем, папа! Милый папа, я буду отвечать урок в хлеву”.

В свободной аудитории природы ты поведешь за руку своего сына, ты будешь учить его в горах и долинах. В этой свободной аудитории природы он будет прислушиваться к тому, как ты будешь вести его к искусству. Трудности изучения языков и землемерия будут заменены для него свободой. Но в эти часы свободы природа да будет более учителем, чем ты. Если ты в эти часы будешь учить его чему-нибудь другому, то радость по поводу твоих успехов в искусстве его обучать не должна настолько увлечь тебя, чтобы не позволить ему всецело наслаждаться природой, когда окружающие предметы отвлекают ребенка от твоих искусственных уроков. Пусть он почувствует это, почувствует до конца, что здесь учит природа. Ты же должен со своим искусством тихо, почти крадучись следовать за природой. Когда птица очаровательно щебечет и когда червяк, только что появившийся на свет, ползет по листу, прекрати упражнение в языке. Птица учит, и червяк учит больше и лучше. Молчи!

Но во время тех уроков, которые специально отведены образованию необходимых навыков, не позволяй никому метать твоей совместной работе с ребенком.

Таких уроков должно быть немного, и они многократно будут заменяться, но серьезность должна всецело господствовать в это время. Всячески старайся не допустить, чтобы что-либо развлекающее прерывало занятия и отвлекало внимание ребенка во время этих уроков. Если такие помехи все же будут возникать, то их следует раз и навсегда самым решительным образом устранять. Никакого намека на надежду, что можно уклониться от этой необходимости. Эта надежда могла бы поселить беспокойство, убеждение же в том, что нельзя ускользнуть, заставляет забыть о желании сбежать. В этом случае природа

ребенка, его стремление к свободе должны быть, во что бы то ни стало сдержаны.

Пусть это будут часы без надежд, тогда это будут часы без беспокойства. Один мудрый человек сказал мне: “Хорошие монахи бывают только в монастырях, где соблюдается строгое и неумолимое затворничество без всяких надежд на его смягчение. В то же время в монастырях, где допускается больше свободы, бедствия господствуют в гораздо большей степени, так что эта разница бросается в глаза”. Человек, желания которого подавляются, может при помощи упражнения научиться преодолевать себя. Но жить между страхом и надеждой, которая подвергается строгому подавлению, и надеяться не на путь свободы, а на окольные пути, чувствовать опасность, питать надежды в душе, полной страха,— это смертельный яд и хуже цепей.

Поскольку свобода ваших детей должна быть подавлена ради их подготовки к исполнению общественных обязанностей, она должна быть подавлена до конца и без всяких надежд. Таким образом, им станет легко преодолевать себя и пользоваться той более широкой свободой, которую вы можете им потом предоставить полностью, уничтожить насилие подавления, которое только вначале является насилием. После этого то большее, которое перевешивает, определит характер. Частые радости даже при небольшом преодолении и подавлении порождают силу и настойчивость. Усиление же подавления лишает мужества, редкие радости утрачивают влияние из-за того, что подавленность духа и слабость перевешивают: характер определяется теми впечатлениями, которые сильнее и которые количественно преобладают. Более слабые впечатления, количество которых меньше, теряют свою силу воздействия благодаря большему числу более сильных впечатлений. В этом заключается возможность исправления ошибок в воспитании и ложность неприменимого принципа, утверждающего, что отдельные, случайные, немногие впечатления могут разрушить все здание хорошего воспитания.

Упрямство Жака велико и проявляется с большой силой. Я применил против этого сегодня несколько наказаний. Он дошел до того, что сам захотел взять кусочек ячменного сахара не из моего рта, а только из рук, и разразился сильным гневом, когда я, сжав крепко обе его руки, приблизился с куском сахара к его рту. Я спокойно съел сахар.

Мне следует остерегаться самодурства, повседневного применения наставительного тона, который, слава тебе господи, тоже появляется.

Больше заботы о смене игры и учения, больше заботы о том, чтобы не тормозить свободу без необходимости, чтобы более точно определить время, предназначенное для обязательной работы, для того чтобы остальное учение не сохраняло видимости работы.

Я учил его держать мел в руке. Хотя это мелочь, но я ни разу не должен допустить, чтобы он держал его неправильно.

18-го. Л. Ор. Ч. Рисование. Я много гулял с ним сегодня. Как слабо еще у меня умение использовать различные положения и обстоятельства для различных возможных целей. Мама встретила Циммермана и требовала с него долг. “Мама,— сказал Жак,— не мучь Циммермана”.

19-20. Необходимость избегать наставительного тона, педантизма затрудняет меня. Как найти мне границу между свободой и послушанием, раннее приучение к которому необходимо в общественной жизни.

Основания  
для свободы

Основания  
для послушания

Всякое подавление свободы вызывает сопротивление в душе ребенка.

Опыт показывает, что дети, особенно сдерживаемые, компенсировали Подавление свободы воли необузданностью.

Невозможно обуздывать волю ребенка, не возбуждая различные страсти.

Соединенная с мудростью, воспитывает зоркий глаз и чуткое ухо.

Свобода вливает покой, хладнокровие и радость, в сердце; ребенка. Предпосылкой этой полной свободы является такое руководство, которое делает ребенка целиком зависимым от природы вещей, но только от нее, а не от произвола человека.

В чем же ошибка? Истина не является односторонней. Свобода – благо, но послушание – также благо. Нам необходимо связать то, что Руссо разъединил. Убежденный во вреде, причиненном неумным подавлением, которое приносило человеческие поколения, он не сумел найти границ свободы.

Сделаем применимой мудрость его принципов. Учитель, будь уверен в хороших сторонах свободы. Не увлекайся суетным желанием производить незрелые плоды. Пусть твой ребенок будет свободен, как только он может быть свободным. Используй всякую возможность, чтобы дать ему свободу, покой,

Без него невозможно никакое воспитание, так как мы ни при каких обстоятельствах, даже самих благоприятных, ни разу не можем позволить ребенку самовольства.

Существует множество быстро действующих обстоятельств, когда необузданная свобода может причинить смерть ребенку.

В общественной жизни необходимы умения и навыки, которые нельзя воспитать при неограниченной свободе.

Страсти не уничтожаются свободой, их развитие только задерживается. Эмиль из тщеславия старается перехитрить фокусника.

И сам Руссо говорит об опасности тяжелых характеров, их нужно сдерживать с раннего детства таким способом, который предполагает общественную зависимость людей. На многих в молодости пришлось наложить цепи только потому, что им в детстве была дана полная свобода.

спокойствие духа. Не учи его при помощи пустых слов ничему, решительно ничему, чему ты можешь научить его при помощи воздействия внутренней природы вещей.

Пусть ребенок видит и слышит и делает открытия, пусть он падает и подымается и ошибается. Никаких слов, где возможны действия и поступки. Пускай он сам делает то, что он сам может делать. Ты увидишь, что природа лучше учит его, чем люди. Но, когда ты находишь, что его надо приучить к послушанию, то приготовься тщательно сам к тому, чтобы воспитать его для исполнения этого трудного долга в условиях свободного воспитания.

Помни, что всякое подавление порождает недоверие и что труд твой потерян, если оно пустит ростки. Итак, старайся овладеть душой твоего ребенка, постарайся стать ему необходимым. У него не должно быть более приятного, более живого товарища, чем ты, и никого, кого бы он хотел больше видеть около себя, когда ему хочется веселья. Ребенок должен доверять тебе. Если ему часто хочется того, что не заслуживает твоего одобрения, скажи ему о последствиях и предоставь ему свободу, но сделай так, чтобы последствия были весьма ощутимы для него. Указывай ему всегда правильный путь! Если он уклонится с *этого* пути и увязнет в грязи, вытащи его. Ребенок должен привыкнуть к тому, что ты тысячу раз предупреждаешь его и что он попадает благодаря своей необузданной свободе в неприятное и даже очень неприятное положение, когда он не следует твоим предостережениям. Руководя обстоятельствами, ты достигнешь того, что он привыкнет понимать связь между природой вещей, которую он почувствовал, и твоими советами и предостережениями. Тогда при наличии сотни причин, всегда располагающих его к доверию, преобладание недоверия из-за *необходимости ограничения его свободы* станет невозможным. Он должен подчиняться мудрому руководителю, отцу, который правильно предостерегает его, но руководитель должен приказывать в случае необходимости. Он должен приказывать, исходя не из своего настроения и тщеславия, – никакое стремление к ненужному знанию не должно исказить его приказов.

Когда вам нужно приказывать, то ждите, если можете, повода, когда природа вещей сделает ощутительной ошибку ребенка и когда он уже подготовлен благодаря последствиям своей ошибки к естественному восприятию необходимости приказа. Так, например, когда я хочу отучить ребенка от неприятной привычки трогать все предметы, я иду следующим путем. Я ставлю на стол два сосуда: один с холодной водой, другой с кипятком. Я мою руки в сосуде с холодной водой, а другой сосуд ставлю так, чтобы ребенок наверняка попытался дотронуться до него и обжег бы руку. “Не надо трогать того, что тебе незнакомо”, – это все, что я говорю, когда смазываю ему ожог маслом. Несколько дней спустя я снова ставлю на стол горячие яйца. Он снова схватит их и снова обожжется. В таком случае я говорю: “Я не хочу, чтобы ты каждый раз обжигался. *Оставь в покое вещи, с которыми ты не знаком, и спрашивай меня, можно ли тебе трогать то, что стоит на столе*”. При такой подготовке я не подвергаюсь опасности потерять его доверие. Но

после этого я уже действую при помощи запрещения: “Не трогай больше того, что стоит на столе”.

Я чувствую, однако, что как бы ни была хороша эта подготовка, она не всегда возможна. Мне думается, что если учитель в большинстве случаев действует с такой подготовкой и с такой заботой, то лишь меньшее число случаев останется у него без результатов. Он может в огромном большинстве возможных случаев и в целом, действуя с уверенностью, далекой от всякого произвола, добиться, чтобы немногие приказы, которые нельзя таким образом подготовить, не оставили в сердце ребенка, полном доверия, нежелательного следа. В этих приготовлениях к обязанностям, привычкам и навыкам общественной жизни столько требуется усилий воли, трудного и притом абсолютно необходимого, что я считаю невозможным воспитать полезного гражданина, не приучая его, например, с ранних лет к работе. В приготовлениях к обязанностям содержится многое, чего ребенок теперь еще не совсем понимает и усвоение чего не может быть достигнуто на основе принципа, согласно которому можно браться только за то, что ребенок считает необходимым для себя в данный момент. Что же остается делать?

Я заранее допускаю, что ты всей душой старался приобрести доверие ребенка, что ты ему необходим в его радостях, что в твоём характере нет склонности к приказам, диктуемым произволом. Тогда приготовь старательно и мудро ребенка к подчинению необходимости. Пусть долг и послушание станут для него радостью! Я говорю тебе: не проявляй слишком большой поспешности в отношении многознайства нашего века. При пользовании радостями свободы ты должен иметь под рукой работу, имеющую для ребенка самые приятные и увлекательные стороны. Тщательно наблюдай, не перегружай, – вперед, к радостному труду! Ты должен принимать такое же участие в его радости, какое он принимает в твоей работе; постарайся, чтобы все условия, вместе взятые, действовали так, чтобы сделать послушание и работу приятными. Выбирай из всех человеческих знаний самое легкое, обладающее наибольшей привлекательностью для детей, чтобы приучить ребенка к работе, требующей от него определенной усидчивости.

Твоей путеводной нитью должна стать его склонность к подражанию. У тебя в комнате есть печь – срисуй ее.

Если твой ребенок и не сумеет в течение года нарисовать прямоугольник, он все же приучится сидеть за работой. Сравнение математических фигур и величин служит материалом для игр и обучения мудрости. Работа в собственном саду, собирание в нем растений, тщательное, с соблюдением известного порядка, точности и старания, собирание куколок и жуков, и их сохранение – какая это прекрасная подготовка к общественной жизни! Какая гарантия против лени и дикости! И как далеко все это от *познаний*, предназначенных *не для детей*, которые должны читать почти только в книге природы.

Чем меньше работы по приказу и чем больше труда ты даешь себе, чтобы сделать твой приказ приятным, тем с большей необходимостью возникнут результаты этих приказов: долг и послушание должны быть связаны

неразрывными узами и вести к радости. Все же в немногих случаях человек должен слепо повиноваться.

Важное замечание по поводу того, как нам добиться послушания, сводится к тому, что не должно быть никакой неясности в отношении того, что запрещено. Нужно совершенно точно знать, что запрещено. Ничто не вызывает у ребенка такого раздражения и недовольства, как то, что его наказывают за незнание как за проступок. Кто наказывает невинность, тот утрачивает любовь. Мы не должны воображать, что ребенок сам может догадаться, что может быть вредным и что для нас является важным...

### **Просьба к друзьям человечества и покровителям о милостивой поддержке учреждения, имеющего задачей дать бедным детям воспитание и работу в сельской местности**

Я обращаюсь к друзьям человечества и покровителям с просьбой о поддержке учреждения, дальнейшее содержание которого в настоящее время непосильно для меня одного.

Уже давно мне представлялось возможным, чтобы дети с ранних лет зарабатывали себе на пропитание при незначительном труде и благоприятных условиях; это осуществимо там, где могут быть отпущены некоторые авансовые суммы на обзаведение и затраты по обучению и где возможно обеспечение недорогого помещения и небольших расходов по содержанию. Я считал чрезвычайно важным для человечества тщательное исследование этого вопроса путем ряда опытов.

Я видел в одной бедной местности жалкое состояние детей, нанятых в услужение из других деревень; я видел, как гнетущая черствость своекорыстия губит телесно и духовно почти поголовно всех этих детей; я видел, как многие из них, лишённые бодрости духа, лишённые жизни, чахнут, не будучи в состоянии сделаться полезными для себя самих и для отечества.

Я считал состояние своих владений в Кенигсфельдене подходящим, чтобы предпринять там несколько опытов в этом столе, близком моему сердцу деле; тогда, казалось мне, я бы обеспечен поддержкой, которой мне не хватает в настоящее время. Между тем свыше, чем годовой опыт показал, что мои взгляды и надежды могут после преодоления некоторых трудностей получить осуществление.

Я убедился на опыте, что постоянное употребление самой простой пищи: картофеля, свеклы и немного другого – при разумном чередовании является, даже при малом количестве хлеба, вполне достаточно для здоровья и хорошего роста. Я убедился также на опыте, что причиной задержки роста и развития беднейшей молодежи является не труд ранний или поздний, а беспорядочная жизнь, частый недостаток самого необходимого, поспешное и чрезмерное пользование редкими наслаждениями, а еще более – необузданно разгорающиеся страсти, дикость, постоянное беспокойство, дурное настроение и подавленное состояние духа – таковы истинные причины задержки роста и здоровья молодежи, а не регулярный труд.

Я убедился на опыте, что дети самого подавленного состояния духа, бледные и немощные в своем безделии и нищенстве,— эти самые дети при непривычном для них, но регулярном труде очень быстро приобретали бодрое настроение и поразительную прибавку в росте единственно благодаря перемене условий жизни и устранению причин, возбуждающих страсти.

Я убедился, что эти дети из темной глубины своей нищеты очень быстро становились способными подняться до чувств гуманности, доверия, дружбы; я убедился, что человеколюбивое отношение поднимает душу самого низкопавшего человека; я видел, как глаза несчастного, заброшенного ребенка загорались благодарным удивлением, когда после жестоких испытаний жизни мягкая человеческая рука протягивалась ему на помощь, и я убедился, что такое переживание ребенка, пребывающего в глубокой нищете, имеет решающие последствия для его нравственности и дальнейшего развития. Опыт показал, что совместная жизнь детей при определенном порядке и руководстве благоприятствует всякому полезному развитию, что совместная жизнь значительно облегчает содержание детей и поднимает их рвение к труду.

Для меня не подлежит сомнению, что я мог бы достигнуть поистине больших и полезных результатов, если бы хватило моих сил. Я достиг бы полного развития, достаточного для малотребовательного нас много рабочего, достиг бы спасения детей, оставленных на самой низкой ступени человеческого состояния.

Покинутого сына, растущего бродягой, быть может негодяем, дочь, лишенную поддержки и руководства, обреченную на безбрачную жизнь в нужде, неизбежно почти погибшую для себя самой и для отечества,— вот кого я хотел спасти, воспитать для полезной деятельности. Дешевые условия моей сельской жизни и некоторые другие обстоятельства, казалось, благоприятствовали этим моим надеждам. Но, к несчастью, с этой вполне скромной и вполне достижимой воспитательной задачей я соединил более широкие торговые и фабричные планы. С непростительным легкомыслием вовлеченный на пути, дотоле не ведомые, обманутый в своей доверии, втянуты сразу в слишком много дел и также сразу, к огромному ущербу моих дел, лишенный большой поддержки, на продолжительность которой, казалось, с уверенностью мог рассчитывать, я внезапно обнаружил, что дела мои запутаны, и понял, что мне необходимо спешно отказаться от всех торговых и фабричных планов; и я вернулся, надо надеяться, не слишком еще поздно, к своему счастью, к первоначальной, более простой идее содержания у себя детей, не связывая этого ни с какими широкими предприятиями. Но и этого я не могу осуществить в настоящее время без поддержки, и я повергаю к стопам человеколюбивых жертвователей следующий план.

Я прошу друзей человечества и покровителей сказать мне милостивое доверие и ссужать мне ежегодно в течение шести лет небольшое количество гульденов.

Этот милостивый заем, который я благодаря Вашему доверию буду получать в течение шести лет подряд, обязуюсь выплачивать, начиная с десятого года, ежегодно вперед за каждый год, и я надеюсь, что к тому времени

смогу благодаря подготовленности рабочих с легкостью производить эти выплаты.

Со своей стороны, я обещаю по достижении конечной цели этой поддержки посвятить все свое время и все свои силы, оставив все прочие дела, воспитанию таких бедных покинутых детей. Я обещаю устанавливать количество принимаемых детей в соответствии с количеством и размером получаемых ссуд. Я обещаю обучать этих детей чтению, письму и счету. Я обещаю дать всем мальчикам, поскольку лишь позволят обстоятельства моей жизни и мои знания, необходимые сведения по земледелию. Я разумею под этим обучение способам извлечения из малых участков земли путем хороших методов обработки значительного количества продуктов. Я обещаю ознакомить их с различными способами возделывания лучших кормовых трав и с искусными методами приготовлений удобрения и увеличения его разными способами при различных обстоятельствах; я обещаю научить их путем продолжительной опытной работы разбираться в различных видах почвы и понимать важнейшие последствия разумного смешения этих почв; я обещаю произвести с ними необходимые опыты относительно употребления и свойств мергеля и относительно последствий длительного употребления гипсового удобрения, результаты которого еще не определились; я берусь также дать им некоторые познания по посадке и уходу за плодовыми деревьями и, быть может, некоторыми лесными деревьями; я предполагаю, однако, организовать все это в соответствии с состоянием и потребностями моих собственных владений таким образом, чтобы опыты не носили исключительно учебного характера, а отвечали насущным потребностям моего дома и владений и в связи с этим не стоили бы дорого. Так же точно потребности дома дадут возможность легко и естественно ввести девочек постепенно в работы по домоводству, научить их шитью и уходу за садом.

Главной работой в доме будет тонкое хлопчатобумажное прядение.

Я обещаю обеспечить всем детям здоровое содержание – пищу, одежду, постель и жилище; в отношении здания и устройства я произвел уже значительную часть издержек.

Я обещаю уделить большое внимание религиозному обучению детей и приложить все старания к тому, чтобы сделать их сердца радостными и отзывчивыми.

Мне остается что прибавить, что трактом, на котором я основываюсь, является прекрасное состояние здоровья двадцати живущих и работающих у меня детей. Их веселое настроение, превосходящее все мои ожидания, их бодрое состояние духа при постоянной работе, их кроткая чувствительность и привязанность являются утешением и надеждой для моего будущего.

Я буду покорно просить милостивых покровителей этого предприятия и, прежде всего, благородного, высокочтимого господина Мюллера из Марненса, правящего в Кенигсфельдене, которому я по долгу обязан отдавать отчет о своих учреждениях, а также благородного, высокочтимого господина фон Граффенрида из Вильденштейна, который первый поддержал мой теперешний план сонетами, помощью и рекомендациями, и еще благородного,



высокопочтимого владельца поместий господина Зффингера из Вильдегга, расположением и добротой, которого я пользуюсь, – низжайше я прошу их всех установить непосредственно или через доверенных лиц наблюдение за выполнением моих обязательств; и я торжественно объявляю, что если мною будет проявлена нерадивость в выполнении какой-либо части моих обязательств или если я отвлекусь какими-либо другими делами от выполнения этих моих обязанностей, то с этого мгновения я должен лишиться всякой дальнейшей поддержки. Всем друзьям и покровителям учреждения я буду ежегодно давать краткий отчет о его состоянии, о количестве и условиях жизни детей и о большем или меньшем осуществлении моих надежд и намерений, а через несколько лет, когда учреждение окрепнет и достигнет надлежащего развития, я публично выражу этим друзьям человечества и покровителям свою признательность.

Друзья человечества! Будете ли вы так милостивы, чтобы, несмотря на многие мои ошибки, несмотря на опрометчивость, коей я сам себе повредил, все же оказать мне доверие, поддержать и защитить учреждение, находящееся на краю большой опасности, но способное оправиться после всех ошибок и дать хорошие результаты?

## **Письма г-на Песталоцци к г-ну Н. Э. Ч. о воспитании бедной сельской молодежи**

### **Письмо первое**

Мой благородный господин! Что сказать в ответ на ваши “Грезы”?

Могу только пожелать, чтобы всемогущий приблизил нас к тем дням, когда владетельные господа с той же мудростью, что и Вы, будут оказывать помощь бедным, к тем дням, когда богатый не будет больше забывать бедных и люди не дадут своему роду хиреть в путах ничем не сдерживаемой Нужды.

Как бы с неба упавшее учреждение сверкает, как кроткое благословение Божие в тихо падающей росе прекрасного субботнего утра. Дети этого учреждения, воспитанные для блаженного покоя жизни, для бога, воспринимающие с искренним наслаждением красоты природы, вливают в самом чистом виде учение мудрейшей простоты, – эти дети силой и красотой должны подняться выше своего века. Прекрасная возвышенная простота Вашего дома – какое возбуждение для моего сердца, желания коего всегда свыше его сил! Но я не могу поддаваться этому возбуждению и стремиться ввысь, хотя оно и ослепляет мои глаза. Я должен идти своим путем, путем человека, не имеющего права мечтать.

Вот уже три года, как я работаю над тем, чтобы по мере своего положения и своих возможностей удовлетворить Вашу мечту. Но, увы, как незначительно еще то начало, которого я достиг, как медлительны путь к конечным целям, с какими почти непреодолимыми трудностями приходится бороться в этой области, в которой не имеешь предшественников, не имеешь путеводителей. В этой столь важной для человечества области друг людей в

современном просвещенном веке блуждает, как в темной пустыне по неиспытанным путям.

Я всегда считал приют для бедных чрезвычайно важным для воспитания сирот. Бедняк большей частью беден потому, что он не приучен работать для удовлетворения своих потребностей; из этого следовало бы исходить. Конечной целью при воспитании бедных должно быть наряду с общим воспитанием человека приспособление их к своему положению. Бедняк должен быть воспитан для бедной жизни, и в этом пробный камень учреждения для бедных. Воспитание бедных требует глубоких, точных знаний потребностей, затруднений и условий жизни бедноты; необходимо детальное знание их вероятного будущего положения, так как общепризнанной истиной является тот факт, что каждое сословие людей должно приучить свою молодежь к преодолению тех ограничений, препятствий и затруднений, с которыми ей предстоит встретиться в позднейшие годы. Мне кажется, что самым существенным моментом ученичества в каждой профессии являются упражнения в преодолении трудностей этой профессии, в терпении и подавлении всех желаний, которые могли бы препятствовать непрерывному выполнению будущих главных обязанностей. Эту общую истину я считаю особенно важной в деле воспитания бедных для самих трудных профессии в жизни. Друг человечества должен спуститься в самую жалкую хижину нищеты, он должен видеть бедняка в его темной комнате, его жену в дымной кухне его ребенка при почти непосильном каждодневном труде. Это та хижина, в которой в будущем предстоит жить ребенку, воспитываемому в общественном учреждении; его жена должна будет, вероятно, хозяйничать в такой же кухне, с таким же скудным количеством утвари, с такой же однообразной пищей; единственным источником существования семьи будет тот или другой тяжелый труд. Если бы дети оставались в этих бедных хижинах у бедных родителей, они неизбежно привыкли бы ко всем ограничениям в такой мере, что не чувствовали бы их тяжести, они могли бы спокойно и счастливо жить при этих затруднениях. Хорошее воспитательное учреждение не должно лишить их этого спокойствия, а это случилось бы, если бы друг человечества, желающий воспитывать бедных детей, недостаточно был знаком с бедностью и способами помощи ей, если бы при руководстве учреждением для бедных он не имел постоянно в виду, что эти дети будут бедняками, что для добывания себе средств к существованию они должны будут приспособиться к тем местным условиям и возможностям, которые предоставляются в том или другом округе бедному населению. Он должен считать главнейшей задачей своего учреждения развитие в детях тех умений, которые на месте их жительства могут в будущем явиться важнейшим источником их существования; он должен заботиться о том, чтобы при воспитании детей трудности низших видов труда не были бы им чужды, тягостны, противны; он должен живо сознавать, что весь успех воспитания зависит от бережного отношения к доходу от труда, от умения ограничиваться во всех жизненных потребностях. Послушание, податливая скромность, гибкая приспособляемость, навыки в спокойном и умелом исчислении доходов от различных видов заработка бедняка – вот

важнейшие знания, которые должны быть даны ребенку. Эти знания или, вернее, умения, возместят ему бедность. Его гибкая приспособляемость, его подготовленность к различным видам труда будут его преимуществами перед более имущим при добывании заработка. При сопоставлении проектов и планов воспитательного учреждения необходимо исходить из будущего положения и потребностей детей и иметь в виду, что учреждение должно явиться учебным местом для развития умений и навыков, соответствующих будущему положению воспитываемых детей. Необходимо остерегаться ошибок при учете последствий; спокойствие, наслаждение, доброта не ведут к активности, довольство не ведет к поискам, учение о долге, благодарности само по себе не делает еще человека работающим, чувствительные мечты о добре не делают человека сильным, и хорошо преподаанный катехизис не возмещает тех трудностей, с которыми встречаются дети, попадающие из хороших условий благотворительности на тяжелую работу бедняка. Отнюдь не следует думать, что работы нетрудные, не требующие постоянного преодоления многих препятствий, являются настоящей школой для бедняка. Он должен привыкнуть переносить те трудности, с которыми связана та или иная работа. Это значит, что в одном случае он не должен бояться сырости погребов, где производится прядельная работа, в другом – он должен привыкнуть к хлопчатобумажной пыли либо не гнушаться противного жира шерсти; тут приходится выносить отвратительный запах навозной лужи, там сквозняки; сырость или духота спертого воздуха не должны вредно влиять на его здоровье. Комната, в которой он воспитывается, должна по возможности походить на его будущую жилую комнату; в тесной рабочей комнате он должен научиться приспособляться к желаниям других; какая бы ни была его постель, жесткая или мягкая, отдельная для него или разделенная с другим, он должен к ней привыкнуть, приспособиться; но никогда этого не будет, если он будет иметь всегда свою особую, мягкую и теплую постель.

Мой благородный господин Я знаю, что Вашему кроткому сердцу, полному мягкой доброты, эти рассуждения покажутся жестокими, но я прихожу в ужас от жалкого состояния несчастных людей, погибающих от неразумной благотворительности; я вижу, как они под бременем непривычной нужды в слезах несут свой труд, в слезах едят свой хлеб, я вижу, как они всю жизнь чахнут, подобно хилым детям.

Верьте, и мое сердце полно искренней теплоты, полно стремления к благу, к возможно большему благу для этих несчастных покинутых; но я усматриваю это благо только в приучении к строжайшим ограничениям, в тщательном развитии, в деятельном промышленном труде, соединенном с серьезными длительными упражнениями, в преодолении тех трудностей, которые имеются в профессиях, распространенных в той или другой местности среди бедноты. И Вы, мой господин, в своих письмах указывали на необходимость ограничения и усердия как на основу Вашего учреждения, но Вы воспитываете Ваших бедных для Вашей местности, где земледельческий труд является важнейшим средством существования для бедноты.

Имеются ли, однако, теперь общественные учреждения, где развивается надлежащим образом эта смысленность, этот дух разумного деятельного трудолюбия, где всего вернее обеспечивается достижение этой конечной цели и где уделяется достаточно внимания развитию этих важнейших для бедноты навыков?

Мне кажется, что в самой природе богатых общественных учреждений заключаются причины совершенно обратных явлений или, во всяком случае, имеются весьма опасные возможности.

Излишней щедростью, спокойным, беспечным насыщением всех потребностей эти учреждения убивают зародыши трудолюбия и пытливости. Они не обращают внимания на развитие тех навыков, которые у ребенка бедноты, естественно, развиваются благодаря нужде, и в большинстве случаев от этих богатых воспитательных домов государство приобретает только питомники не подготовленных к производительному труду людей – людей, которые благодаря привычке к спокойной, сытой, уравновешенной жизни не в состоянии переносить впоследствии ограничений, коим подвержен низший класс людей, и в то же время не вооружены никакими навыками, чтобы подняться на высшую ступень, – людей, которые часто из одного общественного учреждения – сиротского дома – попадают в другое – в больницу. Эти верные наблюдения привели к общему мнению, что бедняк нигде не получает столь плохого воспитания, как в общественных учреждениях. Знатные люди, крупные богатые основатели таких учреждений не знают положения и нужд бедняка; внешняя красота этих учреждений ослепляет тщеславие людей, и настоящие конечные цели не выполняются. Какой же выход из этого положения? Возможно ли улучшить эти общественные учреждения? Возможно ли ввести в них дух строгого, необходимого трудолюбия? Возможно ли эту точную, щепетильную бережливость, эти настойчивые упражнения в самых трудных низших видах деятельности положить в основу таких общественных учреждений, высокие основатели коих в своем спокойном богатстве не знают нужд бедноты и настоящего существа низших видов труда, – учреждений, непосредственные руководители коих, нанятые за плату, поставлены в хорошие условия и имеют подчиненный им обслуживающий персонал? Богатство и изобилие таких домов не только не побуждает их руководителей к бережливости и точности, а, наоборот, предоставляет им все возможности к беспорядочности, мотовству, воровству. Возможно ли преодолеть все перечисленные трудности и достигнуть тут все же действительных результатов, требуемых от хорошего учреждения для бедных? Я не решился бы сказать окончательно “нет”: силы людей, желающих добиться чего-либо, не имеют границ, и да здравствует тот великий человек, который приложит свои силы к спасению самого прекрасного учреждения, имеющегося у людей, – общественного сиротского дома, который сумеет преодолеть все трудности, чтобы удовлетворить действительным потребностям бедняков. Но такой благородный человек является *rari nantes in gurgit vasto*, так же как и мудрый анабаптист и философ-крестьянин, о которых Вы мечтаете. И я не хотел бы основывать серьезное исследование

возможностей создания хорошего воспитательного учреждения для бедных на предполагаемой удаче найти таких людей. У меня имеются совершенно другие мысли относительно способов достижения в этом деле успешных конечных результатов: я полагаю, что самыми естественными, простыми и верными воспитательными учреждениями были бы те, которые организуются частными лицами в соединении с какой-либо промышленностью, и об этом я хотел бы, мой благородный господин, в нескольких письмах поделиться с Вами своими мыслями и имеющимся у меня некоторым опытом.

Если Вы теперь утомлены уже моей болтовней, я охотно замолчу по первому Вашему указанию, но, если Вы разрешите мне продолжать, я также охотно повинуюсь Вашему распоряжению.

Пока примите мою искреннюю благодарность за доброту, с которой Вы ответили на мою просьбу в Берне, особенно за милостивое пожертвование для моего учреждения, полученное мною от Вас через благородного господина фон Граффенрпда из Вильденштейна. Мое обязательство Вы получите через вышеназванную господина, и я прошу Вас верить мне, что я наидобросовестнейшим способом использую Ваш дар.

Разрешите еще просить Вас не лишать и впредь мог учреждение Вашего расположения и оказывать ему Вашу высокую милостивую поддержку. Несомненно, что конечная цель, которой я добиваюсь, преодолевая сотни затруднение!, достойна Вашего внимания, и последствия

Вашей благородной доброты, которой я пользуюсь, могут оказаться чрезвычайно важными.

Простите несобранность этого письма и небрежность его внешнего оформления: я так сильно занят, что не нахожу времени написать письмо начисто.

Остаюсь с глубоким уважением и благодарностью

Ваш покорный слуга *И. Г. Песталоцци.*

## **Письмо второе**

Мой благородный господин!

Я продолжаю излагать Вам свои взгляды о воспитательных домах для бедных детей. Если я ошибаюсь, направьте меня на путь истины.

Но если эти столь важные для человечества перспективы, к которым я стремлюсь, верны, то мне утешением служит то, что Ваше сердце создано для поддержки всего хорошего. Я говорил уже, что самый естественный, самый верный путь для создания воспитательных учреждений для бедных детей заключается в том, чтобы основываться на действительных способностях подрастающего поколения к производительному труду и соединить такие воспитательные учреждения с производством.

Возможно ли это? Есть ли действительно основание предполагать, что способности к производительному труду подрастающего поколения могут служить исходным моментом при организации воспитательных учреждений? И если это возможно, если правильно подчинить воспитание бедных духу

индустрии, какое влияние будет иметь соединение промышленности с воспитательными учреждениями на домашний быт воспитанных таким образом бедняков, на их нравственность, на их физическую силу, на состояние сельского хозяйства?

Это важнейшие вопросы, которые необходимо осветить. Я хотел бы, чтобы мне удалось это сделать с надлежащей тщательностью и беспристрастностью. Я отнюдь не стремлюсь к тому, чтобы установить на этот счет какое-либо особое мнение,— я хочу только найти наилучшие способы и пути к осуществлению и достижению целей, столь важных для человечества. Вы должны будто простить, если в мое изложение по причине моей загруженности делами вкрадутся неточности или если подчас я буду говорить не обстоятельно, а только делать намеки,— ведь я лишь урывками мог найти время для своего изложения.

Возможность соединения на очень ранней ступени воспитательных задач с промышленной деятельностью неопровержима; достаточно вспомнить, с какого раннего возраста городские дети начинают шить и вязать, а деревенские — прядь хлопок. С шести лет начинается уже пригодность детей к индустрии, и до восемнадцати лет эта пригодность возрастает. Эта пригодность к производительному труду должна при воспитании бедных, возможно, раньше быть использована, так как это вполне соответствует самым разумным воспитательным принципам.

Допустим теперь, что созданное в Ваших “Грезах” воспитательное учреждение хотело бы использовать эту способность к заработку своих двадцати пяти детей только для хлопчатобумажного прядения; выручка от работы этих двадцати пяти детей выразилась бы примерно в следующем:

	Батцены	Крайцеры	Итого
10 чел. в возрасте от 7 до 8 лет в день	1	—	10 батценов
5 » » » 10 лет » »	1	2	7 батценов и 2 крайцера
5 » » » 12 » » »	2	—	10 батценов
5 » » » 15 » » »	3	—	15 »

Ежедневная выручка — 42 батцена и 2 крайцера, что составляет 25 ливров и 5 батценов в неделю, 1326 ливров в год,— обычный заработок детей этого возраста в местностях, где хлопчатобумажное прядение доведено до определенной степени тонкости и где дети приучаются к такому труду. Если предположить теперь, что обычные домашние работы по хлопчатобумажному прядению будут заменены совместной фабричной работой, достигающей при наличии обучения более тонкого и более высокого качества, то несомненно, что размеры выручки при этих условиях значительно возрастут. Я предполагаю также, что при совместной работе можно было бы избежать значительной потери времени. Дети, приученные к фабричной работе, могли бы достигнуть совершенства, которое при иных условиях трудно приобрести. При совместном, легко руководимом труде, все мельчайшие детали которого легко

поддаются учету, возможно достижение таких заработков, на которые никогда не мог бы рассчитывать фабрикант при распыленности рабочих в разных местах.

Мне кажется, что эта возможность наблюдения за точностью изготовления товара должна чрезвычайно благоприятно отразиться на улучшении и уточнении качества продукции.

Допускаю, что если бы этих специально подготовленных рабочих, сработавшихся между собой, прикрепить на некоторое время к предпринимателю, то последний достиг бы поразительных результатов. Вас пугает слово “прикрепить”, но я все же думаю, что не исключается возможность и при определенных обстоятельствах целесообразность того, чтобы предоставить бедных детей на несколько лет предпринимателю, который вырвет их из нищеты. Вне сомнения тот факт, что фабрика, которая обеспечит своим рабочим необходимый минимум существования в местности, где условия жизни недороги, и оградит себя от текучести рабочей силы до тех пор, пока прирост молодых рабочих сделает нечувствительным уход стариков, – такая фабрика будет вне всякой конкуренции.

Вне всякой конкуренции оставались бы такие фабрики и в том случае, если бы они обеспечили также своим рабочим все соответствующие их сословию удобства жизни. Это общие, но верные положения, лежащие в основе мощности и доходности руководимого таким образом фабричного предприятия.

Но к тем конечным результатам, к которым я стремлюсь, необходимо идти вполне уверенным путем. Я хочу более детально исследовать возможности заработка подростков. Я хочу установить неопровержимые показатели и выявить условия и обстоятельства, подтверждающие с несомненностью правильность моих предположений.

Делаю следующее предположение.

Какой-нибудь человек предлагает нескольким общинам одного округа забрать у них в течение шести лет сто детей, лежащих бременем на общинах, в таком порядке: первый год – двадцать пять детей, второй год – пятнадцать и следующие четыре года и пятнадцать до общего количества сто человек. При этом я предполагаю, что он обязуется принимать преимущественно детей, имеющих физические недостатки (хромых, слабых, но отнюдь не чахоточных), детей казненных, заключенных в тюрьмы, изгнанных из страны преступников, – вообще таких, которые не имеют семейного очага, и из таких мест, где в них не нуждаются для крестьянских услуг. Если бы он взял на себя подготовить этих детей к какому-нибудь индустриальному труду, могущему иметь приложение в данном месте и находящемся в соответствии с уже существующей там промышленностью; если бы общины в свою очередь обязались перед предпринимателем, что до определенного, установленного возраста ни один из этих подготовленных рабочих без какого-либо значительного основания, без распоряжения правительства не может быть ими у него отнят, – при таких условиях, какой возможен был бы результат, какой доход получился бы от этого предприятия?

Предполагаю, что фабрика, организованная для этой цели, сумеет с легкостью получить от работы каждого:

8-летнего ребенка	1	батцен в день
10 » ».....	1 $\frac{1}{2}$	батцена » »
12 » ».....	2-2 $\frac{1}{2}$	» » »
14 » »	3-3 $\frac{1}{2}$ »	» » »
15 » »	4-4 $\frac{1}{2}$	» » »
16 » »	5	батценов »

Если насчет этого существуют какие-либо сомнения, я сумею в достаточной мере осветить вопрос.

Я предполагаю далее, что предприниматель организовал учебные мероприятия и провел все необходимые усовершенствования для того, чтобы поставить свою фабрику на должную высоту.

Далее я допускаю, что в течение шести лет среди десяти-, одиннадцатилетних детей окажется такое количество лентяев, сколько имеется семилетних детей, а также еще несколько двенадцати-, тринадцатилетних лентяев. При этих предположениях подсчитаем, какой доход мог бы дать такой рабочий дом. Установим предполагаемый доход за первый год не выше обычного дохода от использования детей для прядения в домашнем обиходе, то есть, как указано выше, с двадцати пяти детей по 25  $\frac{1}{2}$ , ливров в педелю – 1326 ливров в год.

Начиная со второго года, будем исчислять этот доход в соответствии с увеличением количества детей и исходя из самых низких результатов производительности.

Эта возрастающая прогрессия доходности организованного на таких началах трудового дома зиждется на росте числа детей и на увеличении производительности труда в соответствии с их возрастом и с развитием правильно руководимого предприятия; при этом предположительные данные о возможностях заработка взяты очень низкие.

Теперь необходимо поставить вопрос о расходах, необходимых предпринимателю в течение тех же лет на содержание этого дома и выяснить соотношение расходов с приходом.

Так как я предполагаю, что предприятие организуется при благоприятных условиях помещения, но на началах максимальной экономии, то я не допускаю, чтобы кто-либо строил для этой цели совершенно новое здание. Я имею в виду, что этот опыт предпринимается лицом, живущим в имении, или владельцем фабрики, находящейся за городом и имеющей свободную земельную площадь. Я исчисляю все же необходимые вложения на здание, мебель и прочее устройство для *начала* 4 тысячами ливров и на последующие шесть лет для той же цели – еще 2 тысячами ливров.



Проценты с этой суммы исчисляю начиная с первого года по 200 ливров в год, прибавляю еще па расходы по затраченным авансовым суммам 100 ливров, что составляет, следовательно, 300 ливров ежегодно.

На обслуживание дома предусматриваю в первом году 200, во втором и третьем – 300, в четвертом – 400, в пятом – 500, в шестом – 600 ливров.

Затем предусматриваю па содержание ребенка, то есть на еду и одежду, в среднем не более 50 ливров, предполагая организацию содержания детей возможно более как и в Ваших “Грезах”; учитываю, что предприниматель, как указано выше, живет в сельской местности и, следовательно, в отношении пищевых продуктов, нужных для бедных, находится в выгодных условиях, так как продукты там дешевле.

Наконец, несмотря на всю осторожность при исчислении дохода, предусматриваю еще 10% на разные случайности – болезни и т. п. Нужно заметить, однако, что предприниматель не может держать длительно больных детей, – он может брать на себя лишь заботу о больных, требующих лечения, в пределах двух-трех недель максимально.

Замечу еще, что я не отягощаю предприятие большими расходами по помещению по следующим соображениям: я исчисляю доход от рабочих только по размеру заработной платы, в то время как фактический торговый доход фабрики, состояющийся не только из невыплаченной заработной платы, имеет свой особый счет, на который также падают расходы по зданию.

Таким образом, баланс за эти шесть лет (в ливрах) получается такой:

Приход	Расход
<i>Первый год</i>	
Доход от работы . . . 1326	Уплата процентов . . . 300
Дефицит 556,5	Услуги 200
	10% сниженного дохода 132,5
	Содержание детей (25 детей по 50 ливров) . . 1250
1882,5	1882,5
<i>Второй год</i>	
Доход от работы.....2589,6	Уплата процентов..... 300
Дефицит..... 19,4	Услуги..... 300
	10% сниженного дохода.. 259
	Содержание детей (35 детей по 50 ливров).... 1750
2609,0	2609
<i>Третий год</i>	
Доход от работы.....4648,8	Уплата процентов.....300
	Услуги.....300
	10% сниженного дохода... 464,5
	Содержание 55 детей по 50 ливров . . . . .2750
	Остаток..... 834.3

4648,8

4648,8

*Четвертый год*

Доход от работы . . . 6864

Уплата процентов .....300

Услуги .....400

10% сниженного дохода...686

Содержание 70 детей по

50 ливров.....3500

Остаток.....1978

---

6864

---

6864*Пятый год*

Доход от работы.....8346

Уплата процентов.....300

Услуги.....500

10% сниженного дохода...834,5

Содержание детей (85

Детей по 50 ливров).....4250

Остаток.....2461,5

---

8346

---

8346,0*Шестой год*

Доход от работы .....10686

Уплата процентов.....300

Услуги.....600

10% сниженного дохода...1068,5

Содержание детей (100

детей по 50 ливров).....5000

Остаток .....3717,5

---

10 686

---

10686,0

При изложенных предположениях предприниматель имеет в первый год дефицит в 556,5 ливра, во второй – 19,4 ливра.

В следующие же годы:

в третий – остаток в 834,3 ливра

» четвертый » » 1978 ливров

» пятый » » 2461,5 ливра

» шестой » » 3717,5 »

Предположите теперь, что предприниматель вступает в седьмой год своей работы с этим количеством детей и работает так еще три года без потери рабочих; предположите, что из своих ста детей он имеет возможность уже пятьдесят использовать для ткачества и что он будет вырабатывать хлопчатобумажный материал высшего сорта. Подумайте о том, что фабрикант может доверить своим пятидесяти ученикам самую дорогую пряжу. Подумайте о преимуществах, которые имеет фабрикант в связи с тем, что его ткачи являются его домочадцами. Насколько легче и точнее он может следить за их производством, установить порядок, быстроту, учет рабочих часов, чем он мог бы это сделать, если бы давал весь товар на сторону или если бы рабочие были проходящими, являлись бы каждое утро при всякой погоде на работу, дважды уходили бы с фабрики, и при таких условиях едва ли могли бы выполнять 20

рабочих часов в день. Учтите также, насколько легче при вышеуказанных условиях оберегать предприятие от воровства. Затем нужно иметь в виду огромные преимущества для предпринимателя, уверенного в постоянстве своих рабочих, и противопоставить эту уверенность тому беспокойству, тем осложнениям, тем заговорам рабочих, которым вследствие конкуренции подвержены все фабрики. Если вы учтете все это, то, несомненно, признаете важность и разносторонность тех преимуществ, которые можно ждать в дальнейшие годы от такого учреждения.

Пусть люди, сведущие в деле доходности такого рода производства, скажут, преувеличиваю ли я, если на этот последний период доход от каждого такого ткача только в заработной плате определяю в 10 батценов. Но я еще снижу эту цифру и предположу, что дневной заработок работающего при таких условиях ткача составит 8 батценов.

50 таких ткачей выработают:

в день 40 ливров

в течение недели 240 »

в » года 12 480 »

Будем считать выработку остальных 50 рабочих в 3 батцена в день каждого, то есть в 15 ливров в день всех, в неделю – 90 ливров. Годовой заработок последних 50 ткачей составит 4680 ливров. Вместе с заработком первых 50 ткачей (12480 ливров) общий годовой доход составит 17160 ливров.

Предположите теперь увеличение расхода по содержанию каждого из рабочих, то есть улучшение его питания и одежды, в среднем на 15 ливров и сведите годовой баланс на этот период согласно прежде установленным предположениям, – в результате получится (в ливрах):

Приход	Расход
Доход от работы.....17 160	Содержание рабочих (100 чел. по 65 ливров).....6500
	Уплата процентов.....300
	Услуги.....700
	Вычет 10% дохода.....1716
	Остаток в течение этого
	Периода.....7944
<hr/>	<hr/>
17160	17160

Но и на этом возрастание доходности не останавливается; наоборот, теперь, быть может, именно наступает тот период, когда учреждение приобретает значение как коммерческое предприятие: рабочий чувствует себя теперь у себя дома, предприниматель имеет в его лице родного сына, который в течение многих лет был его домочадцем, которого он знает досконально, что так важно для дела и что ни при каких других обстоятельствах не было бы возможно; все прочие отделы предприятий могут продолжать расширяться путем дальнейшего приема новых детей. Но я не буду продолжать расчетов в этом направлении, а вернусь к своим конечным целям, ограничившись представленными скромными вычислениями, которыми, кажется, достаточно доказано, что в способностях подрастающего поколения к заработкам, при

экономном использовании этих способностей, лежат действительно источники и средства содержания учреждений для бедных с обеспечением доходности от таких учреждений.

Но если это и верно, что в производственном труде подрастающего человека лежат действительные средства для спасения бедняков,— является ли природа этих средств таковой, чтобы признать полезным подчинение воспитания бедных этому духу индустрии?

Сопоставим фабричное учреждение с благородным учреждением Вашей мечты: насколько идеал Вашей мечты проще, легче, здоровее в нравственном отношении и больше соответствует всему развитию человека! Если Вы будете это утверждать, я почти согласился бы с Вами, но в том случае, если бы оно существовало, это учреждение, если бы оно стояло на надлежащем месте.

Но каковы Ваши предположения: специальные пожертвования в пользу учреждения; благородный человек, берущий на себя верховное руководство учреждением; два лица, отдающихся с родительским бескорыстием сиротам со всей мудростью, добротой и благородным внутренним достоинством? Да, там, где все это имеется, или там, куда может быть направлен этот благословенный источник, у подошвы виноградных гор, с господскими поместьями, с благородным населением, на просвещенность и великодушие коего можно рассчитывать,— там возможны такие учреждения. Но если Вы мечтаете о наслаждении и благословении, о патриархальных условиях труда для бедных и если Вы богаты этими благословенными источниками, то разрешите также там, где нет таких обильных источников, где о пожертвованиях не приходится думать, где на постороннюю помощь не приходится рассчитывать,— разрешите там искать необходимую помощь человечеству в самих силах и способностях людей, которых надлежит спасать.

Мой благородный господин!

Еще одно я должен заметить. Земледелие не является повсюду достаточным источником существования для бедных. Развивающаяся промышленность направила во многих местах бедняков на путь индустрии. А так как не подлежит сомнению, что воспитание бедняка должно соответствовать его будущему положению, его будущим потребностям и условиям жизни, то в таком месте, где для бедняка в его будущей жизни не предвидится другого источника существования, кроме промышленности, питающей всю бедноту данного места, безусловно, необходимо при воспитании развивать все те навыки, без наличия которых бедняк не сумеет использовать тот единственный источник существования, на который он может рассчитывать.

Безусловной необходимостью в данном случае является подчинение бедняка духу индустрии, и такой же необходимостью является в тех случаях, когда нет других вспомогательных средств для воспитания бедняков, использование заложенных в них способностей к производительному труду для достижения указанных конечных результатов.

И тут, мой благородный господин, мы расходимся касательно наших планов не во мнениях о прекрасном и хорошем, не в желаниях наших сердец —

и я люблю земледелие и долгое время был противником всей фабричной индустрии – нас разделяют различия местностей и условий. Но если в какой-либо местности путь, ведущий к нашей обоюдной цели, крут и узок, если этот путь отделяет меня от Вашей открытой, широкой, возвышенной дороги, сулящей в Ваших мечтах спасение и благословение беднякам, то я все же этой прекрасной дороге не упускаю из виду; мы встретимся на ней, если будет воля провидения, при осуществлении конечной цели наших надежд, желаний и мечтаний.

Я возвращаюсь к своему изложению. Наличие в каком-либо месте развитой промышленности является основанием к тому, чтобы воспитание бедняка подчинить духу индустрии; в местности, где бедняк несет на своих плечах всю тяжесть, весь вред фабричной работы при недостаточном заработке и отсутствии квалификации для его повышения, – в такой местности я желаю довести бедняка до самой высокой, самой лучшей степени заработка; с этой целью я хотел бы использовать природные производственные способности подростка для этого конечного результата – развития и поднятия его способностей; если мои расчеты не очень ошибочны, какими мощными могут быть эти средства в руках государства, человеколюбия и промышленности!

Но если я советую подчинить воспитание бедняков в определенных местностях промышленности, то ни в коем случае не хочу сказать, что рекомендую посылать детей на первые ближайšie фабрики, где, как совершенно правильно сказано, “они в нездоровом воздухе используются для работы на машинах, где они не слышат ничего об обязанностях и нравственности, где их голова, сердце и тело одинаково подавляются или, по крайней мере, оставляются недоразвитыми, неусовершенствованными”. Сохрани меня бог от того, чтобы считать удовлетворительными такие воспитательные средства для бедняков. Нет, в отношении человека, созданного по подобию божию, в отношении наших братьев мы имеем большой долг. Как мала, как незначительна разница между бедняком, просящим милостыню на дороге, и человеком, занимающим высокое положение в обществе! Сколь сходны они во многом существенном! Почему мы не помним об этом больше? Всегда ли так было? Или это наше столетие со своими разобщенными слоями общества, со своим стремлением к нечувствительности больше, чем все прежние столетия, виновно в том, что сердце наше очерствело и мы не видим и не чувствуем больше живую душу в сыне нашего слуги, алчущую так же, как и мы, полного удовлетворения своего человеческого существа?

Нет, сын бедной, погибшей, несчастной существует не для того, чтобы только вертеть колесо, возносящее вверх какого-нибудь гордого гражданина. Нет... Нет, не для того он существует. Недопустимое отношение к человечеству, – как возмущается мое сердце! До последнего вздоха своего я хочу видеть в каждом человеке своего брата, и никакое соприкосновение со злобой и непристойностью не ослабит во мне наслаждения любви.

Я бы хотел использовать значительную часть дохода, получаемого фабричной индустрией от человеческого труда, для создания настоящих воспитательных учреждений, которые бы соответствовали целиком

потребностям человечества; должен сказать, что я ни в коем случае не разделяю мнения о том, что при таких промышленных перспективах меньше имеется возможностей достигнуть нравственных конечных результатов, чем во всяких других воспитательных учреждениях. Человек при всяких обстоятельствах и при всякой работе в одинаковой степени поддается направлению к добру. Безнравственное поведение фабричных рабочих, преследующих лишь одну задачу и одну намеченную цель – заработок, не дает права делать общие выводы. Пусть какая-нибудь фабрика твердо поставит себе первой конечной целью воспитательные и нравственные задачи. Эти задачи будут достигнуты так же, как во всяком другом учреждении. Намерение, твердая конечная серьезная цель в этом деле – самое существенное. Только сердце может направлять сердце. Очень многие приемы воспитания нравственности кажутся существенными, но представляют собой только модификацию внешней оболочки. Это твердое серьезное намерение, это стремление к нравственности сохранит их на фабрике в такой же мере, как в школе. Прядение или косьба, ткачество или пахота, – сами по себе эти работы не делают ни нравственным, ни безнравственным. Ловкость анабаптиста в ведении сельского хозяйства вполне сочетается с нравственностью. Гернгутеры имеют фабричные учреждения, в которых нравственность уживается вполне с настоящим производственным духом. Существенно, чтобы предприниматель ставил себе такие конечные цели, чтобы он не отступал от них по небрежности и не приносил их в жертву призрачным, но ослепляющим конечным целям жизни. И если он будет знать, в чем заключаются истинные интересы его учреждения, то это знание подскажет ему способы охранения нравственности рабочих и общие принципы ведения своего учреждения, наиболее подходящие для надлежащего воспитания бедных и в то же время соответствующие запросам всего человечества.

Умения и навыки, развитие которых является конечной целью всякого воспитания бедных, будут служить основной опорой учреждения; привычка к непрерывной, обдуманной, упорядоченной деятельности, твердо установленная обязательная ежедневная работа, соответствие между этой работой и получаемым содержанием, крайняя бережливость во всех отношениях, приучение к дешевой пище, тщательное распределение этой пищи, точность в употреблении даже предметов первой необходимости: дров, соли, света, масла, – все эти существенные для воспитания бедных навыки и ограничения будут в то же время существенны для экономии предпринимателя. Если при пятидесяти лицах он будет считать ежедневно на каждого человека одним батценом больше или меньше расходов, в годовом бюджете получится разница в 1000 гульденов.

Так значительны побудительные причины для предпринимателя к установлению в учреждении строгой бережливости, порядка, точного распределения работы и учета дохода от работы. Здесь каждая неосторожность в отношении основных принципов воспитания бедных имела бы разительные последствия: никакие конечные результаты не могут быть достигнуты учреждением, если в нем не будут твердо установлены быстрое покорное послушание, гибкость, порядок и спокойствие. Мирная, спокойная радость

труда, бодрость при выполнении житейских обязанностей и при удовлетворении своих потребностей – наличие этих конечных целей и основ нравственности будут служить также повышению прибыли от производства. Как благословенна была бы работа юноши, искренне любимого своим приемным отцом и отвечающего ему такой же любовью, – благословенна для предпринимателя и для юноши. Скажем еще больше: какие побудительные причины заставят отца этого дома воспитывать детей для бога – их вечного отца? Здесь неуместны были бы побуждения земных выгод. Это мысль о том, что они должны знать, должны помнить об ответе однажды перед вратами вечности богу, своему отцу, за каждое послушание, за каждую неверность, за каждую небрежность и неблагодарность. Эта глубокая вера в бога, воздающего за добро и зло, будет руководить, и укреплять их трудолюбие и преданность. Эта мысль правильна, поставить себе конечной целью только наживу было бы ужасно для предпринимателя, берущего на свою ответственность сотню детей; он ответил бы за души этих детей, если бы допустил, чтобы они забыли о боге – отце спасителе, если бы лишил их насущной потребности человечества в утешительном откровении божьем – веры в бога, дающей ободрение во всех страданиях, и если бы со всей силой не поддерживал в них надежды на будущую жизнь, для которой мы призваны.

Предприниматель должен быть отцом своего дома, развитие у детей трудолюбия, ума и добродетели, соответствующих их положению, должно доставлять ему отеческую радость; развертывающиеся с каждым днем способности, развивающиеся ум и сердце должны служить ему источником высоких наслаждений, служить ему вознаграждением. Если бы он не искал этих радостей, не знал бы их, то существование учреждения не оправдало бы себя. Учреждение сделалось бы в его руках либо предметом тщеславия и не соответствовало бы совершенно будущим потребностям рабочих, либо погоня за наживой как конечной целью принизила бы учреждение и поработила бы дух рабочего в угоду одному человеку.

Только твердо, поставленная конечная цель достижения нравственности, религиозного развития, истинного просвещения и руководства человеческим сердцем может быть положена в основу такого учреждения. Такого рода воспитание бедных я имел в виду достигнуть путем использования дохода от труда подростков, и мне кажется, что такое воспитание соответствовало бы потребностям человечества, положению и условиям жизни бедноты.

Но какое влияние имело бы на здоровье и физическое состояние бедных подчинение их воспитания духу индустрии? Как приятно мне сказать на основании трехлетнего опыта, что разумно руководимое и движимое любовью к человечеству предприятие совершенно не препятствует росту детей, не вредит развитию их физических сил, как это обычно предполагают. Я неоднократно убеждался в том, что дети, чахнувшие в нищете и безделии, крепили и значительно прибавляли в росте при регулярной работе по прядению; само собой разумеется, что я при этом считаю нужным поддерживать их силы укрепляющими физическими упражнениями, предоставлять им возможность после выполнения их обязанностей наслаждаться оздоравливающими играми.

Поскольку условия учреждения позволяют, я считал бы также желательным присоединить к нему небольшое полевое и огородное хозяйство, что вполне возможно. Если предприниматель находится в сельской местности, если он организует разведение всего необходимого для потребностей его дома – картофеля, свеклы, фасоли и т. д. и т. д. – в своих поместьях, поблизости от фабричного дома, как легко и естественно он сумеет обучить своих детей разным добавочным полевым работам и какое существенное значение это будет иметь для нашего учреждения! Если он сумеет при этих работах, служащих детям развлечением, пробудить их рвение, поднять их дух своей ободряющей любовью, как легко и прочно он заложит в них знание земледельческих работ, применимых в их быту: умение использовать и улучшать небольшие участки земли, знание кормовых трав, посадки и прививки деревьев, и еще многое другое при таких условиях может быть преподано им шутя.

Так в детях воспитывается любовь к стране, знание способов использования собственности, так естественным путем подготавливаются они к своему будущему положению и потребностям, так они приучаются к бережливости, точности, к ограничению своих потребностей и вполне оказываются способными к лучшему заработку в своей местности. Как велико было бы значение учреждения, достигшего этих результатов, для нравов, для земледелия, для населения! Но, конечно, не все фабрики дают такие результаты, наоборот, многие приходят как раз к обратному, и по этому поводу я хочу сделать следующие замечания.

Настоящим воспитательным учреждением не может быть такая фабрика, которая ограничивает себя одним или очень немногими ремесленными приемами, фабрика, которая в случае прекращения работы двух-трех соседних предприятий потеряла бы всякую возможность продолжать свое производство. Учреждение, воспитывающее для индустрии, требует развития разнообразных способностей и навыков, нужных промышленности, и такое учреждение не может быть односторонним.

Чем ближе производство находится к сырью, тем это для него благоприятней. Дело в том, что в большинстве случаев последняя стадия обработки сырья весьма отличается от предыдущих. На пути к ней оно уже подверглось разным изменениям. Ввиду того, что на позднейших стадиях производства сырье не подвергается столь большим изменениям, как на первоначальных, может случиться, что, например, третья и четвертая стадии могут приостановиться, в то время как первая еще продолжается. Однако в этих случаях материал может быть подвергнут какой-либо другой обработке. Так, например, если индиана не имеет сбыта и работа печатника приостанавливается, то пряжа может быть обработана в бумазею или другую ткань.

Чем больше совершенствуется производство, и чем большее количество низших отраслей оно включает, тем богаче и прочней оно становится. Высококвалифицированный ткач может, спускаясь от своей тонкой работы на десять различных производственных этапов, дойти до обработки самого простого хлопчатобумажного материала, находящего сбыт. Производство всех



сортов материала, который он способен выделывать, не может ведь никогда одновременно приостановиться.

Если производство какой-либо фабрики совпадает с той промышленностью, которая имеет уже распространение в данной местности, то доходность этой фабрики более обеспечена, чем в том случае, когда производство ее сильно отличается от местного. Это тем более важно, что фабричное производство требует много простого механического труда. Если же рабочие одной или нескольких фабрик не получают навыков, необходимых для общераспространенного в данной местности производства, то они становятся для него непригодными.

Само собой разумеется, что самым верным обеспечением индустрии служит наличие сырья в данной местности и спрос на продукт производства на месте. Обеспечение доходности фабричного предприятия должно быть всегда самой важной заботой предпринимателя такого воспитательного учреждения; избираемая им отрасль индустрии всегда должна находиться в соответствии с промышленностью его местности.

Я знаю, несмотря на всю осторожность моего подхода, найдутся люди, которые искренне сделают следующие предположения.

Возможно, что источник развития той или другой промышленности прекратит свое действие для целой местности. Я понимаю, что это было бы несчастьем. Но даже законодатель не может отменить установившегося в стране источника существования. Такое прекращение чрезвычайно редко, случайно, преимущества пользования берут верх. Полезно в хорошие времена поддерживать в народе дух ограничительной домашней бережливости. Сбережения обеспечат ему возможность перенести такие случаи – это все, что можно сделать; при такой организации дела рабочие, которые будут воспитаны по указанным выше принципам, последними подвергнутся опасности в случае каких-либо кризисов и первыми окажутся способными перейти в какую-либо другую отрасль промышленности.

Наконец, если все возможные предосторожности приняты, следует в отношении таких невероятных мировых событий положиться на руководство всемогущего, всемудрого отца человечества, предвидящего все, как крупное, так и мелкое.

Кончаю на этот раз. Но как бы Вас ни утомила эта длительная болтовня, я имею все же намерение еще раз написать Вам, чтобы от этих больших идеалов спуститься к маленькому опыту моего собственного учреждения.

Прошу Вас, благородный господин, передать содержание этого письма многоуважаемому благородному господину Грунеру, мнение которого наряду с Вашим для меня чрезвычайно важно.

Не лишайте меня Вашего расположения и верьте, что я остаюсь с глубоким уважением к Вам

покорный слуга И. Г. Песталоцц.

*10 января 1777 г.*

## Письмо третье

Мой благородный господин!

Я давно Вам не писал, и если бы не считал столь важными свои извинения, не решился бы извиняться перед Вами.

Моя любимая с начала этого года была непрерывно тяжело больна, а я такой человек, у которого одно какое-либо переживание вытесняет часто все другие обстоятельства. Слава богу, теперь наступило улучшение, но все же беспокойство еще не оставило меня, и я прошу поэтому простить небрежность этого письма.

Вы ждете от меня известий о моем собственном опыте касательно возможности частного учреждения для воспитания бедных детей.

Вы знаете, что первые мои попытки не оправдали моих надежд, но, как и в сельском хозяйстве, правдивое сообщение о неудачных моментах в новых опытах значительно важней, чем сообщение об успехах, так же обстоит дело и в данном случае. Я хочу, поэтому подробно рассказать как об ошибках, которые вначале повредили моему предприятию, и трудностях, с которыми я столкнулся, так и о более удачных опытах, укрепивших мою надежду на полное достижение конечной цели. Два самых важных, самых значительных момента всего дела – это доход от труда и дешевая организация содержания.

Было чрезвычайно трудно приучить к регулярному труду детей, привыкших к нищенству и праздности. Эти трудности были тем сильнее, чем более продолжительное время дети вели этот беспечный, бездеятельный образ жизни. Жертвы вначале неизбежны, свои расчеты на возмещение этих жертв я строил на длительном пребывании у меня детей; но я ошибся в своем предположении, что благодарность детей, спасенных мною в большинстве из самой глубокой нужды, гарантирует их пребывание у меня и обеспечит мне удовлетворение, которое возместит меня за понесенные потери. Опыт научил меня другому: без самых тщательных письменных договорных соглашений с родителями или фогтами, без содействия и защиты властей никакой предприниматель не может быть уверен в пребывании детей у него. Эта защита властей и точные договоры очень существенны.

Трудно представить себе, каким неприятностям в такой местности подвергается предприниматель вследствие неблагодарности и злобы. Строгости, необходимые в таком учреждении, чтобы противостоять лени и злобе, истолковываются в дурную сторону. Матери и родные детей, навещающие их в рабочей комнате, по какому-то злому року ведут себя часто так, что это меня позорит. Я не знаю, чего они ждут, чего они требуют, что думают.

– О, бедное дитя, ты должно теперь целый день работать! Имеешь ли ты хоть достаточно еды? Хорошо ли приготовлена пища? Не хочешь ли ты лучше вернуться домой?

При таких речах ребенок, живший у доброй матери празднично, начинает плакать; тогда мать, видя, что ребенок теперь одет и способен кое-что зарабатывать, уговаривает его вернуться домой и, чтобы оправдать свое

поведение, клеветает на учреждение. С этой неблагодарностью мне пришлось очень часто сталкиваться, и я должен был при таких обстоятельствах удовлетворяться меньшим количеством работы, чем дети в состоянии были выполнить, только чтоб меньше было поводов подстрекать их к уходу из учреждения.

В отношении содержания учреждения у меня были такие же затруднения. Я, видит бог, очень чуток ко всем действительным потребностям людей; удовлетворение всех потребностей моих детей является, конечно, самым горячим желанием моего сердца. Но учреждение, в особенности в самом начале своего существования, требует экономии и нормирования. Дети бедноты едят обычно без меры, когда у них имеется еда. Порядок, нормирование озлобляют их вначале, и они находят выход в краже картофеля, свеклы, полевых злаков. Предприниматель в таких случаях не может быть снисходительным, он должен строго наказывать. Ребенок жалуется матери, не придающей никакого значения краже плодов, и в этих случаях раздаются бесстыдные речи, которые, по меньшей мере, затрудняют дальнейшее воспитание ребенка. Эти затруднения чрезвычайно важны, в особенности в тех случаях, когда много таких неблагодарных родителей и родственников живут поблизости учреждения и когда такие подстрекательские выступления происходят часто в присутствии детей. Поэтому защита начальства и доверие правительства существенно необходимы учреждению, и положение его было бы невыносимо, если бы суждение о том, как содержатся в нем дети, основывалось не на фактических результатах, то есть на состоянии здоровья, роста и сил детей, а придавалось бы значение жалким различным суждениям о том, что дети получают мало хлеба, мяса и т. п.

Я убедился на опыте, что наиболее существенные мероприятия, выгодные в экономическом отношении, полезны также для здоровья и роста. Я убежден в том, что употребление капусты и прочей растительной пищи следует предпочесть мясу; также из убеждения я предоставляю возможность своим более сильным детям в летние дни бегать с непокрытыми головами и босиком, подвергаясь непосредственному действию воздуха. Если же кто-нибудь усмотрит с моей стороны в этом только желание экономить, ограничивать, предоставляю ему так думать. Замечу только, что я из тех же соображений с большим удовольствием предоставляю своему единственному сыну возможность бегать босиком.

Еще больше трудностей представляет достижение нравственных конечных целей. Приходится пользоваться услугами многих людей, нравы коих не в твоей власти изменить; и когда занимаешься специальным делом, нуждаешься в чужих людях и не имеешь достаточного выбора этих людей, трудности еще возрастают. Самым сильным воздействием для ослабления последствий этой неприятной необходимости служат серьезные заботы о развитии в детях религиозного чувства. Нам всегда приходится жить среди плохих людей, и бедные дети всегда будут окружены грубыми, низкими, скверными примерами. Против этого нет другого средства, как со всей энергией развивать в них веру в бога, воздающего за добро и зло, и в Христа –

их спасителя, их друга и брата, веру и надежду на вечную жизнь, веру в опасность вечной гибели, вечного изгнания от престола лучшего, добрейшего отца и спасителя; нет другого средства, как с глубоким чувством проводить с ними утренние и вечерние молитвы, посвящая день господний святым делам, и с отеческим чувством, в слезах непрерывно напоминать им о необходимости сохранить невинность сердец для своего бога и отца.

Для очень многих людей, которые хотели бы организовать учреждение, большим затруднением явится то обстоятельство, что это учреждение требует знаний и опыта в торговых и фабричных делах и поэтому для каждого, не искушенного в коммерческих делах, имеется большая опасность впасть в ошибки. Общие положения о доходности производства фабричных товаров должны в каждом отдельном случае быть доказаны с такой очевидностью, чтобы люди, не имеющие практического опыта в торговом и фабричном деле, могли на основании убедительности отдельных фактов безошибочно судить об успехе всего предприятия. Поэтому необходимо даже самые удачные опыты очень продолжительное время применять в самых маленьких размерах и каждая попытка перейти на большие масштабы без такого длительного опыта может повести к полному краху нового предприятия. Исходя из приведенных соображений, очевидно, что самыми надежными предпринимателями для таких учреждений являются владельцы давно организованных и находящихся на ходу фабрик. Если же такого благоприятного условия не имеется, то целесообразней всего выбрать такую отрасль промышленности, которая в стране уже хорошо известна и имеет общее распространение, причем применять эту отрасль вначале в ее наиболее простой, наиболее употребительной форме и лишь постепенно переходить к более утонченным видам производства.

Мысль о том, что, возможно, поставить какое-либо дело, в котором сам являешься новичком и должен лишь приобретать знания, лучше, чем оно поставлено во всей: местности,— совершенно ошибочна и невыполнима.. Обычно при таких попытках, пока не приобретешь достаточных коммерческих познаний, в заблуждение вводит то, что первые опыты дают совершенно другие расчеты, чем результаты дальнейшего хода дела! Если с этим соединяются еще широкие торговые комбинации, то все прежние расчеты касательно стоимости совершенно уничтожаются. Кажущийся результат вводит в заблуждение неопытных, с необычайной быстротой идешь дальше, чем хотел бы, и не можешь в достаточной степени рассчитать свои силы, предусмотреть возможность наихудшего исхода дела. В таких случаях, особенно когда имеешь план, требующий преодоления определенных трудностей и жертв и обещающий вначале лишь очень малый доход, когда речь идет о такой отрасли, относительно которой имеется общее предубеждение в отношении успеха,— в этих случаях предприниматель, немножко только запутавшись, рискует скорее, чем другие предприятия, лишиться всякого доверия; только какая-нибудь чрезвычайная помощь может вывести его тогда из опасного положения. В этом заключались для меня главные затруднения, с которыми я столкнулся при выполнении своего плана.

Вы знаете, что последствия этих трудностей были для меня убийственными, но спокойное взвешивание их сущности убедило меня в том, что большинство из них не имело своих корней в самом предприятии, что опыт, умеренность и благоразумие могут обеспечить успех, что главные расчеты, положенные в основу, остаются правильными, несмотря на эти случаи. Я не потерял поэтому бодрости, и при участии любимой женщины, ценившей мои конечные цели и готовой на все жертвы для их достижения, стойко взялся за дело и искал всевозможные способы, чтобы продолжать начатый опыт. Ваш мудрый преемник в Вильденштейне господин фон Граф-фенрид из Бургштейна поддерживал во мне в самые плохие минуты бодрость и надежду на успех, которого я теперь действительно достиг и которым я обязан также и Вам. В процессе неудачных, слишком поспешных стремлений к конечным целям выявлялась все же правильность основных моментов всего плана, и в течение пережитого тяжелого времени я получил самые существенные доказательства в верности и правильности моих положений относительно воспитания в учреждении для бедных.

Дети с легкостью обучились тонкому прядению, и мои расчеты на предполагаемый доход от труда оправдались на опыте. Дешевая организация содержания детей и преимущества совместного питания большого количества людей выявились в полной силе; условия, в которых я жил, особенно благоприятствовали достижению конечных целей. Вы знаете пустынную местность, где я семь лет тому назад приобрел покинутые владения; благодаря наличию рабочего дома в этой необработанной покинутой местности делаются улучшения, не возможные ни при каких иных условиях.

Самый лучший способ возделывания таких земель – это разведение овощей и прочих продуктов питания; наличие рабочего дома, нуждающегося в таких растениях, обеспечивает разведение таковых, так как поднимает их ценность, и все поместье выигрывает во всех отношениях от большого потребления огородных продуктов. И поскольку я считаю наличие рабочего дома полезным для возделывания моих владений, постольку же первобытное состояние моих владений представляется мне благоприятным для подготовки детей к тем видам земледелия, которые больше всего соответствуют их будущим условиям жизни. Они не нуждаются в подготовке к ведению земледелия в крупном масштабе; им не приходится рассчитывать на усадьбы, на обширные пахотные земли, на хорошие луга. Источником их существования будут служить главным образом домашние работы; единственным соответствующим их будущему положению и возможным для них видом земледелия явится тщательная очистка маленького дешевого участка земли, посадка деревьев на нем, сбор всяких домашних отходов для удобрения своего участка, посев кормовых трав на удобренном участке, – словом, им предстоит использовать свои свободные часы на тщательную, прилежную обработку маленьких клочков земли.

Как ни мала эта работа, но забота большого количества бедных об улучшении мелких участков земли имеет большое значение для общего земледельческого хозяйства. Цюрихские фабричные местности с особенной

выразительностью об этом свидетельствуют. К. этому роду земледелия я и имею в виду подготовить своих детей. Фабричная работа будет всегда их главной профессией, главным заработком. Часы отдыха, предпраздничные вечера, дни, когда особенно нужны рабочие руки для земледелия, будут использованы для того, чтобы выявить способность ребенка к этому делу, привлечь его силы и возбудить его интерес к труду. Это единственный вид земледельческих работ, который я считаю возможным соединить с индустрией, и этот вид работ не требует физического напряжения, непосильного для детей, работающих в индустрии.

Я могу теперь на основании опыта утверждать, что разумное использование подрастающих детей для фабричной работы не вредит их здоровью и силам. Вообще состояние здоровья моих детей необычайно хорошее: нет ни одного чахоточного среди них, не было ни одного случая ухода по болезни и ни одного случая смерти. Прошлой осенью у нас разразилась краснуха, в течение четырнадцати дней заболели в моем доме двадцать четыре человека; я употребил очень простые средства: тепло и много питья – вот все, что я применил, и не осталось никаких последствий. Я прежде очень опасался случаев заболеваний, как из-за тех хлопот, которые они вызывают, так и из-за больших расходов. Против моих ожиданий, опыт показал мне, что спокойный простой уход разрешает дело гораздо легче, чем я себе представлял.

Забота о чистоте не может иметь пределов, когда столько людей живут совместно. Я в этом отношении недостаточно еще сделал. Крайнюю экономию, работу фабрики и соблюдение в достаточной мере чистоты, столь необходимой при большом количестве совместно живущих людей, – на практике все это труднее осуществить, чем думают, и мне до сих пор не удалось еще целиком предохранить свой дом от чесоточных заболеваний. Но вы знаете, что с этим злом приходится часто бороться и богатым сиротским домам, имеющим самое дорогое устройство. Я хочу этим летом организовать у себя постоянные купания и считаю это лучшим средством против заболеваний.

Словом, результаты моих трехлетних опытов приводят к следующему заключению: возможность организации содержания бедных детей на дешевых началах, как вы мечтаете и как предусматривают мои расчеты, не подлежит сомнению при условии разумного выбора средств и хорошего руководства; также несомненным является при разумном руководстве и хорошей организации предполагаемый в моих расчетах доход от труда детей.

Таким образом, два основных момента, на которых зиждутся мои расчеты, сами по себе правильны. Но, невзирая на эту правильность самого существа дела, такое предприятие неизбежно потерпит неудачу, если предприниматель не имеет основательных сведений о производстве и потреблении производимого у него товара; если он, увлеченный внутренней правильностью своих расчетов, не примет во внимание имеющихся внешних трудностей, отклонится от медленного пути шаг за шагом проводимых опытов и слишком рано соблазнится расширением предприятия.

Неизбежно потерпит также неудачу друг человечества, который понадеется на справедливость и благородство бедных детей и примет их без договоров, обеспечивающих ему в достаточной степени пребывание у него воспитываемых им детей в течение определенного количества лет. Опыт, полученный в этом отношении, печален, но верен. Эти дети легко поддаются влиянию нескольких слов неблагодарной матери, убегают с новой одеждой, и благодетельствующий им человек несет потери в расходах, произведенных в первые годы на их воспитание.

Поскольку важна забота о гарантировании длительного пребывания детей, постольку же необходимо обеспечение себе доверия и защиты местных властей. Предприниматель должен заслужить это доверие, а без него он будет всегда подвержен непрерывным неприятностям и опасностям в отношении своих конечных целей. Сам характер его предприятия ставит его в особые условия в отношении невежественного, злобно настроенного народа; вся его воспитательная система, направленная к достижению сложных конечных результатов, требует во всех отношениях много тщательной точности и имеет в своих деталях много трудностей. Выяснение того, насколько эта система соответствует или не соответствует конечным целям, настолько недоступно суждению невежественных родителей и фогтов, взгляды которых часто противоположны нашим конечным целям, что для предпринимателя нет другой защиты против тысячи затруднительных, неблагодарных и вредных случаев, как официальное признание и поддержка. Достаточно вспомнить, что в Берне в общественных воспитательных домах пришлось почти полностью запретить доступ родителей к детям.

Далее предприниматель должен быть способен к ведению очень тщательной экономии в домашнем хозяйстве; он должен уделить достаточно внимания разведению всех растительных продуктов, необходимых для потребностей его дома; еще более важны знания лучшего употребления, надлежащего сохранения и применения посаженных растений. Эти знания в большинстве случаев совершенно отсутствуют у фабрикантов и предпринимателей, больших предприятий, а между тем, по моему мнению, соединение фабричных знаний со знанием точной домашней экономики является для бедных рабочих высшим достижением того, что может создать индустрия; до настоящего времени эти знания оставались совершенно разобщенными. Фабрикант не кормит своих рабочих, он не может этого делать, условия его городской жизни являются по большей части помехой к осуществлению этого.

Вообще нужно сказать, что преимущества домашней экономики в жизни бедных, преимущества экономного потребления продуктов первой необходимости не исследованы еще с той же точностью, как вопросы самого разведения продуктов, а между тем первое не менее важно, чем второе. Если я из 8 мер зерна получаю столько же и кормлю так же сытно, как при беспорядочном, менее тщательном ведении хозяйства можно сделать это только при 10 мерах, то получается выигрыш одной пятой, а это так же важно, как если бы на одну пятаю больше было посеяно; чистый доход при этом

получается большой. Поэтому я всегда думал о том, что следует устанавливать цены на продукты не только исходя из стоимости производства сельскохозяйственных продуктов, но и считаясь с лучшими способами использования продуктов первой необходимости – с учетом цены для экономок и арендаторов, дающих наибольшее количество самых совершенных способов сохранения и приготовления продуктов, экономии в топливе, соли, свете и тысяче других вещей; цены для отцов семейства, которые при незначительном годовом бюджете содержат определенное количество детей и слуг, кормят их в достаточной степени, сохраняют их здоровье и силы и в состоянии дать ясный отчет о способах такого экономного ведения своего хозяйства.

Экономное ведение сельского хозяйства, сельские многосемейные хозяйства, умеющие честно пробиваться через все заботы и трудности, являются истинными школами для постановки воспитания, действительно соответствующего нуждам бедных детей. Все детали такой экономии заслуживают всяческого внимания, самого тщательного исследования. Это школа для достижения величайшего идеала – соединения фабрики, сельского хозяйства с воспитанием нравов.

Так же существенно необходимы простые и экономные меры в отношении здоровья: необходимо самыми дешевыми способами бороться против общераспространенных болезней, избегать большого количества дорогостоящих и часто вредных лекарств, простым заботливым уходом идти на помощь природе; необходимо охранять свой дом от обычных фабричных болезней и прочих недугов диетической пищей, физическими упражнениями и достаточным использованием оздоравливающих и укрепляющих свойств свежего воздуха; необходимо также быть знакомым с применением настоев трав, дешево стоящих и действующих очистительно на кровь, – все эти меры избавят предпринимателя от больших ненужных ежегодных расходов. Вы знаете господина фон Коллера из Обербурга; его благородному сердцу и доброжелательным указаниям я в этом отношении всем обязан, так же как его советам я обязан успехом во всех важнейших случаях жизни моего дома; благодаря его помощи я способен в настоящее время, с одной стороны, показать самые существенные результаты моих опытов и возможности достижения моих идеалов, с другой стороны, выявить в настоящем свете все трудности, лежащие на пути к достижению конечных результатов.

Мой благородный господин! Разрешите мне сказать еще слово. Я не хочу дальше раскрывать и перечислять те препятствия, которые неизбежны при проведении каждого важного для человечества плана. Если бы этих препятствий было еще больше, а остаток моих сил был еще меньше, я все же до последнего вздоха упорно стремился бы к этой цели; опыт научил меня, что поспешные действия к этом отношении тщетны, что к цели может привести меня только медленный и тяжелый путь. Но если бы этот путь был еще более медлен и более тяжел, то все же моя душа стремилась к тому, чтобы пойти по этому пути и отдать свою жизнь моей конечной цели.

Благородный господин! Невыразимое наслаждение видеть в расцвете сил и здоровья юношей и девушек, бывших жалкими нищими, наблюдать



спокойствие и удовлетворение на их лицах, развивать их руки к труду и поднимать их души к творцу. Радостно видеть слезы молитвенного смирения на глазах любимых детей, наблюдать развитие добродетельных чувств и нравов в заброшенных, забытых существах. Невыразимое наслаждение и счастье наблюдать развитие человека, созданного по подобию всемогущего творца, в его разнообразных проявлениях и способностях, и там, быть может, где этого никто не ожидал, в несчастном покинутом сыне беднейшего поденного рабочего открывать и спасать величие и гениальность. Но я забываюсь в мечтательных предчувствиях того, чего возможно достигнуть... Я умолкаю, так как боюсь, чтобы мои действия не скомпрометировали моих чувств. Да будет мне дана возможность приблизиться когда-нибудь к этой прекрасной конечной цели и видеть свой план вполне свободным от последствий своих первых больших ошибок, осуществленным во всей красоте. Как радостны были бы для меня все перенесенные потери, все жертвы, все страдания! Велика моя надежда, моя благодарность и преклонение перед отцом всего человечества за посланную мне помощь. Со слезами благодарности я обращаюсь также к благотворителям, которые одобряют мои стремления и помогают мне пробиваться к конечной цели.

Простите небрежности моего письма; надеюсь, что Ваши суждения, появления коих я жду в “Эфемеридах”, направят меня к целому ряду решений, упущенных в моих трех письмах.

Вы не поверите, сколь трудным, почти невозможным становится из-за обилия моих дел написать несколько писем. Простите поэтому меня за поспешность.

Разрешите с глубоким уважением оставаться Вашим покорным слугой.

*И. Г. Песталоцце.*

*Нейгоф, 19 марта 1777 г.*

### **Отрывок из истории низов человечества воззвание к человечеству во благо последнего**

Благородные друзья человечества! Год тому назад Вы пожелали поддержать мои слабые начинания в деле создания воспитательного учреждения для бедных детей, и в этом году я снова обращаюсь к Вам, благородные покровители. Пока результаты, да и все дело еще невелики, и все же Вас порадует мое достоверное сообщение о том, что некоторые юноши и девушки, из которых одни вынуждены были бы заниматься нищенством и подвергаться всем связанным с ним лишениям, а другие остались бы дома в крайне заброшенном состоянии в условиях жесточайшей нужды, – теперь стали рабочими, которые уже сейчас действительно оказывают мне помощь и доставляют радость.

Выделяются среди других:

Барбара Брунпер из Эша, Цюрихского кантона, – очень чувствительная, разумная и деятельная. Только она слишком переживает свою принадлежность к низшему классу слуг и недостаточно мягка для девушки.

Франциска Гедигер, по религии католичка, внимательная, скромная, очень послушная девочка – прекрасная служанка в полном смысле этого слова.

Леонци Гедигер, ее брат; станет великолепным ткачом. Мальчик мужественный, сильный и развивающийся, смелый до дерзости, но все же добросердечный.

Руди Бехли – мальчик с надломленным организмом, лучший из детей. Его благоговение в молитве, исключительное трудолюбие, открытый ум, выдающиеся способности по арифметике привлекают к нему мое особенное внимание.

Фридли Минд из Ворблауфена, Бернского кантона, – очень слабый ребенок, но с выраженным талантом к рисованию. По мере моих возможностей я стараюсь развить в нем этот талант.

Сюзетта и Марианна Минд, его сестры, выделяются своим тихим и постоянным трудолюбием. Марианна, по-видимому, страдает от своего низкого положения, стремится подняться выше, к большей свободе. Она чрезвычайно чувствительна, но сдержанна, замкнута в себе и не выражает своих страданий. Из этого ребенка мог бы выйти очень хороший или очень плохой человек, если бы полностью могли развернуться ее задатки! Сюзетта – менее способная девочка, но открытая, спокойная, довольная своим положением и своей работой. Все трое – дети городской служанки из Берна и очень слабы здоровьем.

Анна Фогт и Елизавета Фогт – из Мандаха. Обе сестры привыкли к полному безделью, свойственному самой жалкой жизни бродяг, и почти без всякой надежды на успех я работал в течение трех лет над тем, чтобы отучить их от безделья и связанных с ним недобросовестности и воровства. С искренней радостью я вижу, как старшая, которая была столь глупа, что и представить себе нельзя, постепенно начинает развиваться: полнейшая притупленность ее чувств начинает исчезать; ощущение нравственного удовлетворения и благодарности, сознание своих обязанностей пробуждаются в ее душе, и последствия глубочайшей, страшной запущенности, дикости и жесточайшей нужды начинают ослабевать. Эта девушка – пример ребенка, воспитанного в полной заброшенности; мне доставит невыразимую радость, если этот стремящийся вверх росток человечности, это неискоренимое благородство нашей души все же пробьется и полностью докажет свою жизнеспособность. Физические же последствия длительной нищеты еще не изжиты; от ежегодного обмороживания и отсутствия питательной пищи у нее все еще отекающие ноги. Ее сестра разделяла с ней ее судьбу и ее воспитание; она моложе первой и меньше согнулась под ярмом нищеты. Полная своенравнейшего и упорнейшего нахальства, лишенная чувства долга, она бурно сопротивлялась предъявляемым ей требованиям необходимости труда и послушания. И все же поддалась. Я полон надежды, что этот решительный характер, доставивший мне столько горьких часов, развернется и направит свои силы на хорошее.

Многие дети, даже большинство из них, ничем не выделяются, и я не задаюсь при их воспитании какими-нибудь особыми целями, но при сохранении низкого уровня их жизни стараюсь приучить к систематическому

труду по их профессии. О тех, которые здесь живут лишь несколько месяцев, я, во избежание ошибок, не хочу еще ничего говорить, хотя некоторые меня сейчас очень интересуют. Однако есть здесь и такие, над нравственным ростом которых я пока бьюсь без всякого успеха.

Друзья человечества! Среди этих детей есть мальчик, чье сердце глухо ко всякой нежности, ко всякому чувству; подозрительность, скарденность, низкое лукавство сквозят в каждом его взгляде. Он обладает очень посредственными способностями, но полон недоверия и хитрости. Работает он медленно, но в работе систематичен и точен. Друзья человечества, дайте мне совет, как руководить этим юношей.

Есть второй, на которого у меня больше надежды. Это ребенок без решимости и намерений, привыкший ко всякому злу, предрасположен к величайшей чувствительности, к постоянной активной деятельности. Но до сих пор никто не пытался разумно развивать эту важную основу его характера. Четырнадцать лет он был вольным бродягой; он переходил из одной страны в другую, от одного хозяина к другому, от злости и безделья в одном месте – к злости и безделью в другом. Он не видел, не слышал, не воспринимал ничего хорошего, и все же внутренняя основа его души не проникнута злом, не загрубела в грехе. Заложеной в его душе чувствительностью нужно руководить, его беспокойную деятельность нужно ввести в систему. Его одичалость и запущенность не огрубели его душу: он плачет, когда я говорю ему о достоинстве и предназначении человека, – все это он делает с совершенно неопишуемой живостью. Если бы он остался без руководства, неизбежно стал бы жертвой страшных опасностей человеческой нищеты. Да будет угодно богу, чтобы мне удалось спасти его от них. Затраченные на него силы не пропадут даром, и пи не останется маленьким человеком в своем кругу, если ввести порядок в его деятельность и его чувствительность. Но он находится здесь только три месяца, и контраст между его прежним, свободным и диким, образом жизни и тем необходимым регулярным трудом, который я должен требовать, чрезвычайно велик. Я очень опасюсь, как бы он не убежал, мне было бы очень жалко его потерять.

Следует еще упомянуть о Марии Бехли и Лизабет Арнольд. Первая совершенно слабоумна в полном смысле этого слова, настолько слабоумна, что я не видал большей степени слабоумия у идиотов в домах для душевнобольных. При этом она обладает удивительным музыкальным слухом. Вторая – чрезвычайно способна, но обессилена крайней бедностью; она калека, на девятом году еще не могла ходить. Оба эти ребенка теперь зарабатывают себе на жизнь и готовятся к жизни, при которой они спокойно могут рассчитывать на содержание, достаточное для удовлетворения их потребностей.

Большая утешительная правда заключается в том, что даже самый жалкий из людей почти при любых обстоятельствах способен к такому образу жизни, который дает возможность удовлетворить все потребности человека. Ни физическая слабость, ни слабоумие сами по себе не дают оснований для того, чтобы лишать этих детей свободы и запирают их в дома для сумасшедших и

тюрьмы. Их следует, бесспорно, помещать в воспитательные дома, где с учетом их сил и слабоумия для них выбирается достаточно легкая и однообразная работа. Таким образом их жизнь будет спасена для человечества и окажется для них не мукой, а спокойной радостью, а для государства она принесет не длительные и крупные расходы, а прибыль. Я настолько ощущаю важность этой истины, что с нетерпением стремлюсь доказать ее правильность многократным опытом; и действительно, мне хочется иметь в своем учреждении еще несколько детей с такой степенью слабоумия и физической слабости, если только они не связаны с изнурительными болезнями.

Как и раньше, я обучаю моих воспитанников чтению, письму и счету. Но так как не в этом будет заключаться в дальнейшем их работа, не это даст им заработок, то обучение здесь не должно быть связано, как это имеет место при городском воспитании, ни с большой затратой времени, ни с большим напряжением сил. Здесь не следует чрезмерно спешить. На седьмом году жизни ребенка я не имею права отрывать много времени от того, что является главным назначением его жизни и деятельности, для целей, которых я достигну на девятом году хорошо и легко с затратой того же количества часов. Характер этого учреждения требует такого точного установления наиболее подходящих этапов в обучении, однако в общем процессе воспитания эти конечные цели должны быть все же достигнуты полностью и в достаточном объеме.

Нравственное воспитание я большей частью провожу не как учитель. Я провожу его как участвующий в жизни детей отец семейства, причем для этого используются постоянно встречающиеся ситуации, в которых я участвую совместно с ними, а они участвуют совместно со мной. Успокоительная вера в бога, на мой взгляд, является великим основанием нравственности народа. Великая мечта моей жизни – написать маленькую книгу под заглавием “Успокоительная мудрость для бедняка”, которая учитывала бы ограниченные понятия низших слоев народа, раскрывала бы правду, пользуясь знакомыми им образами в духе их представлений. Это будет истина для них. Она должна согревать и радовать их сердца, говорить на их языке, служить для них руководством и путеводителем в тех условиях, в которых они живут, освещать все с общей всеобъемлющей точки зрения, без какой бы то ни было предвзятости, просто и ясно, но всегда с теплой, участливой и возвышающей человечностью!

Мне бы хотелось, чтобы мое учреждение дождалось такого учебника, чтобы я нашел помощь в осуществлении моей конечной цели: это были бы семена истины, посеянные на широких пустынных полях для неисчерпаемого богатства человечества. Однако философия охотнее возделывает под свою истину изысканные сады.

Мне становится все более ясным, что возможность осуществления моего идеала целиком базируется на наличии отношений, которые искренне воспринимаются как отношения между отцом и детьми. Если не настроить детей на такое восприятие отношений, то все надежды на будущее окажутся тщетными; если же подобные взаимоотношения будут проведены в жизнь и будут действительно искренними, то в таких учреждениях смогут претвориться в жизнь надежды и цели, ожидать осуществления которых без поддержания

такого духа в учреждении было бы пустой фантазией. Что касается экономического эффекта экспериментов, то мой опыт полностью подтверждает мои надежды на достижение поставленных мною задач. Заметно растет доходность того рода индустрии, которой занят мой дом и которую я сам ценой многократных ошибок привел к необходимой простоте и доходности, и это позволяет мне с уверенностью предсказать, что расчет, сделанный в “Эфемеридах”, осуществим и правилен. Однако и теперь еще мне приходится продвигаться не без мучительных трудностей. Установить практически во всех деталях точный распорядок в своем доме, насчитывающем в настоящее время пятьдесят человек, и найти, во что бы то ни стало, наиболее дешевый способ его содержания часто представляет для меня еще большие затруднения. Вообще меня чрезвычайно обременяет неблагодарность близости проживающих родителей: они подбивают своих детей, которых в моем учреждении приучили к работе, уйти, и убытки, которые я несу вследствие этого, доставляют мне часто большое неудовольствие, так как оттягивают осуществление моих конечных целей. Теперь я поступаю более осторожно при приеме таких детей, и мне не приходится больше опасаться частого повторения подобных случаев. Число детей в настоящий момент составляет 36. Я рассчитываю этой осенью прибавить лишь немногих, но весной хочу значительно увеличить их число; вынужден сделать это по экономическим причинам, потому что ведение предприятия, таким образом, путем мелких экспериментов, в общем, всегда убыточно, и только значительное увеличение числа детей может позволить надеяться на экономические выгоды. С этой точки зрения истинным благодеянием для учреждения является передача ему детей на разумных условиях, гарантирующих пребывание ребенка в течение длительного времени. Я ссылаюсь, впрочем, во избежание лишних слов, на мои письма к господину Н. Э. Ч. в “Эфемеридах человечества” и при случае буду посылать в этот журнал дальнейшие сообщения о подробностях ведения моего дома.

Я рад добавить, что высокоблагородные господа из Коммерческого совета Берна в этом году поддержали мое предприятие, и что они поручили должностным лицам (Amtsleuten) в Кенигсфельдене и Вильденштейне ежегодно сообщать им сведения о ходе и результатах этих опытов. “Экономическое общество” и различные частные лица Берна, а особенно одно общество, которое называется “Маленьким обществом” (“La petite société”), также оказали благотворительную помощь предприятию; и в Цюрихе и в Винтертуре предприятие также получило поддержку.

Вся сумма денег, полученных мной по подписке в пользу предприятия из Цюриха, Берна, Базеля и Винтертура, составляет 60 новых луидоров. Кроме того, дирекция французской колонии в Берне послала в мое учреждение двух детей, за которых уплачивается содержание.

С другой стороны, экономическое ведение моего предприятия, которое в большой степени зависит от доходов от моего имения, в этом году очень пострадало оттого, что все мои поля дважды подверглись сильному градобою и

мой урожай, в общем, оценивается значительно ниже, чем в одну треть того, на что я рассчитывал.

Разрешите ли Вы мне, благородные покровители моих конечных целей, и в этом году обратиться к Вам и просить Вас путем продления Вашей благодетельной милости облегчить мне и сделать возможным расширение, усовершенствование и завершение моих конечных целей. С не снижающимся рвением и твердой решимостью, со всем возможным для меня самопожертвованием я не перестану отдавать всю свою жизнь и все силы на выполнение начатого дела.

С благодарностью и глубоким уважением остаюсь обязанным Вам за Ваше благородное великодушие, лучшие друзья человечества, покорнейший слуга

*Г. Песталоцце.*

*Нейенгоф, 18 сентября 1777 г.*

### **Достоверные сведения о состоянии на 1778 год воспитательного учреждения для бедных детей, основанного Г. Песталоцци в Нейенгофе близ Бирра.**

Высокоблагородные, высокочтимые господа, благородные друзья человечества и покровители!

Настоящим имею смелость изложить перед Вами, милостивые государи, состояние предприятия, в отношении которого в прошлом году Вы проявили такое доверие и такой великодушный интерес.

Разрешите мне предварительно дать некоторые пояснения относительно того, чем вызвано нынешнее положение вещей и почему оно оказалось неизбежным.

Попытка частного лица основать воспитательное учреждение, успех которого целиком должен был зависеть от трудолюбия воспитываемых бедных детей, – это был проект, в осуществлении которого по самому существу дела можно было предвидеть бесконечные трудности.

Я задался следующей целью.

Я привез сюда детей бедных родителей, на которых лежит печать плохого и не приспособленного к условиям их будущей жизни воспитания. Все они родом из различных местностей, из разных по характеру хозяйств, безо всякой подготовки к труду и большей частью обладают всеми свойственными бедняку чертами – легкомыслием, нерадивостью, недовольством и спесью. И этих детей я решил воспитывать вместе в частном доме и в условиях полной свободы, скромно, не ища чьего-либо покровительства, только путем любви и убеждения подготовить их к основному назначению. С ними и через них я хотел основать рабочий дом, доходы от которого должны были обеспечить всему предприятию длительное и прочное существование.

Такова была установка, и мне пришлось пережить все связанные с ней трудности: в первый период моего эксперимента мне пришлось увидеть, как над счастьем моего дома нависла угроза, пока я не отказался от неосторожного,

слишком обширного плана моего предприятия, не свел производимые в доме работы к вполне обозримым, простым и независимым от внешних условий, не уяснил себе все особенности и нужды, присущие моему плану, и не изучил на опыте лучшие способы их удовлетворения.

В течение этого этапа, благородные друзья человечества, Вы сообразовали поддержать мое учреждение, помогли мне бороться дальше за осуществление великой цели моей жизни и создали для меня возможность сохранить учреждение на втором этапе его существования.

Я прошу Вас милостиво принять мою искреннейшую благодарность за Ваше благородное великодушие и разрешить мне со всей откровенностью правдиво описать теперешнее положение учреждения.

Перед ним стоят почти непреодолимые трудности: независимо от истинных потребностей учреждения и помимо существенных, действительно необходимых жертв, которые я приносил ради него, мне пришлось столкнуться с самыми большими реальными трудностями в виде спеси и неблагодарности бедняков. И, кроме того, в нынешнем году в результате неурожая, двукратного градобоя и теперешних высоких цен на продукты питания чрезвычайно трудно содержать пятьдесят человек домочадцев, трудовые достижения которых в большинстве случаев представляют из себя лишь убыточные ученические опыты.

Но тем не менее, в обстановке всех этих начальных трудностей, на основании опыта с каждым днем все более проясняется существо моего проекта, укрепляются мои надежды и облегчается их осуществление; серьезный вопрос о том, в каком отношении находятся расходы, требуемые на содержание большого трудового хозяйства в сельской местности, к общему доходу, которым приносит производство, вес больше решается в пользу подобных предприятий. Разница между десятилетним ребенком, который зарабатывает 2 батцена, и хорошо обученным тонкому тканью тринадцатилетним рабочим, который при теперешней выручке за сукно может заработать для своего хозяина 8 батценов, настолько велика по сравнению с увеличением потребностей, которые при этой разнице в возрасте не могут вырасти больше, чем в отношении 2 к 3, что эффект таких предприятий в будущем должен быть очевидным.

Доходность каждой фабричной промышленности всегда зависит от степени ее усовершенствования, и невозможно придумать способа, при котором легче и вернее можно было бы добиться производства значительно более тонких сукон, чем при помощи воспитания для этой цели детей, работающих под руководством мастеров. Кроме того, при такой простоте организации и легкости надзора над совместно работающими дома воспитанниками не только вполне возможно, но и легко осуществимо расширение учреждения (после того как будет набрано значительное количество детей). Более того, расширение обязательно должно стать целью и основной задачей! предпринимателя, которому следует всячески стремиться к тому, чтобы довести учреждение до максимально возможной независимости и самоокупаемости.

Расчет возрастания прибыльности руководимого таким образом труда и все большего превышения доходов над потребностями моего учреждения в дальнейшие годы основан отнюдь не на идеалистических мечтаниях, а на весьма простых и недвусмысленных принципах и данных опыта. Изучение этого дела настолько важно для человечества, что, считаю своей обязанностью публично заявить, что я с великой радостью буду приветствовать всякую проверку и изучение моих тезисов. Между тем во имя достижения моих конечных целей мне в настоящее время приходится соблюдать крайнюю осторожность, и потому я вынужден публично заявить, что в дальнейшем я не буду принимать детей только па основе доверия и по рекомендациям, без надежных договоров; и далее, что городские дети по своему поведению всюду слишком резко отличаются от детей самых низших из беднейших слоев населения Эргеу и что, по крайней мере, детей постарше возрастом уже нельзя с пол ной надеждой на успех содержать в воспитательных учреждениях для бедных с такими ограниченными средствами.

Самый характер подобного учреждения требует, чтобы я был уверен в законном пребывании у меня детей, и также необходимо требует дальнейшего ведения дела с самой суровой экономией.

Я при этом буду заботиться о чистоте и удовлетворении всех истинных потребностей детей, чем дальше, тем больше и со всем самоотвержением, на которое я способен; в частности, я приложу все старания, чтобы увеличить число мучных блюд для детей.

С полным сознанием того, как далеко я еще нахожусь от осуществления моих конечных целей, все же попрошу благородных покровителей моего учреждения назначить лиц, которые бы тщательнейшим образом провели наблюдения и вынесли заключение о том, каким образом я прокладываю путь к достижению отдаленных целей моего учреждения. Это должны быть лица, чьи знания и опыт могут послужить мне руководством, чье человеколюбие поможет им понять трудность моего положения и чья упорная защита истины и добра сможет облегчить и ускорить достижение мною столь важных конечных целей в условиях накопившихся в настоящий момент трудностей. Я хочу попросить Вас подвергнуть мое учреждение тщательнейшей проверке не потому, что я смею надеяться на то, что мою работу сочтут удовлетворительной, а потому, что единственной целью моей жизни я выбрал изучение способов, которыми можно облегчить воспитание бедняков и с уверенностью обеспечить его путем основания простых учреждений. Каждая подобная проверка для меня важна, поскольку она помогает уяснить само дело. Я также обязуюсь считаться с мнением контролирующих меня лиц в отношении правильности предпринятых мною действий, направленных на достижение поставленных целей.

Благородные покровители! Надеюсь, что при теперешнем столь тяжелом положении вещей я могу рассчитывать на Ваше милостивое снисхождение. Надеюсь, благородные люди, Вы поверите мне, что в ожидаемые мной лучшие времена я сделаю больше и буду, как и сейчас, отдавать все свои силы на то, чтобы довести мое учреждение до большего совершенства.



В настоящее время в моем учреждении содержатся следующие дети.

1. Барбара Бруннер из Эша, Цюрихского кантона, 17 лет; поступила в учреждение три года тому назад в совершенно запущенном состоянии, невежественной, но с прекрасными задатками; в настоящее время прилично прядет, вяжет и пишет, имеет способности к пению; главным образом, занята на кухне.

2. Френа Хирт, 15 лет

3. Мария Хирт, 11 лет

сестры из Виндизека.

Френа очень узкогрудая, хорошо прядет, умеет немного шить и писать; я доволен ее душевным обликом и нравственностью. Мария моложе, очень здоровая, весьма способная во всех отношениях, особенно к арифметике; очень живая, превосходно прядет, достаточно сильна, чтобы выполнять все работы, подходящие для этого возраста.

4. Анна Фогт – 19 лет

5. Лисбет Фогт – 11 лет

сестры из Мандаха.

Поступили три года тому назад в крайне запущенном состоянии, как в физическом, так и духовном отношении. Стоило невероятного труда научить их порядку, чувству преданности и труду; средства на жизнь они добывали нищенством. Глупость и невежество старшей из них доходили до почти невероятных размеров; она и сейчас еще вялая, но душевные способности уже, по-видимому, несколько развились; физическое состояние ее не улучшилось; у нее все еще отекающие ноги, она чувствует недомогание и ко всякой сельскохозяйственной работе совершенно неспособна. Младшая обладает способностями, здорова, но выказывала столь непреклонное упорство в нежелании научиться чему-нибудь хорошему, что даже в дрожь бросало; однако сейчас она, по-видимому, понемногу сворачивает на лучший путь, прилично прядет, способна как к сельскохозяйственной работе, так и к работе по хозяйству.

6. Генрих Фогт из Мандаха, 11 лет; три года уже находится в моем учреждении, очень прилично ткет, начинает писать; прилежен в занятиях французским языком и арифметикой, исполнительен, точен, старателен и аккуратен во всем, но хитер, подозрителен и, как мне кажется, ничем его не удовлетворишь, никогда ничем он не бывает доволен. Мальчик здоров.

7. Аннели Фогт из Мандаха, 11 лет, дочь Якова Фогта; работающая, хорошо прядет пряжу, недурно поет, имеет способности к арифметике; здорова, пригодна для работы, как в сельском хозяйстве, так и по дому; здесь находится три года.

8. Яков Фогт, ее брат; в раннем детстве в результате крайней нищеты и простуды заболел каким-то кишечным заболеванием, от приступов которого и сейчас еще часто страдает. Он упрям и очень вял. Ему 9 лет; здесь он три года.

9. Яков Эйхенбергер из Брунега, в возрасте 13 лет; полгода тому назад его подговорили убежать из учреждения; после долгого отсутствия вернулся. Он понятлив, по-видимому, добродушен, здоров, годится для сельскохозяйственной работы; внимателен, прилично ткет, немного умеет писать.

10. Лисбет Ренольд из Брунега; возраст 10 лет; здесь полтора года. Когда была принята в учреждение, еще не могла ходить, так как крайняя нищета

совершенно лишила ее сил. Она невероятно прибавила в весе, очень способна и в настоящее время здорова, хотя нельзя рассчитывать, что будет достаточно сильна для использования ее на сельскохозяйственных работах. Прилежно и тонко прядет.

11. Давид Ренольд из Цурзаха, 15 лет; здесь полтора года; хорошо ткет, чрезвычайно добросердечен, хорошо пишет, с прилежанием занимается началами арифметики и французского языка.

12. Леонци Гедигер из Эндингена, Баденского кантона, возраст 14 лет; в учреждении три года; сильный, здоровый, привыкший к сельскохозяйственной работе мальчик, лучше всех ткет; письмо – в начальной стадии, прилежно занимается французским языком; очень способен во всех отношениях, но груб и невоспитан.

13. Франциска Гедигер, его сестра; прядет, шьет, готовит, очень аккуратна во всякой работе, превосходно подготовлена ко всякой службе, где требуется внимание к послушанию; здоровая, смышленная и скромная; здесь находится три года; возраст 16 лет.

14. Марианна Гедигер, Шлет

15. Мария Гедигер, 8 лет

его сестры;

здоровые, живые дети; одинаково способны к работе в сельском хозяйстве и по дому.

16. Фридли Минт; родился в Биси Аубонского округа; постоянное местожительство в Ворблауфене; очень слаб, не способен ни к какой напряженной работе; имеет большой талант к рисованию; чрезвычайно своеобразное создание, полное творческих причуд и не лишенное некоторого плутовства; единственная его работа – рисование; здесь находится полтора года; возраст 10 лет.

17. Сюзетта Минт, его сестра; исключительно прилежная и работающая девочка; прилежно учится, здорова. Возраст 9 лет.

18. Марианна Минт, ее сестра, 8 лет; красивый, способный и чувствительный ребенок, но капризна и упряма; имеет прекрасные способности к пению, но слишком слаба для тяжелой сельскохозяйственной работы.

19. Бабели Бехли, 17 лет; здесь три года; чрезвычайно небрежна и легкомысленна, больше всего годна к работе в качестве посыльного на побегушках; с очень слабыми способностями, но физически очень здоровая и сильная.

20. Яков Бехли, ее брат, 15 лет; также небрежный и легкомысленный, давно привык к нищенству и безделью; ткет средне; невнимателен и во время занятий французским языком, очень склонен к дурному настроению и чувству неудовлетворенности; здесь находится три года.

21. Руди Бехли; надломленный ребенок, который особенно привлекает внимание своим добрым сердцем, выдающимися способностями к арифметике, а также исключительной внимательностью, благоговением и чувствительностью в молитве. Ему 10 лет, он три года здесь.

22. Мария Бехли, его сестра, 8 лет; и высшей степени слабоумна; однако человечеству должно быть очень интересно, что даже крайне слабоумных детей, которых привычная жестокость обычно осуждает на жизнь в доме для умалишенных, можно путем любовного воспитания научить какой-нибудь простой и соответствующей их слабости работе. Избавив от ужасов жизни взаперти, можно научить их зарабатывать себе на пропитание и дать им возможность свободно и беспрепятственно существовать.

23. Георг Фогт из Мандаха, 11 лет; мальчик, подающий большие надежды, ко всему прилежный, приветливый, понятливый, веселый, здоровый, способный как к сельскохозяйственной работе так и к работе по дому; здесь два года.

24. Генрих Фюксли из Бругга, 7 лет; способный, поступил сюда лишь несколько педель тому назад.

25. Ганс Маурер из Штетлена, 15 лет; здесь полгода; сильный, пригодный к сельскохозяйственной работе мальчик, прилично ткет, довольно прилежен. Он обладает способностями, но я боюсь, что за его на вид добродушной и простоватой наружностью скрывается некоторая доля притворства.

26. Анни Маурер, его сестра; простоватая и неаккуратная, особенно за столом; очень медлительная и вялая. Очень дерзка в отрицании своей вины. Прядет очень тонко, но ее каждый раз нужно понукать. Здоровая и сильная; возраст 12 лет,

27. Луи Шрётер, 15 лет; мальчик выдающихся способностей, однако обладает опасным притворством; так как он свободно пишет, знает начала арифметики и французского языка, он мне очень полезен; при пении проявляет чрезвычайно тонкий музыкальный слух.

28. Бабетта Шрётер, его сестра, 14 лет; шьет, вяжет, прилично прядет, имеет начальные навыки письма.

29. Нанетта Генри, 9 лет

30. Гаттон Генри, 8 лет

сестра и брат;

переданы мне милостивым государем ландфогтом Гал-лером фон Шенкенбергом, директором французской колонии, при исключительно великодушных распоряжениях и условиях. Это очень симпатичные и добрые дети; Гаттон очень способный и живой; Нанетта обладает этими свойствами в меньшей степени. Но они не приучены к работе, а их естественная и очень милая ласковость па деле мешает приучить их к труду. Тем не менее, я вполне уверен в их полном успехе, в особенности в отношении Гаттона.

31. Сюзанна Датвайлер из Эльфингена, 11 лет; дочь несчастного отца, находящегося в тюрьме; в учреждение поступила в чрезвычайно подавленном и истощенном состоянии. Физически очень хорошо поправляется, прилично прядет, имеет способности к пению и много других способностей.

32. Сюзанна фон Тальгейм, 10 лет, внебрачный ребенок; привыкла убегать из дому; имеет очень хорошие способности, но скрытна и капризна; имеет способности к пению, прилично прядет, здорова.

33. Конрад Мейер, 10 лет

34. Лисбет Мейер, 9 лет

из Рордорфа, Баденского кантона;

35. Мориц Мейер, 4 года |

недавно поступили в учреждение после бродяжнической жизни. Конрад здоров; Лисбет подает большие надежды в своем развитии. Мориц явно придавлен нищетой жизни, но у него хорошие задатки, и физически он поправляется.

36. Георг Гедигер, 4 лет от роду. Он и Мориц Мейер – единственные дети, которые вследствие юного возраста не способны зарабатывать.

37. Генрих Хирсбруннер из Сумисвальда, 12 лет; очень способный, понятливый, внимательный; у меня на этого мальчика много надежд (если только вынесет разницу между уже вкушенной им жизнью городского слуги и стесненной жизнью учреждения для бедных). Он делает очень заметные успехи; за несколько дней он больше успел в письме, чем другие за много месяцев.

В управлении моим учреждением очень большую помощь мне оказывает Мадлон Шпиндлер, девица исключительных способностей и удивительно деятельная; кроме того, я держу для учреждения мастера-ткача, двух квалифицированных ткачей, мастерицу-пряжу, двух взрослых прядильщиков, а также человека, который несет обязанности шпульника и, кроме того, обучает детей началам чтения и складам; держу также двух батраков и двух батрачек, почти исключительно для сельскохозяйственных работ.

Я хочу еще покорнейше сообщить моим многоуважаемым высокородным господам, благородным, человеколюбивым покровителям учреждения, что в прошлом году оно получило пособие из Берна от высокоуважаемых господ из Коммерческого совета, из обществ Экономического и Малого, от различных благородных частных лиц, а также из Цюриха, Базеля и Винтертура. Сумма всех полученных мной по подписке средств составляет 60 новых луидоров. Мне остается только, глубокоуважаемые высокородные и благородные друзья человечества, просить Вас отнестись со снисходительностью и добротой к моему стремлению достигнуть великой и важной цели и не отказать нашему учреждению и в этом году в своей великодушной поддержке. Я и впредь буду целиком посвящать себя его расширению, улучшению и усовершенствованию и с неугасимой энергией и непоколебимым упорством отдавать всю свою жизнь и все силы начатому делу.

*И. Г. Пвсталоцце.*

*Нейенгоф, 26 февраля 1778 г.*

### **Письма Исааку Изелину**

*Господину И. Изелину,  
члену и секретарю Совета в Базеле*

*9 апреля 1779 г.*

Благородный, высокоуважаемый господин! Благодарю Вас за подарок от господина Гуго фон Мальберга, хотя мне и стыдно, что я его принял. Теперь, когда существование учреждения в Бернбите явно близится к концу, кто знает,

что такое истина и что такое добро? Благородный человек! Давайте признаемся: до тех пор пока мудрости, мировой истине, не приходилось вступать в бой, она всегда оставалась книжной наукой и словесной истиной. Истина, которая с полным простодушием должна нести просвещение в гущу народа и приобщить его к мудрости; истина, которая должна доставить на дно людское радость жизни, должна обеспечить спокойствие, благосостояние и уважение людям, угнетаемым помещиками, мельниками, трактирщиками, короче говоря, людям, угнетаемым господами, которые полагают, что их господство даст им больше выгод, если народ останется непросвещенным; истина, которая хочет говорить языком народа и дойти до его сердца, – слишком противоречит всему теперешнему положению вещей в мире. Такая истина слишком явно вызывает гнев господ наследников, которые могут спокойно наслаждаться надежными капиталами, вложенными в промышленность, чтобы нечто подобное могло получить всеобщее одобрение! А затем, когда трудности и препятствия дают предлог человеку, в глубине души не сочувствующему делу, объявить эти вещи невозможными или, по крайней мере, относительно невозможными для предпринимателя, тогда он хоронит все дело, выражая всем своим видом искреннее сокрушение о том, что оно не удалось. Вы знаете, что я сделал, сколь малого просил и как подвергал себя полностью каждой опасности! Что же мне теперь думать об искренности желания, о сердечном намерении сильных мира сего, которые высказывают мне сочувствие в том, что мои просьбы, которые я обращал к ним, оказались неудовлетворенными? Учреждение в Б. покинуто, но я сам отказался от него. Я потребовал капитала под обеспечение и отказался далее принимать ежегодные субсидии, которые накладывают на меня нравственные обязательства и подвергают меня десятикратному риску.

Теперь я свертываю дело в Швейцарии, где, согласно моему опыту, подобные учреждения невозможно создать свободному человеку, нуждающемуся в содействии правительства, где мужество, труд и борьба выставляются на посмеяние народу.

Тому единственному человеку, который лучше других и который хотел мне помочь, пришлось бы для этого победить гидру в виде людей инакомыслящих и совсем не мыслящих, духовных и светских, всегда в тысячу раз более влиятельных, но считающих полезными лишь старый порядок и учреждения, хорошо отрегулированные и стоящие под контролем вахмистра, полицейского и тысячи других начальствующих лиц. А кто же здесь пойдет на это?

Наконец, я прошу Вас правды ради, пустите в ход свое влияние, чтобы помочь мне в скором времени найти пристанище для моего учреждения. Считаю, что завершение моей задачи является потребностью человечества, и мне кажется несомненным, что я обязан выполнить то единственное дело, к которому призван умом к сердцем.

Я не требую денег для осуществления своего проекта, во всяком случае, такой суммы, над которой пришлось бы задумываться. Хочу просить, какого-нибудь князя, чтобы он предоставил мне в имении бесплатное помещение и

нескольких бедных детей, которым я заступил бы место отца и с которыми наедине, без шума, в тишине продолжал бы работу в небольшом масштабе, пока не добьюсь успеха. Необходимо только одно – чтобы я мог провести в жизнь проект этого крайне несложного воспитательного учреждения в покое и при отсутствии тысяч осложнений, убивающих мое сердце и мозг. Я предпочел бы явиться неизвестным человеком, без имени, как простой сельский житель, и удалить все, что мешает максимальной простоте. Последнее чрезвычайно существенно. Ибо существо дела состоит в том, чтобы внушить воспитываемым мною детям, что простой человек без богатства и существенной материальной помощи может извлечь пользу из своих рук, если только он хорошо владеет ремеслами, применяемыми в его местности.

Первый и существенный результат, которого я пытаюсь добиться путем основания своего учреждения, заключается в том, чтобы всем своим существом оно доказывало ту истину, что каждый разумный простой человек может с выгодой для себя дать детям заработок и пропитание, причем все они получают при этом образование. В равной степени я стремлюсь к тому, чтобы эта истина была воспринята народом, стала правдой для народа, послужила бы для его просвещения, – вот чего я добиваюсь. Я добиваюсь того, чтобы таким образом все государственные приюты становились все менее и менее нужными, а бедные дети находили бы в своей местности воспитание, приспособленное к местным условиям, и истинное образование, подходящее для их положения и условий жизни. Этого никакое государственное воспитание не может выполнить в той мере, в какой это смогут сделать частные дома (Privatstuben), принадлежащие просвещенным в результате своей промышленной деятельности гражданам.

Мой дражайший благородный покровитель! Прошу Вас, не считайте меня нескромным. Я таковым не являюсь. Однако видит бог, сейчас, после пятилетнего труда, стараний и опыта мое дело кажется мне с каждым днем все милее и важнее, все более верным и величественным; и сейчас я считаю себя в тысячу раз более способным и благодаря опыту, которым я обладаю больше, чем кто-либо другой в этом деле, более знающим и более подготовленным для выполнения этого плана. Не бойтесь, благородный человек, и не тревожьтесь: истина, свобода и человеколюбие не будут побеждены, – и не считайте этого детским легкомыслием; нет, это речь взрослого мужчины, который может выполнить задуманное. Если бы мне пришлось для выполнения этой цели трудиться многие годы и жить на хлебе, воде и картофеле под соломенной кровлей, я бы с радостной улыбкой шел навстречу этой опасности и был бы уверен в конечном успехе и в том, что я выдержу при самых тяжелых условиях. Я хочу сделать это так, как сейчас никто бы не сделал, как, по моему разумению, нужно, чтобы это произвело наиболее сильное воздействие на народ. А именно: я хочу полностью воспринять образ жизни народа до тех пор, пока не завоюю его доверия и не обеспечу себе его сочувствия.

Повторяю свою просьбу, многоуважаемый господин: для того чтобы добиться своей цели, я хочу попасть к какому-либо министру, который был бы

человеком; если таковой на земле существует, и Вы мне это посоветуете, я поеду к нему этим летом.

Благодарю Вас за совет касательно еще оставшегося у меня в Швейцарии имущества. Я тщательно выполню все, что необходимо в этом отношении, но жизнь моя посвящена моему учреждению, я добиваюсь его, и ничего больше.

Благородный, высокоуважаемый господин, разрешите мне оставаться Вашим постоянным и покорнейшим слугой

*Песталоцц.*

*12 апреля*

P. S. Это письмо залежалось несколько дней, и я нахожу, что в нем я слишком сильно предался раздражению, вызванному отказом моих друзей из Б. Может быть, сейчас еще не время. И здесь в обстановке тяжелых препятствий дело еще может развиваться. Возможно, что, пройдя через горнило непрерывных трудностей, оно сможет стать всеобщим достоянием и, таким образом, существо этого дела после бывшего своего плачевного состояния может озариться ярким светом. Должен еще раз сказать: условия, на которых я сейчас владею имением, требуют от меня, чтобы я в течение нескольких лет, если не будет явно перевешивающих преимуществ, не думал о перемене места, как бы велико ни было в те тревожные моменты, когда писалось письмо, мое стремление попасть под покровительство какого-нибудь князя.

В спокойные моменты мне кажется, что разумное единственное поведение в настоящее время – это тихонько продолжать работу в маленьком масштабе.

Простите меня, я совсем не уверен, что после такого примечания вежливо отсылать это письмо в том виде, в каком оно написано.

*Господину Изелину,  
члену и секретарю  
Большого Совета в Базеле*

*13 августа 1779 г.*

Благородный высокоуважаемый господин!

Искренне рад, что мое последнее письмо произвело на Вас не совсем отрицательное впечатление, так как я душой болею за это дело. Но прежде чем решиться опубликовать это письмо, попрошу Вас вернуть его мне с тем, чтобы я мог его еще раз перечитать. Дело в том, что я боюсь, реакции публики и прекрасно сознаю, что моя голова создана не для нашего столетия, или, вернее, мое сердце и моя уверенность в своей правоте делают меня неспособным писать достаточно осторожно в защиту истины. Но Ваша снисходительность внушает мне мужество, а его может не хватить, так как Ваше мнение – это единственное, что его поддерживает.

Правда, я сделал все, что было в моих силах, при работе над своей речью о свободе родины. Но, возможно, что она теперь произведет тем более отрицательное впечатление на людей, которые в этом отношении предпочитают оставаться непросвещенными. Не могу разрешить печатать ее до того, как

на это дадут разрешение цензоры в Цюрихе, а я боюсь, что они ее запретят и мне придется с этим примириться. С другой стороны, не от меня теперь зависит определить участь списков с нее, которые больше не находятся в моих руках. Но должен Вам сказать следующее: мнения моих друзей в Цюрихе относительно этой работы очень расходятся. Некоторые из них, мнение которых я уважаю, обвиняют меня в не достатке знаний в области деловых и государственных вопросов.

Но разве я ошибаюсь, Изелин, когда считаю, что сила общих истин, сила исконных прав человека и здоровая гражданская политика меньше зависят от покрытых пылью сухих документов, чем это обычно считают? Разве я ошибаюсь, когда полагаю, что далекое от всяких мудрствований раскрытие внутренней сущности свободы и благотворное влияние такого истолкования на обычаи и домашний быт граждан будет важнее для поддержания свободы, чем искусственное “женевское доказательство прав”, благая сущность которых так часто приносится в жертву ради того, чтобы при помощи слов и чисто внешнего блеска удовлетворить тщеславие страны, между тем как внутренняя суть наслаждения истинной свободой при этом утрачивается? Я могу быть прав, но, может быть, моя рукопись все же не выражает того, что думаю. И я прошу Вас серьезно проверить ее, когда Вы снова ее получите.

Дело в том, что я не получил подготовки, необходимой для писателя. Я хорошо себя чувствую, когда у меня на руках ребенок или передо мной человек, кто бы он ни был, который проникнут чувством любви к человечеству. Тогда я забываю о той скудной правде, которую может начертать кончик пера, и, повинувшись зову милой природы, без книги и проводника отправляюсь по проселочной дороге, как это может сделать любой простолюдin. При этом я не более знаком с пешеходными дорожками и красивыми тропинками, которыми пользуются писатели, чем любой деревенский мальчишка. Все, что не может представлять интереса для блага человечества, меня не волнует, и в этом отношении я являюсь одним из самых невежественных людей. Поэтому все, написанное мною в качестве писателя, неизбежно должно иметь чрезвычайно слабую сторону, и я Вас очень прошу умерить в этом отношении свою снисходительность.

Ради Вас и ради самого себя я должен был дать Вам это объяснение, так как отношусь с уважением к Вашим “Эфемеридам” и не хотел бы, чтобы моя манера говорить об этих вещах принесла им вред.

Говорю это не для того, чтобы за скромностью спрятать тщеславие. Нет, я радуюсь тому, что мне позволено сотрудничать в Ваших “Эфемеридах”, и если Вы согласитесь присылать мне свои серьезные замечания относительно того, что в моих работах требует наибольшего исправления, то я хочу и буду писать о многом, что к основному касается конечных целей Ваших стремлений, ибо утверждаю – нет конечных целей и взглядов ближе, чем мои и Ваши.

То, что у ребенка нет того опыта и того умения вести себя, которым обладает его отец, вполне понятно. Но под руководством отца он может научиться этому. Разрешите мне питать надежду, что Вы охотно примете на



себя роль отца и руководителя во всех тех случаях, когда я ошибаюсь и от отсутствия всякой учености высказываю слишком односторонние мнения!

Однако единственное возможное просвещение для народа заключается в передаче твердых и четко сформулированных узких понятий, далеких от всякого всезнайства, и к такому просвещению народа я стремлюсь. Мне бы хотелось, чтобы большее число людей с ясностью осознало основные потребности человечества и со спокойным безразличием относилось ко всему остальному; быть полезным в этом отношении – это как раз то, к чему я стремлюсь.

Удостаивайте меня и в дальнейшем Вашего доверия и поверьте, что знакомство с Вами и Ваша любовь ко мне является одной из величайших радостей в моей жизни!

Имею честь с глубоким уважением и благодарностью оставаться Вашим покорным слугой.

*И. Г. Песталоцци.*

### **Вечерний час отшельника**

Что представляет собой человек? Какова его сущность независимо от того, сидит ли он на троне или находится под соломенной кровлей? Почему не говорят нам этого мудрецы? Почему великие умы не обращают внимания на то, что представляет собой человеческий род? Разве крестьянин не знает своего вола, который ему служит? Разве пастух не старается узнать природу своих овец? А вы, которые пользуетесь трудом людей и заявляете, что охраняете и пасете их, – стараетесь ли вы их узнать, хотя бы в той же мере, как это делает крестьянин по отношению к своему волу? Заботитесь ли вы о них так, как пастух о своих овцах? Является ли ваша мудрость знанием рода человеческого и ваша доброта – добротой просвещенного пастыря народа?

Что такое человек, в чем он нуждается, что возвышает и что унижает его, что дает ему силу и что лишает его сил, – узнать это – потребность, как пастырей народов, так и жителей самых бедных хижин.

Везде человечество чувствует эту потребность. Повсюду оно с упорным трудом и огромными усилиями стремится ввысь. Но людские поколения сходят одно за другим в могилу, не добившись цели, и многие люди в конце их жизненного пути заявляют во всеуслышание, что их жажда познания так и осталась неудовлетворенной. Этим людям перед их кончиной нельзя уподобить достигшим полной зрелости плодам, которых осень готовит к зимнему покою только после того, как они до конца выполнили свое назначение.

Почему человек в своих поисках истины действует без порядка и не имеет перед собой конечной цели? Почему не исследует он потребности своей собственной природы для того, чтобы построить на этом наслаждение и счастье своей жизни? Почему не ищет он истину, которая даст ему внутренний покой и наслаждение жизнью, истину, которая удовлетворит его душу, которая разовьет его силы, сделает его жизнь приятной и счастливой?

Стремясь удовлетворить свои потребности, человек находит путь к этой истине в глубинах своей природы. На этом пути младенец у груди матери, насытившись, познает, чем является для него мать, которая будит в нем любовь и благодарность. На этом же пути природы сын, который ест хлеб своего отца и греется вместе с ним у его очага, находит счастье своей жизни в исполнении своего сыновнего долга.

Человек! Если ты будешь искать истину в этом порядке природы, то ты найдешь ее такой, какой она нужна тебе для твоего мировоззрения и для твоей жизни.

Человек! Поскольку истина необходима тебе для твоего покоя и мира, поскольку она служит для тебя верной путеводной звездой в твоей повседневной деятельности, постольку она является опорой всей твоей жизни, постольку она составляет твое счастье.

Ты не можешь на своем пути использовать истину во всем ее объеме.

Круг знаний, дающий человеку счастье, узок, он образуется непосредственно вокруг него, вокруг его существа, вокруг его ближайших обстоятельств. Этот круг расширяется начиная отсюда и должен при каждом дальнейшем расширении держаться этого центра всей благословенной силы истины.

Истинное чувство правды создается в узком кругу, и истинная человеческая мудрость покоится на крепкой основе знания своих ближайших обстоятельств и выработанного умения справляться со своими непосредственными обязанностями. Эта человеческая мудрость, которая становится ясной из нужд нашей жизни, укрепляет и развивает пашу деятельную силу, и то направление ума, которое ею вызвано, является простым и четким. Эта мудрость порождается силою вещей во всех их реально существующих в природе взаимосвязях, и поэтому она приложима к любой стороне истины.

Она находит свое выражение в силе и чувстве и в способности уверенно ее применять.

Возвышенный путь природы! Истина, к которой ты ведешь,— есть сила и действие, источник формирования и содержания всей сущности человечества.

Хотя ты не достигаешь в воспитании человека быстрых и блестящих успехов и твой сын, о природа, ограничен, все же его речь является выражением и следствием совершенного познания предмета. Но, если люди слишком спешат опередить темпы движения, установленные тобой, они разрушают свои внутренние силы, уничтожают покой и равновесие своей души в самой их основе.

Они поступают так в том случае, когда, прежде чем постепенно подготовить свой ум к познанию истины и мудрости путем реального изучения конкретных предметов, пускаются в путаницу бесконечных словесных учений и мнений и кладут в основу умственного развития и первоначального воспитания способностей звук, речь и слово вместо истины реальных предметов. Этот искусственный путь школы, который везде спешит опередить свободный, медленный, выжидающий путь природы, выдвигая на первое место

слова, воспитывает человека во вкусе нашего столетия, искусственным блеском прикрывающего недостаток внутренней естественной силы.

Цель жизни, индивидуальное назначение человека – ты, книга природы. В тебе проявляется сила и порядок этой мудрой руководительницы, и любое школьное воспитание, которое не построено на этой основе, ведет по ложному пути.

Человек, отец своих детей! Не направляй их ум на очень отдаленные предметы, пока он не окреп еще на изучении близкого, и избегай принуждения и напряжения.

Хотя сила природы неудержимо ведет к истине, но в ее руководстве нет косности.

Трели соловья раздаются в глубоком мраке, и все предметы природы пребывают, наслаждаясь полной свободой; нигде нет и тени навязчивого порядка.

Если бы в способе обучения, которым пользуется природа, имелся принудительный и застывший порядок, то и она воспитывала бы односторонность и человек не мог бы всем своим существом легко и свободно воспринимать ее истин.

Противная, утомительная погоня за одной только тенью истины, за словесностью, которая совсем не возбуждает интереса, никак не может быть применена; направление всех сил развивающегося человека по произволу негибких, односторонних школьных учителей и бесконечные искусственные ухищрения вербализма и модных способов обучения, которые кладутся в основу воспитания человека, – все это тяжкое уклонение от пути природы.

Благодаря ее неуклонному ходу человек познает истину, но не как покорную служанку человечества, не как добрую и чувствительную мать, радостью и мудростью которой являются радости и потребности ее детей. Человек теряет равновесие своих сил, силу мудрости, если его ум слишком односторонне и насильственно направлен на один предмет. Зато способ обучения природы не является насильственным. Однако в воспитании, даваемом природой, имеется твердость и в ее порядке есть хозяйственная точность. Беспорядочная путаница многозначства очень мало походит на путь природы.

Человек, который с легкостью схватывает любое знание и не углубляет своих познаний посредством спокойного, постоянного применения, также уклоняется от пути природы, теряет твердый, ясный, внимательный взгляд, спокойное, тихое чувство правды, восприимчивое к истинным радостям.

Те люди, которые, запутавшись в своем многозначстве, слишком много говорят и приносят в жертву этой болтовне молчаливый смысл истинного человеческого знания, теряют почву под ногами.

При всей их шумной гордости оказывается, что для них остаются темными и неизвестными лежащие совсем рядом с ними области знания, даже в тех случаях, когда сила благословенного мудреца предстает в своем ярком свете.

Воспитание людей для истины, ты являешься воспитанием их характера и их природы для мудрости, дающей спокойствие. Где ты, сила природы – истинное воспитание человечества? Мрачные пустыни темноты и невежества также сводят с твоего пути.

Недостаточное знание твоей природы, человек, отводит твоим знаниям более узкие границы, чем те, которые тебе нужны. Превратное толкование первых основных понятий, касающихся твоих отношений, мертвящее, давящее насилие тирании, намеренное создание препятствий, мешающих пользоваться истиной и благами, противоестественный недостаток общего национального просвещения в отношении первых, основных обстоятельств и потребностей человечества, – как затемняет землю ваша густая тень.

Поэтому развитие способностей человечества – этого источника больших дел – и спокойное использование их плодов не является ни фантастическим стремлением, ни ошибкой, вовлекающей в обман.

Удовлетворение наших сокровенных стремлений, истинная сила нашей природы, счастье нашего бытия, ты – не мечта. Цель и назначение человека заключается в том, чтобы искать и исследовать тебя. Ты являешься также моей потребностью и порывом моей души, искать тебя – значит выполнять цель и назначение человека.

На какой дороге, на каком пути найду я тебя, истина, являющаяся моим благом и побуждающая меня к усовершенствованию моей природы?

Путь к этой истине можно найти в сокровенных глубинах моей природы. Все люди одинаковы в своей сущности, и для их удовлетворения имеется один только путь. Поэтому истина, почерпнутая из глубин нашей сущности, является истиной, общей для людей; она станет истиной, объединяющей многочисленное число спорящих, которые пререкаются из-за ее внешней оболочки.

\* \*  
\*

Все истинные, благословенные силы человечества – не дары искусства и случая. Их задатки лежат глубоко в природе всех людей. Развитие их является всеобщей потребностью всего человечества. Поэтому путь природы, который даст возможность их обнаружить, должен быть открытым и легким, и образование людей, ведущее их к истинной человеческой мудрости, должно быть простым и повсюду применимым. Природа выявляет все силы человека путем упражнения, а их развитие основывается на их применении.

Порядок природы в воспитании людей заключается в силе применения и упражнения его познаний, его дарований и его задатков.

Поэтому простой и бесхитростный человек, послушно применяющий свои познания и прилежно использующий и упражняющий свои силы и задатки, воспитывается природой в истинной человеческой мудрости. Человек же, который, напротив, нарушает в глубинах своего существа этот порядок природы и ослабляет тот глубокий смысл, который заключается в следовании по пути естественного развития своих знаний, теряет способность наслаждаться истиной.

Совершение поступков, которые идут против нашего внутреннего чувства справедливости, губит нашу способность познавать правду; оно запутывает чистое чувство высокой, благородной простоты наших основных понятий и наших основных ощущений.

Поэтому вся человеческая мудрость покоится на силе доброго сердца, верного правде, и все человеческое счастье покоится на ощущении этой простоты и невинности.

В воспитании людей в истинном духе простоты и невинности заключается отеческая забота человечества. Неиспорченное сердце должно правильно руководить всем ходом умственного развития человечества и охранять его.

Общее развитие этих внутренних сил человеческой природы до степени истинной человеческой мудрости является общей целью воспитания также и низших сословий.

Упражнение, применение и использование своих сил и своей мудрости в особых условиях и обстоятельствах является задачей профессионального и сословного воспитания, которые всегда должны быть подчинены общей цели человеческого воспитания.

Мудрость и сила, основанные на простоте и невинности, являются счастливым уделом человека во всяком положении и на любой, даже самой низкой ступени общественной лестницы. Они составляют также необходимую потребность человека, какое бы высокое положение он ни занимал. Тот, кто не является человеком по своим внутренним силам, подлинно развитым человеком, у того отсутствует основа для подготовки к его непосредственному назначению и особому положению, какой бы высокий пост он ни занимал.

Пропасть отделяет простого отца семейства от государя, бедняка, отягощенного заботами о хлебе насущном, от богача, стонущего под бременем еще более тяжелых забот, неграмотную женщину от образованной, ленивого соню от гения, орлиная сила которого простирается на весь мир.

Но если у людей, находящихся на высоте, нет человечности, они будут окутаны мраком, в то время как люди, воспитанные в бедных хижинах в духе человечности, будут сиять светом истинного, возвышенного, умиротворяющего человеческого величия.

Так жаждет в своем величии государь мудрых и справедливых законов для своих заключенных. Но напрасно он, может быть, тратит на это свое золото. Если бы он развил чувство человечности у людей, находящихся в военном совете, в охотничьем ведомстве и казначействе, если бы он создал проникнутые истинным отеческим духом отношения в своем доме, он смог бы дать серьезное, мудрое и отеческое воспитание судье и надсмотрщику над своими заключенными.

Без этого слова просвещенных законов представляют собой то же самое, что слова о любви к ближним в устах бессердечных людей, стоящих у власти.

Так далеко стоишь ты, может быть, государь, от благословенной справедливости, которую ты ищешь!

Между тем отцы, живущие в нищете, мудро обращаются со своими неудачными сыновьями. Государь, учись мудрости по отношению к твоим заключенным у этих отцов, проливающих слезы бессонными ночами и горюющих под бременем своих повседневных забот. Давай право даровать жизнь и присуждать к смерти людям, которые стремятся обрести мудрость на этом пути. Государь, счастьем мира является воспитанная в людях человечность и только посредством нее действует сила просвещения и мудрости и глубокая польза всех законов.

\* \*  
\*

Человек, ты сам, твоё внутреннее сознание своего существа и своих сил,— ты являешься первой задачей воспитывающей природы. Но не для себя одного живешь ты на земле; поэтому природа образует тебя для внешних обстоятельств и при их помощи. Так как эти обстоятельства близки тебе, человек, то они очень важны для того, чтобы воспитать тебя для твоего будущего поприща. Воспитание у человека способности познать более близкие к нему отношения всегда является источником мудрости и способности постигнуть и более отдаленные от него отношения.

Отцовское чувство воспитывает правителей, братское чувство воспитывает граждан; и то и другое является источником порядка в доме и в государстве.

Семейные отношения людей являются первыми и наиболее естественными отношениями.

Человек занимается своим профессиональным трудом и выполняет повинности по отношению к государству, чтобы иметь возможность мирно пользоваться чистыми благами своего семейного счастья. Поэтому профессиональное и сословное воспитание человека должны быть подчинены конечной цели — научить его наслаждаться чистым семейным счастьем.

Поэтому ты, отчий дом, являешься основой всякого естественного истинного воспитания человека.

Отчий дом, ты школа нравов и государства!

Человек! Вначале ты бываешь ребенком, затем учишься своей профессии.

Детские добродетели являются благословением годов твоего ученичества; они служат началом развития в тебе способности наслаждаться счастливыми моментами твоей жизни.

Тот, кто отступает от этого естественного порядка и выдвигает, наперекор природе, на первый план сословное, профессиональное воспитание, воспитание властелина, слуги,— тот отдаляет человека от пользования естественными благами и подвергает его многочисленным опасностям.

Человек должен быть воспитан для внутреннего покоя: довольство своим положением и благами, доступными в данном положении, терпение, уважение и вера в любовь отца, готового прийти на помощь при всех затруднениях,— в этом воспитание человеческой мудрости.

Без внутреннего покоя человек странствует по неторным дорогам. Жадное стремление в недостижимую даль лишает его всякого наслаждения

близким счастьем в настоящем и всякой силы мудрого, терпеливого и гибкого ума.

Если человек не проникнут более внутренним покоем, то это обессиливает его душу и подвергает его тяжелым мукам в те дни, которые спокойный мудрец встречает с улыбкой.

Ненасытный человек страдает в своем счастливом семейном кругу от того, что на балу никто не обратил внимания на то, как он танцует, что прошла незамеченной его игра на скрипке в концерте, что его тезисы не произвели впечатления в аудитории.

Внутренний покой, и тихие радости являются самыми важными целями воспитания человека, и им он должен уделять больше всего внимания.

Человек! Твои знания и твое честолюбие должны быть подчинены этим высшим целям, в противном случае любопытство и честолюбие принесут тяжелые мучения и несчастье.

Не видите ли вы, люди, не чувствуете ли вы этого, сыны земли, как ваши высшие сословия теряют из-за воспитания, которое они получают, свои внутренние силы? Не видите ли вы, люди, как отклонение от мудрого порядка природы приносит им, этим сословиям, опустошенность и несчастье и переносится от них на народ? Не чувствуешь ли ты, земля, как человеческие поколения уклоняются от истинного счастья, которое дают семейные отношения, и устремляются повсюду к блестящим подмосткам, чтобы пощеголять своими знаниями и пощекотать свое честолюбие?

В неведомую даль шествует заблудившееся человечество.

### **Листы из незаконченной рукописи “Добрый яков; как он воспитывал своего сына”**

В конце села, на небольшом холме, стоит низенький старый домишко; крыша его непрочно держится на подгнивших балках. Хижина является ненадежным приютом в бурю, она слабо защищена от непогоды в суровое время года. В этой хижине живет Елизавета, знакомая мне добрая женщина. Вылезаю со своим мальчиком из экипажа, чтобы приветствовать ее, потому что уже с юных лет чувствовал к ней симпатию и уже много лет ее не видел. Мы вошли в комнату. Она поднялась от своей прялки, приветливо подала мне руку и сказала:

– Вот так неожиданная радость, что пришлось снова свидеться с тобой, Яков!

– Я не мог бы проехать мимо, не заглянув, чтобы поговорить с тобой, Елизавета, – сказал я.

Я ожидал, что застаю ее дом в состоянии глубочайшей нищеты, но нашел ее неописуемо счастливой. В узкой, низкой комнате работали рядом с матерью девять детей. Терпеливым овечкам не приходится жаться теснее друг к другу, чем этим детям с их веретенами; все они были радостные, здоровые и веселые; оживленно жужжали все веретена, чистыми и ровными были все нити;

расчесанная кудель и полностью намотанные хорошенькие веретена, одно другого лучше, лежали рядом с каждым из детей.

– Я не смел, надеяться, что застану вас всех такими Довольными, здоровыми и веселыми, – сказал я матери.

– Я должна благодарить бога, что мы так многого Добились. Я и сама на это не смела надеяться, когда умер мой покойный муж, – сказала женщина.

Яков. Нет, видит бог, на это никто не мог рассчитывать, так плохо тогда обстояли дела.

Елизавета. Я благодарю бога за все это.

Яков. Но как же ты вначале справлялась? Все они были еще такие беспомощные и маленькие, и так их было много!

Елизавета. С божьей помощью. Где переможешь, где переспоришь, – так я и выбилась; и сейчас мне кажется, что, если бы их еще вдвое больше было, мы все равно бы справились и жили не хуже, чем сейчас.

Яков. Я не узнаю в тебе больше моей прежней робкой и боязливой Лизы! Какая ты теперь стала мужественная и смелая!

Елизавета. На что же тогда стариться, если с годами не становиться более сильными и умелыми? И как же это было бы возможно столько лет изо дня в день перебиваться и все же иметь только самое необходимое? Изо дня в день господь нам помогает – как же тут не стать мужественнее и решительнее и все больше не надеяться на господа бога на небесах! Условия, в которые я попала, укрепляют человека, поверь мне, Яков.

Яков. Твои дети все такие здоровые и веселые!

Елизавета. Да, слава богу.

Яков. Я этого понять не могу. С тяжелым сердцем входил я к тебе в комнату: боялся застать тебя и твоих детей в глубокой нужде. У меня в экипаже лежит мешочек с фруктами: думал подкрепить тебя ими в твоей глубокой нищете. А теперь я, слава богу, могу угостить тебя с радостным сердцем. Никак не могу этого понять: ведь они все у тебя отняли, у тебя больше не осталось земли. В последний раз, когда я тебя видел, у тебя в хижине не оставалось ничего, кроме детей.

Елизавета. Ты был и тогда сострадательным, Яков, и много сделал для нас! Да вознаградит тебя господь за это, добрая твоя душа! Да, тяжелое было положение – меня часто за сердце хватало, когда все они лежали вокруг меня и плакали, требуя есть, а у меня ничего не было. Но и для них и для меня действительно все счастливо обернулось. Все мы научились с терпением и спокойствием, без чувства обиды обходиться, без самого необходимого: деревянные башмаки и лохмотья защищают, прикрывают и одевают как многие лучшие вещи, а на соломе прекрасно спится. Вот это – бедняку опора, за которую он может ухватиться, чтобы снова подняться, если он это хорошо понимает, и хорошо к этому сумел приноровиться. Однако, к сожалению, часто он к этому не привык и редко правильно разбирается в своих обстоятельствах. Надо урезать до крайности все, без чего можно обойтись, а затем ввести строжайший распорядок: сидеть вместе, не терять ни одного часа, подбадривать себя, высчитывать, что только можно, всегда рассчитывать на лучшие времена,



которых можно добиться мужеством и терпением, работать рука об руку, извлекать из всякой мелочи все, что только возможно,— вот что помогает бедняку выбиться из своей нужды. Я вначале спала не более четырех часов в ночь и давала детям есть, конечно, вдвое меньше того, что им требовалось. Но так не все время было. Дети подрастали и вскоре начали мне помогать зарабатывать себе на пропитание. О, Яков! Моя бедность и мои слезы заставили их с нежностью относиться ко мне. Я счастливейшая мать! Мне пришлось испытать это уже сотни раз. Подумай, однажды, недолго спустя после смерти отца, я оставалась должна торговцу хлопком три гульдена, и он без моего ведома, спросил Аннели, скоро ли я с ним расплачусь. Девочка не сказала мне ни слова, только, когда заметила мою тревогу и замешательство, она бросилась мне на шею со слезами на глазах и уговаривала меня, чтобы я ради бога не беспокоилась, так как все обойдется; между тем девочка работала почти сверх своих сил, до глубокой ночи, и каждую субботу относила посреднику тайком от меня лишний фунт отработанной пряжи, пока не отработала этих трех гульденов.

Я сама собралась однажды к посреднику, чтобы он не подумал, что я совсем забыла о долге, и, поблагодарив его за то, что он был настолько добр и так долго ждал уплаты, попросила потерпеть еще несколько недель. Но, подумай, что я почувствовала, когда узнала о поступке доброй девочки! Если бы я родила короля, то и то не была бы счастливее, чем в этот момент. И все, все, ах, все они всячески старались не показать мне, что они голодны. Видя слезы у меня на глазах, когда я давала им хлеб, видя, что я ничего не ем,— ах! они тысячу раз упрасивали меня от всего сердца: “Ешь же, матушка! Ешь ты! Мы еще можем потерпеть”. И они не хотели купить ни одной ленты и ни одной пары новой обуви даже из своего собственного заработка, пока посыльный кредиторов, появление которого вызывало у меня слезы, не перестал появляться у наших дверей. О, Яков! Через все это они прошли, здоровые и веселые; и когда мы теперь почти без забот все вместе сидим и прядем, ты можешь себе представить, как я, сидя среди них, в сердце своем благодарю бога. Я их всему учу сама, повторяю им катехизис и псалмы, и так за работой они учатся всему, что должны знать. Пастор им всегда давал свидетельство, что я с ними достигаю большего, чем, если бы я их посылала в школу. Кроме того, у меня за хижинкой есть маленький участок земли: они помогают мне полоть его, окапывать и засаживать. Я думаю, что это имеет большое значение для их здоровья, которое могло бы пострадать от непрерывного сидения за прялкой,— мы почти целиком кормимся со своего маленького участка и проводим тысячи веселых часов за этой летней работой.

Когда я увидел распорядок в этом доме, точное начало и окончание работы детьми, необыкновенную ровность и тонкость спряденных ими нитей, когда обнаружил необычайные успехи в учении, проверив знание катехизиса и псалмов, когда я увидел, с каким тщательным вниманием эти дети пишут и читают, когда увидел собственными глазами величайшее и послушнейшее трудолюбие в соединении с самым ясным, веселым и спокойным обучением, которое мне когда-либо приходилось наблюдать,— я понял как никогда ранее,

какое значение имеют естественные условия, среди которых находится человек, для его воспитания. Ни искусство, ни школа не могут дать нам таких успехов в образовании человечества; но умная, добрая мать, следуя по пути, указанному моей Елизаветой, не испытывает в этом почти никаких затруднений.

## **Памяти благородного друга человечества**

Хотя мне и раньше казалось, что говорить с объективной исторической точностью о своих собственных переживаниях в связи с воспоминаниями об усопшем друге будет довольно затруднительно, все же тогда я не предполагал, что это приведет меня к тому, чтобы рассказать часть истории моей личной жизни более обстоятельно, нежели мне это, собственно говоря, и сейчас хочется.

Тем не менее, я не имею права полностью отказаться от своего обещания.

Поводом к моему знакомству с Изелином послужил опыт одного учреждения для бедных детей, который я много лет тому назад решил предпринять в моем загородном доме. Задачей этого учреждения было доказать ту истину, что доход от различных работ, на которые способны дети, может покрыть расходы, связанные с простым, но вполне соответствующим потребностям сельской жизни воспитанием, и возместить вложенный в дело капитал до наступления совершеннолетия детей.

Опыты эти, по моему убеждению, имели для выяснения дела почти решающее значение, несмотря на то, что такое же решающее значение они имели и в смысле разорительности для моих личных финансов.

Во многих отношениях эти опыты были ошибочны, и потому я считаю полезным поговорить об этом открыто.

Главной ошибкой моего опыта было то, что я в моем трудовом доме соединил с физическим трудом коммерцию. Ребенок, который должен содержаться на доход от своего труда, должен искать и находить средства к существованию в точном соотношении своих маленьких потребностей с маленькой продукцией своей ежедневной работы.

Найти это правильное соотношение, постоянно иметь его в виду и обеспечить полное его осуществление – вот материальная основа каждого трудового учреждения, отвечающего тем задачам, которых я стремился достичь. И вот почему каждое такое учреждение, если оно желает самым тщательным образом обеспечить прочность своей материальной базы, должно неизбежно ограничиться простым применением физического труда и этим удовлетвориться.

Каждый воспитательный метод требует столько пристального внимания, что нельзя в достаточной мере добиться наибольшего упрощения всех условий, работ и конечных целей такого учреждения.

Можно с уверенностью принять то положение, что наличие двух главных точек зрения в предприятии такого рода, несомненно, обуславливает основные причины его будущего разложения.

Поэтому такое предприятие ни в коем случае не должно рисковать впутываться, во что бы то ни было, что может внести неясность в его главную установку, а лишь с наивозможным упрощением довольствоваться уплатой вознаграждения за труд.

Единственная операция, допустимая в нем по самой его природе, – это совершенствование физического труда, и в этом отношении мой опыт показал, что правильно руководимое учреждение может лелеять в этой области самые широкие надежды.

Необходимость наибольшего упрощения такого учреждения важна тем в большей степени, чем слабее силы руководителя предприятия, – и именно из-за этого обстоятельства результаты моей первой ошибки отозвались на мне вдвойне тяжело. Силы мои скоро иссякли, а для того направления, в котором предприятие развивалось, у меня было слишком много детей. Оставаясь я при простом применении физического труда, я бы не подорвал своих сил, и число детей само по себе не оказалось бы для меня слишком велико; оно было таким лишь вследствие той путаницы, которую вносили в предприятие торговые дела, во всех отношениях превышавшие мои силы.

Все эти обстоятельства, вместе взятые, имели значительное влияние еще на одно условие, а именно на обеспеченность пребывания этих детей в течение определенного числа лет. Это условие чрезвычайно важно для каждого учреждения такого рода, но в наших краях особенно встречается непреодолимое затруднение: оно предполагает полное разделение взглядов руководителя правительством и твердо установленные положения, согласно которым руководителю была бы обеспечена быстрая и основательная помощь в осуществлении его прав и поставленных им задач.

Вышеприведенные мною ошибки и их очевидные последствия были наряду со многим другим причиной того, что и в этом отношении я ни разу не смог воспользоваться всем тем, что могло бы укрепить учреждение.

Словом, произошло совпадение целого ряда обстоятельств, из которых каждое само по себе уже могло бы привести к разрушению предприятия. Но, с другой стороны, налицо имелось столько побудительных причин, которые заставили меня поставить на карту все и противостоять всяческим затруднениям, чтобы достигнуть моей конечной цели!

Основа учреждения – доходность детского труда – подтверждалась самыми благоприятными опытами, рост ее был очевиден, а положительные стороны учреждения, несмотря на его распад, бросались в глаза.

Причиной гибели учреждения были, очевидно, случайные привходящие обстоятельства, совершенно независимые от существа дела.

Внимание и помощь некоторых благожелателей и друзей поддержали мое мужество и побудили меня, основываясь на иллюзиях, надеяться на сохранение учреждения. К тому же сердце мое было устремлено на стоящие передо мною задачи и мой разум, хотя и загруженный путаницей и тяжестью всяких мелочей, все же жил этим идеалом. Я не существовал больше вне моего учреждения и, погибая от связанных с ним трудностей, в конце концов, уже почти

вне себя, все же в каком-то ослеплении цеплялся за осуществление своих целей, совершенно недостижимых для меня в создавшемся положении.

При этих обстоятельствах дружба Изелина была для меня тем благостным отдыхом, все огромное значение которого знает лишь тот, кто в течение ряда долгих лет томился, сгибаясь под непосильными трудностями, для того чтобы в награду за свою деятельность сделаться всеобщим посмешищем, и кто, наконец, находит друга, который дарит его своей любовью и воздает должное.

Все это я получал в этот период времени от моего покойного Изелина.

Все, что от него зависело, чтобы поддержать мое учреждение с момента, когда оно пошатнулось, было им сделано: вместе со мной он изучал его принципы; контролировал его финансовую часть; договаривался с людьми, которые считали предприятие реальным и нереальным; отделял существенное в нем от моих случайных затруднений; имел мужество отстаивать то действительно хорошее, чем отличалось мое дело в те моменты, когда оно со стороны представлялось в наиболее неблагоприятном положении; поддерживал мое мужество; облегчал меня своими утешениями в самые горькие часы моих переживаний, и по мере увеличивающихся трудностей моего положения росла и его энергия в деле укрепления учреждения. И когда, наконец, дальнейшее сохранение его стало совершенно невозможным, подавленный переживаемыми мною страданиями в этом глубочайшем горе моей жизни, я бросился к нему, так как на всем свете я не имел никого, у кого бы я мог надеяться найти исцеление, кроме как у моего Изелина... И я не ошибся: в моменты, имевшие, по всей вероятности, решающее значение для моего разума, для моего сердца и для всей моей судьбы, Изелин проявил по отношению ко мне такую мудрость и любовь, которые обязывают меня к вечной благодарности, тем более что я все яснее сознаю, что за, все то, чем я в настоящее время стал, должен благодарить своего учителя, который руководил мною в этот период.

Мне необходимо было иметь приют для отдыха, чтобы прийти в себя и беспристрастно оценить себя на основании пережитого опыта и результатов моей деятельности. Изелин руководил мною во время этого отдыха, без которого я стал бы совершенно негодным для дальнейшей работы.

В моем унижении Изелин дал мне почувствовать, что я все же что-то сделал, и, обладая его любовью, я не мог совершенно пасть духом. Сотни несчастных погибают потому, что никто не помогает им подняться до осознания того, чем они все же еще являются. Вы, счастливы, не выполняете в этом отношении вашего долга. Вы должны были бы подумать о том, что нет с вашей стороны ни мудрости, ни добродетели, если среди ваших шуток и песен вы не ушибете неосторожно ноги или не приведете в беспорядок ваши волосы. Пусть правильно то, что вы играете, — иначе вы почти не могли бы жить; но оставайтесь же человечными в ваших играх, не давите тех, кто ставит себе более далекие цели, нежели те, к которым вы стремитесь, не давите измученных превратностями жизни и падающих у ваших ног — там, где вы танцуете.

Пощадить униженного и подать руку помощи утопающему — вот настоящий пробный камень мудрости и добродетели. В этом отношении я

никого не могу поставить рядом с Изелином. То, что мне давал Изелин – такое бережное отношение к слабому, такое терпение к ошибающемуся, такое уважение к подавленному, такое внимание к сбившемуся с пути, такую любовь к страдающему, такую бодрость духа по отношению к встревоженному, такую сдержанность к возмущающемуся, – я нигде не встречал среди людей, которых знаю.

О люди! Отнюдь не истина вновь приводит заблудшего на праведный путь. Истину вечно проповедуют ему тысячи. Лишь не знающая границ человечность и доброта, посредством которых человек, стоящий на высшей ступени благородства, добивается привязанности этого заблудшего, – вот что спасает последнего и делает способным вновь воспринимать истину и следовать ей; и этот-то дар я и ставлю в заслугу покойному. Этот дар отмежевывает человека от проповедника и ставит последнего, волею создателя человеческого сердца на второе место, превращая его в пустой кимвал, звучащий, лишь только он становится менее человеком, чем проповедником. Этот же дар сделал Изелина моим спасителем. Человек не ищет истины и мудрости у тех, кого он не любит; вот почему основой действительно великой и действенной мировой мудрости является умение заставить себя любить там, где ты хочешь влиять. И это Изелин умел в такой степени и так совершенно, что я почти стыжусь все время только и говорить о том, чем он был для меня, и все же спустя восемь дней я вновь продолжаю то же самое, ибо, чем более я говорю, тем более мне кажется, что я не могу достаточно высказать, как многим я ему обязан.

### **Как были написаны две книги для народа**

Вернувшееся душевное спокойствие, которым я во многих отношениях обязан Изелину, и досуг, которым я с некоторого времени располагаю, привели меня к совершенно иной работе. Если мне уже суждено когда-либо рассказать, как случилось, что я написал две книги для народа, то следует рассказать это именно теперь, так как я и в этом отношении столь многим обязан моему покойному другу.

Он вместе с К. Ф. в Цюрихе и одной милой женщиной, которая теперь находится далеко от меня – в..., был единственным, кто считал меня способным на что-либо подобное, и притом тогда, когда у него еще не было к тому настоящих доказательств. Большинство людей считало меня в то время не способным ни к чему, а меньше всего к этого рода деятельности, и возразить на это было нечего. Бросалось в глаза, что я с ранних лет отошел от всякой философии, от всякой религии, от всякого упорядоченного мышления, от всякой привычки исследовать что-либо до конца.

Несмотря на все это, Изелин и Ф., только на основании их личного знакомства со мною, исходя из впечатления, которое я производил, решили, что я обладаю опытом, который не только годится для вещей, выполнение коих весьма важно, но который может также дать интересный материал для того времяпрепровождения, которому везде служат писатели нашего столетия.

Изелин и Ф. хотели, кроме того, чтобы я после многих изнурительных лет, наконец, нашел кусок хлеба. Поэтому они, несмотря на все мое внутреннее сопротивление, побудили меня превозмочь себя и начать писать; точно так же я стал бы тогда делать парики, если бы мог этим доставить помощь и утешение моей жене и ребенку. Таким образом, возникли моя первая книга для народа и несколько небольших статей. Когда я писал, я находился в таком положении, что вынужден был, чтобы не покупать бумаги, вписывать забавные рассказы между строками старых, исписанных бухгалтерских книг и сколотых вместе счетов. Кое-какие из этих рукописей я сохранил на память. Может быть, глупо рассказывать все это? Нет, люди! Я хочу, чтобы вы знали до конца, сколь многим я обязан Изелину, а если не знать, из какого положения он меня спас, то никогда нельзя будет понять, сколь многим я ему обязан.

И все-таки я не рассказал бы всего этого, если бы не мог добавить, что я доволен своей судьбой и искренне благодарю провидение за путь, которым оно меня вело. Меня радует и мое открытие, что люди в сердце своем добры и вообще очень охотно отказываются от своих ошибок, если только могут. И было бы неблагодарностью, если бы я не сказал здесь, что с тех пор на мою долю выпало столько проявления любви, благожелательности, уважения и самого благородного сочувствия к моему положению, что страдания, причиненные состоянием, в котором я оказался вследствие моих несомненных ошибок, стали для меня во многих отношениях источником самого чистого наслаждения, какое я когда-либо испытывал в моей жизни. Но довольно говорить о предмете, которого я, может быть, и не должен был касаться. То, что я хотел сказать по существу,— это о том особенном, чем отличалась моя подготовка к писательству.

В течение тринадцати лет я не прочел ни одной книги, не имел ни одной мысли, которые находились бы в какой-нибудь связи с писательским делом. В юности я, правда, забавлялся пером, как и все мои товарищи, но эту игру давно уже забыл. Уже давно привык ни о чем не думать, кроме того, что было необходимо, ничего не вбивать себе в голову, кроме того, что особенно бросалось в глаза, и из всего, с чем я сталкивался, не делать никаких других выводов, кроме тех, которые мне нужно было делать для себя.

Мой образ жизни заставлял меня общаться с очень многими и разнообразными людьми, мои глупости приводили к тому, что мне от многих из них приходилось терпеть такое, что не со всяким бывает. Но, сказать по правде, мне здесь, в этом божьем мире, совсем не приходила в голову мысль изучать их, многому учиться у них. Я должен был общаться с ними, и этому я научился, как вообще всякий человек легко научается тому, что он обязательно должен уметь делать.

Во всякой деревне имеются люди, которые по-своему целесообразно обращаются с каждым, с кем им приходится иметь дело, причем редко кто из них думает о том, что для этого требуется знание людей и знание народа. Редко даже кто из них уясняет себе, что это такое — знание народа и знание людей.

В течение многих лет я поступал так же, как мои хорошие соседи: пользовался своим умением обходиться с людьми, поскольку оно у меня

имелось, и никогда над этим особенно не задумывался, не ломал себе головы над вопросом, что нужно знать для того, чтобы уметь, как следует обращаться с людьми. Если мне приходилось иметь дело с Гейни, то я думал о том, что такое Гейни и какие из его свойств я могу в данный момент использовать. Больше я о нем ничего не думал. Я не задумывался ни над кем, никому не изумлялся, никого не изучал и даже не думал о человеческих действиях, кроме того времени, когда я непосредственно сталкивался с ними. Таким образом, то, чему меня научили мои близкие, пришло ко мне само собой. Я ни за чем не гонялся, ни о ком не создавал себе никакого предвзятого мнения, никогда не устремлялся на поиски любительских истин, при помощи которых мода обыкновенно создает в голове человеческой грунт, на который люди потом наносят то, с чем они сталкиваются.

Я приписываю большое знание людей, которое обнаруживают крестьяне, в значительной степени тому обстоятельству, что они не стремятся к этому так, чтобы у них глаза на лоб лезли. По-моему, равнодушная манера не гнаться за истиной и опытом, а ждать, пока они сами придут, является правильным способом обучения людей всему тому, для чего требуется знание людей: обходительности, уступчивости и старательности,— тем более там, где нужно пользоваться особым весом, чтобы руководить другими. И я не только думаю, что князья и крестьяне должны этим способом обучиться всему, что они по своему положению должны хорошенько усвоить, но и сам в своей хижине следую этому убеждению вразрез со всеми привычками моего века. И своего ребенка воспитываю согласно этому.

Я сегодня, кажется, в болтливом настроении, но дело это важное, и я продолжаю.

Я говорю с моим ребенком об очень немногих вещах – приучаю его простодушно приглядываться и прислушиваться к окружающему. Я просто ввожу его в тот распорядок, в котором расставлены вблизи или вдали от него все предметы, среди которых он живет, расставлены господом богом, который, как я верую, создал этот распорядок. Начинаю обучение сына с ближайших к нему предметов, и их он должен знать в совершенстве, должен уметь, как следует обращаться с ними, и только тогда перехожу к более отдаленным предметам.

Ни о каких суждениях и выводах у нас еще не может быть и речи. Он должен в своем детском возрасте только смотреть и слушать, и когда он вполне ознакомится с предметом, то суждения и выводы придут сами собой. Нет ничего опасного в том, что люди слишком поздно начинают рассуждать и делать выводы, но очень опасно, если они пристрастятся к этому (если любовь к этому охватит их) прежде, чем они достигнут в этом отношении достаточной зрелости.

Поэтому, вопреки общепринятому мнению, я совсем не считаю полезными и ценными педагогические основы нашего века – раннее обучение детей чтению и письму, что как бы искусственно развивает у них склонность к преждевременным и незрелым суждениям.

Моему мальчику через несколько дней минет двенадцать лет, и он еще не умеет ни читать, ни писать – меня это несколько не тревожит. Я сознаю, конечно, что мой славный мальчуган при моем методе не может блеснуть и что он на всех экзаменах оказался бы далеко позади своих сверстников. Но это меня не волнует, я и не даю его экзаменовывать, потому что мне приятно, чтобы он жил, не испытывая чувства обиды. Мне совершенно безразлично, если все будут находить его неловким, а его знания не имеющими никакого значения. С меня достаточно, если я вижу, что он умеет использовать свои знания, меня радует, что знания, которые он приобретает, попадают в не перегруженную голову, где есть для них место, тогда как в дни нашей юности у нас не находилось местечка в мозгу для всяких естественных вещей, которые давал нам опыт. У нас все было заполнено, против нашей воли, искусственными, насильственно навязанными нам вещами.

Этот метод, который может показаться кое-кому странным, на самом деле при моих обстоятельствах отнюдь не является таковым, и я считаю его вполне естественным. Шло бы вразрез со всем тем, что отложил во мне весь ход моей жизни, если бы я снова привил моему сыну те ошибки, от которых сам освободился с таким трудом, если хотя бы на волос отступил от этой простоты в его воспитании.

Величайший результат всего опыта моей жизни заключается в том, что счастье человека зависит от развития в нём способностей разумно действовать в тех условиях и делах, с которыми он связан. Но это разумное действие предполагает правильное суждение обо всех предметах, которые находятся у человека 'поблизости, под рукой. Для этого, безусловно, требуется наблюдательность, ограниченная определенными рамками, в течение какого-то времени очищенная и отвлеченная от всего чуждого и более отдаленного. Всякая подлинная наблюдательность основана на устранении какой бы то ни было предвзятости, следовательно, – на поразительном незнании и отсутствии готовых решений в юном возрасте, на внимании деятельном, воспитанном трудом и обстоятельствами, но в остальном совершенно нецеленаправленном и занятом только тем, чтобы видеть, слышать и делать.

Отсутствие такой целенаправленности внимания в юном возрасте я считаю главным источником большой подлинной наблюдательности, способной обеспечить большие достижения. Ей я обязан всем полезным, что я знаю. Правда, она никогда не была моим принципом, но, когда я усваивал больше всего, я даже не сознавал, что я что-нибудь наблюдаю. Этим я отнюдь не хвалю отсутствие цели у бездельника, играющего своей жизнью, и неустойчивого человека, бросающегося на все. Когда я говорю об отсутствии целенаправленности как основе подлинной наблюдательности, я хочу этим сказать следующее: человек должен главным образом учиться на своей основной работе и не следует, чтобы пустое головное учение предшествовало работе рук. Человек должен учиться главным образом на своем основном труде, а не пытаться рассуждать о труде на основе учения. Поэтому элементарное обучение ребенка должно примыкать к его настоящему труду и



охватываться им так, чтобы ни он сам, ни его учитель не могли бы легко отойти от него.

Читатель, мир полон пустых голов, и этим мы, несомненно, обязаны той нелепости, что в молодые годы наши дети отвлекаются от работы и сажаются за книги. И также несомненно, что бедствия, которые испытываются в старости бесконечным множеством людей, подготовлены тем, что они в молодые годы неправильно учились на чужом, бесполезном, практически негодном, неудобоваримом, одностороннем материале.

Но я уклонился и теперь вернусь к своей теме.

Изелин первый пробудил во мне мысль, что я в моем положении, несомненно, должен был накопить опыт, который дает мне возможность писать для крестьян. И я с ним давно уже вел беседы о том, как лучше всего следует поставить народное образование. Я давно уже пробовал также разные формы, но долго не мог ничем удовлетвориться, чувствовал, что народ надо, прежде всего, приучить к тому, чтобы он лучше понимал самого себя и свое положение.

Я чувствовал, что народ верит только тем, кто знает его и условия его жизни, что он слушается только тех, кого он любит, и поверит в любовь только тех людей, которые так или иначе протянут ему руку помощи.

Я увидел, что рассказ и картина являются единственным материалом во всяком народном обучении, и полагал, что возможно при помощи интересных рассказов, написанных для народа, подготовить его ко всему тому, что впоследствии можно будет ему излагать в виде простых, определенных и ясно изложенных принципов. Так возник план двух моих книг для народа. Я имел удовольствие получить первый похвальный отзыв о “Лингарде и Гертруде” от Изелина, которому я прочитал несколько отрывков из рукописи, сидя рядом с его женой. Он взял на себя трудную работу исправить несовершенную рукопись, загроможденную неправильными оборотами, и сдать ее в печать. Когда была готова вторая книга, он уже был слишком болен, чтобы прочесть всю рукопись, и, кроме того, ее сухой, поучительный тон ему вначале, по видимому, не понравился. По некоторым его письмам я почувствовал, что манера, в которой написана вторая книга, у него не вызвала очень благоприятных надежд. Мне это было больно, но мое восхищение не имело пределов, когда за несколько недель до смерти он написал мне: “Я начал читать вашу вторую книгу для народа с некоторой предвзятостью, но чем больше я ее читаю, тем больше она мне нравится... Правда, ее будут меньше читать, чем “Лингарда и Гертруду”, но, в сущности, она еще полезнее и лучше”.

Для меня работа над первой и второй книгами в смысле трудности была столь же различна, как курение табака и перетаскивание камней, но я считал вторую книгу для народа существенно необходимой, и мне доставило удовольствие, что ее до известной степени похвалили некоторые служащие и учителя, что может иметь более важные последствия, чем восторг ребят, читающих в детской. Однако самую большую радость доставило мне то, что и Изелин также одобрил эту работу.

Мысль, что он не одобрит меня, была для меня всегда невыносимой. Он не одобрял в моем еженедельном журнале различных описаний грубых пороков, например бахвальства. Я, правда, полагал, что он не прав и что правдивый грубый рисунок часто производит впечатление, которого нельзя достигнуть нежной кистью. Но он мне ответил: “Что бы вы ни говорили об этом, мой друг, у меня эти картины вызывают отвращение и их никак нельзя одобрить”. И вот пока он был жив, я бы не решился снова повторить что-нибудь подобное. И это только ради него, потому что вообще я привык отвечать многим как раз на этот упрек лишь насмешкой и продолжать писать в том духе, как мне хотелось и как я считал правильным. Но когда это говорил Изелин, тут уже было совсем другое дело, и я немедленно следовал его указаниям.

Должен рассказать еще о следующей его черте. Ему было известно, какое из произведений о роскоши принадлежит мне, и он подал голос за сочинение профессора Мейстера, причем сам мне сообщил, что он должен был голосовать против меня. Так тщательно он оберегал права истины и беспристрастие своего сердца.

К изданию еженедельника я тоже приступил по его совету. Но он хотел чего-то большего и был занят более важным; если я когда-нибудь попаду в В. и там попытаюсь совершить что-нибудь подобное и даже большее, то первым мысль об этом подал мне опять-таки он.

Но я говорю о нем так долго и забываю о величии, которое проявил этот человек в своем собственном доме, где он больше значил и вместе с тем больше получал, чем я мог наблюдать в какой-либо другой семье. Мое сердце переполняется, и я не могу много говорить об этом, но я никогда не забуду, чем он был в семейном кругу и как много я ему обязан тем, что видел и чувствовал, бывая в его доме. Никогда не забуду счастливых часов, которые провел с ним, как не забуду также и того дня, когда уже ясно было, что приближается печальный час, и я в последний раз вижу моего отца. Так же как я не могу забыть о правой руке, не могу я забыть и об этом часе, о спокойствии и радостном настроении этого человека, о его силе, ободрявшей всех нас. Он еще был среди нас, жил, наслаждался своим существованием, и мы наслаждались этим и... забывали об ужасном часе, который приближался.

О, мой отец, я умолкаю. Читатель, предоставь меня моим чувствам. Я умолкаю.

### **Некоторые пояснения относительно затронутого в прошлом номере журнала метода воспитания моего сына**

Тот ребенок, совершенно еще не искушенный в вопросах, связанных с учением и книгами, несколько недель тому назад сидел рядом с матерью и играл сам с собой.

– Сыночек, – сказала ему мать, – завтра папины именины, не хотел ли бы ты ему что-нибудь приготовить в подарок?

– Конечно, если бы я умел писать,– ответил малыш. Мать сказала:

– Я уж за тебя напишу, если ты мне скажешь что. Не долго думая, он сейчас же стал готовиться: начал ходить взад и вперед по комнате, бормоча что-то про себя и произнося нараспев то, что ему хотелось сказать. Вскоре он подошел к матери, прижался к ней и, улыбаясь, молча стал смотреть ей в лицо.

– Что тебе, милый? – спросила мать.

– Ты сама хорошо знаешь,– ответил мальчик.

– Ты подготовил что-нибудь для папы?

– Д-да, если ты согласишься сейчас написать.

Тогда мать записала за ним слово в слово нижеследующее (он говорил ей нараспев и сказал, что это, должно быть, стихи):

Я желаю своему дорогому папе в день именин,  
Я желаю, чтобы ты долго, долго жил,  
И я благодарю тебя сотни тысяч раз  
За все доброе, что ты для меня сделал.

Я благодарю тебя, что ты воспитывал меня так славно  
и весело,  
Я благодарю тебя еще тысячу раз за твои благодеяния,  
Которые ты мне оказывал во все время моей жизни,–  
Тысячи и тысячи раз, и я не знаю, сколько еще раз  
Хочется мне тебя благодарить.

Теперь я хочу тебе сказать все так, как льется у меня  
из сердца.

Я рад, я ужасно рад,  
Если ты можешь сказать:  
“Я воспитал себе сына на радость”,

И мне также радостно,  
Глубоко радостно на сердце,  
Если я могу сказать:  
“Я его удовольствие и его радость”.

Тогда только я поблагодарю тебя  
За то, что ты сделал для меня в моей жизни.  
Это и тебя и меня порадует  
В тот день, когда я смогу это сказать.

Тогда мы вместе будем веселиться  
И будем радоваться всю нашу жизнь.  
Тогда мы вместе обратимся к богу,  
И наша дорогая мама будет вместе с нами молиться;

Тогда мы вместе будем работать, как овечки,  
Для того чтобы мы могли прожить свою жизнь  
порядочно и богобоязненно,  
И были довольными тем, что бог нам дает:

Иди теперь сюда, дорогой папочка!  
Мы будем друг друга любить и целовать,  
И маму,  
И я обеими руками  
Соединю все наши три головы.

Читатель! Если меня ослепляет мое отцовское чувство, скажи это мне. Может ли лучшая школа и искусственное воспитание больше развить в ребенке те наиболее существенные свойства, которые должны быть в этом возрасте присущи каждому ребенку, и лучше ли они готовят его к тому, что должно быть ему наиболее полезным, когда он превратится во взрослого человека?

Имеется ли у ребенка, посещающего школу, в таком чистом виде это незатемненное, естественное понимание истинного назначения человека и того, что должно служить основами мудрой и добродетельной жизни? Считаешь ли ты недостатком, читатель, что он научился познавать бога не из искусственных слов, а из доброго естества бога и из видимых для него божеских благодеяний?

Считаешь ли ты недостатком, читатель, что свои первые познания о мире он извлек из моей жилой комнаты, а не на примерах Рима, Греции или Иерусалима? И что первые знания о своих обязанностях он получает и усваивает из своих отношений ко мне и своей матери, а не извлекает их из объяснений разных людей, которые ссорятся друг с другом из-за словесных определений этих обязанностей и во всех отношениях остаются для него чужими и незнакомыми.

Читатель! Сомневаешься ли ты в том, что многие люди, которых мой ребенок еще не знает, будут мешать ему идти твердым шагом по пути раскрытия истины, которая будет встречаться ему в жизни?

Полагаешь ли ты, что недостаток словесных знаний в раннем возрасте помешает развитию знаний о предметах, которым он себя посвятит? Если да, то твой опыт и твои взгляды прямо противоположны моим.

Друзья истины! Возможно, что самое главное, что сейчас необходимо предпринять на земле, – это вновь значительно приблизить к отцам и матерям детей всех сословий, поскольку они в этом столетии были повсеместно отдалены от родителей; вторая задача – это не допустить того перенапряжения, которое губит молодое поколение Европы в результате форсирования его преждевременного умственного и физического созревания. По моему убеждению, решить эту двойную конечную задачу можно только путем возрождения того уважения, которое наше старшее поколение питало к священным узам семейного очага, к положению отца и матери семейства.

Правда, наряду с другими неудобствами это уменьшило бы чрезмерную славу и силу тысяч чужих людей, которые в угоду государству, любимцу

театральной публики, господу богу и всему свету до такой степени воспитывают и обрабатывают наших бедных детей, пока они из послушания не заболели физической или умственной чахоткой или же от несдержанности не оплюют и не выгонят бездарных учителей своих детских лет.

Тот факт, что приходится еще говорить о том, что дети должны находиться под надзором отца, который в тысячах случаев лучше всех знает и умеет то, что больше всего необходимо знать и уметь его детям, кажется мне наиболее огорчительным признаком отсутствия в нашем веке основных принципов воспитания в человеке истинной и приносящей ему счастье мудрости.

Не может быть, конечно, ни счастливым, ни мудрым тот век, в котором истинность подобных вещей не является общепризнанной, проверенной на опыте и не вызывающей никаких сомнений, вопросов и необходимости в дальнейшем ее подтверждении. Если ребенок должен узнать больше и научиться большему, чем его может научить его отец, то учитель должен так вплетать свою подсобную работу в работу отца, как ткач вплетает рисунок цветка в целую полосу ткани. Если же учитель не растворится, так сказать, в работе отца и, невзирая на то, что он чужой человек, все же захочет оказывать преимущественное влияние на ум и сердце своих воспитанников, то в этом случае только при наличии особенно неблагоприятных семейных обстоятельств результаты его деятельности могут стать лучше результатов родительского воспитания. Очень редко бывает, чтобы родная почва не являлась самой благоприятной для любого растения, и так же редко бывает, чтобы отцовское воспитание не было бы лучшим для любого ребенка.

Но я также хорошо знаю, что роскошь, суеверие, третья двадцатая доля и всякого рода другие обстоятельства на нашей бедной земле приводят к тому, что почти никто уже не может в полной мере выполнять по отношению к своим детям обязанности отца и матери; и, учитывая это, приходится считать положительным фактом, что в качестве средства против этой болезни учредили школы и настойчиво и твердо следят за тем, чтобы бедный народ аккуратно принимал это лекарство, пока он этим болеет. Однако нельзя все же не сожалеть, что народ принимает это лекарство со времени Реформации уже в течение 250 лет с такими большими трудностями и с таким малым результатом.

Но что я все время говорю о вещах, которые касаются почти всего человеческого рода, хотя прекрасно знаю – именно потому в наше время так много зла на свете, – что во всех уголках тысячи людей говорят обо всем человечестве и лишь очень немногие говорят о своих ближних и о том, что происходит перед дверью их дома?

В этой связи, читатель, я хочу рассказать тебе еще кое-что о своем ребенке.

Когда несколько лет тому назад к нам пришло известие о смерти его бабушки, которую он очень мало знал, и его мать горько плакала, лежа на кровати, ребенок обнял мать, заплакал вместе с ней и сказал: “Правда, мама, ты сейчас то же самое чувствуешь, что чувствовал бы я, если бы ты умерла”.

Полученное им воспитание сделало его очень склонным к игре и радости, к свободе; каждый видит, что это является полной противоположностью обычным представлениям о покорности и усидчивости. Поэтому многие мудрые люди испуганно спрашивают меня, чем это кончится, и боятся всяких подводных камней. Но я не боюсь и не думаю, чтобы кто-нибудь продолжал опасаться за него, если бы в последнее время внимательно наблюдал мальчика и видел выражение силы, решительности и убежденности, с которой он отвечал мне в разговоре о необходимости трудолюбивой и деятельной жизни:

– Да, папа! Это правда. Нужно работать, и я хочу научиться какой-нибудь работе; но когда я этому научусь, ты уж не должен будешь так много работать. Я хочу, чтобы ты лучше подольше жил и меньше работал.

Читатель! Неужели этот ребенок использует во зло радостные, годы своей юной жизни для того, чтобы подготовиться к безделью? Я этого не боюсь, а поскольку не боюсь, постольку не вижу никакого вреда от мнимых упущений в воспитании в ранние годы его жизни. Наоборот, я вижу, что они очень полезны.

### **По поводу правильного воспитания детей**

Жить, быть счастливым в своем сословии и стать полезным в своем кругу – в этом назначение человека, цель воспитания детей. Поэтому основой всякого хорошего воспитания является тщательный подбор средств и путей, при помощи которых можно естественно и легко привить каждому ребенку навыки, убеждения, суждения и вкусы, которые сделают его счастливым в своем сословии и полезным членом общества в соответствии с занимаемым им положением. Отсюда вытекает, что, подобно тому, как неодинаковы положение, занимаемое людьми, их потребности, нравы и склонности, точно так же неодинаковы средства и пути, при помощи которых можно сообщить людям убеждения и навыки, способные сделать их счастливыми. Поэтому общим правилам воспитания, пригодным для всякого климата, для всякой формы правления, для всякой профессии, такая же цена, как однообразным воскресным проповедям, которые так часто умиляют целые общины, но редко помогают отдельному человеку стать на правильный путь. И хорошо, что в то время как учителя человечества со своих высот в неопределенных выражениях рассказывают народу, как следует жить, женщины в сельских хижинах нередко с полной уверенностью делают и осуществляют то, о чем эти господа болтают попусту, ибо они говорят о том, что сами не делают.

Особенно хорошо в деле воспитания то, что у простых людей, то есть у большинства людей, в силу – домашних обстоятельств родители совершенно естественным образом сами постигают, как нужно в их положении, при их обстоятельствах правильно воспитывать детей. Не будь этого, люди, чтобы накормить своих детей, были бы вынуждены дожидаться кушаний, которые поднесут им мудрецы, и род человеческий, вероятно, вымер бы на всем земном шаре. Поэтому мы не должны проявлять такую неблагодарность по отношению к бесхитрым, мало заметным людям на нашей тщеславной земле, как мы это делаем, ибо воистину, куда бы мы ни взглянули, добропорядочный простой

человек лучше воспитан для своего положения, чем люди и людишки высшего звания, попадающие в руки бесконечного множества философствующих юнцов, которые в результате своего учения, склонности к отвлечению и чувствительности с каждым днем все больше утрачивают всякое умение видеть и слышать. Разумеется, они и для себя и для своих учеников не придают никакого значения домашнему труду.

“Не причисляй никого к лику блаженных, пока он не умер”, – говорили древние, и я скажу вслед за ними: не хвали человека за мудрость и добродетель, пока не увидишь, как он заботится о своих детях и что получилось из них благодаря заботам отцов.

Ревностное выполнение своего родительского долга является основой человеческой добродетели, а мудрость в выборе подходящих средств для этой цели есть пробный камень подлинной человеческой мудрости и важнейшая область ее применения.

О люди, вы знаете, что опыт подтверждает истину; пусть же он служит вам путеводной звездой в этом важном деле. Поэтому высматривайте, выискивайте среди людей таких, которые лучше всего соблюдают порядок у себя в доме и в своем поле, потому что они лучше всего воспитаны для занимаемого ими положения и для своего назначения. Ищите дворянские усадьбы, дома горожан и хижины крестьян, в которых одинаковое благосостояние держится столетиями, ибо там, в течение столетий применялись принципы правильного воспитания людей. И если вы найдете то, что нашел я, то вы увидите, что домашний распорядок у этих людей, как бы различны ни были их сословия, по существу совершенно одинаков. Вы увидите, что все они живут очень просто; вы увидите, что повсюду жена и муж переняли от отца и деда нравы и привычки, соблюдение которых обеспечивает счастье их домашнего уклада в грядущие столетия точно так, как оно было основано на них в прошлые века. Вы убедитесь, что все полученное этими людьми от школы и от методов, применявшихся вне родительского дома, не оказывало большего влияния на склонности, нравы, убеждения и навыки, которые в свое время стали основой счастья этих семейств, поддерживают его теперь и будут в дальнейшем ограждать его от наиболее серьезных опасностей. А с другой стороны, вы встретите у дворян, горожан и сельских жителей разруху и несчастье в домах – повсюду, где образ жизни и нравы этих сословий отклонились от старых нравов. Гибель самых крупных семейных состояний встречается главным образом у людей, настроение и образование которых не соответствовали занимаемому ими положению. Этих людей искалечили чужие люди, не понимавшие серьезных преимуществ в положении своих воспитанников, приучившие их к тому, что не гармонировало с их домом и назначением. То же самое наблюдается у детей, страсти и склонности которых были развиты неблагоприятными отцами в большей степени, чем они потом смогли удовлетворить их в своем стесненном положении,

Вы увидите, что причину самого непоправимого разрушения семейного уклада часто надо искать либо на высших ступенях обучения, либо в хороших, но имеющих слишком общий характер воспитательных заведениях, – всюду, где

руководство людьми носит особенно искусственный характер. Там эти явления наблюдаются в наиболее опасной форме.

Вы увидите, что разрушение семейного уклада особенно распространено среди ученых, духовных лиц, адвокатов – словом, в среде людей, у которых в воспитании преобладала искусственность.

Вы, несомненно, заметите, что реальная подготовка для удовлетворения потребностей простой жизни повсюду находится в пренебрежении, поскольку детей неосторожно или насильственно отрывали от сословия и профессии их отцов и заставляли в погоне за хлебом возноситься выше, чем это делал их отец.

Но если ты, мой читатель, сомневаешься в истинности этого положения и если тебе слишком трудно спокойно и медленно разобраться в нем, то походи и посмотри списки содержащихся в городских госпиталях и сиротских домах и проверь, какие граждане там призрываются и каких детей туда принимают. Тогда ты, несомненно, скоро убедишься, сколько верного в том, что именно пренебрежение домашним воспитанием и удаление детей от могущественного воспитательного влияния домашней обстановки и отцовской профессии являются одним из главнейших источников все усиливающихся бедствий семьи. Все методы воспитания, которые уводят рядового гражданина далеко от тяжелой и узкой профессии отца и от положения, занимаемого отцом, которые, на всякий случай, готовят детей больше к чему-то другому, а не к тому, что всего вероятнее их ожидает и что им всего ближе, которые готовят к войне, ученой кафедре, канцелярии, экономике, финансам, вплоть до искусства парикмахера – одним словом, к чему угодно, но не к искусству использовать собственный клочок земли, где они на старости лет только и могут найти верное убежище, – все эти методы воспитания ошибочны и поэтому являются в моих глазах одной из самых больших опасностей нашего времени.

Блистание разного рода мастеров педагогического дела все более усиливается, их фокусы так поражают и кажутся такими прекрасными, что никто не усомнился бы в их совершенстве, если бы это блистательное воспитание не давало плохих хозяев, которые своим поведением заставляют даже самых терпеливых рабов моды обращать внимание на причины неудач, всюду постигающих искусственные методы воспитания.

Чтобы стать тем, чем он должен быть, человек должен в детстве быть ребенком и заниматься тем, что делает ребенка счастливым. Он должен, будучи ребенком, быть всем, чем он может, но не свыше этого, чтобы не погубить в себе того, чем он по своему положению и сословию станет, когда вырастет. Это, по-моему, является первым принципом хорошего воспитания, и на это, какое бы положение в самом широком смысле этого слова люди ни занимали, в первую очередь должно быть обращено внимание воспитателя и отца, если они ставят себе целью обеспечить ребенку спокойную домашнюю жизнь.

Исходя из этой точки зрения я, милые люди, невзирая на всех мудрецов нашего времени, уважаю простое воспитание наших дедов. Ах, они действовали с такой прямоотой, поступали так правильно, довольствовались солнечным светом в ясный полдень; мы же слишком долго спим в яркий день и



бродим с нашими детьми в ночной темноте, следуя за блуждающими огоньками, вспыхивающими на болоте, блеск которых отравляет каждого, сбитого ими с верного пути.

Великий секрет воспитания, которым владели наши деды и благодаря которому они естественно ослабляли опасность, создаваемую новыми, искусственными приемами, заключался в том, что они во всех положениях стремились как можно скорее заставить детей помогать им в домашнем хозяйстве. Эта конечная цель несравненно легче приводила их к основным принципам правильного воспитания людей, чем это делают наши новые теории, способствующие все большему и большему разрыву между конечной целью, которую преследует каждый человек в своем стремлении обеспечить благосостояние своего дома, и всем направлением воспитания человека.

Когда я обращаюсь к достопочтенным остаткам старины лучшего периода воспитания, который знали наши старики, и присматриваюсь к людям, которые своей жизнью, своим домашним укладом и исключительно разумным поведением в своем общественном положении и в своей профессии показали, что они хорошо воспитаны, то эти люди всегда от всей души соглашались с тем, что я только что сказал. А когда затем я начинаю тщательно исследовать, благодаря чему они оказались так хорошо подготовленными к своему домашнему благополучию, то среди этих причин никогда не нахожу руководства, которое они имели в академические годы. Это не система их научного образования, это всегда их домашнее положение, условия жизни, убеждения и нравы их родителей и родственников, то есть снова и снова то, на что наша нынешняя эпоха не обращает никакого внимания, считая это пустяком.

Вот, например, один умный отец семейства мне говорит; “Своим счастьем и счастьем моего дома я обязан слуге отца, который благодаря строгости заставлял меня делать сотни и тысячи всяких дел в нашем доме. Без этого я бы ими не занимался, а теперь ясно вижу, что, именно благодаря им я стал тем, что есть”. Другой сказал мне: “Мой отец воспитал меня так, как если бы мне пришлось самому приобрести все то, что он оставил мне в наследство. И потом жизнь доказала мне, что если бы он не прибег к этой предосторожности, то, по всей вероятности, пошло бы прахом все, что он мне оставил”. Третий говорит: “Меня заставляли так втянуться в мою профессию, в мое ремесло, словно голова моя и сердце и все мои пять чувств не имели никакого назначения на божьей земле кроме того, чтобы помочь мне жить и умереть в мастерской моего отца. И я теперь вполне признаю, что положением, занятым мною среди людей за пределами мастерской, я обязан тому, что меня заставили безотлучно провести в ней мою юность”.

Вот на что почти всегда указывают наиболее разумные люди, отцы наиболее счастливых семейств как на Причину своего благосостояния, а, следовательно, это и есть фундамент, на коем надлежит строить воспитание, ставящее себе такую же цель. И если я далее стараюсь выяснить, чем объясняется, что самые лучшие хозяева и наиболее благородные люди обыкновенно формировались в условиях, столь противоречащих характеру воспитания нашего времени, то я прихожу к выводу, что большинство профессий и

способов существования, предназначенных для человека, по природе своей одинаковы; они таковы, что если отдавать им полной мерой необходимое, то они заполняют человека почти целиком, овладевают, так сказать, его телом и душой. Поэтому почти для всех сословий решающим в воспитании детей является удерживание их в учебном и рабочем помещениях. А между тем согласно системе воспитания нашего времени повсюду, наоборот, стараются вводить бесконечно много постороннего и держать милых деток как можно дольше на свободе, то есть не приучать их нести жизненную лямку, в которую, в конце концов, им все же придется впрячься.

Для того чтобы хоть для видимости прикрыть пустозвонством это явное пренебрежение самыми насущными потребностями истинной человеческой мудрости, переворачивают сейчас юг и север, чтобы изобрести игры, которые должны привлечь детей к тому, что им хотят преподавать о востоке и западе.

Но существует старая поговорка, что если кто-нибудь слишком заглядывает вдаль, то он легко может споткнуться вблизи. Деды наши играли после работы, и это, несомненно, было лучше, чем играть до работы или превращать работу в игру. Они знать не знали всех наших бесчисленных искусственных приемов занимать внимание детей. Они просто давали им с самого раннего возраста различную работу и этим естественным образом, без всяких искусственных приемов, направляли их внимание на то, чему потом их обучали. Тот, кто должен ежедневно делать много и делать разные вещи, тот, несомненно, развивает в себе внимание, а там, где внимание развито на работе, оно, конечно, останется и во время учения и им легко будет воспользоваться.

Мы же переворачиваем этот метод наизнанку и хотим направить внимание наших детей на посторонние искусственные предметы, прежде чем отец и мать приведут им голову в порядок домашней работой, направят их внимание на домашние предметы и, таким образом, подготовят к более обобщенному искусственному вниманию, которого требуют предметы, преподаваемые в школе.

Но, по-моему, это все равно, как если бы мы вздумали запрячь лошадь позади телеги, потому что это забавно, и потом, пытаясь замаскировать наш бессмысленный поступок, стали бы приводить телегу в движение при помощи часового механизма. Это, конечно, может иметь успех: праздные люди только и любят, что всякие искусственные шутки, они охотно платят тем, кто выделяет всякие курьезы, как лошадь с норовом. Но надо сказать, что мы, люди другого склада, не должны удивляться, если такая телега не будет хорошо двигаться, а скоро и совсем станет.

Дело в том, что воспитание, которое превращает людей в машины и фигурантов, в конце концов, ничего хорошего дать не может. В результате всех этих искусственных приемов бросается в глаза, как с каждым днем все больше исчезает домашняя подлинная мудрость и как из людей, которые в наше время называются хорошо воспитанными, выходит громадное количество просто фигурантов. Но, несомненно, что всевозможные методы игры, применяемые новой системой воспитания, обрекают огромное число наших детей на бедственный образ жизни таких фигурантов... Это тот образ жизни, послед-

ствия которого уже давно заставили бы Европу отказаться от своей ошибки, если бы злой гений не внушал повсеместно людям, что многодетность уродует якобы фигуру у женщин и, следовательно, отнимает у них то, что они более всего ценят, и в сравнении, с чем бедные дети, конечно, не имеют никакого значения.

Человек, когда он является фигурантом, перестает быть подлинным отцом и матерью, утрачивает способность следовать правильным принципам воспитания, которые пригодны для его дома. Он обычно становится фигурантом, если детство его прошло под влиянием воспитателей и воспитательных методов, о внешних приемах которых много говорят в обществе.

Приятная простота есть лучшее благословение,  
Которое небо ниспосылает нам.  
От кривых путей толпы  
Ты оберегаешь того, кто тебя любит,  
Но не того, кто тебя восхваляет.

Но здесь недостает главного: простота без добродетели и невинности – это простое обезьянничанье. Справедливое поведение родителей, их невинность, их любовь, их верность в словах и на деле, коротко говоря, их домашняя внутренняя мудрость и добродетель есть истинный фундамент подлинной простоты в воспитании детей.

Тот, кто с утра до позднего вечера занят своей профессией и вместе с благочестивой супругой и приветливыми детьми радостно наслаждается плодами своего прилежания, добродетели и честности, – тот нелегко собьется с пути в существенных вопросах, касающихся воспитания детей.

Потому во всем, что я говорю на эту тему, я постоянно возвращаюсь к одному: нужны не учреждения, подготавливающие домашних и школьных учителей, а нужно твердо прокладывать дорогу и держаться всего того, что делает жителей государства честными людьми, разумными отцами семейств и счастливыми гражданами. На это должен возлагать свои надежды правитель страны, когда дело касается истинно хорошего воспитания в его государстве.

Именно поэтому я и считаю, что счастье Европы зависит не от развития отраслей познания, которые мы называем философией и которые у бедного народа редко кому помогают добиться своего права или куска хлеба. Для этого скорее нужно, чтобы монархи снова стали отцами в своем доме и с сердечным участием рассматривали неравные потребности своих детей как свое собственное дело.

Господи, когда же, наконец, мы бросим эту жалкую привычку все решать пустыми словами и жертвовать благосостоянием народа ради всяких химер. В мире главное – чтобы люди, которые должны что-нибудь делать, приучались рассматривать свои обязанности как свое собственное дело.

Конечно, общая внутренняя цель каждого государственного строя, равно как и всякого воспитания, в том, чтобы человек в течение своего непродолжительного существования был хорошо обеспечен. Простолюдину в

стране, однако, мало что помогает, если его князь не чувствует, что это именно его дело хорошо обеспечить этого человека.

Чем расчетливее ведут свои дела вест-индские плантаторы, тем лучше они содержат своих рабов, и бесспорно, плантаторы вообще кормят и содержат своих рабов так заботливо и предоставляют им столько ободряющих и успокаивающих жизненных благ, что простой европейский крестьянин во многих и многих местностях находится в несравненно худшем положении, чем эти люди. Но, конечно, верно и то, что степень благосостояния и счастья этих рабов зависит от того, в какой мере правильно оценивает их хозяин свои собственные выгоды.

Это приводит тебя в дрожь, добрый гражданин священной Римской империи, чувствительный к своей свободе! Ты возражаешь, хитрый французский юрист, ты чванишься, помещик-дворянин, владеющий деревней, и ты начинаешь трубить о том, как хорошо твоим подчиненным, благородный представитель одной из тысячи разновидностей чиновничества?

Но, милые люди, чувствительные людишки, вы слишком трусливы. У кого все достояние, у кого стол и постель построены на том, чтобы уметь правильно считать, тот обыкновенно легко и хорошо научается всему этому.

Поэтому судьба вест-индских рабов заметно улучшается, и их благосостояние, невзирая на тяжелое положение, соответствующее их наименованию, способно внушать удовлетворение и успокоение. Как я уже сказал, их положение значительно лучше того, в котором в разных местах Европы находится простой люд.

Правда, если бы блеск монархов и чиновников и их подчиненных всюду также зависел от умения правильно считать, как от этого зависит благополучие плантаторов и рабовладельцев, если бы монархи, чиновники и полчища их ученых слуг – философов и нефилософов – рассматривали крестьян с таким же благоразумием, как это делает плантатор по отношению к своим рабам, рассматривали их как товар, плохое состояние которого непосредственно отзывается на их кошельке, то простой народ повсюду был бы обеспечен гораздо лучше, чем это сейчас имеет место, и воспитание граждан и крестьян при таких обстоятельствах, несомненно, вскоре улучшилось бы против нынешнего. Но наши всемирные мудрецы витают в облаках, наши князья живут на высотах, с которых они не обращают внимания на явления простой жизни, а поэтому и не могут учитывать их.

Зато и народ, который телом и душой следует за такими вождями, не привык при воспитании своих детей обращать внимание на их внутренние свойства, как это делает купец по отношению к своему товару.

Если бы это имело место, тогда повсюду лучше заботились бы о внешних условиях, в которых живет народ, для того чтобы его внутренние качества не пострадали, подобно тому, как всякий купец должен поступать с товаром, хорошим или дурным. И тогда воспитание скоро оказалось бы на правильном пути.

Но там, где этого нет, там народ разлагается, и немногие, которые блещут среди кучи, похожи, выражаясь языком Востока, на могилы, которые извне приукрашены, но внутри которых находится вонючая падаль.

*Песталоцци И.Г. Избранные педагогические сочинения в трех томах/ Под редакцией М.Ф.Шабановой. – Т.1.– М.,1961.*

*Песталоцци И.*

## **О значении чувства слуха в связи с использованием звука и языка в обучении**

Дети должны научиться четко понимать эти различия и уметь в каждом отдельном случае безошибочно и быстро ответить сами себе на вопросы: что именно я хочу обозначить словом? Как звучит слово, которым я хочу обозначить этот предмет? Какого рода письменными знаками я могу изобразить для глаза звуки слова, обозначающего эту вещь? Только таким способом, возможно, поднять обучение речи, чтению и письму до уровня упражнений для развития разума, а именно использовать звучащее и написанное слово в качестве средства развития понятий у ребенка и одновременно следить за тем, чтобы вес самого слова в сознании ребенка не оказался большим, чем это требуется, чтобы сам предмет, обозначаемый устным и письменным словом, сохранялся в сознании ребенка живым и полновесным.

Мать! Я сказал здесь много такого, что, собственно говоря, сюда не относится. Я снова возвращаюсь к более простым рассуждениям.

Сила, нужная для того, чтобы превратить обучение речи, чтению и письму в упражнения для разума, так же, как и все силы, необходимые для развития твоего ребенка, в основном исходит от тебя. Исходные пункты его воспитания в общем имеют лишь чувственный характер; внимание, которое ты вначале уделяешь своему младенцу, пока еще исходит только из животного начала твоей природы. Как и всякое другое млекопитающее, ты его вскармливала; чувственное наслаждение, которое ты испытываешь при таком обслуживании своего ребенка, испытывает и каждое животное. До сих пор природа заботилась о том, чтобы ты удовлетворяла животные потребности ребенка; теперь ты должна позаботиться о том, чтобы и человеческое воспитание он получил также через тебя.

В результате имевшего до сих пор место одностороннего чувственного ухода за твоим ребенком он получил через свои пять органов чувств бесконечное количество впечатлений, которые и сейчас еще сохраняются в нем, как они могут и должны сохраняться в каждом другом животном, имеющем пять чувств. Первые результаты новых впечатлений, которые мир производит на ребенка, имеют исключительно животный характер, однако и при их животной сущности ими можно руководить, можно добиваться более раннего и правильного их созревания, чем когда действует лишь одна, сама себе предоставленная природа. Для этого ты должна помочь своему ребенку, мать!

Эти впечатления недифференцированно воздействуют на органы чувств твоего младенца. То, что находится у него перед глазами, воспринимается им как нечто целое; даже боль воспринимается им как воздействие на все его существо. Он не знает, где ему больно; он не может различить дерево даже от земли, в которой оно растет. Он воспринимает дерево только как целое. Умение воспринимать его отдельно от земли, как состоящее из частей (корней, ствола, ветвей и побегов, коры, древесины, сердцевины, листьев), воспринимать дерево во всех свойствах – как дающий побеги росток, развивающееся деревцо, как молодое или старое, как покрытое листвой, цветущее, плодоносящее или лишенное листвы, засохшее, – это умение является результатом опыта, правда еще чувственного, животного опыта. Но так как этот опыт даже у ребенка младенческого возраста в полном своем объеме поддерживается природой и ее силами, то возникающие на основе этого опыта понятия несут в себе семя *человеческого восприятия всех вещей*; и именно ты, мать, должна растить и лелеять этот росток *человеческого восприятия всех вещей*, развивающийся у твоего младенца из оболочки, носящей, правда, только еще животный характер.

Мать! Как маловероятно, чтобы семя, первые ростки которого заглушены гущей сорняка, парализованы или раздавлены, сможет дать в конце концов зрелые плоды, и даже искусство полеводства окажется бессильным сравнить развитие такого заглушенного при прорастании и искаленного растения с крепким ростом неповрежденного и с самого начала хорошо ухоженного растения, – так же маловероятно, мать, чтобы твой ребенок без твоей помощи при начале развития его сил смог подняться до свободного могучего роста своих *способностей*, до которого ты можешь его поднять. Еще раз повторяю тебе, мать! Первоначальные *восприятия* твоего ребенка носят животный характер, но в них заложен росток всех человеческих восприятий; и от тебя зависит, утвердятся ли в нем эти животные восприятия, или они спокойно и в неискаженном виде перейдут в человеческие.

Мать! Осознай свое положение по отношению к ребенку! Ты можешь руководить развитием чувственного, животного восприятия всех вещей у твоего ребенка, усиливать и ускорять его, как не может этого сделать природа без твоей помощи. И, делая это, ты одновременно развиваешь в нем человеческое восприятие тех самых вещей, которые природа предлагает для животного восприятия его органам чувств.

Средствами для осуществления этой цели являются твой язык и твоя любовь. Каждое чувственное впечатление, к которому примешивается впечатление от твоей любви, становится человеческим впечатлением. Каждое чувственное впечатление, которое определяется через язык, является человеческим впечатлением. То, что дерево называется деревом; то, что слова *корень, ствол, сук, ветвь* и т. д. являются названиями, обозначающими части дерева; далее, то, что *зеленое, голое, цветущее, засохшее* – слова, обозначающие свойства дерева, – все это входит в человеческое восприятие дерева. И человечность этого восприятия удваивается благодаря той любви, с которой ты называешь и показываешь эти предметы ребенку.

Мать! Следуй тому пути, по которому ведет тебя при этом природа. Не предоставляй простому случаю решать, попадет ли твоему ребенку на глаза дерево, когда именно и что именно он сам в нем заметит. Покажи ему дерево; покажи ему все части дерева, которые ты знаешь; покажи ребенку его ствол, крупные и мелкие ветви, его цветы и плоды; покажи ему кору и древесину; покажи ему корень дерева в том месте, где он не прикрыт землей. Если же дерево срублено, распилено и расколото, то покажи ему и внутреннее строение дерева, вплоть до сердцевины. Покажи наряду с великанами-дубами и липами также и крошечный росток, появляющийся из их семени; покажи, как этот росток разворачивается, растет, становится деревцом, затем деревом, живущим в течение нескольких человеческих поколений. Покажи ему дерево, покрытое листьями; как распускаются на нем цветы, как эти цветы осыпаются и из них развиваются плоды, как они постепенно растут и постепенно созревают и затем, наконец, тоже опадают; как после всего этого дерево теряет листья и переходит к зимнему состоянию покоя. Скажи ребенку, когда дерево стоит у него перед глазами, что все это вместе – корень, ствол и ветви – называется деревом. Скажи ему, что ствол называется стволом, ветви называются ветвями и т. д. Скажи ему, когда он видит дерево, покрытое листвою, что в таком виде *дерево называется зеленым (belaubt)*, а когда он видит дерево, лишенное листвы, оно в таком состоянии *называется голым (entlaubt)*.

Мать! Когда ты в жару стоишь с ребенком в тени дерева, скажи ему, что дерево своей тенью тебя теперь защищает от жары, а когда ждешь под сенью дерева защиты от дождя, скажи ребенку, что дерево на некоторое время задерживает падающие капли дождя и тем самым защищает от него. Научи ребенка словам *бросать тень* именно тогда, когда он находится в тени дерева; научи его словам *укрыться от дождя* как раз тогда, когда он действительно укрывается от дождя. Научи его говорить *груша вкусная, сочная, мучнистая, сладкая* и т. д. в тот момент, когда ребенок ест грушу. Вложи в душу ребенка мысль о том, что плоды дерева *улаждают* человека, именно тогда, когда он действительно *улаждается* ими. Когда он видит, что лошадь, лань, заяц не едят того самого плода, который ему так нравится, внуши ему, что человек создан таким, чтобы он ел яблоки, так же как яблоко создано для того, чтобы человек его ел. И когда ребенок преисполнен к тебе любви и благодарности за то, что ты дала ему в руки сладкий плод дерева, в тот именно момент, когда он наслаждается сладостью плода, подыми своего ребенка к тому, кто еще до того, как существовало дерево, сказал ему *стань. И скажи ему: “Он мой отец, он твой отец”*.

Мать! Учи таким образом своего ребенка говорить. Это тебе легко дается. Твоя любовь освещает тебе этот путь, как путеводная звезда. Твоя любовь дает тебе разум для всего, что ты должна делать на этом пути. И поэтому милостью божией любовь и разум витают на этом пути над каждым опытом, который ты даешь своему ребенку и который проделываешь вместе с ним. Верь своей путеводной звезде, но относись с недоверием ко всему, что отвлекает тебя от простого пути соединения твоих сердца и ума, соединения любви и рассудка. Разум без воли не существует. Разум есть результат гармонического развития

человеческих сил; и поскольку хоть одна из этих сил осталась неразвитой или развита неправильно, постольку человек неразумен. Однако свет настолько преклоняется перед идолами суетного знания и приносящей прибыль хитрости, что он уже не понимает разницы, которая реально существует в природе между этими идолами и невидимой, незаметной силой рассудка. А эта разница, несомненно, так же велика, как разница между правом на владение мешком золота работника, таскающего его для своего господина на голове или в руках, и правом его хозяина, отстраняющего от себя мучительный труд таскания тяжести, но мановением руки распоряжающегося ценностью груза.

Я резюмирую сказанное.

Внутренняя возможность помочь природе, чтобы как можно скорее очеловечить впечатления, которые производит на ребенка окружающий мир, то есть использовать их в качестве фундамента для тех восприятий, которые должны дать ребенку знания, и тех чувств, которые должны облагородить его, — эта внутренняя возможность дать людям истинно сообразное человеческой природе воспитание в основном базируется, во-первых, на развитии способности к наблюдению; во-вторых, на тесной связи *наблюдения* и *языка*; в-третьих, на связи того и другого — языка и наблюдения — с *любовью*.

*Наблюдение, язык и любовь* представляют из себя, таким образом, общий фундамент воспитания человечества.

Мать! Если ты являешься матерью и сама знаешь себя, то в этих трех моментах ты чувствуешь свою силу. Все те объекты наблюдения, от которых твоему ребенку важно получить законченные впечатления, находятся близко от него и от тебя — ты не смеешь, ты не должна делать никакие далекие предметы исходным пунктом какого-либо обучения твоего ребенка. Бог и природа назначили близкое, и только близкое служить исходным пунктом, от которого должно начинаться всякое обучение твоего ребенка, и в качестве такого исходного пункта у тебя есть язык. Нужда заставила тебя пользоваться языком, и, какую бы малую помощь ни оказывало тебе искусство, чтобы ты могла расширить свою силу дальше того, на что побудили тебя нужда и потребность, ты все же имеешь в своем распоряжении язык в качестве исходного пункта обучения. И если искусство начнет оказывать тебе в этом поддержку, ты способна, идя по пути изучения языка, продолжать и дальше вести им своего ребенка. Более того, в твоем распоряжении имеется не только язык; в качестве исходных пунктов ты имеешь язык своего очарования и своей любви, в которых с тобой никто не сравнится. Поэтому, мать, в тебе самой, как ни в ком другом, соединено все, что существенно необходимо для начального образования ребенка. Будь ты графиня или нищенка, этим ты своему ребенку заменяешь бога, как никто другой ему бога заменить не может.

Пойми, мать, что достижение всех задач морального воспитания и умственного образования твоего ребенка зависит от обязательного соединения средств развития — наблюдения, языка и любви. Язык без наблюдения немислим; наблюдение без языка не плодотворно, а наблюдение и язык без любви не приводят в естественных условиях к тому, что делает воспитание человека человеческим воспитанием. Как легковесные педагогические приемы



сторонников просвещения, которые можно сравнить с мыльными пузырями, так и обладающие скрытой силой педагогические приемы сторонников затемнения, вырывающие у тебя почву из-под ног, вытекают из разъединения этих в природе столь тесно связанных оснований человеческого воспитания. Однако способы расчленения этих основных средств нашей культуры имеют следующие главные различия.

I. Наблюдение без языка:

а) с любовью,

б) без любви.

II. Язык без наблюдения:

а) с любовью,

б) без любви.

III. Наблюдение в единстве с языком:

а) с любовью,

б) без любви.

I. Наблюдение без языка делает людей такими, какими мы видим основную массу крестьян. Какими бы живыми ни были полученные ими чувственные познания обо всем круге их жизни и деятельности, которые они носят внутри себя, они никоим образом не могут четко выразить эти познания и объясниться. Поэтому они полностью лишаются преимущества, которое состоит в том, чтобы, руководясь своими точными знаниями, через язык двигаться дальше в своем развитии. Отсюда легко понять, почему большая часть крестьян находит в себе так мало стимулов и воли интересоваться чем-либо, кроме того, что близко затрагивает их лично, принося им пользу или вред. Постепенно они становятся равнодушными также ко всему кругу человеческих воззрений и познаний, даже к правде и справедливости, поскольку и эти краугольные камни нашего счастья покоятся на наших знаниях и воззрениях.

Грустно, что такое равнодушие у подобных людей еще приходится считать мудростью. Когда в своем теперешнем состоянии они пытаются спорить о предметах, правильное рассмотрение которых возможно только при владении речью, они обычно оказываются побитыми первым же встречным, который умеет лучше говорить, чем они. Вред и унижение, которые в наше время испытывает в результате этого значительное большинство людей, тем сильнее, что эти люди в своем словесном бессилии живут среди современного мира болтунов; в нем болтливые пройдохи каждую минуту своим словесным трюкачеством затрагивают то, что этим людям дорого и мило. Такое неблагоприятное положение в жизни такого множества людей в значительной степени объясняется их первоначальным воспитанием...

Там, где к наблюдениям ребенка, которые он по, божьему произволению получает через свои органы чувств, при начальном обучении не прибавляются словесные средства выражения, там упущен начальный момент его образования и разорвана нить, которая в человеческом сознании всегда должна связывать воедино вещь и слово. А в результате разрыва этой нити мы настолько опустили, что даже не знаем больше, что мы знаем; в результате этого разрыва меньше всего мы обладаем силой точно выразить именно то, что мы

знаем наиболее живо, наиболее совершенно. Дело дошло до того, что очень многие люди, когда они слышали, как наши дети свободно называют *внешние* части своего тела, заявляли, что знать это подобает лишь стригущим овец и анатомам; и все же это – *знания*, и настолько общие, что если бы человека лишили четырех чувств и оставили ему только пятое, он все же обладал бы ими.

Следовательно, необходимо, чтобы ребенок, как бы наивен он ни был, узнавал через осязание каждый раз, когда он закрывает глаза, что он закрывает своими веками глазное яблоко, а каждый раз, когда он открывает глаза, именно через это чувство узнавал, что веки его сокращаются над его глазами. Более того, именно этот ребенок, который вскоре ежеминутно будет узнавать зрением, что все люди расправляют и вновь стягивают свои веки, – этот ребенок совершенно точно знает, что у него есть *веки*, и что эти части его глаз *растяжимы*. Если же ему никогда не говорят, что эти части глаз называются *веками* и что свойство этих частей, благодаря которому они при закрывании глаз кажутся больше или занимают большее пространство, обозначается словом *растяжимость*, то есть относящиеся сюда знания его остаются без словесного выражения, то в таком случае это его законченное природное знание остается мертвым грузом внутри него, он никак не сможет использовать его *по-человечески*, то есть для укрепления и расширения своих познавательных способностей. Чувственное впечатление от этого восприятия не поведет его дальше, чем такое же впечатление поведет обезьяну, собаку или кошку, которые также через чувства осязания и зрения могут осознать наличие у себя век и их растяжимость. Но лишь подаренный нам богом язык делает чувственные познания людей человеческими. Если к тому, что представляют из себя наиболее совершенные чувственные впечатления внутри нас, мы не добавляем слова и, напротив, наполняем голову словами, для которых чувства не дают нам подтверждений, то мы сами себя запутываем, и истина не пребывает с нами.

Мать! Я повторяю еще раз, бог все хорошо устроил. Беда в том, что люди даже самым примитивным образом не используют божественных благодетней. Я хочу сказать, что природа сама насильно толкает нас на это использование, а человек не обращает внимания на то, что лежит у него под ногами.

Между тем состояние народа, находящегося во власти чувственного восприятия и отставшего только в области языка, являлось бы еще терпимым, если бы эти восприятия жили в нем самом, жили бы *в любви*. Таково положение в домах, где ребенок растет, наслаждаясь мирной семейной обстановкой, наслаждаясь тысячами радостей любви и повседневно напрягая свои силы для помощи своим родителям, своим сестрам и братьям. Когда дети растут в такой стране при таких условиях, при которых высшие сословия не злоупотребляют невинной простотой их стесненных обстоятельств, не презирают их, не издеваются над ними, когда эти сословия сами еще считают источником своей силы и своей безопасности святыню этой невинной простоты, – при подобных условиях положение тех людей, которые недостаточно владеют языком, более чем терпимое. Их любовь сама служит им языком; их взгляд говорит то, чего не

могут выразить их уста; их рукопожатие весит больше, чем тысяча слов. Используемые ими немногосложные выражения многозначительны и достаточны для взаимопонимания в пределах всего круга понятий, которыми они владеют. Они не выходят за этот круг понятий и были бы счастливы в своей ограниченности, если бы эта ограниченность была общей для всей страны, если бы она считалась святыней и в качестве таковой оберегалась, защищалась и поддерживалась высоким, чистым, благородным, бескорыстным влиянием государства и церкви.

Однако положение в стране бывает иным. Простота и невинность домашней обстановки совершенно исчезли, и ребенок подрастает лишенным всех прелестей домашних удовольствий и домашнего покоя; в высшей степени раздраженный этой лишенной любви обстановкой, он вынужден впрягаться в любую работу, которую его заставят выполнять. Угасла святыня государства и церкви, и невинная простота домашней жизни не находит у них защиты. Наоборот, для удовлетворения жизненных наслаждений и честолюбивых помыслов великих и малых властителей церкви и государства выгодно разрушение такой невинности домашней жизни.

Ах, в такой период, в такой стране пустые внешние средства церковной службы не только *мертвы* с точки зрения сущности религии и любви, но поистине сами убивают их; лишенные любви внешние средства государственного управления не только бессильны поддерживать внутреннюю святость объединения общества, но, наоборот, сами разрушают его, так как дух *любви*, который должен лежать в основе всех церковных установлений, и дух *права*, который должен лежать в основе всех гражданских установлений, повсюду превратились в пустозвонство, в лишенную любви болтовню, которая поощряется общими корыстными интересами узкой клики наделенных церковной и гражданской властью людей. Там, где положение таково, человеческая природа, в невинной простоте своих восприятий лишенная выразительной силы языка, не в состоянии больше поддерживать в себе любовь. Любовь пропадает тогда в одиночестве нищенских хижин, как она уже раньше исчезла в сутолоке, царящей в домах с высокими крышами. Чистейшая невинность и простота человеческой природы постепенно утрачивают присущее им любовное начало; их прямой, открытый характер постепенно переходит в лукавство и извращенность. Лучший человек, если его постоянно высасывают, в конце концов, становится бессердечным. Самый доверчивый человек, которого постоянно обманывают и эксплуатируют, в конце концов, превращается в подозрительного и хитрого. Короче говоря, при подобных обстоятельствах испорченность человеческой природы становится настолько всеобщей, что в тяжелом положении оказался бы добрый человек, которому больно было бы поверить в то, что испорченность среди людей приняла столь всеобщий характер, и который заявил бы, что имеются исключения. Как доброму Аврааму, ему пришлось бы снизить число их с пятидесяти до пяти, и, в конце концов, он вряд ли бы нашел и такое число.

Приходится, правда, признать, что внешние признаки испорченности у бессловесных народных масс сильнее, их грубость больше бросается в глаза, их

ошибки становятся более неприличными, их пороки более нетерпимыми. Именно поэтому вся тяжесть внешней вины за такое состояние преимущественно падает на народные массы. Закон, который не смеет заткнуть источник преступления, кроющийся в самом духе образованных и богатых людей, карающей рукой хватается за его откровенное, неприкрытое проявление, за проступки бессловесной, пренебрегаемой, невежественной массы.

Даже те немногие люди из народа, которые, полностью замыкаясь в домашнем кругу, своей чистотой и невинностью при известных благоприятных условиях могут преодолеть преграды, которые ставит им их бессловесность, при отсутствии таких условий не могут справиться с этими препятствиями.

Еще значительно более сильна опасность подобной способности к наблюдению без возможности словесного его выражения в те страшные времена, когда необузданность масс приходит в столкновение с общественным насилием и государствам угрожает разрушение их древнейших связей. Несчастный, бессловесный народ поднимает в таких случаях руку на несправедливость и на насилие и открывает свою душу соблазнителью-болтуну, который выдает ему за истину то, что не является истиной, и за право то, что не является правом, и который предлагает ему такие якобы спасительные средства избавления от своих страданий, которые ввергнут его в несчастье, в десять раз более глубокое, чем прежде.

И при этих обстоятельствах, когда даже справедливость лишена любви и невинность призывает к убийству, тогда все живое втягивается в ужас разорения. Овцы вынуждены тогда выть вместе с волками, чтобы спасти себе жизнь. Но если это происходит с живым деревом, если даже невинность и чистая сила бессловесного добродушия гибнет в народе при подобных обстоятельствах, когда самый лучший отец и самый лучший ребенок в стране погружаются в бездну ужасов, которые несет в себе падение человеческой природы,— что же произойдет тогда с сухим деревом? Что же случится, если испорченность отдельного человека в его домашнем кругу сравняется с испорченностью общества, и обе они соединяются для того, чтобы спрятать подлинную человеческую природу в самых сокровенных складках своей одежды? Что при такой степени падения церкви и общества станет с ребенком, которого, правда, житейская нужда вынуждает ежедневно трудиться и благодаря этому получать разнообразные впечатления, но в котором эти впечатления отравляются в результате споров и раздоров, происходящих в его доме? Что выйдет из твоего ребенка, если в обстановке такого падения церкви и общества уже на коленях своей матери его настраивают на дурной лад, если повсюду с утра до вечера он живет в кругу впечатлений, которые характеризуются бессердечностью и насилием, и все чувства, мысли и действия его находятся в постоянном соответствии с этой бессердечностью и насилием? Мать! Мать! Что выйдет из твоего ребенка, если он с этой настроенностью на бессердечность и насилие затем включится во все отношения общественной жизни?

Мать! Мать! Посмотри! Вот твой ребенок, который не умеет выразить словами всех знаний, присущих облагороженной человеческой натуре, но который всегда найдет подходящее слово и живой оборот для выражения мыслей, существо которых заключается в грубости, хитрости, насилии и ярости. Мать! Мать! Представь себе только последствия этого сочетания бессердечности, с одной стороны, и неумения выразить все хорошее – с другой, этой односторонней развитости речи для выражения всякого зла. Мать! Мать! Представь себя на дне общества, поищи отребье человеческое, поищи убийц, воров, смутьянов и спроси тогда, как дошли эти люди, сила зла которых приводит тебя в изумление, как дошли они до того, чтобы стать такими плохими людьми. Мать, в девяти случаях из десяти причина их преступности заключается в том, что с ранних лет они жили в атмосфере бессердечности и насилия. Между тем, если бы тот же, не находящий себе выражения в языке круг наблюдений был связан с любовью, он, несомненно, повлиял бы на воспитание человека таким образом, чтобы, проявляя усердие, верность и силу, он в качестве отца и друга в полной мере удовлетворял тем требованиям, которые соответствуют его положению в обществе.

II. Язык, не связанный с наблюдением. Язык, не связанный с наблюдением, приводит к воспитанию безмозглых болтунов; они довели до совершенства умение говорить о вещах, которых их глаза не видели, уши не слышали и которые в еще меньшей степени являются предметом их переживаний; они говорят о них, как будто эти вещи собственными глазами видели, собственными ушами слышали и даже, как мать, выносили под сердцем. Язык, не связанный с наблюдением, воспитывает людей, ослепленных беспочвенными притязаниями, возникающими в результате такого пустого словесного знания. Такие люди лишаются внутренних побудительных мотивов ради развития ума и сердца глубже вникать в сущность какого-нибудь предмета, с которым они в результате подобной болтовни считают себя уже вполне знакомыми.

Если слабость людей, которые неспособны, выразить словами свои наблюдения, порождена недостаточным обучением, то порок людей, владеющих речью, не базирующейся на наблюдении, наоборот, повсюду вызван неправильным обучением. Заблуждения в области преподавания теснейшим образом переплетаются с самыми начатками обучения ребенка. Если ребенок, не умеющий словами выразить свои наблюдения, знает, что у него есть *веки*, которые обладают способностью растягиваться, но не знает ни слова *веки*, ни слова *растяжимы*, то ребенок, обучение которого не основывается на наблюдении, напротив, выучивает наизусть слово *веки* или даже предложение *веки растяжимы* без того, чтобы кто-нибудь ему когда-нибудь точно *показал*, какая именно часть *глаз* называется *веками* и какое *свойство* *век*, собственно, обозначается словом *растяжимы*. Дело в том, что мы заставляем детей произносить слова, которые в наших устах, правда, обозначают вещи, с которыми ребенок хорошо знаком; однако ведь ребенок не знает, что они называются именно теми словами, которые мы заставляем повторять за нами, чтобы он выучил их наизусть.

В результате такого недоразумения мы не заставляем ребенка при произнесении слов представлять себе то, что он себе при этом не представляет. Мало того, мы связываем для ребенка также пустые слова с совсем мертвыми словами, то есть такими, которые обозначают предметы, лежащие совершенно вне круга восприятия ребенка и недоступные его пониманию, словами, которые по своему существу обозначают вещи, истинное значение которых мы, если бы и захотели, не в состоянии заставить ребенка в теперешнем его состоянии представить себе. Наконец, мы обычно употребляем при обучении ребенка книжные слова, не обращая внимания на то, что в обычной жизни ребенок называет вещи, которые мы обозначаем книжными словами, совсем другими словами; мы забываем, что это единственные слова, обозначающие для ребенка предметы, которые мы хотим ему назвать словами книжными.

Мне, например, известна страна, где все эти ошибки соединили, заставляя детей выучивать наизусть следующее изречение: “Вы почитаете меня *губами* (Lippen) и прославляете меня *устами* (Mund), но сердце ваше далеко от меня, поэтому почитаете вы меня напрасно”. Во-первых, на местном наречии губы называются не *Lippen*, а *Lefzen*, а рот не *Mund*, и дети не знали, что такое *Lippen* и *Mund*, хотя они хорошо знали, что значат *Lefzen* и *Maul*. Во-вторых, к этим пустым словам, которые, как считалось, хорошо знакомы детям, добавлялись слова *почитать*, *прославлять*, *сердце* и др., подлинное значение которых не может быть доступно ребенку того возраста, в котором обычно детей заставляют выучивать это изречение, потому что объяснение их требует новых слов, смысл которых столь же чужд ребенку, как и смысл тех слов, которые ему пытаются объяснить.

Что меня, однако, особенно поражает, так это то, что бедных детей в этой стране приучают к пустейшему, бессмысленному словоблудию при помощи заучивания наизусть именно того изречения, которое с божественной простотой и теплотой раскрывает пагубность этого пустословия.

Между тем путем соединения ошибок при начальном обучении детей закладывается общий фундамент глупого словесного воспитания, для полного завершения которого не требуется ничего иного, как строить дальнейшее обучение детей на основе и в духе тех же первоначальных заблуждений. Это и совершается преисправно в наш век пустой болтовни. Он редко бывает столь же последовательным, как в этом отношении. Так же, как при начальном обучении речи совсем не заботятся о том, чтобы ребенок понимал связь между знакомыми ему вещами и словами, которыми он их должен называть, точно так же поступают при научном обучении. Ребенку внушают моральные, правовые и религиозные истины и мнения, не обращая внимания на то, что при обучении всем этим предметам употребляются слова, связь которых с обозначаемыми ими предметами неизвестна ребенку. Более того, эти слова, наоборот, обозначают вещи, о которых ребенок может иметь не большее наглядное понятие, чем он может иметь о зубной боли, если у него никогда не болели зубы. Конечно, потом учитель замечает разрыв, который образовался между его словами и понятиями ребенка, и старается ликвидировать этот разрыв. Но, желая этого, пытаюсь путем объяснения сделать для ребенка более ясным

значение непонятных ему слов, он волей-неволей прибегает к словам, значение которых так же туманно для ребенка, как и значение слов, которые ему пытаются объяснить. Учитель в таких случаях попадает в отношении употребления этих слов в положение потерпевшего кораблекрушение, который ради спасения своей жизни пытается ухватиться за любую веточку, какой бы хрупкой она ни была.

Вот тот путь, идя которым в настоящее время во всех областях знания и даже в святой святых всех человеческих познаний – в религии, люди пришли к понятиям, настолько лишенным жизни и силы, что сами себе боятся в этом признаться. Происходит это потому, что реальность пустоголовости связана с мнимой словесной полноценностью, которая по самому своему существу обязательно заставляет этих заблудших поклонников слова мнить себя *мудрецами* в той же степени, в которой, как мне кажется, они являются *дураками*.

Но и здесь, среди пустословов (*Maulmenschen*), слова которых оторваны от наблюдений, имеется то же существенное различие, которое встречается среди людей, плохо владеющих словом и мыслящих в основном чувственными образами; если при всех недостатках своего словесного воспитания эти пустословы обладают любящим сердцем и душевным теплом, они являются совершенно иными людьми, чем те, у которых порочность их словесного воспитания сочетается с черствостью и бессердечием и еще усугубляется ими.

Мать! В первом случае в результате неправильного воспитания твой ребенок станет человеком, который во всех случаях, когда он что-либо должен знать, удовлетворится верой; ко всему, что он обязан делать, его надо будет побуждать словами; во всех страданиях, которые он должен будет перенести, он найдет утешение в словах. Он станет человеком, готовым пожертвовать всем на свете, даже жизнью за слова, сохранившие ему при всей его слабости веру, покой и порядочность. Вот, люди, как велика сила веры даже в пустые слова, если эта вера рождена в любви и вскормлена любовью.

Ах, эти добрые люди! Я желал бы им жить в более совершенном мире. В каждое заблуждение, в которое их заводят эта вера и эта любовь, они вкладывают часть своего доброго сердца. Они всегда будут святы в моих глазах, где бы они ни жили в этом скверном мире. Пусть ангел божий парит над ними и охраняет от падения в те пропасти, к которым их может подвести вызванная односторонностью наивность.

Но если пустоголовость таких людей еще соединена с черствостью, если эта вызванная отсутствием чувственных основ скудость ума сопровождается еще и оскудением сердца, тогда тяжелые последствия такого неправильного воспитания человеческого рода безграничны. Бессердечные пустословы считают, что их пустая словесная изощренность дает им право на всевозможные почести и богатство, которых другие люди могут достигнуть лишь в результате напряжения своего ума и труда рук своих. Так как в их знаниях отсутствует, я бы сказал, святая святых истинного порядка, а именно чувственная основа первичных составных элементов этих знаний, то *неизбежно ошибочно* их суждение о ценности этих знаний и о своей собственной силе, поскольку она покоится на этих знаниях.

Ты можешь встретить среди них крестьянина, знающего наизусть целые проповеди и при этом не обладающего той силой ума и сердца, которую несут в себе тысячи других людей, способных едва лишь запомнить текст проповеди и ее начало. Среди большого числа не владеющих языком, но обладающих образным мышлением людей иногда можно встретить крестьянина, объем чувственных представлений которого, правда, не выходит за рамки, обусловленные условиями его жизни, но который, упражняясь в заучивании пустых школьных слов, почувствовал силу своей памяти на слова и теперь с жадностью поглощает библию, проповеди, календари и газеты. Гордый своей выдающейся образованностью, он использует всякий случай, чтобы выложить весь этот, не переваренный словесный мусор в том же виде, в каком он его получил. Ты найдешь среди людей, получивших образование в бюргерских школах, таких, души которых превратились в инвентарные списки книг и имен. Лишенные всякой психологической силы, всякого такта в вещах, требующих обычного здравого смысла, они пытаются *просвещать* простых людей при помощи нелепых компиляций и выдержек из всей массы произведений самых разнородных писателей.

Ни один шарлатан не будет пытаться вылечить полуслепого так, как эти люди; ни один из них, для того чтобы укрепить зрение своего полуслепого пациента, не попытается поставить его на такое место, где ветер будет нести ему в глаза всю пыль и весь дым города. И все же попытку *просветить* народ при помощи компиляций и цитат можно сравнить только с такой попыткой. Ты встретишь и таких людей, которые выучили в бюргерских школах всю систематику естественных наук и тем не менее настолько плохо знают растения, камни и животных, которые растут, лежат или живут у них перед домом, что, если речь пойдет о состоянии огородной грядки, хлева или кучи разнородных камней, их заткнет за пояс любая работающая на огороде поденщица, любой батрак, любой подручный каменщика.

Притязания таких книжников, правда, чрезвычайно велики, но еще больше притязания тех людей, которые, следуя по тому же пути, стали логиками, учителями морали, учеными-законооведами и преподавателями религии; их заблуждения влекут за собой гораздо более серьезные последствия. Можно встретить логиков, не обладающих никакой культурой мышления, — они просто перечисляют на пальцах логические правила. Ты видишь учителей морали, которые под непомерной тяжестью моральных истин, правил и формул теряют нравственные чувства и становятся морально извращенными людьми. Такого учителя можно сравнить с грузчиком, у которого в результате ежедневного ношения тяжелого груза кожа на спине настолько грубеет, что теряет способность воспринимать более тонкие ощущения, и, в конце концов, у него вырастает горб. Ты найдешь законников, которые оттачивают формулировку отдельного судебного решения до острия булавки, но выбрасывают из своей судебной практики дух права, которым они должны руководствоваться, как выбрасывают на улицу падаль. Такие люди ловят и убивают невинных при помощи буквы закона, как пауки ловят и умерщвляют мух. Ради того чтобы поддержать видимость справедливости посреди моря



несправедливости, они нагромождают закон на закон и превращают их в горы слов, которые приводят в ужас сердца и заставляют содрогнуться человеческий разум.

Вот насколько низко падает человечество в результате пустой болтовни, лишенной наглядной основы, если эта болтовня к тому же еще соединена с бессердечием.

Но ниже всего падает человечество в результате соединенного с бессердечием и лишено наглядной основы пустословия, когда предметом его нападок становится любовь и бог – источник любви. Если, привыкнув употреблять слова, не имеющие за собой чувственного образа, я назову ежевику, не зная, что из себя представляет эта ягода, то я в худшем случае окажусь немного глупее, чем, если бы я стал говорить о ежевике только после того, как я с ней познакомился. Если я похороню себя под словесной горой из юридических формул, не обладая внутренним чувством справедливости, если я даже извращу закон для того, чтобы выиграть свое судебное дело, то ведь все, что я благодаря этому выиграю, или потеряю, или заставлю кого-нибудь выиграть или потерять, касается только денег и материальных ценностей. Однако если я направлю свое губительное, оторванное от чувственного мира пустословие против таких высоких предметов, для которых в природе не существует равнозначущей ценности; если, не имея опоры в наблюдении, я стану говорить о боге и любви, а непрерывное повторение самых святых слов, разговор о боге и любви превращу в презренное пустословие; если в результате своей бездушной деятельности я паду так низко, что перенесу свои страстишки на самого бога, буду совершать свои бессердечные поступки от божьего имени и, наконец, буду поддерживать коварство своего эгоизма, опираясь на тот ложный авторитет, который моя пустозвонная работа создала мне в народе, тогда действительно дело дойдет до самого худшего, до чего могут довести человеческий род претензии пустословия.

III. Наблюдение в единстве с языком воспитывает полного сил и пригодного к жизни человека, который чувствует себя одинаково подготовленным ко всем условиям жизни и всюду ощущает свое превосходство над человеком, получившим чисто словесное воспитание. Полнота наблюдения придает его языку силу, а полнота языка выражает его наблюдения с такой силой, с какой они живут в нем самом. Будучи, таким образом, внутренне самостоятельным благодаря этой двойной силе, такой человек ведет за собой бессловесную толпу, как стадо, и дыханием уст своих сдувает со своего пути пустую болтовню людей, слова которых не имеют чувственной основы. Но *без любви* и этот человек все-таки будет *дьяволом*. *Без любви* ощущение своей двойной силы явится для него только средством для удвоенного эгоизма; без любви это чувство силы волей-неволей сделает его гордецом, насильником и ненасытным; а гордость, насилие и жадность делают из него к тому же и подлеца.

Мать, для которой я пишу! Проникнись глубоко сознанием этого: твое дитя, которое могло стать ангелом благодаря удвоенной силе, которая придается соединением наблюдения с языком, в результате этой же самой

силы, если развивать ее в нем без любви, станет средоточием худшей человеческой слабости, унижится до подлости. Мать! Мать! Когда твое дитя, ощущая эту удвоенную силу, остается без любви, в нем угасает божественное начало человеческой природы в апогее этой силы; он уже не чувствует в своей силе этого божественного начала. Мать! Мать! Куда идет твое дитя? Полный сил человек, который не чувствует уже в себе божественного начала, является только получеловеком, и в качестве получеловека он хочет прожить без помех и в приятном расположении духа, но не может сделать этого, так как он только получеловек. Тогда он обращается к людям с требованием, чтобы те обслуживали его для этой цели, и вместе с тем презирает людей за то, что они позволяют ему требовать от них удовлетворения его чувственных запросов. Он плохо обращается с теми, кого презирает, а презирает во все большей степени тех, с кем дурно обращается. В конце концов он начинает презирать самого себя и доходит до состояния исступления. Страдания человечества тогда ничто для него. Ничто для него тогда право и истина. Он попирает ногами все, что встретится ему на пути. Он силой овладевает всем, что бы ему ни полюбилось.

Ах, я отвожу свой взор от чудовища, в которое превратила его страшная сила, и обращаю его к человеку, который, будучи одаренным той же силой, которая превратила человека, лишённого любви, в дьявола среди людей, является ангелом среди людей. *Любовь*, которой проникнута его жизнь, превращает его силу в божественную, делает его самостоятельным в нравственном отношении; чувство удвоенной силы подымает его высоко над низким чувством эгоизма; любовь помогает ему найти в своей удвоенной силе вдвое больший источник роста божественного начала своего естества. Любовь дает ему способность, полностью ощущая свою силу и даже при помощи этой силы, стать послушным, скромным, воздержанным и альтруистичным. Таким образом, люди перестают видеть его силу; среди слабых он и сам производит впечатление слабого; он страдает со страждущими; он радуется со счастливыми; он всем является братом. Но его сила подымает его до сознания отцовства по отношению к тем, кому он служит; в лишенном достоинства, униженном человеке он почитает то же самое божественное начало, которое существует в нем самом, только в более развитом виде.

Мать! Имею ли я право сравнивать этого благородного человека с тем мерзавцем, который из-за своего бессердечия утрачивает силы, приобретенные им в результате соединения наблюдения с языком? В то время как этот негодяй в своем бессердечном эгоизме повсюду старается выдвинуться вперед, чтобы не упустить и тени успеха, тешащего его тщеславие, благородный человек действует скромно, оставаясь в тени. И если первый даже в счастье остается неудовлетворенным, то второй удовлетворен, если его постигает даже несчастье. Первый постоянно сердится на себя за то, что у него не хватает сил урвать больше чувственных удовольствий, чем это удастся, ему сделать на самом деле. Второй же огорчается, что его положение и силы не позволяют ему делать людям больше добра, чем он фактически делает. Если первого могучие силы эгоизма при всем богатстве, почете и могуществе, которыми он пользуется, влекут к кривым и запутанным тайным тропам во мраке ночи и ко

всем тем подлостям, с которыми связано следование по таким тайным путям, то моего благородного человека посреди всех угрожающих ему опасностей бедности, позора и смерти мужество любви подымает до высот жизни.

Истина, которая путем тройного соединения наблюдения, языка и любви с чистым чувством справедливости, с совестью, оказывается заложенной в нем во всей полноте своего нравственного совершенства, достигает в нем высокой силы. С этой своей втрое возросшей силой он встает на защиту страдающего бедняка, невинно оклеветанного человека, подавляемой правды. Он не разрешает сломать треснувшей тростинки, не дает погасить тлеющий светильник. Он противостоит чванливой знати, не дает свершаться насилию. Для врага истины он является обоюдоострым мечом, и ненавидящие справедливость впадают в трепет при виде его. Нет, он не молчит, он не боится! Свет не в состоянии свести на нет результаты соединения в человеке справедливости и истины до тех пор, пока этот человек жив.

Мать, мне казалось, что твоя невинность, твое незнание и твоя любовь обязывают меня рассказать тебе о последствиях, к которым приводит разъединение наблюдения, языка и любви. Я уже сказал тебе и повторяю слова: жизнь и смерть зависят от *соединения* или *разделения* этих трех элементов воспитания твоего ребенка, – следовательно, выбирай один из двух путей: путь жизни или путь смерти для своего ребенка. Нельзя рассчитывать на то, что можно, не применяя принуждения или насилия, отвлечь людей, обладающих животной привязанностью к определенному образу жизни, от этого образа жизни, отучить их от ложных притязаний, изменить насильственный характер применяемых ими методов. В еще меньшей степени можно рассчитывать добиться какого-либо успеха в отношении заблуждений, которым с такой силой предаются женщины.

### **Светская женщина и мать**

Вместо того чтобы строить обучение на указанных основаниях и путем разносторонней кропотливой работы присоединять к ним то, что может быть с ними увязано; вместо того чтобы от этих основ вести ребенка к тому, что на данной ступени внутреннего развития его становится не только доступным ему, но и желанным; вместо того чтобы шаг за шагом идти по этому пути и не предпринимать следующего шага, пока не завершён предыдущий; вместо того чтобы каждый раз последовательно присоединять дальнейшее к тому, что уже было раньше, и дать внутренне созреть этому дальнейшему, прежде чем присоединить к нему что-либо новое, – короче говоря, вместо того чтобы поступать так, как поступает крестьянин, который высеивает зерно и с великим терпением выжидает его постепенного созревания, они действуют без системы и выдержки.

Ведь средства воспитания этих людей не исходят из ощущения заложенной в самом человеке силы. Эти средства воспринимаются детьми как нечто с неба свалившееся; они не увязываются ни с чем, уже заложенным в души детей, совершенно лишены связи между собою и противоречат друг

другу. Их нельзя представить себе в неразрывной цепи; легкое и трудное перемежается в них совершенно случайно, как случайно ложатся рядом легкие и тяжелые камешки, которые гонит ручей в лесу. А так как основой этим людям служит слепой случай, то и воздействие их также случайно. Никогда, никогда то, что они делают, не приводит к необходимым результатам. Эти люди подобны человеку, который по существу не таков, каким он должен быть, но и не так зачерствел, чтобы с определенностью сказать самому себе: “Я хочу быть тем, чем мне быть не следует”; он бежит сам от себя, не задерживаясь долго ни на чем, что заставило бы его глубоко заглянуть себе в душу. Так и эти люди не могут остановиться ни на одном пункте, который заставил бы их глубже заглянуть в существо своих поступков. Каждый шаг кажется им слишком медленным. Только бы какое-нибудь разнообразие, только бы что-нибудь новое!

Если бы они обладали этой способностью, ребенок стал бы для них всем на свете, он стал бы для них миром, в котором они живут и для которого они живут; все их существо, чувства, мысли и действия сосредоточивались бы в ребенке, как в центре всего того, что происходит в их уме, в их сердце, в центре всего, что они делают. И тогда естественно и неизбежно они стали бы для ребенка всем на свете; они стали бы для него миром, в котором он живет и для которого он живет, – вот чем они должны были бы для него стать. Весь душевный мир ребенка – его чувства, мысли и действия – должен был бы вращаться вокруг них как центра всего, что воспринимается его умом, сердцем, попадает ему в руки.

Однако для людей, преданных светской жизни, будь то мужчина или женщина, ребенок ни на один час не приобретает такого всеобъемлющего значения. Мысль о том, чтобы приобрести блаженство через ребенка, совершенствоваться через ребенка, никогда не приходила в голову ни одному светскому человеку – мужчине или женщине – и никогда не придет ему в голову. Такая мысль является результатом сохранения в себе в чистоте божественного начала, заложенного в природе человека; она является результатом того, что он неукоснительно следует всем божественным установлениям, которые неумолимо подчиняют своей высшей мудрости все закономерности мира. Ведь светский человек не был бы таковым, если бы он поддерживал в себе в чистоте божественное начало, которое заложено в человеческой природе, неукоснительно следовал в этом мире божественным установлениям и не пренебрег святыней этих установлений в угоду нечестивому содержанию светской жизни.

Если бы это было так, то до самой смерти в так, до самой смерти в таких родителях жила бы божья сила, направленная на благо ребенка. Если бы это было так, то и в ребенке до конца их жизни и до конца его жизни жила божья сила, направленная им на благо. В них жила бы сила оставаться матерью и отцом, причем эти родительские качества не только сохранялись бы, но росли и развивались; одновременно эта сила помогла бы им самим совершенствоваться, облагораживаться на протяжении всей их жизни. И в ребенке жила бы сила оставаться их сыном или дочерью до конца их и его жизни: развив все больше и

больше свои дочерние или сыновние качества, дети продолжали бы свое самосовершенствование до гроба.

Только и только на этом зиждется высокое счастье привязанности к родителям. В нем ребенок растворяется и умолкает, тысячекратно выражая этим молчанием, что никто и ничто не может возбудить в нем тех чувств, которые возбуждают отец и мать, что мир и все в нем существующее не могут заменить ему того, что представляют для него отец и мать и что по велению божию они поистине должны для него представлять.

У светского человека нет даже никакого основания для пробуждения такой привязанности со стороны ребенка. Иначе и быть не может. В душевной жизни светского человека главное место должно быть занято ребенком; однако произошло обратное – свет поглотил в нем ребенка. Если женщина сама принесла себя в жертву свету, значит, она должна пожертвовать свету и собственного ребенка. Тысячи светских сует для нее важнее его, и она добивается того, что и для ее ребенка тысячи сует становятся важнее матери. Привязанная ко всем обманам света, она с утра до вечера только к тому и стремится, чтобы приносить ему жертвы, и проникнута рабской боязнью, как бы в этом жертвенном служении ничего не упустить, не допустить какой-нибудь ошибки. Это служение не только отнимает у нее время, оно похищает у нее покой и лишает ее свободы видеть предметы суетного света в их истинном облике. За шепотом света она не слышит крика собственного ребенка. Ее мир не является миром ее дитяти. Она подобна глупцу, в котором погасла радость семейной жизни и который идет на комедиантский спектакль, чтобы умиляться прелестями семейной добродетели, сидя в ложе или в партере. Тогда бедная женщина видит, как чувство привязанности, которое имеет такое величественное основание в природе, вызывается в ее ребенке светскими и чувственными наслаждениями, под влиянием которых она сама утратила истинное чувство привязанности; и поскольку она живет светской жизнью, ей ничего другого не остается, как либо выкинуть ребенка из этого светского мира, либо сохранить его в нем. Если она сохранит его в этом мире, то этим самым она отрывает его от бога, природы и самого себя, так же как она этим миром оторвана от бога, природы и себя самой.

В руках такой светской женщины под влиянием приманок чувственной жизни, соблазнов чревоугодия, светского этикета, самолюбования и таких плоских достоинств, как краснбайство, умение играть в карты, делать визиты, приказывать, льстить и т. д. и т. п., в которые погружена мать, ребенок неизбежно должен потерять всякие следы невинности, чистоты сознания, открытой и непосредственной прямоты, свободы и достоинства в словах и поступках, как в результате светского тона всегда терял, будет и неизбежно должен терять всякий ребенок, находящийся во власти суетного света. Если же мать удалит его из света, в котором она живет; если обеспечит ему особое, отдельное от себя существование, а сама станет существом, которое ребенок видит или слышит реже всего; если она создаст для него обособленный от своего мира своеобразный мир людских и гувернерских комнат, наймет ему для этого мира разных людей, которые с утра до вечера будут заниматься ребенком

– одевать и раздевать его, носить на руках, возить в коляске, играть с ним, учить азбуке, беседовать с ним о льве, тигре, носороге и пятой части света, объяснять катехизис и перечислять ему на пальцах правила искусства танцев и фехтования еще до того, как ребенок хорошо научится ходить и стоять, – если она сделает все это, то ребенок, по правде говоря, ничего не теряет от такой замены. Если бы такая мать отдала своего ребенка нищим или в первую попавшуюся деревенскую лачугу, то даже в этом случае он выиграл бы: он все же вырос бы более человечным и более сильным, чем у нее. В обычных людских и гувернерских комнатах он ничего особенного не приобретет.

У ребенка светской женщины нет матери. Если ему настолько повезет, что ухаживающая за ним служанка или его учитель достаточно добры и умны, то он в этом положении может получить все, что, возможно, получить ребенка, которого мать выбросила из сердца и отдала в чужие руки.

Правда, любовь какого-нибудь чужого человека не может заменить чистой, полной материнской любви. Однако мать, подобно нашим прародителям изгнанная из рая за свою суетность и чувствуя себя изгнанной из рая привязанности, любви, благодарности и доверия, в котором дети добродетельных родителей даже в условиях нищеты и несчастья замолкают, как бы растворяясь в блаженстве, выражая этим тысячекратно, что никто и ничто не может возбудить в них тех чувств, которые возбуждают в них отец и мать; мать, занятая только собой и абсолютно никакой любви и внимания не уделяющая своему ребенку, – должна была бы считать истинной милостью господней, если бы ее ребенок нашел какого-нибудь человека, к которому он мог привязаться. Бедный осиротевший ребенок так нуждается в этом!

Если, в конце концов, вместо утерянной любви матери он найдет любовь служанки; если вместо того, чтобы доверять матери, привыкнет доверять служанке; если вместо того, чтобы слушаться мать, будет слушаться служанку; если только, в конце концов, в его душе разовьются доверие, любовь, благодарность и послушание, то независимо от того, через кого это произошло, божественное начало все же будет разбуждено в нем, самое святое из того, что ребенок должен получить, он все же получит. Но та несчастная, которая не пробуждает в ребенке этого божественного начала, которая не дает ему этих священных сокровищ, сама приглушает в ребенке эти свойства, даже когда другие люди их в нем пробудят, другие их ему дадут. Она волей-неволей должна их в нем заглушить. Потеряв *силу* и *волю* быть матерью, такая унижившаяся женщина сохраняет лишь *притязание* на то, чтобы *казаться* матерью и *сохранять* материнские *права*, которые она имела бы, если бы действительно была матерью. В результате она заглушает это божественное начало и эти святые чувства в душе ребенка – то, что пробудили и дали ему другие люди. Она неудержимо движется по пути своей светской суетности к своей гибели. Ее притязания на то, чтобы казаться матерью, и всяческие усилия для утверждения своих материнских прав, вплоть до того, что на карту ставится ее светская честь, растут по мере того, как исчезают изо дня в день слабые остатки проявляющегося в истинной любви деятельного сознания материнства.

Столь же полная этих притязаний, как истинная мать полна любви, такая женщина только мешает добрым людям, в руки которых она отдала ребенка. Под влиянием этих претензий она вмешивается в направленные на благо ребенка действия и распоряжения этих людей, так что сводит на нет всю ту пользу, которые они должны были ему принести. Она ни во что не ставит самое ценное из того, что эти люди могли дать ее ребенку; наоборот, самое плохое из того, что они делают, она ценит значительно выше, чем самое лучшее. Она унижает этих людей на глазах своего ребенка; она отнимает у них мужество действовать правильно в таких случаях, когда этого никто не ценит и когда, напротив, предпочитают обратное. Ей не нравится, что ребенок к ним привязан; ей хочется, чтобы он был привязан к ней и любил бы ее; а так как она недостойна этой любви и не может добиться ее прямым путем истинной материнской преданности и заботы, то она старается добиться любви ребенка обходными путями – лестью и могущественной силой подкупа, причем ее кошелек экономит ей весь труд, который она должна была затратить на достижение поставленной цели. Она выбросила ребенка из своего мира потому, что невозможно быть светской женщиной и при этом повседневно работать и жить так, как истинная материнская преданность и материнские заботы призывают и принуждают жить добродетельную и хорошую женщину. Она удалила ребенка из своего мира, потому что невозможно одновременно служить богу и маммоне. Теперь она вновь включает ребенка в свой мир и заставляет и его служить маммоне, которому она служит, для того чтобы ребенок все же ее любил, хотя она и не выполняет больше своих материнских обязанностей по отношению к нему. Как несчастный пьяница, желающий приобщить к своему веселью свое несовершеннолетнее дитя, дает ему отпить несколько капель водки, так и она, ежедневно пьющая полными бокалами светские наслаждения, дает ему отпить из своего кубка сегодня немножко сладкого, завтра – чего-нибудь ослепляющего, послезавтра – шума и звона, на следующий день – чего-нибудь ароматного и т. д.

Милый ребенок! Он мало наслаждался природой, пребывая в людских и гувернерских комнатах, но все же мир, который его окружал, давал ему правильное, а не перевернутое вверх ногами представление о вещах. Если его братишка и сестренка купались, то хорошенькая ножка в его глазах была хорошенькой ножкой, а хорошенькая ручка – хорошенькой ручкой. С тех пор как он стал жить в мире своей матери, ручка кажется ему красивой только в том случае, если на ней надето кольцо, а ножка – только тогда, когда она в шелковом чулке. Этот мир приучает его сравнивать несравнимые вещи; то, что стоит денег, затмевает ему ценность того, что нельзя купить ни за какие деньги. Ему теперь на самом деле кажется, что ухо, в которое вдет золотая серьга, стоит большего, чем ухо, не украшенное золотом. Он закопан в могилу внешних чувственных наслаждений, как закопана его мать. Его духовная жизнь должна заглухнуть, как она заглухла у его матери. Так это и происходит на самом деле. Его духовные силы бездействуют, удовлетворяясь тем, что уже существует, они неспособны к самостоятельному творчеству.

Кто постоянно занимается воспитанием, тот знает, что это значит – иметь дело с такими детьми. Поэтому и было встречено таким всеобщим шумным негодованием мое заявление, которое я горячо отстаивал, что все первоначальное воспитание ребенка, в том числе и обучение, должно находиться в руках матери. Высказывалось почти единодушное мнение, что от матерей, таких, какие они сейчас есть, нужно, как можно раньше отнимать детей, так как их вмешательство обязательно портит любое воспитательное мероприятие. То, что такая мать заставляет детей ежедневно видеть, слушать, обонять, вкушать и осязать, лишь сводит на нет все, что делается, чтобы путем зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания сделать из них таких людей, какими они должны быть и какими их хотела бы видеть даже сама мать.

Однако поднявшие такой крик против материнского воспитания и против моей точки зрения не учли, что я таких женщин вообще не причисляю к матерям, к которым я обращался, и что я совершенно так же, как и они, не считаю женщин, хвастающихся своим светским тоном и видящих свою цель в том, чтобы блеснуть и возвеличиться в свете, способными принимать участие в воспитании. Но, к счастью, в божьем мире есть еще много женщин, которые не в такой степени участвуют в светской жизни, чтобы совсем извратиться и так далеко отойти от природы. Кроме этих многих женщин, которые, собственно, ближе всего моему сердцу, имеется еще много и таких, которые, несмотря на то что они довольно много вращаются в свете, понимают всю ничтожность и гибельность светского тона и стоят выше его. Такие женщины, как немногие мужчины, владеют так светом, как будто бы они им и не владели, – пользуются им так, как будто бы они им не пользовались. Со стороны этих благородных женщин я ищу и ожидаю помощи в осуществлении моих убеждений и целей, однако рассчитываю, что это произойдет лишь после моей смерти.

Нет! Ничто, ничто не помешает мне до самой смерти не отступать от своей точки зрения и считать самой высокой своей задачей разбудить и оживить в женщинах нашего века так сильно заглушенное и расшатанное чувство. Ведь только оно сделает их тем, чем они по божьему замыслу могли и должны быть для своих детей. Тысячи и тысячи женщин уже сейчас близки к моим взглядам и не отдают своих детей в чужие руки подобно светской женщине, которая таким путем хочет обеспечить себе веселую жизнь; они с глубокой болью сознают, что они не могут давать своим детям то, в чем они нуждаются, не могут быть такими, как это нужно для детей. Тысячи из них чувствуют это: их не научили тому, что они должны были знать, чтобы передать детям; им не привили тех навыков и духа, которыми они должны были обладать, чтобы стать для своих детей тем, чем они должны быть для них.

Проникнутые высоким духом, который, передаваясь от дедов и отцов, царит в их жилищах, тысячи людей из народа, привычно выполняющие свои повседневные обязанности, живут друг для друга в святая святых своей семьи, любят друг друга и испытывают по отношению друг к другу такие чувства, которых не испытывают нигде больше среди людей. Горе и нужда часто заставляют их повседневно оказывать друг другу совет и помощь не только на словах, но и делами рук и ног своих. Эти люди знают, могут и осуществляют



то, что я считаю существом моих целей; делают они это, наивно не сознавая, что умеют и выполняют.

Они соль земли; но свет делает все, чтобы лишить эту соль ее вкуса; а я стараюсь всей своей деятельностью добиться, чтобы она его сохранила. Когда, наконец, высокопоставленные благородные дамы научатся ясно понимать божественную сущность человеческой природы и отчетливо почувствуют потребность стать для своих детей средоточием всего, что с ясностью и величием заложено в природе человека; когда они будут находить величайшее блаженство в том, чтобы обращаться за помощью для удовлетворения своей потребности и будут считать величайшим счастьем найти такую помощь; когда наши высокопоставленные благородные дамы станут такими матерями для своих детей, какими им надлежит быть, – тогда они в гуще народа, который им служит, найдут матерей, живущих только для своих детей. И хотя эти матери чувствуют, что у них не хватает возможностей стать для детей тем, чем они хотели и должны были быть для них, они владеют все же всем, абсолютно всем необходимым, чтобы быть в состоянии, следуя умелому руководству, развить в своих детях те высокие качества ума и сердца, которые я считаю необходимыми.

Вот на чем я основываю свои надежды. Между тем я хорошо знаю то зло современной жизни, которое заставляет тысячи людей считать безнадежным какой-либо прогресс в этом отношении. Если светские женщины – а именно в отношении их и был поднят крик, что чем раньше отнять из-под их опеки детей, тем лучше, – своими недостатками вызвали такое мнение, то ведь они сами являются жертвами света. В условиях света невозможно быть такой матерью, какой следует быть. И самое большое зло, которое эти женщины могут причинить своим детям, заключается в том, что, продолжая жить в свете и используя его пути, они все же хотят быть матерями своим детям и не могут этого сделать. Человек не справится сам и природа не поможет ему, если под воздействием нужды или добродетели он не привыкнет повседневно проявлять усилие и любовь. Между тем светские женщины хотят, чтобы их дети обладали видимостью всех достоинств и преимуществами их обладания, стремятся прививать их такими способами, которыми не пользовался ни один человек на свете, действительно обладающий этими достоинствами. Подобно тому, как во времена Эвклида царь Птоломей считал, что для людей его положения имеется особый способ изучения геометрии, так и эти женщины полагают, что, для того чтобы правильно воспитать детей, требуются какие-то особые, специально для них созданные методы воспитания, а не такие, которые исходят из природы человека и годятся для всех. Но им придется признать последнее.

Созданная богом для плодоношения земля так же гола и пуста, как не подвергавшийся воспитанию человек. Взгляни на нее, на эту землю-мать, и спроси, как добиваются, чтобы она давала тридцати-, шестидесяти- и стократные урожаи. Тяжелых трудов стоит землепашцу поднять целину, вспахать и перепахать, прорыхлить, промотыжить и посеять. Когда он все это сделает, ему приходится с упованием на бога, терпеливо и с неослабной заботой целые месяцы и времена года следить за своими посевами,

которым угрожают чрезмерные дожди и засуха, сорняки и градобой, и дожидаться урожая. Наконец, когда урожай созрел, он должен еще переработать его для своего потребления – снять его, связать в снопы, свезти в амбары, обмолотить, отвеять и ссыпать в закрома, чтобы использовать его для нового посева, питания и продажи.

Так и ребенка нужно направить на то, чтобы он прилагал мужественные усилия во всем, что он начинает, с надеждой на бога и терпением научился выжидать вызревания всего, что он начал с таким напряжением сил. Нужно сделать из него положительного человека, который сумел бы то, что в нем созрело в результате такого напряжения сил и долготерпения, сделать источником дальнейшего образования и духовной пищей для самого себя, который смог бы созревшие и достигшие совершенства силы любовно передать другим. Однако для всех людей, в той или иной мере втянутых в светскую жизнь, изложение чистых законов воспитания, основанных на самой природе человека, звучит как слова спасителя: легче канат продеть через игольное ушко, чем человеку, который в своем наслаждении богатством доходит до самозабвения, войти в царствие небесное. Это суровые слова, о которых они с вытянутыми физиономиями спрашивают друг друга: “Кто хочет их слушать?”.

Высоко вознесенные и ослепленные мишурным блеском светской жизни, эти люди не представляют себе силы тех, кто со страхом и трепетом созидает свое блаженство. Они не хотят и слышать ни о напряжении, ни о терпении, ни о способности доводить дело до конца – обо всем том, что должно лежать в основании каждого хорошего воспитания. Да и как они могут быть способны к этому? Разве когда-нибудь собирают виноград с терновника и фиги с чертополоха? Видел ли кто когда-либо, чтобы содержание светской жизни давало плоды, которые извечно были бы плодами только божественного *духа*? Дух светской жизни, которому эти люди подчиняются, с неудержимой силой толкает их к тому, чтобы противиться требованиям, необходимым для воспитания детей. Они стремятся к тому, чтобы сократить до минимума период внутреннего развития сил ребенка и происходящей в это время подготовки к тому, чем должен стать ребенок в будущем. В этот период времени, когда так необходимо, чтобы силы ребенка сконцентрировались на том, что требует сил и рождает силу, и концентрированно проявляли себя, светские матери всячески стараются с активностью Марты создать такие упражнения для воспитания ребенка, которые подобают бессилию и как нельзя лучше подходят, чтобы вскормить и сохранить это бессилие. Они с величайшим искусством знакомят ребенка со светской жизнью; но они не применяют и тысячной доли искусства, для того чтобы развить силы ребенка, при помощи которых он мог внутренне переработать свое восприятие внешнего мира и привести свое внутреннее я в согласие с этим внешним миром.

Когда производятся революции и устанавливаются конституции, тогда проливают потоки крови и тратят миллионы на то, чтобы внешне укрепить эти конституции. Но при этом не затрачивают ни одного крейцера и не тратят ни одного часа на то, чтобы внутренне воспитать народ, довести его до состояния внутреннего соответствия с внешней формой государства. Так и светские

родители не тратят и сотой доли своего искусства на то, чтобы своевременно и всесторонне подготовить своего ребенка, чтобы он научился чувствовать удовлетворение от того, что он что-то произвел самостоятельно, и обязательно при этом мог сказать: “Я это знаю, я это умею, и никто не знает этого и не умеет делать это лучше, чем я”. Между тем такие родители все же хотят, чтобы их дети пошли столь же далеко и даже дальше, чем те, у которых при помощи совместного воздействия природы и искусства [воспитания] эта внутренняя самодеятельность и самостоятельность стала общей основой их самодеятельного и самостоятельного развития во всех областях человеческого знания и человеческого умения. Это, однако, невозможно.

Если от дерева отрубить даже наиболее богато покрытую бутонами ветку, поставить ее в наполненный водой горшок, выставлять на солнце, как только оно проглянет, и прятать от северного ветра в тепле комнаты, то бутоны быстро раскроются и расцветут, и городской ребенок, увидя цветущую ветвь, спросит мать: “Скоро ли вырастут на ней груши?” Мать же совсем не хочет получить груши с этой ветки, ей интересна лишь видимость ее цветения для услады глаз. Если бы она хотела получить груши, она не сорвала бы побег, а предоставила дереву своей силой воздействовать на постепенное развитие и созревание плодов. Однако она сорвала его, поставила в свой горшок, в свою воду, на свою печку; он не даст ей плодов; он даст только видимость цветения, увянет и умрет. И ребенок, подобно этому побегу оторванный от дерева природы и перенесенный в неестественную, лишенную силы жизнь, так же не принесет плодов, которые несли бы в себе созревшие, готовые семена. Для того чтобы он расцвел в горшке этой неестественной жизни и хотя бы временно смог украшать дом, не средства, при помощи которых достигается это показное воспитание, должны быть столь же лишенными силы, как и сам ребенок.

Как Птолемей требовал от Эвклида более короткого пути к овладению математикой, так же и такие родители требуют, чтобы ко всему, что их дети должны знать и уметь, для них был найден более короткий путь, чем должны пройти все люди, обладающие действительными знаниями и умениями. То, чему дети должны научиться, не вызывает у них внутреннего стремления, основанного на сознании своей собственной силы; в них не пробуждено самосознание, влекущее их к тому, что им следует хотеть и уметь. Поэтому если для хорошего усвоения чего-нибудь необходима сила, а не слабость, то, чтобы принудить детей к изучению того [предмета], приходится применять такие средства, под влиянием которых у них в какой-нибудь другой области развивается еще большая разносторонняя слабость. Между тем все это учение напрасно и усвоенное утрачивается, если оно достигается средствами, которые лишь увеличивают бессилие и слабость внутренней природы человека.

Все, что требует напряжения мышления, твердой воли и связанного с развитым мышлением и чистой, благородной волей физического труда, ни в коей мере не входит в программу их учебных занятий и их нравственного воспитания. Такие родители обходят это, как обжегшиеся дети обходят огонь. Им хочется показного, как можно больше показного. То, чего дети не понимают, они могут выучить наизусть; универсальным методом образования

является для таких родителей пустое краснобайство и мечтательные блуждания воображения; и демонстрацией самих этих методов они пытаются доказать, что эти методы якобы действенны.

Полные нетерпения получить больше, потому что они ни во что не ставят то многое, что имеют, эти родители гонят вперед то, что еще не твердо усвоено; перепрыгивают через то, что нужно выучить в промежутке; смешивают вещи, которые должны изучаться раздельно; сравнивают, что не допускает сравнения; притягивают за волосы, что не имеет к данному предмету никакого отношения; выделяют то, что слепит глаза и не имеет никакого значения, и оставляют в тени, что важно и величественно. Они забывают, что необходимо, и трудятся над вещами, которые бесполезны как в практическом, так и в моральном отношении. Они ищут вдалеке то, что торчит у них перед глазами, и рисуют на дверях то, что стоит у них в конюшне. Они хватаются то за одно, то за другое, пока не нападут на что-то, что им легко дастся; когда дорога перед ними открыта и все ясно перед глазами, они с удовлетворением скрещивают руки; в тех же случаях, когда они натываются на препоны и когда вокруг них темно, как в вечной ночи, они бьются головой о стену. Там, где для того, чтобы сделать что-нибудь, нужно применить ум и сердце, руки и ноги, они оставляют ум и сердце, руки и ноги в покое и удовлетворяются тем, что выучивают наизусть правила о том, как это нужно сделать.

У таких людей, конечно, не может идти и речи о доведении до конца того, что важно и необходимо, о завершенности любой вещи, которая каким-нибудь способом всесторонне затрагивает или воспитывает силы человеческой природы. В результате своей отстраненности от всего святого и существенного в человеческой природе они привыкают нести околесицу и болтать обо всем, что помимо этого святого и существенного имеется на море, на земле и в ее недрах. И, естественно, такие люди хотят научить своих детей только тому, что они сами делают, – а именно, нести околесицу и болтать обо всем, что имеется на небе и на земле, в море и в недрах, – но не существенному и святому, что заложено в человеческой природе. Для того чтобы добиться этого, они используют все средства, которые в данных условиях имеются в их распоряжении.

Охранять детей бедных и несчастных родителей, помогать и советовать им – этому никто детей не учит. Но их тщательно приучают к тому, чтобы они бережно обращались с картинкой, на которой изображен человек, хотя и стоит-то она пару батцепов, – не порвали бы, не испачкали ее. Не трогать руками мухи и червя, изображенных в книге, потому что их можно испачкать, – к этому их старательно приучают. А вот затоптать ногами настоящего червя на земле, поймать муху па окне, оторвать ей крылья, мучить ее – этого им никто не запрещает. Никто не приучает их узнавать людей в лицо, уметь обращаться с каждым из них с тактом и вниманием, уметь точно распознавать и уважать те бесчисленные характерные особенности, которые различают между собой людей различных сословий и профессий; но зато их всячески поощряют к чтению романов и беготне по театрам, чтобы таким путем они почерпнули знание людей и житейскую мудрость.

Никто не помогает им повседневно упражняться в умении правильно узнавать вещи и делать вывод при помощи таких методов и средств, при которых сделанная ошибка постоянно и отчетливо бросалась бы им в глаза; однако во всех углах имеется наготове сотня людей, которые готовы детям объяснить логические правила, ясно и неопровержимо показывающие, как они думали бы, если бы они умоли думать. Никто из таких людей не старается отучить своих детей от беспечного и легкомысленного отношения к существу того, что их непосредственно касается, но сотни их не успокоятся, пока их дети не научатся правильно решать любую шараду.

Не в духе подобных людей учить детей постоянному и одинаковому по отношению к другим добросовестному и мудрому поведению при любых обстоятельствах их жизни. Но мгновенно подмечать каждую ошибку в туалете, в позе, в выражении вежливости по отношению к себе и другим, пространно рассуждать по этому поводу – к этому их побуждают и поощряют почти каждую минуту, этому обучают по всем правилам искусства.

Ребенка не приучают к тому, чтобы он умел собраться и сосредоточить свое внимание на самом себе и ближайшем окружении, не стараются удалять все то, что может рассеивать это внимание. Может быть, ему изредка заметит об этом что-нибудь бабушка. Мамаша же, наверняка, поступает так, как если бы для нее было очень важно отвлечь внимание ребенка от самого себя и его ближайшего окружения и направить его на все другое на свете, причем в той большей степени, чем дальше от ребенка данный предмет находится и чем меньше он его касается.

Детей не подводят к пониманию, что чувство уважения к заложенным в них самим силе и любви, внутреннее удовлетворение самим собой, тем, что они умеют, и что они делают, является само по себе наградой за каждую превзойденную ими трудность и служит стимулом к новому усилию, которое им еще может понадобиться. Их не подводят к пониманию того, что сила, любовь и уважение к самому себе важнее всего, что необходимо на жизненном пути, чтобы идти по нему с радостью и удовлетворением. Их не приучают к тому, чтобы напряжение, необходимое для познания истины, и деятельная любовь воспринимались ими как мягкое ярмо и легкая ноша, какими они должны казаться каждому ребенку, которого приучают к этим добродетелям путем повседневных упражнений, основанных в свою очередь на истине и любви. Вместо этого добиваются от детей, чтобы за истину и любовь они принимали вздор, видимость и игру, а отражению того, что они умеют, придавали бы большее значение, чем самому умению. Само умение при этом фальсифицируется, представляется большим, чем оно есть на самом деле.

Эти люди доводят детей до такой степени заблуждения, что тех привлекает уже не само добро, а только видимость добра. Как избалованные дети, которые не хотят есть самого лучшего супа, если он не налит в красивую тарелку, так и эти дети не находят никаких стимулов для напряжения, необходимого для познания истины в положительной сущности предметов. Они находят эти стимулы лишь в той внешней красивости, блеске и претенциозности, которые их родители стараются придать всему тому, к чему

хотят привлечь своих детей. Они и пальцем не шевельнут, если ты им будешь расхваливать само дело, которое они должны сделать; но если ты заинтересуешь их, пообещав им или подарить что-нибудь ценное за это, или отметить их белой точкой на Доске почета, или поставить их перед другим ребенком, который до сих пор оказывал лучшие успехи, тогда они могут трудиться с утра до вечера и выказать такое же рвение, как зевака, готовый простоять па ногах день и ночь, только бы не упустить ожидаемое зрелище. Увы, чувства, которые двигают теми и другими в их рвении, часто очень близки друг к другу.

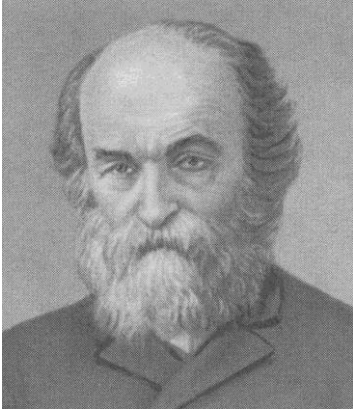
Такие дети ни во что не ставят проживающую на их же улице бедную семью, члены которой голодны, голы и босы. Если ребенок из этой семьи проходит мимо них, они не замечают в нем ничего, кроме того, что он не причесан, не умыт и что на нем ветхое платье. Они стараются держаться от него подальше, чтобы не прикоснуться к нему, и, наверное, говорят своей мамаше: “Мама, это отвратительная свинская семья, которую вообще нельзя терпеть на нашей улице: нужно ее выгнать”. Если же даже только о десятой части того несчастья и той добродетели, которые, возможно, имеются налицо в этой семье, им придется прочесть в романе или видеть в театре, то тогда они не преминут растрогаться: слеза за слезой потекут по их прекрасным лицам, и, возможно, они скажут своей мамаше: “Я отдал бы все, что есть у меня в копилке, если бы возможно было помочь в таком несчастье и вознаградить за такую добродетель”.

Все, что необходимо делать, чтобы в душе ребенка развивалась любовь к богу и к добродетельной жизни, запускается. Между тем всячески заботятся о том, чтобы развивать в детях при всем их безразличии к богу и добродетельной жизни умение легко и быстро, как делает свои упражнения с ружьем фланговый солдат, перебрасываться вопросами и ответами о боге и божественном. Нет недостатка и в поощрениях, которые, не уступают по своему достоинству подобной игре. Иногда за умение болтать на такие темы выдаются даже религиозные награды. Мне хотелось бы знать, что сказал и сделал бы спаситель, если бы он увидел в церкви на крестильном камне такой парадный стол, занятый призами за *его* религию, а вокруг него христианских детей, жаждущих и алчущих этих призов в той же степени, как апостолы Христовы должны были жаждать царствия небесного. Если судить по тому, как он однажды в иерусалимском храме опрокинул столы менял и торговцев голубями так, что деньги и голуби вперемешку полетели на пол, то думается мне, и в данном случае он поступил бы не менее сурово.

***Песталоцци И.Г. Избранные педагогические сочинения в трех томах. Т.2. – Изд-во АПН РСФСР. – М., 1963. – С.464-500.***

## Лесгафт Петро Францович (1837-1909)

### Засновник вітчизняної шкільної гігієни і лікарсько-педагогічного напрямку у фізичному вихованні



Петро Францович Лесгафт народився 21 (3.10) вересня 1837 р. у Петербурзі. У 1861 р. закінчив Петербурзьку медично-хірургічну академію. Доктор медицини (1865), доктор хірургії (1868). З 1868 р. професор, завідувач кафедри фізіологічної анатомії Казанського університету.

З 1874 р. працював у галузі організації фізичного виховання й освіти у військово-навчальних закладах. У 1881 р. за ініціативою П.Ф.Лесгафта було відкрито курси для викладачів гімнастики та фехтування у військових частинах. У 1886-97 рр. педагог читав лекції з анатомії у Санкт-Петербурзькому університеті. Згодом там же відкрив біологічну лабораторію, яку в 1918 р. було реорганізовано у Природничо-науковий інститут ім. П.Ф.Лесгафта.

У 1896 р. при лабораторії заснував курси вихователів з фізичної освіти, які носили назву Лесгафтовських.

В основу своєї педагогічної концепції П.Ф.Лесгафт поклав антропологічний принцип, за якого особистість дитини розглядалась як найбільша цінність. При цьому він стверджував, що педагогіка виступає частиною біологічної науки. У процесі дослідження типів школярів, П.Ф. Лесгафт включив вплив сімейного життя дитини на її особистий розвиток в структуру типологізації дітей. Помер у 1909 році поблизу Каїра, похований у Петербурзі.

Після 1917 р. наукова спадщина П.Ф.Лесгафта творчо використовувалась радянською школою і педагогікою. В 1918 р. на базі біологічної лабораторії було створено Природничо-науковий інститут імені П.Ф.Лесгафта, а в 1919 р. на базі Лесгафтовських курсів – Державний інститут фізичної освіти імені П.Ф.Лесгафта (зараз Російська академія фізичної культури).

П.Ф.Лесгафт стверджував, що в сімейному вихованні дитини важливо враховувати її індивідуальність і психічні особливості, не можна допускати різкості у спілкуванні з дитиною, а головне – необхідно привчати дитину до самостійності суджень. Вчений вважав, що лише сім'я може врахувати всі індивідуальні особливості дитини, і тому виступав проти раннього вступу дітей до школи. Життя дитини в сім'ї (до семи років) має спиратися на визнанні особистості дитини, права особистої недоторканості, ставлення до неї як до людини. Головну свою увагу П.Ф.Лесгафт звернув на педагогіку раннього дитинства (переддошкільний і дошкільний періоди).

Особливо важливе місце в історико-педагогічній науці займає розроблена педагогом оригінальна теорія фізичної освіти. Його праці в цій галузі мають європейське значення. Саме вони поклали початок розробки питання, якому вітчизняна педагогіка надавала і надає великого значення.

До даного видання додається праця П.Лесгафта “Сімейне життя дитини”.

*П.Ф. Лесгафт*

### **Семейная жизнь ребенка**

Семейная жизнь ребенка занимает семь первых лет после рождения его на свет. Этот отдел в жизни ребенка можно подразделить на следующие периоды: 1) первый год после рождения на свет до конца первого года; в это время ребенок из лежачего положения переходит в сидячее, а затем становится и начинает сам ходить; с седьмого месяца у него являются зубы, он начинает различать окружающих и под конец этого периода начинает произносить первые артикулированные звуки, то есть он начинает разъединять то, что извне на него действует; 2) от конца первого года до начала третьего года; во время этого периода выходят все молочные зубы, ребенок свободно передвигается и ясно артикулирует звуки своей речи. Он выделяет себя из окружающей среды и называет себя в первом лице – Я, то есть он начинает сравнивать разъединенные им ощущения; 3) от начала третьего года до конца пятого года ребенок все повторяет; он сам подмечает, повторяет, называет и справляется о верности и значении произносимых им слов, то есть он усваивает себе условность появившихся у него ощущений и связывает их со словами своей речи; 4) от пятого до конца седьмого года; в это время ребенок наблюдает, повторяет, рассуждает, то есть старается рассуждением выяснить себе значение наблюдаемых им действий и явлений, а также соотношение людей между собой.

Во время семейного периода жизни ребенка складывается его тип, усваиваются им обычаи и привычки данной местности и семьи, и поэтому этот период имеет большое влияние на жизнь человека и оставляет почти неизгладимый след на всем его будущем существовании. Цель воспитания – содействовать развитию человека, отличающегося своей мудростью, самостоятельностью, художественной производительностью и любовью. Необходимо помнить, что нельзя ребенка сделать человеком, а можно только этому содействовать и не мешать, чтобы он сам в себе выработал человека. Необходимо, чтобы он выработал идейного человека и стремился в жизни руководиться этим идеалом. Главные основания, которых необходимо держаться при воспитании ребенка во время его семейной жизни: 1) чистота; 2) последовательность в отношении слова и дела при обращении с ребенком; 3) отсутствие произвола в действиях воспитателя или обусловленность этих действий и 4) признание личности ребенка постоянным обращением с ним как с человеком и полное признание за ним права личной неприкосновенности. Цель всякого воспитания – содействовать развитию разумного человека, который



был бы в состоянии соединять опыт прошедшей жизни с настоящей жизнью и быть в состоянии предвидеть следствия своих действий и отношений к другому лицу, выяснять себе причинную связь наблюдаемых им явлений и творчески предсказывать и проявляться, в чем именно и выражается человеческая мудрость. Понятно, что такие проявления могут быть только в том случае, когда человек в состоянии сам выработать свою мысль и сам ее применять. Необходимо также, чтобы эти проявления, как и вообще все действия человека, были настолько целесообразны и быстры, а вместе с этим просты и точны, что давали бы возможность увеличивать производительность лица и доводить ее до художественного изящества.

Мудрость человека должна показать ему узость личной жизни и указать на значение общественного проявления, чтобы подсказать ему его долг содействовать совершенствованию общества, в котором он находится; точно так же его идейность должна содействовать возможности идеализировать общество, ближнего и даже дело, которым человек занят, и этим проявлять свою любовь, так как истинная любовь требует непременно идеализации того, к чему она относится. Поэтому мудрость и любовь, как исключительно человеческие проявления, возможны только при наличии образования, должны составлять главную цель воспитания. Необходимы, однако же, определенные условия для достижения приведенной цели. Требуется большая степень энергии в проявлении существа; такая живая энергия возможна, однако же, только при благоприятных условиях зачатия и утробной жизни, а также и семейной жизни, которая поддерживала бы такую энергию и ни в коем случае не понижала и не ослабляла ее.

1. *Чистота* требуется как необходимое условие правильного питания, а также как необходимое средство для предохранения от всякого заражения. Ранее уже было сказано о чистоте тела матери во время беременности и о влиянии ее на обмен и питание организма. Нечистоплотность груди, сосков уже может вызвать у ребенка молочницу (*Soor*), точно так же, как нечистоплотность половых органов, в особенности во время родов, может вызвать воспаление глаз новорожденного (*Ophtalmia neonatorum*), которое является причиной слепоты у одной трети всех слепых.

Кожа новорожденного тонкая, мягкая, красная вследствие тонкости слоя, прикрывающего сосуды; она покрыта смазкой (*vernix caseosa*), состоящей из покрывочных элементов, жира и пушка. На 4-й или 5-й день, и не позже 2 недель, поверхность кожи начинает шелушиться; вместе с этим выпадает пушок на всей поверхности кожи, а также и волосы на голове. Все это указывает на то, какое большое значение для обмена и питания имеет такая нежная, тонкая и большая поверхность, которая у новорожденного относительно больше, чем у взрослого. Частые выделения мочи, а также содержимого кишечного канала, образование более глубоких паховых складок, а также подколенных и подкрыльцовых впадин – все это требует, возможно, большей чистоты и удаления продуктов распада. Иначе эта нечистота раздражает кожу и вызывает зуд и различные накожные болезни, которые очень беспокоят младенца и не дают ему спать и восстанавливать во время сна

большие потери, происходящие в нем. В помещении, где находится младенец, ни в коем случае нельзя держать снимаемого с него грязного белья, все кругом должно быть чисто и бело, нигде не должно быть даже пятна, и ни в каком случае нельзя допустить здесь того специфического запаха, по которому обыкновенно издали можно узнать присутствие детской.

Все так называемые детские заразные болезни, как корь, скарлатина, коклюш, оспа, дифтерит и так далее, являются только последствием неопрятности и при абсолютной чистоте были бы совершенно невыносимы. Когда ребенок умирает от такой болезни, то вина падает непременно на окружающих, которые, оплакивая ребенка, собственно, оплакивают свою нечистоплотность. Большая смертность детей семейного периода всегда больше бывает там, где распушенность нравов и неопрятность всего сильнее развиты. Эти последствия неопрятности стараются уничтожить более легким способом, прививая детям сукровицы различных заразных болезней. Это значит – поддерживать распушенность взрослого за счет энергии младенца, потому что всякая прививка непременно связана с понижением впечатлительности тканей прививаемого, а вместе с этим и энергии деятельности этих тканей и всего организма. После каждой заразной болезни, вообще после каждого возвышения температуры, связанного с соответственным увеличением потери, всегда следуют период понижения деятельности и апатия. Чем моложе организм, чем температура была выше и чем продолжительнее она держалась, тем резче понижение энергии организма. Так как умственные отправления связаны с наиболее энергичной тканью, то и понижение этих способностей должно являться последствием всякого заражения...

Все успехи хирургии последнего времени объясняются соблюдением чистоты; но, несмотря на то громадное значение, которое наука придает чистоте, все же так легко отравляют организм ребенка, чтобы сделать его нечувствительным к сильным возбуждениям, понижая вместе с этим его энергию, при посредстве которой он только и может сделаться человеком. Все это показывает, какое существенное значение имеет при воспитании ребенка чистота.

*2. Отсутствие произвола в действиях воспитателя* или обусловленность его действий является существенным требованием при воспитании человека. Во время семейной жизни ребенок повторением действий окружающих слагает свои привычки и обычаи. То, чему ребенок сам подвергается в это время, непременно отразится впоследствии в его действиях по отношению к другим. Всякое произвольное действие имеет характер случайности и производится под влиянием чувства и поэтому обыкновенно резко и даже грубо. Чтобы действовать с большим сознанием, необходимо обсуждать и выяснять подмечаемое, приводя по возможности в причинную связь поставленное требование и то, что его вызвало.

Обыкновенно говорят, что ребенок должен слушаться и исполнять, рассуждать он будет после. Здесь, однако же, имеет значение такое психологическое положение: смотря по тому, как мы приучаемся действовать впервые, так будем действовать и впоследствии. Как все изучаемое усваивается

только упражнением, так и умение рассуждать усваивается также только постепенно. Без рассуждения невозможно отвлеченное мышление, а без отвлеченного мышления невозможны волевые отправления человека. Поэтому необходимо приучить ребенка рассуждать в семейный период его жизни.

Во время посещений городских училищ в Лейпциге я присутствовал при уроке одного молодого учителя; он постоянно бил своих учеников то по лицу, то куда попало небольшой тростью, которая была у него приготовлена для этой цели. Когда я вечером встретил этого учителя и спросил его, находит ли он полезными: даже возможными телесные наказания в школе, он твердо ответил, что без них можно хорошо обойтись. На мой вопрос, почему же он их применяет, он откровенно ответил: “Так скорее”. Скорость эта, однако же, обыкновенно связана с произволом, со случайным грубым действием, не соответствующим причине, вызвавшей его, и поэтому часто совершенно несправедливым и оскорбляющим личность ребенка. Напротив того, необходимо приучить ребенка к тому, чтобы он отдавал себе отчет в своих действиях, чтобы постоянно задумывался над тем, что делает, чтобы постоянно следил и выяснял себе основание своих действий; только в таком случае он в состоянии развить в себе человека. Для этого необходимы соответственные же действия со стороны окружающих.

Необходимо отличать желание ребенка выяснить вопрос, который у него является, от простой болтливости и постоянных его вопросов, которые он сам в состоянии уже разрешить; такая болтливость ребенка очень невыгодна, это не будет рассуждение над явлениями, подмечаемыми самим ребенком, а только случайное произношение слов и малосознательное и даже поверхностное отношение к делу. Такой болтливости никогда не следует поддерживать у ребенка. Причина такого явления – обыкновенно пустая болтовня взрослых и неумение обращаться и говорить с ребенком, деятельной и рабочей среде, где постоянно все заняты, и ребенок занят, нет времени для пустой болтовни. Только когда ближайший ребенку человек освобождается от работы, он обращается к нему для выяснения своих сомнений и получает краткий и простой ответ. Соответственно с этим и ребенок ставит свои вопросы, о которых первоначально сам подумает, и потом уж обращается для проверки или для выяснения их к окружающим. Не следует только отталкивать ребенка, зря гонять и относиться случайно, под влиянием минуты, то очень ласково, то сурово, совершенно произвольно, как придется, никогда не выясняя основания своих действий. В последнем случае, понятно, и ребенок также повторит воспринятое им и никогда не приучится рассуждать над тем, что делает и чем занимается.

3. *Последовательность в отношении слова к делу* при обращении ребенком составляет очень существенное требование при его семейном воспитании. Необходимо помнить, что ребенок является на свет только с известной степенью энергии организма. Органы активной его деятельности только намечены и далеко еще не развиты, они должны постепенно развиваться по мере их возбуждения к работе. Проявления ребенка первоначально исключительно имитационные; вместе с этим он при посредстве своих вопро-

сов узнает условное значение произносимых им звуков, а также Условность тех ощущений, которые у него являются и при посредстве которых он приучается отличать влияние на него внешнего мира и то, что происходит в его собственном организме. Из них у ребенка слагаются представления, разъединением и сравнением которых он уже вырабатывает себе критерий для своих действий. Если ребенок подмечает, что никакой последовательности у взрослых нет, то он не в состоянии усвоить себе этого критерия, его действия будут случайны, шатки, никаким серьезным основанием не будут руководимы и направляемы. Если ребенку говорят о чем-либо как об уже исполненном, а он на деле видит, что это не так, что это не исполнено, то он предполагает, что можно сказать одно, а сделать другое, не соответствующее слову. Если в присутствии ребенка потребовать, чтобы пришедшему сказали, что нас нет дома, то он первоначально изумленно посмотрит и сейчас же выскажет свое мнение. Заявление о том, что это не его дело, чтобы он молчал и не рассуждал, ему дела не объясняет, он только сбив с толку и полагает, что может поступать, как придется или как захочет. При таких условиях ребенок не усваивает себе критерия правды, у него нет оснований для нравственных его проявлений, он будет руководствоваться только своим ощущением: то, что ему приятно, он будет делать, что неприятно – он будет избегать, то есть будет руководствоваться тем, чем руководствуется каждое животное. Ребенок, таким образом, будет сбив в основаниях нравственных проявлений человека.

Правдивость не дана человеку готовой, она должна быть приобретена и усваивается первоначально только наблюдением над жизнью окружающих, так же как и речь ребенка. Можно говорить с ребенком, приспособляясь и повторяя те неправильные и малоартикулированные звуки, которые он произносит, тогда он долго не научится говорить правильно, и даже некоторая неправильность в произношении может у него остаться на всю жизнь. Все это заставляет взрослого быть очень последовательным во всех своих действиях, за которыми ребенок постоянно следит, усваивает и соответственно этому действует.

Правдивость ребенка складывается только из правдивости среды, его окружающей, или, по крайней мере, того человека, к которому ребенок всего более привязан и который к нему всего проще относится. Стоит только отталкивать ребенка, если он высказывает подмеченные им явления, и не обращать его внимание на последовательность в действиях, которые у него замечаются, чтобы он стал говорить неправду, что легко войдет у него в привычку, от которой потом он нескоро отделается. Необходимо твердо помнить, что на ребенка главным образом влияет дело, а не слово; он настолько реален, что все у него слагается под влиянием поступков, которые видит. Повторяя то, что на деле он кругом себя замечает, он из этого вырабатывает свои привычки и обычаи; под влиянием этого слагается его тип. Все это указывает на то, насколько существенна для ребенка последовательность и правдивость взрослых, в среде которых он живет во время семейного периода своей жизни.

4. *Признание личности ребенка* с самого начала его сознательной жизни тоже очень существенно, а на это обращают обыкновенно слишком мало внимания при воспитании. Обыкновенно родители полагают, что ребенок – их

достояние, их собственность, с которой они могут поступать совершенно безотчетно, как с вещью. Только в том случае они склоняются признать за молодым человеком его личную неприкосновенность, когда он в состоянии жить своим трудом. Но такое отношение к ребенку совершенно неправильно, и ничего подобного допустить нельзя, раз только родители обязаны содействовать развитию человека. Обязанность эта истекает из их прошедшего, они в свое время пользовались, тем же, поэтому отдают только свой нравственный долг своему потомству.

Чем более человек образован, чем более владеет собой, тем с большей любовью он будет относиться к ребенку, идеализируя в нем человека. С образом человека непременно связано признание его личности и его неприкосновенности, но к этому человек приучается опять же только в молодости; как к нему относились, и какое отношение он видел к другим, так и он будет относиться к окружающим. С образованием отношение к людям становится, несомненно, более внимательным, но наибольший след оставляет все же то, что усвоено во время семейного периода развития ребенка. Нужно видеть ребенка, которого никогда никто не оскорблял и не касался его личности, чтобы убедиться в том, насколько он чутко относится к людям и как близко он принимает всякое наносимое оскорбление. Такой ребенок всегда очень впечатлителен и более способен к образованию. Это совершенно понятно: к нему всегда относились с полным пониманием, он не знал никаких оскорблений и связанного с ними угнетения, он сохранил такую энергию, при которой должен быть очень впечатлительным ко всему, что на него влияет или возбуждает, он, следовательно, очень наблюдателен, а при посредстве наблюдательности он набирает легко жизненный опыт.

Обыкновенно, по принятому обычаю, на ребенка смотрят как на куклу, существующую для потехи взрослых. Только что младенец явится на свет, акушерка хлопает его по ягодицам, чтобы он сильно вздохнул; его затягивают свивальником, чтобы взрослым было удобно его носить; его сажают и носят на руках, потому что это взрослых потешает; его целуют, причем взрослые раздражают себя; словом, производят с младенцем ряд действий, утешающих или удобных взрослым и, несомненно, вредных для младенца. Всего этого делать не следует и нельзя допустить без вреда для ребенка. Ударом вызывать у новорожденного усиление дыхательных движений нет никакой нужды, он и так будет двигаться под влиянием новой среды, в которую явился, причем произведет и дыхательные движения; если же эти движения недостаточно сильны, то существует достаточно мер, чтобы возбудить его к усиленной деятельности без этих привычных ударов акушерки. Затягивать ребенка, носить, сажать или качать его положительно не следует, ничего другого, кроме вреда, этим ребенку не приносят; все это препятствует его развитию (стягивание), раздражает и тревожит его (ношение) и приучает его к прибавочному раздражителю (качание), без которого ребенок потом кричит.

Матери нужно, чтобы ребенок скорее сидел, чтобы у него скорее прорезывались зубы, чтобы он скорее стоял, скорее ходил; ко всему этому его искусственно возбуждают и искусственными мерами поддерживают. Такое

ускорение нарушает ту постепенность и последовательность в развитии ребенка, которые только и можно принять за нормальные. Нарушение этой постепенности приводит к болезни, и даже смерти. Вместо того чтобы ребенок сам научился сидеть, когда будет в состоянии удерживаться в сидячем положении, сам научился ползать, вставать, ходить, все это заставляют его делать раньше, чем он это в состоянии сделать сам, но когда этого желают взрослые. Его необходимо оставлять лежать, не трогать и не таскать до тех пор, пока он этого не будет делать сам. Необходимо, чтобы младенец сам усложнял свои действия по мере сил и возможности. Фребелевские садовницы заставляют ребенка даже имитировать и этим отнимают у него всякую возможность делать все самому.

Вся тайна семейного воспитания в том и состоит, чтобы *дать ребенку возможность самому развертываться, делать все самому*, взрослые не должны забегать и ничего не делать для своего личного удобства и удовольствия, а всегда относиться к ребенку с первого дня рождения его на свет как к человеку, с полным признанием его личности и неприкосновенности этой личности.

Здесь только указаны цель семейного воспитания ребенка и главные основания, которых необходимо держаться при этом. Значение этих оснований выяснится еще при дальнейшем разборе периода семейного воспитания.

*Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. / Сост. П. А. Лебедев. – М., 1990. – С. 295-302.*

## Каптерєв Петро Федорович (1849-1922)

**Відомий вітчизняний педагог, дослідник проблем дошкільної педагогіки та сімейного виховання**



Петро Федорович Каптерєв народився 12 (20) червня 1849 р. в селі Кльоново Московської губернії (нині Подільський район Московської обл.).

Після закінчення Московської духовної академії (1872) викладав логіку, дидактику, психологію, педагогіку, історію педагогіки та інші дисципліни в середніх і вищих навчальних закладах Санкт-Петербурга, серед них у приватних жіночих гімназіях, жіночому Педагогічному інституті, у Психоневрологічному інституті.

Викладацьку діяльність П.Ф.Каптерєв поєднував з громадською діяльністю, співробітничав у Педагогічному музеї військово-навчальних закладів, Петербурзькій педагогічній та Фребелівській громадській організаціях, Петербурзькому комітеті грамотності, який нагородив його золотою медаллю за працю “Дидактичні нариси” (1892 р.). Вивчав історію народної освіти в Росії після скасування кріпосного права в 1864 р.

П.Ф.Каптерєв був одним із засновників таких напрямів у вітчизняній науці як педагогічна психологія, експериментальної педагогіки та сімейне виховання). Цікавився проблемами теорії навчання. Основою педагогіки вважав антропологію (передусім фізіологію та психологію людини). Був прихильником ідей світської освіти та вільного розвитку особистості.

П.Ф.Каптерєв обґрунтував необхідність варіативності змісту освіти у загальноосвітніх школах, диференціації навчальних курсів і всієї структури навчального процесу, а також доцільності розподілу на учнівські класи, виходячи з існування різних “типів розуму” (продуктивний, непродуктивний, змішаний) і відповідно життєвих визнань юнацтва.

П.Ф.Каптерєв – автор праць з теорії та історії педагогіки: “Новая русская педагогия, ее главные идеи, направления и деятели” (1897), “История русской педагогики” (1910). Цінним є його внесок у розвиток педагогіки сімейного виховання: “Задачи и основы семейного воспитания” (1898, 1913), “О природе детей” (1899), “О детских играх и развлечениях” (1898).

П.Ф.Каптерєв відстоював гуманістичні принципи навчання і виховання. З 1898 р. за його редакцією почала виходити “Енциклопедія сімейного виховання і навчання” (59 випусків), до авторського колективу якої увійшли видатні педагоги, психологи, лікарі, вчені і літературознавці: А.Острогорський, І.Сікорський, П.Лесгафт, П.Ковалевський, А. Коні та ін.

До даного видання пропонуються праці П.Ф.Каптерєва “Початкове виховання” (1915), “Відповідальність батьків перед дітьми” (1901), “Батьки і діти” (1897), “Із історії морального розвитку дітей” (1897), “Труднощі сімейного виховання” (1892), “Педагогічні курси для матерів та нянь” (1893), “Завдання і основи сімейного виховання” (1913), “Про моральне загартування”, “Про морально-суспільний розвиток і виховання дітей”, матеріали “Всеросійського з’їзду з сімейного виховання” (1914).

*П. Ф. Каптерев*

## **Первоначальное воспитание**

Первый образовательный институт человека есть семья, а школа, даже элементарная, есть уже продолжение воспитания и образования. А как идет воспитание в семье – хорошо или худо? Семья, да и школа, знают ли они природу дитяти, особенности его возрастов, и поступают ли сообразно с ними? Эти вопросы неизбежно возникали при серьезном отношении к воспитанию. Поэтому в третий период (общественный, после 1861 г. – *П. Л.*) появилась педология – наука о всестороннем развитии дитяти, понимая под детством все воспитательные возрасты... Изучение дитяти началось по побуждениям чисто практического характера – нужен был правильный уход за новорожденным, нужно было его воспитывать; а чтобы хорошо ухаживать за младенцем и правильно воспитывать дитя, необходимо было знать свойства и потребности младенца и дитяти. А с другой стороны, мало-помалу выяснялась для педагогического самосознания и мысль о том, что вообще дошкольное воспитание – чрезвычайно важный период во всем образовательном времени человека: в первые годы жизни закладываются основы мышления, чувствования и действий, в это время усваиваются неискоренимые привычки, возникает общий очерк всей личности человека. Линии, намеченные в первые годы, свойства, приобретенные в раннем детстве, никогда не стираются, никогда не исчезают, дальнейшее развитие будет лишь наполнением, отделкой, дополнительными черточками той фигуры, которая зарисована на заре человеческой жизни. Поэтому у каждого народа, серьезно интересующегося педагогическими вопросами, создаются неизбежно и взгляды на постановку первоначального воспитания детей в период дошкольного обучения. Таким образом, возникла первоначально практическая педология, которая вызвала вслед за собой и теоретическую.

В первоначальном воспитании один из самых главных вопросов заключается в выработке правильного гигиенического ухода за детьми, за их правильным физическим развитием, каковой вопрос остается существенным и в дальнейшем образовании, в период учения в школе.

До половины Прошлого столетия все первоначальное воспитание детей и, в частности, физический уход за ними оставляли желать очень многого. Дети передавались обыкновенно на руки кормилиц и нянек, которые в своем деле руководились преданием и личным опытом. Понятно, что такое



руководительство далеко не всегда было удовлетворительно. Матери знали немного больше нянь, так как женское образование было слабо, а книг, посвященных выяснению и изложению правильного ухода за детьми, существовало мало. Поэтому дети помещались обыкновенно в задних комнатах, тесных, плохо проветриваемых, недостаточно освещенных; лучшие комнаты считались парадными и ими в обыкновенной жизни не пользовались. Детей кормили или слишком много и часто, или скудно, кое-чем, не заботясь о питательности и разнообразии пищи, если родители были скуповаты или бедны. Как надлежит кормить детей – этого толком почти никто не знал. Подобным же образом поступали во всем: одевали детей слишком тепло, не выпускали в зимнее и осеннее время на свежий воздух, то с ними слишком нежничали и позволяли капризничать, сколько угодно, то подавляли страхом, наказаниями. Каждый отец, каждая мать вели детей без каких-либо твердых научных оснований, как пришлось, по преданию, как их самих воспитывали. Понятно, что от таких, лишенных критики приемов толку было мало. Нужно было разъяснить матерям, как следует воспитывать детей. А для этого матери должны были получить некоторое образование, для этого должна была явиться соответствующая отрасль педагогической литературы. То и другое возникло с эпохой освобождения – во второй половине прошлого столетия.

На первых порах обратились к иностранцам и перевели нужные по первоначальному уходу за детьми сочинения, а потом стали не только переводить, но и сочинять сами, так что появился целый ряд самостоятельных русских сочинений в указываемой области педагогики. Из них самое распространенное *г-на Жука* “Мать и Дитя”, выдержавшее по настоящее время до десяти изданий, так что возникло даже характерное выражение “воспитывать по Жуку”.

Нужно отдать честь авторам по детской гигиене – они весьма обстоятельно и подробно разработали вопросы, касающиеся первоначального ухода за детьми. Образ жизни матери во время беременности, заготовка белья для младенца, вопросы о его питании, помещении, ваннах, конвертиках, прогулках, привитии оспы, вопрос о детских болезнях и как относиться к ним матери, уход за органами внешних чувств – все это объяснено весьма толково и внимательно. На место прежней скудости явилось относительное богатство.

С дальнейшим возрастом детей вопрос о физическом образовании изменяется в своей практической постановке, но не теряет своего существенного значения. Мало-помалу начинается учение, развертывается умственная деятельность, а вместе с этим замечается перевес умственных упражнений над физическими, наши школы, например, суть преимущественно учебные заведения, в которых о теле заботятся сравнительно мало. Такое преобладание в жизни современных детей, и в семье и в школе, умственных упражнений над физическими возбуждает серьезный вопрос о необходимости систематического физического образования воспитываемых. В этом отношении есть два течения педагогических идей: одно защищает широкое применение и в школьной жизни тех физических упражнений, которые заполняют время детей в период до школы и называются играми; другое стремится провести систему

более или менее искусственных упражнений в виде гимнастики немецкой, шведской, сокольской, гимнастики под музыку или без музыки, или иной какой-либо.

Игры, как средство всестороннего физического развития, ценятся испокон века, сама природа наталкивает все молодые организмы на игры, вследствие чего игры и составляют наиболее естественное и могущественное средство правильного физического развития молодого организма. Они содействуют наибольшему подъему эмоциональной стороны человека сравнительно с другими видами физических упражнений, что составляет абсолютно необходимое педагогическое условие плодотворности игр, особенно в юные годы жизни. Игры доставляют чувство полного самоудовлетворения и тем содействуют жизнедеятельности всего организма. Игры вызывают расположение к дисциплине, столь необходимой в воспитании, по собственному почину играющих, а не по команде. Все же другие приемы физического развития организма, заменяющие игры, имеют часто много искусственного, а потому тем менее могут быть рекомендуемы детям, чем они моложе, и, как дополнение к естественным упражнениям, могут быть допущены в известной мере лишь тогда, когда организм достаточно окреп. Если к обыкновенным играм прибавить еще особенный вид их – спортивные состязания на лодках, лыжах, коньках, далекие прогулки и экскурсии, то составитя целая система разнообразных физических упражнений, затрагивающих организм со всех сторон, доставляющих не только пользу, но и значительное удовольствие, а потому предпринимаемых и совершаемых добровольно и с увлечением. В этом заключается высокая педагогическая ценность игр и спорта для физического развития человека.

Система гимнастических упражнений разрабатывалась многими. По этому предмету много работал у нас проф. *П. Ф. Лесгафт*.

Задача физического образования, по мнению Лесгафта, заключается в создании умения изолировать отдельные движения и сравнивать их между собой, сознательно управлять ими и приспособлять к препятствиям, преодолевая их с возможно большей ловкостью и настойчивостью. Иначе говоря, суть дела заключается в приучении с наименьшим трудом в возможно меньший промежуток времени сознательно производить наибольшую физическую работу или действовать изящно и энергично. Физическое образование должно развить в дитяти не только силы, но и главным образом умение управлять ими, умение целесообразно применять их к деятельности. Метод физического образования должен быть аналогичен тому, который употребляется при правильном умственном развитии детей... (*Лесгафт П. Ф. Руководство к физическому образованию детей школьного возраста. – СПб., 1888. Ч. I. – С. 259-275, 285-293; Ч. II. – С. 380-411 и др.; его же статья в "Русской Школе". – 1894. – № 12 "О физическом образовании в школе". Более подробное изложение и оценка взглядов Лесгафта представлены в нашей книге "Новая русская педагогия". – Петроград, 1914.*)

Постановка физического образования затрагивает, как оказалось, вопросы не только телесного развития, но и духовного: нельзя правильно поставить

физическое образование, не выяснив сущности и значения детских игр и спорта в ряду физических упражнений, а это вопросы не только физиологии и гигиены, но и психологии. И во многих других отношениях физическое развитие соприкасается с психическим, вследствие чего защитники серьезной постановки физического образования в своих произведениях обсуждали со своей точки зрения и вопросы первоначального психического воспитания, например о вреде страшных сказок, частого возбуждения чувства страха наказаниями, о развитии наблюдательности путем соответствующих упражнений органов внешних чувств и т. п. Все это указывало, что с вопросами о физическом образовании необходимо связать и вопросы о духовном развитии и воспитании, необходимо взять детскую личность как предмет воспитания, сполна, со всеми ее свойствами, а не с одной только группой их.

Задачу тщательного наблюдения за всесторонним развитием детей, физическим и духовным, и их первоначальным воспитанием, поставил основой своей деятельности *Петроградский родительский кружок*, возникший в 80-х годах прошлого столетия и постоянно состоявший из родителей, педагогов и врачей. В собраниях кружка подвергались обсуждению самые разнообразные вопросы, ставившиеся самими родителями на основании их наблюдений над детьми, вносились на рассмотрение отрывки из родительских дневников, делались сообщения о литературных работах по предметам детской психологии и педагогики. Большая часть докладов и сообщений, сделанных в кружке, печаталась в педагогических журналах; постоянным органом кружка был (и остается до настоящего времени) журнал "Воспитание и обучение" (издаваемый при детском журнале "Родник"). Не только вопросы собственно первоначального воспитания привлекали внимание кружка, но и педагогика дальнейших возрастов, особенно проблема об отношении семейного воспитания к школьному. Этот последний вопрос обсуждался особенно долго и внимательно.

Выразителем трудов Петроградского родительского кружка в его заботах о лучшей постановке первоначального воспитания детей является изданная несколькими его членами, при сотрудничестве многих других лиц, *"Энциклопедия семейного воспитания и обучения"*. Вышло 59 выпусков (СПб., 1898-1910), объемом каждый от 2 до 4 печатных листов. Каждый выпуск посвящен какому-либо одному вопросу (иногда два выпуска – одному). Вопросы, подвергшиеся обсуждению в выпусках "Энциклопедии", следующие.

I. О постановке семейного воспитания в России, Германии, Франции, Англии, Северной Америке и Финляндии.

II. Физическое воспитание и гигиенический уход за дитятей: анатомо-физиологические свойства детского организма, сон ребенка, общая гигиена кожи, волос, ногтей, уход за глазами дитяти, за зубами, о нормальной детской обуви, о физических упражнениях детей, теория и практика закаливания, о болезнях детского возраста, об искривлениях позвоночника, нервные болезни детского возраста.

III. Духовное воспитание: об умственном и нравственном развитии и воспитании детей, об общественно-нравственном развитии и воспитании детей,

о детских играх и развлечениях, игрушки, их назначение и выбор, награды и наказания в семейном воспитании, привычки, их значение и воспитание, о детской подражательности, капризы и раздражительность детей, религиозное воспитание детей в семье, о страхе и мужестве в первоначальном воспитании, о развитии в детях правдивости.

IV. Первоначальное обучение детей: основные начала семейного обучения (дидактика семьи), изучение числа и меры малыми детьми, пение в семейном воспитании, изучение природы малыми детьми, детский сад и огород, обучение родному языку в семье, иностранные языки в семье, о чтении детей, о приучении девочек к домашнему хозяйству.

V. Общие вопросы: о детской природе, наследственность, об отношении семьи к школе, душа ребенка, характеристика ребенка, задачи и основы семейного воспитания, семейные отношения и их воспитательное значение, город и деревня в деле первоначального воспитания детей, отсталые дети, причины отсталости и борьба с ней.

Кроме упомянутого родительского кружка в Петрограде, Москве, Киеве и некоторых других городах есть общества по дошкольному воспитанию детей, существующие под разными наименованиями и преследующие те же цели, что и Петроградский родительский кружок. Эти общества издают книги по первоначальному воспитанию детей, изучают детство, распространяют в обществе правильные идеи о первоначальном воспитании детей и иногда издают журналы по дошкольному воспитанию (например, астраханский “Семейное воспитание”, киевский “Дошкольное воспитание”). Из отдельных трудов в этом направлении мы можем упомянуть лишь о некоторых.

*Г-жа Е. И. Конради* в своей книге “Исповедь матери” (СПб., 1876, потом было новое издание) дает обширное сообщение о том, как она воспитывала своих детей, что она передумала и перечувствовала за 12 лет их воспитания, как она ошибалась в своих педагогических мероприятиях и как исправляла их. Это сочинение есть настоящая исповедь, то есть откровенное и правдивое изображение пережитого. Предметы размышлений постоянно берутся из области семейной жизни и, не приведенные в какую-либо стройную систему, тем не менее, охватывают семейно-педагогическую деятельность с разных сторон. Здесь есть факты и рассуждения и о материнстве, и о матери-учительнице, о “несносных детях”, о кормлении, о первоначальном воспитании ума, о дисциплинировании детской воли, о наказаниях, о значении прислуги при семейном воспитании детей и т. п. Далеко не со всем, изложенным в этой книге, согласится читатель; в ней довольно субъективного, автор нередко увлекается, а потому впадает в односторонность; но уважение к детской личности, которым проникнута книга, живое стремление сделать развитие этой личности свободным и всесторонним, без всяких попыток втиснуть ее в заготовленную ранее родителями рамку, живое чувство и живой увлекающейся ум автора возбуждают критику и собственное мышление читателя, что весьма важно.

*Д-р И. А. Сикорский* в 1884 г. издал книжку под заглавием “Воспитание в возрасте первого детства” (СПб.). Это очень живо написанная и

содержательная книжка, заключающая очерк развития ребенка с рождения (душа ребенка при рождении на свет) и лет до трех-четырех. Сначала набрасывается картина развития чувства, потом ума, воли, и указываются главнейшие начала первоначального воспитания детей, причем очерчиваются системы изнеживающего, жестокого и пренебрежительного воспитания. Темы этой книжки автор позднее развил в некоторых выпусках “Энциклопедии семейного воспитания и обучения” и в других своих сочинениях.

*Г-жа Е. Н. Водовозова* в сочинении “Умственное и нравственное развитие детей от первого проявления сознания до школьного возраста” (СПб., 2-е изд., 1873; 4-е изд., 1891) дает очерки по истории семейного воспитания в XVI, XVII и XVIII вв. в России, с большей же подробностью изображается семейное воспитание в первой половине XIX в. и в 60-е и 70-е годы прошлого столетия. Потом следует обсуждение вопросов о наследственности, значении привычек, нервности детей, их нравственном и умственном воспитании. Последняя часть сочинения рассматривает систему Фребеля, как указывающую средства для воспитания ребенка с первого проявления до 9 лет. Таким образом, автор сочинения стремится соединить в нем три различных элемента: исторический – положение семейного воспитания в России со времени домостроя почти до конца XIX в.; теоретико-педагогический – обсуждение нравственного и умственного воспитания детей, значения привычек и детской нервности и практико-педагогический – орудия упражнения детей в первоначальном воспитании: игрушки, игры, занятия, работы. Это сочинение, переизданное несколько раз, несомненно, оказало влияние на улучшение практики семейного воспитания.

*Проф. Лесгафт* в своих книгах “Школьные типы” (издавалась несколько раз в разных видах) и “Семейное воспитание ребенка” (о темпераменте, характере, типе и наследственности) часто касается первоначального воспитания в семье: так, основы школьных типов он видит в разной постановке семейного воспитания и даже еще дальше – в различной наследственности детей, в различии их темпераментов и характеров. Обе книги могут принести пользу родителям и воспитателям.

Что касается учреждений для воспитания детей в дошкольном возрасте, то их у нас немного, мы стоим при начале этого дела... Нужда была слишком ясна, можно сказать, вопиющая: в городах фабричные родители, отец и мать, оба нередко уходят на работу, на фабрику, рабочие-поденщики также покидают свое жилье, а иногда и разные мелкие торговцы. На кого же остаются дети? Кто за ними смотрит, кто ухаживает за малолетками? Да уж как-нибудь: соседка, старушка, дальняя родственница, если таковые имеются. Очевидно, для рабочего класса решительно необходимы такие учреждения, в которые можно было бы отдавать детей, отправляясь на работу, и грудных и малолеток вообще. В деревнях и селах учреждения особенно необходимы в летнюю рабочую пору, когда почти все взрослое население на работе в поле, а в домах остаются лишь старые да малые. Беспомощное и безнадзорное положение крестьянских детей в летнее время и происходящие отсюда разнообразные беды и несчастья

хорошо известны всем. Для предупреждения их и в городах и по деревням устраиваются ясли...

Другое учреждение для воспитания детей дошкольного возраста есть детский сад.

...Потребность в детских садах та же, что и в яслях, то есть возможность для многих родителей самим заниматься целые дни воспитанием своих детей. К этой основной потребности – житейской, экономической – присоединяется не менее настоятельная нравственная – необходимость для детей товарищества, общества. Едва ли нужно доказывать, что дитя, растущее без товарищей, лишается одного из весьма важных, существенных условий правильного развития. Человек вообще и дитя, в частности, по самой своей природе есть общественное существо, вне товарищей дитя есть создание скучающее, вечно чего-то ищущее, постоянно недовольное, бросающееся на все и ничем не удовлетворяющееся, это рыба, вытщенная из воды. Поэтому и дитя состоятельных родителей должно посещать детский сад ради детского товарищества, в нем собирающегося, не говоря уже о том, что каждая мать будет рада быть свободной от детей на несколько часов в день, и что далеко не каждая мать, и не каждый отец могут правильно воспитывать своих детей, хотя бы и желали и имели на то досуг и средства. <...>

Наличность таких учреждений, которые стремятся прийти на помощь семьям при воспитании детей, и весьма чувствительная неудовлетворительность семейного воспитания, обнаружившаяся давно, а ныне чувствуемая наиболее остро, возбуждают уже в умах многих капитальный вопрос: что в настоящее время нужно делать, к чему стремиться – укреплять и усовершенствовать ныне существующее семейное воспитание или заменять его новым, общественным? Семейное воспитание отжило свой век или нет? Этот вопрос интересовал и съезд по семейному воспитанию, бывший на Рождество 1912г. (приводимые соображения послужили содержанием речи П. Ф. Каптерева при открытии съезда по семейному воспитанию 30 декабря 1912 г.).

В настоящее время русская семья переживает глубокий кризис: прежние ранние браки заменяются поздними; семейная жизнь вследствие вздорожания всех продуктов становится очень трудной в материальном отношении; самая форма брака, связывающего на всю жизнь или очень надолго и не легко расторгимого, считается устарелой, признается желательной связь более свободная и в случае нужды подлежащая более легкому и скорому расторжению; мать семьи, получая в настоящее время среднее и высшее образование, не желает по-прежнему замыкаться в семье, отдавать ей все свои силы, а стремится и к общественной деятельности. Таким образом, старая семья расшатана, а новой пока еще жизнь не выработала. А заколебалась семья, заколебалось и семейное воспитание.

История представляет нам не один раз попытку заменить семейное воспитание общественным. Не будем вспоминать давно прошедшие времена, как, например, древнюю Спарту с ее полным подчинением семейного воспитания интересам государства; возьмем Русь второй половины XVIII в., время Екатерины II и позднейшее; в этот период русской истории мы встречаем

совершенно определенное стремление государства отбирать детей от родителей с 5-6 лет и воспитывать их в государственных учреждениях, причем дети за все время ученья, продолжавшегося 10-12 лет, не отпускались к родителям, а последние виделись с ними лишь в стенах школы и то в присутствии школьного начальства; мы замечаем в этот период усиленные заботы государства о создании пансионатов, приютов и школ для малолетних детей, стремление вобрать в такие казенные заведения возможно большее количество детей, конечно, прежде всего дворянских, и воспитывать их вне всякого влияния родителей. Государство совершенно откровенно говорило семье: ты, семья, только производительница детей, а воспитатель их – я.

Современная культура, нередко очень жестокая, создает обширный класс лиц, не могущих воспитывать своих детей в семье... Любовь родительская – чувство драгоценное, но не может заменить собой педагогического умения и педагогической подготовки, которой часто лишены родители. Да и дети, даже при хорошем воспитании в семье, рвутся к товарищам, нуждаются в более широком обществе, чем общество братьев и сестер. Отсюда возникают общественные организации, приходящие ныне на помощь семье по воспитанию детей: семейные союзы, кружки, общества по дошкольному воспитанию, воспитательные дома, ясли, детские сады, приюты, а равно создается и литературная помощь семьям – детские журналы и книги для детей, педагогические теоретические сочинения для родителей. И чем культурнее страна, тем многочисленнее и разнообразнее такие общественные организации.

Таким образом, семья слабеет, а социализация семейного воспитания усиливается, просачиваясь в семью со всех сторон, все больше и больше завладевая семейным воспитанием. Если семейное воспитание заменить всецело общественным, то хорошо ли будет? Тогда, несомненно, возникнут следующие два, весьма существенные недостатка в воспитании детей.

1. Получится *несомненный вред для развития детской индивидуальности*. Общественное воспитание есть общественное не только потому, что оно создается обществом и ведется в обществе, но и потому, что оно имеет своей первой и самой главной задачей развитие в детях общих, то есть сходных, свойств, оставляя без внимания или мало уделяя внимания тем свойствам, которыми дети отличаются одно от другого. Иным общественному воспитанию быть трудно: если воспитывать детей как различных существ, стремясь к развитию их различных свойств, отличающих их друг от друга, то для воспитания каждого дитяти потребуется несколько особая, своя педагогическая система, особая школа. Другими словами, такое строго индивидуалистическое воспитание может быть только одиночным, а не совместным, не общественным. А между тем различия между детьми и между взрослыми – источник жизни, деятельности, культурности; отличительные свойства детей составляют ту одаренность, ту гениальность, малую частичку которой приносит с собой в мир нормальный рождающийся ребенок. В семье на различия детей обращается тщательное внимание, здесь детские особенности вскрываются, определяются, в семье поощряют развитие индивидуальности, личных черт даже холят их и нежат. В семье членов

немного, а потому отличительные черты детей могут развиваться свободно, семье гнаться за стадностью в организации своих отношений к младшим членам нет нужды, а при общественном воспитании такая нужда налицо.

2. *Только семья может внести в воспитание элемент необычной важности – любовь, раскрытие и воспитание детского сердца.* Общественное воспитание есть неизбежно воспитание рассудочное, построенное на науке, до известной степени холодное. Оно может быть прекрасным с объективной стороны, но оно будет лишено сердечной теплоты. Любить всех детей, за всех болеть душой, к каждому ребенку относиться не только внимательно, но и нежно, тепло, с сердечным трепетом, следить за каждым испытующим беспокойным взглядом может только лицо, выдающееся по своему нервно-психическому строению. Но такие личности редки, обыкновенная личность изливает горячность своего сердца в пределах семьи. Для ребенка же ласка, любовь, нежность – одна из насущнейших потребностей, дитя легче вытерпит недокармливание, чем лишение ласки. Без любви и ласки дитя прямо вянет и портится. А эту любовь, эту ласку оно может найти только в семье. <...>

Нельзя спорить против того, что на практике семейному воспитанию присущи многие недостатки, но они могут быть отчасти устранены, а отчасти смягчены серьезной разработкой вопросов семейного воспитания. Нет сомнения, что педагогика несравненно больше занималась школьным образованием, чем семейным воспитанием. Если собрать, например, учебники, методики и трактаты по изучению одного только латинского языка, то их наберется гораздо больше, чем сочинений по семейному воспитанию. Неудивительно поэтому, что оно и в его теоретическом обосновании, и в его практической постановке значительно запущено. Семейное воспитание можно до известной степени назвать новооткрытой областью научной педагогики.

По изложенным соображениям заменить всецело семейное воспитание общественным невозможно и нежелательно. У семейного воспитания есть основы для выработки своей педагогической системы, есть незаменимые преимущества, потерю которых не может вознаградить никакое, самое усовершенствованное, общественное воспитание. Вообще стремиться похоронить семью и семейное воспитание незачем. Но, с другой стороны, было бы неразумно семье отвернуться от общества и вести воспитание своих новых членов исключительно за свой счет, единственно своими силами, без помощи существующих и могущих открыться общественных организаций. Нельзя вернуться, например, русской семье к давним порядкам, когда семьи и дома, в которых они жили, представляли крепости, когда не было связей между семьями, когда каждый домовладыка жил сам по себе, когда, словом, существовали семьи и государство, а общества не было. Теперь оно есть и властно влияет на строй отдельных семейств и постановку семейного воспитания. Да и природа детей, живая, веселая, общительная, требует участия общественности в семейном воспитании. Как, в каком виде и в какой форме выработать самостоятельную систему семейного воспитания и как сочетать ее с общественными организациями и элементами, насколько ее социализировать, на этот вопрос даст, без сомнения, всесторонний ответ лишь будущее.



Первый Всероссийский съезд по семейному воспитанию, бывший зимой 1912-1913 гг. в Петрограде, по основному вопросу – быть ли первоначальному воспитанию детей семейным или общественным – склонился к среднему мнению, которое высказано в вышеприведенных соображениях по этому вопросу. На съезде раздавались голоса за полное перенесение первоначального воспитания из семьи в общество, потому что семья будто бы не выполняет задач семейного воспитания и не может их выполнить в силу того, что современная женщина выбита из узенького круга семьи и вовлечена современными социальными условиями в общественную деятельность наряду с мужчиной. Под влиянием экономических условий процесс разложения семьи зашел настолько далеко, что не может быть сомнения в том, что общественное воспитание не является необходимым злом или суррогатом семейного воспитания, а является неотвратимым наследником семьи. Формы общественного воспитания только что зарождаются, и дело будущего выработать все возможное их многообразие. В деле общественного воспитания будут принимать участие не родители, как таковые (отец, мать), а граждане без различия пола. Но такие взгляды нашли не особенно много защитников. С другой стороны, развивались идеи о том, что как семейное, так и общественное воспитание имеет свои положительные и отрицательные стороны и нуждается в коренном улучшении, научном пересмотре и организации, но преимущественно при первоначальном воспитании отдавалось семейному началу, а не общественному. Если признать, что тип серьезного, вдумчивого, хотя и замкнутого в себя, работника важнее типа болтливой общественной деятеля, то плюс окажется на стороне ребенка, воспитываемого в здоровой рабочей семье. Такой человек и впоследствии, если ему придется участвовать в общественной работе, будет ее выполнять добросовестно и стойко. Доклад А. А. Дерновой-Ярмоленко “Семейное и общественное воспитание”.

Съезд выслушал доклад (С.А.Золотарева) и о связи между вопросами общественного, семейного и государственного воспитания, в котором развивались такие мысли, что совпадение задач и средств семейного, общественного и государственного воспитания представляется осуществимым лишь в отдаленном будущем, в настоящее же время в этой области замечаются лишь случайные совпадения, а чаще всего противоречия; что отношение государства к общественному воспитанию определяется преимущественно соображениями безопасности, а отношение личности – соображениями гуманности, и что развитие общественного воспитания вне вопроса о семье и государстве может идти лишь путем паллиативов.

Выслушав и обсудив эти и подобные доклады, съезд высказался за необходимость улучшения и усовершенствования, как семейного воспитания, так и общественного в форме организаций, помогающих семье, признав первоначальное воспитание детей совместным делом семьи, общества и государства. Съезд признал необходимым в педагогических видах сплочение родителей, для чего было бы желательно объединение всех существующих родительских организаций, как-то: семейно-педагогических кружков, родительских кружков и обществ, обществ дошкольного воспитания и тому

подобных во всероссийский родительский союз. Съезд признал нужным выработать программу для изучения детей в семье, с указанием доступных семье научных методов наблюдения детские индивидуальностей. В то же время съезд настаивает на открытии детских клубов, площадок, народных детских садов, яслей, на охране детей в семье и вне семьи и т. п. (См.: Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию: Резолюции и положения съезда. – Петроград, 1914. – С. 692-703.)

*Кантерев П. Ф.* История русской педагогики. – Петроград, 1915. – С. 689-712.

***П. Ф. Кантерев***

## **Ответственность родителей перед детьми**

### **I**

<...> Взвешивая и оценивая характер ответственности родителей перед детьми, налагаемый на родителей установившимися современными общественными отношениями, нельзя не признать его весьма узким, поверхностным и грубо материалистичным, совершенно не отвечающим важности и серьезности поставленной задачи. Дело идет об отношениях между двумя поколениями, о том, что одно поколение, старшее, обязано передать другому, младшему, в чем должны выразиться преемственность и связь поколений, ответственность старшего перед историей, перед будущими рядами деятелей родной страны, человечества и культуры.

В ответ на вопрос о таких серьезных отношениях нам говорят: детей нужно дома поучить кое-чему, в школу определить, потом на службу, а сходя со сцены, оставить следующему поколению некоторый куш денег. Вот и все. Выполнил – помирай с миром, можешь от всего сердца говорить: ныне отпускаешь раба твоего...

Нет, дело серьезнее, ответственность родителей перед детьми глубже, шире, захватывает очень и очень многое другое, крайне важное, и в то же время внутреннее, интимное.

### **II**

Связь между преемственными поколениями, непосредственно сменяющимися одно другое, есть, прежде всего, физическая. Желает или не желает старшее поколение, но оно передает младшему свой телесный организм со всеми его хорошими и дурными качествами. Сильное поколение передаст сильный организм, слабое – слабый. Всякие недочеты в организме старшего поколения, разные болезни, отсутствие телесных упражнений, излишества, вообще вполне негигиенический образ жизни – все это отзовется на организме младшего поколения. А крепкий телесный организм есть существенное условие здоровья, энергии и счастья. Куда годится человек слабый и хворый? Что он может сделать? Он может обогащать докторов и аптеки, но не общество своими трудами. А между тем как люди относятся к своему организму? Заботятся ли разумно о нем? На этот вопрос приходится отвечать отрицательно.

Большинство живет беззаботно, не задумываясь много о том, как нужно жить гигиенично и здорово. О жизни своего тела, об условиях его энергичной здоровой деятельности оно знает очень мало и не особенно стремится к расширению своих знаний. Живи так, чтобы было приятно, было побольше удовольствий, – в этом главнейшая заповедь, в этом вся гигиена. И человек твердо исполняет эту заповедь особенно до брака, а потом по мере возможности и в браке.

Известно, что мужская молодежь позволяет себе до брака всякие излишества. Половая распущенность, злоупотребление спиртными напитками, по временам излишество труда, по временам полная бездеятельность, весь порядок жизни, не сообразованный с гигиеной, начиная с позднего вставания и гулянья по ночам, неосторожность, отрицание каких-либо обязанностей к своему организму – все это подрывает силы, ослабляет энергию, грозит быстрым истощением. При этом не редкость молодому человеку заразиться какой-либо неудобной болезнью, которая оставит свой неизгладимый след на организме. Словом, молодежь до брака значительно истрепливается, ослабляется, заражается пагубными с гигиенической точки зрения привычками, а иногда прямо болезнями. Почувствовав усталость, пресыщение обычными удовольствиями, замечая, что прежних сил и энергии нет, человек задумывает жениться и женится, производит детей. Какой же организм он передаст детям? Очевидно, что истрепавшийся, истаскавшийся, привыкший к антигигиеническому образу жизни человек не может создать поколение свежее, бодрое, сильное, способное смело выдержать борьбу. Дети пойдут хиленькие, слабые, золотушные, нервные, которые вечно будут кукситься и брюзжать. <...>

Итак, *первая ответственность родителей перед детьми есть ответственность органическая, или физическая.* В виду будущего потомства каждый связан заповедью: оберегай свое здоровье, не растрачивай попусту сил, будь постоянно энергичен и вынослив. С этой точки зрения молодые люди прежде вступления в брак должны критически отнестись к себе с физической стороны: нет ли у них каких-либо существенных недочетов в организме, которые дурно отразятся на детях, которые направят их по наклонной плоскости вырождения? С такими недостатками вступать в брак нельзя. Вообще размножать хилых, слабых потомков не особенно большая заслуга перед отечеством. Нужно внимательнее относиться к своему организму и в интересах будущего потомства откладывать предположенный брак, чтобы укрепить свое тело соответствующими упражнениями и гигиеническим образом жизни.

Такие же заботы нужно, прежде всего, иметь о детях, то есть тщательно заботиться об укреплении их здоровья, физической энергии и выносливости. Конечно, здоровье и телесная энергия не есть все, что нужно и желательно, но они служат началом и основой всего нужного и желательного. Вырастить крепкого телом “птенца” – одна из самых первых и серьезных обязанностей родителей.

### III

За заботами о крепости тела и даже параллельно с ними должны следовать заботы о крепости духа. Человек должен быть бодр не только

физически, но и духовно, должен быть мужественен, стоек и не удручаться первой встретившейся неудачей. Жизнь по самому своему существу есть деятельность, напряжение, энергия; она включает в себе элементы борьбы, соперничества. Застой, покой, ленивое прозябание есть извращение жизни, есть приведение ее к возможному минимуму; они представляют собой как бы начало смерти в жизни. Поэтому кто хочет надлежащим образом готовиться к жизни, тот должен, возможно, ранее развивать в себе способность к напряженной разнообразной деятельности, к духовной подвижности и бодрости, склонность к настойчивости и выдержку. А все это такие свойства, которые очень далеки от тех поверхностных и малосистематических сведений, о приобретении которых родители так много заботятся, забывая обо всем остальном. На первом месте должны быть поставлены развитие воли, укрепление самодеятельности, а не приобретение знаний.

Сведения можно сравнить с деньгами – и то и другое дело наживное. Сведения приобретаются и теряются, как и капиталы... Знания можно приобретать, можно и терять; навык к самодеятельности, склонность к стойкости, к упорному преследованию поставленной цели, известная манера работать и обращаться с материалом, раз приобретенные, не потеряются. Между тем выучка разным знаниям у нас берет верх, отнимает много времени и сил... Человеческая личность не есть то, что она знает, а то, как она думает и как поступает; не особенно важно, знает или не знает человек тригонометрию, но весьма важно, можно на него полагаться или нет, сдержит он свое слово или нет, умеет он работать или не умеет, и даже есть ли у него достаточный запас энергии, выносливости или нет. Между тем родители мало заботятся о развитии этих существенных, коренных свойств личности; они гонятся за внешними пустяками, за знанием языков, за помещением дитяти в привилегированное заведение, а после печалются, что в результате всех их хлопот и стараний оказалась совершенно ничтожная, беспомощная личность, которая не может стоять одна, без поддержки. <...>

Таким образом, *вторая главная ответственность родителей перед детьми – развитие в них духовной энергии и самодеятельности.* Об этом нужно заботиться еще в семье, в период дошкольного воспитания, об этом же главным образом нужно заботиться и в школе. К сожалению, порок, разъедающий наши школы, тот, что ни суть учебные заведения, а не воспитательные.

#### IV

*Последний существенный вид ответственности родителей перед детьми – укоренение в них основ современной культуры.* Конечно, опрос идет не о передаче специальных знаний, техники, искусств, а о самой сущности культуры. В чем она состоит? Она состоит в известном образе мыслей и складе настроения, в известном отношении к людям и участию в общечеловеческой работе. Можно иметь довольно обширные специальные сведения, хорошо владеть техникой известного дела и в то же время быть порядочным дикарем. Культура есть, прежде всего, общественный союз и общественная деятельность. Культурный человек есть общественный человек, сотрудник в

общем деле. Он не может сторониться от людей, жить особняком от них, относиться к ним свысока; он должен сознавать, что он плоть от плоти и кость от костей общества, что в нем все общественное, культурное – и язык, и мысль, и религия, и весь строй жизни. Он дышит обществом и должен принадлежать обществу. Уклоняться от общественной работы культурному человеку грешно.

Сознавая свою зависимость от общества, отдельный культурный человек, входя в общественную работу, должен входить в нее с уважением к личностям работников, с признанием одинакового права за ними на такую же свободу мысли, слова, убеждения, какой он себе желает сам. Нет более верного признака культурности, как уважение личности другого. Человек, свысока третирующий другого, стесняющий всячески его мысль и слово, по самому существу своему есть некультурный человек и разрушитель культуры. Культура есть создание свободного творчества общества, а потому отрицание свободы, неуважение личности другого и ее притеснение есть разрушение культуры. Человек в состоянии духовного рабства никогда не создавал ничего великого, он творил настолько, насколько он был свободен.

Уважение личности другого и его свободы не ограничивается только членами известного народа, оно должно простираться на всех людей. Любвеобильное и терпеливое отношение ко всем людям, влечение к общественной деятельности, соединенное с уважением других личностей, – вот в чем состоят внутренние основные черты культурности, которые и должны быть привиты старшим поколением младшему. Знания, искусства, техника – это только внешняя сторона культуры, душа же ее не в этом. Можно быть образованным, знающим дикарем, и таких людей, крайне эгоистичных, стремящихся к обособлению своей личности от других, жестоких в своем эгоизме и очень узких по уму и сердцу, очень много в современных культурных странах. Младшие поколения должны с пеленок проникаться основами культуры, ее господствующими стремлениями; большой грех сделают родители, не привив детям гуманного строя мысли, не возбудив в них широких человеколюбивых волнений. Отдельные знания и специальные изучения не будут иметь тогда под собой общей культурной почвы и явятся безжизненными. Будет тогда образованный человек с виду и дикарь в душе.

Очевидно, нельзя внушать детям культурность, предварительно не проникнувшись ею. Только тот, кто сам приобщил себя в самой широкой степени к культуре, только тот может прививать культуру детям. Этот вид ответственности родителей перед детьми – один из самых сложных, тонких и тяжелых.

*Кантерев П. Ф. Ответственность родителей перед детьми // Воспитание и обучение. – 1901. – № XI. – С. 337-350.*

*П. Ф. Кантерев*

## Родители и дети

### I

Чего вправе требовать родители от детей? Чего вправе требовать дети от родителей? Вопросы, по-видимому, очень простые, но в жизни, причиняющие много хлопот родителям, доставляющие много тяжелых, горестных минут детям. Конечно, за разрешением этих вопросов можно обратиться к действующему законодательству и извлечь оттуда следующее наизидание: родители обязаны давать несовершеннолетним детям пропитание, одежду и воспитание, доброе и честное, по своему состоянию. Родители должны обращать все свое внимание на нравственное образование своих детей и стараться домашним воспитанием приготовить нравы их и содействовать видам правительства. Впрочем, родителям предоставляется на волю воспитывать детей своих дома или отдавать их в общественные заведения, правительством или частными лицами учрежденные. По достижении детьми надлежащего возраста родители пекутся об определении сыновей на службу или в промысел соответственно их состоянию и об отдаче дочерей в замужество. Родители для исправления детей строптивых и неповинующихся имеют право употреблять домашние исправительные меры, но не имеют права на жизнь детей, за убийство их судятся и наказываются по уголовным законам.

Дети должны оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь, служить им на самом деле, отзываться о них с почтением и сносить родительские увещания и исправления терпеливо и без ропота. Дети обязаны давать своим родителям, находящимся в бедности, дряхлости или немощах, средства на пропитание и содержание по самую их смерть, под угрозой за неисполнение этой обязанности ареста до трех месяцев. Почтение детей к памяти родителей должно продолжаться и по кончине родителей. Детям запрещается вступать в брак без дозволения родителей. Личная родительская власть прекращается единственно естественной смертью или лишением всех прав состояния, когда в последнем случае дети не последуют в ссылку за своими родителями.

Отношения между родителями и детьми суть отношения преимущественно нравственные и притом настолько интимные, скрытые от взглядов посторонних людей, что они с большим трудом поддаются юридическим определениям и формулировке. Закон может нормировать более чисто внешнюю сторону отношений родителей и детей, чем внутреннюю, более общечеловеческие отношения между ними, чем специально родительские и детские. Да и в такой нормировке наше законодательство очень несовершенно. Предписывая родителям давать детям воспитание, заботиться об их нравственном образовании, закон ничем не обеспечивает выполнение этих обязанностей родителями, предоставляет им на добрую волю – воспитывать или не воспитывать своих детей. Родители ничем не рискуют, отказываясь от выполнения обязанностей, возложенных на них законом по отношению к детям. Даже простое обучение детей грамоте не возлагается законом как неперемнная обязанность на грамотных родителей. В то же время закон нигде

не определяет размера применяемых родителями к детям домашних исправительных мер, вследствие чего исправление может перейти в телесное и духовное истязание детей, чему и бывали примеры, как показывают разные судные дела, когда родители обвинялись в прямом истязании своих детей.

Несмотря на широкие полномочия, которыми наше законодательство облакает родителей, в нем хотя и слабо, но пробивается и другая струя – охрана и защита детей от произвола родительской власти. Ничем не обеспечивая своих требований, закон, тем не менее, требует от родителей заботы о нравственном воспитании, о приводе на исповедь, начиная с 7 лет, и образовании своих детей; он уполномочивает родителей в случае личной обиды, нанесенной несовершеннолетним детям, вступаться за них и производить иск установленным порядком.

В жизни в складе семейств мы встречаем те же два течения: значительное число семейств строится на принципе блага родителей, несравненно меньшее количество – на принципе блага детей. В семействах первой категории самое видное место занимают интересы и удовольствия родителей. Дети суть только придаток к семье. Были бы родители, а дети будут. Детям придет свой черед сделаться родителями, и тогда они будут на первом плане в семье; теперь же, оставаясь детьми, они непременно должны быть на втором плане и подчинять свои интересы и удовольствия интересам и удовольствиям родителей. В семьях второй категории на первом плане дети, их интересы, их счастье. Родители ступеньваются перед детьми, отдают им все самое лучшее, заботятся об их удовольствиях, пренебрегая своими. Жизнь таких родителей в значительной степени есть жертвоприношение детям; родители живут для детей, без них же они теряют всякое значение. Конечно, кроме этих двух категорий семейств, более или менее чистого и определенного типа, есть еще множество семейств смешанного характера, в которых берет верх по обстоятельствам, по случайному настроению родителей то одно начало, то другое.

Таким образом, наша семья, как и наше законодательство, колеблется между двумя различными началами в устройстве и нормировке отношений родителей и детей: между началом пользы и преобладания интересов родителей и между началом господствующего значения детских интересов. Откуда эти колебания? Почему в наших семьях нет единого начала? Откуда пошли в семьях господа родители и господа дети, как противоборствующие начала, так что каждая семья должна непременно стать более или менее решительно под то или другое знамя?

В строе нашей семьи и в настоящее время борются два противоположных начала: *языческо-римское* и *христианско-гуманное*. Первое имеет в виду исключительно благо и интересы родителей, второе, не забывая родителей, – выдвигает на первый план детей. Языческий взгляд на детей и на отношения их к родителям наиболее полно выражен в римском праве, а это последнее давало отцу безграничную, абсолютную власть над детьми.

По воззрению римских юристов отец семейства есть тот, кому принадлежит владычество в семействе, то есть власть над женой, имуществом, рабами и детьми. Ребенок с момента его зачатия, уже принадлежит отцу, а не

матери. Отец мог требовать от своей жены изгнания плода, и от его усмотрения зависело, оставить ли ребенка в живых, или же умертвить его. Наоборот, совершить такое изгнание против воли отца семейства никто не имел права: это было бы нарушением прав отца, за которое бывали случаи присуждения к смертной казни. Сама супруга находилась в полной зависимости от власти мужа и рассматривалась по отношению к нему как сестра своих детей. Неограниченная в своем объеме отцовская власть была не ограничена и во времени, она была бесконечна: ни возраст, ни женитьба, ни достижение высших государственных должностей не избавляли римлянина от самого полного подчинения отцовской власти, потерять которую глава семьи мог лишь с потерей всех гражданских прав. Республиканский период римской истории богат примерами, когда отцы, применяя к своим детям отцовскую власть, осуждали их на смертную казнь, и пример Манлия Торквата, осудившего своего сына, между прочим, ни за то, что “он не оказал должного благоговения перед его отцовской властью”, представляется вовсе не исключительным явлением. Если отец, рассуждали римляне, имеет мужество отсечь себе руку, пораженную гангреной, он имеет такое же право убить своего сына. Самая эмансипация детей от родительской власти первоначально была установлена в интересах родителя, давая ему возможность освободиться от лишнего рта. Первоначально эмансипация производилась без согласия самих детей и применялась главным образом к детям такого возраста, когда они не были в состоянии воспользоваться мнимой свободой от отцовской власти, и когда эта свобода была равносильна для них верной гибели. Право отца отказаться от детей и выбросить их на улицу или даже на съедение голодным собакам было до того не редким явлением даже в позднейшее время, что Тацит с удивлением замечает о греховности, по понятиям евреев и германцев, не воспитывать своих детей.

Как твердо и упорно держался взгляд на детей, как на собственность отца, характерным указанием может служить то обстоятельство, что даже законодательство Юстиниана <дает> возможность кражи сына, предоставляя в этом случае отцу право принять общий вещный иск.

<...> Интересы детей в юридическом определении такой безмерной родительской власти не имели никакого значения: их никто не считал нужным оберегать и защищать. Такие взгляды господствовали некогда в определении отношений родителей и детей, такие законоположения легли в основу всего западноевропейского права о родителях и детях. <...>

Но к этому суровому принципу отцовского всевластия с течением времени стал присоединяться другой принцип, совершенно противоположный первому, – христианского гуманизма, – и начал мало-помалу смягчать первый. Заблестала заря новой эпохи в отношениях родителей и детей.

Христианство не могло помириться с безмерной отцовской властью по римскому праву, оно не могло признать за отцом полномочия на изгнание плода, на убийства детей, на подкидывание, на всяческие их истязания и притеснения. Человеческая личность, по христианскому учению, священна, каждый человек есть образ и подобие Божие; дети не могут составлять простое



имущество отца, дети имеют свои права, и эти права должны быть священны и в глазах отца.

К такому же взгляду на детей приходили и помимо христианского учения многие гуманные мыслители, восстававшие против обезличения детей родителями. Между языческими писателями уже встречаются такие мыслители, выступившие на защиту детства. Простая жалость к детям, невинность и привлекательность детства естественно подсказывали мысль о необходимости охраны детства против злоупотреблений родительской власти. Мало-помалу из такого гуманного направления мысли и чувства лучших людей в обществе и христианского взгляда о ценности и достоинстве детской личности возникло другое начало в определении отношений родителей к детям – начало, выдвигавшее на первый план охрану и защиту.

Это начало скоро дало себя чувствовать и на практике. Ко времени Юстиниана относится постановление, в силу которого дети такого отца, который забывает свои обязанности, применяет дисциплинарные меры не в интересах детей, могут быть эмансипированы против воли родителей. Это постановление являлось выражением другого взгляда на отцовскую власть, очень медленно проникавшего в жизнь взгляда, по которому отцовская власть обуславливается беззащитностью ребенка, его неопытностью и необходимостью воспитания, и только в этих пределах может быть оправдана. Начало это развивалось крайне туго и медленно. Против него выставлялись обыкновенно указания на святость родительской власти, на невозможность вторгаться в семейные отношения, на потрясение самой основы семейного союза от ограничения родительского всевластия; но главным образом против него был застарелый, тысячелетиями укоренившийся обычай рассматривать детей, особенно маленьких, как существ бесправных, безличных, нуждающихся в безусловной и самой широкой опеке. Дети наши, рассуждали родители, мы их родили, мы их вынянчили, что хотим, то с ними и делаем: хотим – с кашей едим, хотим – масло пахтаем.

Потому и в настоящее время мы еще встречаемся с такими постановлениями, что по нашим гражданским законам личная родительская власть прекращается только с лишением родителя всех прав состояния, да и то не всегда и по отношению не ко всем детям. Если тот же родитель приговорен не к лишению всех прав состояния, а к какому-либо другому наказанию, его власть над детьми не только не прекращается, но даже и не ограничивается и не приостанавливается, хотя бы выяснилось с несомненностью, что он человек, безусловно, вредно действующий на нравственность детей, хотя бы он был осужден за позорнейшее преступление, хотя бы он самым возмутительным образом эксплуатировал своих детей. Единственное ограничение родительской власти, известное нашему законодательству, есть отдача детей на воспитание родственникам православного исповедания или назначенным для сего правительством опекунам того же исповедания в том случае, если родители, обязанные воспитывать детей в православной вере, будут их крестить или приводить к прочим таинствам и воспитывать по обрядам другого христианского исповедания. Вне этого ограничения, всякие другие нарушения

обязанностей родителей, оставление детей без всякого воспитания и образования, изнурение их физических сил и развращение их душ остаются без всякого наказания и исправления.

Таким образом, современная семья и родительские отношения к детям строятся на двух противоположных началах: на живом еще и действующем в нашей жизни ветхом языческом, римском начале и на новом, плохо пока вошедшем в нашу плоть и кровь, христианско-гуманном начале. То родители следуют одному началу, то другому, то слишком много заботятся о своих интересах, то трепещут за детей, забывают себя, и, таким образом, сами путаются и детей путают. Чтобы разобраться в этой путанице, твердо определить границы родительской власти и прав детей, для этого нужно установить, прежде всего, руководящий принцип взаимных отношений родителей и детей, ту высшую точку зрения, с которой нужно обсуждать все стороны этих отношений, все интересы, в них замешанные.

К отысканию и определению этого высшего начала мы и обратимся.

## II

Кроме основных причин, производящих колебание в строе семьи и путающих отношения родителей и детей, то есть одновременно действующих римско-языческого и гуманно-христианских начал, в нашей русской семье есть еще дополнительная причина, увеличивающая семейное расстройство, именно – шаткое нравственное и умственное положение женщин.

Женщина есть центр семьи; тон семейной жизни, ее уклад определяются женщинами. Мужчины слишком много отсутствуют из семьи, чтобы быть руководителями семейной жизни. Поэтому естественно, что умственное и нравственное состояние женщины является делом большой важности для склада семейной жизни вообще и для выработки правильных отношений родителей к детям. А между тем умственное и нравственное положение русской женщины не представляется достаточно устойчивым и определенным; оно колеблется, находится в настоящее время в переходном состоянии. Отсюда понятно, что неясность и путаница отношений родителей к детям увеличивается от такого неясного переходного состояния женщин.

Известно, что до Петра наши женщины жили в теремах, вели уединенную жизнь и в обществе показывались мало. Их умственный и нравственный уровень был невысок; часто они были совершенно безграмотными и, не участвуя в общественной жизни, по необходимости должны были питать свой ум лишь мелочами домашнего обихода, а свое нравственное развитие и добродетель ограничивать своими отношениями к мужу, детям и родным. Наша допетровская семья не могла похвалиться ни умственными, ни нравственными доблестями; культурность ее во всех отношениях была невелика.

С Петра замкнутость жизни женщин прекращается; Петр ввел их в общество. Кругозор женский стал неизбежно расширяться, веками утвержденные обычаи шататься и падать. В то же время начались заботы и о женском образовании. Но долгое время женское образование имело в виду лишь внешний лоск. Девочек и девушек учили непринужденному и приятному обращению в обществе, искусству говорить обо всем, хорошо танцевать,

правильно изъясняться по-французски. Серьезного умственного образования и нравственного развития не было; об этом не заботились, считали ненужным женщинам. Такое показное образование, такие легкие поверхностные идеалы относительно женского воспитания царили долгое время. Да и таким образованием пользовались немногие девушки, так как женских школ было очень мало. Большинство девочек ограничивалось домашним образованием, а оно было крайне плохо.

С освобождением крестьян начался серьезный запрос на женское образование: возникло много женских школ, масса девиц всех сословий начали получать среднее образование. Но это образование началось так недавно, – оно обнимает всего лишь одно поколение; самое образование, его постановка оставляют желать многого; чувствуется потребность в капитальной его реформе. Высшее женское образование едва начинается, женщины ведут за него отчаянную борьбу и еле-еле добиваются хотя бы некоторой возможности его.

В то же время общественное и вместе семейное положение женщины недостаточно ясно и твердо. На что женщина имеет право и на что не имеет, к чему она способна и к чему нет, какие профессии отвечают ее природе и какие нет – обо всем этом существуют совершенно разные мнения. По указанным вопросам в обществе встречаются представители самых противоположных взглядов, а такое разноречие отражается на семейном и общественном положении женщин. Их положение и в обществе и в семье шаткое, не совсем определенное: то оно поднимается, то опускается, то женщины превозносятся, то унижаются. Мнения отдельных лиц, власть имущих, колеблют общественное положение женщин; мнение мужа о женщине вообще, ее способностях и правах колеблет положение жены в семье.

А так или иначе возвышаемая или унижаемая, образованная, полуобразованная или совсем необразованная женщина составляет центр семейной жизни, от нее зависят тон и характер семьи. Где же ждать тут правильных отношений родителей к детям, когда еще взаимное положение самих родителей неправильно, не устойчиво, не приняло твердой определенной формы? Если самая семья колеблется, еще не сложилась, если женщина поглощена борьбой за свои человеческие права, то не может и быть правильных, строго последовательных и глубоко продуманных отношений матери к детям. Для правильного развития семьи, для разумного воспитания детей нужны спокойствие, твердый порядок, определенный строй, в котором каждый знает свое место, понимает свое значение, когда все члены семейного союза дружно работают для достижения намеченной цели, а не воюют друг с другом из-за прав, из-за образования, даже за самое существование. Нужны больший порядок в семьях, лучшее образование женщин, лучшее их общественное положение, чтобы отношения между родителями и детьми сделались разумнее и правильнее. Для этого придется женщинам работать изо всех сил в течение нескольких поколений. А пока как же быть? Пока мы попытаемся разобраться в существующих отношениях родителей и детей в условиях современного строя семьи и нынешнего положения женщины.

### III

Отношения родителей к детям в духе римско-языческого начала в настоящее время не имеют места в смысле внешнем, юридическом, так как закон до некоторой степени оберегает детей от деспотизма и жестокости родителей. Но в сфере внутренних нравственных отношений к детям родители часто стоят еще на римской точке зрения, стремясь вполне распоряжаться детьми в духовном отношении, создавать из них людей по своему образу и подобию. Те взгляды, те идеи, тот образ жизни и деятельности, которые родители себе усвоили, они считают обыкновенно необходимым передать детям и укоренить в них. Родителям кажется, что они знают, что такое истина, добро, красота, как нужно жить, относиться к людям; они разрешили все вопросы и решения их сообщают детям. Но правильно ли они решили вопросы? Истина, которой владеют родители, есть ли истина и для детей и для всех? Новое поколение может ли руководиться убеждениями предшествовавшего? Ведь родительский опыт, родительская мудрость имеют личный, а потому ограниченный характер; их руководящие начала, выработанные при известных условиях, хороши для них, но перенесенные в другое время и место, воспринятые другими людьми, будут ли они пригодны и хороши для этих других людей? Такими вопросами родители задаются редко, – они обыкновенно питают непоколебимое убеждение, что хорошее для них хорошо и для их детей и для всех. Они хлопочут не о том, чтобы дети были способны сами вырабатывать убеждения применительно к обстоятельствам и времени, а чтобы они усвоили готовые убеждения – родительские. Эти последние должны заменить, сделать излишней собственную работу детей. Все от родителей: и капитал от них, и руководящие начала жизни от них; а детки только поживай, да благодумствуй, да родителей благодари.

Внедрение родителями своих убеждений в детей, передача им своего философского и житейского символа веры совершаются двумя путями: или путем более или менее строгой и последовательной дисциплины, или путем ласки и убеждений. Первым путем прививаются, прежде всего, и больше всего внешние навыки, образ жизни и деятельности, а потом по связи с ними формируются и душа, и сердце, и ум; вторым путем прямо стараются проникнуть до детской души, завладеть ее помыслами и чувствами и потом соответственным образом отобразить их в поступках. Первый способ влияния на детей направляется от внешнего к внутреннему, второй, наоборот – от внутреннего к внешнему. Но цель обоих одна и та же: сотворить детей в духовном отношении образом и подобием родителей. Будьте такими же, как мы, твердят непрестанно родители детям, а если сможете, то и превзойдите нас, но, непременно держась тех же убеждений и взглядов, каких мы держались, шествуя тем же путем, каким мы шли, не сворачивая в сторону.

Имеют ли родители право так поступать? Не переходят ли они в этом случае границу, не стесняют ли детскую личность, не мешают ли ей развиваться свободно, самостоятельно?

По-видимому, дело совершенно простое и естественное, что родители воспитывают своих детей в тех убеждениях, которые они имеют, которые

выработали, что они свои убеждения прививают детям, стараются сообщать их возможно ранее. Что можно против этого возразить? В каких же других убеждениях родителям воспитывать детей?

Родители должны постоянно помнить, что их взгляды и убеждения не заключают в себе общечеловеческую истину, не могут сделаться убеждениями для всех, так как носят печать личности, зависимости от известных данных времени и места. Особенно же убеждения одного поколения не могут руководить другим поколением, которому придется жить и действовать при иных обстоятельствах, чем предшествующему, которому неизбежно самому придется создавать руководящие начала, а не брать их готовыми у кого-либо. Чужой мудростью век не проживешь, – рано или поздно, но непременно каждому придется жить и своим умом. Если бы последующие поколения брали убеждения у своих предшественников и без дальнейших хлопот ими руководились, то жизнь остановилась бы, и каждое новое поколение лишь повторяло бы предшествующее, не внося в жизнь ничего своего. <...>

Насколько опасно родителям брать на себя руководство деятельностью будущего поколения, насколько односторонни и неправильны бывают их самые искренние и опытом приобретенные ими убеждения, это весьма художественно изобразил Тургенев в известной повести “Фауст”. <...>

Но ведь есть руководящие начала, общие всем поколениям, например христианские начала или идеалы истины, добра и красоты. Да, есть, но эти идеалы и начала слишком отвлеченны и неопределенны в своем чистом виде. Чтобы облечься в плоть и кровь, чтобы быть настоящими руководителями жизни – убеждениями людей, для этого они должны наполниться определенным содержанием, примениться к данным места и времени; иначе они не могут сделаться руководящими началами, будут парить высоко над землей и жизнью, будут витать в облаках. Христианские начала и идеалы истины, добра и красоты различные века и народы сообразно со своими условиями понимают и осуществляют различно, и не только века, но и поколения, но и каждый отдельный человек.

Родители, конечно, всегда будут до известной степени воспитывать детей в духе своих убеждений, осуществляя их на глазах детей, своим примером вселяя в детей уважение к известным руководящим началам; но они должны помнить, что их главнейшая и первейшая обязанность по отношению к детям заключается в том, чтобы сделать детей, точнее, следующие поколения, способными самим создавать убеждения и осуществлять их, уметь понять требования своего времени и удовлетворять им согласно общечеловеческим идеалам и интересам. Люди, живущие в известное время, при известных обстоятельствах, должны жить, мыслить, чувствовать и действовать применительно к условиям своего положения, а не ссылаться на родительские заветы и внушения. У каждого поколения свое дело и свои руководящие начала.

Нередко в образовании различают две стороны: формальную и материальную. Формальная сторона состоит в развитии способностей, материальная – в сообщении знаний. Конечно, эти две стороны образования

строго разделять нельзя: невозможно развивать способности, не сообщая знаний. Но тем не менее можно в образовании преимущественно иметь в виду ту или иную сторону. Сообщение знаний, во всяком случае, имеет меньшее значение, чем развитие способностей. Обширные и систематические знания – дело специальности и профессии; развитие способностей – основная и первоначальная задача образования.

В подобном же отношении находятся способность образовать убеждения и самые убеждения. Способность образовать убеждения – самое главное и основное дело; убеждения же составляют результат известного направления душевной деятельности. Начинать в воспитании с результата, с вывода нельзя – нужно начинать с посылок. Как родители не могут питать детей пищей, переваренной их желудком, как дети сами должны переваривать пищу, чтобы быть здоровыми, так родители не могут питать детей и духовной пищей, переваренной их умом, а должны создавать условия, благоприятствующие детскому уму самостоятельно развиваться и работать.

Итак, *родителям не следует стремиться делать детей своим образом и подобием*, но отцы должны заботиться о том, чтобы у детей был собственный образ, чтобы они и из родителей не творили себе кумиров, подобиями которых стремились бы быть.

#### IV

Как достигнуть того, чтобы дети, сделавшись взрослыми, могли сами руководить собой, самостоятельно создавать убеждения?

Одно из самых главных средств для достижения указанной цели заключается в том, чтобы дети сами ведали свои детские дела, чтобы они были хозяевами в своем детском мирке. Взрослый человек может выработаться в энергичного, предприимчивого деятеля лишь в том случае, если он сам ведет свои дела, начинает предприятия по своему желанию и на свой страх, оканчивает их, когда признает нужным, словом, является полным распорядителем и господином своей деятельности. Подготавливать такого деятеля мы можем с раннего детства, давая дитяти простор и волю в детских делах. Силы детей невелики, рассудительность не особенно большая, воля не тверда и изменчива; но и детские дела и предприятия не отличаются грандиозностью, они соответствуют размеру детских сил. Пусть же дети ведаются между собой, как умеют, пусть являются вершителями своих дел. Только тогда, когда не хватает у них своих силенок на свои дела, нужно помогать им.

Но, помогая детям в случаях необходимости, родители не должны действовать навязчиво и принудительно. Детство имеет свои особенности, дети несколько по-своему рассуждают, по-своему действуют и чувствуют; у детей есть своя логика, своя манера говорить и думать, свои особенные начала в отношениях к товарищам и взрослым. Нужно уважать детство, бережно относиться к его своеобразным свойствам, не ломать и не коверкать их; они необходимы, им нужно дать возможность полного развития. Родители должны зорко присматриваться к детям, и если дети не согласны на выполнение родительского совета, неохотно подчиняются родительскому указанию и внушению, то нужно предоставить их самим себе и не навязываться с нашими

взглядами и решениями встреченных затруднений. Там, где нам кажется, что справедливость лежит на правой стороне, детям может казаться, что она лежит на левой, и нет достаточных оснований принуждать детей видеть справедливость на той стороне, на которой, по их детским убеждениям, ее нет.

Вообще родители, может быть, скорее нашли бы надлежащую границу, которую им не следует переходить в своем влиянии на детей, если бы они держались правила относиться к детям, хотя бы и маленьким и только что развивающимся, но личностям. Ведь дети, несомненно, таковы, то есть суть маленькие развивающиеся личности. А в своих отношениях к личностям мы обыкновенно руководствуемся такими началами: во-первых, каждая личность заслуживает внимания и уважения, пока не заявила себя чем-либо дурным; во-вторых, каждая личность имеет свои характерные неотъемлемые свойства, которые и нужно принять за данные, за основу в отношениях к ней; в-третьих, на личность нужно действовать убеждениями применительно к ее взглядам, разумными доводами, соображениями о ее выгодах, а не насилем. В применении к детям эти правила будут значить, что детство заслуживает полного внимания и изучения, что нужно выяснить себе вопрос об особенностях детского возраста и свойствах данной детской личности, что действовать на дитя нужно применительно к его свойствам, действовать разумно, а не прибегать к принуждению. Всё, не соответствующее возрасту и личным свойствам дитяти, или совсем не прививается, или же является у детей чем-то другим, а не тем, что прививали, извращением, а иногда и противоположностью прививаемого. Дитяти родители проповедывают высокие идеалы, абсолютную добродетель, а из него выходит ловкий практик и делец, хитрый, из всего извлекающий свою личную выгоду; дитяти усерднейшим образом прививают благочестие, набожность, религиозность, а из него выходит позднее совершенно нерелигиозный и даже неверующий человек, много-много, что соблюдающий одни обряды. Ставя разные высокие цели, но, не зная свойств детства, особенностей воспитываемой личности, родители оказываются в положении лиц, не владеющих средствами для достижения поставленных высоких целей...

Если родители не могут воздержаться от излишнего вмешательства в жизнь детей в то время, когда эта жизнь идет своим правильным ходом, то их стремление действовать является особенно сильным и, по-видимому, законным в тех случаях, когда детская жизнь отклоняется от нормы, когда в дитяти обнаруживается какой-либо недостаток. Надо спешить искоренить порок, рассуждают родители, нужно принять против него решительные меры, вырвать его с корнем: иначе порок усилится, борьба с ним позднее будет безнадежна, и дитя сделается несчастным. И вот начинается вытравливание порока, ломка дитяти, исправление его природы. Если родители настойчивы, то дитяти придется плохо, под видом исправления его недостатков его совсем изломают, исковеркают, будут насаждать новые добродетели, которые за неимением почвы не примутся, увянут, как деревца, посаженные в каменистую и вообще неподходящую почву.

При борьбе с детскими недостатками нужно соблюдать крайнюю осторожность, потому что *недостатки находятся в самой тесной связи с сильными и хорошими свойствами*. Так, резкость, грубость, стремительность часто соединяются с мужеством, отвращением к лени, полной искренностью, потому что все эти как недостатки, так и достоинства имеют общую основу – силу и энергию личности, которые могут выражаться как резкостью и стремительностью, так и полной искренностью и мужеством. Борясь с недостатком, мы должны направлять силу и энергию на надлежащий путь, но никоим образом не ослаблять самый источник мужества и искренности. Если, искореняя недостатки, мы затронем силу и энергию дитяти, мы искалечим человека, повредим существенное свойство его личности, сделаем из дитяти нечто слабое, бесхарактерное, бессильное, одинаково неспособное ни к добродетели, ни к пороку. Такая победа над недостатком будет печальнее самого сильного поражения.

Другие детские недостатки находятся в такой же тесной связи с достоинствами. Например, расточительность, отсутствие забот о сохранении своих вещей, небрежность в отношении к ним тесно соединяются с щедростью, полным отсутствием скупости и скарденности; с боязливостью и трусливостью прямо связаны осторожность в действиях и благоразумный расчет, и благоразумная предусмотрительность; с гордостью, со стремлением командовать и властвовать – сознание своей силы и преимуществ перед другими. Словом, недостатки и пороки не суть пустота, отсутствие добродетели, что-то чисто отрицательное; напротив, они суть нечто положительное, неправильное приложение силы. Поэтому-то борьба с недостатками и представляет большую опасность: как бы, борясь с недостатком, не повредить, не стеснить самой силы, дающей начало недостатку, но вместе с недостатком служащей основой и добродетелей, прекрасных, желательных свойств в личности. Истребляя недостаток, легко подсесть в корне силу человека, а вместе с тем совершенно его обезличить и ослабить.

Ввиду тесной связи детских недостатков с детскими добродетелями желательно, чтобы родители, не наблюдавшие серьезно детей, не изучавшие детства, родители особенно малоопытные и стремительные, не брались бы за уничтожение детских недостатков. Дитя с недостатками, но и с известными хорошими свойствами несравненно привлекательнее, чем дитя без недостатков, но и без хороших свойств, что называется ни рыба, ни мясо. В недостатках и достоинствах всегда чувствуется сила; бессилие – самый большой недостаток, какой только может быть.

Понятно, что мы против всякой ломки детской личности, чем бы эта ломка не вызывалась. Вот перед нами упрямое дитя. Известно, что упрямыцы могут решительно изводить родителей, вооружать против себя, возбуждать вспышки родительского гнева или спокойное применение систематической, но жестокой дисциплины. Я сломлю упрямыцу, рассуждает родитель, я должен восторжествовать над его волей: иначе и мне и ему будет плохо. И вот начинается ломка, выражающаяся часто в отвратительных формах. Не зная детства, не умея влиять на детей, родители прибегают при полной своей



умственной скудости к физическому насилию и путем причинения телесной боли обыкновенно торжествуют над дитятей...

Закон не охраняет детей от подобных истязаний со стороны родителей. Подобные меры признаются воспитательными и даже одобряются выдающимися педагогами. А между тем эти факты представляют несомненное и прямое истязание детей...

От подобной борьбы с упрямством родители должны воздерживаться. Это не борьба – это грубая война, прямое насилие над дитятей, физическое или нравственное, это ломка детской натуры, не сопровождающаяся никаким положительным ценным следствием, от самой ломки получается лишь разрушение, чисто отрицательный результат, который не представляет никакого педагогического достоинства, но есть прямое зло.

Упрямство, очевидно, проистекает из способности к настойчивости и представляет не что иное, как неправильную форму последнего качества. Если просто, без всяких рассуждений и осмотрительности ополчиться на упрямство, пойти на него с насилием, то несомненным результатом будет при систематическом действии родителей сокрушение не только упрямства, но и настойчивости, расплющение детской личности, уничтожение ее внутреннего зерна, что, конечно, во сто раз хуже самого отчаянного упрямства. Нужно действовать разумом, а не насилием. Последнее есть зло, и от применения его никогда добра ожидать нельзя. Упрямцу нужно выяснять все неудобные следствия его упрямства как по отношению к другим, так и к нему самому, и всю благотворность другой системы действий. Пусть упрямец, особенно по отношению к товарищам, узнает по опыту непривлекательные стороны упрямства. Его собственные опыты и разум в соединении с надлежащими объяснениями и указаниями родителей есть единственное средство к смягчению и ослаблению упрямства. До тех же пор, пока собственные опыты и разум не научат его, упрямство нужно терпеливо сносить и ни в коем случае не позволять себе ломать волю упрянца, подчинять его действия своим указаниям, во что бы то ни стало. Лучше упрямый ребенок, но целый (духовно), чем разбитый и расслабленный, но без упрямства.

“Родители, не раздражайте чад своих”, – сказано в Священном писании.

V

Родителям гораздо легче стать в отношениях с детьми на точку зрения римско-языческую, чем гуманно-христианскую, уподоблять себе детей, чем самих себя уподоблять детям, то есть усвоить IX вкусы, привычки, постоянно заботиться об удовлетворении всех их нужд до забвения личных интересов и целей. Эта вторая точка зрения включает в себя в известной мере самоотречение, самопожертвование, а такие добродетели не из легких. Пусть уж лучше дети приносят жертвы родителям, а не родители детям.

Тем не менее, бывают родители, которые отрекаются от своей личной жизни и всецело посвящают себя на служение детям... Чаше всего случается, что родительское самопожертвование приносит очень дурные плоды. Обыкновенно дети не понимают величия родительской любви, их самопожертвования, приучаются смотреть на факты отречения родителей от

личной жизни как на нечто должное и требуют от других такого же самопожертвования. Такие дети по большей части вырастают глубочайшими и неисцелимыми эгоистами. Сравнительно в редких случаях родительское самопожертвование падает на благодарную почву и вызывает в детях необычайную нравственную чуткость и впечатлительность, тонкую отзывчивость на людское горе и страдание, негодование на несправедливость и утеснения, где бы и с кем бы они ни совершались, сочувствие высоким благородным действиям.

Обречь себя на самопожертвование детям не представляется достаточных оснований для родителей. Дети дороги и милы, они имеют полное право на самый заботливый и нежный уход, на образование, на уважение их детской личности, на удовлетворение по мере средств и возможности всех их нужд и потребностей. Но отсюда совсем не следует, что личность родителей должна исчезнуть в личности детей, жизнь родителей – раствориться в детской жизни. Родители не могут составлять простого придатка к детям; нельзя думать, что родители потому имеют право жить, что у них есть дети.

К чему самопожертвование? К чему самоотречение? Зачем возлагать на себя “бремена неудобноносимые”? Нужно смотреть на дело проще. *Между родителями и детьми должно быть не подчинение, не стремление уподобляться друг другу, а союз лиц, имеющих каждое свои права и обязанности.* Так как в этом союзе участвуют маленькие личности, то союз получает особый вид и характер по сравнению с союзом больших, но не перестает быть союзом, не превращается в какое-либо другое отношение. А участвующие в союзе лица связаны друг с другом известными обязательствами, но затем имеют свободу и право на личную самостоятельную жизнь. Из того, что люди вступили в некоторый союз между собой, не следует, чтобы вся их жизнь исчерпывалась союзом, чтобы помимо его у них ничего не было за душой. Жизнь широка и разнообразна и помимо родительских отношений представляет много других отношений, не менее важных и с личной и общественной точки зрения. Замкнуться, уйти с головой в родительство, не хотеть знать, видеть и слышать ничего другого – значит намеренно сузить свою личную жизнь, из богатой сделать ее бедной. Но зачем же добровольно надевать на себя нищенскую суму? Разве она так приятна? Резюмируем все сказанное.

1. Семейные отношения вообще и отношения родителей к детям в частности в настоящее время не совсем ясны и устойчивы вследствие продолжающейся и поныне борьбы в строе семьи двух противоположных начал: языческо-римского и христианско-гуманного.

2. В русской семье колебания всех отношений обуславливаются сверх указанных причин недавним вступлением женщин в общественную жизнь и недавним, более или менее серьезным, образованием женщин. А между тем женщина служит центром семейной жизни.

3. Ошибка, наиболее часто совершаемая родителями в отношениях к детям, есть уподобление детей в духовном отношении родителям и стремление

предопределить деятельность следующего поколения привитием ему взглядов и убеждений предшествующего поколения.

4. Обязанность родителей в отношении к детям заключается в способствовании следующему поколению свободно и самостоятельно вырабатывать убеждения и удовлетворять потребностям своего времени, осуществлять его задачи, для чего дети должны сами ведать и решать свои дела.

5. В борьбе с детскими недостатками требуется крайняя осторожность вследствие связи недостатков с сильными свойствами личности и возникающей отсюда опасности: с уничтожением недостатков уничтожить и основу детской личности. Ломка воли и личности дитяти ни в коем случае допущена быть не может.

6. Отношения родителей к детям должны представлять собой отношения свободного союза лиц с некоторыми изменениями.

*Кантерев П. Ф.* Родители и дети // Воспитание и обучение. – СПб., 1897. – № 1. – С. 1-10; № 2. – С. 41-50; № 3. – С. 120-151.

*П. Ф. Кантерев*

### **Из истории нравственного развития детей**

Нравственное состояние детей подлежит весьма большим переменам в течение первых 7-8 лет жизни. Проследить и объяснить все эти перемены, представить полную картину нравственного развития детей от самого начала до времени поступления в школу – задача обширная, сложная и трудная. Из такой обширной задачи предметом своих замечаний мы выбираем только один частный вопрос, правда, тоже очень важный, – именно характеристику детей в нравственном отношении в то первое время их жизни, когда детей еще нельзя считать нравственными существами в строгом смысле слова, когда у них нет того, что у взрослых называется совестью, нравственным стыдом, нравственным чувством, когда дети только еще готовятся сделаться нравственными существами.

Называть кого-либо нравственным существом можно в том случае, если это существо различает, что такое добро и что такое зло. <...>

В самые первые годы своей жизни дети, очевидно, не умеют различать между добром и злом; их сведения относительно нравственной области крайне скудны; они руководятся в своих действиях не какими-либо нравственными побуждениями, а естественными склонностями, удовольствиями и неудовольствиями. В это время они вненравственные существа; никакой критерий нравственности к ним не приложим, и судить об их действиях с нравственной точки зрения невозможно. А между тем время, когда дети являются вненравственными существами, весьма важно для развития всей их последующей жизни и деятельности и, в частности, для определения их нравственной природы, для установки их нравственного характера. Те или

другие склонности детей, то или иное отношение к ним в указанное время образуют почву, на которой позднее разовьются определенное нравственное существо и его деятельность. На этой-то эпохе в жизни человека, подготовительной по отношению к нравственному развитию, мы и остановимся. <...>

## I

<...> Едва ли нужно много распространяться о том, что выражения детской нежности и ласки не составляют еще нравственного чувства. Если ребенок целует или не целует отца, то в этом трудно видеть даже и зародыш нравственной связи между людьми. Всяких чувствований, совершенно отдельных и независимых от нравственных волнений, очень много, и детская нежность есть одно из таких чувствований. Самовосхваление дитяти, отдавшего кусок пряника сестре, есть, очевидно, отзвук, повторение речей старших, одобрявших подобные действия и поощрявших к ним; но здесь мы не видим понимания дитятей ценности и значения самого действия... Нравственным известное действие становится лишь в том случае, когда сознается его внутренняя ценность, когда оно совершается помимо наград и наказаний, одобрений и порицаний соседей. Мало ли за что родители и воспитатели могут награждать и наказывать, а соседи порицать и одобрять! На этих лишь мотивах основанные действия считать нравственными невозможно. <...>

...В три, четыре года и несколько даже далее дитя не есть еще нравственное существо. Оно приобретает разные привычки, приучается к исполнению приказаний, но это не есть еще нравственность. Изменились условия жизни, возникли и новые привычки, явились новые люди, явились и новые приказания. В несколько недель духовный облик дитяти изменяется. Нравственное чувство так сильно не колеблется и так быстро не изменяется. Оно устойчиво. У маленьких же детей его нет. Они вненравственные существа. Они только готовятся к нравственному развитию, но еще не переживают его.

Посмотрим теперь на главнейшие факты из донравственного периода в жизни детей.

## II

Для всего нравственного развития человека весьма большое значение имеет его природа, полученная им по наследству от предков, различные свойства. Эти свойства могут быть или благоприятны для будущего нравственного развития, или не благоприятны. Они сделают нравственное воспитание личности или легким, или же трудным. С одной стороны, мы можем встретиться в детях с раздражительностью, общей слабостью, гневливостью, плаксивостью, завистливостью, частой изменчивостью настроения и желаний, с другой – со спокойствием, с некоторой твердостью и настойчивостью, постоянством настроения, мягкостью, хорошим здоровьем. Все перечисленные свойства сами по себе не имеют нравственного характера. Даже завистливость нельзя прямо называть нравственным недостатком, потому что в ней собственно еще нет никакого вреда ближнему; когда она переходит в зложелательные действия по отношению к субъекту, возбуждающему зависть,

тогда она является уже прямым нравственным недостатком. Между тем значение всех перечисленных свойств для нравственного развития велико.

Первый ряд свойств вообще не благоприятен для правильного и успешного нравственного развития. Натуры слабые, раздражительные, гневливо-плаксивые представляют неудобную почву для нравственного развития. Настоящее правильное нравственное развитие предполагает довольно значительную способность сдержки, внутреннего самоуправления, настойчивость и твердость в определенном направлении деятельности. А откуда возьмутся все эти доблести у натуры слабой, раздражительной, гневливо-плаксивой? Обыкновенно гром гремит из тучи, а не из пустого места. Что делать с такими неудобными свойствами в детях?

Для устранения указанных неудобных свойств необходимо поставить детей в правильные гигиенические условия и укрепить их телесный организм. Нужно твердо проникнуться мыслью, сделать своим убеждением взгляд, что *забота о здоровье детей и укреплении их тела имеет не только физиологическое, но и нравственное значение*, создавая надлежащую почву для будущей нравственной деятельности, умеряя раздражительность и плаксивость, поднимая общий уровень физической энергии, которая позднее будет благоприятствовать и содействовать проявлению и нравственной энергии.

Из неблагоприятных свойств, значительно затрудняющих позднее правильное нравственное развитие, обращает на себя особенное внимание завистливость детей. Появляется она очень рано, и откуда берется, – сказать подчас трудно. Дитя поставлено, по-видимому, в хорошие воспитательные условия, его нужды и потребности удовлетворяются правильно и без замедления, а между тем оно оказывается завистливым. Общая причина раннего появления зависти заключается в обстоятельствах, сильно возбуждающих желание дитяти, а желания возбуждаются, прежде всего, разными недостатками и недочетами. Если дитя слабо, малокровно, часто прихварывает, если в уходе за ним нередки ошибки, если вся обстановка дитяти скудна, так что дитя чувствует многие лишения, то все эти недостатки возбуждают и заостряют его желательную способность. У детей вообще желания многочисленны и разнообразны, а при указанных недочетах обстановки и воспитания они расширяются до безмерности. Чувствуя на каждом шагу недочет и стеснение, дитя невольно всего желает, а при напряженности желаний и их разнообразии легко возникает и зависть.

Другая причина изошрения желательной способности заключается в обилии всякого рода благ и предметов у других, со счастливым положением которых и можно сравнивать свое бедственное состояние. Дети, живущие в бедной деревушке и не знающие ни игрушек, ни удовольствий детей из достаточных семейств, менее завидуют, чем дети, жизнь которых сама по себе, может быть, и не скудно обставленная, возмущается и отравляется видом большого довольства и обилия всяких благ у других детей из богатых семейств.

Кроме указанной коренной причины раннего возникновения завистливости, на возникновение этого чувства могут действовать и некоторые частные обстоятельства, например неразумие детей. Положим, что дитя было

единственным сыном или дочерью родителей и навькло одно пользоваться заботами и ласкали родителей. При появлении брата или сестрицы и при перенесении на него части родительских ласк и попечений старшее дитя начинает завидовать младшему, и зависть легко может сделаться весьма живым и острым чувством.

Свойства другого ряда – здоровье, некоторая настойчивость, спокойствие и другие – более благоприятны, чем не благоприятны, для нравственного развития, составляя для него удобную почву. Семена нравственности, посеянные на такой почве, могут хорошо взойти и произрастать, если не встретится внешних неблагоприятных влияний и если будет достаточно разумный уход за ними. Но и перечисленные благоприятные свойства довольно легко могут измениться в неблагоприятные, если их сила и напряженность увеличатся. Настойчивость может перейти в упрямство и существенно затруднить правильные воздействия взрослых на дитя в нравственном отношении; мягкость точно так же может перейти в слишком большую податливость и уступчивость всяким влияниям, что для правильного нравственного развития весьма неудобно; спокойствие может перейти в равнодушие и холодность к горю и страданиям других, в черствый и бездушный эгоизм.

### III

Другое явление, на которое нужно обратить внимание в до-нравственный период жизни детей, есть *развитие у них симпатических чувствований*. Симпатия обнаруживается у детей довольно рано и выражается сначала сочувственными улыбками и слезами, а потом соответственными движениями всего организма, направленными на защиту другой личности, доставление ей какого-либо удовольствия и т.п. Сами по себе симпатические чувствования не имеют нравственного характера, в них нет ни обязательности нравственных чувствований и определяемых ими поступков, ни надежной устойчивости и продолжительности, ни широты и беспристрастия нравственных волнений. Тем не менее, симпатические чувствования весьма важны для надлежащего нравственного развития человека, потому что они выводят его из эгоистической замкнутости, объединяют людей, создают между ними более или менее прочные связи и отношения. Симпатия – одна из главных основ общественности; без симпатических чувствований обществу существовать трудно. Над развитием столь важных для общественности и нравственности чувствований и нужно тщательно блюсти в донравственный период жизни детей.

Дети многим кажутся слишком эгоистичными существами, весьма малоспособными к симпатическим волнениям. Когда бывает болен кто-нибудь в доме, тогда они больше интересуются новизной обстановки больного, чем его страданиями; затем от пребывания у больного они скоро начинают скучать и обращаются к обычным своим играм. Далее, смерть кого-либо – товарища, знакомого – их более интересуется некоторыми новыми явлениями, чем возбуждает симпатию к горюющим. Отец привел своего маленького сына в дом умершего товарища, лежащего в гробе.

Мальчик не выразил никакого волнения, ходил и вертелся около гроба. Отец умершего посадил мальчика к себе на колени и залился слезами. Посидев некоторое время, мальчик сказал горюющему отцу: “Теперь, когда Петя умер, ты подаришь мне его барабан и каску, не правда, ли?”

Из подобных фактов, которые, несомненно, довольно многочисленны, нельзя выводить заключение о холодности детей к чужому страданию, об их неспособности к симпатическим чувствованиям. Симпатия как сознательное чувство предполагает некоторое знакомство с предметом симпатии, понимание важности того явления, к которому привлекается симпатия, некоторое предварительное умственное развитие. Если явление по своему существу, непонятно данному лицу, то и симпатии к нему у этого лица быть не может. Если я не знаю, что, значит, умереть, что, значит, потерять единственного сына, то и симпатизировать горю страдальца-отца я не могу: я не понимаю его горя, а потому почти не вижу, не замечаю его. Просить барабан у отца, потерявшего сына, было совершенно логично со стороны мальчика, так как он не чувствовал и не понимал отцовского горя и, вероятно, не знал, что такое смерть. Нельзя требовать от детей симпатии к тому, чего они совершенно не понимают и не знают; симпатии можно требовать от них лишь в сфере знакомых отношений и положений. А в такой области симпатия у них, несомненно, есть.

Развитие симпатии совершается сначала в пределах семьи, тех лиц и отношений, которые встречаются в семье, а затем, с течением времени, с возрастом дитяти, симпатия переходит границы семьи и распространяется на окружающий семью мир. Семья же представляет следующие отношения: к родителям, братьям и сестрам, прислуге, домашним животным и, наконец, к товарищам и всему окружающему семью миру.

Симпатия к родителям возникает и развивается таким естественным и необходимым путем, что в этом отношении следует заботиться лишь об устранении препятствий. А препятствия могут быть и прежде всего заключаться в чувстве страха, которое нередко возбуждают родители в детях. Страх губит симпатию и создает в детях неблагоприятные чувства к родителям. Те дети, у которых в отношениях к родителям господствует страх, а не симпатия, – несчастные дети, жалкие существа. Если уже по отношению к родителям у них нет симпатических чувствований, то чего же ждать, какой душевной теплоты ждать от них в отношениях к другим людям? Возбуждением чувства страха в детях чаще грешат отцы, чем матери. Отцы считаются представителями закона, авторитета и строгости, а матери – нежности, снисхождения и любви. Поэтому симпатические чувствования детей к матери самая обычная вещь, а боязливость и некоторое недоверие нередки в отношениях к отцу.

Кроме страха родители могут возбуждать в детях и другие чувствования, не благоприятствующие развитию симпатических волнений, например чувство злобы (при жестоком обращении с детьми), чувство собственного превосходства и сожаления родителей, если последние страдают какими-либо явными и унижительными недостатками.

Второй вид симпатических чувствований, возникающих в семье, есть чувствования к братьям и сестрам. Так как дети, растущие в одной семье, всегда бывают вместе, вместе играют, гуляют, занимаются, едят и спят, так как они прекрасно и с полуслова и даже совсем без слов понимают состояния, мысли и чувствования одно другого, то между ними завязываются весьма сердечные и прочные симпатии. Эти симпатии нередко бывают выше и искреннее симпатии к матери, не говоря уже о симпатии к отцу, так как мать отделяют от дитяти лета, опыт и различные интересы, а детей друг от друга ничто подобное не разделяет; их, напротив, все соединяет: и игры, и условия жизни, и обстановка.

Но развитие и этого вида симпатии необходимо встречает на своем пути некоторые помехи и препятствия. Два главные из них: зависть и стремление к господству. О зависти было уже говорено. Она не остается долго теоретическим чувством – желанием присвоить себе то, что есть у другого, но чего нет у самого, а скоро превращается в деятельное состояние, обнаруживающееся недоброжелательными поступками в отношении к возбуждающему зависть. Лицо, возбуждающее зависть, скоро представляется дурным, не по праву пользующимся известным благом; завидующий считает себя несправедливо обиженным, лишенным принадлежащих ему преимуществ, вследствие чего отношения к лицу, возбуждающему зависть, существенно портятся.

Второе препятствие к развитию симпатии в рассматриваемом направлении заключается в стремлении к господству со стороны сильнейшего над слабейшими. Такое стремление обыкновенно обнаруживается у старших братьев и сестер по отношению к младшим, а иногда и у младших в тех случаях, когда младшие оказываются владеющими каким-либо выдающимся свойством, которого лишены старшие. Преобладание сильнейшего над другими в умеренном виде не подрывает развития симпатических чувствований между детьми; но как скоро преобладание сильнейшего заходит далеко, подавляет личность слабейших, их интересы и удовольствия, тогда такое господство ведет к неизбежному ослаблению симпатических чувствований и посеивает даже взаимную вражду и ненависть. Допускать в детях развитие подобных чувствований решительно невозможно.

Нужно заметить, что в семьях, особенно больших, со значительным числом детей, часто бывают любимцы и нелюбимцы родителей. Пристрастие родителей к одному из детей, выделение его из ряда других, неизбежно создает ненормальное отношение между счастливчиком и остальными детьми. Любимца папаши и мамы братья и сестры обыкновенно не любят, завидуют ему, относятся к нему неблагожелательно, стараются подстроить ему всякие неприятности, а он платит своим братьям и сестрам той же монетой. На место симпатии и благожелательности воцаряются взаимное недоверие и вражда...

Третий вид симпатических чувствований, развивающихся в семье, имеет своим предметом прислугу и вообще посторонних лиц, живущих в доме и ухаживающих за дитятей (кормилицу, няню, бонну, собственно прислугу). Так как все эти лица ежедневно оказывают дитяти различные услуги и доставляют



ему множество удовольствий, то по естественному порядку у дитяти возбуждается к ним симпатия. В своем развитии это чувство обыкновенно встречает препятствия в высокомерном отношении к прислуге, в раннем ознакомлении с идеями господства и рабства, в проведении резкой разграничительной черты между нанимателями и нанимаемыми. Дети скоро подмечают особенное положение прислуги в доме, что ей все приказывают, а она только исполняет приказания, что она за свою работу получает плату. По примеру старших и дети начинают приказывать и в таком же решительном тоне. Если дитя не останавливать, то оно очень скоро начнет относиться к прислуге свысока, пренебрежительно, как к существу низшей породы, все назначение которого исчерпывается беспрекословным исполнением приказаний господ.

Ничего не может быть неблагоприятнее дитяти, свысока относящегося к прислуге. Человек, без посторонней помощи не могущий прожить и одного часа, постоянно требующий самых различных услуг и в обмен за них пока ничего не дающий и не могущий дать, такой человек стремится повелевать взрослыми, трудящимися в поте лица, свысока к ним относится за то, что они непрерывно трудятся, а он сам пользуется их трудами. Смешная и вместе жалкая картина, чреватая весьма печальными следствиями. В таком отношении к прислуге закладывается разъединение человечества на строго обособленные классы, похвальба преимуществами, связанными с принадлежностью к известному сословию, то есть похвальба тем, в чем нет никакой заслуги, оценка себя и других не по их действительным качествам, а по мнимым – по происхождению, положению и т. п. Умственный кругозор человека, его нравственное мировоззрение при таких убеждениях чрезвычайно суживается; для него получает важность не человек, а сословие. Искусственная классификация, искусственное право заступают место естественных. Начинается все это с прислуги, с пренебрежения, потом высокомерное отношение распространяется на няню, бонну, дальше на гувернантку, учительницу и, наконец, на весь людской мир, не принадлежащий к известному сословию, не пользующийся известными условными преимуществами. Кто видит в подобных взглядах правильную мысль, правильное убеждение, тот должен быть доволен разобщением детей от прислуги и высокомерным отношением к ней, должен даже поощрять в детях такой характер поступков и деятельности; кто же видит в этом опасное заблуждение, нечто несообразное с широкой общечеловеческой симпатией, тот должен остерегать детей от подобных чувств и отношений, а в случае появления их пресекать всеми зависящими средствами.

Затем, по естественному порядку, детская симпатия распространяется на домашних животных. Животные так интересуют детей, так близки им, в животных дитя находит так много сходного с собой, что невольно входит в его жизнь, наблюдает его, ухаживает за ним. Но эта естественная симпатия к животным встречает препятствия своему правильному развитию в жестокости, свойственной многим детям, и в склонности к разрушительной деятельности. Дети часто бывают не прочь получить какое-либо слабое, беззащитное

животное, растоптать червяка, оторвать крылья у мухи, вырвать с корнем растение и бросить его на дорогу. “Хорошая роза, – говорит одно двухлетнее дитя, – как приятно изрезать ее”. Откуда берется в детях такая склонность к жестокости и разрушительной деятельности?

Причины указываемого явления весьма различны. Может быть, в рассматриваемом свойстве детей мы встречаемся с остатком первоначальной грубой и жестокой природы человека, когда истребление живых существ было обычным для него делом. Но, во всяком случае, у наших детей это явление имеет свои частные и особые причины более невинного характера, преимущественно следующие две: наклонность к деятельности и любознательность.

Дитя – существо весьма подвижное и деятельное. Его руки и ноги постоянно в движении, оно не может просто держать что-либо в руках, оно должно дотрагиваться до него, ощупывать, повертывать во все стороны, засовывать пальцы во все отверстия; оно не может спокойно идти, но бежит, прыгает, скачет. Энергия бьет в нем ключом, выливается из всех его пор потоком. Как скоро к такому деятельному существу попадает в руки беззащитная птичка, червячок или муха, то им достанется без всякого злого умысла причинить им страдания. Нужно рассмотреть животное, дотронуться до всех его органов, приподнять у него то, что можно приподнять, поглядеть во все отверстия, заставить его бегать, прыгать, вертеться. Маленькое животное изомнется, сдавится, повредится при таком тщательном, но весьма бесцеремонном и не особенно осторожном исследовании.

К неудержимой потребности деятельности и движений присоединяется у детей еще любознательность. А что будет, если оторвать у мухи крылья? Как она будет ползать? Легко ли будет ее ловить? Если червяка разрезать пополам, что с ним сделается? Если котенка сбросить с дерева или с крыши сарая, убьется он или не убьется? Начинаются всякого рода опыты, подчас весьма жестокие, мучительские; животное буквально подвергается истязанию и все без злого умысла причинить ему страдания, а из любознательности и не сдерживаемой ничем потребности деятельности. Дитя так увлекается видом бегающего животного, оборонительными движениями его, попытками ускользнуть, высвободиться из рук маленьких исследователей, что ему совсем и в голову не приходит, что животное страдает, что ему больно, что глупо и бессовестно причинять такие страдания чувствующему существу.

Средством для устранения всех указанных препятствий к развитию симпатических чувств дитяти должны служить соответствующая семейная обстановка, живая деятельность лиц, окружающих дитя, их взаимные, глубоко симпатические отношения. Дело идет о таком возрасте человека, когда у него нет знаний добра и зла, когда и растолковать ему теоретически, как нужно поступать, еще невозможно. Что пользы толковать дитяти о симпатии к прислуге, если последняя дурно помещена, дурно питается, если при болезни господина не обнаруживают к ней никакого действительного сострадания и участия, если ее меняют без всяких стеснений и церемоний по малейшему поводу, причем позволяют себе при детях дурно отзываться о прислуге, даже

бранить ее. Что пользы говорить детям о любви ко всему живому, если взрослые считают животное не другом человека, не пособником в культурном развитии, а игрушкой, забавой, служебным орудием, которое не имеет прав ни на что, даже на сносное питание, и с которым поэтому можно обращаться, как вздумается, как угодно? Чем ближе к дитяти взрослый, чем чаще дитя его видит и слышит, чем больше его любит и уважает, тем сильнее будет влияние его примера, его поступков на развитие симпатических чувствований дитяти.

На почве симпатических чувствований в пределах семьи будет развиваться у дитяти симпатия более обширного рода, обнимающая всех и все находящееся за пределами семьи. Если симпатические чувствования в семье развивались правильно и энергично, то симпатия понемногу перейдет и за пределы семьи; если же в семье развитие симпатии было задержано разными неблагоприятными обстоятельствами, то тем самым затруднится развитие симпатии и вне семьи. Чаще всего симпатические чувствования вне семьи имеют своим предметом товарищей и сверстников. Это направление симпатии встретит в своем развитии те же препятствия, что и симпатия к братьям и сестрам, то есть зависть и стремление к господству. Так как братьев и сестер связывает множество таких нитей, которые отсутствуют в отношениях к товарищам, то зависть и стремление к господству будут сильнее разъедать симпатию к товарищам, чем к братьям и сестрам.

Симпатия к посторонним взрослым лицам будет существенно обуславливаться отношениями этих лиц к дитяти, то более близкими, то далекими. Бывают между взрослыми такие лица, которые чрезвычайно легко входят в интересы детской жизни и быстро завоевывают себе симпатии малышей; а бывают и такие, от которых дети упорно отворачиваются, несмотря на понуждения родителей. Свойства, привлекающие детскую симпатию к взрослому или возбуждающая к нему антипатию, бывают довольно различны.

#### IV

Третье явление, с которым мы встречаемся в донравственный период жизни детей и на которое нужно обратить внимание в видах будущего нравственного развития, есть *приучение детей к соблюдению определенного порядка в их жизни и деятельности*. В семьях обыкновенно приучают детей вставать вовремя, затем сейчас же умываться и одеваться, вести себя надлежащим образом за столом, здороваться с приходящими, в известный час идти спать и т. д. Все эти маленькие обязанности, выполнение которых требуется от дитяти, не составляет еще нравственных действий в собственном смысле слова: они просто выражают определенный порядок дня и необходимы для правильного хода семейной жизни. Нарушители их могут, конечно, быть вполне нравственными людьми, но тем не менее приучение детей к выполнению таких маленьких обязанностей имеет большое значение для их будущего нравственного развития. Выполнение маленьких обязанностей приучает детей к выполнению обязанностей вообще, оно внушает им убеждение, что есть такой порядок в жизни, которому они должны подчиняться, нарушать который они не могут, не расстраивая хода дела во всей семье, не причиняя больших или маленьких неприятностей разным членам

семьи. Настоящие нравственные заповеди еще неясны детям, а необходимость выполнения маленьких обязанностей по установленному порядку дня довольно понятна и для них. Поэтому мы и находим, что первые нравственные кодексы детей касаются не столько действительно нравственных отношений между людьми, сколько выполнения ими маленьких обязанностей по установленному обиходу и порядку, а их первые добродетели отличаются гигиеническим и дисциплинарным характером. Вот как девочка 3 лет и 1 месяца выражала свои обязанности по части поведения: “Папа, я никогда не буду делать в штаны, в кроватку, не буду плакать, драться; если нужно пить молоко, то буду пить; если спать нужно, то пойду спать; обои ковырять не буду”. Это был первый кодекс, сформулированный самой девочкой, когда она находилась в благодушном настроении. Другая девочка, 3 лет и 8 месяцев, так формулировала свои обязанности: “Не капризничать, помогать работать папе и маме, играть одной, чтобы не мешать маме, не драться, спать спокойно, давать игрушки сестрицам, здороваться с гостями”.

Приучение детей к выполнению маленьких обязанностей весьма важно еще в том отношении, что полагает начало развитию в детях способности сдержки и некоторого контроля над своими действиями. При склонности детей отдаваться без оглядки действующим на них впечатлениям, руководиться в своих поступках изменчивыми настроениями и отдельными удовольствиями и неудовольствиями, развитие способности сдержки представляет для детей большой труд. Дети непосредственны, экспансивны; они малоспособны к самоуправлению и контролю.

Дети действуют обыкновенно под давлением испытываемых удовольствий и неудовольствий. Если им хочется есть, гулять, спать, они кричат, плачут, просят и получают желаемое. Таким образом, у дитяти с первых дней жизни темным полусознательным путем создается навык делать только то, что доставляет удовольствие сейчас же или устраняет испытываемое страдание. Ему поэтому совершенно непонятно требование совершить такие действия, которые не обусловлены настоящими удовольствиями и неприятностями, которые не увеличат приятности настоящего момента, а, напротив, уменьшат его. Оно противится таким требованиям, восстает против них всем своим существом, они кажутся ему прямым насилием, чем-то совершенно непонятным и странным.

Каждый, кому хотя бы немного приходилось иметь дело с детьми, помнит, как часто дети говорят: “Я хочу, я не хочу” – и в этих выражениях видят высшее оправдание своих действий. В более пространным изложении приведенные два выражения значат: “Одно мне приятно, и поэтому я буду поступать для продления и повторения удовольствия; другое мне неприятно, и поэтому я рекомендуемых действий совершать ни в коем случае не буду”. Приводите вы дитяти какие угодно доводы, самые очевидные, и оно не согласится с вами, все будет твердить свое: “Я хочу, я не хочу”. То, что значит “я хочу, я не хочу”, какая сила, какая убедительность скрыты здесь, дитя хорошо чувствует; а приводимые ему убеждения обыкновенно основываются на удовольствии и пользе, могущих получиться от действия лишь в будущем, а

потому мало понятны дитяти, неощутимы для него. Не есть много сладкого в виду будущего расстройства желудка, спокойно принять горькое лекарство ввиду будущего исцеления от болезни для дитяти трудно, так как будущее – темна вода во облацах небесных, а дитя живет настоящим.

Поэтому все, что приучает детей к сдержке, к некоторому обдумыванию своих действий, к мотивированию поступков следствиями их в будущем, имеет большое значение для дальнейшего душевного развития детей. В частности, *нравственное развитие непременно предполагает некоторую способность сдержки*. Нравственная деятельность есть выполнение нравственных обязанностей, не всегда согласных с личными мимолетными удовольствиями и интересами. Быть человеком нравственным и вместе необузданным в выполнении своих желаний и всяких прихотей, безудержным, совсем не имеющим в виду будущего, – решительно невозможно, так как эти два свойства вполне противоположны, исключают одно другое. Поэтому, чем бы ни полагалось начало способности сдержки у дитяти, на каких бы предметах ни упразднялось это весьма важное искусство, указываемое явление будет иметь весьма близкое отношение к нравственному развитию дитяти. Мы не говорим уже о том, что выполнение маленьких обязанностей может прямо побуждать детей к борьбе со своими недостатками, хотя и не нравственными прямо, а гигиеническими. Приучение вставать в известный час побуждает бороться с сонливостью и изнеживающим пребыванием в постели; приучение к держанию своих вещей в порядке, к умыванию вовремя и т. д. предохраняет от неряшливости и распушенности. А между тем дети сами по себе не большие поклонники порядка, так как последний несколько стесняет, по крайней мере, совершенно свободное выражение всяких мимолетных желаний и чувствований, внушая постоянный образ действия при одних и тех же обстоятельствах.

Таким образом, все изложенные замечания по существу дела приводятся к следующему.

1. В нравственном развитии человека следует отметить такой период, когда человек является донравственным существом, так как он еще не знает в это время, что такое добро и что такое зло.

2. Период донравственного состояния человека чрезвычайно важен для позднейшего его нравственного развития, подготавливая для него удобную или неудобную почву.

3. В донравственном периоде жизни человека весьма важно обратить тщательное внимание на следующие три факта: а) наследственные свойства дитяти, благоприятствующие или не благоприятствующие его позднейшему нравственному развитию; б) на развитие симпатических чувствований и те препятствия, которые они встречают при своем развитии; в) на приучение детей к выполнению маленьких обязанностей по ежедневному обиходу и заведенному порядку жизни в семье.

*Кантрев П. Ф.* Из истории нравственного развития детей // Воспитание и обучение. – СПб., 1897. – № 8. – С. 287-288, 291-313.

## Трудности семейного воспитания

Великая, ничем не заменимая сила семейного воспитания есть любовь родителей к детям. При уходе за детьми, при их выращивании, при заботах об их правильном умственном и нравственном развитии требуется так много хлопот, внимательности и отчасти пожертвования личными интересами и удобствами, что их может дать только родительская любовь. Располагая значительными материальными средствами, мы можем создать для дитяти прекрасную гигиеническую обстановку, можем окружить его тщательным внимательным уходом, но не в состоянии искусством заменить всецело то, что дает естественная родительская любовь. А она создает для дитяти не только внешнюю, соответствующую требованиям возраста среду, но и необходимую для правильного развития дитяти нравственную атмосферу. Дитя расцветет только среди любви, ему нужен не только внимательный, но и любящий глаз; он требует не только тщательного ухода, но и постоянной сочувственной улыбки, нежного поощрения и одобрения, симпатического интереса к своей маленькой личности, ее запросам и нуждам. Вне этой нравственной атмосферы любви и симпатии дитя не может развиваться правильно в психическом отношении; ему будет недоставать существенно необходимого, ему будет холодно среди наемных лиц, может быть и внимательных, но равнодушных, не согретых любовью. Да и самый уход наемников, не будет ли нередко грешить в своей тщательности, как скоро минутные интересы и побуждения столкнутся с обязанностями, принятыми за деньги?

*Но родительская любовь, представляя в семейном воспитании ничем не заменимую силу, есть в то же время и источник слабости.* Она побуждает родителей слишком легко уступать всем желаниям детей, делает их капризными и избалованными, не знающими и не желающими знать, что другие люди имеют свои права и совершенно законные интересы. Малый возраст детей, их полная беспомощность естественно возбуждают во взрослом чувство жалости к детям, возможную снисходительность: как-то грустно отказывать в чем-либо таким маленьким существам, мир желаний которых, собственно, чрезвычайно ограничен и тесен. Коли же к этим чувствам, свойственным взрослым вообще по отношению к детям, прибавляется еще родительская любовь, сразу до высоких градусов поднимающая и жалость к детям, и снисходительность, и желание доставить им удовольствие, то понятно, что ко всем детским заявлениям начинают относиться слишком внимательно, придают значение тому, что принимать всерьез совсем бы не следовало, исполняют детские капризы, как самаважнейшей нужды. У родителей бедных, не располагающих средствами, отсутствие средств для удовлетворения прихотей детей накладывает узду на родительскую слабость к детям, ставит предел детскому эгоизму и требовательности; родители с грустью, с сердечным сокрушением, но бывают вынуждены отказывать детям и таким образом волея-неволей приучать их к обузданию и сдержке в своих желаниях и требованиях.

Если же родители богаты, располагают обширными материальными средствами, то они избаловывают своих детей вконец, потакают всем их прихотям, утверждают их в несчастной мысли, что всякое их желание, самое мимолетное, сумасбродное и нелепое, непременно, во что бы то ни стало, должно быть исполнено, что весь мир обязан им служить и повиноваться.

От такой родительской любви нужно лекарство, нужна оборона, нужно ввести родительскую любовь в надлежащие границы, чтобы она не вредила детям. А где взять надлежащую мерку для измерения родительской любви, для определения, когда она переходит через край и когда остается в должных пределах? Начало, просветляющее родительскую любовь, осмысливающее ее действия, дающее ей возможность развернуться в полном блеске и силе, заключается в знании. Родительская любовь и знание – два равно важные основания правильного и благотворного семейного воспитания.

Родительскою любовью мы не бедны, но нельзя сказать, чтобы были богаты знанием детской природы, гигиены и всего, что требуется при семейном воспитании детей. Конечно, ныне не то, что было прежде, многие элементарные знания относительно ухода за детьми распространились в обществе. Ныне уже все знают, что нельзя под детскую отводить тесненькую и темненькую комнату, самую плохую во всей квартире; что нельзя кормить ребенка столько раз на дню, сколько раз он заплачет; что притворство и ложь родителей губительно влияют на правдивость детей; что нельзя оставлять детей на произвол судьбы вплоть до поступления в школу, предоставляя им все это время заниматься где, чем и как угодно. Но подобного рода элементарных истин и положений недостаточно для правильной постановки воспитания детей во всей сложности и подробности этого дела; азбука – вещь важная и необходимая, без нее нельзя обойтись при чтении и письме, – но знание ее одной и даже умение бойко читать и писать не составляют еще образования, грамотный человек не есть образованный человек. Точно так же и знания некоторых элементарных положений по уходу за детьми еще крайне недостаточно для правильной постановки всего семейного воспитания – для этого требуется знание более обширное и глубокое.

Какие же именно знания требуются при семейном воспитании детей. Ввиду того, что дитя представляет собой весьма сложный организм, состоящий из многих различных органов, имеющих особые отправления, – и знания для правильного ухода за развитием такого организма требуются различные. Прежде всего, семья видит быстрое физическое возрастание своего нового члена и озабочивается его *физическим воспитанием*, предохранением от болезней, укреплением нервов и мускулов, развитием ловкости и внешней привлекательности. Чтобы действовать разумно в указанном отношении, чтобы сознавать основания своих действий и избегать вредных мероприятий по отношению к детям, для этого нужно знать устройство человеческого телесного организма, отправления его органов, законы и условия их развития и те практические меры и средства, употребление которых могло бы содействовать силе и энергии телесной жизни. А все подобные знания можно почерпнуть лишь из физической антропологии, то есть анатомии, физиологии и гигиены,

специально в применении к детскому возрасту. Нет сомнения, что приобретение подобных знаний не легко. Правда, на помощь являются в настоящее время различные популярные сочинения и руководства по физическому уходу за детьми с изложением главнейших данных по анатомии и физиологии человека, но при чтении их всегда возникает вопрос: а насколько можно доверять автору, не советует ли он по неведению применение какого-либо вредного средства? Дело-то слишком важное: вопрос касается здоровья, расстроить которое легко, но восстановить трудно. И нет сомнения, что многие родители становятся в тупик при физическом уходе за детьми, и рады бы они сделать все хорошее своим детям, поступать вполне гигиенично, да, к сожалению неизвестно, что гигиенично, а что антигигиенично.

Если физическая природа детей остается часто темной для родителей, то еще более темна *душевная сторона* детской жизни. Обыкновенно родители не могут обстоятельно очертить психическую физиономию своего дитяти; для них самих та маленькая личность, которую они видят каждый день, неясна, свойства ее неопределенны, недостаточно рельефны. Конечно, родители наблюдают детей, стараются отметить их врожденные, наследственные качества, определить характер и силу влияний, действовавших на них в раннем детстве, и сообразно с узванными качествами поставить дальнейшее воспитание детей. Указанный психический диагноз дитяти совершается с различной степенью точности и определительности; дело будет зависеть от умения и охоты наблюдать, от количества и качества предварительных соответствующих сведений, от психического склада наблюдаемых детей. Но никогда подобный диагноз не может быть произведен с достаточной степенью совершенства путем чисто практическим. Практика может говорить только об отдельных конкретных свойствах и особенностях, но ничего о типичном, развивающемся сообразно с общим непреложным законом. Практик постоянно находится в недоумении, какое явление перед ним: нормальное, обычное или отклонение от нормы, требующее специальных забот и воздействий. Отсюда возникает целая масса педагогических промахов и ошибок.

Родители нередко приходят в отчаяние от какого-нибудь детского недостатка или в восторг от какого-либо хорошего качества ребенка, видя в этом что-то необычайное, выходящее из нормы, тогда как на самом деле качество это не имеет само по себе ничего необычайного, выходящего из пределов качеств обыкновенной детской личности. Часто дитя, обнаруживавшее в семье известные свойства, в школе вдруг почему-то является другим; школьник, бывший в школе прекрасным учеником во всех отношениях, превращается в жизни иногда в плохого во всех отношениях гражданина, а плохой школьник в образцового гражданина: родители и воспитатели, направившие питомца по известной специальности, позднее, к своему великому удивлению, замечают, что никаких способностей к избранной специальности у питомца нет, а есть способности совсем к другой деятельности. Откуда возникают все эти неожиданности и чрезвычайные перемены в развивающейся личности? От недостаточного знания детей, от плохо поставленного психологического диагноза: оставлены в детской личности без



всякого внимания весьма характерные черты, придано большое значение чертам незначительным. А вслед за таким плохим диагнозом появляются будто бы крутые перевороты в личности ребенка, возникают поздние разочарования, совершаются крупные воспитательные ошибки.

*Психологический диагноз воспитываемой личности* должен ставиться вполне серьезно. Отрасли психологической науки, с которыми родителям и воспитателям в данном случае придется иметь дело, суть психология ребенка и психология взрослого человека. Как скоро идет вопрос о выяснении душевного склада ребенка, его типичных и индивидуальных свойств, то ближайшее научное пособие заключается в психологии ребенка. Здесь каждому, занимающемуся воспитанием детей, нужно искать и общую психологическую характеристику детства, и указание главнейших детских типов, и частные факты о развитии того или другого процесса в детской душе. Разрешения всякого рода недоумений, встречаемых в воспитательной практике, нужно искать, прежде всего, в психологии ребенка.

Но как скоро кто-нибудь вступил в область детской психологии, он неизбежно должен сделать еще дальше шаг в сфере науки, именно обратиться к психологии взрослого человека. Вся психология ребенка есть не что иное, как изложение тех видоизменений, которые имеет ребенок с психической стороны по сравнению со взрослым: она сравнивает ребенка со взрослым по душе. Но для того чтобы производить такое сравнение, нужно более или менее обстоятельно знать исходный пункт сравнения – то, сравнивается, то есть общую психологию или психологию взрослого, – иначе сравнение невозможно. Сравнить одну известную вещь с другой неизвестной нельзя.

Необходимость прибегать к помощи данных физической и психической антропологии при воспитании становится особенно ясной в тех случаях, когда дело идет об исправлении недостатков воспитываемой личности. До тех пор пока в воспитываемой личности не замечено каких-либо особенно дурных склонностей в физическом и нравственном отношениях или значительной слабости сил при теоретическом усвоении впечатлений, до тех пор воспитание совершается как бы само собой, идет легко, свободно, и руководители воспитания кое-как могут обходиться эмпирическими, несистематизированными и неглубокими знаниями: любовь к ребенку и приобретенный такт могут предохранить их от очевидных и грубых педагогических промахов. Но все положение изменяется, как скоро воспитываемая личность оказывается физически, нравственно или умственно испорченной и надломленной, как скоро нужно вступить в борьбу с каким-либо более или менее серьезным психическим или физическим недостатком дитяти. Как тут быть? Вести борьбу примитивным способом, то есть подвергать ребенка наказанию за замеченное в нем дурное свойство, – и несправедливо и малоцелесообразно. Несправедливо потому, что дурные свойства детей суть результат или некоторых наследственных предрасположений, или ранних дурных влияний на ребенка. Не выдумывает же ребенок сам себе по своей доброй воле свои дурные свойства! И в том и в другом случае ребенок не виноват: за что же он будет терпеть страдания, подвергаясь наказаниям

родителей и воспитателей? По справедливости наказывать следовало бы родителей, если источник дурного качества – наследованное предрасположение, или воспитателей, если причина недостатка лежит в ранних дурных влияниях на ребенка. А на первых порах жизни ребенка воспитателями являются обыкновенно те же родители. Наказывать ребенка за дурное свойство нецелесообразно – потому что наказание не уничтожает этого дурного свойства, действуя не на источник, не на причину его, а только на обнаружение; наказание заставляет скрывать дурное свойство, так или иначе, маскировать его. У очень строгих родителей и воспитателей дети бывают, по-видимому, вышколены отлично, кажутся скромными, тихими, послушными – словом, сосудами разнообразных добродетелей; но раз снята суровая опека, устранена тяжелая рука родителя или воспитателя, дети предоставлены самим себе, и вот эти послушные, образцовые дети оказываются дикими, внутренне недисциплинированными, со множеством недостатков и всяких дурных склонностей, которые они умели искусно прятать от глаз родительских и воспитательских, страшась их гнева, их суровых наказаний.

Чтобы надлежащим образом бороться с каким-либо недостатком воспитываемой личности, для этого нужно поставить тщательный физический и психический диагноз личности, точно определить источник дурного свойства, его давность, проследить его развитие, его влияние на другие физические и психические деятельности. Заботы родителей должны быть направлены на устранение причины недостатка, а не его обнаружение; болезнь должна быть не загоняема внутрь, не скрывается, а действительно излечивается. Понятно, лечение должно быть осторожное, применительное к организму ребенка. Пытаясь суровой мерой разом вырвать корень зла, мы легко можем потрясти, надломить организм ребенка, если он слаб, или ожесточить ребенка, если последний чувствует в себе довольно сил, а дурного свойства можем и не уничтожить. Истинно педагогический метод исправления детей есть постепенное, но в то же время строго последовательное разрушение дурных привычек, ложных ассоциаций и систематическое образование правильных взглядов и правильного образа действий.

Не нужно представлять себе, что это исправляющее воспитание, требующее от родителей особенной остроты психологического анализа, сознания разумной гигиенической обстановки и тонкого такта в отношении к ребенку, чтобы оно было явлением редким в воспитательной сфере.

Родители могут думать, что для обращения с детьми, испорченными в каком-либо отношении, действительно необходимы разнообразные и серьезные знания; но их дети, благодаря Богу, неиспорченные хорошие дети, никаких особенно дурных свойств, вызывающих на упорную борьбу, за ними не замечается, а следовательно, и нет нужды беспокоиться о всех этих психологиях, физиологиях и гигиенах; достаточно материнской любви, воспитательского такта и тех знаний практических, которыми непременно располагают каждая порядочная мать и воспитательница.

Воспитание каждого ребенка непременно включает в себя два вида деятельности: *деятельность, направленную на исправление недостатков, и*

*деятельность, направленную на прямое развитие сил.* Можно снисходительно отнестись к суждению матери, что у ее ребенка нет никаких серьезных недостатков и что исправляющее воспитание почти не имеет к нему приложения. Естественное чувство любви к ребенку туманит взор матери, лишает полной беспристрастности ее суждения, не позволяет видеть недостатков ребенка, весьма заметных для других. Но лицо, занимающееся изучением природы человеческой, ее физических и душевных процессов, не может высказывать и держаться взглядов, естественных у любящей своих детей матери. Оно хорошо знает крайнее несовершенство человеческой природы на настоящей ступени ее развития, оно ясно видит, как грубый эгоизм проникает в самые святые, по-видимому, дела, как слабы общечеловеческие интересы перед личными, как презренные личные счеты, выдаваемые за дела общественной важности, не прекращаются подчас даже могилой, как слаба склонность к серьезному систематическому научному мышлению. Почти всегда каждое новое открытие в науке или искусстве встречает со стороны современного общества величайшую оппозицию – не только в лагере невежд, но и нередко даже среди ученых и выдающихся людей. Многие открытия в науке, принесшие человечеству значительную пользу, невольно вызывают удивление и вопрос: отчего такая здравая и очевидная мысль много веков тому назад не пришла в голову кому-нибудь из мыслящих людей. Детям же, еще более взрослых руководящимся непосредственными естественными побуждениями и инстинктами, легко поддающимся давлению непосредственного личного наслаждения и страдания, – детям еще в большей мере, чем взрослым, свойственны недостатки и несовершенства. А сколько задатков разнообразных болезней таится в каждом дитяти, сколько заложено в нем различных предрасположений к всевозможным заболеваниям, к расстройствам и неправильностям в отправлениях телесных органов! Прибавьте к этому совершенно неизбежные во всяком воспитании разнообразные суеверные влияния на детей от людей некультурных и культурных, но глупых, и вредные нравственно от людей нравственно шатких. При таком общем состоянии человеческой природы и положении детей в частности исправляющее воспитание составляет неизбежный и важный элемент физического и психического воспитания каждого ребенка, и отрицать его необходимость в применении к той или другой личности – значит закрывать глаза на действительность, значит, тешить себя иллюзиями и утопиями. А как скоро исправляющее воспитание есть необходимая составная часть каждого воспитания, то обстоятельный физический и психический анализ воспитываемой личности есть неизбежное дело для родителей.

Кроме указанных общих задач физического и психического развития детей и борьбы с их недостатками при семейном воспитании постоянно имеются в виду и другие задачи – более частного характера, но задачи по существу также весьма важные. Таковы *семейное чтение* и *семейные развлечения*. Чтение глубоко входит во все дело семейного психического развития дитяти, так как его влияние весьма разносторонне: оно соприкасается и будит самые различные и чувствования, и мысли, наталкивает дитя на массу

намерений, предприятий, вызывает живое и разнообразное подражание; оно есть средство отдыха, развлечения в часы досуга; оно же может прямо или содействовать, или препятствовать правильному развитию ума и чувства, снабжать память ценными знаниями, а сердце благородными побуждениями. Семейное чтение должно служить предметом серьезного внимания и обсуждения родителей.

Область детской литературы в настоящее время весьма обширна и включает в себе произведения весьма различного качества и достоинства. Кажется, не будет преувеличением сказать, что в этой области гораздо легче натолкнуться на плохое произведение, чем на хорошее; книжный рынок завален весьма неудовлетворительными детскими книжками всякого содержания. Разобраться в этой массе материала обыкновенному родителю, пристально не следящему за новинками детской литературы, очень трудно. Остается судить по заглавию, часто по рекламе, или руководиться советами известных знатоков детской литературы – приказчиков книжных магазинов. Хороших обзоров детской литературы у нас выходит немного, и они обыкновенно запаздывают, так что новые произведения детской литературы не скоро попадают на их страницы.

Развлечения детей в различные возрасты – дело, еще менее обследованное и рационально поставленное, чем детское чтение. В ответ на вопрос о детских развлечениях ссылаются обыкновенно на игрушки. Но самый вопрос о детских игрушках еще далек от систематической разработки и обстоятельного психологического и педагогического выяснения дела, а развлечения детей не исчерпываются игрушками. Развлечения в различные возрасты, зимой и летом, на свежем воздухе и в комнате, для мальчиков и девочек, для одиноких детей и целых обществ детей, развлечения с различными приборами и орудиями и без них, – какая обширная область исследования, сколько тут всевозможных вопросов, а что родители знают по этим вопросам, чем могут руководиться? В этой области почти все приходится делать с самого начала: и класть фундамент, и строить самое здание...

*Кантерев П. Ф. Трудности семейного воспитания // Воспитание и обучение. – 1892. – № 1.*

*П. Ф. Кантерев*

## **Педагогические курсы для матерей и нянь**

...Матери – естественные воспитательницы своих детей. Поэтому наши усилия, прежде всего, должны быть направлены не на устройство образцовых училищ для нянь, а на устройство педагогических курсов для матерей. <...>

Как же нужно организовать педагогические курсы для матерей? И на основании теоретических рассуждений и в виду организации училища для нянь при здешнем воспитательном доме можно утверждать, что педагогический курс для матерей должен распадаться на два отдела: на ознакомление с уходом за

грудным ребенком и на ознакомление с первоначальным воспитанием детей до семи-восьми лет, в период до школы. Эти два отдела курса для матерей довольно различны по своему содержанию и задачам. Главнейшим предметом первого отдела должен быть практический уход за здоровым ребенком в связи с теоретическим знакомством с гигиеной ребенка, его анатомией и физиологией. Значение для матери таких практических занятий по уходу за ребенком и теоретических знаний по указанным предметам слишком ясно, чтобы нужно было распространяться об этом далее. Спору может подлежать другой предмет занятий в рассматриваемом курсе – уход за больным ребенком и теоретические сведения о детских болезнях и простейших, домашних, способах их лечения. Можно указывать, что далеко не всякой матери приходится возиться с больными детьми и превращаться в сиделку у постели дитяти, – бывают же и здоровые дети. Таким счастливым матерям уход за больным ребенком и сведения о детских болезнях – лишняя, бесполезная обуза. Но таких счастливых матерей, у которых дети не хворают, очень мало, если только такие матери существуют в наш нервный век; каждой больше или меньше придется возиться с больными детьми. А как скоро матери придется ухаживать за больным ребенком, то, понятно, она должна предварительно ознакомиться с этим уходом и с самими болезнями. Некоторое знание и понимание матерями детских болезней – дело весьма важное в семейной жизни: оно избавит матерей от многих тревог и волнений, волнений по поводу пустяков, понапрасну, оно даст им возможность не допускать детских болезней, вовремя их захватывать. Конечно, и речи быть не может о превращении матери в детского врача, о том, чтобы мать сама лечила детей; дело идет только об избавлении матерей путем ознакомления их с детскими болезнями от излишних тревог и о разумной первоначальной помощи заболевшему.

Второй отдел курса для матерей сложнее первого, так как он имеет целью указать правила для воспитания, а не просто ухода, для детей большего возраста, когда жизнь и деятельность становятся разнообразнее, и за время не одного-полутора лет, а за пять лет. Этот второй отдел должен заключать в себе больше культурных и образовательных элементов, чем первый. Первый отдел имеет характер технический и медицинский, второй – культурно-образовательный. Главнейшими предметами второго отдела курса для матерей должны быть следующие: психология дитяти, отдел педагогики о семейном воспитании, детские игры, детская литература; сведения по детской гигиене и физиологии должны быть продолжены и пополнены; практические занятия с детьми – игры, рассказы, образовательные прогулки – и всесторонние наблюдения над детьми должны занимать одно из видных мест в этом курсе. <...>

Что касается курса нянь, то при обсуждении этого вопроса нужно иметь в виду то основное положение, что няня есть только помощница матери по уходу за детьми и их воспитанию и ни в коем случае не должна занимать место последней, оттеснив ее на второй план. Поэтому стремиться поставить педагогический курс для нянь столь же широко, как такой курс желательно поставить для матерей, нет достаточных оснований. Няня должна быть в со-

стоянии толково выполнять указания матери и вообще помогать ей по уходу за детьми...

*Кантерев П. Ф.* Педагогические курсы для матерей и нянь // Воспитание и обучение. – 1893. – № 1. – С. 13-17.

*П. Ф. Кантерев*

### **Задачи и основы семейного воспитания**

...Задачи и основы семейного воспитания невозможно выделить и обособить от задач и основ общепедагогических, простирающих свое действие на все воспитательные возрасты, они безраздельны, составляют одно целое. Во всех воспитательных возрастах растет и развивается один человек, а не несколько, вследствие чего все личное развитие человека есть один цельный органический процесс, в котором последующее соединяется с предыдущим не механически, просто налипая одно к другому, но внутренней живой связью, органически, незаметно, без резких перерывов и переходов, вырастая и развиваясь из предшествующего.

Было время, когда воспитательные возрасты резко отделялись один от другого, особенно на практике; было время, когда считалось совершенно неудобным и даже невозможным учить детей в период до школы, и дети не знали, что им делать, чем заняться; было время, когда самые школы также резко отделялись одна от другой и даже противопоставлялись одна другой. Теперь все пошло по-другому, все изменилось: детей начинают учить рано, задолго до школы, а воспитание начинают с колыбели, с первых лет жизни; разница между школами уменьшилась; ныне и в средних школах пишут рефераты и знакомятся отчасти с первоисточниками; ныне признаются единство и цельность всего воспитания, это один педагогический процесс. Еще Амос Коменский (XVII в.) горячо ратовал за органическую цельность всего воспитания и образования, утверждая, что самые первые начатки всех знаний и искусств должны сообщаться воспитываемому еще в материнской школе, в первые шесть лет жизни, а все дальнейшее образование последующих возрастов, вплоть до 24 года, будет только расширением плана воспитания и образования, осуществленного в материнской школе. Фридрих Фребель также энергично настаивал на единстве всего воспитания и на вреде разбивать его на самостоятельные периоды, каждый со своими особенными задачами и целями.

И действительно, какую бы сторону семейного воспитания мы ни взяли, мы сейчас же увидим, что такая же сторона есть в воспитании человека и во все позднейшие возрасты, так как человек с самого начала своего бытия живет не последовательно то одной, то другой стороной своего существа, а сразу разными, многими, сразу почти полным человеком, а не как одностороннее однокачественное в каждый данный период существо. Родители заботятся, прежде всего, о физическом уходе за дитятей, об укреплении его физических сил. Но физическое образование является необходимой составной частью воспитания и на все последующие периоды, изменяясь в средствах, но не в цели

– развития и укрепления органов тела и физических сил. Точно то же нужно сказать про умственное, нравственное, эстетическое, религиозное и всякое другое воспитание и образование: они неизбежно начнутся в семье и будут продолжаться во всех тех школах, которые будет проходить учащийся. Если мы возьмем воспитание и образование на самой высшей, последней их ступени, мы не найдем в них ничего такого, ни одной стороны, ни одного искусства, ни одного знания, первые начатки которых не были бы заложены еще в материнской школе, то есть в период семейного воспитания.

Итак, задачи и основы семейного воспитания общи с педагогическими задачами и основами всех воспитательных возрастов. Определять их и доказывать правильность определения их здесь не место, но можно их перечислить, принимая их как нечто данное: 1) воспитание самостоятельной личности, вытекающее из всестороннего и, по возможности, гармонического развития ее телесных и духовных сил; 2) развитие личности как члена общественного целого, среди товарищей, при помощи детских кружков, обществ, землячеств и т. п.; 3) развитие воспитываемой личности лицом к лицу с природой и при помощи природы (внешней); 4) воспитание личности в сознании ее связи с всемирным бытием и его первоисточником.

Таковы задачи и основы всего воспитания человека, сохраняющие сполна свое значение для всех воспитательных возрастов. Но средства воспитания бывают различны для различных возрастов, потому что каждый из последних имеет свои особенности. Общие задачи и основы воспитания, преломляясь в своеобразных свойствах возрастов, представляются как будто особенными, различными; в сущности они одни и те же, но получают некоторую долю самостоятельности вследствие применения их к различным по своим свойствам возрастам. Если правы Коменский и Фребель, настаивавшие на целостности и единстве всего педагогического процесса по его существу, то до известной степени прав и Руссо, защищавший относительную самостоятельность воспитательных возрастов, утверждавший, что каждый из них имеет особую законченность и целостность и в физическом и в отношениях, свое особое лицо, так что можно дать картину каждого возраста. Иное дело воспитание младенца, а иное – юноши; воспитание существа, еще замкнутого в самом себе, мало интересующегося другими существами, – одно дело, а воспитание существа, ясно чувствующего себя членом людского общества, – другое дело. Цели, в конце концов, одни и те же, но средства разные.

Особенно в данном случае нужно помнить о разнице семейного и школьного воспитания: нередко семейное воспитание... превращается в копию школьного, в простой подготовительный период к нему, что совершенно искажает семейное воспитание, лишает его самостоятельности и существенно вредит правильному и всестороннему развитию личности. Это так же неправильно, как и превращение школьного образования в копию семейного, отрицание всяких своеобразных педагогических свойств школы. Крайности нужно устранять, воспитание есть цельные органический процесс по единству задач, целей, основ, но оно разнообразно по разнообразию средств и условиям обстановки. Желательно единство в разнообразии, а не голое единство.

С этой точки зрения нужно различать не только главнейшие периоды в развитии человека, но и отдельные ступени, значительные перемены в пределах одного и того же периода. В семейном воспитании, в частности, следует отметить такие эпохи: 1) период кормления грудью, когда физическое развитие преобладает над психическим, вследствие чего и все воспитание получает вид ухода за ребенком, забот о правильном ходе по преимуществу физиологических процессов; 2) период до овладения речью (до 3-4 лет), когда преобладают восприятия и память, когда дитя жадно, как губка воду, впитывает в себя впечатления, запоминает вещи и их имена, когда закладывается основная ткань всего его дальнейшего развития; 3) период до 7-8 лет – время страстного увлечения играми, сначала одиночными, а потом совместными с товарищами и подругами, играми общественными, время, когда Дитя любит покидать родной дом и сад и заглядывает в мир вне их, наблюдает улицу, поле, чужих людей, а особенно товарищей; 4) период школьного учения, когда к семейным влияниям прибавляется школьное, школьного товарищества, школьного начальства, школьных занятий и всей организации школы. Это школьное влияние с каждым годом становится все сильнее и сильнее, Все больше и больше захватывает школьника, отвлекая его от семьи, высвобождая его от семейных влияний. Между семейным и Школьным влиянием часто бывают нелады, споры, соперничество, что очень вредно для целостности развития воспитываемого, а потому нужно серьезно заботиться об устранении и сглаживании столкновений между семьей и школой. <...>

## II

### Искусственность семейного воспитания и ее виды

...Духовное воспитание у различных народов и в различное время носило постоянно следы искусственности. Одна из главнейших добродетелей, к которой испокон века родители приучают детей, есть послушание. Что такое послушание? Это есть подчинение своей воли чужой, другой воле, какому-нибудь стороннему авторитету. Послушание по своему существу есть состояние неприятное, потому что каждое живое существо стремится осуществлять в своих действиях свою волю, свои желания. Что за интерес в своих действиях исполнять чужие веления и указания? Каждый действует, как хочет. Лишение свободы, обязанность жить по чужой воле и терпеть наказания за всякое проявление своей личности, своих желаний составляет условия вполне несчастного положения, хотя бы вся материальная обстановка и была прекрасна. Подчинение чужой воле тем более неудобно, что чужая воля может быть доброй, твердой и последовательной, но может быть и злой, слабой, изменчивой. Какую же добродетель может представлять подчинение воле с качествами последнего рода? А подчинение чужой воле с хорошими свойствами, во всяком случае, предполагает лишение свободы и удовольствия поступать по собственному желанию. Руководство детьми, родительский авторитет, конечно, необходим, но именно в той мере, в какой дети неопытны, не знают окружающего их мира, а потому не могут поступать разумно. За этими пределами подчинение детей руководству и авторитету взрослых не имеет достаточных оснований; между тем взрослые постоянно переходят



указанную границу, требуя от детей того, что едва ли детям нужно, и что трудно оправдать вполне разумными основаниями.

Религиозное воспитание детей – дело весьма важное; но правильно ли оно поставлено на практике? Этот вопрос далек от разрешения для многих членов нашего общества. Когда взрослые, выражающие свое религиозное чувство в известных молитвах и песнопениях, богослужениях, религиозных беседах, приучают детей только к этим внешним формам благочестия, не заботясь о сообщении доступных детям религиозных понятий и, особенно, не затрагивая религиозного чувства детей, тогда дети, в громадном большинстве случаев, во внешних обнаружениях религиозности понимают очень мало, затверживают лишь слова, усваивают внешние знаки, но не знают, что ими выражается, не понимают внутреннего смысла, скрывающегося за видимой оболочкой. Конечно, приучение детей к одним внешним формам благочестия дело более легкое, чем просвещение их сердца и ума светом истинного религиозного учения применительно к их возрасту, но серьезность этой стороны воспитания требует серьезных усилий и от воспитателей, иначе все религиозное воспитание будет насильственным, какой-то непонятной, навязанной обрядовой формалистикой.

<...> Подчиняя детей своему авторитету, лишая их удовольствия поступать по своей воле, родители нередко обнаруживают свой авторитет очень односторонне, усердно и настойчиво культивируя свойства одного рода и почти пренебрегая другими. Есть, например, родители-гигиенисты. Для них самое главное и существенное в семейном воспитании – уход за физической стороной детей, забота об обильном и хорошем питании, свежем воздухе в детской и ее проветривании, о прогулках детей, о предохранении их от болезней, а если заболели, то о тщательном и продолжительном лечении и т. п. Есть родители-интеллектуалисты, которые спят и видят, как бы пораньше, поскорее научить дитя иностранным языкам, шутя и забавляя сообщить ему основные сведения по истории, географии, выучить его читать, писать, считать и тому подобному, а на развитие других свойств обращают мало внимания. Есть родители эстеты, религиозные, практики, поклонники сильной воли и твердого характера и всякие иные, которые действуют так же: одну группу детских свойств усиленно развивают, а о других не заботятся...

Даже такие совершенно естественные и вполне необходимые проявления детской природы, как игры, взрослые стараются превратить иногда в нечто искусственное. Они выдумывают для детей игрушки, стараясь создать что-нибудь очень замысловатое и умное. В физике делается какое-либо открытие, и сейчас же находится друг и благодетель детей, который остроумнейшим образом приспособляет научное открытие к детской игре и одаривает детей новой игрушкой, чрезвычайно замысловатой и поучительной. А многим просто не нравится свободная, ничем не стесняемая детская игра, они находят ее слишком пустой и бессодержательной, а потому стараются ее систематизировать, придать ей глубокий смысл и значение. Простое дело превращается таким путем в хитрое, запутанное и искусственное.

Указанные черты искусственной постановки семейного воспитания совершенно очевидны, убедиться в наличии их нетрудно. Но есть еще другие признаки искусственности современного семейного воспитания, более серьезные и глубокие, а потому и более вредные. Этот второй ряд признаков неправильности первоначального воспитания сводится к тому, что современное воспитание приносит в жертву настоящее будущему, в воспитываемых видит, собственно, не детей и юношей, а будущих взрослых людей, деятелей в различных сферах. Воспитание понимается не как развитие того, что есть, то есть детей, отроков, юношей, а как подготовка к тому, что будет, то есть подготовка взрослых людей. По-видимому, то и другое понимание воспитания почти одинаковы, близко сходны, но на самом деле они существенно различны, и второе понимание неизбежно влечет за собой искусственную постановку воспитания. <...>

Семейное воспитание есть показатель культурности общества. Его нельзя, как школу, поднять сравнительно в короткое время усилиями нескольких десятков энергичных лиц, нельзя нарядить по посланцу в каждую семью для преобразования воспитания в ней. Для преобразования и поднятия семейного воспитания нужно сплотить семьи, пропитать их известными идеями и стремлениями, образовать из них одно объединенное культурное целое. В культурном обществе будут культурные семьи, а в культурных семьях – хорошее культурное семейное воспитание. Поэтому общество должно плакаться на себя, если в среде его плохое семейное воспитание. Дайте обществу крупные серьезные интересы, одушевите его высокими благородными идеалами, и вы увидите, как будет исчезать эгоистичность семейного воспитания, его узость, а на место их появятся широта и глубокая культурность. Но тьма убежит только перед светом.

Семейное воспитание может избежать узкой эгоистичности, но оставаться в весьма значительной мере субъективным, то есть зависящим во всей своей постановке от руководящих воспитанием лиц, их личных свойств, пристрастий, вкусов, склонностей, степени общего развития и педагогической подготовки. Дело в том, что руководят семейным воспитанием обыкновенно мать и отец, дети находятся в полном их распоряжении и никуда скрыться от них не могут и противиться им не могут. А родители не только могут быть сами односторонними и дать своим детям одностороннее воспитание, но, избегая односторонности, они никогда не в состоянии перемениться по существу, стать другими лицами, с другими свойствами. Поэтому они поймут своих детей и будут их воспитывать сообразно со своими личными понятиями и взглядами, будут прививать им те свойства, которые им нравятся, которые ими высоко ценятся, а так как в семье других воспитателей нет, то и восполнить недостаточность родительского воспитания, исправить его некому. Между тем семейное воспитание будет длиться многие годы. Прибавьте еще к этому обычные недостатки общего образования родителей и их слабую педагогическую подготовку к делу воспитания, и сообразите, что же это будет за воспитание, которое они дадут своим детям. Родители будут воспитывать своих детей или по своему образу и подобию, или по какому-либо другому, но

у подобного воспитания очень часто будет недоставать научной обоснованности, твердой разумности, систематичности и последовательности; будут в таком воспитании полный субъективизм и произвол. В последующем поколении просто-напросто будет или воспроизводиться предшествующее поколение со всеми его слабостями и недостатками, или же все воспитание будет направлено в духе излюбленного родителями, но не проверенного научно начала. “Мне так хочется”, “я признаю это очень важным”, “никогда я не пущу своего сына или дочь по такой дороге” – вот что постоянно слышится в таких воспитательных системах. А все это очень субъективно и не научно...

Ввиду таких весьма серьезных недочетов семейного воспитания, притом весьма трудно устранимых, естественно возникает вопрос о замене семейного воспитания общественным, о социализации семейного воспитания.

Семейное воспитание находится в тесной связи с положением и характером устройства семейного быта. В настоящее время семья переживает кризис, она сознает тяжелые недостатки современного своего строя, но как нужно построиться заново, в каком виде, в какой форме, этого она еще не знает. Отрицательная сторона ясна, положительная в тумане. Всем понятно, что семья в настоящее время находится в переходном состоянии: браки становятся более и более поздними. Прежние ранние браки исчезли совсем, даже в крестьянстве они заключаются значительно позднее, чем в прежнее время, а в образованных кругах, где дети получают весьма продолжительное образование и не скоро устраиваются в жизни, браки совсем запаздывают. Самая форма брака, связывающая людей на всю жизнь, признается многими стеснительной и устарелой, считается более правильной и желательной такая форма брачного союза, которая, в случае нужды, допускала бы более легкий и быстрый разрыв, чем ныне. Положение членов семьи в современной семье значительно изменилось по сравнению с временами даже недавно прошедшими: нынешний глава семьи далеко не прежний домовладыка и патриарх, его власть значительно ограничена, если не законом, то обычаем и нравами; нынешние Дети чувствуют за собой не только обязанности, как дети прежних семейств, но и права, которые при случае смело и предъявляют родителям. Ныне нередко идет речь о “господах”-детях, им все должно служить в доме, они – центр всей семейной жизни. Родители отодвигаются на второй план. Очень во многом изменилось положение матери в семье: получая ныне образование не только элементарное, но среднее и высшее, современная образованная женщина нередко стремится вон из семьи. Она не желает посвящать все свое время и силы семье, она хочет заниматься общественной деятельностью, пределы семьи, только семейная деятельность ей кажутся слишком узкими. Я человек, говорит она, и хочу жить вполне по-человечески, передо мной должны быть раскрыты все двери.

...> Не только недостатки семейного воспитания, кризис семьи перемена в положении женщины возбуждают вопрос о социализации семейного воспитания; он ставится самой жизнью, некоторыми условиями современной культуры и под их давлением уже разрешается. Современная культура, нередко очень жестокая, лишает возможности многих родителей исполнять обязанности воспитания и тем разрушает семейное воспитание. Многие дети остаются

беспризорными, так как бросаются своими родителями, и чтобы спасти им жизнь и дать им какое-либо воспитание, государство и земство вынуждены подбирать подкидышей и устраивать для них воспитательные дома. Забота о брошенных детях далеко не новая. Многие родители детей не бросают, но оставляют их без воспитания и даже необходимо элементарного о них попечения. Таковы фабричные, ежедневно работающие на фабриках и заводах. И отец и мать покидают своих детей, оставляя их на время фабричной работы попечениям отдаленных родственников или чужих, а нередко и без всякого попечения. Для детей фабричных давно уже устраиваются обществом ясли и приюты. Земледельческий класс, крестьянство, в летнюю страдную пору находится в том же положении, как и рабочий класс, отправляясь на целый день на работы в поля и луга, нередко находящиеся от деревни на довольно далеком расстоянии. По селам также устраиваются ясли и приюты для охраны и ухода за оставленными крестьянами на волю Божию детьми. В достаточных классах многие родители могли бы воспитывать своих детей, но не умеют, а потому охотно отдают их в детские сады и другие общественные учреждения. Родители достаточных классов, умеющие и желающие воспитывать своих детей, все же признают желательной помощь общественных организаций при семейном воспитании, чтобы дети могли пользоваться товариществом, а мать имела несколько свободных часов в день. Такие родители заводят семейные союзы, семейные детские сады и семейные школы по воспитанию детей, потому что сами дети и при хорошем воспитании в семье рвутся к товарищам, остро чувствуют нужду в более широком обществе, чем общество братьев и сестер.

Таким образом, жизненная нужда уже в значительной степени социализировала семейное воспитание и на помощь ему создала следующие общественные учреждения: воспитательные дома, ясли, детские сады, детские приюты, семейные союзы и детские сады, семейные школы, не говоря уже о чтении для детей – детской журналистике, детской литературе, курсах для подготовки нянь, матерей и т. п. Чем культурнее страна, тем многочисленнее и разнообразнее такие общественные организации. Вопрос теперь не о том, можно или нельзя социализировать семейное воспитание, социализация семейного воспитания, просачиваясь в семью со всех сторон, все больше и больше завладевает семейным воспитанием, а о том, нужно ли стремиться ко всецелой замене семейного воспитания общественным, или же устройством общественных заведений следует только помогать семейному воспитанию, считая его самого по его сущности многоценным и незаменимым.

Семейное воспитание имеет два незаменимые свойства на своей стороне: *индивидуализацию воспитания и широкое развитие чувства*. <...> В серьезной заботе о развитии индивидуальности путем Применения разнообразных педагогических мер, сообразно с личными особенностями воспитываемых, и заключается главнейшее незаменимое преимущество семейного воспитания перед общественным. Без семьи и семейного воспитания детям пришлось бы плохо, их нежная индивидуальность стиралась бы общими, рассчитанными на среднего воспитываемого порядками, а вместе с тем своеобразного и

оригинального в человечестве было бы меньше. Семья – питомник индивидуальности.

Другое весьма ценное и незаменимое никакими общественными учреждениями свойство семейного воспитания есть широкое развитие чувства в воспитываемом. Общественное учреждение для воспитания детей может быть организовано прекрасно, на строго научных началах; работающие в нем взрослые могут отлично выполнять свои обязанности, быть людьми широко образованными, чуждыми пристрастий, совершенно справедливыми, любящими и хорошо подготовленными к тому делу, которому они посвящают все свои силы. Но и в таком прекрасном учреждении на детей будет веять холодком, их сердце не будет согрето любовью, их никто не поцелует так горячо и любовно, никто не заглянет им в глаза с такой нежностью и лаской, с какой глядит на свое дитя мать в семье, с какой любовью она целует... Мать любит свое дитя, может быть, некрасивое, больное, бесталанное, и никто его, вероятно, не полюбит, кроме его матери. А между тем материнская любовь проникает в сердце дитяти, раскрывает его и сеет в нем семена любви к родителям, братьям и сестрам, ко всем людям, оно создает основу для позднейших гуманных и широких благожелательных настроений человека. <...> Семейному воспитанию свойственны такие существенно важные черты, которые отсутствуют в общественных воспитательных учреждениях, а потому и замена семейного воспитания общественным, полная социализация семейного воспитания и невозможна, и нежелательна. Общественные воспитательные учреждения могут и должны помогать семье и семейному воспитанию, но не могут заменить его; у семейного воспитания есть основы для выработки своей педагогической системы, есть незаменимые преимущества, потерю которых не может вознаградить никакое, самое усовершенствованное, общественное воспитание. Что же касается недостатков семейного воспитания, то они могут быть значительно смягчены серьезной разработкой вопросов семейного воспитания... Семейное воспитание можно до известной степени назвать новооткрытой областью научной педагогики.

#### IV

##### Организация семейного воспитания

Признавая семейное воспитание, по существу, незаменимым общественными учреждениями, а лишь находящим помощь в последних, педагог должен выяснить себе условия благоприятной обстановки (среды) семейного воспитания, чтобы в семье правильно раскрывались и укреплялись все ценные свойства детской природы.

В первые месяцы жизни у дитяти преобладает физическая сторона, оно много спит, быстро растет, душа его пробуждается лишь мало-помалу. Поэтому и в воспитании на первых порах особенно важен *физический уход за дитятей*. Его постановка ныне в достаточной мере разработана и следует, по возможности, тщательно выполнять имеющиеся указания по этой стороне воспитания. Самое важное в нем: правильное питание, чистота воздуха и одежды, свобода движений.

Естественная кормилица младенца, никем и ничем не заменимая, это родная мать, если она в достаточной мере здорова...

Второе условие, почти столь же важное для правильного развития дитяти, – это *чистота и свежесть воздуха*, которым дышит ребенок, а вместе – чистота тела младенца, его детской, всей обстановки. Богатая, но грязная среда, окружающая младенца, самый выдающийся признак малокультурности, образовательного убожества вообще и педагогического в частности. Пыль на мебели, грязные пеленки, спертый непроветренный воздух – великий вред для младенца, источник болезней и детского бессилия. Воздух – вторая пища младенца, стоящая наряду с материнским молоком, а потому он и все вокруг дитяти должно быть чисто.

Третье существенное условие правильного физического роста дитяти – *обилие и свобода движений*. Все живое любит движения и развивается только посредством них. Поэтому ничто не должно препятствовать свободным движениям младенца, ни свивальники, ни узкие одежды, ни какие-либо другие мероприятия вроде постоянного ношения младенцев на руках. Самое лучшее – оставлять младенца лежать и барахтаться на вольной свободе в одной рубашонке.

Результатом выполнения указанных трех условий благоприятной обстановки младенца, в соединении с правильным порядком его жизни вообще, то есть с правильным, в определенные часы, кормлением, с прогулками по комнатам и на свежем воздухе, достаточным сном и притом вовремя, будет жизнерадостное, веселое настроение младенца, его спокойный характер, его интерес к окружающим предметам, его довольство. Душа его будет раскрываться, как почка в благоприятную весну. Дитя, так воспитываемое, будет мало докучать взрослым. Вместе с тем уже в младенце будет закладываться фундамент будущего ровного, спокойного и деятельного человека.

В первый же год жизни проявляются у нас довольно разнообразные чувствования и начинается нравственное воспитание. Малого младенца невозможно учить самообладанию прямо, но косвенно можно. Этот косвенный путь к самообладанию заключается в возможно быстром успокоении младенца в случаях раздражения отвлечением его внимания с предмета данного чувства на другое. Дитя расплакалось, впало в сильный гнев, испугалось – средство к его успокоению одно и то же во всех подобных случаях: показать ему новый интересный предмет, пропеть или сыграть что-либо на рояли, поднести к окну, посадить на мягкую вещь и т. п. Нужно дать ему новые впечатления, новые толчки его нервной системе, которые приковали бы к себе внимание дитяти и заставили забыть предмет огорчения или гнева. А успокоение дитяти необходимо: длительные сильные грустные чувствования, и даже веселые, вредны, держат дитя в очень напряженном состоянии, истощая нервную систему. Ровное светлое настроение, без сильных размахов в сторону печали и радости – самое полезное и для телесного, и для духовного здоровья дитяти. Постоянные противодействия сильным аффектам дитяти, старание вернуть его к обычному ровному настроению, удовольствие взрослых при виде, что

налетевшая на дитя буря миновала, дадут соответственный осадок в сознании дитяти, укрепят его в мысли о неудобствах сильно и долго гневаться, долго плакать, неистово радоваться; такая практика помаленьку разъяснит дитяти, что оно, дитя, гораздо милее взрослым, когда оно весело и довольно, чем когда сердится или плачет. Такое сознание есть побудитель к сдержке, к самообладанию, – ведь дети так дорожат одобрением и любовью матери и всех близких, а развитие самообладания есть одна из самых важных задач нравственного воспитания.

Таким образом, родители незаметно вступят на путь нравственного развития своего дитяти, который и будет проходить дальше одновременно и совместно с физическим воспитанием. На этом Продолжительном и тернистом пути правильного развития дитяти одно из самых важных средств – *отсутствие дурных примеров*. Нет сомнения, что более влиятельное поучение есть поучение не Словом, а делом. Слова часто отскакивают от детей, как от стены горох, а действие заражает невольно. Все действия заразительны, вплоть до самоубийства и его способа, поэтому самое действенное Воспитание всегда было и есть действием, примером. Педагог-теоретик и поклонник полной разумности во всем ходе педагогического процесса останется недоволен таким влиянием примера, Такой серьезностью роли подражания в воспитании, он потребует если не всецелого искоренения, то возможно сильного уменьшения подражательности и расширения сферы разума и его органа – слова. Но педагог-практик и реалист не может внять подобным требованиям, потому что подражательность – необходимый и видный деятель в детской природе, его не только что искоренить нельзя, но и ограничить сколько-нибудь существенно очень трудно. Притом постоянное выдвигание на первый план сознательности и требование разумности в действиях непосильно детям, есть выражение неуважения к данному состоянию дитяти, стремление, во что бы то ни стало привить ему свойства позднейших возрастов. А такое воспитание вполне искусственно и вредно, о полной несостоятельности такого воспитания у нас уже была речь (см. гл. II). Требование сознательности и разумности в действиях, опережающих возраст, грозит опасностью воспитания сухих, отчаянных резонеров, маленьких старичков, которые ухитрились состариться, не будучи детьми. Лучше позволить природе развиваться по ее законам, не торопя ее, не предписывая ей ускоренного движения по нашим желанием. Разумность, целесообразность, нравственная красота действий, конечно, в высокой степени желательны всюду, а также и у детей, но достигать этой цели нужно путями именно разумными, требуя разумности и целесообразности от тех, которые ее могут и должны дать, а не от тех, кто ею не владеет, то есть разумности и целесообразности действий нужно требовать от окружающих дитя взрослых, а не от дитяти. Разумность и целесообразность действий дитяти на первых порах может быть только отраженной, то есть заимствованной от взрослых, подражательной.

На основании изложенных соображений следует заключить, что основы первоначального нравственного воспитания ребенка суть *отсутствие дурных примеров в окружающей среде и обилие хороших образцов для подражания во*

*всех отношениях.* Одинаково важна и положительная, и отрицательная сторона, и отсутствие дурных примеров, и наличие хороших образцов. Здесь мы встречаемся с практической трудностью – требованием от родителей и всех окружающих дитя взрослых, чтобы они не только не были бы дурны, но, наоборот, были бы нравственно хороши. А так как нравственная чистота и красота встречаются реже, чем противоположные свойства, то от многих взрослых, во имя правильного воспитания детей, придется требовать перевоспитания, борьбы со своими недостатками и дурными привычками, работы над собственным усовершенствованием. Взрослым же переучиваться и перевоспитываться трудно, многие откажутся. Как же быть с воспитанием детей? Придется их или воспитывать в неподходящей педагогической среде семьи, словами учить одному – хорошему, а поступками другому – худому, или же отдать на воспитание в какое-нибудь общественное учреждение, в котором действуют люди, не представляющие образцов противоречия между словами и делами. Таким образом, трудность надлежащего нравственного воспитания в семье влечет нередко признание на практике необходимости социализации семейного воспитания.

С возрастом все больше и больше будет сказываться у дитяти запрос на умственно-эстетические впечатления. Прежде всего, здесь важны обилие и разнообразие впечатлений, впечатлений естественных и не особенно сильных, не пугающих, для правильного развития всех органов чувств. Последние имеют определенные локализованные центры в головном мозгу, но эти центры при рождении дитяти бывают еще недостаточно развитыми. Они развиваются под влиянием возбуждений извне и ассоциационной деятельности друг с другом, развиваются довольно медленно. Обилие и разнообразие впечатлений, доступность всех окружающих предметов дитяти, возможность все внимательно рассмотреть, потрогать, всем постучать, взять в рот – существенные условия развития органов внешних чувств. Поэтому в детской не должно быть предметов, которых нельзя было бы трогать, близко разглядывать и т. п. Возникает вопрос, где детям лучше расти и развиваться – в деревне или городе? Непосредственное обращение детей с землей, с водой, с растениями, с животными есть существенная потребность детства и вместе существенное условие правильного развития дитяти.

Ребенок, родившийся и выросший в большом городе, не есть естественное существо, это есть искусственное, по крайней мере, на половину, создание. Представьте, что дитя родилось на пятом этаже, в том же этаже растет. Оно нисходит на землю только изредка и, нисходя, никогда не увидит настоящей земли, а улицы и площади, замощенные камнем, торцом, асфальтом, плитные каменные тротуары, массу каменных ящиков вместо деревьев, лугов, полей. Первый человек, который его постоянно встречает и провожает, а потому очень прочно отпечатлевается в его памяти, есть домовый швейцар или дворник и ряд соседних швейцаров и дворников, стоящих у подъездов или в воротах домов. Ни восхода, ни заката солнца дитя не видит, а нередко ему не хватает и просто света. Оно живет между небом и землей, в пятом этаже, слыша непрерывный городской гул, и может считаться столько же гражданином неба,



сколько и земли, но собственно дитя не знает ни неба, ни земли, а висит в воздухе, нисходя иногда на землю. Оно растет среди искусственной обстановки, окружено суррогатами: вместо луговых цветов и лесов – горшок с цветами на окне, вместо вольных животных – домовые мыши и кошки, вместо сияния солнца – косые редкие лучи, падающие в окна, вместо природного приволья и шири – узкие каменные улицы и такие же площади... А между тем каждое дитя есть песчинка той громадной среды, которая называется вселенной и с которой человек волей-неволей живет душа в душу. Законы мировой жизни вполне тяготеют над человеком и неизменно определяют все его развитие.

Поэтому правильное, чуждое искусственности, первоначальное воспитание человека может совершаться только *при непосредственном общении с природой*.

Дети должны рано и на долгое время окунуться в природу, впитать в себя ее впечатления, пережить те мысли и чувствования, которые она возбуждает в каждой живой душе. Детям непременно самим нужно мерзнуть зимой, играть в снежки, кататься в санках, попадать руками в снег, ясно понимать, как мороз щиплет щеки и уши; им нужно насладиться прелестями лета, собирать грибы и ягоды, купаться, изнывать от жары, прятаться от нее в тени леса, мокнуть под дождем, шлепать по грязи, им нужно пережить все свойства времен года, их приятные и неприятные стороны, самим видеть все сельские работы на поле, на лугу, на току, на мельнице, деревенские праздники, деревенскую жизнь, столь близкую к природе, так тесно к ней примыкающую; детям самим нужно видеть восход и закат солнца, звезды, луну, словом, нужно сжиться с природой в ее разнообразных явлениях, самим наблюдать и объяснять природу. Только при этом условии правильно разовьются внешние чувства дитяти, ум напитается здоровыми, соответствующими возрасту впечатлениями, а сердце переживет простейшие человеческие радости и печали. Было бы крайне печально, если бы дитя начало знакомиться с природой в парках и зоологических садах.

<...> Конечно, при настоящем положении культуры и общественной жизни масса детей обречена расти и развиваться в городской обстановке. Поэтому необходимо придти на помощь городским детям и хотя бы в слабой степени заменить для них жизнь в природе летними прогулками, экскурсиями, дачами, городскими парками и зоологическими садами, комнатными аквариумами, террариумами и т. п.

Если в городах бывает большой недостаток по части впечатлений природы, то города, зато располагают многими искусственными средствами воспитания, особенно по части эстетического развития. У городских детей обыкновенно бывает много игрушек, картинок и книг с картинками, они занимаются и лепкой, и рисованием, и пением, и музыкой, к их услугам разные музеи, выставки, детские театры и т. п., словом, масса пособий и развлечений, которых бывают лишены дети сел и деревень. У городских детей есть много наглядных восприятий, но совершенно своеобразных, восприятий сложных технических предметов, машин и разных предметов культурной обстановки... У городских детей быстрее развивается речь, чем у деревенских детей, но городские дети более деревенских склонны к пустой болтовне, к бессодер-

жательной игре словами, к вербализму. Да и вообще педагогическая ценность всех городских преимуществ – музеев, театров и всяких развлечений будет зависеть от того, насколько дети, пользуясь ими, проявят собственную деятельность, будут активными существами. Если все поименованные орудия эстетического воспитания превратятся в простые средства доставления детям удовольствий, дети для получения и при получении удовольствий сами ничего делать не будут, все им будет сделано и доставлено, тогда педагогическая ценность городской культуры для умственно-эстетического развития детей будет невелика, она будет тогда орудием удовольствия, но не орудием развития; если же все поименованные средства теми или другими сторонами будут пробуждать детскую самостоятельность, то, служа развлечением детей, они будут также служить и их умственно-эстетическому образованию и развитию.

Человек, составляя в органическом отношении самостоятельное и обособленное целое, проявляет и развивает свои органически-индивидуальные свойства лишь в связи с *обществом и внешней природой* – двумя великими средами, в которых он живет. Поэтому правильное, вполне естественное воспитание человека, чуждое искусственности, возможно только в связи с жизнью внешней природы и деятельностью общества.

Правильное воспитание непременно должно быть общественным воспитанием. Дитя должно расти и развиваться среди сверстников. Одиночкой растущий ребенок, то есть ребенок, вырастающий среди взрослых без товарищей, несчастный ребенок, это рыба, вытасченная из воды и помещенная в другую жидкость, может быть, и очень возбуждающую, но не свойственную данному организму. Непрерывное исключительное общение дитяти со старшими возрастами вредно для него. Старшие возрасты имеют свои особенные интересы, несвойственные детству, мысли и чувства взрослых во многом неясны детям. Взрослые обыкновенно и не умеют обращаться с детьми: то слишком много и часто поучают их, запрещают, не дают шагу свободно ступить, то слишком много ласкают и целуют, чрезмерно нежат и балуют, то залавливают их массой разнообразных впечатлений, то слишком суживают детский горизонт. Взрослый в обращении с дитятей, по необходимости, постоянно приспосабливается, старается быть понятым, всегда разумным, знающим, добродетельным. Только в обществе равных взрослых людей он чувствует себя совершенно свободно. Дитя в обществе взрослого также чувствует себя не вполне хорошо, постоянно усиливаясь понять взрослого, подняться до него; оно вынуждено, в свою очередь, взбираться на ходули и на них ходить, чтобы быть на одном уровне с взрослым. Дитяти вполне хорошо и свободно только с детьми. Взрослый с детьми искусственно принижается и вынужден постоянно быть настороже; дитя с взрослыми искусственно вытягивается и напрягается в пони-Мании ему неясного. Оставим каждого его естественному обществу: взрослого – взрослым, дитя – детям, иначе мы рискуем внести много ложного в жизнь взрослого и дитяти. Дети учатся друг у друга совершенно незаметно весьма многому и в умственном и в нравственном отношениях, и это детское взаимное обучение не может быть заменено

никакими, даже самыми мудрыми, уроками взрослых... Пусть дети сами играют, по возможности сами учатся, сами себе помогают, сами устраиваются, как знают, конечно, при необходимой помощи и общем руководстве взрослых. Мы так мало умеем действовать сообща, вести совместно дела, так мало развиты в нас инстинкты общественной деятельности, мы так легко расходимся, бросаем при первой затрудняющей нас случайности общее дело, что в своих детях должны позаботиться о развитии и укреплении противоположного качества. Славянская рознь – дело известное; неуменье помочь себе, постоять за себя, вести общепольное предприятие – также наш известный недостаток. Будем же с самого начала воспитывать общественность в детях, развивать и укреплять способность самопомощи как личной, так и общественной. <...>

Не следует отождествлять общественные интересы с чисто нравственными. Общественные интересы могут быть разного достоинства: они могут быть и нравственными, так как нравственные заповеди суть санкция известных общественных отношений; они могут быть безразличными для нравственной области, касаясь предметов науки, искусства, торговли и разных других сторон человеческой жизни; они могут противоречить нравственности, как скоро имеют предметом благоденствие сословия или партии на счет других сословий и партий. В настоящем случае общественность важна для нас во всех перечисленных видах как дающая возможность развивать личную инициативу, личную выдержку в связи с интересами других и совместно с их деятельностью.

Как скоро речь идет об общественности в широком смысле слова, то сейчас же припоминается известное изречение Аристотеля, что человек есть общественное животное. По силе этого изречения хлопотать особенно о развитии в человеке общественности нет нужды, так как последняя заключена в самой природе человека, составляет одно из существенных ее свойств. Не нужно только препятствовать обнаружению этого врожденного свойства, а развиваться оно будет само. Такова природа человека.

Мы не можем согласиться с изложенным мнением. Природа человека гораздо более эгоистична, чем общественна, общественные начала человеческой природы очень слабы сравнительно с эгоистичными. У человека по природе есть масса потребностей, которые он может удовлетворять только при помощи других людей, вместе с ними. Но эти потребности еще не создают широкой общественности, и при них человек долгое время <склонен> к уединенной, обособленной жизни...

Если наблюдать детей, то можно заметить, что первые годы живут довольно замкнуто и в обществе не нуждаются. Они любят, чтобы кто-нибудь был около них, принимал участие в их играх и забавах; но чтобы это было такое же дитя, как они сами, в этом нет нужды. Товарищей в игре им не нужно, им нужно лишь, чтобы кто-нибудь их развлекал и занимал. Потребность в обществе сверстников появляется позже, лет в 5-6; тогда дети прямо наслаждаются товариществом. Но и это наслаждение строго эгоистическое: дитя любит товарищество ради тех игр, которые затеваются сообща, ради

удовольствий, извлекаемых из общей игры, но не ради самих товарищей. Оно спокойно с ними расстается, легко меняет одних на других, школьных сотоварищей на простых знакомых, и никаких особенных страданий от этого не испытывает. Очевидно, что товарищество есть средство получения некоторого удовольствия, но самые товарищи имеют еще мало значения.

Между тем для развития общественности необходимо, чтобы дети ценили не только удовольствие, извлекаемое из товарищества, но и самих товарищей, входили в их положение, интересовались их горем и радостью. К достижению такой цели и должно быть направлено, между прочим, воспитание.

Первое условие для развития общественности в детях состоит в том, чтобы дитя, почувствовав потребность в обществе сверстников, постоянно имело возможность пользоваться им. Дитя, растущее среди взрослых и редко пользующееся обществом детей, лишено весьма существенного условия для правильного развития. Стремление к обществу товарищей имеет у детей, как выше было отмечено, эгоистический характер, но оно важно тем, что вводит дитя в общество, втягивает помаленьку в интересы других, научает действовать сообща. Первоначальный беспредельный детский эгоизм несколько ослабляется от столкновения с такими же эгоизмами, умеряется, в сознание дитяти закрадывается мысль, что не все и не всё на свете должно служить его удовольствию, что есть многие другие существа, имеющие те же притязания и те же права, что и оно.

Чтобы из товарищества дитя извлекло всю возможную пользу для развития общественности, для этого оно должно располагать *полной свободой в выборе друзей и приятелей*, ближайших участников игр. Очень часто родители, по своим высшим и непонятным для детей соображениям, а не в интересах своих сыновей и дочерей, навязывают им товарищей, побуждают дружить с тем-то и тем-то, между тем как к указываемым личностям дитя влечения не имеет; с другой стороны, детские симпатии направляются на такого-то товарища, а родители стараются расстроить начинающуюся дружбу, считая избранное лицо неподходящим к их сыну или дочери. Таким образом, при самом начале развития общественного чувства в сознание дитяти закрадывается фальшь, дитя испытывает принуждение, и вся область общественных отношений представляется ему чем-то скучным и нежелательным. Лучше уж оставаться одному, чем играть и проводить время в обществе такого товарища, который не нравится.

Если товарищ избран свободно и по сердцу, то обыкновенно приятели предпринимают сообща многое: вместе занимаются или только помогают друг другу, вместе гуляют, играют, собираются что-либо устроить и т. п. В этих детских делах детям не только не нужно препятствовать, но, напротив, помогать, поощрять их строго выполнять данные обещания, совместные работы. В таких совместных работах заключается начало настоящей общественной деятельности, так как они предпринимаются и выполняются свободно, по собственному почину. Каждый участник в работе старается примениться к товарищу, работать с ним дружно, так, чтобы общее дело было результатом равной, по возможности, деятельности обоих...

## VI

### Расширение детской индивидуальности

<...>

#### Виды детских недостатков и средства борьбы с ними

При обсуждении вопроса о детских недостатках необходимо, прежде всего, иметь в виду, что детские недостатки бывают весьма различны по своей природе и происхождению, что этим словом обозначаются явления неодинаковые.

К числу детских недостатков некоторые... относят *свойства детства*, которые недостатками можно называть только с большой осторожностью, так как они суть необходимые качества всех детей и с детством проходят, исчезают. Быть дитятей и не иметь этих свойств невозможно, это не недостатки детства, а свойства детского возраста. Таковы наклонность к плачу, крику, смеху, наклонность рвать и разрушать, непоседливость, нетерпеливость, необдуманность, поверхностность, механичность, болтливость, боязливость, эгоистичность, неблагодарность. Поименованные качества суть недостатки детей с точки зрения взрослого и по сравнению с взрослым, но в строгом смысле слова их недостатками называть нельзя. Они суть неизбежные свойства детства, все дети имеют их. Предпринимать особенные меры против этих неприятных свойств нет никакой нужды, против них самое лучшее лекарство – правильное общее развитие дитяти. С возрастом эти свойства исчезают. Недостатками поименованные свойства могут быть признаваемы лишь тогда, когда они из детского возраста переходят в другие, не исчезают тогда, когда при правильном общем развитии дитяти они должны исчезнуть. Их существование в позднейшие возрасты будет служить непререкаемым свидетельством допущенных промахов в постановке общего воспитания личности.

Другой обширный класс детских свойств также называется недостатками, впрочем, с большим правом, чем первый. Это такие свойства, которые суть *результаты природы дитяти*, унаследованной им организацией. Эти свойства так же безраздельны с отдельной личностью, как первые безраздельны с возрастом детства. По сравнению со свойствами детей, богато одаренных или даже просто вполне нормальных, такие свойства суть недостатки. Они суть результат несовершенства, недочетов в организации личности; таковы тугой слух, тупость осязания, обоняния, вкуса, слишком сильная возбудимость внешними впечатлениями, слабость памяти, слабоумие, сильная и ранняя склонность к жестокости, общая вялость и неподвижность, наклонность к обжорству, нервность, очень медленное и трудное физическое и психическое развитие. Все эти недостатки имеют свое основание в несовершенстве какого-либо органа – нервной системы, зрения, слуха и других внешних чувств, пищеварительной системы, мускульной. Это недостатки, но никогда не нужно забывать, что это суть унаследованные недостатки, что они составляют природу личности, что они свойства данной личности. Конечно, перечисленные качества непохвальны, против них нужно бороться, но при этом соблюдать большую осторожность. Нельзя ставить эти недостатки в вину человеку,

получившему их по наследству от родителей и предков, нужно относиться к ним снисходительно, терпеливо. Третиловать за них дитя, унижать в глазах товарищей было бы не только не гуманно, но и крайне несправедливо. Нельзя забывать и того, что борьба с недостатками этой категории не может обещать скорой победы. Эти недостатки суть свойства данной личности, закрепленные в ней, может быть, вековой наследственностью. Такие свойства искореняются с трудом, даже ослабляются нелегко. Скорая победа здесь невозможна. Прочное, твердое изменение личности в пределах жизни одного лица маловероятно; чтобы изменять природу, нужно действовать на целый ряд поколений, подвергая каждое действию однородных педагогических и вообще жизненных влияний.

Кроме рассмотренных двух категорий детских недостатков есть еще две категории, которые с большим правом могут носить титул детских недостатков. Эти последние можно различать тем, что в происхождении одних недостатков больше принимают участие взрослые, окружающие детей, и меньшее – сами дети, а в происхождении других, наоборот, большее участие принимают дети и меньшее – взрослые. Первая из этих двух последних категорий включает такие *недостатки, которые прививаются детям взрослыми*, их попустительством, внушением, молчаливым согласием, а иногда и явным одобрением. В этих недостатках сами дети виноваты сравнительно мало, они только пользуются тем, что дают взрослые, что они им внушают, что поощряют. Таковы склонность к лакомству, тщеславие своим костюмом, богатством, красотой, положением родителей, склонность к непрерывной смене удовольствий, требование постоянно новых игрушек, книжек, развлечений, склонность к неискренности, внушаемая родителями в видах соблюдения правил общежития и благовоспитанности, высокомерное отношение к прислуге, настойчивое желание командовать родителями и всеми взрослыми родственниками в доме. Едва ли можно сомневаться, что перечисленные недостатки внушаются детям, а не создаются самими детьми.

Четвертый и последний класс детских недостатков суть *недостатки детей* в более строгом смысле этого слова. Их создают сами дети, потому что они оказываются им выгодными и удобными. Таковы детская ложь, воровство, разные хитрые уловки в сношениях с взрослыми для выполнения своего желания, насилие над товарищами в видах получения какой-либо заманчивой вещи, отлынивание от обязательной работы и занятий, притворные детские болезни. Взрослые нередко участвуют в происхождении и этих недостатков своим попустительством, дурным примером, подаваемым детям, разными косвенными внушениями. <...>

Ознакомившись с различными видами детских недостатков, обратимся к выяснению способов борьбы с ними.

Самое первое и элементарное, что могут сделать родители и воспитатели в отношении детских недостатков, – это самим не прививать детям недостатков, не внушать их, не потворствовать им, не допускать их пассивным, молчаливым согласием с ними, отсутствием протеста. Мы уже указывали такие детские недостатки, в возникновении которых повинны сами родители и

воспитатели, указывали и на то, что первое условие нравственно благоприятной обстановки семейного воспитания есть нравственная чистота и благородство самих родителей и воспитателей и, в случае надобности, перевоспитание родителями самих себя, чтобы своими недостатками не заражать детей. Сказанное приходится повторить еще раз с присовокуплением, что пассивное отношение к детским недостаткам не может быть терпимо, что попустительство детского недостатка есть косвенная форма его привития. <...>

Есть детские недостатки, которые не столько прививаются взрослыми, сколько создаются самими детьми, – ложь, воровство, разные хитрые уловки в отношениях к взрослым, насилия над товарищами и т. п. Но в возникновении и этих недостатков взрослые небезвинны. Дело в том, что дитя не будет без причины ни лгать, ни красть. Если же оно делает это, то, очевидно, желает страдания. Другими словами, оно испытывает какое-либо Лишение, боится чего-либо и для восполнения недостатка прибегнет к воровству, или лжи, или насилию, или хитрости. Очевидно, обстановка, в которой живет дитя, не совсем благоприятна, а эта обстановка зависит от взрослых. Нужно, чтобы дитя чувствовало себя довольным и жизнерадостным, чтобы оно не было лишено удовольствий, чтобы оно имело все необходимое для своего всестороннего развития. Будучи так обставлено, оно не будет иметь нужды ни в хитростях, ни во лжи, ни в воровстве, ни в насилиях. Если же оно, несмотря на благоприятную обстановку, будет подпадать указанным недостаткам, то обязанность родителей так поставить дело воспитания, чтобы недостатки не достигали цели, чтобы и хитрости, и ложь, и воровство, и насилия оказывались бесполезными, приводя лишь в конфуз дитя.

Конечно, придется тщательно и неуклонно следить за детьми, видеть их насквозь, читать по их лицу и действиям, как по открытой книге; но без труда в воспитании, труда непрерывного и часто мелочного, ничто не дается. А сделать бесполезными недостатки и зазорными деяния не особенно трудно: украденное так или иначе нужно отбирать и возвращать, на хитрости не поддаваться, лжецу не оказывать доверия в не совсем правдоподобных заявлениях, любителю насилия предоставить подвергнуться насилию же от обиженных им, которые, хотя поодиночке, может быть, и слабее его, но, соединившись вместе, могут оказать достойное сопротивление обидчику. Жизнь в товариществе скоро отучит от склонности к насильничеству. Конечно, эти отдельные меры должны сопровождаться тщательными заботами об общем улучшении положения дитяти и деятельности всего его психофизического организма.

Гораздо сложнее и труднее оказывается положение воспитателей в том случае, когда им придется иметь дело с недостатками, составляющими унаследованные свойства дитяти, например, со слабой памятью или необузданной фантазией, боязливостью, большой раздражительностью и вместе быстрой утомляемостью и т. п. Дело в том, что такие недостатки и недочеты воспитываемой личности суть только ее естественные свойства, а потому к ним, как бы они ни были сами по себе нежелательны и досадны, нужно относиться терпеливо, спокойно, без всякого гнева и раздражения, но они часто составляют лишь обратную сторону, изнанку, Хороших свойств,

например, гневливость и властолюбие – неправильное выражение силы и энергии, нерешительность и боязливость – осмотрительность при сложном положении, необычайная раздражительность – тонкая чувствительность, большая односторонность – глубокая сосредоточенность ума на одном ряде Мыслей и т. п. Борясь с недостатком, нужно постоянно опасаться, вместе с водой не выплеснуть из ванны, по немецкой поговорке и ребенка. <...>

Когда недостаток есть неправильное выражение силы, энергии, или чрезмерное ее выражение, или очень слабое, тогда задача воспитателя будет заключаться в организации правильных упражнений данной силы. Оставлять без упражнений энергию нельзя, каждая накапливающаяся энергия требует выхода, деятельности, иначе она будет толкать организм на порывистую, чрезвычайную трату, или от неупражнения будет замирать, гибнуть. Правильные же упражнения силы, расходуя ее, тем самым будут предупреждать бурные ее проявления, вводить в надлежащие границы... Недеятельность, сила без применения – это один из величайших врагов педагога, обильный источник многообразных недостатков и всякого рода неправильностей в жизни воспитываемой личности. Кто сумеет овладеть силами воспитываемого и дать его энергии достойный выход, указать надлежащие упражнения, тот на правильном пути к удачному разрешению многих трудностей в воспитании. Что такое гневливость, злость? Неправильно направленная энергия. Дайте ей надлежащий выход, и она превратится в полезную работу.

Когда приходится вести борьбу с недостатком, который составляет наследственное свойство личности, тогда самое лучшее орудие в борьбе есть такое изменение окружающей обстановки, чтобы нежелательное свойство дитяти не возбуждалось, не приходило в деятельность, совсем не затрагивалось, чтобы оно оказывалось ненужным, лишним... Если же такое длительное невозбуждение свойства, по обстоятельствам, оказывается невозможным, то все усилия нужно направить на ослабление обнаружения свойства, энергии его выражения... Дитя в это время необходимо развлекать другими впечатлениями, по силе превосходящими обыкновенные, нужно позаботиться об удалении предмета, возбуждавшего деятельность нежелательного свойства, нужно показать дитяти неудобства и для него и для других его настроения и поступка. <...>

## VI

### Привитие детям новых свойств • Их виды и способы действия

...Новые свойства, прививаемые личности, могут быть двух родов: культурные и естественные. Первые прививаются легче, вторые – труднее.

*Культурные свойства*, прививаемые личности, бывают весьма различны: чистоплотность в ее разнообразных разветвлениях, гигиеничность во всей жизненной обстановке и во всем поведении, твердо установленный порядок в работе и отдыхе, способность работать много и находить в работе удовольствие, умение самому улаживать за собой и по возможности редко обращаться к помощи других, любовь к известным наукам и искусствам, умение держать себя всегда с достоинством, обращаться в обществе, навык к внимательному обдумыванию дела в случае важных решений, способность к сдержке, развитое самоуправление, самоанализ и десятки других



разнообразных навыков, расположений, привычек, не существовавших в воспитываемой личности, но прививаемых культурной средой и усилиями воспитателей.

При привитии культурных новых свойств воспитываемой личности нужно поступать так же, как поступают при создании и укреплении привычек, именно начинать привитие свойств возможно ранее, еще в период малосознательного состояния, так, чтобы прививаемое свойство крепко, почти безраздельно срослось с воспитываемой личностью. Таковы, например, свойства чистоплотности, гигиеничности во всей жизни, твердый порядок дня, безусловная правдивость. Если же свойства, сообразно с их характером, придется прививать позже, когда уже в воспитываемом действуют собственный разум и воля, тогда нужно, прежде всего, озаботиться созданием достаточно сильного побуждения к усвоению желаемого свойства. Если нет побуждения, нет причины приобретать какое-либо свойство, то, как же его привить к самосознающей и самоуправляющейся личности? А выбор побуждений – дело важное, простым насилием или словесным внушением не побудишь усвоить желаемое свойство. Побуждение должно быть достаточно сильно и достаточно разумно, быть сообразовано с другими свойствами воспитываемой личности и с характером самого свойства, словом, это серьезная педагогическая задача, которую можно благополучно разрешить, только серьезно обдумав все дело. Оттого при привитии новых свойств многие родители и педагоги терпят неудачу с самого начала – они оказываются не в состоянии найти достаточно сильное и разумное побуждение, а потому и не могут сдвинуться с места. Говорят, говорят и много говорят, а толку никакого.

Как скоро найден надежный мотив к усвоению желаемого свойства, то и нужно неуклонно поступать в духе признанного побуждения. Его же непременно держаться и во всех других подобных случаях, иначе не сложится твердой ассоциации между побуждением и поступком, поступок будет прицепляться то к одному, то к другому побуждению, и новое свойство никогда не образуется. Начатая система действий должна продолжаться без уклонений, тогда только можно рассчитывать на успех.

Прививаемые *естественные свойства* это такие, которые должны бы быть у каждого воспитываемого по природе, но которых на самом деле у воспитываемого не оказалось по каким-то причинам. Это те случаи, весьма многочисленные, когда педагог имеет дело с недостаточными экземплярами человеческого рода, с людьми, у которых по природе есть изъяны, недочеты. К таким изъянам следует относить тупость восприятий при раздражениях органов внешних чувств, слабость памяти, преобладание механических ассоциаций в мышлении, неспособность к отвлеченному мышлению, крайнюю тугость в усвоении каких-либо групп наук и искусств (математических, филологических, музыки, лепки), безволие, легкомыслие, бесхарактерность, тупость общественных инстинктов, эстетического и нравственных чувствований и т. д. Оставить воспитываемого с такими изъянами педагог не может, следовательно, он должен природные недочеты пополнить, природу поправить, должен явиться творцом, дающим воспитываемому то, чего у него нет... Дело идет не о

творчестве из ничего, а о развитии и укреплении слабых способностей и задатков. Поскольку человек душевно здоров, постольку у него есть все способности, присущие человеку. Правда, некоторые способности у него могут быть слабы, но они не отсутствуют совсем. Слабая память, слабый характер, неумение мыслить отвлеченно обозначают только слабость названных душевных процессов, а не отсутствие их. Людей абсолютно беспамятливых, с полным отсутствием характера, решительно ни о чем и даже на самое короткое время не могущих мыслить отвлеченно, в действительности не бывает, а если и бывает, то это люди, страдающие какой-либо душевной болезнью. Так, встречаются дети с полным отсутствием нравственного чувства, дети, находящиеся в состоянии нравственной невменяемости, нравственного помешательства; но такие дети подлежат ведению не педагога, а психиатра, педагог имеет дело лишь с детьми душевно здоровыми, хотя бы у них и были различные недостатки. Следовательно, педагогу не ставится задача сотворить что-либо совершенно новое, привить воспитываемому такое свойство, для которого нет и задатков, каких-либо, хотя бы самых слабых, основ; от педагога требуется только умение развить и укрепить слабое свойство рядом систематических, вполне целесообразных и строго последовательных упражнений, довести слабое свойство до возможной степени силы и совершенства. <...>

Во всяком случае, родители и воспитатели должны принимать меры к развитию и укреплению слабых способностей детей, потому что факт такого развития в пределах личности и в меру личных свойств не подлежит никакому сомнению. Можно указать в настоящее время четыре главные условия каждой слабой способности: 1) физическое укрепление и развитие личности, так как у нас душевное неразрывно связано с телесным и физическая энергия – благоприятная почва для духовного развития; 2) в частности особенные заботы о развитии движений, потому что движения освежают весь организм, сообщают силу не только телу, но и духу; 3) зрело обдуманная и строго проводимая постепенность той душевной способности, которую нужно усиливать; 4) собственная забота и работа воспитываемого над своим усовершенствованием. Об этом последнем условии мы считаем нелишним сказать несколько слов.

Каждый рождающийся человек есть конец одной длинной истории и начало новой. Каждый младенец есть результат деятельности родителей, жизни предков, жизни и деятельности нации и всего человечества, насколько оно представляет собой связанное целое. Но при этом каждый подчинен своей особой наследственности, в каждом живут его родители, близкие и отдаленные предки, каждый отличен от других, оригинален. Два брата, две сестры никогда не будут одинаковыми, потому что у них несколько различная наследственность. Их можно положить в одну кроватку, одеть в одинаковые платья, поставить в одинаковые условия жизни и развития, но нельзя сделать их одинаковыми... Природное различие детей влечет неодинаковость реакций детей на впечатления, реакции каждого ребенка своеобразны. Каждый родившийся есть творец новой жизни, и его творчество новой жизни начинается с момента рождения, с оригинальности его реакций на впечатления, которая постепенно

будет выясняться. В этом заключается исходный пункт всего семейного воспитания. Поэтому нужно постоянно заботиться о том, чтобы дитя побольше делало само. <...>

Наконец, можно указать еще два средства относительно расширения детской индивидуальности.

1. Чем разнообразнее будут *влияния*, действующие на дитя, чем больше различных личностей с разнообразными свойствами отразится в сознании дитяти, тем острее будет его самосознание, тем легче и естественнее расширится детская индивидуальность. Пробелы и недостатки личного *Я* отчетливо обнаружатся невольным сопоставлением себя с другими *Я* и неодолимо захочется не “отстать от других, владеть тем же, что есть у других. Поэтому посещение детьми детских садов, где собирается много товарищей, и мальчиков и девочек, представляется важным средством расширения детской индивидуальности. С этой точки зрения приобретает высокую ценность и вообще совместное воспитание и образование детей различного пола: различные человеческие типы невольно будут пополнять один другой, мальчики будут сообщать девочкам больше смелости и инициативы, а девочки мальчикам – больше сдержки и мягкости, что и ныне отмечается в совместных школах.

Поэтому подавление дитяти нашим авторитетом, ослабление его самостоятельности нашими непрерывными указаниями и излишней помощью следует признать одним из самых больших педагогических грехов, какие только могут сделать родители и воспитатели по отношению к детям, или воспитываемым. <...>

2. *Внушение*. Дети легко поддаются внушениям... Внушение может вызвать в детях продолжительное подражание, при достигнутые результаты все более приспособляются к воспринятому ими или представленному образцу, чем и характеризуется учение, упражнение. Внушить можно ощущение, представление, чувства и поступки, импульс, веру, доверие к самому себе, способности, препятствия, сомнения, слабость и неспособность. <...>

Совместное воспитание детей обоего пола и внушение, если его сила не окажется преувеличенной, в будущем послужат могучими орудиями для расширения детской индивидуальности.

Таким образом, исследование вопроса о расширении детской индивидуальности воспитанием и вместе о сущности и основах всего семейного и школьного воспитания и образования приводит к следующим выводам:

1. Каждый воспитываемый, каждый человек есть индивидуальность, то есть нечто своеобразное и оригинальное, а каждая индивидуальность, по самой своей сущности, ограничена и в громадном большинстве случаев несовершенна, недостаточна.

2. Противоположность фактической индивидуальности людей составляет идеальная человечность, то есть собрание всех ценных свойств человеческой природы, где бы они ни встречались.

3. Весь процесс воспитания и образования есть преобразование ограниченной и недостаточной индивидуальности в идеальную человечность.

4. Естественная индивидуальность не может превратиться сполна в идеальную человечность, а может лишь постепенно приближаться к ней, расширяясь сначала в идеальную личность, то есть может впитывать в себя человечность в большей или меньшей мере применительно к своим свойствам и в их пределах и, следовательно, постоянно сохранять при своем расширении индивидуальные основы.

5. Преобразование естественной индивидуальности в идеальную личность совершается тремя путями: а) развитием ценных положительных свойств индивидуальности, особенно ее самостоятельности; б) усилением слабых свойств индивидуальности и борьбой с ее недостатками и в) привитием ей новых свойств, культурных и естественных.

6. Переход от естественной индивидуальности к идеальной личности, и от идеальной личности к идеальной человечности не есть потеря или уменьшение индивидуального начала в человеке, а только усовершенствование и расширение его. Вобрав в себя все человеческое, сделавшись как бы безличным и неиндивидуальным всечеловеком, воспитываемый на самом деле все же останется индивидуальностью, хотя и очень широкой и многогранной, потому что всечеловеческое содержание в нем будет объединено одним известным определенным образом, индивиду, а другие, столь же широкие и многогранные, индивидуальности будут объединять всечеловеческое содержание по-своему, то есть множеством других форм и способов. Чтобы быть выше индивидуальности, нужно ее разрушить, то есть перестать быть человеком, превратиться в сверхчеловека.

*Кантерев П. Ф. Задачи и основы семейного воспитания // Энциклопедия семейного воспитания и обучения. – Вып. 1.– СПб., 1913.-С. 123.*

*П. Ф. Кантерев*

## **О нравственном закаливании**

Не нужно быть пессимистом, чтобы признать, что в жизни есть много тяжелого и печального, что жизнь нередко представляется не веселым времяпровождением, а делом подчас суровым и трудным. Есть, конечно, счастливицы, которым никогда не приходила в голову мысль о самоубийстве, которые никогда не взвешивали доводов за и против существования, которые от головы до пят проникнуты радостным трепетом жизни, но среди мыслящих людей таких лиц не особенно много. На большинство жизнь накладывает свою тяжелую руку, невольно возбуждая вопрос: стоит ли существовать?

Особенно трудна бывает жизнь в странах с малым развитием общественной самостоятельности. Здесь личность часто стоит одиноко со своими мыслями, планами и стремлениями, не находя сочувствия и поддержки,

как скоро эти планы и стремления превышают обыденные помыслы толпы, уклоняются от обычных, грубо эгоистических целей и стремлений. В таком случае личность, живущая среди миллионов личностей, будет чувствовать себя одинокой, изображать Робинзона на необитаемом острове; волна общественности не вынесет ее, а прокатится мимо.

При таких условиях существования необходимо бороться против изнеженности во всех видах, в частности против изнеживающего воспитания. В обстановку детей нужно ввести простоту и даже суровость, нужно рассчитывать в жизни не только на розы, но и на тернии, нужно быть готовым к жизненной борьбе и ее жестоким подчас условиям. Все это возбуждает вопрос о нравственном закаливании детей при воспитании.

## I

Понятие о закаливании в физическом смысле уже давно пущено в оборот. Нельзя сказать, чтобы это понятие было точно определено и устойчиво; но одно несомненно, что закалывать детей в физическом отношении пытались и пытаются многие, находя закалывание решительно необходимым элементом правильно поставленного физического воспитания. О нравственном закаливании не говорят, а между тем побуждений к нему не только не меньше, но, вероятно, больше, чем к физическому.

Выясним кратко сначала идею закалывания вообще, а потом рассмотрим, что такое нравственное закалывание и каково его отношение к нравственному воспитанию.

Закалывание при воспитании есть некоторый дополнительный плюс к воспитанию вообще. Можно быть человеком в достаточной мере воспитанным, не подвергшись действию системы закалывания. Такой человек будет вполне пригоден к деятельности, но только при некоторых благоприятных условиях. Как скоро условия деятельности изменятся в неблагоприятную сторону, подобный человек затруднится в своей деятельности, ослабеет, будет не в состоянии бороться с препятствиями и окажется не в силах совершить требуемую работу. Для избежания этого нужно человека закалить, т. е. воспитать его в такой простоте и даже некоторой суровости обстановки, чтобы изменение условий в неблагоприятном смысле не могло оказать на него подавляющего действия, не обессиливало, чтобы человек не только сохранял силы к борьбе, но и от борьбы с препятствиями увеличивал бы их. К такой цели должна стремиться система закалывания как физического, так и нравственного.

Нравственное закалывание также есть некоторый плюс по отношению к духовному воспитанию. Под нравственным закалыванием нужно понимать не закалывание в тесном нравственном смысле, только в области нравственных чувствований, но закалывание в широком смысле душевной деятельности вообще. Под ним нужно разуметь развитие значительной душевной энергии и стойкости при самых неблагоприятных обстоятельствах, способность отказать от разных, более или менее значительных, удовольствий для достижения поставленной цели. Те побуждения, которыми человек определяется к отказу от своих удовольствий, могут быть нравственными и безнравственными; но при обсуждении вопроса о закаливании важно именно

умение подтянуть себя в нужном случае, не распускаться духовно, а по каким побуждениям это может делаться – вопрос другой. Воспитанным духовно человек может быть и без закаливания, но за отсутствием последнего он будет дрябл, слаб и не выдержит неблагоприятного оборота фортуны.

Духовное закаливание находится в тесной связи с физическим. Человек духовно закаленный есть человек энергичный, стойкий, способный к продолжительному и высокому напряжению всех своих духовных сил. А как напрягать свои духовные силы, когда физические слабы, когда физическое напряжение невозможно и человек в состоянии действовать только в благоприятной физической обстановке, при некотором комфорте? Поэтому мы предполагаем, что нравственное закаливание будет совершаться параллельно с физическим или будет прямо опираться на него.

Система нравственного закаливания слагается из двух сторон: страдательной и деятельной. Рассмотрим ту и другую в отдельности.

## II

*Страдательная сторона нравственного закаливания* заключается в ознакомлении дитяти с неприятными чувствованиями и даже страданиями. Беспомощность дитяти в первые годы жизни, его полное неведение всякого рода опасностей вынуждают родителей выработать и строго проводить охранительную систему по отношению к дитяти, иначе оно погибнет. Дитя от всего оберегают, обо всем предупреждают, блюдут за каждым его шагом, за каждым движением. Такая система, в сущности, необходима, без нее обойтись нельзя, но она может быть доводима и часто доводится до чрезмерности, переходит всякие разумные границы. Нередко взрослые ставят такую задачу в своих отношениях к детям: предохранить дитя от всяких неудовольствий и огорчений, от всяких неприятных болезненных ощущений. Всякое терние из детской жизни такие родители хотят вынуть, чтобы дитя не укололось, а оставляют лишь одно мягкое да нежное. Это ошибка. Дитя должно испытать элементарные неприятные чувствования: голод, жажду, холод, укол, ушиб, ожог, сырость, физическое утомление, неприятный вкус, противный запах, разные болезненные ощущения и многие другие неприятные чувствования, возникающие при разных недочетах в гигиенической обстановке и случайностях жизни. Рассмотрим обстоятельнее и ближе, какое значение в развитии всего существа дитяти может иметь непосредственное переживание им различных неприятностей и каким пробелом и даже вредом в развитии детской личности отразится полное незнание с этой стороной жизни.

Каждый орган для своего полного развития требует всесторонних возбуждений различной силы. Для развития глаза необходимы упражнения не только при обычном умеренном освещении, но и при слабом, не совсем достаточном, и при сильном, превосходящем обычное. Мускул не окрепнет надлежащим образом, если мы начнем бросать упражнение при первом признаке усталости, нужно привыкать работать и при утомлении, нужно научиться выдержать усталость. Можно ли полагаться на такой желудок, которой никогда не имел дела с неудобоваримой пищей, которому работа постоянно была облегчаема искусной кухней, который в силах переносить даже

в легкой степени то состояние, которое называется голодом? Чувство осязания не может развиваться надлежащим образом, если осязательный орган соприкасается лишь с мягкими, гладкими, не имеющими острых углов, закругленными и теплыми предметами; человек должен знать и шероховатое, и острое, и холодное, и сырое, иначе его осязательная функция будет односторонней и недостаточной. То же самое нужно сказать о каждом внутреннем или внешнем органе тела: он может виться надлежащим образом, т. е. в полную меру своей силы, лишь при условии разносторонних возбуждений всех степеней напряжения: слабых, умеренных и сильных. Исключение возбуждений одной какой-либо категории повлечет большую или меньшую незаконность в строении органа и отразится неполнотой и односторонностью в его развитии и деятельности.

Значение непосредственного знакомства с элементарными неприятными чувствованиями для духовного развития не менее велико и важно. Неприятные чувствования – это очень видная и шикарная область жизненных явлений. Если бы кто-нибудь оказывался несведущим в этой области по своим личным непосредственным опытам, то он не знал бы настоящей жизни, на целую половину жизни была бы заброшена тогда пелена, которая скрыла бы от его глаз массу важных фактов. Умственный пробел бы тогда велик и незаменим, тогда буквально его знание ни было бы лишь полужнанием. Кто же захочет оставить своих а или дочь при таких знаниях о жизни? А верно, полно, всесторонне представлять жизнь несравненно важнее, чем знать какой-либо отдельный учебный предмет, о чем так много хлопочут родители и школа.

*Знакомство с простейшими неприятными состояниями важно еще для развития симпатических чувствований.* Как можно пробудить окую и искреннюю жалость к страдающим в таком человеке, который о страданиях знает только понаслышке, а сам никогда настоящему не страдал? Говорить о состоянии голодающих веку с постоянно туго набитым желудком – значит бросать в стену горох: он отскочит от стены, а изображение голода – от сытого чрева. Сытый голодного не разумеет. Сытый может дать денег голодному, но если он сам никогда не голодал, то сочувствовать голодному по-настоящему не может. Человек, жизнь которого была преисполнена радостями и удовольствиями, к которому близко не подпускали ни одно темное облачко, такой человек весьма мало расположен сочувствовать горю других: оно ему незнакомо и непонятно, он представляет его крайне туманно, в расплывающихся неопределенных очертаниях, так что подобный образ не производит почти никакого действия на его сердце, не заставляет его сильнее сжиматься и биться. А развитие в каждой личности достаточно напряженных симпатических чувствований – дело такой громадной важности, что серьезным родителям и воспитателям совершенно необходимо принять для этого все нужные меры.

Одна из таких мер заключается в том, чтобы ни одно дитя не устранялось насильственно и искусственно от переживания неприятных состояний элементарного характера. Эти неприятные состояния по естественному порядку входят в состав жизненных явлений, и нужно очень много хлопот, трудов и

усилий, чтобы устранять их из детской жизни. Некоторые же неприятные состояния, возбуждаемые естественными органическими процессами, и неустранимы, таковы разные болезненные состояния. Вообще направлять свои силы и тратить свою энергию на то, чтобы никакой ветерок не пахнул на любимое дитя, чтобы все было ему “делано и подано точь-в-точь вовремя, минута в минуту, чтобы оно никогда ничего не ждало, никогда не голодало и т. п.,— неблагоприятно и даже вредно во всех отношениях для правильного развития дитяти.

Что же делать, скажут нежные родители. Неужели не нужно заботиться о том, чтобы дитя было вовремя напоено, накормлено, чтобы оно было сухо и чисто, неужели его нарочно нужно заставлять страдать от холода, жажды, утомления и пр.? Нет, дело не в этом и совсем не так страшно даже для нежных родителей.

Необходимость приучать детей терпеливо и мужественно переносить разного рода лишения и вместе неприятные чувствования, а равно физически закалить их ввиду разных превратностей судьбы была осознана давно. Чем суровее были условия народной жизни, чем скуднее всякие средства существования, тем отчетливее представлялась нужда в закаливании детей против всяких лишений и страданий. С этой целью у некоторых диких племен была выработана особая система упражнений в перенесении разных видов телесной боли.

Само собой разумеется, что о какой-либо подобной системе закалывания в настоящее время не может быть и речи, так как в Ней нет никакой нужды.

В жизни каждого дитяти, обставленного очень хорошо и пользующегося результатами современной гигиены, непременно немало встретится случаев и обстоятельств, возбуждающих неприятные чувствования. Как ни заботься о дитяти, но все же ему что-нибудь не будет сделано вовремя, придется ждать, пища может быть приготовлена не совсем хорошо и почему-либо в недостаточном количестве, на далекой прогулке дитяти придется порядком устать, оно захворает какой-либо детской болезнью и т.п. По всем этим многочисленным поводам и обстоятельствам не нужно приходить в отчаяние о бедственном положении дитяти, сердиться на прислугу, расстраивать прогулку, сокрушаться, что бедное дитя ждет, голодно, устало, страдает. Неприятные чувствования – необходимый составной элемент жизни, и на таких повседневных случаях нужно учить дитя переживать страдание, переносить неприятность. О дитяти постоянно нужно заботиться, предохранять его от излишних и бесполезных страданий и огорчений, давать сполна переживать веселую радостную жизнь, свойственную детскому возрасту; но как скоро в жизни дитяти встречаются неизбежные неприятности, обусловливаемые, с одной стороны, несовершенствами строя общественной и семейной жизни, недостатком средств и т. п., а с другой – болезненными органическими про-весами, то не нужно их пугаться, охать и ахать и стараться, во что бы то ни стало эти неприятности устранить и предупредить. Совсем предупредить и устранить их нельзя, а между тем знание по своему непосредственному опыту различного рода приятных элементарных чувствований – существенное



условие правильного всестороннего развития дитяти. Это знание будет началом изучения науки жизни, науки чрезвычайно важной.

Вообще вся обстановка дитяти должна отличаться простотой: кровать дитяти, мебель, детская комната, белье и платье – все должно быть чуждо изысканности, роскоши, изнеженности. Роскошь и изысканность обстановки не содействуют, а препятствуют правильному развитию дитяти. В детской, чем меньше будет предков, тем лучше; у дитяти должно быть только необходимое.

Личные отношения родителей и воспитателей к детям также могут строиться на стремлении всячески избегать причинения кого-либо неудовольствия детям. Конечно, нечего говорить о том, что к детям всегда нужно относиться справедливо, терпеливо и снисходительно; но это не значит, чтобы в отношении к дитяти нужно поставить задачей избежание всякими правдами и неправдами возбуждения неудовольствий. Может быть, много таких случаев в детской жизни, когда именно любя детей, в интересах их будущего благоденствия необходимо нисколько не стесняться причинения им неудовольствия, когда последнее будет полезным возбудителем. Детская природа далека от совершенства, сведения и опыт детей очень ограничены, дети очень эгоистичны. Сочетание подобных свойств неизбежно породит множество сих детских поступков, которые во взрослом вызовут значительные неудовольствие. Скрывать это неудовольствие от детей, бояться огорчить их резким словом и замечанием решительно нет достаточных оснований. Нехорошее действие есть нехорошее действие, и к нему соответственно нужно относиться, притом совершенно прямо и открыто; что детям будет неприятно резкое слово и замечание – в этом никакой беды нет. Пусть переживут неприятность, она способна научить их многому полезному и хорошему.

Такие отношения к детям и такая обстановка ознакомят детей к элементарными неудовольствиями и страданиями, более или менее неизбежными в детской жизни, сообщат им некоторое знание о неприятной стороне их по преимуществу радостной и веселой жизни. Но мирок детских горестей собственно невелик, хотя детское горе и может быть очень напряженным. Около детского печального мирка волнуется бесконечный океан горестей и печалей взрослых, время от времени врываясь и сливаясь с детским морем неудовольствий. Жизнь детей идет среди жизни взрослых, а потому неизбежно в большей или меньшей степени горе взрослых будет врываться в детскую душу и затоплять ее. В каком отношении дети должны находиться к горю взрослых, к темной стороне человеческой жизни вообще? Нужно ли стараться набросить покров на эту темную сторону, скрывать ее от детей, не допускать их до знакомства с ней, или следует дать им заглянуть и в эту сторону жизни?

### III

Неужели детей нужно знакомить с темными сторонами жизни взрослых, спросят некоторые. Не будет ли это подготовлением мизантропов и пессимистов и превращением веселого, жизнерадостного возраста в серый и печальный? К чему? Придет время, сделается дитя взрослым и узнает горести взрослых; к чему омрачать детство чужими печальями? Можно допустить,

чтобы дитя непосредственно, по своему личному опыту узнавало детские горести, неизбежные в его возрасте; не нужно, пожалуй, особенно и предохранять его от таких горестей. Но знакомить дитя с чужим горем, т. е. с печальями взрослых, совершенно излишне и напрасно. Такое знание от него не уйдет, в свое время дитя всю грустную сторону жизни узнает, а между тем теперь это ненужное, несвоевременное знание только омрачит его веселую жизнь.

Было бы, конечно, и жестоко, и совершенно несправедливо, и притом не только бесполезно, но и вполне вредно готовить из детей будущих пессимистов, унылых и мрачных людей, так как жизнь, несомненно, имеет вместе с горестями и темными сторонами много веселого и хорошего. Но дело идет совсем не о преследовании таких странных задач, а просто *о знакомстве детей с печальями взрослых.*

Дети не живут отдельно от взрослых и не ведут обособленной самостоятельной жизни, они живут среди взрослых, под их надзором, так что жизнь детей и жизнь взрослых сплетаются в одно целое тысячами нитей, одна составляет продолжение или часть другой. Разные события из жизни взрослых неизбежно становятся достоянием детей, как-то: потеря отцом состояния, перемена служебного положения, выдающиеся семейные бури и тревожения, более или менее продолжительные печальные в силу пример болезни, настроения родителей и т. п. Участие детей в жизни родителей может быть большее или меньшее: в крестьянстве дети сполна живут жизнью родителей, перед ними ничто не скрыто ни из душевной, ни из физической жизни родителей потому что вся семья помещается в одной, ничем не разделенной комнате, вместе ест, спит и проводит все свое время. Оттого в крестьянстве и могут встречаться десятилетние дети – форменные мужики и бабы. В семьях с большим достатком жизнь детей отделяется от жизни взрослых: дети имеют свое особое помещение, едят нередко особо в свои часы, гуляют без родителей, занимаются; но и в таких семьях, исключая разве немногие аристократические и слишком богато обставленные, дети в весьма значительной степени участвуют в жизни взрослых и волей-неволей знакомятся с их печальями и разочарованиями, с горем близких взрослых, неизбежно отражающимся и на их детской жизни.

Таким образом, вопрос заключается, собственно, не в том, нужно или не нужно знакомить дитя с горем взрослых как бы искусственно и насильственно, а в том, нужно или не нужно скрыть от детей более или менее известное им горе взрослых.

Предположим, что мы будем скрывать, желая пощадить детей от неприятных впечатлений. Каков будет результат? Прежде его удастся ли скрыть? Конечно, не удастся, потому что события совершаются на глазах детей и непосредственно отражаются их жизни и положении. Можно заставить детей не говорить, расспрашивать родителей об известном факте, но нельзя уничтожить их любопытство и живой интерес к известному факту. Нельзя детям спрашивать родителей об известном факте, зато можно постараться узнать стороной о нем от прислуги, от знакомых, и, несомненно, дети будут

пользоваться каждым случаем я этого. В результате получится непременно знание факта, но знание неправильное, недостаточное, с уменьшением или с увеличением его значения. Стоит ли хлопотать из-за того, чтобы внушить детям о чем-либо ложное представление вместо истинного? Не лучше ли прямо сказать детям то, что они могут правильно понять?

Таким образом, *уважение к истине должно побуждать родителей и воспитателей не скрывать от детей то, что скрыть от них нельзя*. Да едва ли и желательно внушить детям розовое представление о жизни взрослых. Такое представление было бы прямо ложным, а кто же имеет право внушать детям заведомо ложные представления? Истина, сообщаемая в меру возраста, никого не убьет и никому вреда не принесет. Притом что же будет с дитятей, когда оно, выросши в розовых, идиллических и заведомо фальшивых представлениях о жизни как о состоянии бесконечного блаженства, окупется, наконец, в этот омут людской Грязи и горестей? Не будет ли оно сразу ошеломлено совершенно неожиданным зрелищем и теми толчками и ударами, которые ему придется очень скоро испытать в жизни? Не падет ли такой человек сразу, как совершенно неподготовленный, неопытный, совершенно не знающий тех зол и опасностей, которые его ожидают на жизненном пути? Подобное состояние совершенно несовместимо с подготовкой сильного мужественного деятеля, который должен быть закален в жизненных боях, не падать духом при встречах с опасностями и препятствиями, должен уметь побеждать затруднения и, не впадая в уныние, бессилие и безволие, мужественно и стойко переживать всякие неприятности и неудачи. А к этому нужно готовить дитя, нужно нравственно закалить его; последнее же невозможно при скрывании горестей взрослых и вполне неправильном и одностороннем изображении жизни как бесконечно светлого, радостного, постоянно сияющего и безоблачного дня.

Не следует скрывать темную сторону жизни взрослых от детей, но ознакомление их с этой стороной должно производиться достаточно постепенно и осторожно. Конечно, нечего выискивать какие-либо особенные несчастья и представлять их нежному детскому чувству; в окружающей жизни взрослых слишком много обыденного, мелкого горя, на котором неизбежно останавливается внимание дитяти. То горестное, чего нет в окружающей дитя обстановке, что не встречается в его наблюдениях, о том и говорить с ним нечего. Имеется в виду не преподавание детям науки горя во всем его объеме и во всевозможных формах, но ознакомление с жизнью в том виде, как она есть, без прикрас.

При этом ознакомлении весьма важное дело сообразоваться с возрастом дитяти, с детскими силами, с детским пониманием. К обыденной жизни могут встретиться такие виды горя, которые выше детского понимания, например различные горестные события, причиняемые семейным разладом родителей как супругов. Очевидно, было бы излишне вводить дитя в такую сферу, которая отличается необычайной сложностью элементов и запутанностью чувствований. То горестное, что обуславливается подобными отношениями и попадает на глаза дитяти, должно быть объясняемо ему в весьма общих и

приблизительных чертах. Все в меру возраста, и подавлять детей непосильной нравственной и умственной тяжестью не следует. Дитя должно оставаться дитятей, переживать свой детский возраст, а не превращаться несвоевременно во взрослого.

Когда дитяти указывается темная сторона жизни взрослых, тогда не должно упускать из виду и светлой стороны. Светлое и темное в жизни перемешано, горесть и радость идут рука об руку. Как неправильно, фальшиво было бы представить дитяти жизнь взрослых в виде непрерывного праздника, так неправильно изображать ее исключительно в темных красках. Подготовлять из дитяти будущего пессимиста можно, представляя жизнь односторонне как бесконечную цепь печальных событий и происшествий; когда же мы изображаем ему жизнь такой, какова она есть на самом деле мы из него пессимиста не сделаем, так как осветим и веселые моменты жизни, возбудим желание насладиться ими, стремление расширить веселое, сокращая печальное. Знакомя дитя с темной стороной жизни, мы не будем внушать ему мысли, что сумма печали в роде человеческого неизменна или что она способна лишь расти, увеличиваться и вширь и вглубь, но не сокращаться. Мы будем внушать ему противоположное убеждение, что человеческие горести могут быть уменьшены, что они в весьма значительной степени зависят от людей, что люди, устроив лучше свою жизнь, усовершенствовав общественные порядки, уничтожат очень много горестного в своей жизни. Глядя на человеческие бедствия, дитя должно чувствовать себя бодрым, должно испытывать желание и стремление к сокращению этой темной стороны человеческой жизни.

Сообразно с таким взглядом и детская литература не может изображать только одни светлые моменты из жизни детей и взрослых, она должна изображать и печальные и радостные события, то при этом не производить удручающего впечатления, не внушать отчаяния видом неизмеримости человеческого страдания. Напротив, она должна возбуждать бодрое чувство, уверенность в человеческих силах, желание бороться с бедствиями и надежду на их одоление. Для достижения этой цели вообще в детях необходимо всеми средствами развивать энергию и упругость сил, стойкость характера и выдержку. Вместе с этим мы от пассивной стороны нравственного закаливания переходим к деятельной.

#### IV

Чтобы дитя, знакомясь с окружающими его бедствиями и злом, не унывало, не падало духом, для этого нужно воспитать его сильным и бодрым. Оно должно владеть энергией телесной и духовной.

Для развития в дитяти физической силы и энергии необходимо применение системы физического закаливания, которая должна, как мы упоминали, или предшествовать духовному засаливанию, или идти параллельно с ним. В чем именно состоит физическое закаливание? Обсуждение этого вопроса выходит за пределы нашей темы.

Развитие духовной силы и энергии может совершаться лишь при достаточном упражнении. Отсюда возникает *необходимость приучения дитяти к умственному и нравственному труду*. К умственному труду наши дети

приучаются довольно рано, но довольно рано теряют и охоту к нему вследствие неправильной постановки первоначальных умственных упражнений. Главная наша ошибка в этом случае состоит в том, что мы учим детей слишком рано, слишком отвлеченно и слишком много, что мы в обучении детей применяемся не столько к детской природе и ее требованиям, сколько к требованиям школы, в которую дитя поступит позднее. Школы же наши руководятся главным образом разными преданиями и историческими примерами, в которых психологический элемент весьма слаб. Дети могут работать умственно с охотой, так как потребность в умственной работе столь же для них существенна, как и потребность в движениях. Все дело в том, чтобы умело поставить первоначальные умственные упражнения детей. В интересах нравственного закаливания необходимо, чтобы дети могли сосредоточивать свое внимание на данном предмете и были способны к довольно долгой и напряженной умственной деятельности по требованию обстоятельств; чтобы они были упорны и настойчивы в работе.

Детская природа очень изменчива и подвижна, внимание детей неустойчиво, упорный труд продолжительное время на одном предмете дается детям нелегко. Таким образом, те умственные свойства, которые требуются от детей системой нравственного закаливания, не возникнут сами собой без тщательного ухода и стараний, родители и воспитатели должны много похлопотать, чтобы взрастить в детях требуемые качества. Главное средство для достижения указываемой цели – *постановка занятий с детьми применительно к свойствам детской природы вообще и известных детей в частности*, а не применительно к требованиям школ. Как же именно на указываемых основаниях должно быть ведено первоначальное умственное воспитание детей? Этот вопрос должна разъяснить в подробностях теория умственного воспитания в детском возрасте; мы же в настоящем случае можем коротко намерить лишь самые существенные его стороны, не входя совершенно в разъяснение частных и второстепенных предметов и имея постоянно в виду интересы нашей темы.

Умственные упражнения детей должны быть поставлены вполне *серьезно*. Игра игрой, шутка шуткой, а дело делом. Одна из серьезных обязанностей детей – учиться, учиться не когда пришлось и не как пришлось, а правильно, систематически. Иной раз не хочется учиться, разные приятные впечатления отвлекают от работы; нужно преодолеть себя, нужно сосредоточиться и непременно приняться за выполнение обязательного дела. Нельзя начатую работу прекратить под влиянием минутного настроения работа есть нечто священное, важное, обязательное. Только поработав, можно наслаждаться отдыхом, игрой, веселым настроением; работа есть источник бодрости и веселья. Поэтому следует наблюдать, чтобы время урочных занятий не отменялось в семье по ничтожным поводам и не переносилось с одного часа на другой занятия – важное дело в детской жизни и должны иметь вполне настойчивый характер, и взрослые и дети должны относиться к самому времени занятий с должным вниманием и уважением, не говоря уже про самый ход работы.

Продолжительность работы должна *соизмеряться всегда с детскими силами*, не нужно угнетать дитя чрезмерностью работы. Но собственно в высшей степени желательно, чтобы занятия оканчивались не по указанию часов, указанию чисто внешнему и механическому, а сообразно с самим ходом работы, то есть согласно с достигнутыми результатами. Каждое упражнение должно давать нечто дитяти, должно подвигать его немножко вперед. Занятие оканчивается, если это нечто действительно дано, если движение вперед совершилось; если же желательный результат, наперед поставленная цель не достигнута, работы должна продолжаться. Время от времени позволительно и весьма полезно продлить работу несколько долее обыкновенного. Не беда, если дитя немного утомится. Необходимость добиться цели, желательность получить намеченный результат, важность этого результата поддержат дитя в работе и подкрепят его энергию. Результат получен, задача разрешена – можно дать побольше времени на отдых, а то и совсем прекратить занятия на этот день. Словом, ход занятий, их окончание, перемена должны определяться не внешними механическими условиями, а внутренними свойствами самой работы; продолжительность и напряженность работы также должны находиться в прямой зависимости от характера упражнения, конечно, при постоянном внимании к силам детства вообще и особенным свойствам данного дитяти в частности.

При таком серьезном отношении к работе, как к ее внутренней стороне, так и к внешним ее условиям у дитяти мало-помалу сложится надлежащее отношение к ней: дитя с уважением будет смотреть на занятия, не будет бояться их, хотя бы они иногда были и нудны и затягивались на часть времени, посвящаемого игре. Дитя будет чувствовать возрастание своих духовных сил, его энергия не только не будет подорвана, но, напротив, усилена, оно будет умственно бодро и свежо. Оно будет знать, что занятия потребуют от него иногда значительного напряжения сил и значительного времени, но что страшится здесь нечего; из-за ценного результата причине стечения разных, более или менее случайных обстоятельств можно поработать и подолее и поусерднее, от этого не рассыплешься.

Для успешности всякой умственной работы и детей и взрослых весьма существенным делом является *сосредоточенное внимание*. Сделать что-либо хорошее при рассеянности довольно затруднительно. Сосредоточенное внимание и есть высшее напряжение сил на данном предмете. Детское внимание изменчиво, подвижно и не останавливается долго на одной вещи, оно непрерывно скачет с предмета на предмет. С воспитанием детского внимания нужно поступать весьма осторожно, нужно постоянно сообразоваться с размером детских сил. Продолжительность внимания может быть развиваема с весьма строгой постепенностью. Для привлечения детского внимания чрезвычайно важна наглядность предмета занятий, всякие отвлеченности интересуют детей очень мало; с другой стороны, нужно затрагивать постоянно детскую самодеятельность. Если при умственных упражнениях дитя будет находиться на положении сосуда, постепенно наполняемого посторонним лицом, то его внимание будет мало возбуждено. Такое положение слишком

пассивно, чтобы привлекать внимание дитяти и давать настоящее возбуждение его силам. Дитя только тогда отдастся всем существом занятию, углубится в него, ничего не будет ни видеть, ни слышать постороннего, когда оно будет всесторонне деятельно, когда будет само делать усилия и направлять все свои силы на разрешение поставленной задачи. Лучше не гнаться за скорыми и блестящими результатами, чем стеснять, не давать простора, ни времени, ни места детской самодеятельности. В видах значительного сосредоточения внимания и его напряжения полезно даже и руки, и глаза, и уши дитяти занять предметами, находящимися в связи и облегчающими усвоение главного, основного содержания упражнения.

Усиленная и продолжительная *работа должна иметь свои побуждения*, для чего-нибудь да совершаться. Обыкновенно такие побуждения заключаются в достижении какого-либо более или менее значительного удовольствия: нужно пожертвовать маленькими удовольствиями, чтобы получить большее. В подобной практике и заключается тот нравственный труд, о необходимости приучения к которому детей было упомянуто. Под этим трудом разумеется труд не в тесном смысле слова “нравственный”, а в широком смысле, именно как развитие способности жертвовать настоящими маленькими удовольствиями будущему большому. Такое жертвование может производиться и в строго нравственных целях, и в эгоистических. Приведем несколько примеров.

Затевается экскурсия пешком на довольно далекое расстояние. Цель экскурсии – посещение прекрасного живописного места. Здесь прямо ставится задача: пожертвовать маленькими удовольствиями ради получения большого. Нужно идти пешком значительное расстояние; придется, несомненно, устать, и весьма изрядно. Во время пути нужно быть нетребовательным в отношении еды, нужно уметь довольствоваться тем, что есть, да и питаться те в положенные часы, а сообразно пройденному пути, найденным припасам и разным другим обстоятельствам. Отдых и ночлег также могут быть с недочетами: отдыхать можно лишь в подходящих местах и после того, как достаточно прошли, ночлег может быть лишен многих удобств. Все эти неприятности разной силы нужно выдержать отчасти ради удовольствия путешествовать, получать в пути новые впечатления, ради совершенной перемены образа жизни, что приятно, а с другой – ради удовольствия видеть прекрасное место. Очевидно, такого рода практика в жертвовании маленькими удовольствиями ради таких больших не имеет нравственного характера в тесном смысле слова, но для целей душевного закаливания весьма пригодна.

Подобное же эгоистическое упражнение будет представлять, такую деятельность: дитя располагает небольшими деньгами, денежными подарками или знает, что на его удовольствия расходуется родителями некоторая сумма. Оно сильно желает приобрести какую-нибудь ценную вещь: книгу, инструмент, костюм, для достижения цели оно отказывается от расходования денег, а мелкие удовольствия, чтобы спустя известное время купить оправившуюся вещь. В видах душевного закаливания такое упражнение хорошо, так как приучает держать себя в руках, не распускаться, сосредоточиваться, упорно

добиваться далекой ели; в деле же нравственного развития такое упражнение не мест никакой цены, так как совершенно лишено нравственного характера.

Иногда интересы душевного закаливания и нравственного развития могут совпадать, и тогда одни и те же средства пригодны для того и другого, тогда можно сразу ловить двух зайцев. Например, болен брат, товарищ, сестра, знакомая. Дети задаются целью облегчить положение больного, рассеять несколько его грустное строение. В этих видах предположенная прогулка откладывается” выздоровления больного; часть своего времени, назначенного на отдых и игры, дети посвящают больному: они приносят ему свои игрушки, делают маленькие подарки и т. д. Такое поведение есть пример душевного закаливания, имеющий строго нравственный характер.

Таким образом, система душевного закаливания имеет в виду воспитание воли, стремится сделать людей энергичными, бодрыми, мужественными, нелегко падающими духом, стойко переживающими удары судьбы и разные неприятности. Результатом ее применения должно быть появление талантов воли разных величин, крупных и средних, причем эти таланты могут преследовать цели равно нравственные и строго эгоистические. Нравственное или, точнее, душевное закаливание не предполагает непременно служения общим интересам. Кто желает достигнуть этой последней цели, тот должен для закаливания пользоваться постоянно средствами, умеющими строго нравственный характер; тот должен к общему подъему сил воспитываемого, к его бодрому настроению, к его готовности бороться прибавить еще нравственные убеждения, нравственное мировоззрение и внушить его к мысли о необходимости в каждом поступке руководиться нравственными мотивами. Наполеон был человек несомненно душевно закаленный, но чтобы он при этом был и нравственный человек – это более чем сомнительно. Физическая и душевная энергия, способность работать долго и напряженно при полном сосредоточении внимания, стойкое перенесение неудач – все эти свойства высокоразвитой воли, весь этот волевой талант может быть одинаково употреблен и на хорошее и на худое.

В заключение напрашивается еще один небольшой вопрос. Применение системы закаливания не повлечет ли за собой притупление чувствительности, восприимчивости к впечатлениям? Если да, то результаты, которые могут быть получены от применения системы закаливания, не окажутся ли купленными слишком дорогой ценой? Если жизнь приносит страдания и для предохранения от этих страданий кто-нибудь предложил бы лишить жизни, то такое средство нельзя было бы признать особенно хорошим, хотя оно достигло бы цели. Нельзя ли нечто подобное предполагать и о системе закаливания? Не сопровождается ли она оскудением впечатлений и душевной жизни вообще?

Нет, не сопровождается, потому что система нравственного закаливания не преследует такой цели – притупления впечатлительности и уменьшения впечатлений. Наоборот, она увеличивает впечатления и изоощряет чувствительность, потому что знакомит с новой стороной жизни – темной, несчастной и этими печальными впечатлениями увеличивает общую сумму получаемых дитятей впечатлений.



При знакомстве с темной стороной жизни имеется в виду не притупить впечатлительность к жизненным возбуждениям, а дать надлежащее представление о печалих и горестях людских и затем снабдить силами для борьбы с ними, для уменьшения владычества царства печали и горя и увеличения светлой, радостной полосы жизни. Таким образом, при применении системы нравственного закаливания человек будет жить не сокращенной, не урезанной жизнью, а полной, даже более всесторонней и расширенной, чем без нее. Впечатлительность его будет развиваться, но вместе с ней будет крепнуть и сила противодействия темному царству Аримана, стремление вступить в бой с печалью жизни и в большей или меньшей степени их преодолеть. Не притуплять чувствительность, а создать, развить и укрепить силу противодействия надвигающимся со всех сторон на человека горестям и бедствиям – вот что ставит себе целью система нравственного закаливания детей. Ее идеал – человек сильный, бодрый, мужественный, стойкий и в то же время чувствительный, но никак не раскисающий под неизбежными ударами судьбы.

*Кантерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения / Сост. П. А. Лебедев. – М., 1982 – С. 148-162.*

*П. Ф. Кантерев*

## **Об общественно-нравственном развитии и воспитании детей**

### **I**

Развитие человека не может совершаться вне общества... Собственно, мы не знаем человека как отдельного обособленного существа, а мы знаем его только как члена общества. Поэтому общественная среда есть духовный воздух, без которого, как и без обыкновенного воздуха, человек дышать, то есть существовать, не может.

Из сказанного следует тот вывод, что общественно-нравственное развитие есть одна из существенных сторон развития человека, составляет одну из насущнейших его потребностей. Естественно, что эта потребность издавна так или иначе и удовлетворяется жизнью среди людей. В элементарном грубом виде общественно-нравственное развитие составляет принадлежность члена каждого, даже весьма слабо и несовершенно организованного общества, вроде пастушеского, охотничьего и вообще неоседлого, кочевого; но там оно недостаточно, далеко не исчерпывает общественных связей, возникающих между людьми в более сложных и совершенных общественных союзах.

В настоящее время общественные связи между людьми в широком смысле этого слова имеют две главные формы: государственных связей и собственно общественных. Государственные связи – это более внешняя, чем внутренняя, форма общности, заключающаяся в исполнении различных обязанностей, вроде того, что нужно платить подати, поставлять солдат, исполнять государственные законы. По большей части государственные связи

принудительные, выполнение их поддерживается полицией и войсками, уголовными наказаниями и всякого рода взысканиями. Внутреннего человека, глубины его ума и сердца государственные связи касаются мало, ограничиваясь поступками человека, внешним его поведением. Совесть человека, его убеждения и идеалы, его святая святых остаются недоступными влиянию государства, и человек по этой внутренней стороне своего существа всегда свободен от всяких государственных пут и связей, вполне независим и неприкосновенен. <...>

Общественные связи и общественные интересы суть истинно жизненные и глубоко важные для людей интересы и связи. Они заключаются в интересах научных, религиозных, литературных, общественных, художественных, для преследования каковых интересов и учреждаются различные союзы, общества, собрания, существует печать. Это союзы свободные, зависящие от вкуса и настроения каждого и не поддерживаемые ни войсками, ни полицией. В этих союзах – источник народной жизни и творчества, в них зарождаются великие проекты и мысли, сначала как будто совершенно фантастические и беспочвенные, а потом понемногу принимающие более ясный и определенный вид, приближающиеся к действительности и в конце концов превращающиеся в руководительные начала деятельности представителей государственной власти. <...>

Ставя высоко государственную связь между людьми и заботясь о всестороннем ее укреплении в сознании подрастающих поколений, педагог особенно должен быть чуток к росту внутреннего общественно-нравственного сознания юношества, так как из этого сознания истекают общественные связи, и самый государственный союз есть лишь внешняя оболочка, одно из внешних его выражений. Корень общественности для педагога есть вместе корень всего истинно гуманного, прекрасного и идеального в человечестве, так как ни добро, ни красота, ни идеал вне общества невозможны. Поэтому единственной задачей общественного воспитания может быть только подготовка энергичного борца за основные свойства человечности и главнейшие блага культуры. Будь культурным борцом! Вот что нужно всеми способами внушать юноше и укоренять в его сознании.

С указанной точки зрения будет ведено дальнейшее рассуждение об общественном воспитании детей.

## II

Родители! Если вы желаете воспитать из вашего ребенка борца, то прежде всего воспитайте его физически сильным, ловким и мужественным. Что будет за борец слабый, хилый, неуклюжий ребенок, боящийся лошадей, коров, воды, простуды, скачков, лазанья и пр., вечно опасющийся за повреждение своего драгоценного здоровья, а потому избегающий всяких физических упражнений. Для достижения физической ловкости и мужества необходимо в известных пределах пользоваться системой закаливания. Сущность ее, собственно, очень проста: не изнеживайте дитя, но, конечно, и не лишайте его необходимых условий и удобств хорошего физического развития. Побольше прогулок на свежем воздухе, почаще купание в свежей, но не холодной воде; чистое, но

простое, не слишком теплое платье, такая же постель, достаточное, но умеренное питание. Побольше оживления, побольше игр. Не гонитесь за каждой царапиной, ушибом, уколом, не принимайте против них тысячу предосторожностей, все это пустяки, которые пройдут сами собой. Давайте возможную по возрасту ребенка свободу в ползании, беганье, прыганье, лазанье и пр., не бойтесь при этом простуды и других заболеваний: деятельно живущий организм, свободный, не стесняемый искусственными путями, – лучший врач самого себя.

Вообще не следует стремиться поставить воспитание дитяти так, чтобы оно было не знакомо со страданием. Последнее есть существенная и неизбежная сторона жизни; к чему же стараться оградить дитя от такого страдания, которое совершенно естественно в его возрасте? Это не значит, конечно, отказаться от ухода за ребенком и искусственно увеличивать число его страданий; нет, уход, и тщательный, за ребенком должен быть, страдать ребенок должен по возможности меньше, но страдание должно быть знакомо ему рано, с того времени, с которого посылает его природа. Будущий борец не может развиваться из дитяти, воспитанного в хлопчках и на розовых подушечках, от которого за версту угоняли каждую муху; изнеженный человек и борец несовместимы в одном лице. Дело не в том, чтобы не знать страдания, а в том, чтобы терпеливо и мужественно его переносить, бороться с ним соответствующими мерами, знать, что страдание пройдет и что против него есть средства. Пусть будет дитя, если из него должен выйти будущий борец, здоровым, крепким, выносливым, мужественным и при телесном и при духовном страдании; пустые сентиментальные страхи должны быть ему чужды, пусть оно смело глядит в глаза даже действительным детским опасностям.

Нужно позаботиться о товариществе для дитяти. Нельзя воспитывать будущего общественного деятеля вне общества; это было бы противоречием. Поэтому нужно подбирать сверстников и сверстниц и из них устроить детское общество для общих игр и прогулок. В отношениях к товарищам нужно наблюдать главным образом следующее: надо принимать меры против стремления к командованию, если бы таковое в дитяти обнаружилось, и особенно необходимо ополчаться против принижения и подавления дитяти каким-нибудь насильником-товарищем, против нарушения прав товарищеской личности.

Собираясь в общество, дети получают полную возможность проявления и развития самых разносторонних своих свойств. Между другими свойствами легко обнаруживается и страсть к командованию, к выдвиганию себя постоянно на первое место, к получению лучших ролей и положений в игре, к затиранию товарищей. Эта склонность противообщественная и несправедливая по существу. Из того, что кто-либо силен, не следует, что он должен постоянно первенствовать и командовать, не всегда спасает и выручает сила. Иногда нужна сила, но часто ловкость, мужество, находчивость. В разные моменты детской жизни нужны главари с разными свойствами, и постоянное командование одного неудобно. С другой стороны, дети сходятся в общество для совместных игр, прогулок, занятий, осуществления каких-либо

предприятий общими силами, но не для обнаружения талантов командования таким-то субъектом. Права детей равны, и каково бы ни было дитя, оно имеет одинаковые со всеми другими полномочия выполнять любую роль и занимать какое угодно положение в игре, как скоро это не вредит последней. Командиры должны быть осаживаемы и серьезно ограничиваемы прежде всего соучастниками игры и предприятия, а потом и взрослыми воспитателями, потому что страсть к командованию проистекает часто даже не из силы, а из простого эгоизма дитяти и даже иногда из нелепого тщеславия родителей.

С особенной настойчивостью и энергией должны быть устраняемы в товарищеских отношениях детей подавление товарищей насильниками, ограничение товарищеских прав, превращение равноправных товарищей в подчиненных исполнителей воли насильника. Это самая гнусная и позорная вещь. Насильники всегда и везде найдутся, и им нужно давать самый жестокий отпор. Каждое дитя должно помнить, что оно имеет священнейшую обязанность охранять и защищать свои права, не поступаться ими ни малейшим образом перед насильниками. Если своих личных сил мало для защиты против насильника, нужно соединяться с другими детьми и вкуче, целым обществом преподносить суровый урок насильнику; если нельзя привлечь на свою сторону других детей, то следует обратиться к взрослым, чтобы они обуздали насильника. Во всяком случае, ни под каким видом нельзя терпеть нарушения своих прав, нельзя унижаться, терять свою волю, а нужно биться с насильником до тех пор, пока ему не будет дан чувствительный урок, чтобы вперед ему было неповадно проявлять свои хищнические насильнические поползновения. Если бы даже дитяти было выгодно иногда, в каких-либо частных случаях, поступиться своими правами и стать на сторону насильника, оно никогда не должно этого делать, так как подобное действие есть самая позорная вещь. Нужно питать к себе самоуважение и никому не позволять унижать себя, ограничивать свои права, распоряжаться собой; нужно сейчас же самым энергичным образом восставать на защиту своей личности и не успокаиваться до тех пор, пока наши личные права не будут признаны товарищами столь же святыми и неприкосновенными, как нами их права.

Чтобы дитя действительно стремилось постоянно защищать права своей личности против всех покушающихся на нее, необходимо ему привыкнуть к бережному обращению со своей личностью в семье. А для этого семья должна быть построена на принципе свободы и уважения всех членов семьи. В семье не должно быть насильника, который имел бы полноту прав и минимум обязанностей, по отношению к которому все другие члены имели бы минимум прав и максимум обязанностей. Все члены семьи имеют свои права, обуславливаемые их возрастом и положением. В частности, дети имеют не только обязанности в своих отношениях к родителям, но и права. Эти права не совсем ясно сознаются иногда родителями, хотя и принимаются ими к руководству; мысль родителей охотнее останавливается на обязанностях детей. В настоящее время ни один родитель не имеет права жизни и смерти над детьми, все, напротив, обязаны всячески охранять и поддерживать жизнь детей, т. е. должны по возможности, по своему состоянию и разумению

удовлетворительно питать дитя, одевать его, помещать, сделать возможными прогулки и игры. Далее возникает вопрос об образовании дитяти. На него опять имеет дитя право, и родители, не заботящиеся по мере сил об образовании своего дитяти, не исполняют одной из важнейших своих обязанностей. Получение образования должно быть обставлено родителями такими условиями, чтобы образовательный процесс совершался легко. Затем, наконец, по окончании образования или при завершении его возникнет вопрос о выборе профессии, в решении которого главный вес должна иметь не воля родителей, а склонность детей.

Таким образом, дети имеют наряду с обязанностями к родителям и весьма важные права на них. Дети не ослы, навьюченные грузом обязанностей, но личности, у которых, как и у взрослых личностей, обязанности идут наравне с правами. Поэтому к детям, даже самым маленьким, следует относиться с осмотрительностью, бережно, уважать в них человеческую личность и не нарушать права их. Родители должны отчетливо осознать свое отношение к детям и выполнять свои обязанности к ним без криков, без угроз, без раздражения и гнева, с каковым спокойствием должны требовать и от детей исполнения их обязанностей по отношению к себе. Семья, построенная на таких принципах, будет представлять благоприятную почву для гражданского развития ребенка, для развития в будущем энергичного борца за неприкосновенность своих личных и гражданских прав, врага от всего сердца всяких насильников.

Семья, имеющая в виду воспитать гражданина, должна живо интересоваться гражданскими, то есть общественными, вопросами и делами. В семье ребенок должен часто слышать рассуждение об общественных событиях, делах и интересах и впитывать понемногу нерасположение к порядку жизни, основанному на насилии, на угнетении какой-либо более или менее значительной части населения отдельными группами и классами, на нарушении человеческих и культурных прав кого бы то ни было. Семья сама должна быть глубоко проникнута нерасположением к подобным порядкам и признавать чувство самой строгой справедливости, а вместе христианскую любовь, для которой не существует ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного, основой благоустроенного человеческого общежития. Эта прививка гражданственности будет происходить постепенно, по мере возраста и развития детей, но зато тем вернее и прочнее.

Без живого интереса семьи к общественным вопросам семье трудно воспитать деятельного гражданина. Речь идет у нас не о каком-либо мимолетном порыве, не о взрыве чувства, который сейчас же и проходит, а о постоянном твердом настроении, долженствующем прочно укрепиться в человеке, руководить им во всей дальнейшей жизни и деятельности. Для создания такого настроения нужны средства, действующие медленно, но постоянно, а потому прочно и верно. Поэтому семья, равнодушная к общественным вопросам, старшие члены которой не выработали твердых, проникнутых справедливостью общественных убеждений, не в состоянии воспитать настоящего гражданина-борца, который позднее понесет причитающуюся ему на долю часть общественной тяготы. Из семей без

определенного общественного настроения могут выходить лишь легко ко всему приспособляющиеся субъекты, мягкотелые, которые, куда их ни кинь, нигде не ушибутся; эти люди обыкновенно становятся сначала друзьями насильников, а потом и сами делаются насильниками.

В постановке семьи, ее настроении, в той домашней атмосфере, которая присуща каждой семье, самое большое значение принадлежит женщине, матери. Она чаще и больше остается с детьми, чем отец; она ближе к детям, чем отец, и больше вникает в детские нужды, лучше понимает детские интересы и потребности. Поэтому мать гораздо больше отца влияет на детей, всесторонне вникая в их формировку; поэтому о матерях такие высокие, святые воспоминания у всех людей. В частности, на склад гражданского настроения у детей мать окажет громадное влияние. Ее убеждения, ее симпатии и антипатии, ее настроения передадутся и детям. Если мать ясно понимает положение общества и государства, их взаимные отношения и те ближайшие задачи, которые стоят на очереди у того и другого, то она может оказать могущественное содействие образованию человека-гражданина; если же она чужда всем подобным вопросам и с головой погружена в переживание разнообразных мелочей своей женской жизни, тогда во влиянии семьи на формирование из дитяти человека-гражданина будет весьма заметный и чувствительный пробел.

С изложенной точки зрения, серьезное образование матери-воспитательницы и в частности понимание ею хода общественного развития, его интересов и задач должно составлять предмет живой заботливости всех тех, кому дорого воспитание поколения смелых, энергичных и широко понимающих общественное дело борцов-граждан.

Наконец, семьи должны обратить внимание еще на одну мысль при воспитании человека-гражданина и вообще при своих отношениях к подрастающим поколениям. Родители сильно ошибаются, сосредоточивая свое преимущественное внимание при семейном воспитании детей на их образовании, на развитии их памяти и ума, на обогащении их сведениями, как это обыкновенно бывает. Сколько хлопочут родители, чтобы обучить детей пораньше читать и писать, иностранным языкам, прекрасно подготовить к поступлению в школу, а потом снабдить достаточным количеством учебников, учебных пособий, книг для чтения, коллекций всякого рода. У иных детей за годы школьного учения накапливаются целые библиотеки, образуются кабинеты и музей разных учебных вещей. Все это в известном смысле прекрасно, но очень уж односторонне. Маленькой частичке того, что нужно делать, придается громадное значение, и из-за этой раздутой частички забывается большое целое, которое соответственно сокращается и низводится на что-то второстепенное. Человек не из одного ума состоит, и ум есть ли в человеке самое главное и первое? Какие большие и сложные задачи представляет развитие других сторон человеческого духа, помимо ума, как сложно телесное развитие человека, как трудно сделать человека твердым, мужественным, стойким и предприимчивым, какое множество условий требуется выполнить, чтобы воспитать хорошего человека-гражданина! Обо всем этом в семьях думают сравнительно очень мало. <...>

Дело в человеке, в его физической и духовной силе, а не в том, что он болтает на двух иностранных языках и обременил свою память массой книжных и малонужных знаний. Семьи, конечно, могут сослаться на то, что с них школы требуют такой постановки семейного воспитания, что они ничего не хотят знать, кроме загромождения памяти детей книжным хламом. Эта ссылка, может быть, справедлива. Но в данном случае мы не хотим разбирать, кто прав и кто виноват, мы хотим только указать на то, что при семейном воспитании необходимо и что составляет сравнительно второстепенное дело. При семейном воспитании самое главное и необходимое именно воспитание, т. е. укрепление тела, развитие выносливости и мужества, приучение к труду, к правдивости, к осмысленному отношению ко всему окружающему и многое другое, сему подобное, а не поспешное обучение чтению, письму, иностранным языкам и всякой книжной мудрости... Если же семьи будут ставить своей главной задачей воспитание, а не обучение, тогда и развитие общественно-нравственного сознания дитяти найдет свое почетное место в ряду других частных задач семейного воспитания.

### III

С поступлением дитяти в школу семейное воспитание вообще и в частности гражданское не прекращается, а расширяется, приобретает новый материал, встречает новые трудности. Поэтому мы должны отдать себе отчет об изменениях в постановке гражданского воспитания детей со времени поступления их в школу.

Школа, собственно, есть продолжение воспитательной деятельности семьи во всех отношениях. Хорошая школа так и должна понимать свою задачу, а потому и действовать в непосредственной связи с семьей и под ее влиянием. Те основные моменты, которые выше намечены в семейном воспитании, и те главные средства для гражданского воспитания, которые указаны, повторяются и в школе в расширенном и усиленном виде, и семья должна пользоваться ими, как прежде пользовалась своими семейными средствами. <...>

В школе каждый учащийся получает множество товарищей разных лет и однолеток. Воспитание посредством товарищества есть одна из самых важных сторон в каждой школе, а между тем школа сравнительно мало обращает на это внимание. Как устроится новичок со своими товарищами, каков дух и направление каждого класса, как относятся товарищи друг к другу, какие между ними партии, кто вожаки партий, нельзя ли помочь более тесному сплочению класса – подобными вопросами школы интересуются мало. Им некогда, они почти всецело поглощены программами, уроками, циркулярами и разными формальностями, а что составляет самую сущность юношеской жизни – взаимные отношения товарищей – об этом школа как будто и знать не хочет. Между тем строй товарищества – дело большой важности для гражданского воспитания детей. Школы тем и важны, что они суть своеобразные гражданские общества с довольно сложной организацией, в которых дети получают весьма важные, имеющие влияние на всю их позднейшую

деятельность уроки общественной жизни. Организация товарищества – вопрос, мало разработанный в педагогике и теоретически.

Родители должны наблюдать, чтобы их дитя не осталось в школе обособленным, одиночкой, чтобы оно не чуждалось товарищей. Для чего же и отдавать дитя в школу, если оно останется чуждым школьному товариществу? Учебное дело, как известно, идет в школе медленно и совсем не может сравниться по быстроте с семейным обучением. И в учебном деле в школе, прежде всего, важна его собственно общественная сторона, т. е. что дитя, учиться не одно, а вместе с товарищами. В обществе веселее, приятнее и смелее учиться. Поэтому дитя, обособившееся в школе от товарищей, теряет возможность извлечь из школы наиболее важное серьезное благо. Идти в школу и в то же время обособлением отрицать самую сущность ее было бы прямым противоречием, которое неразумно допускать.

Если в школе, в которую поступило дитя, есть какие-либо партии, кружки, общества, то дитя непременно должно принимать в них участие по своему выбору. Пусть ничто школьное не будет чуждо школьнику, все вопросы, волнующие товарищей, должны волновать и его. Как скоро по этим вопросам возникают несогласия, споры, товарищи делятся на партии, то пусть и данный товарищ пускается в споры, произносит суждения, поддерживает мнение, кажущееся ему основательным и справедливым. Пусть он в школе будет борцом, тогда будет он борцом и в жизни. Вообще родители должны всячески преследовать в своем дитяти равнодушное отношение к товарищам, к их партиям, интересам, спорам, увлечениям; будущий общественный деятель может жить лишь в обществе, а жить в обществе – не значит сторониться от интересов этого общества, смотреть на них свысока, фыркать на них. Будущий борец пусть учится бороться за дорогие ему интересы, за истину, за справедливость с молодых лет в школе.

Если у целого класса или какой-либо части и партии в нем вышло столкновение с начальством, если по разуму и по совести партии или класса товарищество поступает справедливо, то родители, не разделяющие взгляда своих детей, тем не менее, должны облегчить им перенесение всех неприятных последствий, которые могут возникнуть от сопротивления начальству. Пусть родители не согласны с дитятей, пусть они по-другому смотрят на вопрос, вызвавший столкновение, чем их сын или дочь; это несколько не должно изменить их отношения к образу действий дитятей в данном случае. Дело в том, что каждый должен поступать по справедливости, так, как требуют его совесть и разум. Справедливое для детей и юношей не всегда бывает справедливым для людей зрелого возраста и обратно. А в таком случае как же быть? Нельзя взрослому свою голову пересадить на детское тело, т. е. иногда нельзя убедить детей и юношей в справедливости того, что считают справедливым взрослые. Вынудить их поступить против убеждения, против разума и совести – нелепо и безнравственно. Следовательно, родители пусть убеждают своих сыновей и дочерей, сколько хотят, в справедливости или несправедливости известного действия; убедят – хорошо, а не убедят – пусть предоставят сыновьям и дочерям действовать по их личному чувству справедливости и пусть помогут



им бодро, весело, без каких-либо серьезных неудобств перенести все те неприятные последствия, которые могут произойти от столкновения с упорно защищаемым мнением и авторитетом школьного начальства.

Родителям следует тщательно присматриваться к товарищам сына или подругам дочери не только в тех видах, чтобы по возможности предохранить от дурного товарищества, но и еще более затем, чтобы не было сильного давления и даже прямого угнетения товарищеской личности кем бы то ни было. Если в тесном кругу семейных знакомств легко могли быть такие случаи, то тем больше опасностей в данном отношении предстоит при школьном товариществе, которое весьма велико и разнообразно. Это последнее обстоятельство непременно потребует помощи от родителей учащемуся, чтобы он со смыслом и правильно мог по несколько часов в день возвращаться в таком большом обществе, каково школьное.

Наконец, родители, собираясь в общества и кружки при образовательных заведениях, должны постоянно напоминать администрации школы о необходимости правильной организации товарищества в школе. Эта организация, по нашему мнению, может иметь целью удовлетворить следующим трем общественным и индивидуально-умственным потребностям учащихся.

1. Сплотить в более или менее организованное целое каждый отдельный класс. При настоящем устройстве школ отдельные классы имеют много отдельных от других классов, но общих для членов данного класса интересов. Классу естественно поэтому сплотиться, получить свою определенную физиономию, быть нравственной личностью, отличной по своим свойствам от других классов. Для достижения такого единства и организованности и нужно предоставить все средства и всякую помощь учащимся. Конечно, не нужно мешать им, не нужно впутываться в их дела тогда, когда об этом они сами не просят; не нужно тщательно наблюдать за этим делом, советовать, поощрять, воздействовать убеждением на вожаков так, чтобы класс мало-помалу из случайного сотоварищества превращался в стройный организованный союз, готовый постоять за себя и своих отдельных сочленов.

2. Нужно заботиться об организации товарищества всех учащихся в школе. Если классы, взятые в отдельности, имеют много общих интересов, чуждых другим классам, то точно так же и каждая школа, т. е. все классы ее, имеет много общих интересов, чуждых другим школам. Каждая школа есть своя особенная организация, имеет свою историю, предания, своих более или менее выдающихся деятелей. Она так же до известной степени индивидуальна по отношению к другим школам, как каждый ее класс индивидуален по отношению к другим классам. Единство школы и ее своеобразность должны не только чувствоваться учащимися, но и ясно сознаваться. А это возможно только тогда, когда существует общешкольное товарищество и когда последнее получило правильную организацию, когда школа и через классных представителей, и вся в целом собирается для обсуждения и решения общешкольных дел, волнуется этими делами и в ходе их принимает самое живое участие.

3. Классное и общешкольное устройство товарищества не может удовлетворить всем потребностям учащихся; у отдельных групп будут свои интересы, свои особенные стремления. Эти особые интересы и стремления могут быть удовлетворены лишь основанием множества отдельных обществ и союзов, группирующихся не по классам, а по излюбленным предметам и господствующим стремлениям. Таковы могут быть общества различного спорта, чтения книг, изучения какого-либо иностранного языка, мастерства или ремесла, искусства, науки, музыкальные общества, дебатов и т. д. Чем в большем числе и разнообразнее будут эти общества, тем лучше, так как они наиболее полно будут удовлетворять индивидуально-умственным запросам и потребностям учащихся.

Все указанные школьные товарищеские организации, составляя необходимую принадлежность каждой школы, должны владеть полной свободой и самостоятельно, сами избирать своих уполномоченных и представителей (старост, делегатов, председателей и т. п.), сочинять для себя уставы и наблюдать за их исполнением. Администрация школы и учащие не должны вмешиваться в эти товарищеские дела учащихся, если их не попросят. Администрация и учащие должны тщательно следить за школьными организациями учащихся, помогать им хорошенько устроиться и функционировать и, конечно, наблюдать, чтобы не возникло какой-либо вредной организации, не соответствующей юношескому возрасту и образовательным целям заведения.

Наклонность к товарищеским организациям вполне естественна и сильна в детстве и юности: совместная жизнь, общие интересы и занятия неизбежно наталкивают на подобные организации. <...>

Настаивая на учреждении подобных организаций перед школьным начальством, родители окажут общеобразовательным школам существенную услугу, приводя их к надлежащему виду. Нужно признаться, что вся современная постановка школ и господствующие представления о них в значительной степени неправильны. Это, говорят, учебные заведения, а потому учебное дело почти все исчерпывает в них. Удивительная односторонность, замечательное сужение широкой задачи, пренебрежение богатством средств и поставление второстепенного дела на место главного!

В школах собираются сотни различных детей. Проводя время вместе, дети воспитывают друг друга или нет? Нужно уяснить себе ту мысль, что главнейшая воспитательная сила школы заключается не в школьном здании, не в директоре и даже не в учителях, не в программах и учебных планах, а в самих детях, в их взаимных отношениях, в их взаимном влиянии. Дети учат друг друга весьма многому, и их взаимное обучение перевешивает силу и влияние преподавателей с директорами и инспекторами. Мировоззрение детей и юношей слагается по большей части не под влиянием того, что говорят им учителя, а под влиянием того, что они слышат друг от друга, о чем спорят под влиянием прочитанных помимо ведома и рекомендации начальства и учащихся книг, под влиянием собственных наблюдений жизни – словом, помимо школы. В школе эта общественность, это взаимное влияние и обучение учащихся и есть самое главное явление, жизненный нерв школы. Дети

приходят в школу для совместной общественной работы, причем обучение есть орудие, материал этой общественной работы, стоящий постоянно на втором плане.

Наблюдайте за новичком, поступившим в школу, следите за его впечатлениями в школе, и вы сейчас же заметите, что его захватывает общественность обучения, а не самое обучение. Передавая вам ответы учащихся в классе, замечания учителя, различные случаи, он постоянно будет оттенять находчивость учащегося или его глупость, справедливость учителя или его придирчивость, будет описывать выражение лица учителя и учеников, их позы, тон голоса, причем само учение, урок, учебный предмет сами по себе его не интересуют, это только средства для проявления общественности класса, ловкости учеников, ненаходчивости учителя. Общественность, совместная работа, взаимное обучение и влияние учащихся, проявления хладнокровия, сообразительности, мужества – вот что главное в школе, что и нужно воспитывать и организовывать, учение же есть только средство, орудие для развития общественности. Между тем эту второстепенную вещь ставят на первый план и таким образом извращают всю сущность школы. Для серьезных теоретических научных занятий общество не нужно, для этого удобнее одиночество, обособленность. Если бы в школах действительно учение было главным делом, то учащихся следовало бы рассаживать по отдельным комнаткам или кельям и учить отдельно, применительно к их личным умственным способностям и познаниям. Как же скоро дети собираются вместе и учатся вместе, то суть дела здесь заключается, очевидно, в общественности, а не в учении, которое есть только средство для проявления общественности.

Таким образом, школа по обычному представлению и по нашему довольно различные учреждения: по обыкновенному – это есть учебное заведение, в котором дети все учатся и учатся без конца, где все пригнано к учению, где дети отчаянно скучают и принуждаются к учению, где все официально, натянуто и мертво; по нашему представлению, школа – это деятельный муравейник, в школе кипит жизнь, в ней разные организации и множество школьных обществ и кружков, *в школе дети прежде всего и больше всего учатся друг от друга общественности, получают основы гражданского образования и где обычное обучение при помощи директоров и преподавателей есть только средство для достижения другой, главнейшей и существеннейшей цели – гражданского воспитания детей.*

В семье строй семьи имеет большое значение для правильного общественного развития детей. В школе строй школы составляет параллельное явление указанному в семье. Жизнь школы определяется дисциплиной. Если задача школы ставится в обучении детей при главенствующей роли учителей, то дисциплина неизбежно будет отличаться требовательностью, строгостью и поставлением учащихся в страдательное, подчиненное положение к учителям; если же сущность школы видеть в развитии общественности, во взаимном воспитании и образовании учащихся, тогда дисциплина по необходимости должна быть другого рода, все в ней должно быть приноровлено к развитию общественности, гражданского долга и сознания ответственности учащихся за

свои действия. Очевидно, в такой дисциплине начало подчиненности и страха не имеет места, дисциплина основывается на доверии и правдивости учащихся и обнимает лишь самые главные стороны школьной жизни учащихся, не вдаваясь ни в какие подробности и мелочи, предоставляя устраивать их самим воспитываемым. Товарищи через своих выборных должны принимать самое деятельное участие в наблюдении за сохранением установленного в школе порядка, взыскивать за нарушения и лишь о более важных случаях доводить до сведения администрации. Словом, тяжесть наблюдения за выполнением дисциплинарных правил и ответственности за это наблюдение должна лежать не на воспитателях и учителях, а на самих учащихся, и весь склад дисциплины должен руководиться единственным началом – помочь учащимся возможно удобнее и лучше устроиться в своей товарищеской жизни и совместных занятиях.

Уважение учащейся личности, признание ее свободы и самостоятельности должны проникать весь школьный строй, причем, конечно, также последовательно проводится и начало ответственности учащегося за все его действия. Обычные дисциплинарные регламентации, бесполезные стеснения и требования, сухость, официальность и строгость при этом исчезнут сами собой, они явятся совершенно лишними. Вообще дисциплину нужно понимать не как отвлеченный порядок, определяемый наперед и независимо от учащихся прежде их поступления в школу, а как живой порядок, устанавливаемый самими работающими в школе, то есть учителями и учениками, применительно к предмету и орудиям работы и разным ее условиям. Дисциплина не может быть всюду одинаковой и неизменной. Например, дисциплина урока грамматики и естественной истории не может быть одна и та же. В одном случае нужно только слушать, в другом – глядеть, брать в руки, ощупывать, подниматься и сходить с места, расспрашивать. То урок истории или математики, то урок опытной физики. Свойства предмета и условия его преподавания неизбежно отражаются на школьной дисциплине. Точно так же дисциплина много зависит от свойств класса и личности учителей. Класс может отличаться живостью, бойкостью, шумливостью; требовать от него такого же внешнего порядка и спокойствия, как от класса с другими свойствами, нет достаточных оснований. Не лошадь делается для хомута, а хомут – для лошади. Наконец, учитель своими личными свойствами вносит особенности в дисциплину: один учитель любит бодрое, жизнерадостное настроение учащихся, допускает шутку; другой – особенно настаивает на внешнем порядке и почтительности; третий – приносит с собой громадный запас скуки. Словом, дисциплина есть дело живое, изменяющееся, а не мертвое, вечно одно и то же; в хорошей школе, организованной на общественных началах, дисциплина исчезает, растворяясь в воспитании, проникающем во все уголки школьной жизни.

Что касается школьной администрации, то на ее долю останутся высшее руководство и наблюдение за жизнью школы, ее порядками, организациями и обществами. Особенно внимательно администрация должна постоянно относиться к двум категориям учащихся: новичкам и к нарушителям порядка. К

новичкам нужно относиться особенно внимательно и любовно, чтобы они легче вошли в жизнь школы, усвоили ее порядки и требования, не попали бы под давление какого-либо забулдыги, который может вздумать издеваться над ними. Конечно, и старшие товарищи должны заботиться о новичках, но не мешает и администрации, так как дело это очень важное. С другой стороны, будут встречаться в школе упорные и дерзкие насильники, нарушители порядка, с которыми товарищам трудно будет справляться. Таких выдающихся по склонности к тирании и беспорядочности лиц администрация школы никогда не должна терять из виду, воздействуя на них всеми зависящими от нее – средствами и непосредственно и через товарищей.

Вообще же, если рассматривать состав учебного курса наших школ с точки зрения потребностей гражданского воспитания, то его следует признать слишком теоретичным и ставящим учащихся в чисто пассивное положение. С внешней стороны наши школы суть ряды классов, заставленных тесно столами, где почти и пошевелиться негде; с внутренней стороны – это заведения, приспособленные для усвоения путем слушания, причем сторона деятельная и творческая остается почти без внимания. И с внешней и с внутренней стороны школы рассчитаны только на один ряд свойств детской природы – пассивных: сидение, слушание, усвоение; а как применять усвояемое и осуществлять в жизни, в каком положении должны быть ручная работа, физическая деятельность, практика теории – все эти стороны и вопросы затронуты слабо. Между тем дети так и рвутся к практическому делу, к ручной работе, это их столь же основное стремление, такая же насущная потребность, как и усвоение и слушание. Для гражданина же, конечно, недостаточно одного теоретического усвоения, нужно уметь осуществлять свои мысли и планы, а для этого весьма полезен курс с участием ручных работ, физического труда и практической деятельности. Наши школы как будто имеют в виду готовить ученых-теоретиков; но карьера ученого деятеля, книжника будет уделом весьма немногих. Большинство учащихся уйдет в жизнь из школы для практического дела...

*Кантерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения / Сост. П. А. Лебедев. – М., 1982 – С. 232-251.*

## **ГЛАВА VIII. ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ПО СЕМЕЙНОМУ ВОСПИТАНИЮ**

*П. Ф. Кантерев*

### **Вступительная речь при открытии съезда**

Милостивые Государыни и Милостивые Государи!

Современная жизнь и окружающая действительность между многими частными вопросами ставит один существенный, капитальный: что нужно

делать – укреплять и усовершенствовать ныне существующее семейное воспитание или заменять его новым, общественным?

Современная культура, нередко очень жестокая, создает обширный класс лиц, не могущих воспитывать своих детей в семье, как, например, фабричные, уходящие работать ежедневно на фабрику, отец и мать. Они непрерывно взывают к обществу о помощи в воспитании, так как часто им бывает не на кого оставить своих детей. В таком же положении находятся земледельцы в страдную летнюю пору, бросающие детей на попечение судьбы.

Наконец, в достаточных классах населения родители и могли бы воспитывать своих детей, но часто не умеют. Любовь родительская – чувство драгоценное, но не может заменить собой педагогического умения и педагогической подготовки, которой часто бывают лишены родители. Да и дети при хорошем воспитании в семье рвутся к товарищам, нуждаются в более широком обществе, чем общество братьев и сестер. Отсюда возникают общественные организации, приходящие ныне на помощь семье по воспитанию детей: семейные союзы, кружки, общества по дошкольному воспитанию, воспитательные дома, ясли, детские сады, приюты.

И чем культурнее страна, тем многочисленнее и разнообразнее детские общественные организации. Таким образом, социализация семейного воспитания усиливается, просачиваясь в семью со всех сторон, все больше и больше завладевая семейным воспитанием.

Если семейное воспитание заменить всецело общественным, то хорошо ли будет? Тогда, несомненно, возникнут следующие два, весьма существенные недостатка в воспитании детей.

Во-первых, получится несомненный вред для развития детской индивидуальности. Общественное воспитание есть общественное не только потому, что оно создается обществом и ведется в обществе, но и потому, что оно имеет своей первой и самой главной задачей развитие в детях общих, то есть сходных свойств, оставляя без внимания или мало уделяя внимания тем свойствам, которыми дети отличаются одно от другого. Иным общественному воспитанию быть трудно: если воспитывать детей, как различных существ, стремясь к развитию их различных свойств, отличающих их друг от друга, то для воспитания каждого ребенка потребуется несколько особенная, своя педагогическая система, особая школа. Другими словами, такое строго индивидуалистическое воспитание может быть только одиночным, а не совместным, не общественным. А между тем различия между детьми и между взрослыми – источник жизни, деятельности, культурности; отличительные свойства детей составляют ту одаренность, ту гениальность, малую частичку которой приносит с собой в мир каждый нормально рождающийся младенец. В семье на различия детей обращается тщательное внимание, здесь детские особенности вскрываются, определяются, в семье поощряют развитие индивидуальных черт и даже холят их и нежат. В семье членов немного, а потому отличительные черты детей могут развиваться свободно, семье гнаться за стадностью в организации своих отношений к младшим членам нет нужды, а при общественном воспитании такая нужда налицо.

Во-вторых, только семья может внести в воспитание элемент необычайной важности – любовь, раскрытие и воспитание детского сердца. Общественное воспитание – это неизбежно воспитание рассудочное, построенное на науке, до известной степени холодное. Оно может быть прекрасным с объективной стороны, но оно будет лишено сердечной теплоты. Любить всех детей, за всех болеть душой, к каждому ребенку относиться не только внимательно, но и нежно, тепло, с сердечным трепетом, следить за каждым испытующим, беспокойным взглядом может только лицо, выдающееся по своему нервно-психическому строению. Но такие личности редки, обыкновенная личность изливает горячность своего сердца в пределах семьи. Для ребенка же ласка, любовь, нежность – одна из насущных потребностей, без любви и ласки дитя прямо вянет и портится.

Бессмертный певец семейной жизни и семейного воспитания, великий педагог Генрих Песталоцци утверждал, что “семейные радости человека – самые прекрасные в мире, а радость родителей, возбуждаемая детьми, есть самая святая радость человечества”. По его мнению, чувство любви в ребенке есть тот общий центр, то сосредоточие, которое упорядочивает и оживляет все остальные чувства; любовь есть та положительная и неизменная основа, от которой проистекает развитие всех способностей, содействующих нашему усовершенствованию. Искать другого пути, помимо развития любви, к усовершенствованию рода человеческого напрасно. Любовь матери к ребенку есть основа религиозности и нравственности дитяти. А это драгоценное чувство любви воспитывается только в семье. Каждый кусок хлеба, съедаемый ребенком, если ему дает его любящая мать, становится для развития любви в дитяти и его деятельности совсем иным, чем если бы он нашел этот кусок на улице или получил из чужих рук. Чулок, который мать вяжет дитяти на его глазах, представляет для развития его любви и деятельности совсем иное, чем чулок, покупаемый на рынке или в другом месте, который он надевает, не зная, откуда он попал в его руки. Поэтому Песталоцци полагал, что “семейная жизнь должна быть признаваема единственным внешним основанием, данным самим Богом для истинного человеческого образования”, что “в своей чистоте эта жизнь есть самое возвышенное, что только можно придумать для воспитания нашего рода, и о чем только можно мечтать”.

Так думал Песталоцци о семье и семейном воспитании.

Конечно, может казаться, что Песталоцци, этот гений сердца, человек возвышенного настроения и гуманнейшей души, преувеличивает, выводя все развитие всех человеческих способностей из семейных чувств, но отбросить целиком его взгляды нельзя, в них есть истина. Нельзя спорить против того, что на практике семейному воспитанию присущи многие недостатки; но они могут быть отчасти устранены, а отчасти смягчены серьезной разработкой вопросов семейного воспитания. Нет сомнения, что педагогика несравненно больше занималась школьным образованием, чем семейным воспитанием. Если собрать, например, учебники, методики и трактаты по изучению одного только латинского языка, то их наберется гораздо больше, чем сочинений по семейному воспитанию. Неудивительно поэтому, что оно и в его теоретическом

обосновании и в его практической постановке значительно запущено. Семейное воспитание можно до известной степени назвать новооткрытой областью научной педагогики.

Я полагаю, что заменить всецело семейное воспитание общественным невозможно и нежелательно. У семейного воспитания есть основы для выработки своей педагогической системы, есть незаменимые преимущества, потерю которых не может вознаградить никакое, самое усовершенствованное, общественное воспитание. Вообще, стремиться похоронить семью и семейное воспитание незачем. Но, с другой стороны, было бы неразумно семье отвернуться от общества и вести воспитание своих новых членов исключительно за свой счет, единственно своими силами, без помощи существующих и могущих открыться общественных организаций. Как, в каком виде и форме выработать самостоятельную систему семейного воспитания и как сочетать ее с общественными организациями и элементами, насколько ее социализировать, на этот вопрос должен дать ответ съезд по семейному воспитанию, который я имею честь и удовольствие объявить открытым.

*Кантерев П. Ф.* Вступительная речь при открытии съезда // Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. – СПб., 1914. – Т. 1. – С. 23-25.

*П. Ф. Кантерев*

## **Задачи семейного воспитания**

### **I**

Задачи семейного воспитания общи с задачами всего воспитания, всех воспитательных возрастов. Стремление обособлять, при построении педагогической системы, возрасты и разбивать воспитание на несколько отдельных и даже самостоятельных периодов ныне оставлено. Еще Амос Коменский горячо ратовал за идею единства воспитания, утверждая, что начала воспитания, и образования материнской школы составляют основы педагогической деятельности и во все последующие воспитательные возрасты, лишь постепенно расширяясь и захватывая больше материала. Личность есть нечто цельное, развивающееся органически, а не нарастающее механически; в ней последующее соткано с предыдущим живой неделимой связью. Дитя – это отец взрослого человека. Переживает возрасты и развивается в них один человек, а не четыре. Воспитание по своей сущности, по своим целям и задачам едино, целостно. Поэтому нет возможности определять задачи семейного воспитания, не определяя в то же время и задачи воспитания вообще, для всех дальнейших воспитательных возрастов.

Но при цельности личного развития как органического каждый воспитательный возраст имеет свои особенности, свою более или менее определенную и законченную форму в физическом и духовном отношениях, свои своеобразные переживания, свое горе и свою радость. Общие



воспитательные задачи преломляются в особенностях возрастов, получают от них своеобразную окраску, а потому и кажутся самостоятельными, в сущности оставаясь теми же, общепедагогическими.

Здесь не место точно формулировать и доказывать задачи всего воспитания и образования, но перечислить их как нечто данное необходимо. Они таковы: 1) всестороннее развитие самостоятельной личности, связанное и по возможности гармоническое; 2) воспитание человека как члена общества в среде товарищей и сверстников, детских обществ, союзов и кружков; 3) воспитание человека в связи с внешней природой, среди природы, при помощи природы как ее члена; 4) воспитание человека в связи с первоисточником мировой жизни с Божеством как момента, песчинки вселенского бытия. Эти задачи нужно постоянно иметь в виду и при семейном воспитании, иначе развитие личности будет неправильным.

Теперь мы в общем рассмотрим, как семейное воспитание может осуществлять перечисленные задачи в пределах первого воспитательного возраста и применительно к его особенностям.

## II

Каждый рождающийся человек есть конец одной длинной истории и начало новой. Каждый младенец – это результат деятельности родителей, жизни предков, жизни и деятельности нации и всего человечества, насколько оно представляет собой связанное целое. Но при этом каждый подчинен своей особой наследственности, в каждом живут его родители, близкие и отдаленные предки, каждый отличен от других, оригинален. Два брата, две сестры никогда не будут совершенно одинаковыми, потому что у них несколько различная наследственность. Их можно положить в одну кроватку, одеть в одинаковое платье, поставить в одинаковые условия жизни и развития, но нельзя сделать их одинаковыми личностями. Они будут и двигаться, и смотреть, и плакать, и слушать, и есть, и спать каждый несколько по-своему. Сливаясь сначала, по-видимому, в одно существо, они все больше и больше будут различаться с возрастом. А это позднейшее развитие, существующее с самого начала их бытия, вследствие неодинаковой наследственности. Природное различие детей влечет неодинаковость реакций детей на впечатления, реакции каждого ребенка своеобразны. Каждый родившийся есть творец новой жизни, и его творчество новой жизни начинается с момента рождения, с оригинальности его реакций на впечатления, которая постепенно будет выясняться. В этом заключается исходный пункт всего семейного воспитания.

Если каждый родившийся организм своеобразен вследствие особенной наследственности, то нужно выследить и понять эту своеобразность. Поэтому родителям и воспитателям довольно долгое время придется быть не столько руководителями развития родившегося организма, сколько тщательными и совестливыми его наблюдателями. Дитя медленно, ощупью будет приспособляться к окружающей среде, жадно и в то же время боязливо ловить все впечатления. Оно будет как бы выпускать из себя невидимые щупальцы и ими дотрагиваться до всего, до чего оно может дотронуться. Не только нужно наблюдать, но и изучать, к чему дитя тянется и от чего отворачивается, чтобы

понять дитя, его индивидуальность. Родителям и воспитателям нужно воздерживаться на первых порах от вмешательства в реакции дитяти на впечатления среды, потому что для того, чтобы понять природу родившегося, что он с собой принес в мир, какую наследственность, какой дар жизненного строительства, для этого необходимо тщательно изучать реакции самого дитяти на впечатления, не примешивая к самобытной деятельности детского организма своих элементов, воздействий и указаний.

Такое положение воспитателя не означает бездеятельности, поле для деятельности воспитателя остается большое. 1. Нужно создать соответствующую педагогическим целям среду для развития дитяти, материальную и нравственную. Среда будет давать дитяти материальную и духовную пищу, поэтому она должна быть здорова, чиста, богата содержанием, чтобы и физическое и духовное питание было обильно и разнообразно. Дитя жадно поглощает и пищу и впечатления, трудно сказать, к чему оно более жадно. Из пищи и воздуха оно будет строить свой физический организм, из воспринятых впечатлений – духовный. Всякие недостатки материала – в пище, в воздухе, в движениях, в товарищах и товарищеских играх, в родителях, в серости и монотонности их жизни, местной природы – отразятся соответствующими недостатками на развивающейся личности. А устроить всю окружающую ребенка среду благоприятной во всех отношениях его развитию – дело весьма трудное и сложное. Трудность увеличивается еще тем, что такая деятельность воспитателя неизбежно сопряжена с самовоспитанием воспитателя, так как он источник многих впечатлений для дитяти, он образец для подражания, а если в нем самом много недостатков, как обыкновенно бывает, то ему необходимо от них освободиться, иначе источник впечатлений дитяти будет нечист, отравлен. 2. В окружающей среде дитяти встретится много неизвестного, к чему определить своих отношений без помощи взрослого оно не может, многого оно не будет уметь делать, от многого может получить вред, если не предохранить его, и т. д. Нужно дитяти помогать и за ним непрерывно наблюдать, в чем открывается обширное поле деятельности для воспитания. Но только нужно постоянно заботиться о том, чтобы дитя побольше делало само. Ведь это будущий строитель жизни, который будет строить жизнь после нас, без нашей указки и помощи, а потому больше всего и должен быть приучаем к самостоятельной деятельности. Подавление дитяти нашим авторитетом, ослабление его самостоятельности нашими непрерывными указаниями и излишней помощью есть один из самых больших педагогических грехов, какие только могут сделать родители и воспитатели по отношению к детям.

### III

В той мере, как тщательным наблюдением будут выясняться свойства личности, ее природная индивидуальность, будет постепенно вырисовываться другая существенная задача семейного воспитания – необходимость расширения индивидуальности. Каждая индивидуальность ограничена, ей присущ данный вид свойств и деятельностей, далеко не исчерпывающих всех возможных человеческих свойств и деятельностей; у нее обыкновенно бывают некоторые свойства слабые, недостаточные. Что делать с такой

индивидуальностью? Оставить ее в ее естественном несовершенстве грустно, стремление к лучшему, к идеалу побуждает педагога начать работу по усовершенствованию и расширению индивидуальности, по исправлению ее недостатков, пополнению пробелов – словом, к возведению ее к идеальному человеку, всестороннему и гармоническому. Здесь-то и открывается чрезвычайно трудная и сложная задача для родителей и воспитателей, требующая большой осторожности при ее разрешении. Дело в том, что недостатки и недочеты личности суть ее естественные свойства, к ним, поэтому нужно относиться терпеливо, спокойно, без всякого гнева и раздражения. Далее следует твердо помнить и обстоятельно усвоить ту мысль, что недостатки часто составляют только обратную сторону, изнанку хороших свойств, например, гневливость и властолюбие – неправильное выражение силы и энергии, нерешительность и боязливость – осмотрительности при сложности положения, необычайная раздражительность – тонкой чувствительности, большая односторонность – глубокой сосредоточенности духа на одном ряде мыслей и т. п. Борясь с недостатком, нужно постоянно опасаться, как бы не ослабить связанного с ним ценного качества, как бы вместе с водой не выплеснуть из ванны и ребенка: хорошо чистить платье и выводить имеющиеся на нем пятна, но чистить его до дыр не годится.

Расширение индивидуальности новыми желательными свойствами требует еще больших хлопот: многих строго обдуманых и последовательных упражнений, направленных к одной цели, и отыскания, по возможности, хотя бы слабой опоры в свойствах индивидуальности для созидания нового желательного свойства. Новое свойство быстро не прививается, для его укрепления нередко может потребоваться педагогическая работа не над одним, а над несколькими поколениями. Но создание их возможно, в современном культурном человечестве имеются такие свойства, которые не были присущи первобытному человеку.

В период семейного воспитания недостатки индивидуальности вскрываются еще не вполне, не во всей силе, но, несомненно, кое-что в этом отношении уже обнаруживается. На основании открывшихся фактов придется, может быть, не столько сейчас приступать к открытой борьбе с детскими недостатками и расширению детской индивидуальности, сколько к принятию предохранительных мер, к подготовке такой постановки дальнейшего образования и воспитания, которая препятствовала бы развитию недостатков и подготовляла к расширению детской индивидуальности в желательном направлении. Отсюда открывается тесная связь между семейным и школьным воспитанием и образованием, выясняется положение, что корни школьного развития личности лежат в семейном воспитании. Если справедлива поговорка: “Каков в колыбельку, таков и в могилку”, – то тем более справедливо сказать: каков в колыбельке, таков и в школе.

#### IV

Для выяснения природы семейного воспитания следует обратить внимание на его отрицательную сторону в практическом выполнении.

Крупнейший недостаток семейного воспитания – это весьма малое изучение природы ребенка, малое к ней уважение, а потому полное подчинение дитяти какой-нибудь искусственной схеме, придуманной родителями по разным практическим соображениям.

1. Одна из любимых родителями искусственных схем есть превращение детства в подготовительный период к следующему, школьному, возрасту. Детство само по себе не уважается, оно не имеет никаких прав, ничего самостоятельного, оно только маленькая станция на пути к дальнейшим возрастам, и чем меньше на ней останавливаться, тем лучше. Такой взгляд на детство сразу ставит дитя в неестественное положение: занимайся не тем, что тебе любо и дорого теперь, а тем, что тебе понадобится через несколько лет; веди себя не как пяти-шестилетнее дитя, а как девяти-десятилетнее, думай о школе, пренебреги настоящим, живым и веселым, и перенесись в будущее. От дитяти требуется скороспелость, недетская рассудительность и усидчивость; его как можно раньше стараются учить грамоте, иностранному языку, стремятся незаметно, шутя, ознакомить поскорее со счетом, священной историей, с географией, начатками всех других наук. И все потому, что это понадобится в школе, как будто в школе не будет времени для учения.

Этот недостаток есть вольное и невольное, недостаточно ясно сознаваемое, социализирование семейного воспитания самими родителями, потому что школа есть общественное учреждение, и приспособление к ней семьи есть приспособление семейного воспитания к общественному, копирование последнего и в то же время, по крайней мере, по известной степени, отказ от начал семейного воспитания, и усвоение вместо них начал школьного образования.

2. Другая любимая родительская схема – особенная энергия в развитии одной какой-либо стороны в воспитываемом и малое внимание ко всем другим. Есть родители-гигиенисты, на все в жизни смотрящие с точки зрения гигиены. Для них сущность семейного воспитания заключается в том, чтобы обильно и питательно кормить дитя, вовремя укладывать его спать, достаточно прогуливать, хорошо одевать, часто проветривать детскую, оберегать дитя от заболеваний, а если заболело, то настойчиво и продолжительно лечить его. Все прочее на втором плане, воспитывается крепкое животное. Точно также есть родители интеллектуалисты, эстеты, набожные, практики, выше всего ценящие в дитяти какую-либо одну категорию свойств, кажущихся им самыми важными, и на прочие обращающие мало внимания. Понятно, что заколачивать дитя в такие узенькие схемы можно только путем упорной и тяжелой борьбы с природной разносторонностью детских стремлений.

3. Третий важный недостаток семейного воспитания – семейный эгоизм и ограниченность кругозора. Случается нередко, что семья живет замкнуто, отчужденно от общественных организаций, принимает весьма слабое участие в общественной жизни. В такой семье все расценивается, как могущее принести пользу или вред семье, ее отдельным членам, а не затрагивающее прямо семью считается безразличным и в лучшем случае служит лишь предметом праздного любопытства. Все, что вне семьи, признается сырым материалом для постройки

семейного благополучия. Такая узкая, внеобщественная семья, такое гнездо обыкновенно прививает детям самый жестокий и грубый эгоизм и сообщает крайнюю ограниченность детскому кругозору. Из подобных семей выходят обыкновенно так называемые хорошие семьяне и самые плохие граждане. Живая связь семьи с общественными организациями есть в настоящее время необходимое условие правильного развития детской личности в семье. *Тезисы доклада.*

1. Задачи семейного воспитания общие с общепедагогическими – изучение свойств ребенка, создание внешней среды.

2. Недостатки семейного воспитания – превращение детского возраста в подготовительный курс к школе и искусственность семейного воспитания.

*Кантерев П. Ф. Задачи семейного воспитания:*

Доклад на общем собрании 30 декабря  
1912 г. // Труды Первого Всероссийского  
съезда по семейному воспитанию. –  
СПб., 1914. – Т. 1. – С. 31-36.

## **Резолюции и пожелания первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию**

### **I. Об изучении ребенка**

1. Ввиду важного общественного и государственного значения изучения детей в целях согласования приемов воспитания и обучения с общими и индивидуальными особенностями детского возраста необходимо учредить специальные институты для научного изучения детей, и организовать правильное наблюдение детей в школе.

2. Ввиду важного значения индивидуальности в вопросах воспитания необходимо организовать комиссию для выработки программы изучения детей в семье с указанием доступных семье научных методов наблюдения детских индивидуальностей.

3. Съезд считает необходимым организовать особую комиссию для выработки вопроса о естественном эксперименте и об экспериментальных уроках, в частности, в целях скорейшего проведения их в жизнь и проверки их практической ценности.

4. Съезд признает желательным: 1) устройство в больших городах Российской Империи постоянных и подвижных музеев по детской гигиене, в которых матери могли бы наглядно ознакомиться с правильным уходом за детьми, и 2) чтобы преподавание гигиены в учебных заведениях велось на более научных и удовлетворяющих запросам практической жизни основаниях.

### **II. О физическом образовании**

Теоретические и практические вопросы физического образования, глубоко затрагивающие интересы всего населения страны, нуждаются в

постоянной научной разработке, а потому желательно создание в крупных городах “институтов физического образования”, обладающих всеми научными и материальными средствами для решения важнейших проблем физического образования, по примеру некоторых заграничных (Швеция, Франция и т. д.).

Кроме того, Съезд высказывается за необходимость широкого распространения экспериментального исследования влияния физических упражнений на развитие детей и установление научного контроля за результатами физических упражнений.

### **III. Об объединении родительских организаций**

Воспитание молодого поколения должно быть совместным делом семьи, государства и школы, для чего, с одной стороны, должна быть установлена тесная связь между каждой отдельной школой и семьями обучающихся в них детей, а с другой стороны, должны быть приняты меры к распространению в широких кругах общества правильных педагогических взглядов и к сплочению родителей. Деятельность родительских кружков, обществ и других организаций должна быть объединена во Всероссийский родительский союз.

Задачами этого союза являются: 1) объединение всех существующих организаций (как-то: семейно-педагогических кружков, родительских кружков и обществ, обществ дошкольного воспитания и т. п.); 2) всемерное содействие развитию уже существующих и появлению новых организаций или местных отделений их; 3) осведомление местных и провинциальных отделений и других педагогических и родительских организаций о постановке обучения и воспитания, как в семье, так и в школе, в детских садах и тому подобных учреждениях.

### **IV. О детских клубах**

Устройство детских клубов для всех слоев населения необходимо для нравственного и умственного развития подрастающего поколения.

При современных условиях жизни отдельной семье не всегда по силам задача воспитания детей. На помощь семье должен прийти небольшой семейный коллектив из семейств, более однородных по своему социальному положению, и одной из форм такого объединения является семейный детский клуб.

Задачей детского клуба является разумный отдых детей в семейном кругу, сообщение им знаний, соответствующих их стремлению, а также удовлетворение их творческих запросов.

Для успешного функционирования детского клуба необходимо: участие детей сообща с родителями в ведении дел клуба и определенная форма организации клуба, причем количество детей в клубе не должно быть велико.

Необходимо содействие семейным клубам со стороны общественно-педагогических организаций.

Невозможность для широких слоев общества устраивать семейные детские клубы вызывает необходимость создания общественно-педагогическими организациями общественных детских клубов.

## **V. О детских площадках**

А. Цель детских площадок способствовать всестороннему развитию детей в физическом, нравственном, умственном и общественном отношении. Средствами для осуществления этой цели должны служить игры, прогулки, экскурсии и различные занятия. Детские площадки должны функционировать по возможности целый год, быть бесплатными и общедоступными; желательна организация питания детей на площадках. Руководительницам детских площадок нужна педагогическая подготовка и желательна подготовка специальная. Детские площадки, являясь таким же необходимым средством воспитания и образования, как школа, должны организоваться на средства городских самоуправлений, земств и других общественных учреждений. Частная инициатива в этой области должна пользоваться полной свободой и поддержкой общественных учреждений.

Съезд предлагает городским и земским самоуправлениям озаботиться устройством детских площадок для всего детского населения городов и пригородов. Желательно учреждение центрального органа, который сосредоточивал бы все данные о детских площадках и давал бы деятелям площадок все необходимые им сведения.

## **VI. О народных детских садах**

Желательно, чтобы идея народных детских садов получила широкое распространение в обществе. Учреждение народных детских садов должно быть предоставлено широкой общественной инициативе и городским, и земским самоуправлениям при материальной поддержке из общегосударственных средств.

Народные детские сады должны быть доступны детям всех без исключения классов населения и посещение их должно быть бесплатным. Дети, посещающие народные детские сады, должны получать там пищу.

Необходимо устройство курсов и семинарий для подготовки опытных воспитателей-руководителей детских народных садов в различных местностях России.

## **VII. О детских яслях**

Признавая за яслями огромное общественно-педагогическое значение, съезд выражает пожелание, чтобы вся Россия была покрыта сетью детских яслей для детей деревни.

## **VIII. О борьбе с детской смертностью**

Признавая, что детская смертность является вопросом огромной государственной важности и что главнейшими причинами детской смертности являются недоедание, тяжелый труд матери во время беременности и алкоголизм, съезд считает необходимым для действительной борьбы с детской смертностью поднятие общего экономического положения страны, а в частности следующие меры:

1) обеспечение населения достаточным количеством больниц, амбулаторий, консультаций для матерей, яслей и т. п.;

2) законодательная охрана женского и детского труда во всех отраслях промышленности с введением женской фабричной инспекции для проведения в жизнь этой охраны;

3) государственное страхование материнства, которое давало бы возможность трудящейся женщине освободиться от тяжелой работы, по крайней мере, за 2 недели до и на 4 недели после родов;

4) распространение среди всего населения не только начатков общего образования, но и специальных познаний по гигиене и уходу за ребенком.

## **IX. О борьбе с алкоголизмом**

1. Ввиду неуклонно растущей алкоголизации населения, захватывающей все более и более в свои цепкие объятия и молодое поколение, неотложно необходимо живое, горячее, энергичное участие семьи в борьбе с ведущим к вырождению алкоголизмом. Для этого прежде всего должно, чтобы все имеющие то или иное отношение к воспитанию юного поколения были вполне осведомлены о всеобъемлющей тлетворной роли алкоголя как тормоза прогресса во всех областях народной жизни. В основу борьбы с алкоголизмом, согласно современным научным данным, должно положить принцип полного воздержания от спиртных напитков как в виде установившихся диких питейных обычаев, так и алкогольных предрассудков. Успех в борьбе с алкоголизмом, как показал уже опыт наиболее культурных стран, может быть обеспечен лишь тогда, когда центр ее будет перенесен с последствий алкогольного отравления на предупреждение зла, когда главнейшее внимание будет сосредоточено на воспитании юных, подрастающих поколений в духе полного воздержания от каких бы то ни было спиртных напитков. <...>

## **X. О помощи школьникам**

Принимая во внимание, что: 1) всеобщее обучение – не благодеяние для учащихся, а необходимое условие благосостояния и процветания страны; 2) действительное осуществление всеобщего обучения возможно только при полной его бесплатности и общедоступности (снабжение учебными пособиями, пищей, одеждой и т. д.) и невозможно при современной необеспеченности, нищете и голодании учащихся; 3) плачевное состояние организма школьников из-за хронического недоедания и постоянной нужды грозит вырождением



России и 4) среди многих ненормальных условий жизни учащихся на первое место надо поставить недостаточное и неудовлетворительное питание учащихся, съезд признает, что помощь школьнику – *долг страны* и что государство, местные самоуправления и общество должны взять на себя заботу об учащихся вообще и, прежде всего, позаботиться накормить их на целый день и в течение круглого года. <...>

## **XXIX. О борьбе с детской преступностью**

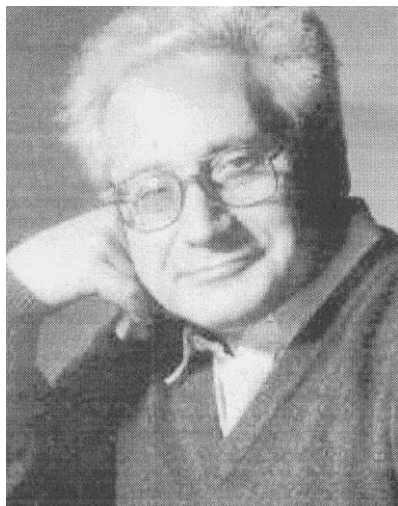
I. Борьба с детской преступностью должна вестись прежде всего посредством повышения экономического и правового положения народа и его просвещения. Ближайшим же образом посредством: а) развития целой сети общедоступных воспитательных и образовательных учреждений, как-то: яслей, очагов, детских квартир, детских садов и площадок, посредством введения всеобщего и доступного для всех без исключения детей начального обучения; б) законодательной охраны прав детей в семье и вне семьи; в) лечебно-воспитательных учреждений, как-то: санаторий, лечебниц, школ для отсталых детей и пр.

Детей же, совершивших преступление или подозреваемых в том, необходимо оградить от развращающего влияния арестных помещений, общего судопроизводства и тюремного режима посредством учреждения повсеместно особых судов для малолетних, патронатов, попечительств и приютов...

*Труды Первого Всероссийского съезда  
по семейному воспитанию. – СПб.,  
1914. – Т. II. – С. 692-702.*

## Кон Ігор Семенович (1928 р.н.)

### Відомий російський вчений



Ігор Семенович Кон народився 21 травня 1928 р. в м. Ленінграді. Закінчив історичний факультет Ленінградського педагогічного інституту імені О. Герцена (1947). Кандидат історичних наук (1950), кандидат філософських наук (1950), доктор філософських наук (1960), професор (1963), дійсний член Російської Академії освіти – відділення психології і вікової фізіології (1989), головний науковий співробітник Інституту етнології та антропології Російської академії наук.

Працював у Вологодському педагогічному інституті (1950-1952), Ленінградському хіміко-фармацевтичному інституті (1953-56 рр.), Ленінградському державному університеті (1956-1967), Інституті філософії АН СРСР (1976-68), Інституті конкретних соціальних досліджень АН СРСР (1968-1972), Інституті суспільних наук (1972-1974). Займався дослідницькою і викладацькою діяльністю у провідних університетах Європи та США.

Галузь наукових інтересів – філософія та методологія історії, історія соціології (засновник і перший президент Дослідницького комітету з історії соціології Всесвітньої соціологічної асоціації), етика, соціальна і вікова психологія, теорія особистості, антропологія, сексологія.

І.С. Кон є автором праць із соціології дитинства, що стосуються питань виховання молоді в сім'ї. Автор 40 підручників і 300 статей, багато з яких перекладено іноземними мовами. Відповідальний редактор низки колективних праць ("Словник з етики", "Етнографія дитинства"), член декількох міжнародних наукових товариств і академій

І.С.Кон, займаючись питаннями дослідження неформальних об'єднань, підкреслював, що прагнення дітей до об'єднання пояснюється психологічними і соціальними причинами. До соціальних він відносив непорозуміння дітей у сім'ї, дитячому формальному колективі, кризовий стан суспільства, бюрократизм виховних та навчальних закладів, погана організація дозвілля дітей. Психологічні причини: поведінка підлітка у більшості визначається особливою маргинальністю його стану в перехідний період від дитинства до дорослості. Саме в цей час у психіці підлітка виявляються протиріччя. У перехідному підлітковому віці відбувається переорієнтація спілкування дитини з батьками та вчителями і взагалі старших та однолітків.

Для педагогічної науки і зокрема для сімейного виховання велике значення має історико-етнографічна праця І.С.Кона "Дитина і суспільство"

(1988), яка містить теоретико-методологічний аналіз сучасного стану етнографії та історії у світі дитинства. Співставляючи понятійний апарат і фактичні дані етнографії, історії, соціології і психології, автор окреслює природу вікових категорій дитини, співвідношення мети і засобів виховання, статеві відмінності і особливості соціалізації хлопчиків і дівчаток, специфіку батьківських почуттів і взаємодії батьківських і материнських функцій у різних суспільствах Сходу і Заходу.

До даного видання додається розділ “Етнографія батьківства” із праці І.Кона “Дитина і суспільство”, перекладений нами українською мовою.

*Кон І. С.*

## **Етнографія батьківства. Батьківство як соціокультурний феномен**

Питання про природу батьківських почуттів і стосунків з погляду наївної повсякденної свідомості видаються простими, самоочевидними: батьки, насамперед мати, – головні і природні вихователі дитини; їх поведінка детермінується природженим інстинктом, потребою в продовженні роду, а відсутність чи нерозвиненість батьківських почуттів – не що інше, як порушення чи перекручення цієї універсальної біологічної і соціально-моральної норми.

Навіть за поверхневого обговорення проблеми батьківство стикається з безліччю суперечливих питань. Чи є батьківство біологічним, соціокультурним, біосоціальним явищем і як взаємодіють один з одним його різнорівневі компоненти і детермінанти? У чому полягає і від чого залежить специфіка батьківських і материнських функцій? Яке місце батьків у ряді інших агентів соціалізації і як воно змінюється залежно від соціальних умов, господарської діяльності, структури сім'ї тощо?

Щоб конкретно поставити ці питання, необхідно насамперед уточнити предмет обговорення. Чи маємо ми на увазі спонтанні батьківські почуття – любов до дітей, чадолюбіє? Чи специфічні батьківські цінності, соціальні умови, більш-менш усвідомлене ставлення батьків до дітей? Чи соціальною є роль батька і матері? Чи культурні символи батьківства і материнства, втілені в міфах, релігії тощо? Чи практику, стиль взаємин реальних батьків і дітей у даному конкретному суспільстві?

Ці питання, у свою чергу, вимагають подальшої конкретизації. Ставлення батьків до дитини залежить як від їхнього власного, так і від її, дитини, віку і статі. Батьки і матері неоднаково сприймають і ставляться до синів і дочок, до немовлят і до підлітків. Крім того, їхні взаємини залежать від конкретних соціальних умов, так як природне, що саме собою розуміється, нормативне для однієї країни й епохи, наприклад, інфантицид, виглядає протиприродним, дивним і навіть дивовижним в іншу епоху.

Батьківська турбота про нащадків, безумовно, має свої філогенетичні передумови. Загальний “паттерн”, зразок батьківського піклування, як і всі інші

біологічні риси, генетично запрограмований і варіює від одного виду до іншого. Наявність (чи відсутність) такого піклування, його характер і тривалість розрізняють біологічні види один від одного настільки ж надійно, як анатомічні ознаки. Дуже важливу роль у детермінації ступеня і змісту батьківської турботи у таких батьків відіграють екологічні умови.

Відповідно до понять сучасної популяційної біології, якщо умови середовища, у якій живе такий тип, стійкі і передбачувані, К-відбір переважає над г-відбором (де К – несуча здатність середовища, – тип природного відбору, характерний для видів, що живуть у стабільному середовищі існування, що дозволяє підтримувати більш-менш стійкий чисельний рівень популяції, на відміну від г-відбору, що характеризується її постійним ростом; з цим приблизно пов'язані визначені генетичні властивості). У результаті виникають демографічні наслідки, що сприяють розвитку батьківської турботи про потомство. Такі тварини довше живуть, швидше збільшуються в розмірах і заводять потомство через визначені тимчасові інтервали, а не всі відразу (ітеропарія, від лат. – повторювати і рано народжувати). Якщо місце існування виду чітко структуроване (наприклад, кораловий риф на противагу відкритому морю), то тварини будуть займати визначений домашній простір чи територію, принаймні, періодично повертатися у визначені місця для годівлі у пошуках притулку (філопатрія, букв.– любов до батьківщини). В обох випадках адаптивним буде народження щодо малого числа нащадків, чий шанси на виживання збільшуються в результаті спеціальної уваги і турботи на ранніх стадіях їхнього розвитку. З іншого боку, види, що освоюють нове, фізично важке для виживання середовище, створюють специфічні засоби самозахисту, включаючи турботу про потомство в період його максимальної незахищеності. Спеціалізація на таких видах їжі, що важко знаходити, використовувати чи охороняти від конкурентів, іноді доповнюється територіальною поведінкою і посиленням захистом харчових ресурсів у період вирощування потомства. Деякі види хребетних навіть навчають своїх нащадків техніці збирання. Полювання, хижацький спосіб життя можуть вимагати збільшення батьківського внеску для захисту життя потомства. Ці чотири середовищних фактори – стабільне, структуроване середовище, що сприяє К-відбору; незвичайно важкі фізичні умови; здатність і необхідність визначеної харчової спеціалізації і, нарешті, мисливський спосіб життя – можуть окремо й у сполученні один з одним позитивно впливати на посилення батьківської турботи (див. мал. 7).

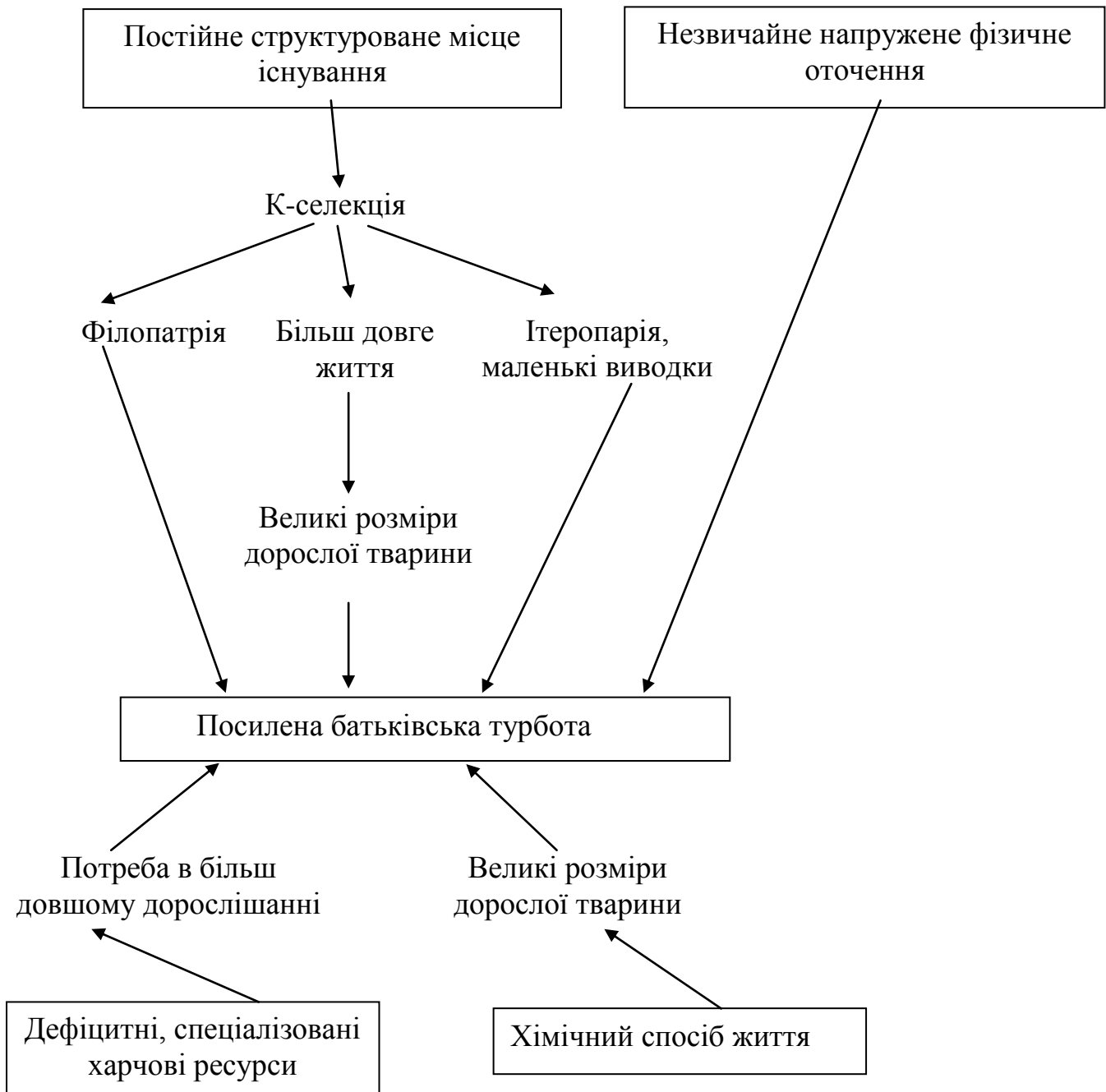


Рис. 7. Умови середовища і механічної біологічної адаптації, які ведуть до підсилення батьківської турботи (за Е.Уілсоном).

Видова сімейна структура, з якою зв'язана диференціація батьківських і материнських функцій, також має екологічні передумови. Наприклад, перехід від полігамії, що переважає в більшості видів, до моногамії, тобто стійкому шлюбному союзу самця і самки хоча б на термін вирощування одного виводку (у безхребетних на 10 тис. полігамних видів сягає менше одного моногамного виду, тоді як серед птахів сезонна моногамія існує приблизно в 91% усіх видів), обумовлений, на думку Е. Уілсона, специфічними умовами, коли одна самка без допомоги самця не може виростити потомство (недостатність харчових ресурсів, необхідність охорони території від ворогів, тривалість періоду, коли діти безпомічні і вимагають постійної материнської опіки, не залишаючи самцеві часу і сил для інших аспектів життєзабезпечення). Там, де батьківські обов'язки виконує винятково самка, а батьківства не існує, на інший бік відходить і необхідність у тривалому попередньому залицянні і тим більше в тривалому шлюбному союзі.

Ступінь і зміст батьківського внеску тісно пов'язані з деякими іншими видовими властивостями.

Але якими вагомими не були б філогенетичні передумови батьківства, біологія не пояснює специфіку батьківської поведінки, його мотивації й інституціоналізації у людини. Порівняльно-історичні дані переконливо свідчать, що сучасні життєві уявлення в цьому аспекті зовсім не є універсальними, батьківська любов, як ми її сьогодні розуміємо, є продуктом тривалого і дуже суперечливого історичного розвитку.

Як уже зазначалося вище, на ранніх стадіях розвитку людського суспільства індивідуальне батьківство взагалі не інституціоналізувалось, турбота про дітей і їхнє виховання були справою всієї родової громади. У традиційних суспільствах Полінезії батьківські функції і досі, як правило, розподіляються між широким колом родичів, а дітей навчають вважати себе належними до загальної групи. Виняткова індивідуальна прихильність між дитиною і його біологічними батьками в таких умовах просто не може виникнути і підтримуватися.

Що стимулювало людей народжувати і виховувати дітей? У вітчизняній науці це питання обговорюють демографи (А.І.Антонов, В.А.Борисов, А.Г.Вишневський, Л.Е.Дареній і ін.), причому широкого поширення набула ідея про наявність у людини специфічної потреби у батьківстві, у материнстві чи просто потреба в дітях.

Але який зміст цієї потреби? З одного боку, підкреслюються раціонально-економічні поняття: діти були економічно корисні, тому що сини ставали робітниками, а дочки, крім того, приносили викуп (калим). “Діти були помічниками у виробництві і годувальниками батьків похилого віку, вірними соратниками в захисті та нападі, предметом гордості й елементом престижу. Їхні шлюбні зв'язки створювали міцну опору в сусідській громаді. Взагалі, з якого боку ми “і розглядали велику патріархальну сім'ю, мати багато дітей і насамперед синів було гарантією міцності її соціальних позицій”; з іншого боку, висуваються психологічні мотиви. “Потреба в дітях є соціально-

психологічною властивістю соціалізованого індивіда, що виявляється у тому, що без наявності дітей індивід відчуває ускладнення особистість. “Діти потрібні для задоволення однієї, хоча і дуже важливої потреби – потреби мати об’єкт альтруїстичної турботи й опіки, потреби у відчутті власної необхідності і корисності для любові і турботи”.

З погляду сучасної свідомості “корисна” модель управління народжуваністю виглядає цілком логічною. Однак А.Г.Вишневський справедливо вказує на її недостатню історичність. Хоча прихильники корисної моделі постійно говорять про історичні зміни і навіть перехід від одного типу народжуваності до іншого, “якщо вдуматися в їхню аргументацію, то не можна не прийти до висновку, що всі визнані ними зміни належать до кількісної сторони явища: корисність дітей падає, їх здатність задовольняти потреби батьків зменшується, потреба у дітях слабшає. Але тип поведінки залишається незмінним: на велику корисність дітей люди реагують високою народжуваністю, на малу – низькою”.

Чи не так це? По-перше, люди, не завжди мали змогу вибору. “Ні громадянин античного поліса, ні середньовічний ремісник, ні селянин у минулому столітті, а індійський навіть і в нинішньому, не з’ясовували свою прокреаційну поведінку з якими-небудь обставинами свого життя і не змінювали її залежно, від цих обставин. Сама ідея вибору, змоги зв’язувати свою поведінку з його раціональними результатами, а тим більше максимізувати їх корисність абсолютно далека людині традиційного суспільства, суперечить основним догмам її поведінки”. “Не буває ні для віруючого, ні для віруючої, коли вирішив Аллах і Його посланець, вибору в їхній справі”, – говорить, наприклад, Коран (сура 33, ст. 36). По-друге, існують величезні соціально-історичні та міжкультурні відмінності у природі та ієрархії батьківських цінностей, поняттях про те, чого можна і чого не можна очікувати від дітей, і які засоби ведуть до досягнення бажаної мети. Без урахування культурно-символічних особливостей справи неможливо зрозуміти, як об’єктивні потреби соціуму у визначеному рівні народжуваності і відтворенні статевовікової структури населення перетворюються у мотиваційні сили індивідуальної поведінки.

Той тип батьківської любові, що ми звикли вважати універсальним, насправді – продукт дуже специфічних історичних умов.

Я вже говорив про розповсюджений у багатьох архаїчних суспільствах інфантицид, тісно пов’язаний з дефіцитом засобів для існування. За підрахунками етнографів, заснованих на даних про 99 суспільств, імовірність інфантициду в суспільствах мисливців, збирачів і рибалок майже в сім разів вища, ніж у скотарських і землеробських племен. Осілий спосіб життя і більш надійна харчова база знижують статистичну ймовірність інфантициду, що практикується тепер переважно в “якісному” аспекті. Вбивали передусім новонароджених, яких вважали фізично чи соціально неповноцінними, з ритуальних уявлень (наприклад, близнюків) тощо.

Амбівалентність, подвійне ставлення до дітей є, очевидно, нормою для первісного суспільства. Наприклад, соціальні норми австралійських аборигенів,

як пише О. Ю. Артемова, не ставлять обмежених рамок інфантициду; на відміну від убивства дорослого, убивство дитини не є злочином, у покаранні якого зацікавлене все суспільство; обряд поховання дитини зводиться до мінімуму чи зовсім відсутній. Разом з тим мати дітей вважалося почесною справою, і не тільки батьки і близькі родичі, але й інші дорослі члени громади були уважні до дітей.

Навіть таке розвинене суспільство, як античне, було дуже прискіпливим, турбуючись про дітей. Батько медицини Гіппократ і родоначальник гінекології Соран Ефеський на діловому рівні обговорювали питання про те, які саме немовлята заслуговують на те, щоб їх виховували. Арістотель вважав цілком справедливим і розумним закон, що жодну дитину-каліку годувати не слід. Цицерон писав, що смерть дитини потрібно переносити “зі спокійною душею”, а Сенека вважає розумним топити слабких і потворних дітей. Маленькі діти не викликають у античних авторів почуття розчулення, на них здебільшого не зважають. Дитина розглядається як нижча істота (вона у буквальному значенні слова належить батькам, як інша власність).

Право повновладно розпоряджатися життям і смертю дітей було скасовано тільки наприкінці IV ст. н.е., близько 390 р. Інфантицид стали вважати злочином тільки за часів імператора Костянтина, у 318 р., а до людиновбивства він був прирівняний лише в 374 р.

Але законодавча чи релігійна заборона дітовбивства не означала реального припинення такої практики. Повчання Корана: “Не убивайте ваших дітей з остраху збідніння. Ми просочимо їх і вас” (сура 17, ст. 33) (як і аналогічні християнські норми) – тільки підтверджує, що подібні дії не були поодинокими.

Заборона дітовбивства ще не означала права на любов і тим більше автономне існування дитини. У Біблії міститься біля двох тисяч згадувань про дітей. Серед них – численні сцени приношення дітей у жертву, побиття їх камінням, просто побиття; багаторазово підкреслюється вимога любові і слухняності від дітей, але немає жодного натяку на співчуття до дітей і розуміння дитячих переживань.

Становище дітей в античності і в середні віки було жахливим. Їх безжалісно б'ють, морять голодом, продають. Візантійські імператори видають спеціальні закони, що забороняють продаж дітей і їхню кастрацію – маленькі євнухи коштували втриє дорожче. Очевидно, така практика була досить розповсюдженою. Недарма більшість середньовічних авторів згадують своє дитинство з жахом. “Хто не жахнувся б при думці про необхідність повторити своє дитинство і не зволів би краще вмерти?” – викликає Августин.

Загалом Л. Демоз мав усі підстави почати свою статтю “Еволюція дитинства” словами: “Історія дитинства – це кошмарний сон, від якого ми тільки недавно почали пробуджуватися. Чим глибше йдеш в історію, тим нижчий рівень турботи про дітей і тим частіше дітей убивають, кидають, б'ють, тероризують і гвалтують”.

Зрозуміло, фактично становище дітей і засоби їхнього виховання за всіх часів були неоднаковими. Поряд із спогадами про важке дитинство



середньовіччя донесло до нас і пам'ять про ніжних, люблячих матерів, веселі ігри з однолітками. Але характерна і сама амбівалентність природи дитинства. Дитина – одночасно персоніфікація безвинності і втілення природного зла. А головне – вона ніби нелюдина, істота, що позбавлена розуму.

Такий погляд на дитину типовий для багатьох архаїчних культур. Наприклад, у лугбара (Уганда) жінки і маленькі діти не мають особистого статусу, їх сприймають за речі чи як щось середнє між людиною і річчю. У таленси (Гана) дитина не є особистістю до 7-8 років, оскільки вона “не має розуму” і не може відповідати за себе.

Варто зазначити, що цей погляд по-своєму цілком логічний. Справа не стільки в нерозумній дитині, скільки у тому, що дитина, незалежно від віку та не пройшовши спеціального обряду, не включена в офіційну систему вікової стратифікації і не має статусу суб'єкта.

У ранньому середньовіччі дітей майже не хрестили, багато з них так і вмирали нехрещеними. Тим часом душа немовляти, що не пройшла обряду водохрещення, була приречена потрапити в пекло. Данте помістив такі душі в одне коло з душами античних класиків.

Дискримінували дітей і в обряді поховання. У середньовічній Франції знатних і багатих людей зазвичай ховали в церкві, а бідних – на цвинтарі. Але юних нащадків знаті, особливо маленьких дітей, також ховали на цвинтарі; лише наприкінці XVII ст. їм знайдуть місце у фамільних склепах, поруч з батьками. Багато теологів вважали непотрібним служити заупокійні меси по дітях, що вмерли до 7 років. У стародавній Японії немовлят також визнавали повноцінними людьми тільки після здійснення спеціальних обрядів. До цього вбивство дитини не вважалося тяжким злочином і навіть позначалося не словом “коросу” – “убити”, а словами “каесу” чи “модосу” – “відправити назад”, “повернути”, що означало відправити немовлят у світ духів, замість того щоб прийняти їх у світ людей. Навпаки, на Філіппінах уже 5-місячний плід вважали людиною й у випадку викидня його ховали з дотриманням усіх обрядів.

Це не означає, що дітей “не любили”. Середньовічні хроніки, життя святих і документи XVI–XVII ст. донесли до нас безліч зворушливих історій про самовідданих і ласкавих матерів і уважних вихователів.

Щирою любов'ю до дітей і занепокоєнням за них наповнені, наприклад, листи до сина княгині Євдокії Урусової, написані нею у в'язниці у 70-х роках XVII ст.: “Мій люб'язний, Василю, не бачиш ти мого обличчя жалюгідного і не чуєш мого ридання смертного, не чуєш, як ридає серце моє, як, за тобою душа моя тужить”.

Але низка об'єктивних причин перешкоджала формуванню стійкої емоційної близькості між батьками і дітьми.

Висока народжуваність і ще більш висока смертність (у результаті поганого і недбалого догляду в XVII–XVIII ст. у країнах Західної Європи “на першому році життя умирали від однієї п'ятої до однієї третини усіх немовлят, а до 20 років доживало менше половини) робили життя окремої дитини, особливо якщо вона не була первістком, далеко не таким цінним, як сьогодні.

Особливо відзначене А.Г. Вишневським подвійне ставлення до дітей, про яке свідчать прислів'я та приказки.

Те ж саме російське прислів'я В.І.Даль наводить у протилежних варіантах: “З ними горе, а без них вдвічі” та “Без них горе, а з ними вдвічі”. Існували навіть так звані смертні байки, що містили побажання смерті дітей. У селянському середовищі говорили: “Бог дав, Бог узяв” та “На живе, так виживе”.

Знатні люди пишно святкували народження дітей, але досить спокійно переживали їхню втрату? Монтень писав: “Я сам утратив двох чи трьох дітей, щоправда, у дитячому віці, якщо і не без деякого жалю, але, у всякому разі, без ремства”.

Відомий російський мемуарист XVIII ст. А. Т. Болотов: “Віспа... викрала у нас цього первістка до великого засмучення його матері. Я і сам, хоча і пожертвував йому декількома краплями сліз, однак пережив цей випадок і навмисним спокієм: філософія допомогла мені багато у тому, а надія... незабаром знову бачити у себе дітей, тому що дружина моя була знову вагітна, допомогла нам через короткий час забути це нещастя”.

Така дивна для сучасної людини байдужість – не стільки прояв філософського стоїцизму, оскільки психологічна захисна реакція на те, що трапилося, на жаль, трапляється занадто часто. Фаталізм і смиренність були в цих умовах природні. Характерним у цьому трактуванні є пізніше міркування героя толстовської “Крейцерової сонати” Позднішева (звернув увагу А.Г.Вишневський), що засуджує свою дружину за її переживання з приводу хвороб і смерті дітей: “Якби вона була зовсім твариною, вона так би не мучилась; якщо ж би вона була зовсім людиною, то в неї була б віра у Бога, і вона б говорила і думала, як говорять віруючі баби: “Бог дав, Бог і взяв, від Бога не підеш”. Вона б думала, що життя і смерть як усіх людей, так і її дітей, поза владою людей, а у владі тільки Бога, і тоді б вона не мучилась тим, що у її владі було запобігти хворобам і смерті дітей, а вона цього не зробила”.

Формування індивідуальних прихильностей між батьками і дітьми ускладнювалося й описаним вище інститутом виховання – звичаєм обов'язкового виховання дітей поза батьківською родиною. Цей звичай був дуже широко розповсюджений у середовищі ранньофеодальної знаті.

Які б не були першопричини уникання батьків від власних дітей, наприклад, у народів Кавказу, ці норми різко обмежували діапазон можливих між ними контактів. У абхазів мати не повинна була перший час підходити до дитини, а батько уникав показуватися поруч з дитиною протягом багатьох років. У багатьох випадках дітей виховували не стільки їхні батьки, оскільки дідусі й бабусі. Дитина, з раннього дитинства, якщо не з народження, що виростала у чужій сім'ї, була психологічно набагато ближчою до тієї сім'ї, ніж до власних батьків, а батьки, у свою чергу, не могли почувати до неї ту прихильність, що створюється лише роками повсякденного інтимного контакту. Їхні взаємини регулювалися не стільки індивідуальними почуттями, скільки соціальними нормами, свідомістю боргу, родинних обов'язків і правил етикету.

Сама рольова структура патріархальної сім'ї була жорстокою та ієрархічною, заснованою на принципі "старшинства". Дітям у ній відводилося залежне місце. Ось як описує взаємини дітей і батьків у російській сім'ї XVI–XVII ст. М. І. Костомаров: "Між батьками і дітьми панував дух рабства, прихований брехливою святістю патріархальних відносин... Покірність дітей була більш рабська, ніж дитяча, і влада батьків над ними переходила у сліпий деспотизм аморальної сили. Чим благочестивішим був батько, тим суворіше він ставився до дітей, тому що церковні поняття наказували йому бути як можна суворішим... Слово вважалося недостатнім, яким би переконливим воно не було... Домострой забороняє навіть сміятися і грати з дитиною".

Відповідно до Положення 1649 р., діти не мали права скаржитися на батьків, а за вбивство сина чи дочки карали тюремним ув'язненням лише до одного року, тоді як дітей, що зазіхнули на життя батьків, закон наказував страчувати "без усякої пощади". Ця нерівність була усунута тільки в 1716р. Петро I власноручно приписав до слова "дитя" слово "новонароджене", захищаючи тим самим життя немовлят.

Жорстокими були і методи виховання. Уже цитований А.Т. Болотов розповідає, що на одному з уроків він отримав від учителя-німця 200 ударів різкою, але поскаржитися батькові не посмів. Навіть у петровську епоху, коли педагогіка "розтrocення ребер" стала зазнавати критики, строгість і суворість до дітей залишається незаперечною нормою. "Ні малої волі йому не давай, але у великій грозі тримай його", – повчає свого сина І. Т. Посошків. За словами В. М. Татищева, дитина (до 12 років) "уперта, не хоче нікому коритися, хіба за страх покарання; люта, навіть може за найменшу кривду великої шкоди кращому благодійнику вчинити; непостійна, зате як дружба, так і злість не довго у ній перебувають".

Наприкінці XVIII ст. О. М. Радищев красномовно закликає відмовитися від принципу батьківської влади і пропонує нагороду за "подароване" дітям життя: "...Повигоньте з думок ваших, що ви є під владою моєю. Ви мені нічим не зобов'язані. Не в розумі, а менше ще в законі хочу шукати міцності союзу нашого. Його буде засновано на вашому серці". Однак подібні погляди були в той час не правилом, а винятком.

Мемуарна література першої половини XVIII ст. містить багато спогадів про побої, знущання, батьківську сваволю тощо. Навіть на початку XX ст. думка, що батьки повинні жити заради дітей, зовсім не була загальноприйнятою. За свідченням Р.Я. Внукова, "у селянському світогляді відсутня відповідальність батьків перед дітьми, але відповідальність дітей перед батьками існує в перебільшеному вигляді. "Непочетники" – найобразливіше прізвисько для дітей.

Зрозуміло, не слід спрощувати картину. Нормативні розпорядження і реальна батьківська поведінка ніколи не збігалися цілком, причому і те й інше було внутрішньо суперечливим. Стиль батьківської поведінки варіював не тільки від соціального стану до стану, але й від сім'ї до сім'ї. Було б наївно думати, що всі дворянські матері XVIII ст. були схожі на пані Простакову, а

підлітки – на Митрофанушку. Історія російського сімейного виховання ще чекає на свого дослідника, я в цій книзі тільки підкреслюю її гострі проблеми.

Те ж саме слід сказати і про інші народи. У попередніх розділах книги, говорячи про жорстокість традиційного виховання, я оперував переважно англійським матеріалом. Деяким читачам він може здатися непереконливим, оскільки “холодність” і “байдужість” англійських батьків стали у нас, як і в багатьох інших країнах, таким стереотипом повсякденної свідомості, як поняття про “м’якість” і “дбайливість” японців. Але завдяки зусиллям Ф. Арієса, П. Рише, Ж.-Л. Фландрена, Ф. Лебрена, Д. Снайдерса, Е. Бадинтер й інших істориків ми можемо сьогодні відносно повно реконструювати історію французького дитинства, і картина виявляється дуже схожа з британською.

Виховання дітей у середньовічній Франції було одночасно жорстоким і недбалим. У XV–XVI ст. увага до дітей помітно зростає, але це означало насамперед посилення вимогливості і жорсткості, і аж ніяк не поблажливості й любові. Теологи говорять винятково про обов’язки дітей стосовно батьків, передусім – до батька, і ні слова – про батьківські обов’язки. Автор популярного у Франції I пол. XVII ст. трактату про моральну теологію писав, що якщо батько і син якоїсь людини виявляться в однаково складному становищі, то та людина повинна в першу чергу допомогти батькові, тому що вона отримала від своїх батьків набагато більше, ніж від дітей.

Після Тридентського собору трактування четвертої заповіді стало більш поширеною. З 11 “покаяних книг”, вивчених Ж.-Л. Фландреном, чотири, написані між серединою XIV і серединою XVI ст., нічого не говорять про борг батьків стосовно дітей; сім книг, опублікованих між 1574 і 1748 рр., торкаються цієї теми, причому більш детально. Із семи пенетенциаріїв, що згадують батьківський борг, до шести катехізисів, що коментують четверту заповідь, у двох працях, опублікованих раніше 1580 р., понад 80% тексту присвячено обов’язкам дітей і менше 20% – батьківським обов’язкам; у трьох книгах, виданих між 1580 і 1638 рр., батьківським обов’язкам присвячене від 22 до 34% тексту, а у восьми книгах, що належать до 1640–1794 рр., частина подібних наставлянь коливається від 40 до 60%.

Проте аж до середини XVIII ст. батьківські почуття посідають незначне місце в особистому листуванні і щоденниках. Монтень, що присвятив батьківській любові спеціальний розділ “Досвід” і, що виступав за пом’якшення сімейних порядків, наголошує, що “не особливо любив”, щоб його власних дітей виховували поруч з ним.

Досить байдуже ставилися до дітей і аристократичні матері, цьому сприяв звичай віддавати дитину на вигодовування в чужі сім’ї і виховувати дітей у закритих пансіонах, монастирях і школах. Князь Талейран, що народився в 1754 р., писав, що “батьківська турбота ще не увійшла тоді в моду... У знатних сім’ях любили набагато більше родину, ніж окремих дітей, особливо молодих, котрі ще були невідомі”, а Руссо зі смутком констатував, що “немає інтимності між рідними”. Самого Талейрана було передано годувальниці відразу після водохрещення, що відбулося в день його народження, і протягом чотирьох років мати жодного разу не відвідала його.

Що ж стосується людей нижчого статку, то вони просто не могли виховувати нащадків. За підрахунками Ф. Лебрена, у Франції XVIII ст. з 1000 немовлят до 1 року доживали 720, до 5 років – 574 і до 10 років – 525 дітей. Особливо важким було становище дітей, відданих чи просто підкинутих на виховання в притулок. Кількість таких дітей різко збільшилася в XVIII ст. За підрахунками Ф. Лебрена, середня щорічна кількість підкидьків у Парижі між 1773 і 1790 рр. складала 5800 чоловік.

Характерно, що Руссо вважають “засновником” ідеї батьківської любові, – його “Еміль”, опублікований у 1762 р., послужив зворотнім пунктом європейської суспільної думки у цьому питанні, – власних дітей від своєї постійної співмешканки Терези він віддавав у притулок, не відчуваючи особливих покаянь совісті.

Навіть наприкінці XVIII – початку XIX ст., коли дітоцентриська орієнтація міцно затвердилася в суспільній свідомості, зробивши батьківську любов однією з головних моральних цінностей, “буржуазні трактування про сім’ю і виховання, про ніжні стосунки між батьками і дітьми” слід сприймати критично.

“З одного боку, дітоцентризм буржуазної сім’ї гіпертрофується, розглядається поза історією, виводиться із споконвічних інтересів” індивіду чи сім’ї і протиставляється байдужості, незацікавленості чи навіть ворожості суспільства до дітей. Діти потрібні тільки батькам, тільки сім’ї, вони – одна з головних підпор буржуазного індивідуалізму; виступаючи проти всіх, буржуазна сім’я відстоює своє природне право піклуватися про своїх дітей.

З іншого боку, стикаючись з постійними труднощами при вихованні дітей, втрачаючи віру в щасливе майбутнє для них, дрібнобуржуазна свідомість нерідко еволюціонує вбік чи ледве неповного заперечення потреби дітей для сім’ї: діти потрібні не сім’ї, а “капіталістам, їхній державі, їхній армії”. “Нічого не поробиш, хоч дітей би поменше було, що страждають від нашого борошна і каторги, від убогості і наших принижень, – ось лемент дрібного буржуа”, – резюмував цю позицію В.І.Ленін. Таким чином, батьківські почуття, роль і поведінка, які б не були природні передумови, вимагають конкретно-історичного дослідження, що не сумісно з вульгарним моралізуванням на тему про “перекручення” природних норм батьківства в одну епоху і про їхнє “відродження” в іншу історичну епоху.

Ще раз нагадую: у цій книзі йдеться не про те, чи були “колишні (де, коли і де?) батьки добріші, кращі чи гірші “теперішніх”. Те, що в минулому багато хто змушені були вубивати чи кидати новонароджених дітей, тому що не мали матеріальних і соціальних можливостей прогодувати і виростити їх, не пояснює і не виправдує поведінка сучасних “зозуль”, що залишають дітей сиротами при живих батьках, що не несуть матеріального нестатку. Це різні явища, що мають різні причини. Але щоб зрозуміти сучасні проблеми, їх слід розглядати не ізольовано, а в широкій порівняльно-історичній перспективі.

## Материнство і батьківство: ролі, почуття, взаємини

Дотепер я говорив про батьківські почуття і поведінку взагалі. Але фактично ми маємо справу з двома різними соціальними інститутами – батьківством і материнством. У чому ж полягають і чим детермінуються їх відмінності і специфічні функції?

Співвідношення батьківства і материнства – один із аспектів більш загальної статеворольової диференціації, що має, як було показано вище, не тільки соціальні, але й біологічні передумови. Оскільки йдеться про прокреативну поведінку, логічно припустити, що роль біологічних факторів буде тут значно вищою, ніж у багатьох інших сферах статевого поділу праці, не зв'язаних з репродуктивною функцією. Недарма традиційна модель статевої диференціації, що підкреслює іманентну інструментальність чоловічої і експресивність жіночої поведінки, базувалась насамперед на розподілі позасімейних і внутрішньосімейних, а також батьківських і материнських функцій. Біосоціальний підхід видається в даному випадку більш плідним, ніж соціологічним, особливо якщо формулювати його досить обережно, як це робить відомий американський соціолог А. Россі. Біосоціальний підхід, за словами Россі, не стверджує генетичного визначення статевого розподілу праці, він вказує лише, що біологічні передумови формують те, чому чоловіки і жінки вчаться і наскільки легко вони опановують ту чи іншу справу. Іншими словами, природжені властивості формують рамки, у яких відбувається соціальне навчання, і впливають на легкість, з якою чоловіки і жінки навчаються поведінці, яку суспільство вважає нормативною для їхньої статті.

Якщо розглядати батьківські і материнські функції з біологічної точки зору, у світлі загальної логіки статевого диморфізму, то генетична функція самця полягає у тому, щоб запліднити якнайбільше самок, тоді як самка забезпечує збереження потомства й успадкованих якостей. За даними репродуктивної біології, самець має майже необмежений запас насіння, тоді як кількість яєць самки обмежена. Сексуальна активність самок більшості ссавців також лімітується визначеним періодом, дозволяючи їм виносити, вигодувати і виглядати потомство.

У людини і її найближчих родичів такого біологічного сезонного обмеження немає. Але оскільки вигодовування і догляд за маленькими дітьми є обов'язком жінки, складаючи саму сутність материнства, не тільки біологи, але і багато соціологів і психологів схильні підкреслювати його біологічні детермінанти.

Насамперед жінка більше від чоловіка вживається в репродуктивний процес. У чоловічому життєвому циклі немає аналога такій події, як пологи, хоча деякі культури створюють його штучно (кувада).

Жінка-мати значно більше батька пов'язана зі своєю дитиною. Їхній контакт, що має спочатку характер симбіозу, починається вже в утробній фазі розвитку і закріплюється надалі. В одному психологічному експерименті 27 матерів повинні були відрізнити за магнітофонним записом голос своєї 3–7-денної дитини від голосів чотирьох інших дітей; 22 матері зробили це

безпомилково. У свою чергу, немовлята (одноденні) виявляють здатність відрізнити і віддавати перевагу голосу власної матері іншим жіночим голосам.

Ідея іманентної експресивності материнської ролі знаходить підтвердження у психологічних даних, згідно з якими жінки в середньому емоційно чутливіші за чоловіків. Новонароджені дівчатка, коли чують плач іншої дитини, виявляють більш гострий емпатичний дистрес, ніж хлопчики. Жінки у всіх віках перевершують чоловіків по здатності до емпатії і саморозкриття, передачі іншим більш інтимної, індивідуально-значимої інформації про себе і свій внутрішній світ.

Ще Ж. Піаже звернув увагу на те, що хлопчики і дівчатка неоднаково ставляться до правил групової гри. Хлопчики, з їх предметним і інструментальним мисленням, надають більшого значення дотриманню загальних правил, порушення яких завжди викликає в хлоп'ячому середовищі конфлікт. Дівчатка в цьому питанні більш терпимі, особисті стосунки для них важливіші формальних правил; це позначається і на структурі їхньої моральної свідомості: чоловічі міркування й оцінки виглядають більш безособовими і твердими, ніж жіночі. При оцінці людських якостей для жінок найбільш значимі властивості, що виявляються у відношенні до інших людей, а для чоловіка – ділові якості, пов'язані з роботою. Люди, які потребують емоційної підтримки, значно частіше шукають і знаходять її у жінок, ніж у чоловіків.

Але розрізнення прокреативних функцій самця і самки ще не означає, що ті ж розмежування будуть існувати й у виховуванні дітей, що у першу чергу асоціюється з материнством. Дані про психофізіологічний зв'язок матері з дитиною поки незначні, можуть позначатися й інші невраховані фактори. Що стосується жіночої теплоти і чуйності, то вони можуть бути результатом різної соціалізації хлопчиків і дівчаток, про що йшлося в попередньому розділі. Ці відмінності відносні, індивідуально-вербальні, і не завжди жіноча ніжність буває спрямована на дитину. Саме поняття “материнського інстинкту” не слід розуміти однозначно і буквально. Радянський цитохімік і педіатр Р. П. Нарцисов, який вивчає, як впливають на емоційний стан матері і дитини пологи і годівля груддю, справедливо зауважує, що “материнство еволюціонує з розвитком людства. Материнство жінки має менше загального з материнським інстинктом, аніж любов – зі статевим”.

У звичному нам культурному середовищі материнство – одна з головних іпостасей жіночого стереотипу, а соціальні характеристики материнської ролі окреслені набагато конкретніше, ніж батьківської, і їй приписується більше значення в справі первинної соціалізації.

Про тісну близькість і вирішальну роль матері у виходжуванні і вихованні дитини до п'яти-семирічного віку свідчать як етнографічні, так і історичні дані. Це зафіксовано у народів Африки, у древньому Китаї, середньовічній Японії, древньому Єгипті, Індії, в іудаїзмі, середньовічному ісламі та у феодальній Європі. Навіть якщо материнський догляд виконує нянька чи годувальниця, що бувало досить часто, це не змінює принципового розмежування чоловічих і жіночих функцій. Роль батька усюди виглядає більш проблематичною.

Але соціонормативні поняття різних культур неоднозначні.

У багатьох найпростіших суспільствах Австралії, Америки, Азії й Африки теми материнства і репродуктивності не посідають того центрального місця в образі жінки, яке ми звикли очікувати. Протиставлення образу жінки-матері як втілення родючості і джерела життя образу агресивного чоловіка-мисливця не характерно для цих культур, у яких обом приписуються і репродуктивні, і соціально-виробничі функції.

У деяких суспільствах Полінезії батьківська роль, що асоціюється з владою і статусом вождя, структурується і символізується детальніше і ретельніше, ніж материнська; народження дитини тут здебільшого не ритуалізовано і не дає жінці особливого престижу, а генеалогічні й особисті зв'язки дитини з батьком соціально більш значимі, хоча вони виглядають психологічно більш напруженими, ніж його взаємини з матір'ю.

Теоретична інтерпретація цих фактів, як і взагалі статевого символізму і репродуктивних табу, що розглядалися в попередньому розділі, залишається суперечливою. Чи свідчить ритуально-символічне звеличення материнства про підвищення соціального статусу жінок, чи навпроти, про обмеження їхніх соціальних можливостей, що зводяться тепер до продовження роду? Чи можна вважати невизначеність і дифузність батьківської ролі порівняно з материнською наслідком того, що батьківство, як і інші чоловічі характеристики, немаркована категорія, тому що відображає соціальне панування чоловіка, чи це результат того, що батьківські функції “об’єктивно” менш значимі і їх важко чітко описати? Етнографічні теорії в цьому аспекті настільки ж суперечливі, як і емпіричні дані.

Характерно, що багато народів розрізняють фізичне й умовне соціальне споріднення не тільки стосовно до батька, але й стосовно матері. Так, у африканців є різні терміни на позначення материнства: “мати, яка народила”, “мати, яка вигодувала” і “мати, яка виховала”.

Демаркація і фактичний зміст батьківських і материнських ролей тісно пов'язані як із загальним статевим символізмом (наприклад, космогонічними висуваннями), так і з статевою стратифікацією, включаючи диференціацію подружніх ролей, – статуси матері і батька неможливо зрозуміти окремо від статусу дружини і чоловіка. Слабкість біологічних теорій батьківства – у їх надмірній абстрактності. Для прихильників таких концепцій “проблема полягає у тому, наскільки легко їм вдається зв'язати розрізнені факти, що стосуються статі, із загальними положеннями біології. Відкривши такі приблизно універсальні факти, як шлюб і материнство, вони випустили з уваги якісні відмінності в соціальному контексті і змісті того, що є, зрозуміло, соціальними зв'язками. Відштовхуючись від функціональної логіки статі і репродуктивної поведінки, вони вважали питання про соціальне використання цих явищ другорядним і тому не досліджували засобів, якими соціальний порядок обумовлює взаємовідносини жінок і чоловіків. Вони забули запитати, якими специфічними засобами факти шлюбу і материнства організують відповідальність і привілеї”.

Написати загальну історію материнської любові так само важко, точніше, неможливо, як і історію статевого кохання, – ці поняття не просто



еволюціонують, а наповнюються в різних суспільствах якісно різним змістом. Характерна в цьому змісті полеміка, викликана книгою французької дослідниці Елізабет Бадинтер. Простеживши історію материнства протягом чотирьох століть (XVII–XX ст.), Бадинтер прийшла до висновку, що “материнський інстинкт – це міф. Ми ще знайшли необхідної поведінки матері. Навпаки, ми констатували надзвичайну мінливість її почуттів залежно від її культури, амбіцій чи фрустрацій. Материнська любов може існувати чи не існувати, з’являтися чи зникати, бути сильною чи слабкою, виборчою чи загальною. Усе залежить від матері, від її історії і від Історії... Материнська любов – не об’єктивна даність, а щось наднормативне”.

До кінця XVIII ст. материнська любов у Франції була, на думку Бадинтера, справою індивідуального розсуду і, отже, соціально випадковим явищем. У II пол. XVIII ст. вона поступово стає обов’язковою нормою культури. Суспільство не тільки збільшує обсяг соціальної турботи про дітей, але й ставить їх у центр сімейного життя, причому основна і навіть виняткова відповідальність за них покладається на матір. Звідси – ідеальний образ ніжної, люблячої матері, що знаходить своє вище щастя в дітях.

“Нова мати” і справді починає більше, а головне, по-іншому піклуватися про дітей. Наприкінці XVIII ст. починається кампанія за те, щоб матері самі вигодовували дітей, не довіряючи їх ненадійним годувальницям. Вимагають звільнення дитини “від тиранії сповивача”. Ростуть гігієнічні турботи про дітей (Людовика XIII регулярно пороли з двох років, а вперше помили майже в семирічному віці). Виникає спеціальний розділ медицини – педіатрія. В міру індивідуалізації внутрісімейних стосунків кожна дитина, навіть немовля, до якого ще не встигли звикнути, стає принципово єдиним, незамінним, його смерть переживається і повинна сприйматися як непоправна гірка втрата. Інтенсифікується материнське спілкування з дітьми, матері більше не хочуть віддавати дітей в інтернати тощо.

Однак еволюція вдач була повільною. “Нові матері” спочатку з’являлися головним чином у середовищі заможної та освіченої середньої буржуазії. Аристократкам часів Стендаля і Бальзака було ніколи займатися своїми дітьми. Через інші причини цього не могли дозволити собі пролетарські і дрібнобуржуазні сім’ї. Що ж стосується села, там довше зберігалися старі жорсткі звичаї. Проте тривала кампанія в захист прав матері і дитини принесла цілком відчутні соціальні і моральні плоди. Оскільки не любити дітей стало соромно, “погані” матері були змушені прикидатися “хорошими”, симулювати материнську любов і турботу. А зовнішній прояв почуття сприяє тому, що людина і справді починає його випробувати.

Книга Бадинтер викликала бурхливу полеміку. Професійні історики критикували автора, філософа за фахом, у спрощенні і “випрямленні картини історичного минулого, а також недооцінці індивідуальних відмінностей. Вважати материнську любов “винаходом” Руссо так само наївно, як думати, що статева любов з’явилася лише за часів трубадурів. Княгиня Талейран де Пригор не любила сина, зате маркіза де Севиньє сторіччям раніш – у 1672 р. писала, що не розуміє, як можна не любити свою доньку. Французькі богослови XVI–XVII

ст. засуджували не тільки недостатність материнської любові, але й її надлишок, що відволікає жінку від Бога. І чи можна забути виховний вплив образу Мадонни з дитиною?

Проте йдеться про серйозні речі. В другій половині ХХ ст. чітко визначилися тенденції, ворожі егоцентризму. Соціально-політична емансипація жінок і все більш широке залучення у суспільно-виробничу діяльність робить їх сімейні ролі, включаючи материнство, не настільки всеосяжними і, можливо, менш значними для деяких з них. Сучасна жінка вже не може і не хоче бути тільки “вірною дружиною і добродесною матір’ю”. Її самоповага має крім материнства багато інших основ – професійні досягнення, соціальну незалежність, самостійно досягнуте, а не отримане завдяки заміжжю суспільне становище. Деякі традиційно-материнські (хоча й у минулому їх нерідко виконували інші жінки) функції по догляду і вихованню дітей нині беруть на себе професіонали – дитячі лікарі, сестри, виховательки, спеціалізовані суспільні заклади – ясла, дитячі сади тощо. Це не скасовує цінності материнської любові і потреби в ній, але істотно змінює характер материнської поведінки.

Як сказав незадовго до смерті Ф. Арієс, “схоже на те, що наше суспільство перестає бути дітоцентричним, яким воно стало тільки з ХVІІІ ст. Це значить, що дитина втрачає свою запізнілу і, може бути, надмірну монополію і посідає менш привілейоване місце, що у ХVІІІ–ХІХ ст. закінчуються на наших очах”.

Обговорюючи майбутнє американської родини, соціологи А.Черлін і Ф.Фурстенберг зауважують, що, які б форми не прийняла вона до 2000 року, питома вага сімейного догляду і виховання дітей, безумовно, знизиться, тоді як роль позасімейних факторів зросте.

Це не означає, що сучасне суспільство, тим більше соціалістичне може дозволити собі послабити увагу до інтересів сім’ї, матері і дитини. Навпаки! У доповіді А. А. Лиханова на настановчій конференції Радянського дитячого фонду імені В.І.Леніна підкреслювалося, що потрібно повернути до дитинства духовну самосвідомість народу, мобілізувавши для цього всі матеріальні і духовні сили. Але підвищення соціально-педагогічної ефективності сім’ї і сімейного виховання можливе тільки в рамках успішної взаємодії материнства з активною участю жінок у трудовій і суспільній діяльності. Це потребує не тільки матеріальної і моральної допомоги, але і тверезого соціологічного реалізму в розумінні проблем і тенденцій розвитку сучасного батьківства.

Якщо неправомірна біологізація материнства, тим більше історичним є інститут батьківства. Хоча в останні роки йому присвячено чимало спеціальних досліджень, соціологи, етнографи і психологи солідарні з тим, що наші знання в цьому плані дуже мізерні. Помітна формула М. Мід: “Батьки – це біологічна необхідність, але соціальна випадковість” – не просто гумористичне висловлення.

Якщо материнство, як правило, припускає не тільки запліднення і народження, але і вигодовування, вирощування потомства, то батьківський внесок у багатьох видів зводиться практично до акту запліднення. Як уже

говорилося вище, участь самців у вирощуванні потомства і диференціація батьківських і материнських функцій тісно пов'язані з видовими особливостями, зокрема, з тривалістю періоду росту, дозрівання й екологічних умов. Але батьківські внески самця і самки варто порівнювати не стільки кількісно, скільки якісно. У вищих тварин, якщо самці взагалі беруть участь у вирощуванні потомства, то на відміну від матерів, що здійснюють фізичний догляд, виходжування і турботу про дитинчат, справа батьків – захист від зовнішніх небезпек і, більшою чи меншою мірою, життєзабезпечення. Але й це правило не є загальним; навіть у різних видів мавп батьківські функції і характер поведінки істотно різні.

У людини розрізнення батьківства і материнства і специфічний стиль батьківства залежать від безлічі соціокультурних умов і істотно варіюють від культури до культури. До числа елементів, від яких залежить зміст батьківської ролі, на думку М. Уест і М. Коннера, належать:

1. Кількість дружин і дітей, яких має і за яких несе відповідальність батько;
2. Ступінь його влади над ними;
3. Кількість часу, що він проводить у безпосередній близькості з дружиною (дружинами) і дітьми в різному віці і якість цих контактів;
4. Те, якою мірою він безпосередньо доглядає за дітьми;
5. Те, якою мірою він несе відповідальність за безпосереднє й опосередковане навчання дітей навичкам і цінностям;
6. Ступінь його участі в ритуальних подіях, пов'язаних з дітьми;
7. Скільки він працює для життєзабезпечення сім'ї чи громади;
8. Скільки йому потрібно додавати зусиль для захисту чи збільшення ресурсів сім'ї чи громади.

Співвідношення і значимість цих факторів залежать від багатьох умов – переважного виду господарської діяльності, статевого поділу праці, типу сім'ї тощо. При всіх культурних розрізненнях, первинний догляд за маленькими дітьми, особливо немовлятами, усюди здійснює мати чи яка-небудь інша жінка (тітка, старша сестра тощо). Фізичний контакт батьків з маленькими дітьми в більшості традиційних суспільствах незначний, хоча в моногамних сім'ях і з віком дитини він збільшується. У багатьох народів існують жорсткі правила уникання, що обмежують контакти між батьком і дітьми та їхні взаємини, що роблять надзвичайно стриманими, суворими, що виключають прояв ніжності.

Згадаємо ще раз традиційний етикет кавказьких горців. Звичай вимагав, щоб при сторонніх і особливо при старших батько не брав дитину на руки, не грався з нею, не говорив і взагалі не виявляв до неї яких-небудь почуттів. За свідченням К.Хетагурова, “тільки у самому інтимному колі (дружини і дітей) чи віч-на-віч дозволено батькові дати волю своїм почуттям і приголубити дітей. Якщо батька-осетинця за старих часів випадково заставали з дитиною на руках, то він не задумувався кинути крихітку куди попало... Я не пам'ятаю, щоб батько назвав мене коли-небудь по імені. Говорячи про мене, він завжди промовляв так: “Де наш син? Чи не бачив хто нашого хлопчика?”

Культ чоловіка був завжди культом сили і суворості, а “незатребовані”, роздавлені почуття суцільно і поруч атрофуються.

Нині картина змінюється. Як правило, більше третини батьків у кабардинців і балкарців уже беруть дітей на руки при старших чи родичах, з'являються з ними в громадських місцях. У молодших вікових групах ухиляння від традиції уникання спостерігається вдвічі частіше, ніж у старших, хоча наймолодші батьки ще соромляться такої поведінки.

Як впливають історичні і соціокультурні варіації на реальну величину батьківського внеску у виховання дітей? Відповісти на це питання нелегко.

Думка про слабкість і неадекватність “сучасних батьків” – один із найпоширеніших стереотипів суспільної свідомості другої половини ХХ ст., причому цей стереотип є певною мірою транскультурним, “перекидаючись” із Заходу на Схід та ігноруючи розмежуванням соціальних систем.

Уявлення про становище і функції батька в сьогodнішній радянській масовій і професійній літературі мало чим відрізняються від понять, що існують у США. В обох країнах вчені і публіцисти констатують:

1. Роста бездоглядність за дитиною або відсутність батька в сім'ї;
2. Незначні і недовготривалі батьківські контакти з дітьми порівняно з материнськими;
3. Педагогічну некомпетентність, недотепність батьків;
4. Незацікавленість і нездатність батьків здійснювати виховні функції, особливо догляд за маленькими дітьми.

Подібні тенденції відзначають багато західноєвропейських і японських авторів. Але інтерпретація цих фактів (чи того, що приймається за факти) буває різною. Одні думають, що відбувається швидко, неухильне і багате небезпечними наслідками ослаблення батьківського початку, тобто у наявності деяка історична тенденція. Інші (меншість) схильні думати, що так було завжди, що батьки ніколи не відігравали головної ролі у вихованні дітей і сьогodнішні тривоги відображають тільки зрушення в акцентах і стереотипах масової свідомості.

Щоб коректно поставити ці питання, їх треба попередньо диференціювати:

1. Чим відрізняється сучасний стан і поведінка батьків від традиційної?
2. Чим відрізняється сучасний стереотип, нормативний образ батьківства від традиційного?
3. Який ступінь збігу стереотипу батьківства і реальної поведінки сьогodнішніх батьків?
4. Чи є ступінь збігу стереотипу і реальної поведінки батьків “тут і тепер” з такими як “там і колись”?
5. Як пов'язані ці реальні й уявлювані відмінності з історичною еволюцією статевої стратифікації і стереотипів маскулінності та фемінінності?
6. Які психологічні наслідки передбачуваних зрушень у характері батьківства і материнства, як вони впливають на особистість і психологічні якості дитини?

З усіх перерахованих вище елементів стереотипної моделі послаблення батьківського “початку” єдиною безумовною реальністю є збільшення бездоглядності, пов’язаної насамперед з динамікою розлучень і збільшенням числа самотніх матерів. Абсолютна кількість і питома вага дітей, що виховуються без батьків, у більшості індустріально-розвинутих країн неухильно зростає.

За підрахунками В.І. Переведенцева, у 1979 р. у СРСР було близько 10 млн. материнських сімей, у яких проживало приблизно 14 млн. дітей. Якщо ж врахувати дітей, що живуть узагалі поза сім’єю, то без участі батьків і вітчимів виховується не менше однієї п’ятої всіх дітей.

Інші твердження набагато більш проблематичні. Батьки проводять зі своїми дітьми значно менше часу, ніж матері, причому лише незначна частина цього часу витрачається безпосередньо на догляд і спілкування з дітьми. Але чоловіки ніколи самі не виходжували дітей. Сучасні батьки у цьому відношенні не тільки не поступаються колишнім поколінням, але навіть перевершують їх тим, що особливо в нетрадиційних сім’ях, заснованих на принципі рівності статі, беруть на себе набагато більше коло таких обов’язків, що раніше вважалися винятково жіночими. Наприклад, обстеження 231 канадської сім’ї показало, що при вирівняних соціальних факторах, таких, як кількість позаробочого часу, батьки проводять з дітьми стільки ж часу, скільки і матері.

Чому ж людям здається, що батьківський внесок у виховання знижується? Крім інших причин позначається руйнування традиційної системи статевої стратифікації. Якщо зневажати міжкультурними відмінностями, у традиційній патріархальній сім’ї батько виступає як а) годувальник; б) персоніфікація влади і вищий дисциплінактор; в) приклад для наслідування, а нерідко і безпосередній наставник у позасімейній, суспільно-трудова діяльності. У сучасній міській сім’ї ці традиційні цінності батьківства помітно слабшають під тиском таких факторів, як жіноча рівноправність, залучення жінок до професійної діяльності, тісний сімейний побут, де для батька не передбачено п’єдесталу, і просторова роз’єднаність праці і побуту. Сила батьківського впливу в минулому коренилася насамперед у тому, що він був втіленням влади й інструментальної ефективності.

У патріархальній селянській сім’ї батько не доглядав за дітьми, але вони, особливо хлопчики, проводили багато часу, працюючи під його керівництвом. У місті стан поступово змінювався. Як працює батько, діти не бачать, а кількість і значимість його внутрісімейних обов’язків значно менша, ніж у матері.

У міру того як “невидимий батько”, так часто називають батька, стає “видимим” і більш демократичним, він усе частіше зазнає критики з боку дружини, а його авторитет, заснований на позасімейних факторах, помітно знижується. Ця тенденція відчувається не тільки в Європі та США, але і в Японії. Традиційна японська сім’я, заснована на принципах конфуціанства, була послідовно патріархальною й авторитарною. Інтереси “будинку” ставилися вище інтересів окремих членів сім’ї, а влада батька як голови “будинку” була винятково великою. Він міг “виключити” зі списку членів

родини будь-якого порушника сімейних правил, розірвати шлюб сина (до 30 років) чи дочки (до 25 років). У традиційних описах і повсякденній свідомості батько звичайно зображується “жорстким” і “суворим”, а мати ніжною і “люблячою”.

У післявоєнні роки стан японських батьків істотно змінився. Провідні японські етнографи, соціологи і психологи – Тіе Накане, Такео Дій, Сигеру Мацумото, Кацуо Аої, Хіросі Вагацума та інші одногolosно відзначають зниження батьківського авторитету і зростання материнського впливу. Недарма японський переклад книги відомого західнонімецького психоаналітика А. Мічерліха “На шляху до суспільства без батька” відразу ж став у країні бестселером.

Але, як і в Європі, японські емпіричні дані виглядають не настільки однозначно. З одного боку, помітне послаблення поляризації чоловічих та жіночих, батьківських і материнських ролей. Майже половина опитаних у 1973 р. (1500 дорослих японців) переконані, що в останні десятиліття батьківська влада й авторитет істотно послабили. За даними проведеного в 1969/70 р. масового опитування молоді (160 тис. опитаних), батьки й інші члени сім’ї як джерело інформації відсунулися на шосте місце, істотно поступившись у цьому значенні засобам масової інформації, друзям, вчителям і старшим по роботі. Ослабла і чоловіча гегемонія в сім’ї, особливо в міській. Оцінюючи в середині 60-х років стиль відносин подружніх пар у місті Кобе, японські соціальні психологи розподілили їх на 4 типи:

1. Співробітництво чоловіка і дружини	16 %
2. Незалежність чоловіка і дружини	70 %
3. Панування чоловіка	4 %
4. Панування дружини	10 %

Це позначається і на вихованні дітей. Відповіді дорослих міських і сільських жителів (13 631 батько та 11 590 матерів) на питання, хто є головним авторитетом у сім’ї батько чи матір, – у 1969/70 р. розподілилися приблизно порівну. Та інші дослідження показують, що роль матері в справі дисципліни дітей, особливо молодших, значно вища, ніж роль батька; їй віддають перевагу від 65 до 73 %, а батькові від 14 до 18 % опитаних дорослих, хоча дітям батьки як і раніше видаються більш суворими, ніж матері. Тут спостерігається типова для Європи розбіжність нормативних рольових чекань і реальної рольової поведінки. З 542 міських підлітків, що відповідали в 1973 р. на питання: “Чи говорить ваш батько, якого способу життя ви повинні дотримуватися зараз і в майбутньому?” – тільки чверть (25,4 %) відповіли “так”, майже три чверті (74,6%) респондентів сказали, що “не говорять з батьками про подібні речі і не слідуєть батьківським порадам”. Понад 12 тис. подружніх пар в середині 60-х років відповідали на наступні питання: “Якщо дитина не слухається, хто повинен робити йому зауваження?”, “Хто у вашому будинку фактично робить це в подібній ситуації?”. Виявилось, що від батька цього очікують значно частіше (53,8 %), ніж він фактично робить (30,8%), з матір’ю вже справа виглядає навпаки (46,3 % проти 36,3 %). Хоча матері частіше батьків карають своїх дітей, останні набагато інтенсивніше спілкуються (розмовляють) з ними,

ніж з батьками. За даними опитування молоді від 15 до 23 років (жовтень 1980 р.), з матір'ю свої справи обговорюють 85,9%, а з батьком – тільки 57,7% опитаних; 34,7% опитаних узагалі не радяться і не розповідають про свої проблеми батькові, хоча батько в них є.

Сприйняття японськими дітьми соціальних ролей і поведінки їхніх батьків і матерів сьогодні мало відрізняється від переконань австралійських, англійських, північноамериканських і шведських підлітків.

Традиційний образ суворого батька, якого стара японська приказка уподібнювала землетрусу, грому і блискавці, зовсім не відповідає сучасним умовам. Ці зрушення не специфічні для Японії, подібні тенденції відзначаються також у США, в Західній Європі та СРСР. Японські вчені відзначають, що зміни стосуються швидше культурних образів і обставин, ніж психологічних рис японських чоловіків. Як пише Тіе Накане, традиційний батьківський авторитет підтримується не стільки особистими якостями батька, скільки його соціальним станом глави сім'ї, тоді як фактичний розподіл сімейних ролей завжди був більш-менш індивідуальним та мінливим. Сьогоднішня культура швидше визнає і закріплює цей факт, видозмінюючи традиційні соціальні стереотипи, ніж створює щось нове. До речі, порівняльна байдужість і наявність соціальної дистанції у взаєминах дитини з батьком, часто розглянуті як свідчення зниження батьківського авторитету, є швидше пережитками традиційної патріархальної сім'ї, у якій діти не мали змоги наблизитися до батька і сам він був зобов'язаний триматися “на висоті”.

Послаблення і навіть повна втрата чоловічої влади у сім'ї позначається у стереотипному образі батьківської некомпетентності. Американські дослідники Р. Дей і У. Маккей проаналізували з цього приводу 218 карикатур, опублікованих між 1922 і 1968 роком у журналі і зображених дорослих з дітьми. Виявилось, що чоловіки зображуються некомпетентними в 78,6% і компетентними – у 21,4% карикатур; у жінок співвідношення зворотнє – 33,8 і 66,2%. Подібний стереотип так само не сприяє підтримці батьківського авторитету, як і повсякденне жіноче буркотіння в присутності дітей. Адже головне те, що чоловік оцінюється при цьому за традиційно жіночим критерієм, мова йде про діяльність, якою батьки ніколи раніше всерйоз не займалися і до якої вони соціально, психологічно, а можливо, і біологічно погано підготовлені. Чи правомірна така оцінка?

Це підводить нас до самого складного і суперечливого питання теорії батьківства – наскільки взагалі замінні й оборотні батьківські і материнські ролі і яке співвідношення їх біологічних і соціологічних детермінантів?

Оскільки батьківство і материнство кореняться в репродуктивній біології, їхнє співвідношення не можна зрозуміти поза зв'язком зі статевим диморфізмом. Крім загальних генетичних відмінностей, про які говорилося вище, материнська і батьківська поведінка істотно залежить від гормональної регуляції. В експериментах на тваринах було доведено, що гормональна стимуляція відповідних центрів мозку здатна підсилювати чи послаблювати материнську поведінку тварин, породжуючи потребу доглядати, пестити, причому самки значно чуйніші за самців у подібних випадках. Деякі елементи

материнської поведінки, наприклад, лактація, також мають гормональні компоненти, завдяки яким мати, що годує, може зазнавати насолоди, схожої на сексуальну.

Спостереження за поведінкою батьків стосовно немовлят у природному середовищі показують, що, хоча психофізіологічні реакції чоловіків і жінок на дітей дуже подібні, їх реакції різні: жінка тягнеться до дитини, прагне приголубити її, тоді як чоловік сторониться і часто відчуває при тісному контакті з дитиною емоційний дискомфорт. Надзвичайно цікаві результати отримані в ході спостережень за взаємодією матерів і батьків із грудними дітьми. Мати, навіть граючи з дитиною, намагається, насамперед, заспокоїти, угамувати її; материнська гра – своєрідне продовження і форма догляду за дитиною. Батько і взагалі чоловік навпаки віддає перевагу силовим іграм і дії, що розвивають власну активність дитини.

Небайдужі для розуміння специфіки материнського і батьківського стилю відносин і такі, приблизно природжені риси, як підвищена емоційна чутливість жінок, їхня схильність швидше реагувати на звуки й обличчя, тоді як чоловіки відрізняються кращим просторовим сприйняттям, гарним руховим контролем, гостротою зору і більш чітким поділом емоційної і когнітивної реактивності. Коли ці статеві відмінності розглядаються в контексті догляду за дитиною, яка ще не говорить, тендітною дитиною, жінки мають перевагу у тому, що вони легше читають по виразу обличчя дитини, більш плавно рухаються, легше і ніжніше доторкаються до неї і заспокоюють її високим, м'яким, ритмічним голосом. Чоловік навпаки краще взаємодіє зі старшою дитиною, з якою можна залучати силову метушню, фізичну координацію і навчання маніпулюванню речами. Зазначимо, що ці загальні тенденції, що підсилюються диференційованою статевою практикою соціалізації, не повинні сприйматися так, начебто вони біологічно незмінні чи інваріантні серед індивідів чи культур. Одні культури, як наша, можуть підсилювати, підкріплювати ці нахили, тоді як інші – боротись з ними чи навіть перевертати їх.

Як і інші аспекти статевої диференціації, батьківська поведінка надзвичайно пластична. Це стосується щодо вищих тварин. Самці макаки-резус у природних умовах байдужі до своїх дитинчат. Але у лабораторних умовах, при відсутності самок, самці цілком “по-материнському” реагують на плач дітей і ніжно піклуються про них. Та ж картина спостерігалася в природному середовищі у павіанів: якщо мати з якихось причин не виконує своїх обов’язків, ці функції бере на себе дорослий самець.

Батьківські реакції людини ще більш пластичні. Як правило, батьки не здійснюють безпосереднього догляду за немовлятами; активний контакт батька з дитиною звичайно починається, коли дитині виповнюється 1,5 – 2 роки, а то й пізніше. З народженням дитини чоловік зазнає багато клопоту (додаткові матеріальні турботи, побутові обов’язки, прання пелюшок, зменшення уваги з боку дружини, порушення сну тощо) і практично ніяких задовольень. Але експериментально доведено, що психологічно підготовлені батьки охоче турбуються про немовлят, зазнають фізичної насолоди від дотику до них (правда, це частіше відбувається під час відсутності матері, тому що чоловіки



боятися виявити незграбність і соромляться власної ніжності) і практично не поступаються жінкам у мистецтві догляду за дитиною. Це сприяє виникненню більш тісної емоційної прихильності батька до дитини. Передбачається, що чим раніше батько залучається по догляду за дитиною і чим зацікавленіше він це робить, тим сильніше стає його батьківська любов. У багатьох пологових будинках за кордоном батьки навіть присутні при пологах. Позначається не тільки звичка, але і відповідний емоційний відгук дитини, до якого чоловіки дуже чуттєві. Це обставина істотна і для жінок, але її не слід біологізувати. У 70-х роках у науковій літературі широко поширилася думка, що тісний контакт матері з немовлям у перші години після пологів особливо важливий для формування материнської прихильності з причин гормонального порядку; новітні дослідження “не підтвердили цих даних, перші години після народження не є “критичним” і “сенситивним” періодом для формування материнських почуттів”.

Що ж стосується більш старших дітей, то звичні стереотипи перебільшують ступінь чоловічої “відчуженості” від них. Обсерваційні дослідження У.Маккея та інших, що простежили просторову взаємодію дорослих чоловіків і жінок з дітьми в 18 різних культурних середовищах (загальну характеристику цього дослідження дивися в першому розділі нашої книги), засвідчили, що, хоча чоловіки рідше жінок бувають з дітьми в громадських місцях, якщо подібна ситуація має місце, то її основні формальні параметри – тактильний контакт, особиста відстань і візуальний контакт між дорослим і дитиною – здебільшого збігаються у чоловіків і жінок.

Зрозуміло, короткострокове, 30-секундне спостереження випадкових інтеракцій не дозволяє робити широких узагальнень і не спростовує історико-етнографічних даних про правила уникання між батьками і дітьми, ні психологічних даних про особливості і специфічні труднощі чоловічого комунікативного стилю взагалі. Проте неузгодженість стереотипу і реальної поведінки – факт істотний, тим більше що він спостерігається не тільки в даній сфері.

Тому традиційний поділ батьківських і материнських функцій, як і інших статевих ролей, не є єдиноможливим, абсолютним біологічним імперативом.

Про те, що мати може успішно виростити і виховати дитину і без батька – відомо давно. Але можливо і зворотнє. У СРСР такі випадки поодинокі, тому що у випадку розлучення консервативно налаштовані судді, навіть усупереч букві закону, що вимагає керуватися насамперед інтересами дитини, як правило, віддають дітей на піклування матері (про несправедливість цієї традиції не раз зазначалося, зокрема, в “Літературній газеті”). Але існує досвід “самотніх батьків”.

В Англії, за підрахунками Т. Хіпгрейва, батьки складають 12% усіх самотніх батьків. Самотніх батьків і самотніх матерів характеризує низка загальних особливостей: більш обмежене соціальне життя, трохи більш демократичний стиль сімейного життя і наявність визначених труднощів при вступі в новий шлюб. Поряд з цим у них є свої специфічні соціально-психологічні труднощі. Самотні батьки отримують більше допомоги з боку

друзів і родичів, але у них сильніше, ніж у самотніх матерів, звужується коло соціального спілкування. Якщо самотні матері випробовують труднощі з дисципліни дітей, то батьки стурбовані недостатньою емоційною близькістю з ними, особливо з дочками. Але хоча в обох випадках неповна сім'я створює труднощі (різного порядку), відсутність одного з батьків не виключає можливості нормального розвитку дитини і якоїсь компенсації відсутнього батьківського чи материнського впливу.

### **Батьківський вплив на особистість дитини**

Які ж реальні можливості батьківського впливу на формування особистості дитини?

Люди, виховані в патріархальному дусі і переконані у тому, що формування особистості здійснюється в основному і навіть винятково в перші два, три чи п'ять років життя, звичайно не сумніваються у всемогутності батьків, приписуючи усі труднощі і недоліки виховання головним чином некомпетентності чи недбалості батьків. “Дайте мені інших матерів, і я дам вам інший світ”, – писав святий Августин, і під цим судженням охоче підписалися б і Фрейд, і багато класиків педагогіки. На жаль, справа виглядає набагато складніше.

По-перше, батьківське ставлення до дітей органічно пов'язане з загальними орієнтаціями культури і власним минулим досвідом батьків; ні те, ні інше не можна змінити з помахом чарівної палички.

По-друге, при всій їх значимості, батьки ніколи не були і не будуть єдиними і всемогутніми вершителями долі своїх дітей. Навіть оцінити реальний ступінь батьківського внеску без обліку інших, на перший погляд, сторонніх факторів практично неможливо.

Повернемося ще раз до проблеми батьківства. Перші психологічні і соціологічні дослідження, що переконливо показали значення батька як виховного фактора, були присвячені не стільки батьківству, скільки ефекту бездоглядності. Порівнюючи дітей, що виростили з батьками і без них, дослідники переконалися, що “невидимий”, “некомпетентний” і часто неуважний батько насправді дуже важливий. У всякому разі, його відсутність дуже негативно впливає на дітей. Діти, що виростили без батьків, часто мають знижений рівень прихильності. У них, особливо у хлопчиків, вищий рівень тривожності і частіше трапляється невротичні симптоми. Хлопчики з неповних сімей складніше налагоджують контакти з однолітками. Відсутність батька негативно позначається на успішності у навчанні і самоповазі дітей, знову ж особливо хлопчиків. Таким хлопчикам складніше дається засвоєння чоловічих статевоїх ролей і відповідного стилю поведінки, тому вони частіше інших гіпертрофують свою маскуліність, виявляючи агресивність, брутальність, дратівливість тощо. Наявність статистичного зв'язку між відсутністю чи слабкістю батьківського початку і гіпермаскуліною чи агресивною поведінкою (насильство, убивства) демонструють і кроскультурні дослідження.

Але подібні дані, це – лише непрямі свідчення. У неповних сім'ях крім відсутності батька є й інші проблеми: матеріальні труднощі, звужене коло внутрісімейного спілкування, від якого чимало залежить виховання дітей. Жінка-мати, позбавлена чоловічої підтримки, часто психологічно травмована, що позначається і на її відношенні до дітей. Імітуючи батьківську суворість і вимагаючи від дітей дисципліни, деякі самотні матері більше піклуються про формальну слухняність, успішність, ввічливість, ніж про емоційне благополуччя дитини. Інші, навпаки, прямо визнають своє безсилля. Треті надмірно опікують дітей, особливо єдиних, намагаючись відгородити їх від усіх дійсних і уявлених небезпек. Хоча таке невротичне почуття здається безкорисливим і навіть жертвним, воно вкрай егоїстично і негативно позначається на дитині. Надмірно опікувана, заголублена дитина виростає пасивною, фізично і морально слабкою чи починає бунтувати. Як показують психологічні дослідження, велика залежність від матері часто сполучається з почуттям ворожості до неї. Іноді діти ідеалізують відсутнього батька тощо.

Оцінюючи потенційний рівень і реальний ступінь батьківського впливу, потрібно враховувати безліч автономних факторів.

1. Вік дитини. У раннім дитинстві ключовою фігурою, як правило, буває мати. Потім з нею зрівнюється й іноді переважає її вплив батько. Пізніше їх обох “тіснять” однолітки і суспільні інститути соціалізації.

2. Стать дитини. Як уже було зазначено, батьки по-різному та з різним успіхом виховують дітей своєї і протилежної статі, причому для хлопчиків позасімейне оточення важливіше, ніж для дівчаток.

3. Наявність інших агентів соціалізації, як усередині сім'ї, так і поза нею.

4. Специфічні особливості трансмісії культури різних поколінь у суспільстві в даний історичний період (наприклад, як великі відмінності в умовах життя і ціннісних орієнтаціях батьківського покоління і покоління дітей).

5. Амбівалентність самих батьківських почуттів і їх соціально-психологічних наслідків. Дітоцентризм суспільної психології XVIII–XIX ст. означав посилення турботи про дітей, але одночасно – обмеження їхньої внутрішньої волі, примусову інфантилізацію, наслідком чого виявилися байдужість і соціальна безвідповідальність, на які гірко скаржаться сучасні батьки, не розуміючи зв'язок цих явищ з їх, батьків, власною виховною практикою.

6. Численні і зовсім невивчені компенсаторні механізми самої соціалізації, що врівноважують багато виховних зусиль; наприклад, ефект зустрічної рольової додатковості, коли дитина має перед очима гарний батьківський приклад, але не виробляє у себе відповідних навичок, тому що сім'я в них не бідує, батьки все роблять самі.

Ці та багато інших факторів, що обмежують ефективність батьківського виховання, тією чи іншою мірою існували завжди. Сьогодні вони стали більш помітні, і суспільство поступово починає ставитися до них свідомо.

Проблеми ці дуже складні і часто інтерпретуються прямо протилежним чином, особливо на рівні глобальних теорій. З погляду психоаналізу

ослаблення батьківської влади в сім'ї – найбільша соціальна катастрофа, оскільки разом з батьківством виявилися зруйновані всі зовнішні і внутрішні структури влади, дисципліна, самовладання і прагнення до досконалості. “Суспільство без батьків” означає демаскулінізацію чоловіків, соціальну анархію, пасивну вседозволеність. З феміністської точки зору, навпаки, йдеться про твердження соціальної рівності обох статей, послаблення агресивних імпульсів і загальної гуманізації міжособистісних стосунків. Але глобальні теорії, плідні для первісної, загостреної постановки питань, як правило, непридатні для їх дозволу: у силу своєї односторонності вони занадто багато чого залишають поза своєю увагою.

Радянське суспільство на сучасному етапі свого розвитку чітко розуміє величезну роль сім'ї як первинного осередку суспільства і батьків як найважливіших вихователів підростаючого покоління. Завдання зміцнення сім'ї особливо підкреслюється у новій редакції Програми КПРС. Але як досягти бажаної мети?

Хоча письменник Ю. Рюриков визнає, що “мужність” і “жіночість” – “зовсім не біологічні поняття”, він не сумнівається у тому, що їхня гармонія лежить в універсальних законах біології, відступ від яких означає для особистості, що вона залишає свою еволюційну магістраль. При цьому “жіночість”, що втрачають жінки (сам факт втрати у Ю. Рюрикова сумнівів не викликає), не зникає. За якимсь дивним законом збереження психологічної енергії вона переходить до чоловіків. При цьому те, що для жінки є вищою гідністю, у чоловіків перетворюється у свої антиподи: м'якість робиться м'якотістю, увага до дрібниць – дріб'язковістю, материнська обережність – боягузством, відходом зі споконвіку чоловічої ролі кам'яної стіни.

Будь-який досвідчений психолог скаже, що це залежить насамперед від статево-рольових стереотипів: та ж сама поведінка у жінки сприймається як м'якість, а у чоловіка – як м'якотілість. Але така конструкція дозволяє авторові обґрунтувати необхідність збереження, у зм'якшеній формі, традиційного “дзеркального” сполучення чоловічих і жіночих функцій у сім'ї й у суспільстві.

Відомий соціолог І.В.Бестужев-Лада, навпаки, вимагає ліквідації “анахронічного поділу домашньої праці (обов'язків) на жіночі і чоловічі. Але чи стосується це тільки побутових занять чи також поділу батьківських і материнських функцій?

Не тільки історичні науки, але і психологія не дають на ці питання чітких відповідей. З одного боку, новітні дослідження підтверджують стійкість багатьох психічних рис і властивостей особистості, що формуються в раннім дитинстві, під впливом відносин дітей з батьками, особливо з матір'ю. З іншого боку, доведено, що цей вплив не можна вважати фатальним, що особистість розвивається і змінюється протягом усього життя, під впливом безлічі різних людей і обставин.

Раніше будь-який виявлений збіг обставин і ціннісних орієнтації дітей і їхніх батьків автоматично приписували батьківському впливу. Сьогодні, беручи до уваги історичні відмінності, наступність соціального статусу сім'ї й інших факторів, учені стали обережніше у висновках. Реальний ступінь і тривалість

батьківського впливу залежать і від віку дітей, і від сфери життєдіяльності, до якої належать досліджувані обставини. Швидко накопичується й інформація про зворотний вплив дітей на батьків.

Більш розвинена наука дає і більш складні практичні рекомендації. Констатуючи слабкість батьківського “початку”, вчені вже не обмежуються абстрактним закликком “повернути чоловіків у сім’ю”, а пропонують конкретні способи навчання і виховання майбутніх і молодих батьків.

Особлива увага приділяється сім’ям з одним батьком, кількість яких скрізь зростає: у жовтні 1985 р. у Брюсселі відбулася європейська конференція на цю тему.

Більш реалістичною стає оцінка наслідків розлучень. У короткостроковій перспективі розлучення завжди травмує дітей, але його довгострокові психологічні наслідки не обов’язково настільки жалюгідні і незворотні, як думають письменники і журналісти. Негативний вплив розлучення на дітей може бути істотно зменшеним за допомогою таких заходів:

- соціально і психологічно задовільне функціонування того батька, на піклуванні якого залишаються діти;
- гарні взаємини між батьками після розлучення;
- адекватне, відкрите і чесне пояснення дітям від батьків причин і очікуваних наслідків розлучення;
- підтримка позитивного образу обох батьків;
- можливість для дитини обговорювати ситуацію і пов’язані з нею проблеми з однолітками;
- погляд на шлюб як на стан, що може бути розірваним, і розуміння розлучення як виклик і пошук нових можливостей.

Звичайно, краще, щоб сім’я не руйнувалася. Але коли від учених це не залежить, вони намагаються зменшити негативні наслідки розлучення, підвищивши його культуру, і така стратегія, що припускає розуміння і терпимість, дійсно поліпшує соціальний статус і психологічний стан як розлучених чоловіків, так і їхніх дітей. У всякому разі, вона краще пишномовного моралізування, що втілює в людей, чий шлюб не склався, почуття безнадійності і безпорадності.

Недарма Статус Радянського дитячого фонду імені В.І.Леніна передбачає не тільки безпосередню матеріальну й іншу допомогу нужденним сім’ям і дітям-сиротам, але й широке коло соціальних програм і заходів, яких, при всьому бажанні, не зможуть здійснити ні державні установи, ні окремі громадяни. Історико-етнографічні дані про соціально-культурні варіації і варіанти батьківства також можуть принести при цьому користь.

## **Висновок**

Навіщо написана ця книга? Чому замість того, щоб написати нарис історії чи етнографії дитинства означеного періоду і регіону, я втягнув читача в стомлюючі перегони з перешкодами по країнах, епохах і галузях знань? Почасти, ймовірно, тому, що я не є ні етнографом, ні істориком, ні педагогом і

цілком міг би застосувати до себе слова того ж Ліхтенберга: “Він був не стільки власником, скільки орендарем наук, що викладав, тому що в них йому не належало і клаптика”. Але головне все-таки не в цьому.

Взаємини поколінь, методи і критерії оцінки ефективності соціалізації дітей і підлітків сьогодні, як ніколи, проблемні. Їхнє вивчення вимагає систематичної міждисциплінарної кооперації всіх наук про людину і суспільство, включаючи історію.

Мета порівняльно-історичного вивчення соціального стану і виховання дітей у різних людських суспільствах не в тому, щоб шукати в далекому минулому чи в інших географічних широтах готові відповіді на хвилюючі нас запитання чи універсальні рецепти виховання. Виховання, спрямоване у майбутнє, не може і не повинно орієнтуватися тільки на минуле. Але уроки минулого, якщо їх добре осмислити, допомагають глибше зрозуміти сьогодення, представивши його не як статичну, непорушну даність, а як суперечливий процес розвитку, що має безліч варіацій і можливостей.

Зараз такі дослідження роблять лише перші кроки. Захоплені збиранням фактів, ми часто забуваємо уточнювати питання, на які хотіли б отримати відповідь. “Незачесана” історіографія, що зіштовхує суперечливі факти і судження, прийняті за істину в одній науці і відхиляються в іншій, показує нам глибину нашого незнання, допомагаючи звільнитися від звичних шаблонів, здивуватися, задуматися і тільки після цього вирішити, що робити.

***Кон І.С. Дитина і суспільство: (Історико-етнографічна перспектива).***  
– М.: Наука, 1988. – С. 211-243.

## Маргарет Мід (1901-1978)

### Видатний американський етнограф і соціолог



Народилася Маргарет Мід 16 грудня 1901 р. у Філадельфії. Спочатку навчалася у жіночому Барнард-коледжі, а потім у Колумбійському університеті. Ще навчаючись в університеті, спеціалізувалась на психології, а з 1923 р. коло її наукових інтересів змінилося і вона почала послідовно займатися етнографією.

М.Мід була Президентом Американської антропологічної асоціації, президентом Світової федерації психічного здоров'я, Американської асоціації сприяння прогресу науки тощо, займалася музейною справою – спочатку була співробітницею музею, а потім завідувачем відділу етнології Американського музею історії природи.

М.Мід мала багато наукових та соціальних звань: у 1949 р. – американські видавці визнали її Видатною жінкою року у галузі науки, у 1956 р. – однією із видатних жінок XX ст.; у 70-роках XX ст. М.Мід стала символом усієї етнографії, а 21 березня 1968 р. журнал “Тайм” назвав її “Матір’ю Миру”.

У 23-роки М.Мід вперше розпочинає свої польові дослідження, за підсумками яких було видано книгу “Дорослішання на Самоа”. Книга користувалася великою популярністю, що надихнуло молоду дослідницю на нові експедиції: 1928-1929 рр. – острови Адміралтейства, 1930-1933 рр. – Нова Гвінея, 1936-1939 рр. – острів Балі (Індонезія), 1953 – острів Манус. Результати цих досліджень дали змогу М.Мід видати книги: “Як зростають на Новій Гвінеї” (1930), “Стать і темперамент у трьох примітивних суспільствах” (1935), “Чоловік і жінка: вивчення статей у мінливому світі” (1949).

За своє життя М.Мід видрукувала більше 25 книг, була редактором багатьох важливих колективних праць, мала сотні наукових і публіцистичних статей. Більшість її праць – результат власних польових досліджень, у яких вперше представлено опис життя і культури декількох народів Океанії. Характерно, що в своїх працях М.Мід подає матеріал через конкретні приклади, причому матеріал викладено у публіцистичній формі.

Праці відомого американського вченого – засновниці етнографії дитинства, дали змогу радянським читачам познайомитися з польовими дослідженнями і теоретичними положеннями М. Мід з питань зарубіжної етнографії дитинства і психології XX століття.

М.Мід була також укладачем і редактором збірки “Детство в современных культурах”. Особливістю наукової спадщини М.Мід є

міждисциплінарність, поєднання етнографії, соціальної, вікової психології, соціології та теорії виховання.

До даного видання відібрано розділ “Виховання і особистість” із праці М.Мід “Культура і світ дитинства”.

*Мід М.*

## **Культура и мир детства**

### **XIV**

#### **Воспитание и личность**

Хотя воспитание и не может изменить тот факт, что личность ребенка в самых ее существенных чертах всегда отражает культуру, в которой он был воспитан, все же методы воспитания могут иметь далеко идущие последствия для развития той совокупности темперамента, мировоззрения, устойчивых предпочтений, которые мы и называем личностью. Несмотря на то, что народ манус скован узкими рамками одной культурной традиции, он смог дать ярчайшие формы развития личности. Вот почему анализ того, как каждый младенец у этого народа становится отличным от всех других, пролил бы яркий свет на всю проблему формирования личности. Внутри гомогенной культуры проблема формирования личности выступает рельефнее. Ее не затемняют искусственные наслоения, которые сложная культура обязательно привнесет в развитие каждого индивидуума, рожденного в лоне ее гибридных традиций. Мы часто принимаем за личностные различия плоды этих вторичных образований, хотя на самом деле они не имеют с ними ничего общего. Давайте, сравним на минуту возможные вариации культурных форм, дозволенных взрослому мужчине у манус, с теми же вариациями, представляющими часть индивидуальности каждого мужчины в нашем обществе. Возьмем сначала второстепенный вопрос, касающийся внешнего вида. Мужчина манус может иметь длинные волосы, завязанные в узел, может их коротко стричь. Он может носить кольца в ушах или не носить их. Точно так же в носу у него может быть тонкое полукольцо из жемчужной раковины или же вырезанная кость, но их может и не быть. Но в любом случае как уши, так и нос будут проколоты для этих украшений. Ткань на его штанах – это либо коричневый луб хлебного дерева, либо же джутовая, купленная у торговца. Его драгоценности – собачьи зубы, раковины, служащие деньгами, бусы. Собачьи зубы могут быть нанизаны на нитку вперемешку с бусинами, они могут быть обвиты вокруг шеи в одну нить или в две. В раковинах могут помещаться красные бусины или же красные и черные. В лучшем случае перед нами очень небольшой диапазон возможных вариантов. Сравните с ним варианты одежды у нас – от комбинезонов рабочего до утонченных моделей, описываемых в рекламных проспектах под заголовком “Что носят хорошо одетые люди”. Когда речь заходит о возможных вкусах, верованиях, мнениях, контраст становится ошеломляющим. Вот самый экстравагантный человек в Пере: он еще молод, заявил о своем отличии от



своих сотоварищей еще юношей, повесив на спину своей кухни, соблазненной им, амулет, который должен был предохранять ее от возмездия духов. Впоследствии он украсил свою речь всеми бранными словами, тщательно собранными у стариков в разных деревнях, и громко смеялся на похоронах сестры. Во всем остальном он был вполне сходен со своими товарищами. Он женился, жена ушла от него, он снова женился. Он занимался рыбной ловлей, обменивал рыбу на фрукты, участвовал в торговых сделках, соблюдал табу имен всех близких родственников, как и все жители Пере. Другой мужчина в Пере отличился по-иному: он искренне и долго плакал после смерти своей жены, сохранил у себя ее череп и иногда говорил с ним. Все это сделало его заметной личностью, уникальным явлением среди его родственников и соседей. Но в большинстве других своих верований и привычек он ничем не отличался от всех остальных мужчин деревни.

А теперь давайте рассмотрим небольшую подборку индивидуумов, с которыми мы можем встретиться у нас. Из двух мужчин с одинаковыми чертами характера, то есть оба могут быть властными, агрессивными, предприимчивыми, уверенными в себе, один может верить в святую троицу и первородный грех, другой – быть убежденным агностиком; один – верить в свободную торговлю, права штатов, решение на мостах, другой – в тарифы, большой флот, федеральные законы по социальным вопросам; один может коллекционировать гравюры с видами Нью-Йорка раннего периода, другой – бабочек; один может обставить свой дом мебелью, сделанной в эпоху королевы Лины, дом другого обставлен мебелью пяти стилей; один обучен так, что он может разбирать самые сложные фуги, другой так знает Пикассо, что может датировать любую его картину; одному нравится Кабелл, другому – Пруст. И так можно было бы пойти дальше, воспроизводя весь диапазон различных вкусов у этих людей, а кончить наше описание – сравнением любого из них с молодым клерком из маленького городка. Его единственные развлечения – сидеть за рулем “форда”, ходить в кино и почитать комиксы; его дом обставлен стандартно безобразной мебелью, купленной в кредит, и он республиканец, потому что республиканцем был его отец. У нас мы сталкиваемся с диаметрально противоположными вкусами, сложными и простыми, и они-то и образуют тот фон, на котором индивидуум выделяется значительно более рельефно, чем это возможно у представителя простой культуры. У манус любовь к музыке выражается в умении более или менее хорошо играть на свирели или деревянной шейте, интерес к пластическим искусствам – в умении более или менее успешно вырезать традиционные формы, созданные соседними народами. Но в пределах этого очень узкого диапазона предпочтений и возможностей, определяемых культурой, дети манус обнаруживают столь же резкие различия в существенных чертах личности, как и американские. Среди них четко выделяются покорные и властные, расчетливые и порывистые, подражательные. И как раз потому, что сложные различия в традициях образования, круге чтения не затемняют здесь картины, народ манус – благодарный объект для изучения путей формирования этих фундаментальных свойств личности у ребенка.

Эта проблема столь же значима для нас, как и для любого примитивного народа. Как вырабатывается в подрастающем индивидууме свойственная ему тенденция выбирать то-то, а не то-то? Даже при беглом взгляде на современные цивилизации мы обнаруживаем прямую связь между культурой и темпераментом.

Созерцательный человек, углубленный в проблемы потустороннего мира, полностью девальвирован в Америке, где даже священник должен быть предприимчивым и энергичность поощряется. Напротив, человек с активным, деятельным умом, не очаровываемый мыслью, как таковой, и презирающий философские тонкости, был бы в невыгодном положении в таком обществе, как древнеиндийское. Среди индейцев зуньи откровенно инициативный человек, наделенный большей силой внушения, чем его соплеменники, рисковал бы прослыть колдуном и быть повешенным за большие пальцы. Человек, который всю свою жизнь любой ценой стремился бы к мистическому озарению и так и не обрел его, оказался бы совершенно беспомощен среди тех фундаменталистов из индейцев прерий, которые до сих пор не переняли умения продавать и покупать религиозный опыт. Идеалом каждого общества служит один из многих типов возможного поведения. Те индивидуумы, которые воплощают в себе этот тип личности, становятся его вождями и святыми. То, у кого этот господствующий тип личности менее развит, становятся их последователями. Тех же, кто в своей извращенности подхватил совершенно чуждую точку зрения на личность, иногда заключают в сумасшедшие дома, иногда бросают в тюрьмы как опасных агитаторов или сжигают как еретиков, а иногда позволяют им влачить полуголодное существование как художникам. Человек, о котором говорят, что «он родился в свое время», «в своем веке», – это просто человек, личность которого созвучна господствующему тону его общества, обладающий к тому же необходимым интеллектом. Общества функционируют, развиваются и расширяются теми, чьи души родственны его душе. Их подрывают и преодолевают новые верования и новые программы – плоды страданий и мятежа тех, кто не нашел духовного отечества в культуре, где был рожден. На первой группе людей лежит бремя сохранения их общества и, может быть, даже бремя придания ему более определенной формы. На плечи одаренных людей из числа изгоев общества ложится бремя создания новых миров. Очевидно, что от соотношения этих трех типов людей частично зависят судьбы культуры. Без творцов-энтузиастов, поставивших себя на службу существующему режиму или новым формам того же самого режима, общество или еще какая-то область социальной жизни оказались бы без лидеров, погрязли бы в скуке и посредственности. Примером тому может служить современная американская политическая жизнь. Во главе ее стоят не лучшие типы американцев, то есть не люди, наилучшим образом воплощающие в себе американскую идею. Появление на политической сцене сильных личностей, темперамент которых не созвучен верно понятым американским идеалам, не придает нашей политической жизни энергии и здоровья. Судьба любого общества зависит от той духовной пищи, которой питаются его изгои, – от того, строят ли они свою философию перемен из идей, достаточно родственных

своей культуре, закладывая основы реальных перемен, либо не обращаются к источникам, настолько чуждым их культуре, что остаются бесплодными интеллектуалами-мечтателями.

Всякое общество поэтому, даже если оно полностью изолировано и не общается с другими культурами, зависит в любой момент своего существования от тех свойств личности, которые со временем разовьются у новорожденного. Что же касается немногих действительно одаренных людей, рождающихся в каждом поколении, чрезвычайно важно, горят ли они энтузиазмом сохранить существующий порядок или же тратят свою жизнь на неустанные, страстные поиски чего-либо нового. Можно сказать, что судьба каждой культуры зависит от калибра людей. И не в смысле интеллектуальных отличий одних от других. Судьбы культуры определяются тем, насколько ее идеалы привлекательны для одаренных людей в каждом поколении, ослепляют ли они их своим блеском, побуждая служить им, либо зажигают в них пылкую страсть к обновлению.

Тем не менее о механизмах процесса, в результате которого один ребенок становится восторженным поклонником системы, другой реагирует на нее апатично, а третий начинает испытывать к ней нескрываемое отвращение, мы знаем очень мало. Может быть, наиболее плодотворные попытки решения этой проблемы исходили от психоаналитиков, неутолимое желание которых подвести всю жизнь под одну категорию побудило их попытаться решить и те проблемы, которые ортодоксальные психологи рассматривали вне рамок какой-либо единой теории. Одна из наиболее мощных психоаналитических теорий – теория идентификации, анализ того, каким образом индивидуум настолько полно отождествляет себя с другой личностью (известной ему непосредственно, или о которой он прочел, или которую вообразил), что делает ее склонности и установки своими. Психоаналитики использовали это понятие, для того чтобы объяснить десятки различных ситуаций – от идентификации с героями пьесы или книги до процесса, в ходе которого идентификация с родителем противоположного пола может привести к извращенным сексуальным склонностям.

В нашем обществе вариационные возможности, заложенный в механизме идентификации, многочисленны и противоречивы. Любой из родителей, учителей, прославленный киноактер, игрок в бейсбол, горой книги или пьесы, историческая личность, любимый товарищ или же сам Бог могут послужить идеалом. Сумасшедшие дома полны теми, кто вывел свои идентификации за пределы здравого рассудка и непоколебимо уверовал, что он Наполеон или Иисус Христос, преследуемый слепым и враждебным миром. То, что крайние формы идентификации присущи не только нашему обществу, доказывает самоанское общество, где я встретила с человеком, твердо веровавшим, что он Туфеле, верховный вождь острова, и требовавшим, чтобы к нему, бедняку, обращались не иначе, как со словами, предназначенными для верховных вождей. В менее патологических формах тенденцию идентифицировать себя с кем-то можно встретить в каждой шутке пылкого поклонника какого-нибудь

вождя, у всякого, кто стремится тщательно воспроизвести, хотя бы и в малом, поведение какого-нибудь бесконечно обожаемого человека.

У ребенка манус нет такого диапазона выбора. Не видя перед собой больших различий в рангах людей, литейный религиозных вождей, не имея представления о великих личностях истории или мифов, этот ребенок не обладает галереей образов, сколько-нибудь сравнимой с той, из которой наши дети могут черпать свои идеалы. Кроме того, способность и готовность, даже, можно сказать, склонность ребенка выбирать себе образец для подражания у манус более жестко ограничивается рамками отношения отец – сын. Читатель должен припомнить, как тесно узы товарищества связывают отца и маленького сына, как ребенок следует за отцом на всех стадиях его повседневной, будничной деятельности, наблюдает за ним, когда тот строит планы, ссорится, работает, отдыхает, убеждает духов своих предков, разглагольствует перед женой. Мы видели, что детей более пожилых и преуспевших отцов можно отличить от детей более молодых и менее процветающих. И самое главное, мы видели, что соответствие личностей отца и приемного сына столь же велико, как и у отца с его собственным сыном, и оказывается большим, чем сходство характеров у отца и его родного сына, если последнего усыновил мужчина другого темперамента или положения в общине. Все это позволяет предположить, что, каково бы ни было влияние наследственности – фактор, воздействие которого в настоящее время не поддается точному измерению, – формирование личности ребенка в очень большой мере определяется тесными связями со взрослой личностью. В родительских заботах взрослых мужчин о своих детях манус обрели великолепный социальный механизм переноса их личностных характеристик на следующее поколение.

И это не просто способ сохранения в следующем поколении того соотношения между решительными и нерешительными, агрессивными и мягкими характерами, которое сложилось в предыдущем. Если у сильного человека пять сыновей, они у него родятся на разных этапах его жизненной карьеры. Ребенок, родившийся у него в молодости, будет обладать более мягким темпераментом, чем другой ребенок, плод уверенной в себе зрелости.

Это может быть одной из причин, почему первородство практически мало значит у манус, *почему* младшие братья так часто откровенно властвуют над старшими. (Различие интеллекта также может быть одной из причин этого явления.) Доля каждого темперамента может слегка меняться от поколения к поколению в соответствии со случайностями рождения и усыновлений. Палеао, человек агрессивный, имел только одного сына. У Мучина, его брата, мягкого, неагрессивного, консервативного, их было четверо. Затем Палеао усыновил одного из сыновей Мучина, но сделал это слишком поздно, чтобы осязаемо повлиять на характер ребенка. Там, где только десять или пятнадцать мужчин решают судьбы общины, очень важно, будет ли среди них тремя-четырьмя агрессивными и инициативными людьми больше или меньше.. Интересно сравнить методы воспитания у манус не только с нашими, но и с методами, применяемыми другим народом Океании – самоанцами. На Самоа идея титула служит стимулом для детей, но она не связана с образом конкретной личности,

потому что значительные люди никогда не позволяют детям приближаться к ним. Детей выгоняют из общества взрослых, передают их в руки старых женщин или заставляют нянчиться с малышами. Здесь нет никаких гарантий, что сын сильного человека станет личностью, в каком бы то ни было отношении подобной отцу. Но идея ранга оказывает определенного воздействия на формирование личности ребенка. Если он сын или племянник вождя, для него устанавливаются более высокие стандарты поведения и он отвечает на это несколько большими усилиями, чем его сверстники. Но “ты – сын вождя” – это побуждение к усилию, а не наше фатальное подчеркивание успехов отца, пугающее сына, задерживающее его развитие. Влияние того стимула на личность самоанского ребенка относительно мало; маленькие мальчики отличаются там друг от друга значительно меньше, чем дети у манус. Когда они становятся молодыми людьми, вожди проявляют большой интерес к своим вероятным приемникам. Но к этому времени, когда у молодых людей появляются большие возможности для подражания, их характер достаточно сформирован. В течение же первых шестнадцати-семнадцати лет жизни главным социальным детерминантом поведения молодого самоанца оказываются нормативы его возрастной группы, а не личность взрослого. Традиция подчинения стандартам возрастной группы так сильна, что идея ранга, связь со взрослым человеком в поздние годы, складывающиеся привычки повелевать здесь мало что могут изменить. Мужчины на Самоа значительно более похожи друг на друга, чем мужчины манус. Заботливо воспитанные привычки благоразумного стандартизации поведения, соответствующего скорее социальному статусу человека, чем его естественным склонностям или личностным особенностям, делают самоанцев значительно более однородной массой, гораздо более пригодными для стрижки под одну гребенку.

У детей манус роль возрастной группы незначительна. Как индивидуумы они усваивают отличительные особенности своих отцов, особенности, непосредственно выражающие их возраст, экономическое положение и успех в обществе. Последний же в известной мере зависит от интеллекта, но в основном от таких черт характера, как агрессивная инициативность и энергия. У манус мы находим три главных типа личности. Агрессивный, склонный к насилию, властный тип, распространенный среди более пожилых и богатых людей и у детей, которых они воспитывали. Вполне уверенный в себе, но с менее выраженной агрессивностью, встречающийся среди молодых мужчин, еще не добившихся прочного экономического положения, но взявших хороший старт в детстве, равно как и у подрастающих детей этих мужчин. Мягкий, неагрессивный, слабый тип – у пожилых неудачников, по-видимому плохо начавших свой жизненный путь, либо у малоодаренных природою и у их детей. Так как более чем в половине случаев наследники преуспевших мужчин сами имеют сыновей или же по крайней мере кровных родственников, эта система создает аристократизм личностей, аристократизм, надежно увековечивающий себя. Она приводит к резким индивидуальным различиям между мужчинами даже в очень маленьких деревнях, приводит к появлению динамической

атмосферы жизни, начисто отсутствующей на Самоа, хотя там развитие личности стимулируется ранговой системой. Эти живые, беспокойные люди восприимчивы к культурам, с которыми они входят в соприкосновение, быстро пользуются преимуществами идей белого человека, обращая их на пользу. Но самоанское обращение к цивилизация белых основывается не на деяниях конкретных индивидуумов, а на гибкости всего образа жизни, в котором нет сильных страстей и не приходится расплачиваться слишком дорогой ценой. У манус, с другой стороны, много конфликтов, много трений между разными типами личностей, их эмоции куда более сильны. Самоанская система – это очень приятный способ сглаживания грубых, непристойных сторон человеческой природы до приятной безвредности, манус – это один из приемов вложения капиталов в личность и использования ее обществом.

В Америке мы не придерживаемся ни той, ни другой системы. Низведение роли отца до роли усталого, часто смущенного ночного гостя сделало очень многое для того, чтобы исключить самую возможность плодотворной идентификации сына с ним. Когда же ребенок действительно пытается отождествить себя со своим отцом, то обычно он вынужден обращаться к тем отцовским качествам, которые более бросаются в глаза и присущи мужчине не вообще, – к одежде, к физической силе, низкому голосу, то есть как раз к тем его качествам, в подражании которым пятилетний ребенок сталкивается с наибольшими трудностями. Как со скорбью в голосе сказал мне однажды маленький мальчик: “Я никогда не стану таким же большим, как мой папа, потому что я не могу так сильно шуметь своим маленьким носом, как он”. Отец – это мужчина, который может поднять ребенка на руки, который приходит домой вечером, отдыхает с семьей по воскресеньям, водит автомобиль, зарабатывает деньги, должен бриться каждый день, говорит басом. Все эти признаки никак не выделяют его из сотни других мужчин в данной общине.

Ребенок должен идентифицировать себя с неопределенной фигурой в брюках. Ему недозволен более близкий контакт с ним, который позволил бы понять своего отца как индивидуума, а не как представителя определенного пола.

Условности нашего общества таковы, что воспитание детей в угрожающих размерах стало женским делом. Свидетельством тому служит то, что вопросами педагогики и гигиены интересуются почти исключительно женщины, у мужчин же интерес к ним почти совершенно отсутствует. Мальчик состоит при матери до шести-семи лет, и это создает трудности в его последующей: адаптации, аналогичные тем, которые переживает девочка у манус. Идентификация с представителями противоположного пола опасна в гетеросексуальном мире. В шесть или семь лет мальчик передается в руки других женщин. Мать, кормилица, учительница, руководительница детской игровой группы – вот та долгая процессия женщин, проходящая между ним и любым сколь-нибудь реальным контактом с мужчинами. Их влияние – это закопченное стекло, пропускающее к нему искаженный, преувеличенный, фиктивный образ отца. И ребенок, реакции которого на властного отца всегда

сильны, реагирует на этот образ не положительно и остро эмоционально, как у манус, а чувством своей неполноценности, ощущением своей неизбежной неудачи. Манус посмотрел бы с сожалением на вереницы неудачников, отцы которых были знамениты, часто неудачников именно потому, что их отцы были знамениты. Стоять ли на точке зрения наследования врожденных способностей или на точке зрения решающего влияния привычек, приобретенных в раннем детстве, ясно одно, что сыновья сильного мужчины должны быть сильными, любое завоевание, сделанное индивидуумом, должно сохраняться в последующих поколениях, не разбазариваться, а тем более, сколь это парадоксально, не портить жизнь его несчастным потомкам. В нашей же действительности, где нет ни традиции обучения мальчиков отцами, как у манус, ни самоанского обращения к социальному рангу как средству воспитания, мы сталкиваемся с весьма печальной картиной потери завоевания одного поколения другим. Неудачи детей в идентификации со своим отцом обостряются в нашей стране быстро сменяющимися нормативами поведения и различием во взглядах на жизнь у родителей и детей. Факты, приведенные в “Мидлтауне”, подтверждают это, показывая, что очень мало детей желает унаследовать профессии своих отцов. Ребенок представляет себе своего отца как некую непонятную силу, действие которой трудно предвидеть, как своенравного добытчика пропитания, отказывающего иногда в карманных деньгах, почти всегда безразличного члена семейства, старого ворчуна, со смешными для нового поколения идеями. Но для того чтобы ребенок мужского пола смог успешно приспособиться к жизни, он должен как-то отождествлять себя со своим отцом или с другим взрослым мужчиной. Как бы ни была близка ему мать, какие бы теплые чувства ни существовали между ними, какого бы ни заслуживала она восхищения и преданности, она не является для ребенка мужского пола моделью жизни. Если его привязанность к ней слишком сильна, это затормозит его эмоциональное развитие; если он отождествит себя с нею, то он рискует оказаться сексуально извращенным или же в лучшем случае сформирует в себе некоторые фантастические и мучительные установки. Самую тяжелую расплату готовит семейная жизнь как раз тем мальчикам, которые воспитаны в антагонизме к отцу и в чрезвычайной зависимости от матери. У девочек наоборот. Система воспитания у манус заставляет маленькую девочку нести эту кару – девочку, которая отождествляет себя с отцом за счет привязанности к матери и которой суждено сделать горькое открытие в семь или восемь лет, что она сделала ошибку и мужские пути не для нее.

Мы же строим плохую систему воспитания для мальчиков – ошибка тем более серьезная, что основное бремя развития культуры выпадает на долю полноценных мужчин. Мы окутываем их женскими привязанностями и создаем у них образ отца как какого-то одушевленного хлыста, стоящего на службе любящей повелительницы-матери. В годы максимальной восприимчивости мальчик постоянно связан с женщинами, которые не могут служить для него моделями жизни, сколь бы интересными и привлекательными они часто ни были сами по себе. Раз это так, то, будучи не в состоянии отождествить себя с

единственными известными ему взрослыми, лишенный стимулирующего его мужского общества, мальчик обращается к своей возрастной группе, к его стандартизирующему, уравнивающему влиянию, к группе, где все личностное подчинено типическому, групповому. Во все большей мере у нас в стране молодые люди зависят от одобрения своих сверстников, презрительно относятся к оценкам тех, кто более прав, чем они, чувствуют все меньшую ответственность за младших. Тонко разработанный механизм передачи достижений одного поколения другому потерян. Взрослые мужчины, обнаруживая полнейшую не заинтересованность в детях, не только не заботятся о самих детях, но и порождают безразличие старших детей к младшим. Каждая возрастная группа становится маленькой самоудовлетворенной ячейкой, бесконечно и скудно вращающейся вокруг своих собственных проблем.

Что эта система возрастных групп действительна, показывает Самоа. Вполне возможна полная победа возрастной нормы поведения над личностью, над индивидуальной одаренностью, различиями в темпераменте; вполне возможно, что убогая картина человеческой жизни, построенная по возрастным срезам, заменит полноценную, составленную из личностей и охватывающую всех – от новорожденного до старика на краю могилы. Но за этот возрастной стандарт поведения платят потерей индивидуальности. Эта норма поведения более всего распространена, ее легче всего принять, и она менее всего ведет к инициативности и оригинальности человека. Нормативы поведения взрослых, выкристаллизовавшиеся годами сознательной, напряженной жизни, могут быть переданы от отца к сыну, от учителя к ученику, их едва ли можно сбывать оптом, через кино, радио, газеты. Призыв, затрагивающий ответные струнки у тысяч читателей или слушателей, редко обладает такой силой, чтобы чувствительно задеть некоторые стороны личности ребенка, формировать их, связывать их в единое целое. Личный контакт “со зрелыми индивидуумами, которые по-настоящему заботятся о том, чтобы молодые люди стали личностями, воспитали в себе инициативность, по-видимому, и является единственной силой, способной преградить путь этим волнам конформизма, предписывающим: “Что должны чувствовать девятнадцатилетние” или “Как мыслит выпускник средней школы”.

Таким образом, наша педагогическая система вбирает в себя недостатки как самоанской системы, так и системы манус, не включая преимуществ ни одной из них. На Самоа ребенок не питает эмоциональной привязанности ни к своему отцу, ни к своей матери. Их личности поглощены большой семенной группой, воспитывающей ребенка. Ребенок, по скованный эмоциональными связями с ними, находит достаточное удовлетворение в спокойном тепле, являющемся эмоциональной тональностью возрастной группы. Тем самым самоанский ребенок не получает ни благ, ни кар интимной семейной жизни. Дети манус, с другой стороны, так тесно опутаны семейными связями, что приспособления к внешнему миру и не требуется от них и может далее оказаться невозможным. Но взамен мальчик получает лучшее, что может дать такая тесная связь, – живое ощущение отцовской личности.



Американские мальчики не похожи на самоанских детей, от которых не требуется никаких сильных чувств, ищущих удовлетворения в расслабленно-дружественной атмосфере товарищества возрастной группы. Не выпадает на их долго, как у детей манус, награда близости с отцом, возможность счастливой идентификации с ним. Они связаны с семейной группой, где мать сосредоточивает на себе все их чувства и тем не менее не в состоянии дать им полезную модель жизни и где мать предъявляет слишком сильные требования к ним, чтобы они были совсем счастливы в своей возрастной группе. И тень отца достаточно вездесуща, чтобы отравить им удовольствие от игр.

У наших девочек детство часто лучше. Если различия взглядов матери и дочери, вызываемые изменениями социальных норм, но слишком велики, то первой идентификацией дочери может быть ее собственная мать, которая воплощает в себе вполне приемлемый для нее идеал жизни. Антагонизм с отцом необязательно ведет ее к той же самой растерянности, что и ее брата. Очень часто антагонизм дочери с отцом оказывается менее сильным, так как по отношению к ней он необязательно выступает в роли отсутствующего римского отца, далекого от домочадцев. Поэтому может случиться, что эмоциональная жизнь дочери будет протекать свободнее, чем у ее брата; там, где мать является для дочери идеалом будущей жизни, для сына она выступает лишь помехой эмоциональному развитию, помехой, которую он должен преодолеть.

И в школе, как дома, девочки вновь счастливее своих братьев. Показательно, что интерес к искусству, обдуманному проведению досуга и развитию личности у нас можно найти только среди женщин. Показательно, что курсы английской литературы, как правило, привлекают преуспевающих женщин и неудачливых мужчин. История других стран не свидетельствует о какой-то особой одаренности женщин в искусстве, более того, защитники теорий женской неполноценности могут найти здесь множество подтверждений своим выводам. Но в нашей стране искусство как сфера мужских занятий дискредитировано, и вполне может быть, что одной из главных причин столь плохого его состояния оказывается школа: его преподают представители того пола, с которым студенты-мужчины никак не могут отождествить себя.

Ни одно общество не может позволить себе так пренебрегать закономерностями формирования своих детей, отказывать полу, располагающему большей свободой, в праве внести вклад в его культуру, в стимулах развития, которые могут проявиться только при близком личном общении. Представления американского мальчика о том, что значит быть мужчиной, неопределенны, стандартизированы, расплывчаты. Решения, принимаемые им, столь же общи и неконкретны, как и его представления. Он принимает решение делать деньги, добиться успехов, но он не берет на себя каких-то личностных обязательств. Контраст между тем, что мы можем сделать из наших мальчиков, и тем, что мы фактически из них делаем, подобен контрасту между группой прекрасных предметов, сделанных влюбленными руками мастера, и серией вещей, проштампованных машиной. Что бы ни говорилось об экономии труда и обогащении жизни машинами, рассуждения такого рода вряд ли можно применить к человеческим существам на тех же

основаниях, что и к мебели. Те, кто доказывает, что именно машинный век привел к стандартизации личности у нас в стране, по-видимому, злоупотребляют аналогией и видят полное объяснение в том, что лишь частично объясняет дело. Обедненные личностные контакты американского мальчика могут быть столь же серьезным препятствием на пути его личностного развития, как и вездесущая машина.

Хотя и появились некоторые тенденции отхода от этой сильнейшей феминизированности педагогики (большее число школ для мальчиков с учителями-мужчинами, более решительные заявления работников социальных служб и психиатров о необходимости отца детям), большинство наших мальчиков по-прежнему бьется в той же сети. Их несчастье в том, что идеалом для них служит скучная родовая идея маскулинности вообще, а не интересные и лично известные им м у ж ч и н ы.

## Приложение I.

### Этнологический подход к социальной психологии

Наше исследование строилось на определенной гипотезе: невозможно изучать первозданную природу человека прямо. Исключение в этом отношении могут представить только очень простые и неспецифические ее свойства вроде тех, которые изучал в своих основополагающих экспериментах Уотсон. Мы исходили из предположения, что первозданная природа ребенка подвержена влияниям окружения и получить известное представление о нем можно, только изучая со видоизменения, обусловленные окружением. Накопление наблюдений такого рода со временем даст нам несравненно лучшую основу для обобщений, чем та, которую можно было бы получить, наблюдая индивидуумом в узких пределах социального окружения одного типа. Можно собрать данные о тысячах детей в нашей собственной культуре, проверять и перепроверять их в нашем обществе, и они могут оказаться истинными, но, как только мы выходим за эти пределы, они очень часто оказываются несостоятельными.

Вполне понятно, что, перенося предмет изучения за пределы нашего общества, где мы полностью контролируем все инструменты исследования, в особенности язык, в примитивное общество, где практически невозможно контролировать условия сбора данных и надо освоить новый язык, мы в какой-то мере по необходимости жертвуем методологической строгостью. Но можно быть уверенным, что все эти недостатки методологии исследования с лихвой окупятся теми преимуществами, которые даст нам гомогенность изучаемых культур. В нашем обществе мы можем изучить очень большое число индивидуумов определенного возраста, но при этом мы постоянно должны принимать в расчет то обстоятельство, что их культурная предыстория настолько разнообразна, что ни один исследователь не может надеяться когда-либо выровнять их. В примитивном обществе исследователь располагает меньшим числом индивидуальных случаев: их хронологический возраст,

возраст родителей в момент их рождения, порядок их рождения в семье, как протекают роды и т. п. трудно установить с точностью. Но обычаи и нравы, верования, страхи, неприязнь, восторги их родителей – все это очень тесно увязано с нормами культуры. Для исследований личности, социальной адаптации и т. п., то есть для всех тех исследований, в которых наиболее существенным фактором оказывается социальное окружение, примитивное общество как предмет изучения очень плодотворно. Религиозные представления, сексуальные привычки, методы воспитания дисциплины, общественные цели всех тех, кто составляет семью ребенка, могут быть выведены из анализа самой культуры. Индивидуумы одного возраста и пола в таких культурах в этом плане существенно не различаются. Здесь следовало бы вспомнить, что в культуре манус и подобных ей, где мы имеем только половое разделение труда (естественно, имеет место и территориальное разделение), где нет жречества с разветвленными канонами эзотерического знания, где нет сколько-нибудь развернутой системы фиксации прошлого, культурная традиция достаточно проста и потому может быть охвачена памятью среднего взрослого представителя данного общества. Исследователь, прибывший в это общество с этнологической подготовкой, позволяющей включать явления культуры манус в систему удобных для применения и хорошо осмысленных категорий, исследователь, обладающий по сравнению с туземцами громадным преимуществом письменной регистрации каждого аспекта изучаемой культуры, располагает великолепными возможностями сравнительно быстрого решения поставленной проблемы. То обстоятельство, что мой супруг уже работал в области этиологии манус, позволило мне еще более сократить предварительные стадии исследования. Благодаря всему этому примитивная культура в качестве социальной среды менее сложна и запутанна, чем даже самые изолированные и глухие деревни в нашем обществе, ибо в последних мы неизбежно сталкиваемся с отзвуками и фрагментами культур сотен различных типов.

Исследование развития человека в примитивном обществе дает два преимущества: во-первых, оно выявляет контрасты с нашим собственным социальным окружением, контрасты, делающие наглядными различные аспекты человеческой природы и часто демонстрирующие, что поведение, почти неизменное у индивидуумов в нашем собственном обществе, не является врожденным, а вызвано социальным окружением; во-вторых, здесь мы имеем однородную и простую, легко усваиваемую социальную среду, на фоне которой и можно изучать развитие личности.

Антрополог подвергает выводы психолога, работающего в нашем обществе, проверке наблюдениями, полученными в других. Он никогда не стремится опровергнуть выводы психолога. Он скорее в свете более широкого культурного материала подвергает проверке интерпретации, сделанные психологом из его наблюдений. Антрополог обладает особыми методами быстрого анализа примитивного общества. Для того чтобы овладеть ими, он уделит много времени изучению различных примитивных обществ, анализу наиболее характерных для них социальных форм. Он изучал неиндоевропейские языки, так что ему легко приспособится к языковым

категориям, чуждым европейцам. Он изучал фонетику, и потому он в состоянии распознать и зафиксировать типы звуков, трудные нам для распознавания слухом и еще более трудные для произнесения нам, привыкшим к иным фонетически и структурам. Он исследовал различные системы родства и научился быстро оперировать их категориями, так что система манус, приводящая, например, к тому, что люди, принадлежащие к одному и тому же поколению, обращаются друг к другу, используя слова, принятые в обращении к детям, не вызывает у него затруднений, а легко укладывается в ясную и вполне понятную систему. К тому же он готов отказаться от прелестей цивилизованной жизни и подвергнуться на месяцы всем неудобствам и неприятностям жизни среди людей, манеры, методы санитарии и образ мышления которых ему чужды. Он готов изучать их язык, погрузиться в их нравы, проникнуть в их культуру всей душой, так, чтобы сопереживать их антипатиям и радоваться их триумфам. У манус, например, надо было научиться испытывать неподдельный ужас от встречи двух родственников, на отношения которых наложено табу, придерживаться системы словесных табу, испытывать смущение, если кто-нибудь совершал ошибку. Надо было научиться встречать каждое известие о несчастье или болезни вопросом, а чей дух здесь замешан. Исследования такого рода связаны с весьма радикальной перестройкой образа мысли и повседневных привычек. Владение специальными методами, необходимыми этнологу, и готовность их применить – вот тот инструментарий, которым он пользуется для решения психологических проблем. Он говорит психологу, долго и тщательно исследовавшему что-нибудь в нашем обществе, пришедшему или не пришедшему к определенным, по его мнению, окончательным выводам: “Давайте-ка мне ваши результаты, и я подвергну их новой проверке. Вы сделали такие-то и такие-то обобщения о том, что думают дети, о взаимоотношении физического и умственного развития, о связи определенного типа семейной жизни с возможностями удачного приспособления супругов друг к другу, о факторах, определяющих развитие личности, и т. п. Эти выводы кажутся мне и значительными и важными. Позвольте же поэтому мне проверить их действенность в других социальных условиях и в свете полученных данных, на основе нашего совместного исследования, на основе вашей постановки проблемы и наблюдений, сделанных вами в нашем обществе, и моих контрольных наблюдений в другом обществе, прийти к выводам, успешно опровергающим обвинение в том, что вы недоучитываете влияния социального окружения. Тогда вы будете в состоянии разделить ваши наблюдения над индивидуумом в нашем обществе на две части: во-первых, на данные о поведении людей, модифицируемом современной культурой, данные, которые будут обладать чрезвычайно важным значением для решения педагогических и психологических проблем индивидуумов одного и того же культурного происхождения; во-вторых, на теории первозданной природы, возможностей человека вообще, теории, основывающиеся на ваших и моих наблюдениях”.

У психолога, подлинно заинтересованного в разрешении фундаментальных теоретических проблем, такое предложение не может не

вызвать горячее одобрение. Но психиатр, работник социальной службы муниципалитета, педагог, возможно, ответят на него с полным основанием: “Я согласен с вашим утверждением, что многие из проявлений человеческой природы в нашем обществе, которые мы считаем биологически детерминированными, на самом деле детерминированы социально. Теоретически рассуждаю, я считаю, что вы правы. Но у меня сейчас на руках пять случаев неадекватного поведения, которыми я должен заняться сегодня. Накопленные данные о поведении этого типа, к которому принадлежат и мои случаи, собраны на людях из нашего общества. Но как раз потому, что они так точно локализованы во времени и пространстве, я в них именно и нуждаюсь. Мой первый случай неадаптированности связан с эксгибиционизмом. Мне очень интересно знать, что на Самоа, где наши поведенческие табу не имеют силы, эксгибиционизм вряд ли может развиваться у кого бы то ни было. Но между тем Джон – эксгибиционист, и подходить к нему нужно в свете других данных, связанных с эксгибиционистскими детьми в нашем обществе”. Это возражение практического работника, находящегося в гуще повседневных дел, заслуживает самого глубокого уважения. Но это уважение не распространяется на тех, кто стоит за ним, на тех, кто разрабатывает теории, служащие фундаментом педагогической стратегии и различных направлений в психологии.

Чрезвычайно важно, чтобы психологи полностью осознали возможности, заложенные в исследованиях других культур, чтобы они вступили в самый тесный контакт с современными психологами-исследователями. Это важно потому, что этнология находится в особом положении.

Во многих науках пренебрежение каким-нибудь поколением исследователей одной из областей научных изысканий не имеет рокового значения. Область, которой пренебрегло одно поколение, может быть с равным или даже большим успехом исследована на следующем поколении. Так, например, дело обстоит с экспериментами в зоопсихологии, экспериментами с белыми мышами, выращенными в лабораторных условиях. Предположительно количество белых мышей, находящихся в распоряжении исследователя и следующем поколении ученых, будет таким же большим, как и сейчас, а их быстрое размножение сделает их столь же хорошим объектом экспериментов. Но если зоопсихолог обнаружит, что эксперименты над приматами в естественных условиях очень плодотворны, и в то же самое время констатирует, что прогрессирующее вторжение цивилизации в дикую природу уменьшает их поголовье и вообще грозит их полностью уничтожить, то у него будут все основания для того, чтобы забить тревогу. У него будут все основания потребовать от других психологов и научных институтов срочно предпринять исследование приматов в диком состоянии, до того как будет слишком поздно. Но и при этом он не будет в таком же затруднительном положении, как социальный психолог, ибо от одной пары человекообразных обезьян можно снова получить дикое стадо.

Не так обстоит дело с социальной психологией. В силу того, что предметом нашего исследования являются не просто человеческие существа, а

человеческие существа, модифицируемые средой, чрезвычайно важно, чтобы мы располагали большим разнообразием контрольных социальных сред. Быстрое распространение западной цивилизации по планете приводит к тому, что различные общества все более и более приближаются к одному и тому же культурному типу либо же, если они слишком резко расходятся с этим господствующим типом, полностью вымирают. Хорошие тестовые полигоны исчезают с лица земли каждую неделю, так как западная цивилизация с ее христианской идеологией и индустриальной системой проникает в Японию и Китай, и бездорожные глубины Афганистана. С другой стороны, мы свидетели того, как умирают последние жители острова Лорд-Хау, единственные представители в свое время живых культур, умирают потому, что не вынесли потрясения контактов с белыми. Конечно, было бы праздным времяпрепровождением предполагать, что стандартизация человечества пойдет настолько далеко, что она уничтожит всякие различия между локальными группами. Но вполне может быть, что улучшение техники связи и передвижения приведет к полному уничтожению сравнительно изолированных обществ. Ни одной малой группе людей никогда не будет снова дано выработать уникальную культуру, мало или вообще не контактирующую с внешним миром в течение целых столетий, как было в прошлом. Ни одному континенту не будет позволено решать свои собственные проблемы: приспособления к среде без постороннего вмешательства как решали американские аборигены проблемы выращивания кукурузы. Кумулятивная природа нашей традиции материальной культуры такова, что мы, вполне возможно, являемся свидетелями конца целой эры, которая никогда не будет повторена. Между тем на Новой Гвинее, в Индонезии, Африке, Южной Америке и некоторых частях Азии все еще существуют группы, которые могут послужить нам драгоценным материалом для проверки всех попыток нашей науки понять человеческую природу. Социальный психолог через пятьсот лет после нас должен будет с горечью сказать: «Если бы мы могли подвергнуть этот вывод проверке, исследуя людей, воспитанных в совершенно ином социальном окружении, мы бы пришли к иным результатам. Но у нас нет обществ, где можно было бы изучить эту проблему, мы не можем, даже если бы мы этого захотели, создать пробное общество, экспериментально воспроизвести те нужные нам контрастные условия. Наши руки связаны». Но мы-то уж никак не находимся в таком невыгодном положении. Различные общества с контрастными характеристиками ждут исследователей. У нас растет число этнологов, вооруженных необходимыми методами для их исследования. Успех любого такого начинания зависит от сотрудничества психолога и этнолога. Если мы хотим в полной мере использовать подготовку этнолога, ему следует дать возможность проводить большую часть своего времени, по крайней мере в молодости, в поле, собирая с максимально возможной скоростью быстро исчезающие драгоценные свидетельства адаптивности человека, заложенных в нем возможностей. Психолог же в лаборатории и библиотеке должен ставить проблемы; для решения которых будет важным вклад этнолога.

На взгляд исследователя человеческого общества сегодня безнадежно обращен назад, к истокам культуры, при этом он понимает, что такие проблемы, как происхождение языка, никогда не могут быть решены, что здесь одна догадка столь же правомерна, как и другая, ибо все они принадлежат области спекуляций. Человек любознательный переживает это как нашу явную ограниченность, но не считает, что за это следовало бы бранить наших предшественников – изобретателей каменного века. Мы исходим из неопровержимого положения, что они не могли фиксировать результаты тех важных и интересных экспериментов в речи, которые отделили первых людей от их менее совершенных прародителей. Но у нас нет такого алиби. В наши дни существуют социальные эксперименты, которые нам нужно только изучить и сохранить. У нас есть лаборатории для исследований, которых не будет у наших потомков. Только совместными усилиями психолога, психиатра, генетика можно поставить проблемы, для которых эти общества предоставят в наше распоряжение лабораторные методы их решения. Без стимуляции психолога работа этнолога куда менее ценна, чем она могла бы быть. Если психолог учтет этнологические данные, если он настолько познакомится с этнологическим материалом, чтобы понять заложенные в нем возможности, если он будет разрабатывать свои теории, обращая должное внимание на влияние культурной среды, то задача этнолога упростится до чрезвычайности. Он не желает ограничиваться критической деятельностью, подрывая теории, сформулированные на материале нашего общества и обнаруживающие свою несостоятельность при проверке на другом обществе. У него нет ни времени, ни должной подготовки, позволяющих уединиться в библиотеке и лаборатории, для того чтобы самому разработать новую психологическую теорию. Кроме того, он не может это сделать, не изменяя своей науке. Первая обязанность этнолога – использовать свою подготовку для регистрации данных о примитивных обществах, до того как они исчезнут. Работа трудна и требовательна. Этнолог должен заниматься полевой работой в молодости, а теоретизировать – лишь после того, как его способность активно работать уменьшится. Психолог же должен предлагать гипотезы для исследования. Многие экспедиции, имеющие громадную научную ценность, потому что они увеличивают наши знания об обществе и его влиянии на человеческое поведение, представляют собой одни лишь исторические изыскания. Их ценность удвоилась бы, если бы в них одновременно ставились и решались психологические проблемы.

Я описываю в моей книге один из типов условий, существующих в примитивном обществе, и высказываю некоторые предположения об их влиянии на проблемы воспитания и формирования личности. Я значительно больше стремлюсь к тому, чтобы продуктивные мыслители из других областей знания проанализировали этот материал с точки зрения его применимости для решения их проблем, чем к тому, чтобы они согласились с какими-то моими конкретными выводами. Социальная психология все еще в пеленках. И очень важно, чтобы любая возможность исследования ее проблем, в особенности возможность преходящая, использовалась в полной мере.

## Ерік Еріксон (1902-1994)

### Відомий американський психолог



Ерік Еріксон народився 15 червня 1902 р. Закінчив Віденський психоаналітичний інститут, був учнем З.Фрейда. Свою професійну кар'єру розпочав в американській школі у Відні, де працював дитячим психоаналітиком.

У 1933 р. мігрує до Америки, де працює у Гарвардській психологічній клініці, захоплюється антропологією. Особливе місце у науковому пошуку Е.Еріксона належить знайомству з американськими антропологами і, передусім з Маргарет Мід.

У подальшому вивчає початкові стадії дитячих неврозів на кафедрі психіатрії медичного факультету та Інституті людських стосунків Бельського університету. Пізніше Е.Еріксон залучається до довготривалого проекту по вивченню дітей Каліфорнії (Інститут дитинства, Каліфорнійський університет, університет Берклі). Результатом плідної праці стала створена на основі експериментальних даних теорія становлення особистості в умовах соціального оточення. Аналіз різних видів діяльності дитини, неоднозначного ставлення до цієї діяльності дорослих дали змогу Е. Еріксону дійти висновку, що для кожної культури характерним є свій особливий стиль виховання.

Таким чином, Е. Еріксон обґрунтував так звану епігенетичну концепцію розвитку особистості і визначив, що особистість у своєму становленні проходить певні етапи розвитку. На кожному з етапів індивід має зробити життєво важливий для нього вибір між протилежними ставленням до світу й себе, як визначальний для подальшого розвитку. Таких етапів вісім і вони співпадають з етапами становлення біологічної зрілості. На кожному етапі розвиток дитини має досягати певної соціальної значущої складової: автономії, ініціативи тощо.

Е.Еріксон визначає “індивідуальність” найважливішою рисою зрілої особистості, що дає змогу бути їй творчою, ініціативною. Розвиток, за Е.Еріксоном, – це етапне набуття нових якостей, головне ж завдання виховання: формування такої поведінки, яку визначає соціальне оточення, але при цьому не нівелюється й автономна поведінка.

Більшість своїх концептуальних положень психолог Е. Еріксон виклав у книзі “Дитинство і суспільство” (1963), де висвітлюються питання дитинства і соціального життя; кризи підліткового віку; конфліктів середини життя; підведення його підсумків.

До даного видання відібрано розділ “Юність та еволюція ідентичності” із праці Е.Еріксона “Детство и общество”.



## Детство и общество

### Мамочка

В последние годы наблюдения и предостережения американских специалистов в области психиатрии все больше и больше сходились на двух понятиях: “шизоидной личности” и “материнского отвергания”. По существу это означает, что помимо многих несчастных, которые сходят с дистанции и оказываются в полосе отчуждения в результате психотического разообщения с реальностью, слишком большому числу людей, официально не причисленных к категории больных, все же не достает определенного тонуса эго и определенной взаимности в социальных связях. Кто-то может смеяться над этим предположением и ссылаться на дух индивидуализма и на выразительные средства живости и веселого дружелюбия, характеризующие значительную часть социальной жизни Америки; но психиатры (особенно после того шокирующего опыта последней войны, когда им пришлось признавать негодными или отправлять домой сотни тысяч “психоневротиков”) смотрят на него иначе. Хорошо отработанная улыбка в рамке точно настроенного выражения лица и внутри стандартизованных способов демонстрации владения собой не всегда укрывает ту истинную непосредственность, которая только и сохраняет личность интактной и достаточно гибкой, чтобы проявлять действительное участие.

В этом психиатры склонны винить “мамочку”. Одна история болезни за другой констатирует, что пациент имел холодную мать, доминантную мать, отвергающую мать или, наоборот, мать-собственницу и чрезмерно опекающую мать. Они предполагают, что пациенту во времена его младенчества не давали чувствовать себя уютно в этом мире за исключением тех случаев, когда он вел себя определенными способами, несовместимыми с графиком нужд и потенций малыша, да к тому же еще и внутренне противоречивыми. Они также предполагают, что мать подавляла отца, и что хотя он давал больше нежности и понимания детям, чем это делала она, в конечном счете, и отец разочаровывал своих детей, “заражаясь той же болезнью” от их матери. Постепенно то, что началось как стихийное движение в тысячах медицинских карточек, стало официальным видом литературного сворта, поносящего в печати американских матерей как “мамочек” и как “гадючье племя”.

Кто же эта “мамочка”? Как она потеряла свое доброе, свое простое имя? Как она могла оказаться оправданием всего прогнившего в этой стране и объектом литературных вспышек раздражения? *Виновата* ли “мамочка” на самом деле!

Конечно, винить в клиническом смысле – значит просто указывать на то, что знающий специалист искренне считает первичной причиной бедствия. Однако в значительной части нашей психиатрической работы существует подтекст мстительного торжества, как если бы главный злодей был обнаружен и загнан в угол. Вина, которую сваливают на матерей в Америке (а именно, что они сексуально фригидны, отвергают своих детей и чрезмерно властвуют в семьях), содержит в себе особое моральное возмездие. Не приходится сомневаться, что как пациентов, так и психиатров чрезмерно обвиняли в то время, когда они были детьми; теперь они винят всех матерей, потому что всякая причинность оказалась связанной с виной.

Разумеется, было, мстительной несправедливостью давать имя “мамочка” в известном смысле опасному типу матери, характеризующему, по-видимому, рядом фатальных противоречий в материнстве. Такую несправедливость можно объяснить и оправдать только пристрастием журналистов к сенсационному противопоставлению – одной из сторон публицистских нравов нашего времени. Верно, что в тех случаях, когда американский солдат “психоневротического” склада ощущал себя недостаточно подготовленным к жизни, он часто косвенно, а еще чаще бессознательно, винил в этом свою мать, и что психиатр чувствовал себя вынужденным согласиться с ним. Но также верно и то, что путь от Главной улицы к стрелковой ячейке был явно длиннее – географически, культурно и психологически – дороги к передовым позициям из городских семей тех стран, которые были не защищены от нападения и подверглись ему, или тех, которые готовили себя к нападению на чужое отечество и теперь опасались за судьбу своего. По-видимому, бессмысленно (да и бесчувственно) винить американскую семью в этих неудачах, только чтобы свести на нет ее вклад в великий человеческий подвиг преодоления такой дистанции.

Тогда “мамочка”, подобно сходным прототипам в других странах (см. прототип “немецкий отец”, в следующей главе), есть не что иное, как составной образ характерных черт, которые невозможно было бы обнаружить одновременно ни у одной живой женщины. Нет такой женщины, которая сознательно стремилась бы быть “мамочкой”, хотя вполне вероятно, что конкретная женщина может обнаружить приближение к этому гештальту, как если бы ее вынуждали принять на себя некую роль. Для клинициста “мамочка” есть нечто сопоставимое с “классическим” психиатрическим синдромом, который вводится в употребление как мерило, хотя никто и никогда не видел его в чистом виде. В комиксах “мамочка” становится карикатурой, сразу доходящей до всех. Поэтому прежде чем анализировать “мамочку” как исторический феномен, давайте посмотрим на нее с точки зрения патогенетических требований, которые она предъявляет своим детям и благодаря которым мы и распознаем ее присутствие в нашей клинической практике:

1. “Мамочка” – бесспорный авторитет в вопросах нравов и нравственности в своем доме и (через клубы) в своей общине; тем не менее, она так или иначе позволяет себе оставаться тщеславной в своем облике, эгоистичной в своих требованиях и инфантильной в своих эмоциях.

2. В любой ситуации, где это расхождение приходит в столкновение с почтением, которого она требует от своих детей, она винит детей, но никогда не винит себя.

3. Таким образом, она искусственно поддерживает то, что Рут Бенедикт назвала разрывом между статусом ребенка и статусом взрослого, без наделения этой дифференциации более высоким смыслом, проистекающим из высшего примера.

4. Она демонстрирует непреклонную враждебность к любому свободному выражению самых наивных форм чувственного и сексуального удовольствия со стороны своих детей и достаточно ясно дает понять, что их отец, с его сексуальными притязаниями, смертельно ей наскучил. Однако сама, по-видимому, вовсе не расположена с возрастом жертвовать такими внешними знаками сексуальной конкуренции, как слишком молодежные наряды, ужимки эксгибиционизма и “макияж”. Вдобавок у нее развивается жадный интерес к сексуальным проявлениям в книгах, фильмах и разговорах.

5. Она учит воздержанию и самоконтролю, но сама не способна ограничить потребление лишних калорий, хотя бы для того, чтобы влезать в те самые наряды, которые она предпочитает.

6. Она ожидает, что ее дети не будут давать себе никаких поблажек, тогда как сама ипохондрически обеспокоена собственным благополучием.

7. Она стоит стеной за высшие ценности традиции, хотя сама не хочет становиться “старушкой”. На самом деле она смертельно боится того статуса, который в прошлые времена был плодом богатой жизни, именно, статуса бабушки.

Пожалуй, этого будет достаточно, чтобы показать: “мамочка” – это образ женщины, в жизненном цикле которой остатки инфантильности соединяются с рано наступившей старостью, вытесняя средний диапазон женской зрелости, в результате чего она становится эгоцентричной и косной. Фактически, как женщина и как мать она не доверяет своим собственным чувствам. Даже ее сверхзабоченность вызывает вместо доверия прочное недоверие. А это позволяет сказать, что “мамочка” или лучше: любая женщина, напоминающая себе и другим стереотип “мамочки”, – несчастлива; она не нравится самой себе, ее одолевает тревога, что жизнь потрачена впустую. Она знает, что дети на самом деле не любят ее, несмотря на подношения в День матери. “Мамочка” – жертва, а не победитель.

Тогда, если предположить, что “мамочка” – это “тип”, составной образ, достаточно релевантный для эпидемиологии невротического конфликта в этой стране, то его объяснение очевидно потребовало бы сотрудничества историка, социолога и психолога, равно как и нового вида истории – того самого, что в настоящее время находится в импрессионистской и сенсуальной стадиях. Конечно, “мамочка” – это лишь стереотипная карикатура существующих противоречий, появившихся в результате интенсивных, быстрых и все еще неинтегрированных перемен в американской истории. Чтобы отыскать истоки этого образа, вероятно, пришлось бы проследить историю страны назад до времени, когда американской женщине предстояло развить на основе

множества импортированных традиций одну общую и на ней основать воспитание детей и стиль домашней жизни; когда ей предстояло установить новые обычаи оседлой жизни на континенте, первоначально населенном мужчинами, которые в своих родных краях по той или другой причине не захотели жить “за забором”. Теперь же, боясь когда-либо снова уступить внешней или внутренней автократии, эти мужчины настойчиво утверждали и отстаивали новую культурную идентичность, доходя в своих пробах и ошибках до грани, где уже женщинам приходилось становиться автократичными в требованиях хотя бы некоторого порядка.

В поселениях колонистов американская женщина была объектом сильного соперничества со стороны грубых и часто не останавливающихся ни перед чем мужчин. Тогда же ей пришлось стать культурным цензором, религиозной совестью, эстетическим арбитром и, конечно, учительницей. Во времена, когда первые переселенцы с огромным трудом отвоевывали у суровой природы свою хозяйственную нишу, именно женщина придавала жизни утонченность и духовность, без чего община распалась бы. В своих детях она видела будущих мужчин и женщин, которым предстояло столкнуться с контрастами неподвижной оседлости и движущейся кочевой жизни. Они должны быть подготовлены к любому количеству противоположностей в своей среде и всегда быть готовыми ставить новые цели и отстаивать их в беспощадной борьбе. Ибо, в конце концов, быть сосунком еще хуже, чем быть грешником.

Мы предположили, что матери индейцев сиу и юрок обладали инстинктивной способностью адаптации, которая позволяла им создавать методы воспитания детей, подходящие для воспроизводства охотников и их жен в кочевом обществе или рыбаков и сборщиков желудей в оседлом обществе. Я полагаю, американская мать реагировала на историческую ситуацию на этом континенте сходным бессознательным приспособлением, когда совершенствовала англосаксонские модели детского воспитания таким образом, чтобы избежать ослабления потенциальных колонистов чрезмерной материнской опекой. Другими словами, я считаю то, что сейчас называют “отвергающим” аттитудом американской женщины, всего лишь современным недостатком характера, основанным на историческом достоинстве, соответствовавшем обширной новой стране, главным признаком которой была граница продвижения поселенцев, независимо от того, стремились ли к ней, избегали или пытались пережить ее существование.

От пограничного форта моему историку-социологу и мне пришлось бы вернуться к пуританству как решающей силе в создании американского типа материнства и его современной карикатуры, “мамочки”. Не следует забывать, что это многократно оклеветанное пуританство было некогда системой ценностей, предназначенной для того, чтобы сдерживать мужчин и женщин, отличающихся вулканической энергией, сильными инстинктивными влечениями, равно как и ярко выраженной индивидуальностью. В связи с примитивными культурами мы обсуждали тот факт, что живая культура обладает внутренними уравновешивающими механизмами, которые делают ее

устойчивой и терпимой для большинства ее носителей. Но изменяющаяся история угрожает этому равновесию. В течение короткой американской истории быстрые перемены соединялись с пуританством таким образом, что приводили к эмоциональному напряжению матери и ребенка. Среди этих перемен были: непрерывная миграция местного населения, беспрепятственная иммиграция, индустриализация, урбанизация, классовая стратификация и женская эмансипация. Они наряду с другими переменами и стали теми событиями, которые привели пуританство в состояние обороны, – а системе свойственно обретать жестокость, когда она становится оборонительной.

Выйдя за пределы обозначения сферы сексуального греха для полных жизни и решительных людей, пуританство постепенно распространилось на всю область телесной жизни, компрометируя всякую чувственность (включая супружеские отношения) и разнося свою фригидность повсюду, включая беременность, роды, выкармливание и воспитание ребенка. В результате стали рождаться мужчины, не способные научиться от матерей любить благо чувственности до того, как они выучивались ненавидеть ее греховные цели. Вместо того, чтобы ненавидеть грех, они выучивались недоверию к жизни. Многие становились святошами без твердой веры или внутреннего огня. Конечно, граница оставалась решающим фактором, который послужил упрочению в идентичности американца крайней поляризации, столь характерной для нее и сейчас. Первоначальная полярированность представляла собой развитие полюсов оседлости и миграции. Ибо одни и те же семьи, одни и те же матери были вынуждены подготавливать будущих мужчин и женщин, которые бы закреплялись в жизни общины и постепенно образующихся социальных классов новых деревень и городов, и одновременно готовить этих детей к тяжелым физическим испытаниям на участках пограничных поселений. Города тоже развивали оседлое существование и ориентировали свою внутреннюю жизнь на рабочее место и конторку, камин и алтарь, хотя через них, по дорогам и рельсам, нескончаемым потоком шли чужаки, хвастаясь, Бог, знает какими зелеными пастбищами. Приходилось либо соглашаться и идти с ними дальше, либо держаться за свое и хвастать еще громче. Дело в том, что зов границы, соблазн продолжать движение заставлял тех, кто остановился, обретать оборонительную оседлость и развивать защитную гордость. В мире, где господствовал лозунг “Если вам видна труба соседа, самое время идти дальше”, матерям приходилось так воспитывать сыновей и дочерей, чтобы они были полны решимости игнорировать зов границы, но с той же решимостью отправлялись бы в путь, если их вынуждали обстоятельства или они сами хотели этого. Но когда они становились слишком старыми, выбора не было, и им оставалось поддерживать самую фанатичную и наиболее стандартизованную верность оседлости. Я полагаю, что именно боязнь оказаться слишком старым для выбора способствовала дурной репутации старости и смерти в этой стране. (Лишь недавно старые пары нашли решение – национальную систему трейлеров, которая позволяет им жить в вечных странствиях и умирать на колесах.)

Мы знаем, как проблемы иммигрантов и мигрантов, эмигрантов и беженцев накладывались одна на другую по мере того, как большие области этого континента заселялись и постепенно обретали прошлое. Для нового американца, с региональной традицией стратификации, пришельцы все больше и больше стали характеризоваться тем, чего им удалось, по сравнению с ним, избежать, а не теми общими ценностями, к которым они стремились; к тому же существовала масса невежественных и обманутых “рабов” расширяющегося рынка промышленного труда. Для и против всех этих более поздних американцев американским матерям приходилось вводить новые моральные нормы и строгие испытания для продвижения по социальной лестнице.

Когда Америка стала вошедшим в Поговорку тиглем для переплавки национальностей, именно решительность англосаксонской женщины способствовала тому, что из всех смешиваемых ингредиентов пуританство (в том виде, каким оно тогда было) оказалось самой распространенной чертой характера. Старый англосаксонский тип становится еще более строгим, чем раньше, но в то же время по-своему милым и добрым. Однако и дочери иммигрантов всю старались соответствовать нормам поведения, которым они не выучились в раннем детстве на своей исторической родине. Здесь, я думаю, и зародилась личность, обязанная всем самой себе, как женская копия мужчины, добившегося успеха своими силами; и именно здесь мы обнаруживаем источник популярной американской идеи светской “личности” – “личности” напоказ, которая является своим собственным организатором и арбитром. Фактически, психоанализ детей иммигрантов ясно показывает, в какой степени они, как первые настоящие американцы в их семьях, становятся культурными родителями своих биологических родителей.

Идея самосозидаемого эго в свою очередь была подкреплена, хотя и несколько видоизменена, индустриализацией и классовой стратификацией. Индустриализация, например, принесла с собой идею воспитания “механического” ребенка. Как если бы этот новый, созданный человеком мир машин, который должен был заменить собой “сегменты природы” и “хищных животных”, предлагал свое могущество только тем, кто уподоблялся ему, так же как сиу “становился” бизоном, а юрок – лососем. В детском воспитании возникло движение, которое стремилось с самого начала отрегулировать человеческий организм до точности часового механизма, чтобы сделать его стандартизованным придатком индустриального мира. Но ни в Америке, ни в странах, желающих ради развития промышленного производства походить на нее, это не было единственным последствием такого воспитания. В погоне за приспособлением к машине и за властью над машиной американские матери (особенно из среднего класса) оказались стандартизирующими и жестко программирующими детей, которые, как ожидалось, должны затем стать воплощением той ярко выраженной индивидуальности, что в прошлом была одной из характерных черт американца. В результате возникла угроза создания серийно производимой маски индивидуальности вместо подлинного индивидуализма.

Как если бы и этого было мало, усиливающаяся классовая дифференциация в некоторых не больших, но влиятельных группах и регионах объединилась с остатками образцов европейской аристократии, чтобы создать идеальную леди – женщину, которая не только не должна работать сама, но, в силу детской неискренности и полной неосведомленности, не способна даже понять, зачем вообще нужно работать. Такому образу женщины в большинстве американских штатов, за исключением южных, вскоре был брошен вызов со стороны идеала эмансипированной женщины. Казалось, новый идеал требует равенства возможностей; однако хорошо известно, как вместо этого он стал довольно часто представлять претензии на одинаковость в “оснащении” и на право мужеподобного поведения.

По своим первоначальным качествам американская женщина была достойной и героической спутницей послереволюционного мужчины: одержимой идеей свободы от автократии любого мужчины и преследуемой страхом, что тоска по родине и капитуляция перед каким-нибудь вождем все же могла вынудить ее партнера согласиться на политическое рабство. Мать стала “мамочкой” только тогда, когда отец под воздействием тех же самых исторических разрывов стал “папочкой”. Ибо если посмотреть глубже, то “мамизм” – это лишь находящийся не на своем месте патернализм. Американские матери входили в роль дедушек по мере того, как отцы складывали с себя полномочия главы семьи в области воспитания детей и культурной жизни. Послереволюционные потомки Отцов-основателей вынудили своих женщин быть матерями и отцами, хотя сами продолжали культивировать роль свободнорожденных сыновей.

Я не берусь оценивать количество эмоциональных расстройств в этой стране. Простая статистика тяжелых психических расстройств оказывается здесь бесполезной. Наши усовершенствованные методы обнаружения и наше миссионерское рвение развиваются параллельно, по мере того как мы начинаем сознавать проблему, так что трудно сказать, стало ли в сегодняшней Америке больше неврозов или больше возможностей их выявления – или того и другого вместе. Но я, исходя из собственного клинического опыта, осмелился бы сформулировать специфическое качество тех, кто страдает подобными расстройствами. Я бы сказал, что за фасадом гордого чувства автономии и бьющей через край инициативы испытывающий тревогу американец (который часто выглядит менее всего встревоженным) винит свою мать за то, что она сделала его слабым. Отец же, по его утверждению, не имел к этому непосредственного отношения, за исключением тех редких случаев, когда он отличался необычайно суровой внешностью, был старомодным индивидуалистом, нездешним патерналистом или местным “боссом”. При психоанализе американского мужчины обычно требуется немало времени, чтобы прорваться к инсайту о существовании раннего периода в жизни, когда отец действительно казался большим и угрожающим. И даже тогда существует лишь весьма слабое чувство специфического соперничества за мать в том виде, как оно стереотипизировано в эдиповом комплексе. Похоже на то, как если бы мать переставала быть объектом ностальгии и чувственной привязанности сына

раньше, чем общее развитие инициативы приводило его к соперничеству со “стариком”. Затем, после фрагментарного “эдипова комплекса”, появляется то затаенное чувство покинутости и разочарованности матерью, которое неммым укором присутствует в шизоидном уходе. Вероятно, ребенок чувствовал, что не было смысла регрессировать, так как не к кому было регрессировать; и что бесполезно было вкладывать чувства, потому что ответ был весьма неопределенным. Оставалось только действие и движение, вплоть до момента прерывания. Там же где действие не удавалось, существовали лишь уход и шаблонная улыбка, а потом и психосоматическое расстройство. Однако везде, где наши методы позволяют нам заглянуть еще глубже, за всем этим мы обнаруживаем у американца беспощадное обвинение себя в том, что на самом деле, *будучи ребенком, отказался от матери*, поскольку очень спешил стать независимым. Американский фольклор ярко освещает этот комплекс в его первоизданной силе в саге о рождении Джона Генри, цветного железнодорожного рабочего времен строительства Тихоокеанской железной дороги, который, согласно широко известной балладе, впоследствии погиб, пытаясь доказать, что настоящий мужчина способен справиться с любой машиной. Сага о Джоне Генри, не столь хорошо известная как баллада, гласит:

Когда-то Джон Генри был человеком, но он давно умер. В ту ночь, когда Джон Генри родился, на черном небе горела медно-красная луна. Звезд не было видно, и лил сильный дождь. Зигзаги молний разрывали воздух, а земля тряслась, как лист. Дикая кошка пронзительно кричала в кустарнике, как младенец, а Миссисипи разлилась на многие мили. Джон Генри весил 44 фунта.

Они не знали, что им делать с Джоном Генри, когда тот родился. Они посмотрели на него, а потом пошли и стали смотреть на реку. “У него такой бас, как у проповедника”, – сказала мать. “У него плечи, как у рабочего на хлопкопрядильне”, – сказал отец. “У него синие десны, как у колдуна”, – сказала няня. “Я мог бы проповедовать, – сказал Джон Генри, – но я не собираюсь быть проповедником. Я мог бы грузить хлопок, но я не собираюсь быть рабочим на хлопкопрядильне. У меня могут быть синие десны, как у колдуна, но я не собираюсь сводить близкое знакомство с духами. Потому что имя мне – Джон Генри, и когда люди зовут меня по имени, они должны знать, что я просто человек”. “Его зовут Джон Генри, – сказала мать. – Это так”. “И когда ты называешь его по имени, – сказал отец, – он просто человек”.

Тут Джон Генри встал на ноги и потянулся. “Ну, – сказал он, – не подошло ли время ужинать?”

“Да уж подошло”, – ответила мать.

“И прошло”, – добавил отец.

“И давно прошло”, – сказала няня.

“Так, – сказал Джон Генри. – А собак покормили?”

“Покормили”, – ответила мать.

“Всех собак”, – добавил отец.

“Уже давно”, – сказала няня.

“Так неужели я хуже собак?” – спросил Джон Генри.



И когда Джон Генри сказал это, его терпение лопнуло, Он улегся обратно в свою кровать и выломал перекладины. Потом открыл рот и завыл так, что от его воя погасла лампа. А потом плюнул, да так что от этого плевка потух очаг. “Не сердите меня!” – сказал Джон Генри, и раскатисто прогрохотал гром. – “Не заставляйте меня сердиться в тот день, когда я родился, потому что я не отвечаю за себя, когда сержусь”.

Тут Джон Генри встал на пол посередине комнаты и сказал им, что хочет есть. “Принесите мне четыре окорока и полный горшок капусты, – сказал он. – Принесите мне свежей зелени побольше, да еще специй. Принесите мне холодного кукурузного хлеба и остатки горячего соуса, чтобы его смочить. Принесите мне две свиных головы с горохом. Принесите мне полную сковороду горячих сладких лепешек и большой кувшин черной тростниковой патоки. Потому что имя мне – Джон Генри, и я скоро вас навещу”. С этими словами Джон Генри вышел из дома и ушел из страны Черной реки, где рождаются все хорошие чернорабочие.

Конечно, аналогичные истории существуют и в других странах, от мифа о Геракле до былины о Василии Буслаеве. И все же в этой саге есть специфические особенности, которые, как я считаю, можно назвать типично американскими. Чтобы охарактеризовать используемый здесь особого рода юмор, потребовался бы объективный подход, превышающий мои теперешние возможности. Но что мы должны запомнить в качестве эталона для последующего анализа, так это следующее: Джон Генри начинает жизнь с ужасной досады, ибо ему мешают утолить свой громадный аппетит; он просит: “Не заставляйте меня сердиться в день, когда я родился”; он разрешает дилемму, вскочив на ноги и похваляясь вместимостью своего желудка; он не хочет связывать себя никакой идентичностью, предопределяемой стигматами рождения; и он уходит, чтобы стать человеком, прежде чем делается какая-то попытка дать ему то, что он требовал.

### 3. ДЖОН ГЕНРИ

Этот же самый Джон Генри является героем баллады, которая повествует о том, как своей смертью он продемонстрировал триумф живой плоти над машиной:

Капитан говорил Джону Генри:

“Вот тебе бурильная машина,

Ты заставь ее, как следует работать,

Бур стальной вгони как можно глубже,

Боже, Боже, бур стальной вгони как можно глубже”.

Отвечал Джон Генри капитану,

Говорил: “Ведь человек есть только человек,

И до того, как дам сломить себя я той машине,

Я с этим молотом умру в своей руке,

Боже, Боже, я с этим молотом умру в своей руке”.

Мелодия этой баллады, согласно I. A. Lomax и A. Lomax, “имеет корни в шотландской мелодике, ее построение соответствует схемам средневековых народных баллад, а ее содержание – это мужество обыкновенного, простого человека”, который верит до самого конца, что человек обладает ценностью только как человек.

Таким образом, Джон Генри – это одна из профессиональных моделей тех бездомных, скитающихся мужчин на расширяющейся границе, которые смело встречали новые географические и технологические миры, как и подобает мужчинам без груза прошлого. Такой последней сохранившейся моделью, по-видимому, является ковбой, унаследовавший их хвастовство и недовольство, привычку к скитаниям, недоверие личным связям, либидинальную и религиозную концентрацию на пределе выносливости и смелости, зависимость от “животных” и капризов природы.

Этот простой рабочий люд развил до эмоциональных и социетальных пределов образ человека без корней, образ мужчины, лишённого матери и женщины. Позднее в нашей книге мы покажем, что такой образ – лишь один из специфического множества новых образов, существующих до всему миру; их общим знаменателем является свободнорожденный ребенок, который становится эмансипированным юношей и мужчиной, опровергающим совесть своего отца и тоску по своей матери и покоряющимся только суровым фактам и братской дисциплине. Эти люди хвастались так, как если бы были созданы сильнее самых сильных животных и тверже, чем кованое железо:

Выросший в лесной глуши, вскормленный белым медведем, с девятью рядами зубов, в шубе из шерсти, со стальными ребрами, железными кишками и хвостом из колючей проволоки, там, где я его протащу, черту делать нечего. У-у-а-а-у-а.

Они предпочитали оставаться безымянными с тем, чтобы можно было быть конденсированным продуктом высшего и низшего во вселенной.

Я мохнатый, как медведь, головой похож на волка, энергии у меня как у пумы и я могу скалить зубы, как гиена, пока кора будет держаться на смолистом кряже. Во мне всего понемногу: ото льва до скунса; и еще до окончания войны вы можете присвоить мне звание зоологического общества, или я пропушу кого-то в своей калькуляции.

Если в этом и есть тотемизм, перенятый у индейцев, здесь также есть фиксация трагической несовместимости: ибо можно достичь соответствия “сегменту природы”, идентифицируясь с ним, но если пытаться быть холоднее и тверже машин, если мечтать о железных кишках, то ваш кишечник может повредить вашей репутации.

При обсуждении двух племен американских индейцев мы пришли к выводу, что их особые формы раннего воспитания были хорошо синхронизированы с их образами мира и их экономическими ролями в нем. Только в их мифах, ритуалах и молитвах нашли мы намеки на то, чего им стоила их специфическая форма изгнания из младенческого рая. Есть ли в такой огромной и неоднородной стране, как Америка, какая-то форма народной

жизни, которая была бы способна отражать типичные тенденции в ранних отношениях с матерью?

Я думаю, что народная песня в сельскохозяйственных районах является психологическим двойником общинного пения молитв у примитивов. Песни примитивов, как мы уже видели, адресованы сверхъестественным поставщиком (кормильцам): эти народы в своих песнях выражали всю тоску по утраченному раю младенчества, чтобы умолить таких кормильцев при помощи магии слез. Однако, народные песни выражают ностальгию трудового люда, научившегося принуждать почву грубыми орудиями, работая в поте лица своего. О своей тоске по восстанавливаемому домашнему очагу они пели, отдыхая после работы; а часто такое выражение мечты о новом доме в рабочих песнях служило аккомпанементом их тяжелого труда, если не вспомогательным орудием.

В своих “старинных любовных песнях” американская песенная культура в значительной степени унаследовала задушевную глубину европейской народной песни. Но, прежде всего, в этих мелодиях живет память глубоких долин, тихих мельниц и милых девушек Старого Света. В изменяющихся словах народная песня в этой стране умышленно стремится поддерживать то “раздвоение личности”, которое значительно позже, в эру джаза, проникает и в мелодию. Что касается расхождения между мелодией и текстом, то оно уже подтверждается предположительно старейшей американской песней. Самые сентиментальные и благозвучные мелодии могут служить для переложения как самых кровавых, так и самых непочтительных стихов; даже любовные песни имеют тенденцию гасить глубокое чувство. “Если присмотреться повнимательнее, – пишут I. A. Lomax и A. Lomax, – то просто невозможно не заметить два довольно часто выражаемых отношения к любви... Любовь опасна – “она всего лишь мнение, которое подстать выражающим его пустым словам”... Любовь всегда на стороне насмешника, а ухаживание – пустая комедия. Очевидно, те люди, которые не испытывали страха перед индейцами, одиночеством, проходимцами, лесной глушью, свободой, дикими лошадьми, горящей прерией, засухой и шестизарядным револьвером, боялись любви”.

Таким образом, даже в любовных песнях того времени мы находим не только печаль покинутого (интернациональная тема), но и боязнь связать себя глубоким чувством, дабы не оказаться пойманным и искалеченным “страстной любовью”.

Вместо романтизма американская песня в большинстве своем проявляет упорное пристрастие к отталкивающим сторонам нужды, одиночества и тяжелого труда на континенте, который карал тех, кто бросал ему вызов. Особое значение придается животным, вызывающим у человека непосредственную и постоянную досаду и раздражение: “садовым клопам, опоссумам, енотам, петухам, гусям, гончим псам, пересмешникам, гремучим змеям, козлам, свиньям и толстогубым мулам”. Использование животных особенно подходит для песен-бессмыслиц и изощренных каламбуров, которые должны были скрывать от строгих стариков и, в то же время, приоткрывать молодым своего рода эротические аллюзии, когда на вечеринках приходилось

избегать “невинных” танцевальных па и передавать их смысл хотя бы “словесными па”:

Встаньте леди в середину, джентльмены –  
в круг, Мы пойдем в заросли камыша и застрелим  
бизона.

Девочки ходят в школу, а мальчики  
валяют дурака, Собираются на заднем дворе и гоняют старого  
серого мула.

Ой! Ястреб забил канюка, а канюк забил  
ворону, И мы пойдем в заросли камыша и застрелим  
бизона.

Бессмыслица становится максимально непочтительной, когда имеет дело с ухудшением состояния и концом состарившихся и неподдающихся восстановлению “вещей”.

Порадуем тетушку Нэнси: Гусыня ее умерла,  
Чтоб сделать себе перину, Она ее так берегла!  
Гусята кричат безутешно;  
Хоть мама их долго жила,  
Одно перо на макушке – Вот все, что она нажила.

Горькая и, в то же время, бесшабашно веселая ирония в этом последнем стихе относится к тем дням, когда, согласно I. A. Lomax, “перина из гусиного пуха была самой важной принадлежностью для сна, поскольку она убаюкивала вас в своих “объятиях” одновременно укрывая почти полностью”. Иногда, однако, бесшабашно радостное избавление открыто связывается с людьми:

Моя жена, она мертва, и я опять господин!  
Моя жена, она мертва, и я опять господин.  
Моя жена, она мертва,  
И я смеялся, – смеялся до слез:  
Ну надо же, снова один!

Подобная форма хорошо соответствует свободному выражению таких настроений, как “Все! Надоело!” и “Не будь таким серьезным”, и поэтому, чтобы открыть истинный дух американских песен, в большинстве своем их нужно петь, идя куда-то пешком, танцуя или что-то делая. Здесь вечное движение сливается с веселыми намеками на приемы повседневной работы, выражая кредо американца: веру в волшебное освобождение посредством перемены мест, вещей и занятий.

Ковбойские песни, отражающие одну из последних разновидностей единственного в своем роде и девиантного образа жизни высоко специализированных рабочих границы, показывают совершенный синтез характера работы и эмоциональной экспрессии. Пытаясь укротить брыкающуюся и становящуюся на дыбы полудикую лошадь и следя за тем, как бы не подорвать свое мышечное спокойствие страхом или гневом; проводя свое стадо по горячей и пыльной тропе и заботясь о том, как бы не загнать и не перевозбудить бычков, которые должны быть доставлены на бойню без потери живого веса, ковбой погружался в монотонное пение, из которого и вышли

очищенные версии народной песни. С начала и до конца ритм и мотив “горестного стелания ковбоя” остается свидетельством того, что для него нет пути назад. Хорошо известны “выдавливающие слезу” песни ковбоя, который никогда больше не увидит ни мать, ни “дорогую сестру”; или который вернется к возлюбленной лишь для того, чтобы снова оказаться обманутым. Но еще большее распространение в ковбойских песнях получает совершенно неожиданный факт, а именно, что этот “мужчина из мужчин” в своих песнях оказывается в некоторой степени матерью, учителем и нянькой своим “малявкам”, которых он доставлял к месту их ранней смерти:

Ваша мать выросла далеко от Техаса,  
Где растет дурман и репейник,  
Поэтому вас мы будем кормить кактусом и колой,  
Пока вы не будете готовы для Айдахо.

Он поет успокаивающие песни своим “малявочкам”, когда они бегут через раннюю ночь прерий, наполняя ее топотом тысяч маленьких копыт:

Помедленнее, мои малявочки, не толпитесь,  
Я устал от ваших скитаний по всей равнине,  
Вы стоите как раз на лугу, Так ешьте не спеша,  
Вам нельзя все время бежать, Помедленнее, мои малявочки, помедленнее.

И хотя он протестует, уверяя, что “это ваша беда, а вовсе не моя”, ковбой чувствует себя идентифицированным с этими бычками, которых клеймил, кастрировал и пас вплоть до того момента, когда они были готовы к отправке на бойню:

Нет у вас отца, нет у вас матери,  
Вы оставили их, когда отправились скитаться,  
Нет у вас сестры, нет у вас брата,  
Вы совсем как ковбой – всегда вдали от дома.

Американская песня своими мелодиями подтверждает тоску по прошлому, даже если в словах часто выражает нарочитый и упрямый парадокс: отрицание веры в любовь, отрицание потребности в доверии. Таким образом, она становится более интимной декларацией независимости.

В Америке образ свободы опирается на доводы того североевропейца, который, убежав от феодальных и религиозных законов, отрекся от своей родины и основал новое государство и конституцию на главном принципе предотвращения возрождения автократии. Конечно, позже этот образ развился в направлениях, совершенно непредсказуемых для первых поселенцев, хотевших лишь восстановить на американской земле Новую Англию, с теми же необычайно привлекательными деревнями, но с большим простором для свободомыслия. Они не могли предвидеть вечный неистовый зов этого континента, который никогда не был чьей-то родиной, но который, со всеми его крайне суровыми мерами воздействия, стал для них деспотичным искушителем. В Америке природа автократична, ибо “она не просит позволения, она – велит”. Размеры и суровость страны, а также важность миграции и транспортировки помогли создать и развить идентичность автономии и инициативы, идентичность того, кто “меняет места и работу в надежде на лучшее будущее”. В

историческом плане, излишне определенное прошлое без особых колебаний отбрасывалось ради неопределенного будущего. В географическом плане миграция была повсеместным явлением. Наконец, в социальном плане шансы и возможности заключались в смелости и удаче, в том, чтобы полностью, использовать каналы социальной МОБИЛЬНОСТИ.

Тогда вряд ли можно считать случайным совпадением, что психоанализ нашел на самом дне весьма специфическое душевное беспокойство, характерное для комплекса отказа от матери и, одновременно, брошенности ею. В общем, американцы не воспринимают “эту страну” как “родину” в нежном, ностальгическом смысле “страны предков”. “Эту страну” они любят почти с горечью и на удивление неромантично и реалистично. Риторика может подчеркивать особое значение тех или иных районов проживания, но более глубокая преданность связывается с добровольными объединениями и возможностями, означающими уровень достижения, а не местную принадлежность. Сегодня, когда существует такой сильный спрос на дома в оборонительно сверхопределенных, чрезмерно стандартизованных и чрезвычайно ограниченных (по доступности) районах, многие люди испытывают моменты наивысшего облегчения за игровым столом казино, в барах, в автомобиле, в кемпинге или в прицепной кабине трейлера, воображая, будто они ничем не ограничены и вольны, оставаться или продолжать движение. Ни в какой другой стране население не путешествует дальше и больше американцев. После войны число ветеранов, решивших начать новую жизнь в местах, отличных от их городских домиков, о которых они мечтали на передовой, оказалось в Америке большим, чем в любой другой стране. Для многих американцев хотя и верно, что “в гостях хорошо, а дома лучше”, Все же важно, чтобы была возможность взять дом с собой или найти его точную копию за тысячи миль от оригинала. Тот, у кого местожительство лучше всего подходит для того, чтобы оставаться дома, Вероятно, путешествует больше всего.

Но, овладевая просторами обширного континента, американцы также учились контролировать другого автократа, с которым эти сыновья свободы неожиданно столкнулись, а именно: машину.

Автократию континента и автократию машины обязательно нужно учитывать, когда принимаешься за изучение или критику американских методов детского воспитания, которые, в тенденции, делают ребенка не слишком тоскующим по прошлому и, тем не менее, преданным; автономным и, тем не менее, надежным; индивидуалистичным и, тем не менее, предсказуемым. Утверждение, будто такие методы начинаются с систематического материнского “отвергания” по своей природе не более чем фольклор, который нужно проследить до фактов, порожденных необходимостью, и фантазий, рожденных потребностью; мужчинам и женщинам, желавшим, во что бы то ни стало вписываться в образ самосозидаемого человека и самосозидаемой личности, создававшим и “приспосабливавшим” свою эго-идентичность по мере того, как они продвигались к намеченным целям, была практически не нужна опекающая материнская любовь. Более того, когда они получали такую любовь в детском

возрасте, позднее приходилось отказываться от признания этого. В тех случаях, когда “мамочка” не существовала, ее приходилось изобретать; ибо историческое значение “хватки” в этой стране таково, что мужчина, чтобы встать на ноги в сильно меняющемся мире, должен поддерживать себя за счет собственных сил и способностей.

Поскольку Джон Генри родился после того, как накормили собак, он и на ноги встал прежде, чем получил свою первую еду. Принимая во внимание континент, на который он вступил; и стоявшие перед ним задачи, его первые часы в этом мире были многозначительными, хотя и экстремальными, по общему согласию. Но что будет делать Джон Генри в двубортном деловом костюме? Что случится с его “железными кишками”, когда он будет вынужден служить машинам, и окажется увязшим в безликой машинальности современной жизни?

#### **4. Юноша, босс и машина**

Юность – это возраст окончательного установления доминирующей позитивной идентичности эго. Именно тогда будущее, в обозримых пределах, становится частью сознательного плана жизни. И именно тогда возникают сомнения, независимо от того, антиципировалось ли это будущее в более ранних ожиданиях или нет.

Проблема, предлагаемая физиологическим созреванием, была убедительно изложена Анной Фрейд.

Физиологический процесс, отмечающий достижение физической половой зрелости, сопровождается стимуляцией инстинктуальных процессов... Агрессивные импульсы усиливаются до полной неуправляемости, голод становится прожорливостью, а озорство латентного периода превращается в криминальное подростковое поведение. Оральные и анальные интересы, долго скрывавшиеся в глубине, вновь выходят на поверхность. Привычки к чистоте и опрятности, с таким трудом приобретаемые в латентный период, уступают место получению удовольствия от грязи и беспорядка, а вместо скромности и отзывчивости мы обнаруживаем склонность к саморекламе, грубость и жестокость по отношению к животным. Характерные реакции, которые, казалось, прочно вошли в структуру эго, грозят разлететься на куски. В то же время старые, давно исчезнувшие стремления возвращаются в сознание. Эдиповы желания реализуются в форме фантазий и грез, в которых они почти не подверглись искажению; у мальчиков идея кастрации, а у девочек зависть к пенису вновь становятся центром интересов. Во вторгающихся силах очень мало новых элементов. Их бешеный натиск просто еще раз выносит на поверхность знакомое содержание ранней инфантильной сексуальности маленьких детей.

На этой картине проблема представлена в виде эго индивидуума, которое выглядит оккупированным, вновь мобилизованным и накопившим значительные силы, “оно” как бы из враждебного внутреннего мира или, скорее, с отдаленной периферии внутреннего мира. Наш интерес направлен на величину и качество

той поддержки атакуемого, таким образом, юношеского эго, какую можно ожидать со стороны внешнего мира людей, как на вопрос о том, получают ли защитные механизмы эго, вместе с развитыми на ранних стадиях фрагментами идентичности, необходимые дополнительные средства к существованию. В это время регрессирующих и растущих, бунтующих и созревающих молодых людей заботит, прежде всего, то, кто они и каковы они в глазах более широкого круга значимых лиц по сравнению с их собственными представлениями о себе, и как связать ценимые ранее мечты, особенности характера, роли и навыки с профессиональными и половыми прототипами теперешней поры.

Опасность этой стадии – смешение ролей; как Бифф (ВШ) сформулировал ее в “Смерти коммивояжера”: “Послушай, ма, я просто не в силах удержаться. Я не могу ухватиться ни за один тип жизни”. Там, где такая дилемма основана на сильном предыдущем сомнении по поводу своей этнической или половой идентичности, вовсе не редки деликventные и откровенно психотические эпизоды. Юноша за юношей, сбитые с толку принятыми ролями, навязанными им неумолимой стандартизацией американской юности, совершают побег в той или иной форме: бросают школу и работу, не возвращаются домой по ночам или уходят в эксцентричные и неприступные настроения. В том случае, когда такой юноша – “деликvent”, его сильнейшей нуждой, а часто и единственным спасением является отказ со стороны старших товарищей, консультантов и судебных чиновников дополнительно типизировать его скорыми диагнозами и социальными оценками, игнорирующими особые динамические состояния юношества. Самой большой услугой с их стороны может быть отказ “конфирмовать” юношу в его криминальности.

Среди молодых американцев с рано определившейся идентичностью есть тип тинейджера (мужского пола), который я попытаюсь эскизно набросать на фоне его социального окружения. Мой метод – клиническое описание “типа”; но этот молодой человек не пациент, более того – он далек от этого. Фактически он не представляет никакого интереса для психоаналитиков. Возможно, по этой самой причине нам следует найти средства для его вдумчивого изучения; ибо ограничить наше понимание теми, кто отчаянно в нас нуждается, означало бы чрезмерно сузить свой кругозор.

Семья – англосаксонская, умеренные протестанты, из класса служащих. В ней живет интересующий нас тип тинейджера – высокий, худощавый, мускулистый молодой человек. Он робок, особенно с женщинами, и скуп на эмоции, как будто бережет себя для чего-то. Однако его редкие ухмылки показывают, что в основном он доволен, собой. Среди сверстников может быть шумным и неистовым; с младшими детьми – добр и осторожен. Его цели нечетко определены: они имеют некоторое отношение к действию и движению. Его идеальные прототипы в мире спорта, по-видимому, соответствуют таким потребностям, как тренированная локомоция, справедливость в агрессии, беззастенчивая самореклама и потенциальная маскулиная сексуальность. Невротическая тревога избегается за счет сосредоточения на ограниченных



целях, вписывающихся в рамки закона. Говоря психоаналитическим языком, доминирующим защитным механизмом здесь является самоограничение.

Его мать – до некоторой степени “мамочка”. Она может быть резкой, крикливой и карающей. Вероятно, она скорее сексуальна, чем фригидна. Отец же, проявляя необходимую жесткость в делах, робок в близких взаимоотношениях и не рассчитывает на слишком уважительное отношение к себе в семье. Таких родителей в наших историях болезни до сих пор помечают как патогенных, хотя совершенно ясно, что они всего лишь олицетворяют некий культурный шаблон. То, как они повлияют на ребенка, зависит от ряда переменных, не покрываемых существующими клиническими терминами. Что касается матери, демонстрирующей некоторое презрение к мужской слабости, то она больше бранится, чем на самом деле сердится. У нее есть мужской идеал, унаследованный от семьи, в которой она родилась; обычно, это ее отец, и она дает понять своему сыну, что у него есть шанс приблизиться к этому идеалу. Она достаточно мудра (а иногда ленива или довольно равнодушна), чтобы передать его мальчику независимо от того, хочет ли он жить согласно этому идеалу или нет. Но самое важное – ей не свойственна гиперопека. В отличие от матерей, которые побуждают, но не отпускают (они-то и относятся к патогенным, “гиперопекающим” матерям), она чрезмерно не привязывает сына к себе и, обычно, дает своим детям в возрасте от 13 до 19 лет свободу на улице, на спортивной площадке и даже на затягивающихся иногда до утра вечеринках. Отца уговаривают не волноваться и одолжить его машину или, точнее, “машину”, ибо другой у них просто нет. Надо полагать, эта мать уверена в том, как далеко может зайти ее сын в сексуальных отношениях, поскольку, не осознавая этого, она знает, что изгнала первородного дьявола из своего ребенка, когда тот был еще маленьким. В его раннем детстве она осмотнительно ограничивала сексуальную и эмоциональную стимуляцию малыша.

Я уже указывал, насколько определенный недостаток материнской опеки у таких матерей может иметь историческую основу не только в религиозном пуританстве, но и в бессознательном возобновлении исторических условий, в которых сыну было опасно придавать больше значения прошлому, чем будущему; опасно основывать свою идентичность на привязанности к дому, где прошло его детство, и на исключении возможной миграции в поисках лучшей судьбы; опасно даже прослыть “сосунком” вместо обретения статуса человека, научившегося переносить, в известных пределах, лишения и одиночество.

Обсудили мы и развитие базисного телесного сознания из взаимного регулирования в системе “мать – ребенок”. Части тела ощущаются как “мои” и “хорошие” в той степени, в какой раннее окружение ребенка сначала берет их под свою опеку, а затем, с должными коннотациями, постепенно препоручает их собственным заботам малыша. Области сильнейшего конфликта остаются областями, резко разъединенными с телесным сознанием, а позднее с идентичностью индивидуума. Они остаются беспокоящими областями в быстро растущем теле подростка, заставляющими его испытывать чрезмерный интерес к ним, смущение и периоды утраты контакта с органами своего собственного

тела. Несомненно, что этот подросток в своих самых интимных чувствах отделен от его половых органов; их все время называли “pnyale”, но не в том смысле, что они были его частной собственностью, а скорее потому, что даже для него они были слишком секретными, чтобы их касаться. Ему грозили – рано и почти небрежно – утратой половых органов; и в соответствии с общим ограничением эго – своим излюбленным механизмом защиты – он отделил себя от них. Конечно, он не сознает этого. Энергичные физические упражнения помогают ему сохранять образ тела интактным и дают возможность пережить свою интрузивность в спортивных соревнованиях.

Качество автономии эго, как мы уже говорили, зависит от согласованного определения личных привилегий и обязанностей в детской комнате. В кильватере последних событий, затрагивающих нашего подростка, всякого рода факторы ослабляли оковы привилегий и обязанностей, в согласии и борьбе с которыми ребенок и может развивать свою автономию. Среди таких факторов – уменьшение размера наших семей и ранняя дрессура кишечника. Большая группа братьев и сестер способна позаботиться о надлежащей самоорганизации, и, действительно, существует выполнимое равенство в распределении привилегий и обязанностей для “слишком маленьких” и “уже достаточно больших”. Большая семья, используемая для этой цели, служит хорошей школой демократии, особенно если родители постепенно приучаются ограничивать себя твердой позицией консультанта. Малые семьи, наоборот, подчеркивают такие различия, как пол и возраст. Следуя моде на раннее приучение к чистоплотности, аккуратности и пунктуальности, отдельные матери в малых семьях нередко ведут с каждым ребенком по очереди настоящую партизанскую войну, основанную на хитрости, запугивании и стойкости сторон. В свое время мать нашего героя решительно присоединилась к научному лозунгу: лучше всего “вырабатывать условные рефлексy” у ребенка как можно раньше, *до того*, как это дело может осложниться его мышечной амбивалентностью. Для нее имело смысл надеяться, что раннее воспитание приведет к автоматической уступчивости и максимальной эффективности с минимумом тренировок. В конце концов, действует же этот метод на собаках. С психологией “бихевиориста” ее поры, она не приняла во внимание одно обстоятельство: собак дрессируют, чтобы они отслужили свой срок человеку и умирали; им не нужно будет объяснять своим щенкам то, что им объясняли их хозяева. Дети же должны, в конечном счете, воспитывать своих собственных детей, и всякое обеднение их импульсивной жизни, с целью избежать тренировок, должно рассматриваться как возможная подверженность целого ряда поколений различным жизненным осложнениям. Поколения будут зависеть от способности каждого производящего потомство индивида смотреть в лицо детям с сознанием того, что он смог уберечь витальный энтузиазм от конфликтов своего детства. Фактически, принципы раннего воспитания не работают гладко с самого начала, ибо требуют неослабных усилий со стороны родителей; в итоге воспитание оказывается дрессурой родителя, скорее, чем дрессурой ребенка.

Таким образом, наш мальчик обрел “регулярность”, но при этом выучился ассоциировать еду и стул с беспокойством и поспешностью. Его запоздалая кампания за телесную автономию началась, поэтому в условиях, вызывающих смущение и замешательство, и это при наличии у него исходного дефицита способности выбирать, поскольку его сфера контроля была захвачена еще до того, как он мог возражать или соглашаться благодаря разумно свободному выбору. Я хотел бы со всей серьезностью заявить о том, что раннее приучение к туалету и другие мероприятия, изобретаемые для формирования условно-рефлекторных реакций у ребенка до появления у него способности к саморегуляции, возможно, образуют самую сомнительную традицию в воспитании детей, которым впоследствии предстоит решительно и свободно изъяслять свою волю в качестве граждан. Именно здесь машинный идеал “функционирования без трения” вторгся в демократическую среду. Значительная доля политической апатии может иметь свой источник в том общем ощущении, что все вопросы, казалось бы, оставляющие выбор, так или иначе уже решены заранее – и такое действительно случается, когда влиятельные группы электората уступают этому ощущению, поскольку усвоили взгляд на мир как на место, где взрослые говорят о выборе, но “улаживают” дела таким образом, чтобы избежать явных трений.

Что касается так называемой “эдиповой стадии”, когда “ребенок идентифицируется с супер-эго родителей”, здесь важнее всего, чтобы супер-эго вносило максимум коллективного смысла исходя из идеалов дня. Супер-эго довольно плохо подходит на роль простого регулятора, ибо оно навсегда сохраняет в душе связь “большого и сердитого взрослого” и “маленького, но плохого ребенка”. Патриархальная эпоха эксплуатировала универсальный эволюционный факт интериоризованного и бессознательного морального “правительства” вполне определенными способами, тогда как другие эпохи использовали его иначе. Отцовская эксплуатация по всей вероятности ведет к подавленным чувствам вины и страха кастрации в результате бунта против отца; материнская же сосредоточивается на чувствах обоюдного разрушения и взаимной покинутости. В таком случае, каждая эпоха должна находить свой способ обращения с супер-эго как универсально данной потенциальностью для внутреннего, автоматического сохранения универсальной внешней дистанции между взрослым и ребенком. Чем более идиосинкразично это отношение и чем менее адекватно родитель отражает изменяющиеся культурные прототипы и институты, тем глубже будет конфликт между эго-идентичностью и супер-эго.

Однако самоограничение избавляет нашего мальчика от многих нравственных мук и терзаний. Скорее всего, он в хороших отношениях со своим супер-эго и сохраняет их в отрочестве и юности благодаря искусному устройству американской жизни, которая рассеивает идеал отца. Мужской идеал мальчика редко связывается с его отцом (каким он предстает в повседневной жизни). Обычно – это дядя или друг семьи, если не дедушка, причем в том виде, как их преподносит ему (часто неосознанно) его мать.

Дедушка, сильный духом и телом мужчина (в полном соответствии с широко распространенным американским идеалом, или, иначе говоря, еще одна

смесь факта и вымысла), всю жизнь искал новых и сложных дел в совершенно самостоятельных и отдаленных областях и регионах. Когда исходный вызов бывал, удовлетворен и дело налажено, он передавал его другим и двигался дальше. Жена видела его только по случаю зачатия (очередного) ребенка. Сыновья не могли угнаться за ним и оставались “на обочине”, как уважаемые поселенцы. Лишь дочь могла сравниться с ним, да и внешне походила на него. Однако ее весьма выраженная маскулинная идентификация не позволяла ей взять в мужья человека столь же сильного, как ее могучий отец. Обычно она выходила за того, кто в сравнении с отцом казался слабым, зато был верным и остепенившимся. Но сама, во многих отношениях, рассуждала и говорила как дед, даже не представляя, сколь упорно она принижает оседлого отца своих детей и порицает недостаточную мобильность семьи – географическую и социальную. Тем самым она создает у сына конфликт между оседлыми привычками, формируемыми по ее настоянию, и дерзкими, авантюристическими чертами характера, которые сама же и поощряет его развивать. Во всяком случае, ранний “эдипов” образ – огромного и всесильного отца и владельца матери ассоциируется с мифом о дедушке. Оба становятся глубоко бессознательными и остаются таковыми при доминирующей потребности научиться тому, как быть справедливым братом, ограниченным и ограничивающим в правах, но вместе с тем жизнеспособным и оказывающим поддержку. Отец в известной степени освобождается от обид и возмущения сына, если только он, конечно, не оказывается “устаревшим”, отчужденным или относящимся скорее к разряду “боссов”. И, если это не так, он тоже становится скорее старшим братом, чем отцом. Таким образом, значительная доля сексуального соперничества, подобно сексуальности вообще, исключалась из сознания.

Эти мальчики, насколько я помню, уже в раннем подростковом возрасте довольно высоки, часто выше своих отцов. И над этим они немного снисходительно подшучивают. Фактически, кажется, что в Америке между отцом и сыном развивается нечто похожее на “отношения подшучивания” у индейцев. Такое подшучивание часто направляется на ту пограничную область поведения, где можно надеяться “выйти сухим из воды”, то есть ускользнуть от бдительных глаз матери. Это создает прочную взаимную идентификацию, помогающую избежать любой открытой оппозиции и любого явного конфликта намерений. Сновидения мальчиков указывают на то, что их физическая удаль и независимая идентичность пробуждают в них тревогу: ибо в то время, когда они были маленькими, они боялись тех же самых отцов, казавшихся тогда такими мудрыми и могущественными. Образно говоря, они как бы балансировали на туго натянутой проволоке. В том случае, если они сильнее своих реальных отцов или в чем-то серьезно расходятся с ними, они будут жить согласно тайным идеалам или, на самом-то деле, согласно ожиданиям своих матерей; но стоит им только как-нибудь показать, что они слабее того всемогущего отца (или деда), который запечатлен в образе их детства, они освобождаются от тревоги. Таким образом, хотя они и становятся хвастливыми

и жестокими в одном, но могут быть на удивление добрыми и прощающими в другом.

Когда отец заинтересован в развитии инициативы сына, общее согласие между ними побуждает его также проявлять сдержанность там, где ему, возможно, приходится спорить с ним. В связи с этим, будущему придается особое значение по сравнению с прошлым. Если сыновьям своим групповом поведении, по-видимому, устремляются в погоню за еще одной степенью американизации, то долг отца – позволить им действовать по своему. Фактически, из-за их большей близости ритму современной жизни и техническим проблемам ближайшего будущего, дети в некотором смысле “мудрее” родителей, и действительно, многие дети обнаруживают больше зрелости во взглядах на проблемы повседневной жизни, чем их родители. Отец таких мальчиков не прячет свою относительную слабость под маской надутых патриархальных претензий. Если он разделяет с сыном восхищение каким-то идеальным типом, будь то бейсболист, промышленник, комик, ученый или мастер родео, потребность сына походить на идеал акцентируется без отягощения ее проблемой поражения отца. Если отец играет с сыном в бейсбол, то вовсе не для того, чтобы произвести на него впечатление, будто он, отец, приближается к совершенству широко популярного идеального типа (ибо, вероятнее всего, он к нему не приближается); скорее, он играет с сыном, чтобы показать, что в этой игре они оба идентифицируются с таким типом и что у мальчика всегда есть желанный для обоих шанс больше приблизиться к идеалу, чем это удалось сделать его отцу.

Все сказанное отнюдь не исключает того, что отец обладает потенциалом настоящего мужчины, однако он проявляет его преимущественно вне дома: в делах, в автопутешествиях и в своем клубе. По мере того как сын начинает узнавать об этой стороне жизни отца, его сыновья привязанность окрашивается новым, почти изумленным уважением к нему. Между отцом и сыном возникают дружеские отношения.

Тем самым братские образы – смело или робко – заполняют щели, оставляемые распадающимся патернализмом; отцы и сыновья бессознательно содействуют развитию отношений братства, которые, вероятно, опережают противодействующее возвращение более патриархальных эдиповых отношений, не приводя, с другой стороны, к общему обеднению взаимоотношений между отцом и сыном.

Каким образом семья готовит этого мальчика к демократии? Если понять этот вопрос слишком буквально, едва ли кто-то осмелится на него ответить. У мальчика нет никакого политического сознания. Фактически, он даже не знает ничего похожего на негодование в том позитивном смысле, когда человек начинает остро сознавать нарушение какого-то принципа, за исключением возмущения нечестностью. В начале жизни она принимает форму ощущения, что у него хитростью выманивают “право первородства”, когда старшие и младшие братья и сестры, исходя из своего более высокого или низкого положения в семье, требуют особых привилегий. Болезненно усваивая меру долга и привилегий, связанных с силой и слабостью, он становится заядлым

спорщиком по поводу честности-нечестности, преимущественно в спортивных играх, и это единственный предмет, который мог бы вызвать точную копию негодования – ну, и, конечно же, любого рода “боссизм”.

“Никто не в праве так обращаться со мной” – вот лозунг такого протеста. Это – двойник более героической чести или достоинства,

У психоаналитических пациентов непреодолимое значение дедушки часто не вызывает сомнений. Возможно, он был кузнецом Старого света или строил железную дорогу в Новом свете, был гордым иудеем или не признавшим реконструкцию Юга жителем южных штатов. Общая особенность всех этих дедушек состоит в том, что они были последними представителями более гомогенного мира, властными и жестокими без малейших угрызений совести, дисциплинированными и набожными без потери самоуважения. Их мир изобрел более крупные и сильные машины, наподобие гигантских игрушек, которые, как ожидалось, не будут оспаривать социальную ценность своих создателей. Их ощущение собственной власти и правоты сохраняется у внуков в виде упрямого, воспаленного чувства превосходства. Неспособные, в отличие от дедов, откровенно выражать свои чувства и желания и следовать им, во что бы то ни стало, они, однако могут относиться благосклонно к другим только на условиях заранее оговоренной привилегии.

Неологизм, образованный от англ. (хозяин), для обозначения склонности людей определенного типа командовать другими и распоряжаться всем и вся как своей собственностью прямоты или честности жителей других стран. Хотя наш мальчик может с усмешкой присоединиться к некоторым намекам на более низкое происхождение или положение, на самом деле ему несвойственна нетерпимость: большей частью его жизнь слишком защищена и “ограничена”, чтобы поставить его перед личным решением этой проблемы. В тех случаях, когда он все же сталкивается с подобной проблемой, то решает ее, опираясь на понятие дружбы, а не гражданства. Ведь это привилегия, а вовсе не долг – благосклонно относиться к любому приятелю. Что касается “общего гражданства”, то он постигает концепцию поведения школы, которая руководствуется этим названием, однако он не связывает его с политикой. В других отношениях он более или менее сомнамбулически движется в лабиринте неопределенных привилегий, лицензий, обязательств и обязанностей. Ему хочется неопределенного, общего успеха, и он счастлив, если может добиться его честно, или хотя бы не сознавая нечестности. В этой связи нужно сказать, что наш мальчик, обычно по невнимательности и из-за ограниченного видения, а часто по легкомыслию, причиняет огромный вред его менее удачливым, но более темнокожим сверстникам, которым отказывает от дома, исключает их из своей клики и не подпускает к себе, поскольку смотреть им в лицо и считаться с ними как с реально существующими людьми означало бы для него иметь постоянный источник смутного беспокойства. Он игнорирует их, хотя мог бы содействовать их участию в американской идентичности, относясь более серьезно к простому социальному принципу: раз никто не вправе так обращаться со мной, то никто не должен так обращаться ни с кем другим.

Однако я смею утверждать, что семейная жизнь этого мальчика скрывает в себе больше демократии, чем кажется на первый взгляд. Возможно, она не отражает демократии исторических трудов и газетных передовиц, зато отражает ряд тенденций, характеризующих демократический процесс как он есть, с его светлыми и темными сторонами и перспективами развития. Я должен здесь указать на одну из тех конфигурационных аналогий между семейной жизнью и национальными нравами, которые с трудом укладываются в какую-то теоретическую систему, но кажутся в высшей степени релевантными.

“В настоящее время неписанное, но твердое правило Конгресса состоит в том, что при обычных обстоятельствах ни один важный блок никогда не будет провален при голосовании по любому вопросу, затрагивающему его собственные жизненные интересы”. Эта формулировка относится, конечно, к политическим интересам различных групп (аграрному блоку, финансовому, лейбористскому и т. д.), которые используют двухпартийную поляризацию – и сами пользуются ею. Время от времени они способствуют продвижению позитивного законопроекта, но чаще – что иногда гораздо важнее – предотвращают появление нежелательного закона. Возможно, что в результате позитивного законотворчества получится хороший закон, однако он, прежде всего не должен быть неприемлемым для любых важных блоков (так же как кандидат в президенты *может* быть потенциально великим человеком, но при этом *должен* быть человеком, приемлемым для любого крупного блока избирателей). Этот принцип не только удерживает любую группу от абсолютного господства, но и спасает каждую из них от попадания в полное подчинение.

Подобным же образом американская семья склонна стоять на страже права каждого ее члена, включая родителей, на соблюдение своих жизненных интересов. Фактически каждый член семьи, по мере того как он взрослеет и изменяется, отражает разнообразие внешних групп и их изменяющихся интересов и потребностей, именно, профессиональной группы отца, клуба матери, подростковой клики и первых друзей их детей. Интересы этих групп определяют границы привилегий индивидуума в его семье; и эти же группы выступают в качестве судей данной семьи. Чувствительным приемником изменяющихся стилей жизни в округе и чувствительным арбитром их столкновения в доме является, конечно, мать. И я полагаю, что эта необходимость выполнять функцию семейного арбитра служит еще одной причиной, почему американская мать инстинктивно боится окружать своих детей наивной животной любовью, которая, при всей своей безыскусственности, способна быть такой избирательной и несправедливой, и которая, прежде всего, может ослабить решимость ребенка искать общества равных себе сверстников, чего семья не в состоянии ему обеспечить, да и не должна этого делать. Мать остается, в известном смысле, выше партий и интересов; дело обстоит так, как если бы ей приходилось присматривать за тем, чтобы каждая партия и каждый интерес развивались как можно сильнее, – до тех пор, пока она не будет вынуждена наложить вето на интерес кого-то из членов семьи или на интересы семьи в целом. В таком случае здесь мы должны

надеяться найти рациональное обоснование множества форм деятельности и бездействия: они представляют собой не столько то, что каждому хочется делать, сколько то, что из всего доступного арсенала действий в наименьшей степени вызывает протест любого имеющего к этому отношение. Конечно, подобное внутреннее соглашение легко нарушается любой демонстрацией законного имущественного права, особого интереса или интереса меньшинства, и именно по этой причине ведется множество мелких споров всякий раз, когда интересы сталкиваются. Семья добивается успеха, когда решение спорного вопроса доводится до достижения “согласия большинства” даже если оно дается без особого желания; оно постепенно подрывается частыми решениями в пользу интересов одной группы, будь то родители или дети. Эти взаимные уступки сокращают до крайней степени деление семьи на неравных партнеров, которые могут требовать привилегий на основании возраста, силы, слабости или добродетели. Вместо этого семья становится тренировочной площадкой для выработки терпимости к различным *интересам*, – но не к различным *людям*; симпатия и любовь имеют с этим мало общего. Фактически, как открыто любящего, так и откровенно ненавидящего удерживают от “выяснения отношений”, ибо и то, и другое могло бы ослабить равновесие семьи и шансы каждого ее члена: важнее всего – накапливать притязания на будущую привилегию, могущие быть оправданными на основе прошлых уступок. Значение этого механизма, конечно, целиком заключается в автоматическом предотвращении автократии и неравенства. Американская семья воспитывает, в целом, лишенных диктаторских замашек людей, готовых вести торг и, кроме того, пойти на компромисс. Этот механизм исключает полную безответственность и делает редкими открытую ненависть и войну в семьях. Он также полностью исключает для американского юноши возможность стать тем, кем его братья и сестры в других крупных странах становятся с такой легкостью не идущим на компромиссы идеологом. Никто не может быть абсолютно уверен в своей правоте, но каждый должен идти на компромисс – ради своего шанса в будущем.

Здесь существует прозрачная аналогия с двухпартийной системой: американская политика не является, как это имеет место в Европе, “прелюдией гражданской войны”; она не может стать ни полностью безответственной, ни абсолютно диктаторской; и она не должна пытаться быть логичной. Это – зыбкое море остановок и равновесий, в котором должны тонуть бескомпромиссные абсолюты. Опасность в том, что такие абсолюты могут быть потоплены в приемлемых для всех банальностях, а не в продуктивном компромиссе. В семьях соответствующая опасность состоит в том, что интересы, которые не являются неприемлемыми для всей семьи, становятся областями настолько свободными от реальных разногласий, что семейная жизнь оказывается институтом для параллельных грез наяву, где каждый член семьи настраивается на свою излюбленную радиопрограмму или укрывается за журналом, представляющим его интересы. Общий низкий тонус взаимной ответственности может лишить модель “согласия большинства” ее исходного протеста и, следовательно, ее титула. В то время как в Европе юность обычно



приводила к конфликту с отцом и к неизбежности бунта или подчинения (либо, как мы увидим в главе о Германии, сначала бунта, а затем подчинения), в американской семье, в целом, нет никакой необходимости в таком напряжении сил. Юношеские отклонения в поведении молодого американца не затрагивают, по крайней мере открыто, ни отца, ни проблему власти, а сосредотачиваются скорее на его сверстниках. Молодому человеку присуща деликвентная жилка, как и его деду в те дни, когда законы отсутствовали или не работали. Она может выражаться в неожиданных поступках, например, в опасном вождении машины или легкомысленном разрушении и порче чужого имущества – индивидуальной копии массового разграбления континента. Это неожиданно контрастирует с защитными механизмами аскетического самоограничения – пока не осознаешь, что проявляемая время от времени крайняя легкомысленность есть необходимое дополнение и предохранительный клапан самоограничения. И легкомысленность, и самоограничение “дают ощущение” самоиницированных; они подчеркивают тот факт, что босса-то нет, и значит нет надобности раздумывать. Наш молодой человек – антиинтеллектуал. Всякий, кто думает, или переживает слишком много, кажется ему “подозрительным”. Эта нелюбовь к чувству и мысли, в известной степени, производна от раннего недоверия чувственности. Она означает некоторую атрофию американского юноши в этой сфере и, кроме того, выступает типичным проявлением общей экспериментальности, нежелания погружаться в размышления и принимать решение до тех пор, пока результаты свободного исследования ряда шансов, возможно, не заставят его задуматься.

Если этот молодой человек посещает церковь и, как я предполагаю, является протестантом, то он находит среду, не предъявляющую высоких требований к его способности проникаться настроением проклятия или спасения, или даже простого благочестия. В жизни церкви он должен подтверждать себя открытым поведением, которое наглядно показывает послушание через самоограничение, таким образом, заслуживая членство в братстве всех тех, чьи благо и удачу на земле узаконивает сам Господь Бог. Тогда принадлежность к церковной общине только облегчает положение, поскольку одновременно дает более или менее ясное определение социального статуса и статуса доверия в округе. И здесь социологи в своей несколько наивной и сухой критике “американской классовой системы”, по-видимому, иногда упускают из виду существование в Америке исторической необходимости обретения в жизни округа и церковного прихода простора для форм деятельности, приемлемых для всех затрагиваемых ими индивидуумов. Что, в свою очередь, требует некоего изначального принципа отбора, достижения определенного единообразия. Без этого демократия просто не могла бы работать в США. Но социологи правы, указывая на то, что все же слишком часто членство в группах с более или менее ограниченным доступом, сектантство и идолопоклонничество, приводят к замыканию в скорлупе братского объединения, где скорее еще больше злоупотребляют привычками семейной жизни, чем возвращают какой-либо политический или духовный плод.

Церковная община становится фригидной и наказующей “мамочкой”, а Бог – “папочкой”, который под давлением общественности не в силах уклониться от обеспечения тех его детей, что оказываются достойными благодаря самоограничительному поведению, и соблюдению внешних приличий; тогда как первейшая обязанность братии – доказывать свою “платежеспособность” посредством умеренности в обращении друг с другом и направления более энергичной тактики на “чужих”.

Обсуждаемый здесь тип юноши не является и никогда не будет истинным индивидуалистом. Кроме того, было бы трудно указать любого подлинного индивидуалиста в пределах зоны его личного опыта, – если только им не окажется миф об отце его матери. Однако образ деда предается забвению, самосжимаясь с ходом времени, или, в лучшем случае, удерживается в состоянии ожидания до того дня, когда, став взрослыми мужчинами, эти юноши, возможно, сделаются “боссами”, хозяевами чего-либо или кого-либо.

С такой индивидуалистической сердцевиной, осложненной к тому же ее передачей через мать, наш юноша не выносит профессиональных видов индивидуализма, проявляемого писателями и политиками. И не доверяет ни тем, ни другим – ибо они заставляют его испытывать неловкость, как если бы напоминали о чем-то таком, что ему нужно было сделать, но что конкретно – никак не вспомнить. Он не испытал или, точнее, не сталкивался ни с какой автократией, за исключением автократии собственной матери, которая к этому времени стала для него мамочкой в первоначальном и более сердечном смысле слова. Если же он и обижался на нее, то пытался это забыть.

Он сознает, что его старшая сестра, – стройная, элегантная и уравновешенная, – в присутствии матери при случае испытывает почти физическое недомогание. И он не может понять, почему; но тогда это относится к области женских причуд, которые он осторожно обходит стороной. Он не знает и не хочет знать о бремени, которое сестра должна нести, становясь женщиной и матерью, но при этом, избегая походить на одну женщину – собственную мать. Ибо она должна быть женщиной своего времени, обязанной всем самой себе; должна прокладывать себе дорогу в товарищеском соперничестве со всеми другими девушками, которые создают новые нормы и, в свою очередь, создаются ими. Маргарет Мид впечатляюще описала выпавшую на долю этих девушек тяжелую задачу, а именно, в полной мере сберечь сердечную теплоту и сексуальную отзывчивость на протяжении всех лет соблюдения рассчитанных приличий, когда даже естественность по случаю должна быть показной. Кризис сестры обычно наступает, когда она становится матерью и когда перипетии воспитания ребенка по необходимости приводят к заметной инфантильной идентификации с ее матерью. “Мамочки” в ней гораздо меньше, чем было в ее собственной матери; будет ли этот остаток иметь решающее значение, зависит от места проживания, социального класса и типа мужа.

Далее, американский юноша, подобно юношам всех стран, вступивших или вступающих в машинную эру, сталкивается с вопросом: свобода для чего? и какой ценой? Американец чувствует себя настолько богатым в том, что

касается возможностей свободного самовыражения, что часто уже не знает, от чего он свободен. Не знает и того, где он не свободен; ибо не узнает своих местных автократов, когда встречается с ними. Он слишком озабочен тем, чтобы быть умелым и приличным.

Этот юноша обычно становится эффективным и порядочным лидером в работе со строго очерченными функциями, хорошим менеджером или специалистом и хорошим чиновником, и, в основном, проводит время в развлечениях с “ребятами” из тех организаций, к которым принадлежит. Как образец, он служит иллюстрацией того, что хоть в военное, хоть в мирное время плод американского воспитания можно узнать по сочетанию природных технических способностей, управленческой автономии, персонифицированного лидерства и ненавязчивой терпимости. Эти молодые мужчины поистине служат стовым хребтом Америки.

Но разве они, как мужчины, не относятся на удивление безразлично к борьбе за высшую власть в нашей стране? Разве эти свободнорожденные сыновья не склонны быть необыкновенно наивными, откровенно оптимистичными и болезненно сдержанными в своих деловых отношениях с теми, кто управляет ими? Они знают, как взяться за ограниченную задачу, могут пошуметь во время кутежа, но, в целом, почтительно сторонятся величины, независимо от того, выражается ли она в долларах или громких словах. Они (теоретически) ненавидят автократов, но терпят “боссизм”, поскольку обычно не способны провести различие между боссом и “боссом”. Мы уже неоднократно упоминали эту категорию, и теперь самое время открыто заявить о том, что есть босс и “босс”, так же как есть мамочка и “мамочка”. Мы используем оба слова без кавычек в их более разговорном и более любящем смысле, как *моя мамочка и мой хозяин (босс)*; тогда как кавычками обозначаем “мамочек”, способствующих “мамизму”, о котором уже говорилось, и “боссов”, придающих силу “боссизму”, о котором мы теперь должны сказать несколько слов.

Дело в том, что старые автократы исчезли, а новые знают, как прятаться за двусмысленностью языка, наполняющей законодательные органы и ежедневную прессу, производственные споры и официальные приемы. “Боссы” – это создавшие сами себя автократы, и поэтому они считают себя и друг друга венцом демократии. В меру необходимости “босс” остается в рамках закона, а при малейшей возможности смело вторгается в пустое пространство, оставшееся эмансипированными сыновьями в их стремлении ограничиваться справедливостью в отношениях с другими. Он выискивает области, где закон умышленно не отмечен на карте (чтобы оставить возможность для задержек, балансов и поправок) и пытается пользоваться и злоупотреблять этим в своих целях. Он единственный, кто, говоря на языке автомобилистов, обгоняет и подрезает там, где другие оставляют немного пространства из соображений вежливости и безопасности.

Вовсе не дело вкуса или простой принцип заставляют меня присоединиться к тем, кто говорит об угрозе “боссизма”. Я подхожу к этому вопросу с точки зрения психологического хозяйства. Как я убедился, “боссы” и

“машины” угрожают американской идентичности, а тем самым и психическому здоровью населения этой страны. Ибо они являют собой для эмансипированных поколений, характеризующихся поисковой, экспериментальной идентичностью, идеал автократии безответственности. В них видят явно успешную модель “того, кто отмеряет себе исключительно по “деяниям”, по умению выйти сухим из воды и способности производить впечатление на других”. Чистое “функционирование” они превращают в ценность, стоящую над всеми остальными ценностями. Обладая возможностями автократической власти в законодательных органах, промышленности, прессе и мире развлечений, они осознанно и неосознанно используют высший аппарат, чтобы обвести вокруг пальца сыновей демократии. Они процветают на сложности “машины”, устройство которой умышленно сохраняется усложненным и запутанным, чтобы она могла оставаться зависимой от упорных профессионалов и экспертов по “кратчайшему пути к успеху”. То, что эти люди сами работают как машины, – это предмет заботы их врача, психиатра или владельца похоронного бюро. Но то, что они смотрят на мир как на машину и управляют людьми как машинами, представляет опасность для человека.

Взять хотя бы нашего юношу. В раннем детстве ему пришлось столкнуться с воспитанием, нацеленным на то, что бы сделать его машиноподобным и точным как часы. Несмотря на подобную стандартизацию, он нашел возможности – в более позднем детстве – развить автономию, инициативность и трудолюбие, надеясь, что порядочность в человеческих отношениях, квалифицированность в специальных вопросах и знание фактов обеспечат ему свободу выбора в его поисках, а идентичность свободного выбора будет уравновешиваться его самопринуждением. Однако как юноша и как человек, он оказывается лицом к лицу перед превосходящими по силам “машинами”, сложными, непонятными и бесстрастно диктаторскими в своих возможностях стандартизации его стремлений и вкусов. Эти “машины” работают на полную мощность, чтобы превратить его в потребительского идиота, беспечного эгоиста и раба эффективности – просто предлагая ему то, чего он сам, казалось бы, требует. Нередко он остается недоступным и сохраняет свою неприкосновенность, что в значительной степени будет зависеть от жены, которую он, как говорится, выбирает. В противном случае, кем еще он может стать, кроме как ребячливым джой-нером или циничным мелким боссом, пытающимся выведать “секреты” боссов покрупнее, – или же невротиком, психосоматическим больным?

Тогда ради своего эмоционального здоровья демократия не вправе позволить существующему положению дел развиваться до такой стадии, когда смышленная, гордая своей независимостью и горящая инициативой молодежь должна оставлять вопросы законодательства, права и международных отношений, не говоря уже о проблемах войны и мира, на долю “посвященных” и “боссов”. Американская молодежь способна в полной мере обрести свою идентичность и жизнеспособность лишь полностью сознавая автократические тенденции в этой и любой другой стране, когда они то и дело всплывают на поверхность из глубин меняющейся истории. И не только потому, что

политическая совесть не может регрессировать без катастрофических последствий, но и потому, что политические идеалы составляют неотъемлемую часть развития в структуре совести, которое, при их игнорировании, неизбежно ведет к нездоровью.

Когда мы рассматриваем вопрос о том, каковы неизбежные последствия специфических опасностей, угрожающих эмоциональному состоянию американского народа, наше внимание привлекают две тенденции – “мамизм” и “боссизм”, которые узурпировали место патернализма: “мамизм” в альянсе с авторитарной суровостью нового континента, а “боссизм” в союзе с авторитарией машины и “машин”.

Психиатрическое просвещение начало разоблачать свойственный американцам предрассудок, будто для того чтобы управлять машиной, нужно самому стать машиной, а чтобы воспитать хозяев машины, необходимо механизировать импульсы детства. Но хорошо бы еще уяснить, что гуманизация раннего детства в том виде, как ее проводят просвещенные акушеры и педиатры, должна иметь своего двойника в политическом омоложении. Стоящим у власти мужчинам и женщинам нужно приложить все силы, чтобы преодолеть прочно укоренившуюся концепцию, будто человек, ради собственного блага, должен быть подвержен воздействию “машин” в политике, бизнесе, образовании и даже развлечениях. Американские юноши глубоко верят в действительно свободное предпринимательство; при средней уверенности они предпочитают рискнуть один раз по-крупному, чем сто раз рисковать по мелочам. Сам факт, что по той же самой причине они не замышляют бунта (так как, по-видимому, опасаются тех, кто заставил бы замолчать их источники информации), обязывает нас защищать молодежь против положения дел, которое может их жесты свободных людей заставить казаться притворными, а их веру в человека сделать иллюзорной и бездейственной.

Вопрос нашего времени заключается в том, каким образом наши сыновья могут сохранить свободу и разделить ее с теми, кого они должны считать равными исходя из новой технологии и более универсальной идентичности? В связи с этим, власть имущим совершенно необходимо отдать абсолютный приоритет (над прецедентом и обстоятельствами, конвенцией и привилегиями) единственному усилию, которое может сохранить демократическую страну здоровой: попытке “призвать потенциальный интеллект молодого поколения” (Паррингтон).

Я представил несколько эскизных набросков дилеммы внуков тех, кто добился всего собственными силами, внуков самих повстанцев. В других странах молодежь до сих пор вовлечена в первые фазы революции против авторитарии. Давайте обратимся к некоторым из исторических проблем юношества в таких странах<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Что в то время вызывало у меня опасение, если судить по некоторым наиболее темным пассажирам этой главы? Я полагаю, внутренний раскол между моралью повседневного существования, идеологиями политической жизни и безжалостным диктатом современной сверхорганизации. Что касается боссов,

то, по крайней мере, в этой стране идет процесс их поглощения более однородными командами управленческой власти. В других же, недавно образовавшихся, национальных государствах (которые повторяют нашу вековую историю за десятилетие) многообразие революционных идеологий приводит к власти боссов различных “машин”: партийной, военной, промышленной, профсоюзной и пр. Частое проявление этической путаницы зрелым поколением, на которое возложена обязанность справляться с непредвиденными переменами, ввергает значительную часть молодежи в состояние безразличного подчинения или циничной обособленности. Мораль состоит в том, что усиление идентичности за счет успешных восстаний против стареющих систем само по себе еще не гарантирует появления генеративных ценностей, необходимых для этики зрелой власти. Если человек позволяет своей этике зависеть от упомянутых “машин”, он может оказаться действующим как марионетка, забывая интегрировать детство и общество, может оказаться бесцеремонно используемым в замыслах тотального разрушения вместе с замыслами тотального производства. Что касается обсуждения морального, идеологического и этического чувства в развитии человека.

## ГЛАВА 9

### Легенда о детстве Гитлера

Самыми жестокими эксплуататорами борьбы нации за спасение идентичности были Адольф Гитлер и его сообщники, на протяжении десятилетия оказавшиеся бесспорными политическими и военными хозяевами великого, трудолюбивого и старательного народа. Чтобы не дать этим специалистам по дешевым обещаниям превратиться в угрозу для всей западной цивилизации, были мобилизованы объединенные ресурсы промышленных государств всего мира.

В настоящее время Запад предпочел бы проигнорировать тот знак вопроса, который своим существованием бросает вызов идее линейного прогресса. Запад надеется, что после некоторой подкормки и наведения порядка оккупационными войсками эти же самые немцы снова станут легко приручаемыми, добропорядочными потребителями, что они вновь обретут стремление к *Kuluz'* и навсегда забудут некогда охватившее их (в очередной раз) военное безрассудство.

Люди доброй воли должны верить в психологические, равно как и в экономические чудеса. Однако я не думаю, что мы улучшаем шансы человеческого прогресса в Германии или еще где-либо, забывая слишком быстро то, что произошло. Скорее, наша задача как раз в том, чтобы признать: черный миракль нацизма был всего лишь немецкой версией – великолепно спланированной и столь же великолепно проваленной – универсальной возможности нашей эпохи. Эта тенденция сохраняется, и призрак Гитлера рассчитывает на нее.

Ибо народы, как и отдельные люди, определяются не только их высшей точкой цивилизованного достижения, но и точкой наименьшего сопротивления их коллективной идентичности; фактически они определяются дистанцией между этими точками и ее качеством. Национал-социалистическая Германия послужила ясной иллюстрацией тому, что развивающаяся цивилизация потенциально подвергается опасности со стороны своего собственного прогресса, поскольку он раскалывает древнюю совесть, угрожает незавершенным идентичностям и высвобождает деструктивные силы, которые в это время могут рассчитывать на бесчувственную действенность сверхуправителей. Поэтому я возвращусь на один шаг назад в нашей истории и воссоздам здесь несколько формулировок, составленных рабочим органом правительства США в самом начале Второй мировой войны при подготовке к прибытию (какая самонадеянность!) первых военнопленных-нацистов. Некоторые из этих формулировок, возможно, выглядят уже устаревшими. Однако представленные здесь психологические проблемы не из тех, что исчезают за ночь – будь то в самой Германии или в Европе, центром которой она является. Во всяком случае, история учит только тех, кто не слишком спешит забывать. Я выберу в качестве своей темы самую сентиментальную, самую чарующую мелодию “Коричневого Дудочника”: сообщение о его детстве в “Майн Кампф”.

“В этом маленьком, баварском по крови и австрийском по подданству городке на реке Инн, озаренном светом немецкого мученичества, жили в конце восьмидесятых годов прошлого века мои родители: отец – преданный государству чиновник, и мать, посвятившая себя заботам о доме и детях с неослабным любящим вниманием”.

Структура предложения и его тональность указывают на то, что нам предстоит услышать волшебную сказку. Фактически, мы и проанализируем ее со стороны современной попытки создать миф. Но миф, будь он древним или современным, не есть ложь. И бесполезно пытаться доказывать, что он не имеет под собой фактической основы, как и заявлять, что его вымысел есть плутовство и вздор. Миф смешивает исторический факт и значимый вымысел таким образом, что эта смесь “звучит искренне” для какой-то области или эпохи, вызывая благочестивое изумление и пылкое стремление достичь желанной цели. Затронутые им люди не станут оспаривать истинность или логику; ну, а те немногие, которым не удалось избежать сомнения, найдут свой рассудок парализованным. Поэтому изучать миф критически – значит анализировать его образы и темы в связи с затрагиваемой областью культуры.

## 1. Германия

*“Этот маленький, баварский по крови и австрийский по подданству городок..., озаренный светом немецкого мученичества...”*

Гитлер родился в австрийском городке Браунау, неподалеку от немецкой границы. Таким образом, он принадлежал к немецкому меньшинству Австрийской империи.

Именно здесь, в Браунау, его житель по имени Пальм был расстрелян солдатами Наполеона за издание памфлета “*В час величайшего унижения Германии*” – и этот факт Гитлер зарегистрировал в своей книге. Памятник Пальму стоит на центральной площади Браунау.

Конечно, во времена Пальма Германская империя еще не существовала. Фактически, некоторые из немецких государств были военными союзниками Наполеона. Но употребив всеохватывающий, магический термин “*Германия*”, Пальм, переданный австрийской полицией Наполеону, стал идолом националистического движения за великую Германию.

Отметив сопротивление, Пальма и мученичество под гнетом зловещего *Бонапарта*, сказка продолжается описанием героического противостояния юного Адольфа *отцу*, а также повествует о ненависти немецкого меньшинства к австрийскому *императору*. Маленький Адольф принадлежал, по его словам, к “тем, кто мучительно тосковал по этому часу, когда они смогут вернуться в объятия любимой матери” – Германии. Как раз здесь его образы и начинают включать в себя терминологию семейных отношений, которая открыто, отождествляет его “эдипову” ситуацию с национальными проблемами его страны. Он выражает недовольство тем, что эта “любимая мать... юная империя” своим “трагическим союзом со *старым мошенником – австрийским государством*... санкционировала медленное уничтожение немецкой нации”.

Мать Гитлера была на 23 года моложе его отца, и как мы увидим, она, подобно всякой добропорядочной женщине того времени, героически защищала мужа, который ее бил. Отец Гитлера был пьяницей и тираном. Отсюда, и в национальных, и в семейных образах Гитлера само по себе напрашивается уравнение: молодая мать предает горящего желанием сына ради дряхлого тирана. Личный опыт маленького Адольфа таким образом смешивается с опытом немецкого национального меньшинства, отказывавшегося петь “Боже, храни императора Франца” во время исполнения австрийского гимна и заменявшего его текст текстом песни “Германия превыше всего”. Гитлер продолжает: “Прямым следствием этого периода было то, что, во-первых, я стал националистом; во-вторых, я научился ухватывать и понимать смысл истории, так что в пятнадцать лет я уже понимал разницу между династическим патриотизмом и народным национализмом”.

Такое на вид безыскусственное совпадение так легко (даже слишком легко) подводит к психоаналитической интерпретации первой главы “*Майн Кампф*” как невольной исповеди Гитлера об эдиповом комплексе. Эта интерпретация позволила бы предположить, что в случае Гитлера любовь к молодой матери и ненависть к старому отцу приняли болезненные размеры, и что именно этот конфликт побуждал его любить и ненавидеть, принуждал спасать или уничтожать отдельных людей и целые народы, которые, в действительности, “символизировали” его мать и его отца. В психоаналитической литературе встречались статьи, настаивающие на такой простой причинности. Однако чтобы стать успешным революционером, очевидно, требуется гораздо больше, чем наличие индивидуального комплекса. Комплекс создает первичный жар; но если он будет слишком сильным, то



парализует революционера вместо того, чтобы воодушевить его. Впечатляющее использование родительских и семейных образов в публичных выступлениях Гитлера отличается той необычной смесью наивной исповеди и умной пропаганды, которая характеризует сценический гений. Геббельс знал это и верно направлял своего лающего хозяина, – почти до самого конца.

Я не буду заниматься здесь обзором психоаналитической литературы, изображавшей Гитлера “психопатическим параноидом”, “лишенным какой-либо морали садистическим младенцем”, “сверхкомпенсирующим маменькиным сынком” или “невротиком, страдающим от неодолимой тяги к убийству”. Временами он, без сомнения, подтверждал все эти диагнозы. Но, к несчастью, Гитлер, вдобавок ко всему перечисленному, обладал еще кое-чем. Его способность воздействовать и производить впечатление на других была настолько редкой, что кажется нецелесообразным применять обычные диагностические методы к его речам. Он, прежде всего, был авантюристом грандиозного масштаба. Личность авантюриста сродни личности актера, поскольку он должен быть всегда готов воплотить (как если бы сам выбирал) сменяющие друг друга роли, предлагаемые капризами судьбы. Со многими актерами Гитлера объединяет и то, что, по свидетельствам очевидцев, он был эксцентричным и невыносимым “за кулисами”, не говоря уже о спальне. Он, бесспорно, обладал опасными пограничными чертами характера, но знал, как приближаться к этой границе, выглядеть так, как если бы он уходил слишком далеко, а затем – возвращаться назад к своей затаившей дыхание публике. Иначе говоря, Гитлер знал, как использовать свою собственную истерию. Знахари тоже часто обладают этим даром. Стоя на подмостках немецкой истории, Гитлер тонко чувствовал, в какой степени можно было смело дозволить собственной личности представлять истерическую несдержанность, которая подспудно жила в каждом немецком слушателе и читателе. Поэтому роль, которую он выбрал, в равной мере разоблачает как его аудиторию, так и его самого; ведь именно то, что другим народам казалось наиболее сомнительным, для немецких ушей оказалось самой убедительной мелодией, исполняемой “Коричневым Дудочником”.

## 2. Отец

*“...отец – преданный государству чиновник...”*

Несмотря на эту сентиментальную характеристику отца, Гитлер расходует изрядную долю пылких страниц первой главы, вновь и вновь повторяя, что ни его отец, “ни любая другая сила на земле не смогла бы сделать из него чиновника”. Он уже в самом начале отрочества знал, что жизнь чиновника была не для него. Как же он был не похож на своего отца! Ибо хотя его отец в подростковом возрасте тоже взбунтовался и в тринадцать лет убежал из дома, чтобы достичь “чего-то лучшего”, после 23 лет он вернулся домой и стал младшим таможенным чиновником. И “никто уже не помнил маленького мальчика из далекого прошлого”. Этот бесполезный бунт, по словам Гитлера,

состарил отца раньше срока. Далее, пункт за пунктом, Гитлер излагает бунтарские приемы, превосходящие по эффективности приемы своего отца.

Может быть, перед нами наивное разоблачение патологической ненависти к отцу? Или если это расчетливая пропаганда, то, что давало этому австрийскому немцу право надеяться, что сказка о его отрочестве окажется настолько привлекательной для народных масс Германской империи? Очевидно, не все немцы имели отцов, похожих на отца Гитлера, хотя многие, несомненно, имели. Мы знаем, что литературной теме вовсе не нужно быть правдивой, чтобы быть убедительной; она должна звучать искренне, как если бы напоминала о чем-то сокровенном и давно минувшем. Тогда вопрос в том, действительно ли положение немецкого отца в семье заставляло его вести себя либо постоянно, либо значительную часть времени, либо в памятные периоды жизни – таким образом, что он создавал у сына *внутренний* образ, который в известной мере соответствовал разрекламированному образу старшего Гитлера.

Внешне положение немецкого отца в семье, принадлежавшей к среднему классу конца XIX – начала XX века, вероятно, было довольно схожим с другими викторианскими версиями “жизни с Главой рода”. А вот образы воспитания оказываются ускользающими от нашего взора. Они варьируются от семьи к семье и от человека к человеку, могут оставаться латентными и проявляться лишь в периоды серьезных кризисов, а могут и нейтрализоваться решительными попытками быть другим.

Здесь я представляю импрессионистскую версию, на мой взгляд, единого образа немецкого отцовства. Он, вероятно, репрезентативен в том смысле, в каком расплывчатая “коллективная” фотография Гальтона репрезентативна по отношению к тем, кого она предположительно показывает.

Когда отец приходит с работы домой, кажется, что даже стены собираются с духом. Мать, будучи часто неофициальной главой семьи, ведет себя при нем совершенно по-иному, чтобы ребенок мог это заметить. Она поспешно выполняет прихоти отца и избегает раздражать его. Дети не смеют вдохнуть, поскольку отец не одобряет “глупостей”, то есть не выносит ни женских настроений матери, ни детских шалостей. Пока он дома, от матери требуется быть в полном его распоряжении; поведение же отца говорит о том, что он с неодобрением смотрит на дружеские отношения матери и детей, которые они позволяют себе в его отсутствие. Он часто говорит с матерью, так же как говорит с детьми, ожидая согласия и обрывая любое возражение. Маленький мальчик начинает ощущать, что все доставляющие удовольствие связи с матерью служат источником постоянного раздражения отца, а ее любовь и восхищение живая модель для стольких последующих свершений и достижений может доставаться ему только без ведома отца, или против его явных желаний.

Мать усиливает это ощущение, скрывая некоторые “глупости” или проступки ребенка от отца, – когда *ей* будет угодно; в то время как свое недовольство ребенком она выражает, донося на него отцу, когда тот приходит домой, часто побуждая его таким образом пороть детей за проступки, деталями которых он не интересуется. Сыновья плохо себя ведут и наказание всегда

оправданно. Позднее, когда мальчику случается наблюдать своего отца в обществе, когда он замечает раболепство отца перед начальством, видит его сентиментальность, когда тот пьет и распевает песни с равными себе, подросток приобретает первый ингредиент (мировой скорби): глубокое сомнение в достоинстве человека – или, во всяком случае, “старика”. Все это, конечно, существует совместно с уважением и любовью. Однако во время бурь отрочества, когда идентичность сына должна “уладить отношения” с образом отца, подобная ситуация приводит к тому тяжелому немецкому пубертату, который являет собой такую странную смесь открытого бунта и “тайного греха”, циничной деликвентности и смиренной покорности, романтизма и уныния, и который способен сломить дух мальчика раз и навсегда.

В Германии этот образ воспитания имел традиционное прошлое. Как-то всегда случалось, что он срабатывал, хотя, конечно же, не был “плановым”. Фактически некоторые отцы, глубоко возмущавшиеся этим образом во времена собственного отрочества, отчаянно не хотели навязывать его своим сыновьям. Но этого желанья им снова и снова не хватало в периоды кризисов. Другие пытались подавить этот образ, но тем самым лишь увеличивали собственную невротичность и невротичность своих детей. Часто мальчик чувствовал, что отец сам несчастлив из-за своей неспособности разорвать порочный круг, и вследствие его эмоционального бессилия сын испытывал жалость и отвращение к отцу.

Что же тогда сделало этот конфликт таким универсально важным по своим последствиям? Что отличает – невольным, но решительным образом – отчужденность и строгость немецкого отца от сходных черт характера других западных отцов? Я думаю, это отличие заключается в существенном недостатке истинного внутреннего авторитета, который проистекает из интеграции культурного идеала и воспитательного метода. Ударение здесь определенно падает на слово *немецкого* в смысле *имперско-немецкого*. Поэтому часто при обсуждении положения немца мы думаем и говорим о хорошо сохранившихся немецких *областях* и о “типичных”, хотя и единичных примерах, где внутренний авторитет немецкого отца казался глубоко обоснованным, опиравшимся, фактически, на старых деревень и небольших городов, городскую христианское, профессиональное или на дух социальной. Дело, однако, в том, что все это не приняло интегрированного значения в национальном масштабе, в то время как образы рейха стали доминирующими, а индустриализация подорвала прежнюю социальную стратификацию.

Жесткость продуктивна только там, где существует чувство долга перед отдающим приказ и сохраняется чувство собственного достоинства при добровольном повиновении. Однако обеспечить это может лишь интегрирующий процесс, который объединяет прошлое и настоящее в соответствии с переменами в экономических, политических и духовных институтах.

Другие западные государства пережили демократические революции. Народы этих стран, как показал Макс Вебер, постепенно перенимая привилегии своих аристократических классов, идентифицировались таким образом с

аристократическими идеалами. В каждом французе осталось что-то от французского рыцаря, к каждому англичанину что-то перешло от англосаксонского джентльмена, а каждому американцу досталось что-то от мятежного аристократа. Это “что-то” сплавилось с революционными идеалами и породило понятие “свободного человека”, предполагающее неотъемлемые права, обязательное самоотречение и неусыпную революционную бдительность. По причинам, которые вскоре будут обсуждаться в связи с проблемой жизненного пространства, немецкая идентичность никогда не инкорпорировала такие образы в степени, необходимой для того, чтобы повлиять на бессознательные модусы воспитания. Доминантность и жесткость обычного немецкого отца не образовала с нежностью и достоинством той смеси, которая рождается из участия в интегрирующем процессе. Скорее, этот “средний” отец – по обыкновению или в решающие моменты – начинал олицетворять повадки и этику немецкого ротного старшины и мелкого чиновника, то есть тех, кто – “будучи облачен в короткий мундир” – никогда бы не помышлял о большем, если бы не постоянная опасность лишиться малого, и кто продал права свободного поведения человека за официальное звание и пожизненную пенсию.

Вдобавок, распался тот культурный институт, который заботился о юношеском конфликте в его традиционных региональных формах. В старину, например, существовал обычай.

Молодой человек покидал дом, чтобы стать учеником (подмастерьем) в чужих краях примерно в том возрасте (или немного позже), когда Гитлер воспротивился отцовской воле, а его отец в свое время сбежал из дому. Непосредственно перед наступлением эпохи нацизма разрыв отношений юноши с семьей либо еще имел место, сопровождаемый отцовскими угрозами и материнскими слезами, либо отражался в более умеренных и менее результативных конфликтах, поскольку они были индивидуализированными и, нередко, невротическими, либо этот юношеский конфликт подавлялся, и тогда нарушалась не связь между отцом и сыном, а отношение молодого человека к самому себе. Часто учителям – исключительно мужчинам приходилось принимать на себя главный удар этого кризиса, хотя юноша распространял свою идеалистическую или циничную враждебность на всю сферу, – презираемый им мир “обывателей”. Трудно передать, что в данном случае подразумевается под словом. В юношеском сознании бюргер не тождественен солидному горожанину; не идентичен он и ненасытному буржуа, каким тот предстает в классовом сознании революционной молодежи; и меньше всего он похож на того гордого гражданина Французской республики или на того ответственного гражданина США, который, признавая равные обязанности, отстаивает свое право быть отдельной, неповторимой личностью. Скорее, словом *Bürger* обозначается тип взрослого человека, который предал юность и идеализм и нашел убежище в консерватизме ограниченного и холопского толка. Этот образ часто использовался, чтобы показать: все, что считалось “нормальным”, было испорченным, а все, что считалось “приличным”, было проявлением слабости. Одни юноши, как, например “Перелетные птицы”,

увлекались романтическим единением с Природой, разделяемым со многими товарищами по “восстанию” под руководством молодежных лидеров особого рода – профессиональных и конфессиональных молодых людей. Юноши другого типа – “одинокое гении” – предпочитали писать дневники, стихи и научные трактаты; в пятнадцать лет они обычно сетовали на судьбу, выбирая самую немецкую из всех юношеских жалоб – жалобу Дон Карлоса: “Уж двадцать, а еще ничего не сделано для бессмертия!” Были и такие, кто предпочитал образовывать небольшие группы интеллектуальных циников, правонарушителей, гомосексуалистов и националшовинистов. Однако общей чертой всех этих увлечений и занятий было исключение своих реальных отцов в качестве фактора влияния и приверженность некоторой мистическо-романтической сущности: Природе, Фатерлянду, Искусству, Экзистенции и т. п., которые были суперобразами чистой, непорочной матери – той, что никогда не выдала бы непослушного мальчика этому великану-людоеду, его отцу. Хотя иногда допускалось, что реальная мать открыто или тайно благоволила, если не завидовала такой свободе, отец всегда считался ее (свободы) смертельным врагом. Если же он не проявлял достаточной враждебности, его умышленно провоцировали, поскольку противодействие отца оживляло жизненный опыт сына.

На этой стадии немецкий юноша скорее умер бы, чем признал тот факт, что эта дезориентированная, эта чрезмерная инициатива в направлении абсолютного утопизма на самом деле вызвана скрытым комплексом вины и, в конечном счете, ведет к ошеломительному истощению. Идентификация с отцом, которая, несмотря ни на что, вполне установилась в раннем детстве, выдвигалась на первый план. Вероломная судьба (реальность) замысловатыми путями приводила нашего юношу к тому, что он становился *Bürger* – “простым обывателем” с вечным чувством греха за принесение в жертву мамоне и семье (с ничем не примечательными женой и детьми, каких всякий может иметь) революционного духа.

Естественно, это описание типизировано до уровня карикатуры. Однако я считаю, что и такой явный тип, и такой скрытый образ на самом деле существовали, и что фактически этот постоянный разрыв между преждевременным индивидуалистическим бунтом и лишенным иллюзий покорным гражданством был сильным фактором в политической незрелости немца: юношеский бунт здесь был ничем иным, как выкидышем индивидуализма и революционного духа. По моему глубокому убеждению, немецкие отцы не только не препятствовали этому бунту, но фактически неосознанно подготавливали и поощряли его, создавая тем самым надежное средство сохранения своего патриархального влияния на молодежь. Ибо как только патриархальное супер-эго прочно укореняется в раннем детстве, молодым можно дать волю: они не позволят себе далеко уйти.

В характере немца времен империи эта специфическая комбинация идеалистического сопротивления и смиренного повиновения приводила к парадоксу. Немецкая совесть безжалостна к себе и другим, но ее идеалы непостоянны и, если можно так сказать, бездомны. Немец резок и строг с собой

и другими, но крайняя суровость без внутреннего авторитета порождает горечь, страх и мстительность. Испытывая недостаток согласованных идеалов, немец склонен приближаться со слепой убежденностью, жестоким самоотрицанием и величайшим перфекционизмом ко многим противоречивым, и открыто деструктивным целям.

После поражения в войне и революции 1918 года этот психологический конфликт усилился до уровня катастрофы среди немецкого среднего класса; а этот последний повсюду содержит в себе ощутимую долю рабочего класса, поскольку тот стремится стать средним классом. Их раболепие перед аристократией, проигравшей войну, теперь внезапно лишилось всякого сходства с сознательной субординацией. Инфляция подорвала пенсии. С другой стороны, ищущие выход массы были не готовы предугадать или узурпировать ни роль свободных граждан, ни роль сознающих себя как класс рабочих. Очевидно, что именно в таких условиях образы Гитлера могли сразу убедить стольких людей, и еще большее число парализовать.

Я не стану утверждать, что отец Гитлера в том виде, как его изображают в оскорбительных докладах и отчетах, был, в своей явно неотшлифованной форме, типичным немецким отцом. В истории часто случается, когда экстремальный и даже атипичный личный опыт настолько хорошо соответствует универсальному личному конфликту, что кризис поднимает его до положения типичного представителя. Фактически, здесь можно вспомнить, что великие нации склонны за своими пределами выбирать тех, кто становится их лидером: Наполеон был корсиканцем, а Сталин – грузином. В таком случае, именно универсальный образ детства лежит в основе изумленного интереса, который возникал у немецкого мужчины, читавшего о юности Гитлера. “Независимо от того, каким твердым и решительным мог быть мой отец, – его сын был таким же упорным и настойчивым в отвергании любой идеи, которая мало или совсем не привлекала его. Я не хотел становиться чиновником”. Эта комбинация саморазоблачения и расчетливой пропаганды (вместе с шумным и решительным действием) наконец-то принесла с собой то всеобщее убеждение, которого ждало тлеющее в немецком юноше восстание: ни один старик, будь он отцом, императором или Господом Богом, не должен мешать любви юноши к его матери, Германии. В то же время оно подтвердило взрослым мужчинам, что вследствие предательства ими своей мятежной юности, они оказались недостойными вести за собой немецкую молодежь, которая впредь предпочла бы “творить свою судьбу собственными руками”. И отцы, и сыновья могли теперь идентифицироваться с фюрером – юношей, который никогда не уступал.

Психологи преувеличивают типичные черты отца в историческом образе Гитлера, тогда как Гитлер – это тот юноша, что отказался стать отцом в любом дополнительном значении этого слова и, коли на то пошло, кайзером или президентом. Он не повторил ошибку Наполеона. Гитлер был фюрером: возвеличенным старшим братом, взявшим на себя прерогативы отцов, но не допускавшим сверхидентификации с ними; называя своего отца “старым, хотя все еще ребенком”, он сохранял за собой новое положение человека, который, обладая верховной властью, остается молодым. Он был несломленным юно-

шей, выбравшим карьеру в стороне от гражданского счастья, меркантильного спокойствия и душевной умиротворенности – карьеру лидера шайки, который сплачивает своих парней тем, что требует от них восхищения собой, творит террор и умело втягивает их в преступления, отрезающие пути к отступлению. И он был безжалостным эксплуататором родительских неудач.

“Вопрос моей карьеры был решен гораздо быстрее, чем я ожидал. Когда мне исполнилось тринадцать, совершенно неожиданно умер отец. Мать считала себя обязанной продолжить мое образование для карьеры чиновника”. У Гитлера развилась “тяжелая” легочная болезнь, помешав тем самым намерению матери, и “все, за что я боролся, к чему в тайне стремился, вдруг стало реальностью...” Матери пришлось разрешить больному мальчику то, в чем она отказывала здоровому и упрямому: теперь он мог уехать и готовить себя к профессии художника. Он уехал – и провалил вступительный экзамен в национальную Академию художеств. Затем умерла и мать. Он стал свободным – и одиноким.

Профессиональный крах последовал за тем ученическим провалом в Академию художеств, который ретроспективно рационализируется как твердость характера и мальчишеское упрямство. Хорошо известно, как при подборе своих подручных Гитлер позднее исправлял сходные гражданские неудачи. Он вышел из этого положения только благодаря немецкому обычаю покрывать школьную неудачу позолотой намека на скрытый гений: “гуманитарное” образование в Германии все время страдало от раскола, поощряя долг и дисциплину и, одновременно, возвеличивая ностальгические вспышки поэтов.

В своих отношениях со “старым” поколением в Германии или за ее пределами Гитлер последовательно играл роль такого же упрямого, такого же хитрого и такого же циничного подростка, каким он, по его собственным словам, был в отношениях со своим отцом. Фактически, всякий раз, когда он чувствовал, что его действия требовали публичного оправдания и защиты, Гитлер, по-видимому, разыгрывал тот же спектакль, какой разыграл в первой главе “Майн Кампф”. Его тирады сосредотачивались на одном зарубежном лидере – Черчилле или Рузвельте – и изображали его как феодального тирана и выжившего из ума старика. Затем он создавал второй образ: ловкого, богатого сына и декадента-циника – Дафф-Купер и Идеи из всех мужчин были единственными, кого он выбирал. И действительно, немцы оправдывали нарушенные им обещания, поскольку Гитлер, этот крутой парень, казалось просто воспользовался дряхлостью других мужчин.

### 3. МАТЬ

*“... мать, посвятившая себя заботам о доме и детях с неослабным любящим вниманием”*

Помимо этого предложения из его волшебной сказки Гитлер почти ничего не сообщает о матери. Он упоминает, что мать иногда любяще беспокоилась по поводу тех драк, в которые он, юный герой, ввязывался; что

после смерти отца она чувствовала себя “обязанной” – скорее по долгу, чем по склонности – сделать все, чтобы он продолжил свое образование, и что вскоре она тоже умерла. По его словам, он уважал отца, но любил мать.

О “ее детях” не сказано ни единого слова. Гитлер никогда не был чьим-то братом.

В том, что Гитлер, лицемерный и истерический авантюрист, имел патологическую привязанность к своей матери, вряд ли можно сомневаться. Но суть дела здесь не в этом. Ибо была ли его привязанность патологической или нет, но он ловко разделяет образ своей матери на две категории, представляющие высочайшую пропагандистскую ценность: любящая, по-детски непосредственная и слегка замученная кухарка, чье место на теплой и уютной кухне; и гигантская мраморная или чугунная дева, памятник этому идеалу. В противоположность редкости упоминаний Гитлера о своей матери, в его образах изобилуют сверхчеловеческие фигуры матери. Его имперско-германская волшебная сказка не просто говорит о том, что Гитлер родился в Браунау, потому что там жили его родители; нет, именно “Судьба указала место моего рождения”. И это случилось в то время, когда это случилось, вовсе не вследствие естественного хода событий; нет, это “незаслуженная злая шутка Судьбы”, что он “родился в период между двумя войнами, во времена спокойствия и порядка”. Когда он бедствовал: “Нужда сжимала меня в своих объятьях”, а когда впадал в уныние: “Госпожа Печаль была моей приемной матерью”. Но эту же “жестокость Судьбы” он позже научился восхвалять как “мудрость Провидения”, ибо судьба закалила и подготовила его для службы Природе, “безжалостной царице всей мудрости”.

Когда разразилась первая мировая война, “Судьба милостливо позволила ему стать солдатом немецкой пехоты – та самая” “неумолимая богиня Судьбы, которая использует войны для того, чтобы взвешивать страны и народы”. Когда, после поражения Германии, Гитлер предстал перед судом, защищая свои первые революционные подвиги, он определенно чувствовал, “что богиня вечного суда – История с улыбкой изорвет вердикт присяжных”.

Судьба, то вероломно срывающая планы героя, то милостливо угождающая его героизму и рвущая в клочья приговор плохих стариков, и есть та инфантильная образность, пропитывающая изрядную часть немецкого идеализма. Она находит свое самое представительное выражение в теме юного героя, который становится великим в чужой стране и возвращается освободить и возвысить “плененную” мать (романтическая копия сказания о царе Эдипе).

За этими образами сверхчеловеческих матерей таится двуликий образ материнства: в одно время мать предстает игривой, непосредственной и щедрой, а в другое – вероломной и заключившей союз со злыми силами. Я полагаю, это общераспространенный в патриархальных обществах набор образов, где женщина, во многих отношениях оставаясь неответственной и по-детски наивной, становится связующим и передаточным звеном. Так уж получается, что отец ненавидит в ней увертливых детей, а дети – отчужденного отца. Поскольку “эта мать” постоянно становится и остается бессознательной моделью для “этого мира”, при Гитлере амбивалентное отношение к женщине-



матери стало одним из наиболее выраженных признаков немецкого казенного мышления.

Отношение фюрера к материнству и семье оставалось двусмысленным. Развивая национальную фантазмагорию, он видел в себе одинокого человека, сопротивляющегося и угождающего фигурам сверхчеловеческой матери, которые то пытаются уничтожить его, то вынуждены благословлять его. Однако он не признавал женщин в качестве товарищей, верных до конца, хотя и упорствовал в том, чтобы сделать порядочную женщину из Евы Браун, которую вскоре собственноручно застрелил, – или, по крайней мере, так заканчивается эта легенда. Только жены других мужчин производили на свет детей под защитой канцелярии, тогда как сам он, согласно его официальному биографу, “есть воплощение национальной воли. Он не знает никакой семейной жизни; не знает он и порока”.

Гитлер распространял эту официальную амбивалентность в отношении к женщинам на свое отношение к Германии как к образу. Открыто презирающий массы своих соотечественников, которые, в конце концов, и составляют Германию, он взбешенный, стоял перед ними и заклинал их своими фанатичными воплями – “Германия! Германия! Германия!” – поверить в мистический национальный организм.

А, кроме того, немцы всегда были склонны проявлять сопоставимое амбивалентное отношение к человечеству и миру в целом. То, что мир, по существу, воспринимается как “внешний мир”, справедливо для большинства племен и народов. Но для Германии мир постоянно меняет свое качество – и всегда крайним образом. Мир переживается либо как значительно превосходящий Германию по возрасту и мудрости, как цель вечного стремления; либо как окружающий Германию лагерь подлых и вероломных врагов, живущих ради одной цели – ее гибели; либо как таинственное, которое предстоит завоевать посредством тевтонской храбрости и использовать в течение тысячелетия юношеского расширения.

#### **4. ЮНОША**

В Америке слово “юность” едва ли не для всех, кто занимается ею профессионально, стало означать, на худой конец, ничейную землю между детством и зрелостью, а в лучшем случае – “обычное” время спортивных соревнований и грубых развлечений, время шаек, клик и компаний. Юноша в Америке доставляет меньше проблем и чувствует себя менее изолированным, поскольку он, фактически, стал культурным арбитром; немногие мужчины в этой стране могут позволить себе отказаться от жестов юноши, наряду с жестами полноправных граждан, навсегда преданных делу разгрома автократов. Конечно, с этой позиции трудно понять, какое значение может иметь юность в других культурах. В первобытном прошлом совершались эксцентричные и впечатляющие обряды юности с целью умерить и сублимировать идущую в рост мужскую зрелость юношей. В первобытных ритуалах юношу заставляли приносить в жертву часть своей крови, зубов или половых органов; в

религиозных церемониях его учат признавать свою греховность и преклонять колени. Древние ритуалы утверждали намерение мальчика стать мужчиной в мире его отца, но в то же время вечно оставаться благопристойным сыном “Великого Отца”. Главные исполнители ритуального танца, спасители и трагические актеры были типичными представителями (единства) греха и искупления. Юношеский бунт Германии был критической ступенью в универсальном психологическом развитии, сравнимой с упадком феодализма: внутренней эмансипацией сыновей. Ибо хотя и существуют тесные параллели между первобытными обрядами юности и ритуалами национал социализма, есть между ними одно существеннейшее различие. В мире Гитлера юноша маршировал с равными себе эмансипированными сыновьями. Их вождь никогда не приносил в жертву свою волю никакому отцу. На самом деле он говорил, что совесть – это позорное пятно, подобно обрезанию, и что как-то, так и другое есть еврейские недостатки.

Отвращение Гитлера к евреям – “ослабляющим микробам”, представленным менее чем 1% его 70-миллионного народа, – облекается в образы фобии. Он описывает проистекающую от них опасность как ослабляющее заражение и загрязняющее осквернение. Сифилофобия – это то наименьшее, что психиатрия может правомерно установить в данном случае. Но здесь опять трудно сказать, где заканчивается личный симптом и начинается расчетливая пропаганда. Дело в том, что образы идеалистического юноши обычно составлены из чистейшего белого и чистейшего черного цветов. И он постоянно озабочен приобретением всего белого и фобическим избеганием и искоренением всего черного в себе и других. Боязнь сексуальности, главным образом, делает юношу особо восприимчивым к словам, наподобие этих: “Только утрата чистоты крови разрушает внутреннее счастье навсегда; она вечно унижает мужчину, и никогда ее следы не удастся стереть с тела и души”.

Юноша донацистской Германии был необузданно жесток сам с собой; и воле отца он сопротивлялся вовсе не для того, чтобы пуститься во все тяжкие. Когда ему случалось “пасть морально”, он тяжело переживал свою вину. Гитлер – так этого юношу побудили считать – был из тех, кто имел право безжалостно искоренять черное повсюду, потому что не был снисходителен к себе. То, что вызывало подозрения у здравомыслящих людей других стран – обнародованный отказ Гитлера от мяса, кофе, алкоголя и половой жизни – здесь, в Германии, считалось серьезным фактором пропаганды. Ибо Гитлер, таким образом, подтверждал свое моральное право освободить немцев от послевоенного мазохизма и убедить их в том, что они, в свою очередь, имели право ненавидеть, пытаться, убивать.

В детях Гитлер старался заменить сложный конфликт отрочества, мучивший каждого немца, простым шаблоном гипнотического действия и свободы от размышлений. Чтобы добиться этого, он создал организацию, систему воспитания и девиз, которые бы отводили всю юношескую энергию в национал-социализм. Организацией был “Гитлерюгенд”, а девизом – небезызвестное изречение “Молодежь выбирает свою собственную судьбу”.

Бог больше не имел никакого значения: “В этот час, когда земля посвящает себя солнцу, у нас только одна мысль. Наше солнце – Адольф Гитлер”. Родители тоже не имели значения: “Всех тех, кто с высоты своего “опыта”, и только его одного, сражается с нашим методом позволять молодым руководить молодыми, нужно заставить замолчать... Этика не имела значения: “Появилось абсолютно свежее, новорожденное поколение, свободное от предвзятых идей, свободное от компромиссов, готовое оставаться верным тем порядкам, которые составляют их право по рождению”. Братство, дружба также не имели значения: “Я не слышал ни одной песни, выражающей нежное чувство дружбы, родительской любви или любви к товарищам, радость жизни или надежду на будущую жизнь”. Учение, естественно, не имело значения: “Идеология национал-социализма должна быть священным фундаментом. Его нельзя размывать подробным объяснением”.

Что имело значение, так это быть в движении и не оглядываться назад: “Пусть все погибнет, мы будем идти вперед. Ибо сегодня нам принадлежит Германия, завтра – весь мир”.

На такой вот основе Гитлер выдвигал простую расовую дихотомию мировых координат: немец (солдат) *против* еврея. Еврей – маленький, чернявый, весь заросший волосами, сутулый, плоскостопный, косит глазами и чмокает губами. От него дурно пахнет; он неразборчив в половых связях, любит лишать девственности, оплодотворять и заражать белокурых девушек. Ариец – высокий, прямой, светлый, лишен растительности на груди и конечностях; его острый взгляд, походка и разговор, а его приветствие – вытянутая рука. Ариец необычайно чистоплотен в своих привычках. Он никогда намеренно не прикоснулся бы к еврейской девушке – разве что в публичном доме.

Эта антитеза есть, несомненно, антитеза обезьяноподобного человека и сверхчеловека. Но если в Америке такие образы могли бы составить разве что содержание комиксов, в Германии они стали официальной пищей для взрослых умов. И давайте не забывать (ибо немцы не забудут), что в течение долгих лет немецкая молодежь и немецкая армия, казалось, свидетельствовали об успехе образов Гитлера. Здоровые, крепкие, хладнокровные, послушные, фанатичные, они “бросали вызов всему, что ослабляет тело, энергию и преданность”. Они были в высшей степени высокомерными; но именно в их презрительной надменности можно было распознать страх старого немца поддаться иноземному “культурному” влиянию.

И у женщин расовое национал-социалистическое сознание создало новый предмет гордости. Девушек учили радостно соглашаться использовать свое тело по назначению при общении с отборными арийцами. Они получали половое просвещение и поддержку.

Рождение ребенка, законного или незаконного, поощрялось пропагандой, денежными пособиями, институтом “государственных детей”, которых рожали “для фюрера”. Пропагандировалось кормление грудью; то, что американские психиатры в то время осмеливались высказывать только в профессиональных журналах, немецкое государство декретировало: способность кормить есть

желание кормить. Тем самым немецкое младенчество витаминизировалось ради расы и ее фюрера.

В своих образах никакой актер и никакой результативный новатор в действительности не являются независимыми; ни тот и ни другой не могут себе позволить быть полностью оригинальными: их оригинальность должна заключаться в смелости и исключительной концентрации, с которой оба они выражают существующие образы – в подходящее время. Однако если они так и поступают, то убеждают не только себя и других, но парализуют и своих противников, поскольку те бессознательно участвуют в предлагаемых образах: сначала будут выжидать, затем начнут колебаться и, наконец, уступят.

В Германии того времени мы как раз и наблюдали капитуляцию высоко организованной и высоко развитой нации перед образами идеологического юношества. Мы указали на то, что не вправе возлагать за это ответственность на могущество индивидуальных неврозов вождей. Но можем ли мы винить образы детства ведомых?

## **5. Жизненное пространство, солдат, еврей**

Простое импрессионистское сравнение семейных образов нации с ее национальными и межнациональными аттитюдами может легко стать абсурдным. Такое сравнение, на мой взгляд, подталкивает к выводу, что можно было бы изменять межнациональные аттитюды посредством лечения семейных образов нации. Однако нации изменяются только при изменении их тотальной действительности. В Америке сыновья и дочери всех наций становятся американцами, хотя каждого из них постоянно преследует свой специфический конфликт; и я осмелюсь сказать, что многие читатели-американцы немецкого происхождения, вероятно, узнали некоторые проблемы своих отцов, описанные в этой главе. Они узнают эти проблемы постольку, поскольку существует разрыв между миром отцов и их собственным миром: их отцы живут в другом пространстве-времени.

Та легкость, с которой могут проводиться сравнения между образами детства и национальными аттитюдами, и та нелепость, к которой они могут приводить, затушевывают важную истину, которая, тем не менее, затрагивается здесь. Поэтому мы используем этот раздел, чтобы проиллюстрировать, каким образом историческая и географическая действительность усиливает семейные образы и в какой степени, в свою очередь, эти образы влияют на интерпретацию действительности людьми. Невозможно охарактеризовать немца без соотнесения семейных образов Германии с ее центральным положением в Европе. Ибо, как мы видели, даже самые мыслящие группы должны определять свое собственное положение и положение друг друга на относительно простом довербальном, магическом плане. Каждый человек и каждая группа располагает ограниченным набором исторически обусловленных пространственно-временных концептов, которые определяют образ мира, порочные и идеальные прототипы и бессознательный план жизни. Эти концепты имеют влияние на устремления нации и могут приводить к сильному

отличию одной нации от других; но они также суживают воображение людей и, тем самым, способны навлечь беду. В немецкой истории такими характерными конфигурационными концептами выступают две пары противоположностей: окруженность *против* и разобщенность *против* единства. Эти термины, конечно, настолько универсальны, что кажутся лишенными какой-либо немецкой специфичности; у наблюдателя ясно представляющего себе ту нагрузку, какую эти слова несут в немецком мышлении, должно закраситься подозрение об их принадлежности к лицемерной пропаганде. Однако ничто не может быть более губительным в межнациональных столкновениях, чем стремление умалять или оспаривать мифологическое пространство-время другого народа. Не немцы не представляют себе, что в Германии эти слова по убедительности намного превосходили обычную логику.

Официальная версия утверждала, что нацистское государство должно обеспечить в пределах Европы гегемонию военных, “Монополию вооружения”, экономическое превосходство и интеллектуальное лидерство. Помимо этого, оно имело по существу магическое значение. В чем же оно заключалось? В конце первой мировой войны Макс Вебер писал, что судьба (даже в реалистической Германии говорят “судьба”, а не “география” или “история”) распорядилась так, что только Германии выпало иметь ближайшими соседями три великих сухопутных державы и одну величайшую морскую и, так уж случилось, стать на их пути. Никакая другая страна на земле, говорил он, не оказывалась в таком положении.

Как это представлялось Веберу, насущная потребность достичь национального величия и безопасности в окруженном со всех сторон и уязвимом положении оставляла две альтернативы. Германия могла бы сохранить свое региональное положение и стать новой федерацией, наподобие Швейцарии – привлекательной для каждого и никому не угрожающей; или она могла бы быстро создать империю, скроенную по устаревшему образцу с совершенно неблагоприятными политическими мерками, империю настолько же зрелую и мощную, как Англия или Франция, способную вести политическую игру с позиции силы, – для того чтобы обеспечить Запад культурной и военной защитой от Востока. Но Вебер был “реалистом”, а это означало, что он принимал в расчет только то, что в соответствии с взвешивающим мышлением его консервативного ума казалось “разумным”. Он и не помышлял о том, что в течение нескольких лет какой-то простой солдат встанет и провозгласит.

“Его сильное чувство рыцарства было, отчасти, реакцией на патриархальную и деспотическую установку своего отца, понимавшего любовь жены как готовность служить мужу и позволять эксплуатировать и контролировать себя. Эта ситуация достигла кульминации, когда Вебер, в возрасте 31 года, в присутствии матери и жены решился, наконец, вынести приговор своему отцу: он беспощадно разорвет с ним все отношения, если тот не выполнит условие сына – впредь мать будет навещать его “только” без отца. Мы уже упоминали, что отец умер в скором времени после этого столкновения

и что Вебер вышел из этой ситуации с неизгладимым чувством вины. Определенно можно заключить о необычайно сильной эдиповой ситуации”.

“На всем протяжении жизни Вебер поддерживал полную связь с матерью, которая однажды обратилась к нему как “старшая дочь”. Не в силах терпеть, она обратилась за советом по поводу поведения ее третьего сына к нему, своему первенцу, а не к мужу. Следует также обратить внимание на то, что, было, разумеется, преходящей стадией в устремлениях юного Вебера, – на его желание стать настоящим мужчиной в университете. Всего за три семестра он преуспел в том, чтобы пройти внешний путь от стройного маменькиного сынка до грузного, пьющего пиво, дымящего сигарой, помеченного дуэльными шрамами студента императорской Германии, которого мать встретила пощечиной. Несомненно, это был сын своего отца. Две модели идентификации и их взаимодействующие ценности, коренящиеся в матери и отце, никогда не исчезали из внутренней жизни Макса Вебера...” более того, почти доведет до осуществления третью альтернативу, а именно: Германия могла бы стать столь могучим и столь трезво управляемым национальным государством, что окружающие ее Париж, Лондон, Рим и Москва могли быть поодиночке опустошены и оккупированы на достаточно долгий срок, чтобы ослабить их “на тысячу лет”.

Не немцу этот план все еще кажется фантастическим. Он сомневается в том, как такая схема могла уживаться в одном и том же национальном духе вместе с простодушной добротой и космополитической мудростью типичного представителя “подлинной” немецкой культуры. Но, как отмечалось, мир подразумевал региональные достоинства, когда говорил о немецкой культуре. Мир упорно недооценивал отчаянную немецкую нужду в единстве, которая действительно не могла быть понята и оценена людьми, в чьих странах такое единство считается само собой разумеющимся. И мир снова склонен недооценивать ту силу, с которой вопрос национального единства может стать делом *сохранения идентичности* и, таким образом, делом (человеческой) жизни и смерти, далеко превосходящим по важности спор политических систем.

На протяжении всей ее истории территория Германии подвергалась (или была потенциально уязвимой к) опустошающим нашествиям. Верно, что в течение ста с лишним лет ее жизненно важные центры не занимались врагом; но она продолжала сознавать свое уязвимое положение как рационально, так и иррационально.

Однако угроза военного нашествия – это не единственная угроза. Независимо от того, посягала ли Германия на чьи-то владения или другие страны посягали на ее территорию, она постоянно находилась в осаде *чужих ценностей*. Ее отношение к этим ценностям, равно как и их связь с ее собственной культурной неоднородностью, составляет клиническую проблему, трудно поддающуюся определению. И все же можно сказать, что никакое другое молодое государство, сходное по размерам, плотности и историческому разнообразию населения, с аналогичным отсутствием естественных границ, не подвергается настолько различным по своей природе и настолько беспокоящим

в своей последовательности культурным влиянием, как те влияния, что исходят от соседей Германии. Как это справедливо в отношении элементов, составляющих индивидуальную тревогу, так и здесь последовательное взаимное усугубление всех этих моментов никогда не позволяло немецкой идентичности кристаллизоваться или ассимилировать экономическую и социальную эволюцию постепенными и логичными шагами.

Немецкий образ разобщенности основан на историческом чувстве дискомфорта, которое можно назвать “лимес-комплексом”. Лимес германикус был стеной (сравнимой с Великой китайской стеной), построенной римлянами через западную и южную Германию, чтобы отделить покоренные провинции от тех, что оставались варварскими. Эта стена была разрушена в далеком прошлом. Но ее заменил культурный барьер, отделявший область на юге, находившуюся под влиянием римской католической церкви, от северной протестантской Германии. Другие империи (военные, церковные, культурные) как бы простирались в Германию: с запада – чувственная и рациональная Франция; с востока – неграмотная, религиозная и династическая Россия; с севера и северо-запада – индивидуалистическое “протестанство”, а с юго-востока – азиатская беспечность. Все конфликты между Востоком и Западом, Севером и Югом достигали своей завершающей фазы в сражении, происходившем в той или иной части Германии – и в душе немца.

Таким образом, с самого начала Германию постоянно будоражило травматической чередой дивергентных влияний, которые усугубляли и обостряли специфическую форму универсального конфликта между восприимчивостью и защитным упрямством. Поэтому Гитлер обещал не только военную победу над центрами вторжения, окружавшими рейх, но и победу расового сознания над “бактериальным” вторжением чужой эстетики и этики в немецкую душу. Его целью было не только заставить немцев забыть о поражении Германии в первой мировой войне, но и полностью очистить немецкую культуру от поразивших ее инородных ценностей. Для измученных немцев это было настоящей “свободой”; другие свободы, в сравнении с ней, казались смутными и несущественными.

Сильное лекарство этого воззвания Адольфа Гитлера адресовалось рейху, который был большим и ощущал себя потенциально великим, но, в то же время, чувствовал уязвимость своих границ и неразвитость своего политического центра. Оно адресовалось национальному духу с огромным региональным наследием и возвышенными стремлениями, но и с болезненной внушаемостью и глубоким сомнением в своих основных ценностях. Только противник, способный оценить всю глубину воздействия такой ситуации на борьбу молодежи нации за идентичность, может предугадать исходящую от них – и от него – опасность.

Доводившие немцев до отчаяния парадоксы привели к тем экстремумам немецких противоречий, которые, как считалось (еще до Гитлера), составляют две разных Германии. В ответ на чувство культурного окружения один тип рейхснемца стал, так сказать, “слишком широким”, тогда как другой – “слишком узким”. То, что у других наций имеют место аналогичные

конфликты между космополитизмом и провинциализмом, не устраняет необходимости понимания немецкой версии этой дилеммы. “Слишком широкий” тип отрицал или ненавидел этот немецкий парадокс и принимал весь окружающий “чужой мир”; он стал космополитом сам того не ведая. “Узкий” тип пытался игнорировать иноземные соблазны и превратился в “немца” чистейшей воды – карикатуру на немецкий национальный характер. Первый всегда был доволен, если его принимали за англичанина, француза или американца; второй же высокомерно преувеличивал узкий перечень его немногих истинных качеств. Первый чувствовал и мыслил в олимпийском масштабе; второй стал покорным и механическим до исключения всякой мысли и чувства. Первый часто всю жизнь страдал от ностальгии, находился в добровольном изгнании или был потенциальным самоубийцей или психотиком; второй оставался дома или там, где он чувствовал себя как дома, и, скрежеща зубами, продолжал быть немцем.

Мир восхищался первым и насмехался над вторым. Мир, пока не стало слишком поздно, не обращал внимания на то, что ни один из этих типов не вел к возрождению на национальном уровне той зрелости и того монументального достоинства, которые временами характеризовали бургеров и ремесленников отдельных областей Германии. Мировое сообщество не ведало и о том, что оба этих типа не чувствовали себя уверенно и в безопасности в этом мире, и что ни один из них не принимал участия в политической эмансипации человечества.

Предполагать, что национал-социализм появился *вопреки* интеллектуальному величию Германии, – значит совершать роковую ошибку. Нет, он был естественным результатом особой социальной – или, скорее, асоциальной – ориентации ее великих людей.

Нам не следует ограничиваться здесь обсуждением реалий такого одинокого человеконенавистника как Ницше, которому повезло умереть сумасшедшим и обманутым вместо того, чтобы стать невольным свидетелем абсолютной реальности тех одетых в форму “сверхчеловеков”, которых он помог создать. Мы вполне можем отыскать людей, умеющих разбираться в реальной жизни, таких как Томас Манн, кто во время первой мировой войны, по рассказам, подбадривал немцев говоря, что в конце концов обладание таким философом как Кант более чем компенсировало Французскую революцию и что “*Критика чистого разума*” была, фактически, более радикальной революцией, чем декларация прав человека.

Я сознаю, что это вполне могло быть способом великого интеллектуала указать на заблуждение в нужное время, что является привилегией интеллектуала в период критического положения его народа. Но это заявление также иллюстрирует благоговейный трепет немцев перед подавляющим, одиноким и часто трагическим величием, равно как и его готовность пожертвовать правом индивидуума для того, чтобы освободить это величие в его собственной душе.

Ни такой отчужденный космополит как Гете, ни такой надменный государственный деятель как Бисмарк – образы, господствовавшие в то время в



инвентаре образов-ориентиров немецкой школы, не внесли сколько-нибудь существенного вклада в немецкий образ демократического человека.

Предпринятая после поражения 1918 года попытка создать республику привела к временному господству “слишком широкого” немца. Лидеры той эпохи не смогли предотвратить слияние политической незрелости и интеллектуального эскапизма, которые в соединении создали мир необыкновенных, почти истерических мук: *Судьба* послала поражение Германии для того, чтобы выделить ее среди прочих стран. *Судьба* начертала ей быть первой великой страной, которая добровольно признаёт свое поражение, полностью берет на себя моральную ответственность и отказывается от политического величия раз и навсегда. Таким образом, *Судьба* использовала страны Антанты со всеми ее солдатами, живыми и мертвыми, просто чтобы поднять Германию до возвышенного существования в неограниченном духовном. Далее в самом разгаре этого мазохистского самоунижения, – выразительно обруганного Максом Вебером, – история продолжала оставаться тайным соглашением между тевтонским духом и богиней Судьбы. Основное отношение Германии к истории не изменилось. Мир, по-видимому, был застигнут врасплох, когда этот духовный шовинизм постепенно обернулся милитаризмом, когда он снова использовал садистские, а не мазохистские образы и приемы. Великие державы не справились в данном случае с взятой на себя инициативой “перевоспитать” Германию тем единственным способом, каким можно перевоспитать население страны, а именно, даруя людям неподкупную истину новой идентичности внутри более универсального политического строя. Вместо этого, они эксплуатировали немецкий мазохизм и усиливали всеобщую безнадежность немцев. И вот “слишком узкий” немец, упорно скрывавшийся после поражения, вышел теперь вперед, чтобы подготовить самое широкое, какое только возможно, земное для самого узкого типа немца: арийское мировое господство.

Зажатые между “слишком узкими” и “слишком широкими”, немногие государственные деятели, наделенные достоинством, реализмом и дальновидностью, не выдержали напряжения или были убиты. Немцы, оставшись без работы, без еды и без новой целостности, начали прислушиваться к образам Гитлера, который впервые в истории Германского рейха придал политическое выражение духу немецкого юноши. Было что-то магическое в этих словах: “Теперь, однако, я решил стать политиком”, которыми непокоренный немецкий юноша заканчивает седьмую главу “Майн Кампф”.

После того, как Гитлер, таким образом, взял на себя задачу привести юношескую фантазию своего народа к политическому господству, прекрасным инструментом решения этой задачи постепенно стала его, то бишь германская, армия. Книжное знание войны 1870-71 годов было “величайшим духовным опытом” Гитлера. В 1914 году, когда ему представилась возможность стать солдатом Германской империи, он крупным планом и при полном освещении увидел героику того времени. Гитлер с истерическим фанатизмом отрицал (сам он временно ослеп после газовой атаки, хотя поговаривают, будто от

эмоционального напряжения), что его юношеский образ германской доблести лишился света. Он казался полным решимости спасти его. А его враги, внутри и за пределами Германии, лишь пожимали плечами.

Здесь снова необходимо заглянуть за одержимость и усмотреть изобретательность. Начиная с Томаса Манна первой мировой войны и кончая нацистским философом второй мировой, немецкий солдат понимался как персонификация, или даже спиритуализация всего того, что есть немец. Он олицетворял “Стража на Рейне”: человеческую стену, заменяющую несуществующие естественные границы Германии. В нем утверждала себя сплоченность через слепое повиновение, и разрушались стремления к демократическому разнообразию. Было бы опасно не учитывать и то, что эта позиция, фактически эксплуатируемая шумным типом делающего карьеру молодого офицера, способствовала также развитию офицерской аристократии, которая, буквально впитывая аристократически-революционные принципы других наций, давала убежище одному из немногих политически зрелых типов в Германии. Поэтому, когда Гитлер всеми правдами и неправдами отрицал поражение этой армии, он спасал для себя и для немецкой молодежи единственный целостный образ, который мог принадлежать каждому.

Версальский договор, искусно эксплуатируемый, оказался полезным при создании нового, модернизированного немецкого солдата. Маленькая армия стала армией специалистов. Таким образом, старейший и наименее изменившийся имперско-германский тип был заново воссоздан со знаком современного, технически грамотного специалиста. Дух командной работы и личной ответственности заменил собой дух слепого повиновения; маркой офицера, вместо касты, стала его зрелость. С таким новым материалом был подготовлен блицкриг: не только технический подвиг, но быстрый выход и спасение для травмированного немецкого народа. Ибо молниеносная война обещала победу темпа над превосходством союзников в мощности артиллерии (и стоящим за ней промышленном могуществе), которая во время первой мировой войны “прижимала немцев к земле” до тех пор, пока они не стали готовы довериться Вильсону, разойтись и заняться более возвышенными делами. Кроме того, молодежь Германии в блицкриге на собственном опыте познала “заключительные аккорды революции, достигающие духовных, ментальных и телесных глубин”. Блицкриг ослаблял чувство окруженности и периферической уязвимости. И, цитируя нациста: “Инстинктивное удовольствие, которое молодежь находит во власти моторов, здесь пророчески предвещает расширение возможностей человечества, с самого начала бывших такими узкими и, в целом, так и не расширенными цивилизацией”. Было бы губительно отмахиваться от такого нацистского мистицизма. Чтобы нанести поражение моторизованной Германии, молодежи других стран также пришлось научиться, подобно современным кентаврам, вырастать вместе со своими боевыми машинами в новых, не знающих отдыха существ, влюбленных в точность. Гитлер пытался приблизить появление поколения, воспринимавшего моторизованный мир как естественный, и сплавить его с образом тоталитарной “государственной машины”.

Когда он увидел, что “индустрия демократических стран движется на большей скорости”, то воспринял это как личное оскорбление (баракло – так он в раздражении называл их продукцию). Когда их летающие крепости оказались прямо над его городами и, прежде всего, когда он увидел, что англосаксонские парни могут идентифицироваться со своими машинами, не теряя при этом голову, он был настроен скептически. Когда же он увидел, что русские совершают не только чудеса обороны, но и наступления, его иррациональная ярость не знала границ, ибо в своем инвентаре образов Гитлер характеризовал русских не только как несопоставимых с его солдатами, но как народ, стоящий ниже всякого сравнения: он называл их “недочеловеками”. Таким образом, русские сравнялись с другими “недочеловеками”, евреями: только более удачливые русские имели свою страну и армию. Достаточно очевидно, что в фантастическом преувеличении Гитлером еврейской “угрозы”, воплощенной, фактически, в такой малой доле населения, к тому же высоко интеллектуализированного, скрывалась сильная зависть. Как мы уже говорили, “слишком узкий” немец всегда чувствовал себя подвергаемым опасности, денационализируемой информацией, которая открывала ему относительность и разнообразие культурных ценностей. Казалось, еврей остается самим собой, несмотря на рассеяние по всему миру, тогда как немец опасался за свою идентичность в собственной стране. Действительно, казалось, будто эти таинственные евреи делают из интеллектуальной релятивности средство расового самосохранения. Для некоторых немцев это было непостижимо без предположения особо хитрого шовинизма, тайного еврейского сговора с Судьбой.

## **6. Впечатление о евреях**

Уже Освальд Шпенглер предполагал, что антисемитизм является в значительной степени делом проекции: люди особенно отчетливо видят в евреях то, что не хотят замечать в себе. Представление о тайном сговоре с Судьбой, перипетии которой, по-видимому, скрывают за “избранным” чувством интеллектуального превосходства мечты о завоевании мира, полностью близко германскому шовинизму.

Хотя проекции – это враждебные и наполненные страхом искажения, они обычно не лишены зерна глубокого смысла. Верно, что субъект проекции “видит сучок в глазу брата своего и не замечает бревна в собственном глазу”, и что степень искажения и безобразности реакции лежит на его совести. Однако в глазу соседа обычно есть нечто такое, что подходит для особого увеличения. И уж никак нельзя отнести за счет случайного стечения обстоятельств, что в этот решающий момент в истории (когда “один мир” стал реальным образом, а два мира – неизбежной реальностью) самые окруженные цивилизованные народы оказываются чувствительными к пропаганде, которая предупреждает о дьявольских силах самого рассеянного по миру народа. Поэтому мы хотя бы мимоходом должны поинтересоваться тем, что, по-видимому, делает еврея излюбленной мишенью самых злобных проекций – и не только в Германии.

Фактически, в России мы тоже недавно были свидетелями ожесточенной компании против “интеллектуалов-космополитов”. Евреи – единственный пример древнего народа, который сохраняет верность своей идентичности – будь она расовой, этнической, религиозной или культурной – таким способом, что создается ощущение, будто она представляет угрозу для вновь возникающих идентичностей.

Возможно, еврей напоминает западному миру те зловещие кровавые обряды (упоминавшиеся выше), в которых Бог-отец требует взнос за половой член мальчика, налог на его маскулинность, в качестве знака договоренности? Психоанализ предлагает следующее объяснение: еврей пробуждает “страх кастрации” у людей, не принявших обрезания в качестве гигиенической меры. Мы видели, как в Германии этот страх смог расшириться до более инклюзивного страха уступить, утратить юношеское своеволие. И то обстоятельство, что евреи оставили свою родину и пожертвовали своим национальным правом организованной самозащиты, несомненно сыграло здесь свою роль. До тех пор, пока это не было героически исправлено сионистской молодежью, молодежи других стран казалось, будто евреи имели обыкновение “расплачиваться за это” по двум счетам: от их собственного Бога и от их “стран-устроительниц”.

Я считаю, что теория психосоциальной идентичности допускает возможность другой интерпретации. Универсальный конфликт оборонительной косности и приспособительной гибкости, консерватизма и прогрессизма, у евреев диаспоры выражается в оппозиции двух тенденций: догматической ортодоксии и оппортунистической приспособляемости. Этим тенденциям наверняка благоприятствовали века рассеяния. Здесь можно говорить о типах евреев, например, о религиозно-догматическом, культурно-реакционном еврее, для которого перемены и время ровно ничего не значат. Писание – вот его реальность. И можно найти ему противоположность, еврея, для которого географическое рассеяние и множественность культур стали “второй натурой”: относительность становится для него абсолютом, меновая стоимость – его рабочим инструментом.

Существуют крайние варианты этих типов, своего рода живые карикатуры: бородатый еврей в своем кафтане и Сэмми Глик. Однако психоаналитик знает, что тот же самый набор оппозиций, тот же конфликт между строгим соблюдением Писания и капитуляцией перед изменяющейся ценой вещей наполняет собой бессознательные конфликты мужчин и женщин еврейского происхождения, которые сами не считают себя, да и другими не считаются “иудеями” в смысле отношения к вероисповеданию или в расовом смысле. Писанием в таком случае, возможно, становилась политическая или научная догма (социализм, сионизм, психоанализ), совершенно не связанная с талмудической догматикой, однако цитируемая и отстаиваемая в манере, не слишком отличающейся от манеры диспутов предков, споривших по поводу истолкования отдельных мест Талмуда, а меновая стоимость могла уступить свое место навязчивому занятию сравнительным оцениванием ценностей. В экономическом и профессиональном отношении, более поздние этапы истории

эксплуатировали то, что было заложено на более ранних ее этапах: евреи занимались тем, что умели делать лучше всего, хотя они, конечно, учились совершенствоваться и то, что им было позволено делать. Поэтому они становились не только традиционными торговцами, но и посредниками в культурном обмене, интерпретаторами в искусствах и науках, целителями болезней и внутренних конфликтов. Их сила в этих областях деятельности заключается в ответственном чувстве относительности. Но в нем же и слабое место евреев, ибо там, где чувство относительности утрачивает должную ответственность, оно может превратиться в циничный релятивизм.

В свою очередь, еврейский дух, скромно обладая смелостью веков, поднимает вопрос относительных ценностей до уровня, на котором знаемая действительность становится связанной с более инклюзивными порядками. В религиозной сфере, как известно, христианская, этика основана на полном подчинении этого мира “миру иному”, земных империй – Царству Божьему: когда Гитлер называл совесть еврейским недостатком, он тем самым включал в него христианство и его учение о грехе и спасении.

В наши времена свобода воли человека, свобода сознательного выбора ценностей и свобода его суждений были подвергнуты сомнению в теориях трех евреев. Марксова теория исторического детерминизма установила, что наши ценности находятся в неосознаваемой зависимости от средств, которыми мы добываем себе пропитание. (Как психологический факт, это не полностью идентично той политической доктрине марксизма, которая в разных странах привела к разным формам социализма). В психологии, теория бессознательного Фрейда убедительно показала, что мы не сознаем наихудшего и наилучшего в наших мотивациях. Наконец, теория относительности Эйнштейна послужила источником современного пересмотра широких основ меняющейся физической теории. Эйнштейн доказал, что наши измерительные инструменты, фактически, связаны с отношениями, которые мы измеряем.

Очевидно, можно легко доказать, что каждая из этих теорий появилась в “логичный” момент истории соответствующей области знания; и что эти мыслители довели до кульминации культурный и научный кризис Европы не потому что они были евреями, но как раз потому, что были евреями *и* немцами *и* европейцами. Однако ингредиенты, входящие в радикальные инновации во времена распутия в любой сфере деятельности, почти не изучены; и мы вправе поставить вопрос: можно ли свести к простой исторической случайности тот факт, что именно Марксу, Фрейду и Эйнштейну – немцам еврейского происхождения – выпало на долю сформулировать, более того, персонифицировать радикальные изменения самих основ мышления человека, от которых он зависел.

Здоровые эпохи и страны ассимилируют вклады сильных евреев, тем самым усиливая собственную идентичность прогрессивными изменениями. Но во времена коллективной тревоги, один только намек на относительность уже вызывает негодование, причем это особенно справедливо для тех классов, которым грозит утрата статуса и самоуважения. В своем стремлении найти платформу сохранения такие классы со злобещей преданностью цеплялись за

несколько абсолютов, надеясь, что они-то и спасут их. Именно на этой стадии агитаторами разных мастей, эксплуатирующими трусость и жестокость масс, вызывается параноидный антисемитизм.

Я думаю тогда, что проникновение в беспощадную природу идентичности может пролить некоторый свет на тот факт, что сотни тысяч немцев участвовали, а миллионы шли на уступки в немецком “решении еврейского вопроса”. Эти методы до такой степени не поддаются пониманию, что помимо преждевременных приступов отвращения, никому – будь он американцем, евреем или немцем – пока не удастся сохранить какую-либо последовательную эмоциональную реакцию на них. Вероятно, это было кульминационным завершением извращенного мифологического гения нацизма: создать ад на земле, который кажется невозможным даже тем, кто знает, что он существовал на самом деле.

Политическая и военная машина национал-социализма сокрушена. Однако форма ее поражения несет в себе условия для возникновения новых угроз. Ибо снова Германия разделена внутри себя; образование немецкой политической идентичности опять отложено. Снова немецкая совесть оказывается беспомощной стрелкой на весах двух мировых этик; завтра она опять может заявить права на то, чтобы быть тем самым арбитром, который держит эти веры в своих руках. Ибо тотальное поражение порождает также и чувство тотальной уникальности, готовность снова позволить эксплуатировать себя тем, кто, кажется, может предложить чувство тотальной власти вместе с перманентной сплоченностью и новое чувство идентичности, избавляющее от ныне бессмысленного прошлого.

Всем, кто надеется на и борется за перемены в Европе, которые обеспечат немцам мирную судьбу, сначала необходимо понять историческую дилемму ее молодого поколения и молодежи других крупных районов мира, где абортивные национальные идентичности должны получить новую выверку в общей индустриальной и братской идентичности. Именно по этой причине я обратился к периоду, предшествовавшему последней войне. До тех пор, пока действовавшие тогда силы оказываются впряженными в согласованные усилия по наведению истинно нового порядка, мы не вправе позволять себе забывать.

Хотя, казалось бы, бессмысленно “модернизировать” эту главу (а фактически, еще предшествующую и последующую), я не могу не упомянуть о двух событиях наших дней. По какой-то жуткой исторической логике в наш ядерный век снова существует простая стена из бетона, отделяющая немцев от немцев. С другой стороны, новая экономическая империя Европы включает в себя одну часть Германии. Ни ее вновь усиленное разделение, ни новая область деятельности для ее организационного гения, по-видимому, не решают проблемы национальной идентичности Германии или проблемы ее гегемонии на континенте, центром которого она является. – Э. Г. Э,

## ГЛАВА 10

### Легенда о юности Максима Горького

<sup>1</sup>В наши дни трудно получить дополнительную информацию о России, которая была бы достоверной, релевантной и одновременно ясной. То немногое, что я знаю, недавно кристаллизовалось вокруг образов старого, но, тем не менее, животрепещущего русского фильма, особенно, вокруг самообладания мальчика-героя этой картины.

Фильм рассказывает большевистскую легенду о детстве Максима Горького. Как и раньше, в случае с националистической версией детства Гитлера, я анализирую систему образов в их связи с географическим местоположением и историческим моментом происхождения. В некоторых знаменательных отношениях эти две легенды обладают известным сходством. Обе они показывают растущего своевольного мальчика в ожесточенной борьбе с отцовской фигурой, главой рода – беспощадным тираном, пусть даже и дряхлым неудачником. И Гитлер, и Горький в отрочестве пережили психическое потрясение от бессмысленности существования и тщетности бунта. Они стали интеллектуальными пролетариями, близкими к крайнему отчаянию. По иронии судьбы оба обрели известность в полицейских досье своих стран как “бумагомараки”. Однако на этом аналогии заканчиваются.

<sup>1</sup>Эта глава родилась из моего случайного участия в качестве консультанта в исследовательском проекте Калифорнийского университета по изучению современных культур, финансируемом Федеральным управлением военно-морских исследований. За факты и их осмысление я должен поблагодарить членов русской группы этого проекта, особенно Сулу Бенет, Николаса Каласа, Джеффри Гоурера, Натана Лейтеса, Бертрама Шеффнера и, конечно же, прежде всего руководителя их семинара, Маргарет Мид, познакомившую меня с фильмом, который и подвергается здесь критическому анализу.

Согласно проспекту фильмотеки Музея современного искусства в Нью-Йорке, обсуждаемая здесь картина впервые была показана в 1938 году в Москве. Продюсер-Марк Донской, студия Союзтелефильм. Я посмотрел этот фильм в марте 1948 года в Нью-Йорке.

Горький стал писателем, а не политиком. Конечно, и после русской революции он продолжал оставаться идолом страны Советов. Он вернулся в Россию – и умер там. Была ли его смерть таинственной или просто мистифицированной по политическим мотивам, мы не знаем. У гроба Горького Молотов сравнил его потерю с утратой самого Ленина. Очевидно, что причины его национального возвеличивания – не в доктринерском фанатизме и не в политической хитрости Горького. Ибо он, друг Ленина, говорил: “Различия во взглядах не должны влиять на симпатии, – я никогда не отводил теориям и мнениям видного места в отношениях с людьми”. Факты заставляют нас сделать вывод об исключительной терпимости к Горькому Ленина и Сталина, закрывавших глаза на некоторые его знакомства с подозрительно

ортодоксальными личностями. Ответ кроется в том, что Горький был народным писателем, сознательно и упорно писал о народе и для народа. Он – “бродяга” и “провинциал” – жил в двойном изгнании: политической ссылке (под надзором царской полиции) и изоляции от интеллектуальных кругов своего времени. Его “Воспоминания” показывают, насколько спокойно и обдуманно он изображает себя даже в присутствии таких подавляющих фигур как Толстой.

Подобно Толстому, Горький принадлежит к той эпохе русского реализма, которая сделала грамотную Россию такой безжалостно внимательной к себе и такой ужасно стеснительной. Однако его манере письма было чуждо самоупоение страданием, которое наполняло собой произведения его более великих современников. Он не заканчивал своих произведений фатальным тупиком добра и зла, финальной уступкой демонам прошлого, как это делали Толстой и Достоевский. Горький научился наблюдать и писать просто, потому что видел “необходимость точного изображения некоторых – наиболее редких и положительных – явлений действительности”. Кинофильм показывает развитие душевного склада будущего писателя. Кроме того, он иллюстрирует русскую дилемму, дилемму большевика и, как я попытаюсь доказать, дилемму “протестантского” умонастроения, с опозданием появляющегося в восточных странах.

Фильм этот, конечно же, старый. На первый взгляд он требует невозможного от американских глаз и ушей. Но по содержанию он кажется легким как волшебная сказка. Фильм плавно течет как свободный и сентиментальный рассказ, явно предназначенный для того, чтобы приблизить героя, маленького Алешу, к сердцу зрителей, которые узнают во всем этом свою родную Россию, свое детство и в то же время знают, что этот Алеша однажды станет великим Горьким.

У русских, смотревших картину вместе со мной, она вызвала лишь ностальгические раздумья, без какого-либо привкуса политической полемики. Легенда говорит сама за себя.

## 1. Страна и мир

В самом начале фильма появляется русская “троица”: безлюдные равнины, Волга, балалайка. Необозримые просторы центральной России открывают свою мрачную пустоту, – и тотчас же звуки балалайки нарастают до бурного крещендо, как бы говоря: “Ты не один, мы все здесь”. По широкой Волге пароходы везут тепло укутанных людей в глухие деревни и перенаселенные города.

Противопоставление громадной страны островку маленькой, пестрой общины составляет, таким образом, первоначальную тему фильма. Нам напоминают, что слово “мир”, используемое для обозначения сельской общины со всеми ее членами, означает к тому же “мир в целом”, и что “на миру и смерть красна”. В глубокой древности викинги называли русских “жителями городищ”, поскольку находили их скученными в компактных, обнесенных частоколом селениях, где они, таким образом, переживали суровые зимы и



укрывались от диких зверей и врагов, не забывая о развлечениях, хотя бы и грубых.

Большой пароход подходит к пристани, заполненной веселыми, празднично одетыми встречающими. Среди них – близкая родня двух пассажиров парохода: недавно овдовевшей Варвары и ее сына Алеши. Мы первый раз видим его симпатичное маленькое лицо с широко открытыми глазами и ртом, когда Алеша, выглядывая из-за длинных юбок матери, с благоговейным страхом рассматривает шумную родню, которая обступает и поглощает их. И как только он отваживается побольше выглянуть из-за матери, так сразу грубые шутники проверяют запас его любопытства. Озорная маленькая кузина показывает язык и громко кричит на него, а дядя хватается за нос и мягко надавливает, как на кнопку, одновременно с гудком парохода. Симпатичный молодой парень, глядя на него, громко хохочет, с виду добродушно, но, поди, разберись тут. Наконец мальчику дают подзатыльник и заталкивают в лодку.

Затем мы видим, как все семейство, тяжело ступая, плотной колонной движется по середине улицы, напоминая процессию паломников или, может быть, группу арестантов – или то и другое одновременно. Скрытые голоса враждебной молвы становятся громче. Кто-то шепчет: “Они настойчиво требуют у отца раздела имущества”. Кто-то намекает, что овдовевшая мать Алеши вернулась домой за приданным, назначенным ей отцом, но им же и удержанным, поскольку она вышла замуж против его воли. Бабушка, чья крупная фигура возглавляет процессию, причитает шепотом: “Дети, дети”, – как если бы с потомством не было сладу.

Затем мы видим эту большую семью дома: все скопились в маленькой комнате и охвачены вереницей странных настроений. Балалайка что-то наигрывает, вызывая у слушателей непонятное чувство, грустное и беспокойное. Как будто вместо молитвы перед едой, уже стоящей перед ними на столе, эти люди предаются музыкальному состраданию самим себе – все вместе, но каждый по-своему. Старый мастер Григорий выражает тему самосострадания самым поразительным способом: в ритме песни он хлопает себя по лысине. И не ясно, от чего больше он получает удовольствие – от ритма или от этих хлопков.

Как бы очнувшись, дядя Яков резко обрывает игру. Он делает глоток (водки?), занюхивает (луком?) и начинает наигрывать веселую, ритмическую мелодию, напевая какую-то бессмыслицу о сверчках и тараканах. Звучит бешеное и электризирующее крещендо, слишком быстрое для того, чтобы его мог схватить западный ум. Затем мы видим Цыганка, пляшущего вприсядку.

Цыганок молод и красив, – и когда он раскатывает рукава, выпускает низ рубахи и, вообще, “распоясывается”, все получают от пляски огромный заряд бодрости. Он подпрыгивает и приседает, дробно стучит каблуками, – и вся переполненная комната вторит ему, как будто в веселом землетрясении: трясется мебель, дребезжит посуда, даже вода в графине колеблется.

Это в высшей степени мужское представление сменяется затем сценой щедрой женственности. Гости уговаривают сплясать саму бабушку. Бабушка –

поистине громадная старуха, плотно одетая, с тяжелой головой, широким лицом и доброй, приветливой улыбкой. И этому тяжелому созданию сначала удается быть по-детски застенчивой, затем – по-девичьи привлекательной, а немного спустя – уже нести в танце свой могучий стан с необычайным достоинством, легкостью и обаянием.

Ее ноги ступают осторожно, фигура сохраняет прямую и величественную осанку; медленно поворачиваясь, бабушка разводит руки – сначала одну, потом другую – и снимает тяжелую шаль, как бы обнажая перед всеми груди кормилицы.

В этот момент она неожиданно останавливается, бледнеет и закутывается в шаль. Музыка обрывается, движение замирает. Все взоры устремлены на дверь: вошел дедушка, Разумеется, мы даже не заметили его отсутствия. Однако ничто не может пересилить тот подтекст, что только в его отсутствие бабушка могла открыть свое сердце и тело детям.

Эти насыщенные энергией сцены отмечают счастливое начало или, точнее, указывают на счастливое прошлое. Как представителям западной культуры, нам было бы лучше настроиться на то, что в этом фильме нет счастливого конца: нет истории любви и нет истории успеха. То, что мы видим вначале, есть воспоминание о делах минувших дней; а в конце нас ждет будущее, в котором, несомненно, лишь одно: оно будет горьким. “Горький” означает “горький”.

Вошел дедушка, и с ним – скупость и ненависть к людям. Его лицо застыло в напряжении, движения отрывисты, – он полон нескрываемого возбуждения. Оказывается, он уходил, чтобы купить скатерть, и не какую-нибудь, а белую. По тому, как он по-детски показывает ее всем, становится ясно, что для него эта белая скатерть – символ его положения. Дедушка пытается воспользоваться вечеринкой, чтобы еще раз самовлюбленно похвастаться перед всеми: сейчас он достаточно богат, чтобы купить себе белую скатерть. Он – хозяин маленькой красильни, хотя и не защищен от пролетаризации.

Тотчас же раздаются шепот и возгласы, поднимающие вопрос о его собственности. Когда он собирается отойти от дел и разделить свое богатство между уже достигшими почти средних лет сыновьями?

Так как сердитый шепот усиливается, дедушка визгливо кричит: “Цыц, окаянные! По миру пуцу!” Его голос выдает отчаяние и, в то же время, последнее усилие загнанного в угол зверя. Визгливый крик деда служит, вероятно, сигналом для сыновей, которые перекидываются кровожадными взглядами. Вскоре они уже катаются по полу, в пьяной ярости колотя друг друга. Рубаха на бабушке спущена с плеч, рукава – оторваны. “Ведьма, – воет дед, – народила зверья!” – тема, которую следует запомнить.

Гости в испуге разбегаются, праздничный стол разгромлен, а бедный маленький Алеша прячется на печи – обычном убежище русских детей. Для первого дня он видел достаточно. До сих пор Алеша не сказал ни слова. Что все это означало, и будет означать для него в конце, можно понять лишь из того, как он действует или, на самом-то деле, воздерживается от действия по мере

того, как его позиция развивается в ходе встреч и столкновений с разными людьми.

Чтобы можно было сосредоточиться на этих встречах и столкновениях, я вкратце обрисую историю в целом.

Отец Алеши, Максим Пешков, уехал из дома родственников жены, Кашириных, несколько лет назад. Он умер в далеком краю. Его жена Варвара, с сыном Алешей, были вынуждены вернуться к своей родне. Каширины очень жадны. Дядья (Ваня и Яков) хотят, чтобы дряхлый дед передал им свою красильню. Он отказывается. Вначале они сводят с ним счеты “грубыми шутками”. Дед в отместку порет маленьких внуков. Один из дядьев поджигает красильню, – и начинается распад семьи. Мать Алеши, в конце концов, находит убежище в браке с мелким чиновником и перебирается из слободы в город. Алеша остается с дедушкой и бабушкой и должен стать невольным свидетелем экономического и ментального упадка старого Каширина. Мальчик находит друзей за пределами семьи, сначала среди прислуги, а затем – среди слободских детей. В доме есть еще старый мастер Григорий, во время пожара потерявший зрение, и Иван (“Цыганок”) – подмастерье, которому вскоре суждено погибнуть. На улице Алеша заводит дружбу с ватагой бездомных мальчишек и с мальчиком-калекой, Ленькой. Однако решающее значение имеет его встреча с таинственным дедушкиным жильцом, который впоследствии будет арестован полицией как “анархист”. В конце фильма мы видим повзрослевшего Алешу (теперь ему двенадцать, а может и четырнадцать) с решительным видом всматривающегося в горизонт. Он оставляет распад семьи позади. Практически ничего не говорится о том, что лежит впереди.

На протяжении всех этих сцен Алеша почти ничего не говорит и не делает. Он редко в чем-то участвует, но очень внимательно наблюдает за происходящим и, обыкновенно, реагирует как раз тем, что воздерживается от участия. Такая драматизация через недействие вряд ли служит характерной чертой того, что мы, западные зрители, считаем историей.

Изучая эти несовершенные, равно как и совершенные поступки, я постепенно пришел к убеждению, что истинное значение подобных сцен есть значение полустанков на пути сопротивления мальчика искушениям, причем таким искушениям, какие нам совершенно незнакомы.

Если перевести это на язык наших радионовостей, то получится следующее: покорится ли Алеша первобытному фатализму бабушки? Сделает ли его пессимистом предательство со стороны матери? Возбудит ли в нем садизм деда гневное желание убить “отца” – и поверхностное раскаяние? Склонят ли его дядья-братоубийцы к тому, чтобы разделить их преступления – и пьяное обнажение души? Вызовут ли у него слепой и калека парализующую жалость и дешевое милосердие? Помешает ли ему все это стать новым русским – стать Горьким?

Таким образом, каждая сцена и каждый значимый персонаж олицетворяет искушение регрессировать к традиционной морали и к древним обычаям его народа, соблазн оставаться скованным традиционным супер-эго внутри и крепостным правом снаружи. В положительном плане, мы видим, что Алеша

обретает уверенность в себе, как если бы он дал тайную клятву; и, кажется, он посвящает себя укреплению верности еще не оформленной в сознании цели.

Конечно, представители западной культуры привыкли отождествлять то, что мы называем здесь искушениями, со странностью русской души – и с ее православием. И нас раздражает, когда люди не остаются верными тому сорту души, который они разрекламировали и который стал их опознавательным знаком. Но мы должны постараться понять: Алеша, благодаря своей судьбе “перемещенного” Пешкова среди Кашириных, демонстрирует промежуточные стадии неожиданно появляющегося нового русского типа души, русского индивидуализма. Не Лютер и не Кальвин раскрыли для него новые глубины души; и не отцы-основатели и первопроходцы открыли для него еще не нанесенные на карту континенты, где он мог бы преодолеть свое внутреннее и внешнее рабство. Сам по себе, без посторонней помощи и в тайном соглашении с родственными душами, он должен научиться протестовать и развить – в самом широком смысле – “протестантскую” мораль.

## 2. Матери

В сцене застолья мы встретились с проявлением силы, очарования и щедрости бабушки. Несомненно, что самым большим искушением и, к тому же, единственным, сопровождающим Алешу до самого конца, является искушение найти убежище в спокойствии духа бабушки (так же, как в самом начале картины он спрятался в материнские юбки) и стать частью ее спокойной совести. Эта старая женщина, кажется, олицетворяет реальную действительность земли, очевидную силу плоти, прирожденную смелость души. Ее материнская щедрость безгранична. Она не только родила и выкормила все племя Кашириных, которое ей пришлось научиться терпеть; она также подобрала и обласкала Цыганка, сделав бездомного мальчишку свободным и веселым.

Алеша все яснее сознает, что бабушка старается приласкать и успокоить даже воющего деда. В роковом вопросе дележа имущества ее принципы просты, хотя и “беспринципны”: “Отдай им все, отец, – спокойней тебе будет, отдай!” И видя ужас старика говорит: “Я пойду милостыню для тебя просить”. В то же время она позволяет этому дряхлому мужику бить себя, просто опускаясь на колени, как если бы он действительно был настолько силен, чтобы сбить ее с ног, Алеша в недоумении: “Разве он сильнее тебя?” – “Не сильнее, а старше! – отвечает бабушка. – Кроме того – муж!” Вскоре она становится матерью и для Алеши. Когда Варвара уезжает со вторым мужем, бабушка просто говорит: “Я буду ему бабушкой *и* матерью”.

Эта женщина, по-видимому, не знает никакого закона, кроме закона отдавать; не знает никаких принципов, за исключением абсолютной веры в свою внутреннюю выносливость, чем она, очевидно, символизирует первобытную веру людей, их способность выживать и жить дальше, но одновременно и их слабость, состоящую в примирении с тем, что, в конечном счете, порабощает их. Алеша начинает относиться к грандиозной выносливости

бабушки как к чему-то пришедшему из другого мира. Этот мир, вероятно, есть древнейшая Русь и глубочайший пласт ее (бабушки), – и его (Алеши) идентичности. Именно эта первобытная Русь устояла в эпоху раннего христианства, когда деревянные идолы выдержали принудительное крещение и наивную христианизацию. И именно спокойствие духа первого городища, примитивный мир обрел близкую к земле организацию и веру в анимистические сделки с необузданными силами природы. Бабушка все еще использует тайком анимистические приемы. Она помнит старинные предания и сказки и может рассказывать их просто и убедительно. Бабушка не боится Бога и природных стихий. Она оказывается в довольно хороших отношениях с огнем, который на протяжении всего фильма символизирует разрушительную страсть.

Во время большого пожара бабушка входит в горящий дом, чтобы вынести тяжелую бутылку с купоросом; и она же легко успокаивает коня, который вырывается и становится на дыбы. “А ты не бойся! – говорит она ему. – Али я тебя оставлю в страхе этом?” – и конь, кажется, верит и успокаивается. К людским страстям она относится так же, как к огню: и то, и другое есть внешнее, хотя и неизбежное зло. Дело обстоит так, как если бы она жила задолго до того, как страсти сделали людей честолюбивыми, жадными и, в свой черед, по-детски раскаивающимися; и как если бы она надеялась пережить все это.

В таком случае, ее страсть есть сострадание. Даже когда она обращается с молитвой к Богу, то делает это очень лично, как если бы он действительно находился в той иконе, что прямо перед ней. Ее подход – это подход равенства, или даже подход матери, просящей что-то у своего ребенка, которому выпало стать Богом. И ей нет нужды быть разрушительной в своей страсти, потому что ее совесть не безжалостна. Таким образом, она – первобытная Мадонна, мать Бога и человека, да и духов тоже.

Бабушка берет на себя ту роль в жизни Алеши, какую женщины в России традиционно играли для детей “важной персоны”, именно, роль бабушки и няни – женщин, чувствующих себя как дома в этом мире, поскольку (и часто лишь поскольку) они делают его домом для других. Подобно большой печке в центре избы, они всегда могут служить надежной опорой – опорой того сорта, которая придает людям стойкость и позволяет ждать, ждать так долго, что надежда превращается в безразличие, а выносливость в рабство.

Алеша должен не только суметь оставить своих матерей, но оставить их без осадка греховности, заставляющей блудного сына покаянно держаться за символы матери: как если бы с трудом вырываясь на свободу, он уничтожил свою мать. Ибо во многом болезненная и неумеренная капитуляция заблудшей души имела свой источник в необходимости преодоления непреодолимого чувства оскверненности и заброшенности материнского источника и возвращения через слияние душ самого первого чувства дома, чувства рая.

Однако реальная мать, по-видимому, не испытывает насущной потребности в таком доме. В крестьянской России существуют градации и уровни материнства, которые предотвращают исключительную фиксацию на

матери и дают ребенку богатый инвентарь образов дающей и фрустрирующей матери. Бабушка есть и остается представителем образа матери периода младенчества, неискаженного эдиповой ревностью растущего мальчика.

В нашей картине “настоящая” мать Алеши оказывается ускользающей и почти безвольной. Она постепенно теряет значение, сначала как источник силы, а затем и как объект привязанности. В самом начале фильма есть эпизод, где эта мать, защищая сына, заносчиво набрасывается на одного из своих озлобленных братьев, швыряя в него чем-то из обстановки. В это мгновение Алеша поддается искушению и громко говорит: “Моя мать – самая сильная”. Вскоре бедному мальчику пришлось взять свои слова назад: когда дед порет его, охваченная страхом мать способна лишь просить: “Папаша, не надо! Отдайте...” – “И сейчас твоя мать самая сильная?” – эхом отзывается недоброжелательная маленькая кузина. Слабость женщин не есть физическая слабость. Их слабость в том, что они “уступают”.

В то время как для Алешиной бабушки не существует никаких законов, кроме собственного мнения, и беспринципна она лишь потому, что предвосхищает принципы сформированной морали, его мать выбирает притворную безопасность мелкого чиновничества. Она продает себя, выходя замуж за одетого в мундир лакея, и объясняет сыну, что таким способом она сможет купить свободу и для него. В этот раз, в этот единственный раз, Алеша реагирует резко, не сдерживаясь. Он оскорбляет поклонника матери, а затем бросается на кровать и плачет, как плачут все дети. Когда мать уезжает, она еще раз напоминает ему о своем физическом присутствии, укутывая его своей шалью. Но нет и намека на то, что он намерен последовать за ней, воспользоваться ее личным и социальным предательством. “Видно судьба тебе со мной жить”, – говорит старик Каширин. Мальчик угрюмо молчит.

Поразительно: традиционное разделение и размывание материнства в крестьянской России, вероятно, делало мир более надежным, заслуживающим доверие домом, поскольку материнское отношение не зависело от одной хрупкой связи, а было делом гомогенной атмосферы. И, тем не менее, горькая тоска по прошлому прямо связывалась с уходом матери к “новому мужу” или с тем, что она позволяла себе как-то иначе деградировать и разрушаться – так, по крайней мере, это выглядит в художественной литературе. Относительно “нового отца” Алеши, напомним, что отец Гитлера тоже был чиновником, членом холопского, хотя и амбициозного “среднего” сословия.

В фильме Алеша решительно проглатывает свою тоску по прошлому. Что такая “проглоченная тоска” сделала с Горьким, мы увидим позднее, при обсуждении его приступов гнева и презрения, а также его странного покушения на самоубийство в ранней зрелости. Манера письма Горького долго страдала от этой тоски по прошлому. Чехов писал ему: “... у Вас, по моему мнению, нет сдержанности... Особенно эта несдержанность чувствуется в описаниях природы... в изображениях женщин и любовных сцен... [Вы] часто говорите о волнах”. Горький усердно работал над преодолением этого недостатка.

### 3. Дряхлый деспот и окаянное племя

Дедушка был небольшого роста, “с рыжей бородкой, зелеными глазками и руками, которые, казалось, были выпачканы кровью, настолько краска въелась в кожу. Его брань и молитвы, шутки и поучения каким-то странным образом сливались в раздражающий, ядовитый вой, как ржа разъедавший душу”. Фильм правдиво отражает это описание. Дедушка изображен разрушителем всех мальчишеских радостей. Он мужчина зависит от своих денег и силы бабушки, как ребенок. Садистически-ретентивный скряга, он постепенно регрессирует к зависимости от нищего.

Свойства его характера выявляются во всей полноте в сцене порки. Гнев этого человека, вспыхнувший во время завершения застолья пьяной дракой, продолжает тлеть. Мы видим красильню, где дядя, согнувшись над шитьем, обдумывают способ отомстить. Грубые шутки снова расчищают путь для более открытого разрушения. Дядя подговаривают Сашу накалить на огне наперсток деда и положить его на место. Когда старик сунул палец в каленый наперсток, то “чуть ли не до потолка подпрыгнул” от боли. Но главный удар ему наносит Алеша, когда из детской шалости, склоняемый мальчишками, решает покрасить новую скатерть – разрушить ее белизну. Дед собирается выпороть мальчишек в субботу, после церкви.

Сцена порки передана во всех подробностях: спокойные приготовления деда – драматическое, но бессильное вмешательство женщин – свист розги корченье маленьких тел. Цыганок должен был помогать деду – удерживать мальчиков на “скамье пыток”.

После порки Алеша лежит в постели, лицом вниз, его спина покрыта длинными, тонкими рубцами. Внезапно входит дедушка. Сначала мальчик смотрит на него с подозрением, затем – сердито. Но дед кладет на подушку, прямо к носу внука фигурный пряник и печенье: “Вот, видишь, я тебе гостинца принес!” Мальчик пытается ударить его ногой – дед не обращает на это никакого внимания. Присев у кровати внука, дедушка оправдывается перед ним: “Однако не беда, что ты лишнее перетерпел, – в зачет пойдет!”. Таким образом, этот садист вводит мазохистскую тему: страдание есть благо во спасение, то есть, страдая, мы накапливаем уважение к себе в небесной канцелярии. Но он продолжает, рассказывая о собственных страданиях в молодости, когда был бурлаком на Волге. “Баржа – по воде, я – по бережку, бос, по острому камню, по осыпям, да так от восхода солнца до ночи!

Идешь да идешь, и пути не видать, глаза потом залило, а душа-то плачется, а слеза-то катится, – эхма, Олеша, помалкивай!” – говорит он с чувством. И снова мораль: страдание человека оправдывает и извиняет переключивание им дальнейших страданий на более слабых – русский вариант поговорки. Мальчика это, кажется, не растрогало. Он не делает жестов примирения, и не отвечает, на душевные излияния деда выражением сочувствия. Дедушку кто-то зовет – и он уходит.

Итак, выдержано еще одно искушение – обрести в момент мучений идентификацию с учителем и с его садомазохистской аргументацией. Если бы

мальчик в эти минуты позволил своему гневу превратиться в жалость, если бы он позволил себе излить душу мучителю, когда тот раскрыл ему свою душу, то он приобрел бы такой не укрыться ни одному камешку, ни одной мысли, он смотрел, оценивал, испытывал, сравнивал. Или еще: его глаза “прищурены, как будто он напряженно вглядывается в будущее”.

Столь же типично описание Ленина Троцким: “Когда Ленин, прищурив левый глаз, вслушивается в содержание передаваемой по радио речи, он похож на чертовски хитрого крестьянина, которого не смутишь никакими словами и не обманешь никакими фразами. Это есть многократно усиленная крестьянская пронизательность, доведенная до вдохновения”.

Сцена в убогой лачуге, где присев у кровати покрытого кровоподтеками внука, дедушка выпрашивает себе прощение, почему-то напомнила мне известное русское полотно, изображающее похожую сцену во дворце: Ивана Грозного у тела убитого им старшего сына! Родительская жестокость Каширина служит отличительным признаком выдающихся семей России с самого начала ее истории и пронизывает литературу дореволюционного периода. И в жизни, и в литературе эта жестокость достигла вершин грубого насилия, неизвестных в сопоставимых регионах и периодах истории. Совпадение этих двух сцен побуждает к историческому отступлению.

Древние славяне были мирными и плодовитыми земледельцами, охотниками и жителями городищ. Около тысячи лет назад они попросили Рюрика, викинга, взять на себя их защиту от набегов кочевников с юга. Видимо они рассчитывали купить – за разумные уступки – мир и позволение продолжать охотиться первобытным оружием, обрабатывать землю грубыми деревянными орудиями и поклоняться своим деревянным идолам и духам природы. Но что бы ни заставило их уступить свою автономию этим покрытым сияющими латами, светлокожим воинам севера, они получили гораздо больше покровительства, чем ожидали. Защитники дали жизнь сыновьям, которые тоже захотели быть защитниками. “Чужаки” ворвались силой. И скоро защита народа от новых защитников стала устоявшимся занятием. Первый князь основал великое княжество – своего рода ранговую систему более мелких княжеств для своих сыновей, которая вела к нескончаемым усобицам с ранее возникшими городами: Киевом и Новгородом. Такие княжеские междоусобицы повторялись снова и снова, в меньших и больших частях страны, пока, наконец, не заставили ее жителей желать и молиться за единственного “сильного отца” (центральную власть), который объединил бы многочисленных сыновей, даже если бы ему пришлось их всех убить. Таким образом, на заре русской истории была сооружена арена для взаимодействия:

а) населения, нуждавшегося в руководстве и защите от врагов;

б) олигархических защитников, которые сами становились мелкими тиранами, и в) верховного тирана, бывшего пленником олигархии и тайным спасителем.

Защитники насильственно вводили христианство (византийского толка), а с ним и другую иерархию, постоянно находившуюся в тисках конфликта с собой же и со светскими князьями. Хотя князья и священники имели свои



культурные, а часто и этнические корни в других странах, постепенно они начали играть представление, называемое в книгах русской историей и сводившееся к бесконечной династической борьбе, которая не только пережила ужасное нашествие татар, но усилилась и достигла национального масштаба. В качестве контрапункта эта борьба привела к образованию нации, русского христианства и русского царства: в XV веке Москва становится “третьим Римом”, а Иван III – первым государем всея Руси и защитником истинной веры. Он превратил древнюю Русь в национальное государство, а его сын расширил границы этого русского государства, включив в него своих многочисленных и разнородных соседей.

Существующая с X века традиция “сварливых и кровожадных сыновей” при Иване Грозном достигла апогея. Отцеубийство процветало в высших кругах столетиями. Однако Иван, которого история называет “Грозным”, собственными руками убил своего старшего и любимого сына. Царь Иван (подобно старику Каширину у постели запоротого им до потери сознания внука) возлагал вину за жестокое безумие своей зрелости на те страдания, которые ему довелось претерпеть в детстве. И люди соглашались с ним. Как я отмечал, они звали его Строгим, а не Грозным. Ибо разве он не был жертвой бояр – его врагов и врагов его народа – сделавших его отрочество несчастным? Действительно, во времена своего относительного здоровья он первым из царей обратился к нуждам народа, позволил людям подавать прошения на его имя, положил начало судебным реформам и ввел печатание книг.

В периоды же относительного безумия он продолжал пожирать глазами списки убитой знати – чтобы затем предаваться самому малодушному раскаянию. Народ боготворил и охотно поддерживал власть этого царя для того, чтобы сдерживать князей, бояр и среднеслужилый класс.

По мере того, как усиливалась централизация, и развивалось государственное устройство, парадоксы русской истории становились самосохраняющимися. Вот первый: с каждым шагом к организованной и централизованной государственности в этой большой стране увеличивалось число посредников. Они правили и поддерживали порядок “за царя”, учили и собирали налоги, вымогали и подкупали. То, что всякий прогресс в национальном масштабе оплачивается новыми возможностями для бюрократии, – давнишняя тема в России, чем, вероятно, и объясняется “врожденное” неприязненное равнодушие ее народа к прогрессу вообще и к современной правящей верхушке в частности.

Второй парадокс: каждый шаг к (насильственной) европеизации и просвещению вел ко все большему закреплению народа. Иван, следуя своей праведной “строгости”, отнял у крестьян их право менять своих хозяев в Юрьев день. Екатерина, друг и просвещенный корреспондент Вольтера, раздала 800000 рабов престола во владение вельможам, чтобы те мучили и продавали их по своему капризу. А когда Александр II значительно позже освободил 20 млн. рабов – из опасения, что они сами могли освободить себя – он просто бросил их на произвол судьбы перед безземельностью, пролетаризацией и, в

лучшем случае, перед необходимостью обрабатывать устарелыми орудиями маленькие наделы земли, чтобы платить за нее в рассрочку.

Однако наибольший интерес для нас представляет третий парадокс: молчаливое разрешение народа этим царям, делать все то, что им заблагорассудится. Петр Великий, рано развившийся мальчик, отличавшийся такой же импульсивностью, как и царь Иван, был первым российским императором и величайшим из монархических реформаторов России. И он тоже убил своего старшего сына, хотя в условиях прогрессирующей цивилизации воспользовался для этого услугами своей тайной полиции, а не царским посохом. В добавление к таким открытым родовым убийствам, в русской истории существовало не мало удивительных соглашений о регентстве.

Отсюда – таинственные и чрезвычайно популярные в народе претенденты на трон, якобы сыновья убитых царей, которые, подобно Алеше, отвечали вызовом на вызов злодеев и слыли почти святыми просто потому, что не принадлежали к находящемуся у власти “окаянному племени”. Возможно, предел эдиповой жестокости был достигнут, когда полубезумный царь Павел (народ называл его “Бедным”) во время смерти матери – Екатерины – выкопал труп своего отца (которого она убила) и положил рядом с ней, заставив ее многочисленных любовников стоять в почетном карауле у разлагающихся императорских трупов.

Историки считают это само собой разумеющимся: такова, мол, “история”. Но как объяснить не только пассивное одобрение народа, но и его страстную альтруистическую идентификацию с такими императорскими трагедиями и комедиями? Почему сильный и плодовитый народ должен был кланяться иностранным защитникам? Почему он впустил их систему в свою национальную жизнь, все глубже запутываясь в отношениях взаимной зависимости? Следует ли искать объяснение этому сначала в превосходстве сил кровожадных кочевников и дикого зверья, а затем – в бессилии такого огромного населения перед вооруженной олигархией?

Ответ, вероятно, заключается в том, что формы руководства определяются не только теми историческими опасностями, которые отражаются благодаря соответствующему укреплению организации; они должны также благоприятствовать открытому проявлению народных фантазий и ожиданий. Монархи, даже если они иностранцы (а часто, потому что они иностранцы), становятся зримой защитой слабых внутренних моральных сил народа, аристократической элитой и персонификацией смутно осознаваемых новых идеалов. Именно ради этого монархи и аристократы могут и должны разыгрывать на исторической сцене полный цикл абсурдного конфликта: вызывая грешить и искупать свою вину глубже всех остальных, а в финале появляться выросшей в яичном и общественном плане фигурой. И пока они пытаются совершить этот цикл, народ охотно будет служить им в качестве разносящего молву хора и жертвенных животных. Ибо грандиозный грех немногих сулит полное спасение всем остальным.

В таком случае, это больше, чем “проекция” внутренней порочности (“Оно”) или неумолимой совести. Я полагаю, что все это имеет также функцию

коллективного эго и способствует развитию более определенной национальной и моральной идентичности. Иван и Петр велики не в силу своих трагических страстей, которые, по-видимому, вредили их репутации лидеров, а потому что смогли показать в гигантском масштабе трагедию ранней патриархальной организации и ее внутреннего двойника, супер-эго; и еще потому, что разыгрывая эту трагедию, они продвигали вперед национальное сознание и национальную совесть. Возможно, нашу концепцию истории нужно расширить, чтобы она включала анализ динамических требований, предъявляемых руководимыми массами своим наиболее “своевольным” хозяевам, которые в результате вынуждены разыгрывать конфликты человеческой эволюции на макроскопической сцене истории. Возможно, в этом смысле, короли являются игрушками народа. На более поздних ступенях цивилизации их трагедии и комедии переносятся в вымышленный макрокосм – на театральную сцену и, наконец, в микрокосм художественной литературы.

Теперь можно понять историческую миссию русской реалистической литературы: она возвращает трагедию отцеубийства простому русскому человеку – грамотный да прочитает. Такая литературная декларация индивидуальной ответственности соответствует росту политической ответственности. Русская литература и русская история, развиваясь с опозданием, мощным рывком – за одно необычайно насыщенное столетие – достигают начальных стадий действенного литературного сознания и политической совести, тогда как отсталость широких крестьянских масс продолжала отражать примитивный исторический уровень, который Запад оставил позади еще в эллинскую эпоху.

Фрейд в статье “Достоевский и отцеубийство” ставил “Братьев Карамазовых” в один ряд с “Гамлетом” Шекспира и “Царем Эдипом” Софокла и считал не случайным, что три шедевра мировой литературы всех времен трактуют одну и ту же тему – тему отцеубийства.

Давайте на этом прервемся, чтобы напомнить: во время русской революции 4/5 населения России составляли крестьяне. Гигантскую задачу внешнего преобразования и внутреннего изменения этих крестьянских масс вряд ли можно переоценить – не потому, что они хотели другой формы правления, а потому, что они никогда не помышляли о каком-то организованном соединении своей повседневной жизни с любой формой правления.

Созданный в анализируемом фильме образ “дикого племени” указывает, по меньшей мере, на один коллективный комплекс необычайно архаического свойства России (а, фактически, большей части европейского континента), который удерживал во внутреннем рабстве крестьянские массы, тогда как их внешнее рабство обеспечивалось князьями и духовенством. Я говорю о психологических последствиях древнего технологического переворота – аграрной революции. Здесь мистерии предыстории столь же глубоки, как и мистерии раннего детства. И те, и другие заставляют нас создавать мифы для того, чтобы достичь начальной стадии понимания.

В отношении охотников и рыбаков доисторической Северной Америки мы использовали один ключ, который открыл доступ к интерпретации некоторых первобытных ритуалов. Как указывалось, дописьменные народы пытаются понять и овладеть “великим незнакомцем” при своем расширении в пространстве и времени, проецируя на него атрибуты человеческого устройства и развития; тем самым географическая среда персонифицируется, а историческое прошлое наделяется образами человеческого детства. В этом смысле, земля становится матерью, некогда щедро уступившей себя людям. Переход от кочевого образа жизни к земледелию предполагал захват участков земли и отделение их в собственность, насиливание почвы орудиями принуждения и покорение земли как подневольной кормилицы. Какой бы внутренней эволюцией не сопровождался этот технологический шаг, он был связан (как подтверждают мифы и ритуалы) с тем первичным грехом, который в индивидуальной жизни состоит из первого проблеска в сознании неистового желания контролировать мать с помощью созревающих органов кусания и хватания.

В таком случае, “окаянное племя” символизирует детей, в жадности своей ревниво узурпирующих и разрушающих свою мать, а также тех взрослых, кого задача коллективно пахать землю сделала честолюбивыми, ревнивыми и склонными к эксплуатации. Таким образом, чувство первичной вины, которое мы обсуждали раньше, привязывает крестьянина к циклу его скорбного искупления и безудержного веселья, делая его зависимым от урожайного года. Христианство, конечно, ухватилось за этот вечный цикл и наложило на него свой собственный годовой календарь прегрешения и искупления, гибели и спасения.

Я могу завершить эту темную тему лишь ссылкой на воспоминание Горького, выдающее читателю отождествление возделываемой земли и покоряемой женщины, равно как и маниакальный вызов ее хозяина.

... Он [Чехов] говорил:

– Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша!

Затеяв писать пьесу “Васька Буслаев”, я прочитал ему хвастливый Васькин монолог:

Эхма, кабы силы да поболее мне! Жарко бы дохнул я – снега бы растопил, Круг земли пошел бы да всю распахал, Век бы ходил – города городил Церкви бы строил да сады вес сажил! Землю разукрасил бы – как девушку, Обнял бы ее – как невесту свою, Поднял бы я землю ко своим грудям, Поднял бы, понес ее ко Господу:

– Дал бы я тебе ее в подарочек,

Да – накладно будет – самому дорога!

Чехову понравился этот монолог, взволнованно покашливая, он говорил мне:

– Это хорошо... Очень настоящее, человеческое! Именно в этом “смысл философии всей”. Человек сделал землю обитаемой, он сделает ее и уютной для себя. – Кивнув упрямо головой, повторил: – Сделает!

Предложил прочитать похвальбу Васькнну еще раз, выслушал, глядя в окно, и посоветовал:

– Две последние строчки – не надо, это озорство. Лишнее...

#### 4. Эксплуатируемые

##### А. Святой и нищий

Цыганок – найденыш – не был рожден в грехе, подобно остальному племени, дядьям, “зверью”. Поэтому, как говорит бабушка, он – “простая душа”. Цыганок грациозен и ловок в движениях, что он убедительно продемонстрировал в пляске, тогда как другие мужчины кажутся зажатými, одеревеневшими, а когда напьются или разъярятся, то становятся похожими на грузовики без тормозов. Цыганок не был чьим-то сыном, не претендовал на имущество и никому не завидовал: как если бы его сиротство предполагало непорочное зачатие. И действительно, фильм довольно тонко и искусно создает его образ как первого христианина, милосердного и не теряющего надежды.

Цыганок рассказывает Алеше о его умершем отце. Он был другим: *с понятием*. Поэтому Каширины и ненавидели Максима Пешкова. Здесь вводится тема, которая позже поднимается еще раз – с появлением анархиста, типичного представителя тех, кто понимает и принимает бездомность. Отцы вместе со своими жадными сыновьями ненавидят их как носителей совершенно нового начала, с которым невозможно сражаться старым оружием: ведь эти люди читают, думают, планируют. Таким образом, именно Цыганок снабжает пытливую душу Алеши образами его будущей идентичности.

Цыганок одобряет тех, кто “понимает”, хотя сам к ним не относится. У него другой недостаток и он опасно отличается в другом отношении. Цыганок – “добрый”. После той памятной порки его руки были по локти в красных рубцах, и он весело сознается, что, удерживая Алешу на скамейке, подставлял их, чтобы хоть немного ослабить жесточайшие удары. “Ведь я тебя люблю, – за то и боль принял, за любовь!” – говорит он очарованному мальчику, чье сердце рвется к нему. А затем Цыганок учит Алешу, как принимать удары: “Когда тебя вдругорядь сечь будут, ты, гляди, не сжимайся, не сжимай тело-то, чуешь? Вдвойне больней, когда тело сожмешь, а ты распусти его свободно, чтобы оно мягко было, – киселем лежи! И не надувайся, дыши во всю, кричи благим матом, – ты это помни, это хорошо!” Он признается: его, столько пороли, что теперь из его кожи хоть голицы шей.

И снова подтекст этой сцены явно не формулируется. Но, по-видимому, речь в ней идет о соблазне наивного непротивления, христианской доброты и приучения терпеть страдания этого мира, приспособляясь к его ударам. Алеша тронут и очарован, однако остался сдержанным. А вскоре после этого разговора Цыганок погибает весьма своеобразным, символическим образом – и Алеша должен унести утрату друга.

Но после пожара, когда ослепший Григорий, спотыкаясь, бродит с вытянутыми руками вокруг их дома и жалобно зовет Алешу, мальчик прячется от него и позволяет старику одиноко брести в вечной ночи. Позднее, его два

или три раза показывают следящим за Григорием, когда тот побирается на улице и пытается хоть что-то отыскать на пепелище. Фактически, Алеша крадучись идет за ним, как если бы его неодолимо манило это неприглядное зрелище.

Западный зритель не может не подумать о том, какую трогательную картину они могли бы создать вместе: высокий почтенный слепой старец и ведущий его за руку мальчик. Наш зритель предвидит финал, где измученный совестью дедушка исправляется и бьет тревогу по всей стране, пытаясь вернуть этих двоих, когда кажется, что уже слишком поздно. Отряд полицейских под началом бравого шерифа или мотоциклетный патруль настигают старика и мальчика как раз в тот момент, когда они собираются перейти реку по подмытому паводком мосту...

Однако совершенно очевидно, что мы наблюдаем в этом фильме появление души нового склада, которое нам показывают главным образом через ее упущения. Упускаются же те действия, которые основаны на чувстве вины. Ни угрызения совести, ни исправление содеянного, по-видимому, не принимаются в расчет в этом новом расположении духа. Что имеет значение, так это критическая осторожность, неподкупное терпение, полное избегание неверных действий, вызревание ясного внутреннего направления и только затем – действие.

Западный критик приходит здесь к выводу, что этому фильму не только не достает морали, но он просто аморален. Возможно, однако, что в нем нам предлагают моральные альтернативы, совершенно отличные от тех, которым предан иудейско-христианский мир. Когда Алеша не поддается искушению принести в жертву слепому старику свою молодую жизнь, он, конечно, нарушает обещание конкретному человеку, данное, возможно, на основе чувства разделенной вины, ощущения, что он должен искупить экономические грехи своего деда. Но в противовес этому “искушению” существует внутренняя клятва, обет следовать направлению, пока еще неотчетливому плану, который вместо постоянного сохранения внутренней вины ведет к совместному действию по ту сторону добра и зла. Такую клятву олицетворяет еще один персонаж фильма: анархист.

Следует особо отметить финальную сцену, в грубых, кричащих образах показывающую крайнее презрение нового поколения к моральному краху старого. Когда к этому времени уже совершенно одряхлевший дедушка просит милостыню, пробираясь сквозь толпу зевак на пожаре, старый мастер Григорий отвечает на стенания своего бывшего хозяина и делится с ним куском хлеба. Дедушка, признав слепого, с криком “Ты пустил меня по миру!” швыряет в него хлебом. С моей точки зрения, это грубая сцена; но маленький Алеша просто отворачивается от нее, даже без каких-либо признаков отвращения. Оставлять за собой руины людей и систем – дело, которое не предусматривает никакого расхода эмоций.

### **Б. Чужой**

Все это время в слободе, а фактически – в комнате дедова дома, живет человек. Живет “сам по себе”, ни с кем не разговаривает. Вроде бы не раб, но

ничем не владеет. Ничего не продает и, тем не менее, на что-то живет. Называет себя химиком, но на работу не ходит. Черноволосый, с высоким лбом и пронизательными глазами за стеклами очков, он походил на моложавого, немного похудевшего Троцкого.

Когда однажды Алеша доверчиво забирается через окно подвальной комнаты к этому человеку, жилец быстро прячет какую-то книгу. А затем спокойно “выкуривает” посетителя, открыв бутылку с какой-то зловонно пахнущей жидкостью. Мальчик обижается, но еще больше – заинтригован.

Алеша вновь встречает загадочного постояльца на одном из вечеров, которые устраивала бабушка и где она рассказывала собравшимся старинные легенды и сказания. Мы слышим, как она по памяти, простыми и сильными словами, рассказывает длинную легенду, завершающуюся сентенцией: “За чужую совесть бы не прятался!”.

От этих слов постоялец приходит в необыкновенное возбуждение, как если бы слышал голос оракула. Он что-то бормочет по поводу “народа, нашего народа” (что, по-видимому, касается оценки древней народной мудрости) и поспешно выходит из комнаты. Возможно, символично, что под влиянием чувств он забывает свои очки. Во всяком случае, их подбирает Алеша.

В следующей сцене Алеша застаёт странного жильца лежащим в траве на краю крутого берега реки. Мужчина весьма сдержанно благодарит его за очки. Фактически, он довольно грубо дает понять, что мальчик может посидеть рядом с ним, если будет молчать и присоединится к его созерцательному настроению. Тем самым этот мужчина, река, необъятный простор и новое расположение духа связываются между собой и остаются таковыми. Господствующее положение мужчины, вероятно, говорит о том, что нужно уметь молчать; нужно уметь медитировать; и нужно стремиться рассмотреть удаленный горизонт. Вслух же он произносит: “Запоминай все истории, какие бабушка знает. Научись читать и писать”. Алеша удивлен, но ему явно по душе, с каким жаром и искренностью говорит ему это постоялец.

Их дружба продолжается недолго, или скорее – должна ограничиться очень коротким знакомством, ибо жадный дедушка заставляет чужака освободить комнату, и тот решает уехать из города.

Ватага бездомных мальчишек провожает его к реке. Но он идет рядом с Алешей, положив ему руку на плечо. Согласно субтитру на английском языке, он горячо убеждает Алешу. Он произносит это с таким миссионерским пылом, что в сказанном чувствуешь некий смысл выходящий за пределы значений употребленных слов. Поэтому придется на некоторое время превратиться в лингвиста.

Жесты этого мужчины говорят о том, что под словом “take” он подразумевает “хватать” или “удерживать”, а не “примиряться” или “держаться до конца”. Однако когда я смотрел фильм первый раз, мой русский переводчик настаивал на том, что мужчина сказал “брат”. Сама по себе эта фраза довольно неопределенна: в зависимости от контекста она может быть понята и как “Нужно уметь принимать жизнь такой, как она есть” и как “!

По причинам, которые вскоре будут обсуждаться, это различие настолько существенно, что я упорно продолжал выяснять происхождение разрыва между словом и жестом в этой сцене. Как выяснилось, в книге, по которой поставлен фильм, революционер говорит: “Всякую вещь надо уметь взять, – понимаешь? Это очень трудно – уметь взять!” Тогда, очевидно, именно слово, а не его значение было утеряно где-то на пути от книги к фильму.

Смысл же интересующей нас фразы в том, что нужно научиться не ждать, пока дадут; нужно хватать то, что хочешь, и не отпускать. Мы обсуждали эту альтернативу в связи с социальными модальностями оральных стадий. Видимо, этот мужчина имеет в виду не только то, что нужно хватать; скорее он пытается передать Алеше идею, что нужно делать это с чистой совестью, новой совестью: нужно хватать и не регрессировать от одного только чувства греха по поводу схваченного.

Как мы увидим, это решительное “хватание” в паре с сопротивлением попаданию обратно в зависимость имеет значение в большевистской психологии. Мы уже описали пронизывающую, режущую манеру Алеши парировать злобный взгляд своего деда; мы также обратили внимание на важность сосредоточения, схватывания и схватывания в видении и предвидении; и мы показали твердость его воли, независимой от личных чувств.

Позже выясняется, что чужак был революционер и его разыскивала полиция. Когда нам показывают колонну оборванных, закованных в кандалы арестантов, уныло бредущих по Алешиной улице к пароходу (в Сибирь), – чужак среди них, бледный и похожий на привидение, но почти радостный.

Субтитр гласит: “Так кончилась моя дружба с первым человеком из бесконечного ряда чужих людей в родной своей стране, – лучших ее людей...”

Итак, Алеша близко познакомился с членом подпольной группы профессиональных революционеров, представителем интеллигенции, востребованной на время из-за ее религиозной веры не только в обязательность просвещения, но и в необходимость дисциплины духа как средства спасения от апатии, летаргии и рабства.

### **В. Безотцовщина и безногий ребенок**

После исчезновения анархиста Алеша, кажется, немного подрастает. Теперь его целью становится товарищество. И мы не должны забывать, что его отец тоже “понял” – и исчез. И все же страшно смотреть, как этот простой мальчик идентифицируется с измученной тенью человека, чей этос уместился в нескольких туманных репликах. Ведь Алеша еще ребенок. Где его детство? Кто его сверстники? Играет ли он вообще?

Мы видели его неудачное участие в грубых шутках своих двоюродных братьев и их злобные и бесчестные поступки даже по отношению к старому человеку. Сцена порки, или лучше сказать социальное взросление Алеши вследствие морального поражения деда после порки – положило конец подобным “забавам”. Позже, когда Алеша знакомится с окрестностями слободы, он случайно сталкивается с компанией откормленных мальчишек, с криками и камнями нападающих на слободского блаженного Игошу. Алеша не



раздумывая вступает за убогого, и тогда мальчишки переключаются на него, крича: “А, Каширин!” Он протестует: “Я – Пешков!” Подобно мальчишкам всего мира, они вступают в словесную перепалку: “Каширин! – Пешков! – Каширин! – Пешков!” Но когда обмен словами перерастает в обмен ударами и Алеша оказывается в трудном положении, неожиданно появляется ватага голодных, одетых в лохмотья, юных созданий и выручает его из беды. Между спасителями и спасенным сразу завязывается дружба.

Эта ватага состоит из бездомных мальчишек – в подлинном смысле слова “пролетариев”. Алеша становится одним из них: экономически, поскольку присоединяется к их занятию – шарить на помойках в поисках вещей, которые можно продать старьевщикам; и духовно, поскольку разделяет их чувство невозможности опереться на родителей – если, конечно, они есть. Так, в нескольких сценах, драматически показана пролетаризация Алеши. Он, оставшийся без отца Пешков, становится на сторону блаженного, обделенного с рождения; и он присоединяется к тем, кто опустил ниже всех сословий и классов. В весьма выразительной сцене он сталкивается с тем, что один из них – мальчик с азиатскими чертами – даже не знает, откуда он родом. Алеша смеется, – и это последнее проявление безрассудного веселья. Видя отчаяние и ярость татарчонка, он освобождается от еще одного искушения: гордиться фамилией Пешков. (Как известно, позднее он возьмет себе имя отца – Максим, а фамилию – Горький.)

Итак, Алеша тоже пролетарий. После “работы” он и его ватага лежат на крутом берегу реки, с умеренной высоты которого эти обездоленные дети всматриваются в горизонт и в будущее. О чем они там мечтают? О том, чтобы завести голубей, а потом выпустить их на свободу: “Я люблю смотреть, как голуби кружат в прозрачном летнем небе”.

Эта мысль о свободе усиливается, контрапунктически, другой знаменательной встречей. Внимание Алеши привлекает веселый юный голос, доносящийся из подвального окна. Алеша идет на этот голос, и обнаруживает Леньку, мальчика-калеку, прикованного к постели. У него с рождения парализованы ноги: “не ходят, не живут, атак себе...” – как он сам объясняет. Поэтому мальчик заточен в подвале, как в тюрьме. Однако оказывается, он живет в своем собственном мире – мире игры и фантазий. В коробках Ленька держит разную мелкую живность, которая вынуждена делить с ним его плен. Но он живет ради того дня, когда увидит поле и степь, – и тогда откроет все эти маленькие коробочки и выпустит всех на волю. А до этого букашки и козявки составляют его микрокосм, являясь отражением внешнего мира: таракан – “Хозяин”, муха – “Чиновница”. Подлинные угнетатели из реального мира оказываются пленниками его игрового мира. Возникает такое впечатление, будто его искалеченное тело позволило ему быть единственным ребенком с игривым умом в этой картине. Его смех – самый радостный и самый свободный, а глаза наполнены восхищенным блеском. Его ощущение власти, кажется, не знает границ; он уверен, что “если мышь все кормить да кормить, так она вырастет с лошадь”.

Видя любовь мальчика к своим товарищам по заточению и его насущную потребность, и способность наделять эти маленькие существа, вроде мыши, мифическими возможностями, Алеша, после недолгих колебаний, отдает Ленке белого мышонка. Этот мышонок, как мы помним, был посмертным даром Цыганка Алеше, его последней связью с весельем и последней забавой. Почему он отдает его? Что это – жалость? Милосердие? По-видимому, Алеша снова растет морально, жертвуя утехой и сопротивляясь искушению – искушению играть, мечтать, крепко держаться за фетиши-заменители, которые облегчают тюремное существование и, тем самым, добавляются к его оковам. Он знает, что ему придется обходиться без забав. Таким образом, каждый из поступков Алеши (или его отказов совершить их) подобен обету. Один за другим уничтожаются мосты регрессии и навсегда отвергаются инфантильные утехи души.

Ленька же может стать свободным, только если кто-то освободит его, даст ему ноги. Это и есть та задача, какую Алеша ставит перед своей ватагой. Из собранных на помойках частей какой-то машины мальчишки сооружают ему коляску, механический протез локомоторной свободы.

### **Г. Спелёнатый младенец**

Фигура Ленки, видимо, взята не из книги Горького. Мне неизвестно, кто ее придумал. Однако представляется важным, что самый эмоциональный и веселый из всех детских персонажей фильма, оказывается, так сказать, наименее подвижным. Его восторг не знает границ, а ноги связаны, они “не живут, а – так себе”. Это затрагивает неразрешенную русскую проблему детского воспитания, которая приобрела почти смешное звучание в недавних дискуссиях о русском характере: проблему пеленания (или свивания).

Действительно ли русская душа – спелёнатая душа? Некоторые из ведущих ученых в области исследования русского характера, которым я обязан моим знакомством с этим кинофильмом, именно так считают.

Среди огромного сельского населения России и, в различной степени, среди жителей всех ее регионов и слоев, разделявших и разделяющих общее культурное наследие великих среднерусских равнин, такой элемент ухода за ребенком, как пеленание, был развит до крайности. Хотя обычай заворачивать новорожденных в пеленки широко распространен во всем мире, согласно древнерусской традиции младенца следует пеленать целиком (с головы до пят) и достаточно туго, чтобы превратить сверток в удобное для переноски “полено”; кроме того, эта традиция предписывает пеленать ребенка большую часть дня и на всю ночь в течение девяти месяцев. Подобная процедура не приводит к какой-либо прочной локомоторной недостаточности, однако распеленатого младенца, по-видимому, приходится учить ползать.

Вопрос о том, почему нужно пеленать младенцев, вызывал у простых русских удивление: разве есть другой способ переносить ребенка с места на место и сохранять его тепло в долгие холодные зимы? А, кроме того, как еще можно добиться, чтобы малыш не расцарапывал и не расчесывал себя, а также не пугался неожиданного появления собственных рук перед глазами? Скорее всего, так оно и есть: спелёнатый ребенок, особенно когда его только что

распеленали, не настолько владеет собственными движениями, чтобы уберечь себя от случайных царапин и ушибов. Дальнейшее же предположение, что *поэтому* его приходится пеленать снова – это излюбленный трюк культурной рационализации, которая превращает специфический способ ограничения свободы младенца в самостоятельный феномен культуры. Младенца нужно пеленать, чтобы защитить его от себя самого; пеленание вызывает у него сильные вазомоторные потребности, и он должен оставаться эмоционально “спелёнатым”, чтобы не пасть жертвой неистовой эмоции. А это, в свою очередь, способствует созданию базисной, довербальной установки, согласно которой людей, ради их же собственного блага, нужно строго ограничивать, хотя и предлагать, время от времени, способы разрядить сжатые эмоции. Поэтому пеленание подпадает под рубрику тех вопросов воспитания ребенка, которые должны иметь существенное отношение к образу мира целостной культуры.

Действительно, нет такой другой литературы, помимо русской, где был бы столь широко представлен вазомоторный эксцесс. Люди в русской беллетристике выглядят изолированными и, одновременно, несдержанными в проявлении чувств: как если бы каждый был странным образом заточен в себе самом как в изолирующей камере задушенных эмоций и, тем не менее, вечно стремился бы к другим душам, вздыхая, бледнея и краснея, рыдая и падая в обморок. Многие населяющие эту литературу персонажи, кажется, живут ради того мгновения, когда какое-то опьянение (или отравление?) – секреторное, алкогольное или духовное – позволит достичь временного слияния чувств, добиться взаимности, – часто, лишь иллюзорной, неизбежно завершающейся изнеможением. Но нам нет нужды выходить за пределы обсуждаемого кинофильма: если повседневная русская действительность времен юности Горького обнаруживала хотя бы долю той несдержанности, силы и широты выражения чувств, какую мы наблюдаем в этом фильме, отражение эмоции в сознании маленького ребенка должно быть живым и калейдоскопическим.

Тогда интересно поразмышлять о том, что спелёнатый младенец – когда он начинает сознавать такую эмоциональность – лишен возможности без посторонней помощи реагировать на нее “двигательно”: взбрыкивая ножками, взмахивая ручками, шевеля пальчиками. Он также лишен возможности поднимать голову, хвататься за опору и распространять свое зрительное поле на звуковые источники воспринимаемого потрясения. Такое положение можно, фактически, рассматривать как обременение вазомоторной системы задачей гашения и уравнивания всех этих ярких впечатлений. Только во время периодического разворачивания младенца он получает возможность участвовать в бурном излиянии чувств старших.

Однако чтобы оценить значение такого элемента детского воспитания, как пеленание, в полной конфигурации культуры, вряд ли стоит ограничиваться единственной однонаправленной цепью причинности – в том смысле, что русские таковы, какими они оказываются на самом деле или, возможно, кажутся или изображают себя, – потому что их пеленали. При обсуждении других культур мы должны скорее предполагать взаимное усиление некоторого

количества тем. Вполне вероятно, что почти универсальный и, между прочим, довольно практичный обычай пеленать младенцев получил в России усиление под действием той синхронизирующей тенденции, которая сводит географию, историю и детство человека в несколько общих категорий. Мы наблюдаем конфигурационную близость между этими тремя элементами русской традиционной культуры.

1. Компактная социальная жизнь в уединенных укрепленных поселениях, изолированных друг от друга холодами центральных равнин, и периодическое освобождение их жителей после весенней оттепели.

2. Долгие периоды тугого пеленания, чередующиеся с минутами обильного обмена радостными чувствами во время освобождения младенца от пеленок.

3. Одобряемое проявление в поведении нечеловеческой (“деревянной”) выносливости и, наряду с этим, периодический эмоциональный катарсис, достигаемый безудержным излиянием души.

В таком случае, пеленание – если рассматривать его в исторической и политической плоскостях – могло, по-видимому, быть частью системы неподатливых институций, которая помогала поддерживать и продлевать русское сочетание рабства с “душой”. И действительно, Горький писал в “Мещанах”: “Когда человеку лежать на одном боку неудобно – он перевертывается на другой, а когда ему жить неудобно – он только жалуется... А ты сделай усилие, – Человек, должным образом мотивированный, способен сделать усилие, чтобы перевернуться или, в действительности, подняться; но под давлением прикованности к определенным обстоятельствам, в душе он может действовать в соответствии с его самым ранним опытом переживания связанного состояния. А что не в состоянии сделать спеленатый младенец, – так это перевернуться. Он способен лишь падать обратно на спину, уступать, терпеть и галлюцинировать, задерживаясь на вазомоторных ощущениях и на внезапных изменениях в функционировании кишечника, пока ему снова не подарят мгновение локомоторной свободы.

Вполне возможно, что фигура Леньки символизирует нечто подобное, поскольку мы видим ребенка с сильнейшими движениями души и с максимально ограниченной способностью к передвижению, отличающегося от остальных детей самым живым воображением и огромной зависимостью от окружающих. Когда Алеша дарит ему белого мышонка, создается впечатление, будто он перерос необходимость держаться за игровой фетиш и мечты о таком могуществе, в каком могут нуждаться спелёнатые и заточенные души. Он не жалеет Леньку. Скорее, он отчетливо представляет себе его состояние, сравнивает со своим и поступает соответственно. Алеша заботится о том, чтобы Ленька получил механические ноги, – однако не идентифицируется с ним.

Хотя фильм не показывает Алешу и его ватагу за игрой, “Воспоминания” Горького содержат сообщение о безумной игре, которой увлекались в то время юные “изгои”. Как можно увидеть, интерпретация Горьким этой игры полностью согласуется с теоретическими положениями, выдвинутыми в нашей главе об игре.

Мальчишкой лет десяти я *ложился под балластный поезд*, соперничая в смелости с товарищами, – один из них, сын стрелочника, делал это особенно хладнокровно. Забава эта почти безопасна, если топка локомотива достаточно высоко поднята и если поезд идет на подъем, а не под уклон; тогда сцепления вагонов туго натянуты и не могут ударить вас или, зацепив, потащить по шпалам. Несколько секунд переживаешь жуткое чувство, *стараясь прильнуть к земле насколько возможно плотнее* и едва *побеждая* напряжением всей воли *страстное желание пошевелиться, поднять голову*. Чувствуешь, что поток железа и дерева, проносясь над тобою, отрывает *тебя* от земли, *хочет увлечь* куда-то, а грохот и скрежет железа раздается как будто в костях у тебя. Потом, когда поезд пройдет, с минуту и более лежишь на земле, *не в силах подняться*, кажется, что ты плывешь вслед поезда, а тело твое как будто бесконечно вытягивается, растет, *становится легким, воздушным* и – вот сейчас полетишь над землей. Это очень приятно чувствовать.

Я сказал, что, может быть, мы испытывали силу нашей воли, противопоставляя механическому движению огромных масс сознательную неподвижность ничтожного нашего тела.

– Нет, – возразил он, – это слишком мудрено, не по-детски.

Напомнив ему, как дети “мнут зыбку”, – качаются на упругом льду только что замерзшего пруда или затона реки, я сказал, что опасные забавы вообще нравятся детям.

Курсивом я выделил места, дающие возможность предположить (в соответствии с нашими теориями травмы и игры) наличие дополнительного смысла в этой игре. Здесь, вероятно, можно говорить о том, что дерзкая ватага мальчишек бросает вызов балластному поезду, чтобы снабдить себя опытом, в котором жутко повторяются существенные, общие для всех, элементы детской травмы; неподвижность и насильственное движение, полное бессилие и крайняя легкость чувств.

Независимо от того, подтверждается или не подтверждается “гипотеза пеленания” в отношении трансформации младенческого опыта в юношеские и взрослые формы, она все-таки указывает на конфигурации необычайно живого опыта в поведении и воображении русских.

В фильме Алеша не участвует ни в каких играх. Он ко всему присматривается, смотрит, так сказать, в оба глаза, хотя и часто пытливо сощуренных: “собирается”, фокусирует свое зрение, старается не отвлекаться, ясно увидеть и полностью понять – и все для того, чтобы со временем “схватить жизнь”. В этом фильме больше говорится о том, *от чего* Алеша освобождается, чем *для чего* он хочет быть свободным.

## 5. Протестант

Алеша уходит. Ватага провожает его до полей. В построенной к этому времени маленькой коляске они везут с собой Леньку. Тот – вне себя от радости и предвкушения: он передвигается и приближается к своей заветной цели – выпустить на волю всех обитателей его “зверильницы”. В сцене, которая

вполне могла бы стать счастливым концом фильма в любой другой культуре, Ленка подбрасывает своих любимых птиц в воздух и смотрит, как они исчезают в бескрайних просторах. Однако когда мальчишки кричат и машут им руками на прощанье, Алеша безучастно смотрит в направлении горизонта.

Куда он идет, этот юноша со сталью во взгляде? В фильме ничего не говорится об этом. Очевидно, он уходит, чтобы стать Горьким, а, кроме того, стать новым русским. Что же произошло с юным Горьким? И чем примечателен тип нового русского?

Горький поехал учиться в Казанский университет. “Если бы кто-то предложил мне: “Поезжай и учись, но при условии, что тебя каждое воскресенье будут публично сечь на Николаевской площади”, я скорее всего согласился бы”. Однако вскоре он в полной мере ощутил на себе дискриминацию в отношении безденежных студентов. Поэтому Горький становится студентом “вольного”, как он сам его называл, университета революционной молодежи.

Горький всегда был чувствительным и впечатлительным, и только его решение “схватить жизнь”, чуть ли не заставить ее отозваться на его веру, противодействовало глубокому, сентиментальному унынию. Его эпитимья как писателя состояла из упорного стремления выразить суть в немногих словах. Наперекор глубоко ностальгической тенденции Горький решил развить силу духа, чтобы можно было справиться “с зубной болью в сердце” и даже полюбить ее. Как и многих близких ему по духу современников, такое напряжение сил чуть не убило Горького.

В 20 лет он попытался свести счеты с жизнью, выстрелив себе в грудь. Его предсмертная записка довольно необычна: “В своей смерти я виню немецкого поэта Гейне, который выдумал зубную боль в сердце... Из моего паспорта видно, что я – А. Пешков, а из этой записки, надеюсь, ничего не видно”. Итак, он готов простить нас, если мы все же увидим значимую связь между этой зубной болью в сердце и его болью, а также стремлением его народа преодолеть регрессивную ностальгию и “ухватить жизнь”. Использованное в записке выражение действительно принадлежит горько (мы сказали бы – язвительно) ностальгическому Гейне, рекомендовавшему в качестве средства от зубных болей в сердце тот зубной порошок, что изобрел Бертольд Шварц. Позднее Горький описывал Чехову свой репрессивный период как время “каменной тьмы” и “неподвижности, уравновешенной навеки”. Покончив с этим застоем попыткой покончить с собой, Горький выздоровел и отправился бродить по стране, работая, где придется.

“Я в мир пришел, чтобы не соглашаться” – заявил он в своей первой эпической поэме. Алеша ходил за Григорием и всеми другими, наблюдая чтобы понять, где ему следует, а где не следует вовлекаться в существующую человеческую жизнь. Горький буквально подкрадывался к людям и ситуациям, чтобы увидеть, где бы он мог вырвать у жизни, как бездомный скиталец, те “редкие и положительные” явления, которые не дали бы его вере угаснуть.

Его аналитическая неподкупность, “возведенная в ранг вдохновляющей идеи”, нигде не выражена более эпически, чем в знаменитом письме,

написанном Горьким по получении огорчающего сообщения об “уходе Толстого”.

...У меня в душе собака воет, и мне мерещится какая-то беда. Вот – пришли газеты, и уже ясно: у вас там начинают “творить легенду”, – жили-были лентяи да бездельники, а нажили – святого. Вы подумайте, как это вредно для страны именно теперь, когда головы разочарованных людей опущены долу, души большинства – пусты, а души лучших – полны скорби. Просятся голодные, истерзанные на легенду. Так хочется утолить боли, успокоить муки! И будут создавать как раз то, что он хотел, но чего не нужно, – житие блаженного и святого.

...Вот он теперь делает свой, вероятно, последний прыжок, чтобы придать своим мыслям наиболее высокое значение. Как Василий Буслаев, он вообще любил прыгать, но всегда – в сторону утверждения святости своей и поисков нимба. Это – инквизиторское, хотя учение его оправдано старой историей России и личными муками гения. Святость достигается путем любования грехами, путем порабощения воли к жизни. Люди хотят жить, а он убеждает их: это – пустяки, земная наша жизнь! Российского человека очень просто убедить в этом: он – лентяй и ничего так не любит, как отдохнуть от безделья.

...Странное впечатление производили его слова: “Мне хорошо, мне ужасно хорошо, мне слишком хорошо”. И – вслед за этим тотчас же: “Пострадать бы.” Пострадать – это тоже его, правда; ни на секунду не сомневаюсь, что он, полубольной еще, был бы искренне рад попасть в тюрьму, в ссылку, вообще – принять венец мученический.

В конечном счете, он видел в изменении Толстого древнее проклятие России:

...Он всегда расхваливал бессмертие по ту сторону жизни, но больше оно нравится ему – по эту сторону. Писатель национальный в самом истинном значении этого понятия, он воплотил в огромной душе своей все недостатки нации, все увечья, нанесенные нам пытками истории нашей; его туманная проповедь “неделения”, “непротивления злу” – проповедь пассивизма, – все это нездоровое брожение старой русской крови, отравленной монгольским фанатизмом и, так сказать, химически враждебной Западу с его неустанной творческой работой. То, что называют “анархизмом Толстого”, в сущности, и корне своем выражает нашу славянскую антигосударственность, черту опять-таки истинно национальную, издревле данное нам в плоть стремление “разбрестись розно”. Мы и по сей день отдаемся стремлению этому страстно, как вы знаете и все знают. Знают – но расползаются, и всегда по линиям наименьшего сопротивления, видят, что это пагубно, и ползут еще дальше друг от друга; эти печальные тараканьи путешествия и называются: “История России”, государства, построенного едва ли не случайно, чисто механически, к удивлению большинства его честно мыслящих граждан, силами варягов, татар, остзейских, немцев и околоточных надзирателей...

Зрителям этого фильма, пытающимся понять, для чего Алеша стал свободным, трудно избежать двух ловушек: биографической и исторической. Кажется очевидным, что Алеша – собирательный вымышленный образ –

обладает большим сходством с образом самого Горького, его идеалами и той легендой, которую он, как любой великий писатель, так усердно разрабатывал, рассчитывая создать определенное впечатление. Однако, принадлежавшие подлинному Горькому способы разрешения его юношеских проблем посредством творчества и невроза, лежат в стороне от нашего обсуждения.

Историческая ловушка, вероятно, кроется в неприязненном сравнении простой человечности и жизненности этой картины, ее имплицитного революционного духа с ходульной и тупой революционной “линией”, ставшим привычным в отношении тех советских книг и фильмов, которые доходят до нас сейчас. За грубыми злоупотреблениями революциями со стороны тех вождей, которых они приводят к власти, мы должны искать корни революции в нуждах ведомых – и заведенных в тупик.

Значение этого фильма для нашей книги заключается в его очевидной релевантности ряду психологических тенденций, являющихся базисными для революций вообще и, особенно, для революций в тех регионах, которые стоят перед необходимостью индустриализации, хотя еще и погружены в образы древней аграрной революции. Конечно, анализируемый фильм предлагает для обсуждения лишь отдельные образы одного из таких регионов – великих русских равнин. Несмотря на то, что другие этнические районы потребовали бы рассмотрения иных или, возможно, близких образов, все-таки Россия сыграла такую же решающую и глубокую роль в коммунистической революции, какую, скажем, англосаксы сыграли в истории Америки.

Подведем итоги. Среди предлагаемых этим фильмом образов доминирующее положение занимает образ бабушки. По-видимому, она олицетворяет людей в их мистическом единстве с плотью и землей: хорошее по своей природе, но оскверненное жадностью “племя”, утраченный рай. Стать или оставаться причастным к силе бабушки – означало бы капитулировать перед вечностью, попасть в вечную зависимость от веры первобытного экономического порядка. Именно эта вера заставляет первобытного человека крепко держаться за древнюю технологию и способы магического воздействия на силы природы; и она же, в свою очередь, снабжает его простым лекарством против чувства греха: проекцией. Все плохое заключено в злых силах, в духах, в проклятиях, – и либо нужно управлять ими с помощью магии, либо быть одержимым ими. Для революционера-большевика доброта бабушки уходит в далекое прошлое, во времена, когда добро и зло еще не были известны миру; и можно предположить, что ее доброта сохранится в отдаленном будущем, когда бесклассовое общество преодолет мораль жадности и эксплуатации. В настоящем же бабушка представляет опасность. Она являет собой политическую апатию той самой вечности и детской доверчивости русского человека. А возможно, что бабушка символизирует достоинство, как недавно выяснилось, которое позволяет Кремлю выжидать, а русскому народу продолжать терпеть.

Вторая система образов, по-видимому, касается дихотомии “дереву-огонь”. Мужчины – крепкие, плотные, грузные, неуклюжие и тупые – напоминают собой деревянные чурбаки, которые, однако, легко



воспламеняются. Они – дрова, но они же – и огонь. Спелёнатое “полено” с его тлеющим вазомоторным бешенством, “деревянные” русские люди с их эксплозивной душой – являются ли такие образы остатками недавнего, а для России, так и вообще следами нынешнего *деревянного века*? Дерево служило материалом для строительства укреплений вокруг городов и топливом для раскаленных печей в долгие холодные зимы. Кроме того, оно служило основным материалом для изготовления орудий труда. Но оно таило в себе опасность быть истребленным вследствие своей горючести. Дома, деревни и деревянные орудия сгорали дотла – фатальная тенденция, если иметь ввиду, что и сами леса погибали в пожарах, уступая место степям и болотам. К каким магическим средствам прибегали люди для их спасения?

Третья система образов строится вокруг *железа* и *стали*. В фильме она представлена только образом маленького колеса для Ленькиной коляски. Мальчишки находят колесо в куче мусора, но вместо того, чтобы выручить за него деньги, они приспособливают его в качестве детали протеза для локомоторного освобождения Леньки. Однако, помимо этого, колесо занимает особое место среди основных изобретений человечества. Оно превосходит орудия труда, представлявшие собой простые расширители и заменители конечностей; движущееся само по себе, колесо кладется в основу идеи машины, которая, будучи созданной руками человека и им же управляемой, тем не менее, развивает некоторую автономию как механический организм.

Разумеется, за пределами этого образа, сталь во многих отношениях выступает как символ нового душевного склада. Тогда как образы дерева и огня говорят о циклической личности, характеризующейся равнодушным тяжелым трудом, детской доверчивостью, внезапными вспышками пожирающей страсти и гнетущим чувством обреченности, образы стали указывают на неподкупный (“нержавеющий”) реализм и длительную, дисциплинированную борьбу. Ибо сталь выковывается в огне, а не горит и не разрушается в нем. Владеть сталью – значит восторжествовать над слабостью живой плоти, над смертностью и воспламеняемостью деревянной души. Когда сталь выкована, она куёт новое поколение и новую элиту. Должно быть, именно такую коннотацию имеют, по крайней мере, “фамилии” Сталина (сталь) и Молотова (молот), да и официальное поведение, непрерывно подчеркивающее неподкупность восприятия большевика, его зоркость, сталеподобную ясность его решений и машиноподобную твердость действий. При обороне, такое хладнокровие снова оборачивается деревянностью – или пламенной риторикой.

Теперь мы видим, куда намеревался держать свой курс Горький и куда этот фильм о юности русской революции его ставит: в тот называемый “интеллигенцией” авангард революционеров, который – при всех своих болезненных размышлениях – подготовил новую мораль, учась схватывать и удерживать сначала факты и думы, а затем политическую и военную власть. Нам трудно себе представить, какого сверхчеловеческого воодушевления, по видимому, требовало в то время решение Ленина просить рабочих и крестьян на распадавшихся фронтах не бросать свое оружие; и каким чудом, должно быть, казалось, что измученные массы исполнили его просьбу. Именно Горький

называл писателей “инженерами человеческих душ” и, в свою очередь, говорил об изобретателе как о “поэте в области научной техники, который возбуждает народе своим разумную энергию, творящую добро и красоту”. По мере того, как революция упрочивала свои позиции, высокообразованная и, во многих отношениях, европеизированная интеллектуальная элита уступала место плановой, тщательно подготовленной элите политических, промышленных и военных инженеров, считавших себя аристократией исторического процесса. Они и есть сегодня наши противники, хладнокровные и опасные.

Но было время, когда интеллигенция страстно хотела принадлежать и служить народу; вне всякого сомнения, это она – интеллигенция – усилила в темных и неграмотных массах русского народа (или, во всяком случае, в решающей доле таких масс) стремление найти свою национальную идентичность в мистическом деле интернационала, – и была, в свою очередь, расширена этим стремлением. В Алеше мы видим сына мистического и связанного с землей прошлого, а также отца – основателя будущего, индустриального мира.

Сын американского фермера – это потомок отцов-основателей, которые сами были мятежными сыновьями. Они – наследники реформации, возрождения, появления национализма и революционного индивидуализма – не захотели прятаться за корону или крест. Перед ними лежал новый континент, который не был их родиной и которым никогда не правили коронованные или посвященные в духовный сан предки. Это обстоятельство позволяло эксплуатировать его по-мужски грубо, обильно и, если бы не женщины, анархически. Американцы осуществили, если вообще кто-то осуществил, мечту Чехова. Они сделали покоренную землю комфортабельной, а машины – почти приятными, к амбивалентной зависти остального мира. Протестантизм, индивидуализм и полная опасностей жизнь первопроходцев в сочетании создали идентичность индивидуальной инициативы, нашедшую в индустриализации свою естественную среду. В предыдущих главах мы указали на проблемы, с которыми эта идентичность столкнулась по мере того, как континент постепенно осваивали вширь и вглубь, – и ненасытная инициатива стала пожирать человеческие ресурсы нации; мы также указали на некоторые дериваты протестантской революции.

Теперь я попытаюсь прояснить то, что имел в виду раньше, когда говорил о новом умонастроении Алеши как форме отсроченного восточного протестантизма.

Искушения, от которых отворачивается Алеша, равно как и искушения, от которых отворачивается и против которых восстает любой протестант, не столь уж и отличаются от тех соблазнов, какими римская церковь искушала первых протестантов. Вот эти соблазны: колдовское очарование Бога как духа, входящего через органы чувств подобно свету витражных окон; сильный запах ладана и успокаивающее пение псалмов; мистическое массовое крещение; “клинический” взгляд на жизнь как на детскую болезнь души; и в особенности – позволение “прятаться за совесть другого”.

Если же мы обратимся к тому сообществу, куда Алеша, по-видимому, стремится, параллелизм с протестантскими образами становится еще очевиднее. Ибо от централизованной организации спасения с помощью посредников (и, таким образом, эксплуатации инфантильных и первобытных страхов) Алеша и его товарищи переходят к созданию достойной доверия, ответственной элиты. Их критерием отбора выступает не вера в Невидимого, а поведение внутри сообщества, которое испытывает, отбирает и судит своих членов. Их совесть основана не на пароксизме цикла “грех-искупление”, а на дисциплине духа. Эта дисциплина определяет форму жертвы, придающую большее значение систематическому укрощению разума и чувства, чем эффектному искуплению греха. Их состояние спасения достигается не за счет дарованного верующим внутреннего света веры и любви, но заключается в рассчитанном успехе в этом мире и решительном равнении на современные экономические и технические силы. Их проклятие и смерть – не в сознании греха и неизбежности адских мук, а в исключении из революционного сообщества и даже – в самоустранении из исторического процесса, моральном падении, в сравнении с которым смерть от чьей-то руки – это просто биологический пустяк.

По своему строю, эта восточная протестантская переориентация в корне отличается от западной: будучи пролетарской и промышленной, она одновременно является русской и православной'. Именно два последних элемента определили ловушки такой новой ориентации и преступную чудовищность ее трагедии. Здесь мы можем продолжить и закончить нашу аналогию.

Коммунистическая партия, поглощая нарождавшийся протестантизм, не могла мириться с важной составной частью протестантства: *сектанством*. Для поддержания абсолютной власти партия нуждалась в абсолютном единстве. Отчаянные и, в конечном счете, грубые попытки партии предотвратить фракционный раскол вполне подтверждаются протоколами ее первых съездов, отличавшихся мелочным педантизмом. В этом отношении история партии более всего напоминает церковную историю – достаточно посмотреть на предмет споров партийцев: *истинность* диалектических законов истории, *непогрешимость* Политбюро, мистическая *мудрость* масс. Мы знаем, чем закончился этот мелочный педантизм.

Предсказание Макса Вебера, что попытка установления диктатуры пролетариата могла бы привести лишь к диктатуре посредников, то есть к диктатуре бюрократии, оказалось, как показывают теперешние события, пророческим. Опять же, русские люди верили в одного человека в Кремле, кого они не винили в жестокостях его посредников и считали своим защитником против узурпаторов и эксплуататоров, как иностранных, так и местных.

Они и по сей день искренне так думают, поскольку нет ничего другого, чему они могли бы верить исходя из того, что им известно. Поэтому русские люди вкладывают в эту веру максимум своих Сил. Самое пристальное внимание в наших исследованиях следовало бы уделить тому, что первоначальное появление революционного умонастроения в России и Азии,

носившее вулканический характер, возможно, было попыткой (а с точки зрения хода истории – неизбежной попыткой) приблизиться к уровню человеческой совести, который характеризовал нашу протестантскую революцию. Ввергнут ли нас в войну несколько фигур на евроазиатском континенте или это сделает нервно играющий мускулами Совет министров, – мы не знаем. Однако, вполне возможно, что будущее – с войной или без войны – за теми, кто сможет использовать психологическую энергию, освобожденную от расточительных предрассудков древней земледельческой морали на европейском, азиатском и африканском континентах. Научившись расщеплять атом, физика высвободила новую энергию для мирных целей – и для войны. С помощью психоанализа мы можем изучать другой вид энергии, высвобождаемый при “расщеплении” самой архаической части нашей совести. Когда цивилизация вступает в индустриальную эру, такое расщепление неизбежно. Высвобождаемая при этом энергия может обернуться как благом, так и бедой для человечества. В конечном счете, она может оказаться более решающим фактором, чем материальное оружие.

Когда мы, американцы, с дружелюбной принудительностью Поля Баньяна (а русские сказали бы – Василия Буслаева) заваливаем мировой рынок техническими новинками и роботами, нам нужно научиться понимать, что тем самым мы способствуем созданию революционизированных экономических условий. Мы должны быть в состоянии продемонстрировать беспощадным Алешам, где бы они не жили, что наши новые и сияющие товары (столь соблазнительно упакованные в обещания свободы) не дойдут до них, пока есть еще так много успокаивающих средств для подчинения их своим изношенным высшим классам и так много снотворного для погружения их в новое рабское состояние загипнотизированного потребления. Они не нуждаются в том, чтобы им даровали свободу; они хотят, чтобы им дали возможность “взять” ее, на равных. Им не нужен прогресс там, где он подрывает их чувство инициативы. Они требуют автономии, вместе с единством, и идентичности, в добавление к плодам индустрии. Мы должны преуспеть в убеждении всех Алеш, что по большому счету – их протестантизм есть наш протестантизм, и наоборот.

**Е.Еріксон. Дитинство і суспільство. – Вид. 2-е, переробл. та доповнене / Пер. з англ...– СПб.: ООО “Речь“.**

## Арієс Філіп (1914-1984)

### Відомий французький історик-демограф, антрополог

Філіп Арієс народився в 1914 р. Навчався в університеті Сорбони. З 1975р. – організатор міжнародних семінарів з історичної антропології. Він був послідовником відомого напрямку французької історіографії – так званої школи “Нової історичної науки”. Тим більше – історія не була професійною діяльністю Арієса, основним його місцем роботи був інформаційний центр, створений при організації, що займалася торгівлею тропічних фруктів. Історичною антропологією Арієс займався у вільний від роботи час. В останні роки життя працював у Паризькій вищій школі досліджень, де вів курси із соціології.

Ф.Арієс став відомим, коли у 1960 р. в Парижі вийшла його книга “Дитина і сімейне життя при Старому режимі” – специфічне історичне дослідження, подане не в характерній для історико-демографічній формі (належало до літературного стилю “есе”). Вперше цю працю було перекладено російською мовою у 1988 р, що дало змогу познайомитися і науковцям України.

У своїй праці вчений розкриває генезу (еволюцію) дитячого одягу, гри, розваг, мети, форм і методів морального виховання через живопис тощо. Такий підхід дав змогу розглянути дитинство як особливе соціокультурне явище. Цінною є позиція Ф.Арієса до обґрунтувань таких положень, як місце, становище та функції дітей у ”старій” (Середньовіччя) та сучасній сім’ї. Саме ця складова дає змогу визначити методологічні основи виховання дітей у сім’ї в різні історичні періоди. Вчений розглядає не просто дитину в певний історичний період і не лише розкриває складові дитинства, а звертає увагу на соціальні умови, ставлення дорослих до дітей і до дитинства в цілому.

Те, як суспільство сприймає і виховує своїх дітей, за Ф.Арієсом, – одна із головних характеристик культури в цілому, а зміни в цих установах можуть пояснити більш глибокі макросоціальні зміни (характер сім’ї, її структура та функції).

Поняття “дитинство” розглядається французьким істориком крізь призму всіх вікових періодів розвитку дитинства. Творчість Ф.Арієса була сприйнята неоднозначно спочатку французькою, а потім світовою науковою спільнотою, яка вважала положення й висновки, до яких приходив учений, вразливими. Це стосувалось позиції Ф.Арієса щодо обмеження свободи дитини, посилення досить суворих покарань у ранньобуржуазній сім’ї, без урахування сфери і змісту діяльності дитини, конкретних умов виховання. Але все ж творчий доробок французького вченого здійснив величезний вплив на розвиток науки про дитинство у світі.

До даного видання відібрано уривок із праці Ф.Арієса “Дитина і сімейне життя при Старому режимі”.

## **Ребенок и семейная жизнь при старом порядке**

### **Предисловие к изданию 1973 года**

Говорят, что за деревьями можно не увидеть леса, но самое чудесное время в научном исследовании, когда историк лишь начинает представлять себе общую картину, когда туман на далеком горизонте еще не рассеялся полностью, когда мы еще под впечатлением от документального материала, но можем еще смотреть на него со стороны и изучаемые тексты еще хранят всю свою свежесть. Главная задача исследователя здесь не столько в том, чтобы защитить те или иные положения, сколько в том, чтобы передать читателям радость своего открытия, приобщить их, как приобщился он сам, к цветам и запахам неизвестного. Исследователь стремится также организовать все конкретные детали в абстрактную структуру, и ему всегда непросто (к счастью!) освободиться от множества впечатлений, полученных им в его захватывающем странствии, он всегда неловок в своих, пусть необходимых, попытках поверить их алгеброй теории. Спустя годы, когда прошлое уносит волнение первой встречи, оно дает взамен компенсацию – способность видеть лес. Сегодня, в современных дискуссиях по проблемам ребенка, семьи, молодежи, после различных интерпретаций моей книги, я лучше – то есть более четко и упрощенно – вижу те положения, на которые вдохновил меня долгий диалог с фактами.

Я кратко изложу здесь эти тезисы, сведя их к двум основным.

\*\*\*

Первый относится к нашему старому традиционному обществу. Я утверждал, что оно плохо представляло себе ребенка и еще хуже подростка или юношу. Продолжительность детства была сведена к его самому хрупкому периоду, когда маленький человек еще не может обходиться без посторонней помощи; очень рано, едва окрепнув физически, ребенок смешивался с взрослыми, разделяя с ними работу и игры. Из маленького дитя он сразу же становился молодым взрослым, минуя различные этапы юности, существовавшие, вероятно, до Средних веков и ставшие основными чертами сегодняшнего эволюционировавшего общества.

Семья не осуществляла и не контролировала передачу ценностей и знаний, или, в более общем виде, социализацию ребенка. Он быстро отдалялся от родителей и можно сказать, что на протяжении веков его образование осуществлялось путем обучения “в людях”, благодаря сосуществованию ребенка или юноши и взрослых. Он познавал вещи, помогая взрослым делать их.

Пребывание в семье и в обществе в качестве ребенка было слишком кратким и слишком незначительным, чтобы нашлось время или причина для его запоминания или пробуждения чувств по отношению к этому периоду.

Однако существовало поверхностное восприятие ребенка, которое я окрестил “сюсюканьем”, относящееся лишь к самым первым годам жизни, когда ребенок был маленькой забавной вещицей. С ним забавлялись, как с животным, как с маленькой бесстыдной обезьянкой. Если он умирал в этот период, как это часто и случалось, кто-то мог переживать, но общим правилом было не обращать на это слишком большого внимания, ведь скоро на его месте появлялся другой. Ребенок в каком-то смысле оставался анонимным.

Если он преодолевал первые опасности и переживал период “сюсюканья”, то часто его жизнь продолжалась вне семьи. Эта семья состояла из супружеской пары и тех детей, что оставались с ней. Я не думаю, что большая семья, включающая представителей нескольких поколений или нескольких ветвей родственников, существовала где-либо, кроме воображения моралистов (например, Альберти во Флоренции XV века) или французских социологов-традиционалистов XIX века. Исключением, возможно, были некоторые эпохи, когда из-за нестабильности и незащищенности личности линияж занимал место не справлявшейся со своими функциями политической власти, или некоторые экономико-правовые условия (например, в средиземноморских регионах, где право обделить наследством всех детей, кроме одного, способствовало совместному проживанию).

У такой семьи прошлого были свои задачи: сохранение имущества, совместное осуществление той или иной деятельности, повседневная взаимопомощь в мире, где предоставленные самим себе мужчина и тем более женщина не могли выжить, и в исключительных случаях – защита чести и жизни. У семьи не было эмоциональной функции. Это не означает, что в ней не было любви, напротив, с любовью встречаешься очень часто, иногда после помолвки, чаще – после свадьбы, когда любовь создавалась и поддерживалась совместной жизнью, как в случае с семьей герцога де Сен-Симона. Но, подчеркнем, чувства между супругами, между родителями и детьми не были необходимы ни для существования семьи, ни для гармонии в ней; если чувство все-таки появлялось, это был лишь дополнительный плюс.

Эмоциональные контакты и социальные связи осуществлялись вне семьи, благодаря очень плотной и очень активной “среде”, состоящей из соседей, друзей, господ и слуг, детей и стариков, где привязанность складывалась вне строгих рамок. Супружеская семья растворялась в этой среде. Сегодня французские историки называют эту предрасположенность традиционных сообществ к встречам, постоянным контактам и праздникам “жизнь обществом” (*sociabilite*). Именно таким я вижу наше старое общество, отличное одновременно оттого, что сегодня описывают этнографы, и от современного индустриального общества.

\*\*\*

Если мой первый тезис является попыткой интерпретации традиционного общества, то второй относится к новому месту, занимаемому ребенком и семьей в нашем индустриальном обществе.

Начиная с какого-то времени (неизбежная проблема определения начала процесса, к которой я еще вернусь), во всяком случае, окончательно и бесповоротно с конца XVII века, в только что проанализированном состоянии нравов происходят существенные изменения. Можно охарактеризовать их с двух разных позиций. Школа заменила практическое обучение “в людях” в качестве способа получения образования. Это означает, что ребенок уже не смешивается с взрослыми и не постигает жизнь в непосредственном контакте с ними. Несмотря на многочисленные опасения и препятствия, он был отделен от взрослых и помещен в своего рода карантин, предвещающий его выход в мир. Этим карантинном была школа, коллеж. С этого момента начинается долгий процесс изоляции детей (равно как и сумасшедших, нищих и проституток), постоянно расширяющийся вплоть до наших дней и именуемый развитием *школьного обучения*.

Это отделение и осознание детства являются одной из сторон великого процесса морализации, осуществленного католическими и протестантскими реформаторами, церковными или государственными деятелями. Этот процесс стал возможным на практике лишь благодаря эмоциональной поддержке семьи, и это вторая позиция, значения которой я хотел бы подчеркнуть. Семья стала пространством эмоциональной привязанности между супругами, между родителями и детьми, каковым она не являлась ранее. Привязанность выражается прежде всего в роли, признающей отныне за воспитанием. Речь идет уже не только о том, чтобы обеспечить своих детей имуществом и фамильной честью. Появляется совершенно новое чувство: родители интересуются учебной работой своих детей, занимаются с ними с тем вниманием, которое стало обычным в XIX и XX веках, но отсутствовало в Средние века. Жан Расин пишет своему сыну Луи о его преподавателях так, как любой из сегодняшних отцов (или вчерашних, но из очень недавнего “вчера”).

Семья организуется вокруг ребенка, придает ему такое значение, которое выводит из прошлой анонимности, его потеря является большим горем, становится невозможным воспроизводить детей слишком часто, возникает необходимость ограничить их количество, чтобы лучше о них заботиться. Ничего удивительного в том, что эта революция в образовании и чувствах сопровождается в дальнейшем демографическим мальтузианством, добровольным сокращением рождаемости, наблюдаемым уже XVIII века. Все крепко увязано, может быть, даже слишком крепко, для критического взгляда Вейна (P.Veyne)!

Следствием, выходящим за пределы периода, которому посвящена эта книга, но рассмотренным мной в других работах, является поляризация общественной жизни в XIX веке вокруг семьи и профессии и исчезновение былой социальности, за несколькими исключениями, такими, как Прованс, описанный Агюлоном и Вовелем.

\*\*\*



У каждой книги есть собственная судьба, и часто написанное ускользает от автора и оказывается принадлежащим читателям, порой совсем не тем, кому автор адресовался.

Все произошло так, как если бы два изложенных тезиса были адресованы нескольким разным группам читателей.

Второй из тезисов, который кажется более связанным с возможностью немедленного объяснения современности, был сразу использован социологами и психологами, в частности в Соединенных Штатах, где гуманитарные и социальные науки раньше, чем в других странах, обратились к проблеме молодежных кризисов. Эти кризисы наглядно демонстрировали сложность перехода молодежи во взрослое состояние, а то и отказ от взрослости. Как раз мои исследования давали основания думать, что это могло быть следствием длинной изоляции детей и молодых людей в семье и школе. Они также показывали, что чувство семьи и интенсивное поглощение молодых школой – две стороны одного, относительно недавнего и поддающегося датированию феномена и что раньше семья мало выделялась в плотном и насыщенном социальном пространстве.

Так социологи, психологи и даже педиатры переориентировали мою книгу, увлекая меня вслед за ней. В Соединенных Штатах журналисты называли меня “французским социологом”, а в один прекрасный день для известного парижского еженедельника я стал “американским социологом”!

В тот момент эти отклики были для меня чем-то парадоксальным, поскольку во Франции меня критиковали именно с позиций современной психологии. О “незнании направлений исследований в современной психологии” писал Безапсон, о “многочисленных уступках фикциям традиционной психологии” – Фландрен. Это совершенно справедливо в том смысле, что мне всегда было не просто избегать старых неточных слов, ныне звучащих архаично, а то и смехотворно, но по-прежнему живых в рамках моралистической и гуманистической культуры, к которой я принадлежу.

Эта старая критика по поводу надлежащего использования психологии заслуживает размышлений, и вот что я склонен сказать об этом сегодня.

Вполне можно заниматься историей поведения, то есть одной из сторон психологической истории, не будучи ни психологом, ни психоаналитиком, держась на расстоянии от теорий, словаря даже от методов современной психологии, – и, тем не менее, оказаться интересным для психологов в их собственной сфере исследований. Если рождаешься историком, психологом становишься по-своему, совсем не так, как предписывает современная психология, скорее дополняя ее, и соприкасаясь с ней. Тогда историк и психолог встречаются не на уровне методов, которые могут быть различными, а на уровне предмета исследования, постановки вопросов или, как сегодня говорят, “проблематики”.

Обратное движение, от психологии к истории, также возможно, как это доказывает успех А. Безансона. И там же скрываются определенные опасности, которых М. Сорано (M. Sorano) не смог избежать, несмотря на многочисленные яркие находки и удачные сопоставления. В обращенной ко мне критической

заметке Безансон подчеркивает, что “ребенок – это не только костюм, игры, школа, даже восприятие детства (то есть его исторические особенности, выявляемые эмпирически) это личность, развитие, история, реконструировать которые стремятся психологи”, то есть “отправная точка для сопоставления”. Блестящий специалист по XVI веку Н.Дэвис искала эту отправную точку для сопоставления модели, построенной специальными психологами на материале современного опыта. Безусловно, искушение психологов покинуть привычный мир, чтобы испытать свои теории, очень велико и очень обогащает науку, ведет ли оно их к традиционному обществу, к Лютеру или к последним “первобытным” народам. Может быть, этот метод оказался успешным для этнологов, традиционное же общество представляется мне менее податливым. Слишком легко интерпретировать отношения Шарля Перро и его сына в современных терминах “подавляющего отца” и “избалованного ребенка”, однако это ничего не добавляет ни к пониманию нашего сегодняшнего мира, поскольку не несет новой информации, ни к пониманию мира прошлого, поскольку здесь наличествует анахронизм, который подрывает достоверность сравнения. Впрочем, навязчивая боязнь анахронизмов (недуг всех историков?) не означает ни отказа от сравнения, ни безразличия к современному миру, нам известно, что в прошлом мы сначала видим различия, а потом и сходство с тем миром, в котором мы живем.

\*\*\*

Если мой второй тезис был принят почти единогласно, первый (отсутствие восприятия детства в Средние века) был встречен историками с большой осторожностью.

Тем не менее, сегодня можно сказать, что основные положения были приняты. Историки-демографы признали долго существовавшее безразличие по отношению к детям, историки ментальности отметили редкость упоминаний о детях и их смерти в семейных дневниках, как, например, дневник швеца из Лилля, опубликованный Лоттенем (A.Lottin). Они были поражены, подобно Бушару, отсутствием у семьи функции социализации. Работы Агюлона продемонстрировали значение “жизни обществом” в сельских и городских сообществах при Старом порядке.

Однако критика более поучительна, чем подтверждение или согласие. Я задержусь на двух критических замечаниях.

Фландрен упрекнул меня в чрезмерной, “навязчивой” озабоченности проблемой “начала”, из-за которой я провозглашаю абсолютную новизну там, где есть, скорее, изменение характера. Упрек оправдан. Этого недостатка трудно избежать, когда используешь регрессивный анализ, коим я всегда пользовался в своих изысканиях. Он слишком наивно толкает к абсолютизации изменения, которое на деле скорее является перекодированием, чем абсолютным нововведением. Приводимый Фландреном пример очень удачен: если в средневековом искусстве ребенок изображался как маленький взрослый, в меньшем масштабе, то относится это, пишет он, “не к существованию восприятия детства, а к его характеру”. Ребенок, следовательно, отличался от взрослого человека, но лишь ростом силой, тогда как остальные черты были

общими. С этой точки зрения было бы интересно сравнить ребенка с карликом, который в средневековых типологиях занимает значительное место. Ребенок – это карлик, но карлик, про которого известно, что он не останется таковым, кроме случаев колдовства. Напротив, не является ли карлик ребенком, который в силу проклятий не растет, а быстро превращается в сморщенного старика?

Другой вопрос критически поставлен Дэвис в ее замечательном исследовании, озаглавленном “Причины беспорядка: молодежные группировки и шаривари во Франции шестнадцатого века”. Он сводится к следующему, на каком основании я мог утверждать, что традиционное общество не отличало детей и подростков от взрослых, не признавало самого понятия молодежи, если именно молодежь выполняла в сельских и городских средневековых сообществах санкционируемую обычаями шаривари постоянную функцию организации праздников и игр, а также контроля брачных и сексуальных отношений? В свою очередь Агюлон в замечательной книге о кающихся и франкмасонах посвятил целую главу молодежным группировкам, все больше занимающим сегодня историков, интересующихся народной культурой.

Проблема, поставленная Дэвис, от меня не ускользнула. Я признаю, что в этой книге лениво отмахнулся, сведя к уровню “пережитков”, от фольклорных обычаев, размах и значение которых показали Н. Дэвис, М. Агюлон и другие.

Честно говоря, совесть моя была нечиста, именно поэтому я вернулся к данной проблеме на первых страницах краткой истории образования во Франции. Я допустил существование в предшествовавшие Средневековую периоды в сельской и устной культуре сообществ, организованных по принципу возрастных классов, в соответствии с моделью этнологов. В этих обществах у каждой возрастной группы была своя функция, и образование передавалось через инициацию, а внутри каждого возрастного класса через участие в основной деятельности.

Да будет мне позволено сделать небольшое отступление, чтобы предоставить слово одному молодому другу-археологу. Мы осматривали раскопки критского периода в Маллии, на Крите, мы спорили до ожесточения о Жанруа, Гомере, Дюби, об этнологических моделях возрастных классов, об их новом появлении в эпоху раннего Средневековья, и он сказал мне приблизительно следующее: в прошлом нашей цивилизации мы никогда не находим эти этнографические структуры установившимися, в зрелом виде, но всегда в качестве пережитков, будь то в гомеровской Греции или в Средневековье героического эпоса. Он был прав. Невозможно освободиться от мысли, что мы слишком тщательно проецируем на наше традиционное общество структуры, выявленные сегодня этнологами у современных “первобытных” народов.

Но закончим отступление и допустим гипотезу “первичного общества”, которое могло существовать на заре Средних веков и обладать признанными повсеместно этнографическими и фольклорными чертами.

Тогда в этом обществе происходит важное изменение, быть может, в период феодализма и усиления старых кланов и клик. Оно касается образования и воспитания, то есть передачи знаний и ценностей. Отныне, то

есть со Средних веков, образование происходит путем практического обучения “в людях”. Но такое практическое обучение несовместимо с системой возрастных классов или, по крайней мере, способствует своим распространением ее разрушению. Невозможно переоценить значение практического обучения. Оно вынуждает детей жить среди взрослых, которые передают им, таким образом, свои умения и свое знание жизни. Смешение возрастов, которое оно влечет за собой, представляется мне одной из основных характеристик нашего общества с середины Средних веков до XVIII века. В этих условиях разделение на возрастные классы может только разрушиться и исчезнуть и связи с исчезновением потребности в нем.

Однако, и это бесспорно, разделение по возрастам сохранилось в сфере контроля за сексуальными связями и организациями праздников, а мы знаем, каково значение праздников в повседневной жизни нашего Средневековья.

Как примирить существование того, что явно было чем-то большим, чем просто “пережитки”, с ранним выходом детей в мир взрослых?

Не оказываемся ли мы одурачены, несмотря на противоположные аргументы Н. Дэвис, расплывчатостью самого слова “юность”? Даже еще не забытая латынь не облегчает дифференциацию. Нерону двадцать пять лет, когда Тацит говорит про него – *certe finitam Neronis pueritiam et robur juventae adesse*. *Robur juventae* – это сила молодого человека, а не юность и не отрочество.

Каков был возраст “молодежных аббатов” и их товарищей? Возраст Нерона в момент смерти Бурра, возраст Конде при Рокруа, возраст войны или ее имитации, бравады. На самом деле “молодежные общества” были сообществами *холостяков* в эпоху, когда и народной среде часто женились поздно. Следовательно, противопоставление существовало между женатым и неженатым, между тем, кто имел свой дом, и тем, кто не имел его и жил у кого-то, между менее нестабильным и менее стабильным.

Итак, нужно, безусловно, признать существование молодежных сообществ, но в смысле сообществ холостяков. “Юность” холостяков Старого порядка не предполагала ни черт, которые отличали в античности или в этнографических обществах эфеба от зрелого человека, Аристокитона от Гармония, ни тех, которые отличают сегодня подростков от взрослых.

\*\*\*

Если бы мне пришлось писать эту книгу сегодня, я постарался бы избежать искушения “абсолютным началом”, отправной точкой, но основные черты остались бы прежними. Я лишь учел бы новые данные и подчеркнул бы роль Средневековья и его роскошной осени.

В первую очередь я задержал бы внимание на очень важном явлении, которое мы все лучше узнаем – на существовании вплоть до конца XVII века терпимости по отношению к детоубийству. Речь не идет о разрешенной практике, как в древнем Риме; детоубийство было преступлением, которое сурово каралось. Однако к нему прибегали тайно, достаточно повсеместно, маскируя под несчастный случай, – дети умирали от нечаянного удушения в

постели родителей, с которыми они спали. Ничего не делалось ни для того, чтобы уберечь их, ни для того, чтобы спасти.

Ж. Л. Фландрен проанализировал эту тайную практику в своем курсе, посвященном обществу XVII века (1972-1973 годы, готовится к печати в журнале "XVII век"). Он показал, что уменьшение детской смертности, наблюдаемое в XVIII веке, не может быть объяснено лишь прогрессом медицины и гигиены; оно вызвано тем, что детям уже не позволяли и не помогали умереть, когда не имели желания сохранить их.

В рамках того же цикла публичных лекций, посвященных обществу XVII века, отец Ги подтвердил версию Ж. Л. Фландрена, процитировав фрагменты из посттридентских требников, в которых епископы с наводящей на подозрения яростью запрещают укладывать детей на ночь в постели с родителями, где слишком часто случается, что ребенок гибнет, задохнувшись.

Никто не признавался в том, что помогает природе умертвить создания, в столь малой степени, обладающие самостоятельным существованием, но никто и не рассматривал это как позор. Эти случаи относились к числу этически нейтральных вещей, осуждаемых церковной и государственной моралью, но практикуемых тайно, полуосознанно, на грани между умыслом, беспамятством и неосторожностью.

К жизни ребенка относились тогда с той же неопределенностью, как сегодня к жизни плода, с той лишь разницей, что детоубийство было покрыто молчанием, тогда как дискуссии по поводу аборта ведутся сегодня в полный голос,— но в этом и заключается отличие цивилизации, основанной на тайне, от цивилизации, выставляющей все напоказ. Наступит время, в XVII веке, когда акушерке, этой специалистке белой магии, принятой на службу властями, будет отведена миссия охраны ребенка, когда родители, более образованные благодаря реформаторам и более чувствительные к смерти, станут бдительнее и захотят любой ценой сберечь своих детей.

Это полная противоположность, происходящая у нас на глазах эволюция в сторону разрешения аборта. Тогда состоялся переход от тайно допускаемого детоубийства к все более и более требовательному уважению к жизни ребенка.

\*\*\*

Если физическая жизнь ребенка значила еще так мало, мы склонны предположить, что в столь единодушно христианском обществе больше внимания уделяется его будущей жизни, жизни после смерти. И мы подходим к захватывающей истории крещения, возраста крещения, его организации, которую, к моему сожалению, я совершенно не затронул в своей книге. Мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь из молодых исследователей занялся ей. Это позволило бы выявить установки по отношению к жизни и к детству, существовавшие и очень отдаленную эпоху, небогатую документальными свидетельствами,— не для того, чтобы подтвердить или изменить начальную дату какого-то процесса, а чтобы показать, каким образом в ходе непрерывного видоизменения через сдвиг, подготовленный серией мелких модификаций, трансформировалась старая ментальность. История крещения представляется мне хорошим примером такого развития по спирали.

Я предложил бы будущим исследователям следующую гипотезу.

В обществе всеобщей христианизации, каковым является средневековое общество, каждый мужчина, каждая женщина должны были быть окрещены; это и происходило в действительности, но когда и как? Складывается впечатление (требующее подтверждения), что в эпоху расцвета Средневековья взрослые не слишком спешили окрестить своих детей, в самых тяжелых случаях забывая это сделать. В обществе всеобщей христианизации они вели себя точно так же, как безразличные к религии люди нашего секуляризованного общества! Я вполне предполагаю, что все происходило следующим образом. Крещение происходило в определенные дни, дважды в год, накануне Пасхи и накануне Троицы. Не существовало еще ни приходских регистров, ни сертификатов, ничто не принуждало людей к крещению, кроме их собственной совести, давления общественного мнения и страха перед далекой, безоружной и слабой властью. Детей приносили крестить тогда, когда возникало желание, и задержки в несколько лет должны были происходить часто. Баптистерии XI и XII веков содержат, впрочем, большие емкости, напоминающие ванны, в которые можно было погрузить уже не очень маленького ребенка,— глубокие чаны, куда витражные мастера погружают Хлодвига в момент его крещения или св.Иоанна во время его мученичества, настоящие прямоугольные ванны и форме саркофага.

Если ребенку случалось умереть в промежутке между днями рождения и крещения, это не давало повода для особенных переживаний.

Очевидно, средневековые пастыри были обеспокоены подобным состоянием душ и умножили число обрядовых установлений, чтобы позволить священникам как можно скорее прибыть к изголовью роженицы. Все более и более сильное давление, в частности со стороны нищенствующих орденов, оказывалось на семьи с целью принудить их к крещению как можно скорее после рождения ребенка. От коллективного крещения отказались, поскольку оно предполагало слишком большие промежутки, и правилом, а вскоре и обычаем, стало крещение совсем маленького ребенка. От погружения перешли к ритуалу окропления, существующему до сих пор. (Но был и переходный ритуал, сочетавший погружение и окропление.) Наконец, акушеркам надлежало крестить недоношенных детей, *usque in utero*.

Позже, начиная с XVI века, приходские регистры позволили вести контроль за крещениями, который могли осуществлять, например, проверяющие из диоцеза, и которого не было раньше. Но в восприятии и в чувствах вопрос был уже решен, видимо, начиная с XIV века, который представляется мне переломным моментом в этой истории. Именно тогда дети стали часто встречаться в новом фольклорном произведении “Чудеса Богоматери”, который я использовал в главе “Открытие детства”.

В области мистического необходимо особо отметить определенный вид чудес, который появляется именно в это время или немногим позже,— воскресение умерших некрещеными детей на время, необходимое для выполнения таинства. Ж. Туссаер рассказывает о подобном чуде в Поперенге, 11 марта 1479 года. Это было новым, неожиданным, экстраординарным чудом,

каких еще почти не встречалось. В XVI и XVII веках такие чудеса стали обыденными, существовали специальные святилища, где происходили такого рода события, уже никого не удивлявшие. Их мило именовали святилищами “отсрочки”. М. Берно тонко проанализировал это явление в связи с одним чудом в церкви Благовещения в Экс-ан-Провансе в первое воскресенье Великого поста 1558 года. Чудом была не “отсрочка”, явление в этой церкви настолько регулярное, что возник обычай класть умерших детей на алтарь, ожидай признаков оживления, чтобы окрестить их. Удивительным и волнующим было сверхъестественное самовозгорание свечи во время воскресения, именно это казалось экстраординарным, а не “отсрочка”.

В 1479 году привычка еще не стерла изумления – несомненно, истоки культа были не так далеки.

Таким образом, все выглядит так, как если бы детскую душу, под давлением реформаторского движения в церкви, открыли раньше, чем тело. Но когда пожелания *litterati* были приняты, они тотчас вошли в систему представлений, и ребенок получил народное признание в качестве героя нового религиозного обычая.

\*\*\*

Еще один факт, значение которого недостаточно подчеркнуто в моей книге, должен задержать нас в XIV веке. Речь идет о надгробиях. Я уделил им несколько строк в главе “Открытие детства”. Недавние исследования, посвященные отношению к смерти, позволяют мне сегодня быть более точным.

Среди неисчисляемых надгробных надписей первых четырех веков нашей эры, повсюду бросающихся в глаза, посетителю Рима, многие посвящены детям, маленьким детям нескольких месяцев от роду, – “скорбящие родители поставили это надгробие в память об их горячо любимом ребенке, умершем в возрасте стольких-то лет, месяцев и дней”. В Риме, Галлии, Рейнской области многочисленные скульптурные надгробия объединяют на одном изображении супругов и детей. Потом, начиная с V-VI веков, семья и ребенок не изображаются на надгробиях, и исчезают надписи. Когда в XI-XII веках снова появляются портретные изображения, могилы индивидуальны, муж и жена погребены отдельно и, конечно, уже нет скульптурных детских надгробий. В Фонтевро могилы короля и королевы Плантагенетов разделены.

Обычай погребать вместе двоих, иногда троих супругов (мужа с первой и второй женой) становится распространенным в XIV веке, в тот же период, когда появляются еще редкие могилы с изображением маленьких детей. Сопоставление не случайно. Я упоминаю в главе “Открытие детства” портреты принцев Амьенских 1378 года, но это были дети королевской крови.

В церкви Таверни можно увидеть две настенные надгробные плиты с изображениями и надписями на месте захоронения детей из семьи Монморанси. Лучшее всего сохранилась могила Шарля де Монморанси, умершего в 1369 году. Ребенок изображен завернутым в свои пеленки, что достаточно редко в этот период. Вот надпись, достаточно претенциозная: *His manet inclusus adolescens et puerulus / de Montmorenci Karolus tomba jacet ista / anno mille C. ter paradisiis sensu ster / ac sexagesimo novem simul addas in illo /*

gaudeat in christo tempore perpetuo. У Шарля был сводный брат Жан, умерший в 1352 году. Его могила сохранилась, но слишком хрупкий алебастровый барельеф исчез, так что мы и знаем, как выглядело изображение, возможно, ребенок также был, завернут в пеленки. Его французская эпитафия гораздо проще: “Здесь покоится Жан де Монморанси, бывший сыном благородного мужа могущественного Шарля монсеньора де Монморанси, почивший в год Божьей милостью тысяча триста пятьдесят второй в 29-й день июля”.

В обоих случаях есть портрет, в эпитафии названо имя отца, дата смерти, но отсутствует имя матери и возраст ребенка, а мы знаем, что в XIV веке возраст покойного, как правило, указывался.

В XV веке общие могилы родителей и детей и отдельные детские могилы встречаются чаще, а в XVI веке явление становится повсеместным, как я показал, опираясь на каталог Гэньер. Но эти украшенные, скульптурой или гравировкой надгробия остаются привилегией семей, имеющих высокий социальный статус (несмотря на то, что плоские плиты стали предметом массового ремесленного производства). Более часто встречаются маленькие настенные “таблички”, на которых есть лишь надпись, иногда сопровождаемая благочестивым изображением. Но некоторые из этих простых эпитафий относятся к детям, и стиль их вдохновлен античными латинскими надписями. Мы вновь встречаем тему родительской скорби в связи с ранней смертью ребенка.

Вот одна из них, 1471 года, из Санта-Марии Кампителли в Риме: *Petro Albertonio adolescentulo / cujus annos ingenium excedebat / Gregorius et Alteria parentes / unico et dulcissimo posuere / qui vixit annos iv M. III / Obitt MCCCCXXI.*

\*\*\*

Вернемся к теме завернутого в пеленки ребенка.

Лишь в XVII веке начали изображать реального ребенка как обнаженного путти. Раньше он был в пеленках или к одежде. С другой стороны, мы знаем, что со Средних веков душу изображали в виде обнаженного ребенка.

Однако существует несколько редких и любопытных случаев, когда душа также изображается запеленатой. В Риме, в церкви Санта-Мария Трапстевере, есть икона “Успение Девы Марии” начала XV века, душа Богородицы на ней представлена в виде запеленатого ребенка, которого Христос держит на руках.

В музее Люксембурга на надгробии 1590 года два ангела возносят на небо запеленатое дитя. Это не портрет рано умершего ребенка. Надпись сообщает нам, что покойный умер в возрасте девятнадцати лет; значит, запеленать ребенок – его душа.

Подобные изображения не так часты, но известен еще, по крайней мере, один более старый пример; возможно, здесь речь идет об иконографической традиции. В Вене хранится византийская резьба по слоновой кости конца X века, где Дева Мария также изображена в виде запеленатого ребенка.

Изображение блаженной души как ребенка, чаще всего идеализированного и обнаженного, реже – более реалистичного и запеленатого, должно быть, связано с тем, что связано выше по поводу детоубийства и крещения. В самом деле, у средневековых спиритуалистов, которые стоят у



истоков аллегории, душам избранных свойственна та же завидная невинность, что и крещеным детям, – и это в эпоху, когда в повседневной жизни ребенок был забавной вещицей, но не предметом нежных чувств.

Любопытно отметить, что душу перестанут представлять в виде ребенка в XVII веке, когда ребенка начнут изображать ради него самого, когда портреты живых и умерших детей станут встречаться чаще.

Любопытный надгробный памятник, хранящийся в Археологическом музее Санлиса, демонстрирует, как изменилась ситуация в конце XVII века. Он посвящен супруге Пьера Пюже, умершей в Санлисе в 1673 году в результате кесарева сечения. Она возносится на небеса в окружении облаков в позе молящейся, которая является знаком отречения, а ребенок, которого она хотела спасти, представлен обнаженным, одной рукой он протягивает ей пальмовую ветвь мученика, в другой держит ленту, на которой написано – Meruisti. Ребенок здесь не анонимен. Он слишком индивидуален, чтобы символизировать потустороннее бытие, а душа слишком связана с личностными чертами человека, чтобы быть представленной через безличную аллегория. Отныне отношения между покойными и живущими таковы, что их стремятся удержать в памяти и сохранить в доме, а не только в церкви или на надгробии.

В музее Маньен в Дижоне есть полотно, приписываемое Гиацинту Риго. На нем изображены мальчик и девочка, выглядящие очень живыми, рядом с ними – медальон, в котором заключено изображение зрелой женщины в трауре, выглядящей мертвой. Однако, судя по всему, как раз женщина с медальона была живой, но считала себя умершей, и потому запечатлена именно так, тогда как, напротив, своих в действительности умерших детей она захотела изобразить со всеми признаками жизни.

\*\*\*

Опираясь преимущественно на французские источники, я отнес к копну XVII и к XVIII векам уход семьи с улицы, с площади, из коллективной жизни и ее замыкание в домашних стенах, лучше, чем ранее, защищающих от вторжения посторонних, больше приспособленных для создания личного пространства. Его новая организация стала возможной благодаря изоляции комнат, сообщающихся отныне между собой через коридор (вместо того, чтобы переходить анфиладой одна в другую), и их специализации (зал, столовая, спальня...). В очень интересной статье Р. Голдсуэйт показывает, что, во Флоренции начиная с XV века, наблюдается очень сходная приватизация семейной жизни, несмотря на некоторые различия. Автор использует в качестве аргумента анализ флорентийских дворцов, их внешнего вида и того, что можно узнать об их внутренней организации. Речь идет, следовательно, о патрицианских семьях.

Для дворца XIII-XIV веков характерны прежде всего башня для обороны и открытая loggia (лоджия) на первом этаже, выходящая на улицу, где родственники, друзья и клиенты собирались, чтобы присутствовать и участвовать в общественной жизни квартала и города. В тот период не существовало альтернативы единству семейной и общественной жизни, одна

продолжала другую, за исключением критических ситуаций, когда группа, находящаяся под угрозой, укрывалась в башне.

Помимо башни и лоджии, дворец мало, чем отличался от других городских домов. Со стороны улицы первый этаж состоял из аркад, которые продолжались от одного дома к другому, – входы в лавки, а также во дворец и на его лестницы. Внутри также отсутствовало единство, и внутреннее пространство дворца не совпадало с семейным. Комнаты, занимаемые семьей, могли примыкать к соседним домам, а другие люди, проживавшие в доме, могли занимать его центральную часть.

В XV веке изменились вид, план и смысл дворца. Во-первых, он приобрел монументальную целостность, отделившись от соседних зданий массивом. Исчезли лавки, так же как и посторонние люди, проживавшие в доме. Обособленное таким образом пространство целиком занимала не очень большая семья. Выходящие на улицу лоджии были снесены или закрыты. Дворец больше, чем раньше, свидетельствовал о могуществе семьи, но он и перестал быть открытым, доступным для других. Повседневная жизнь концентрировалась внутри грубого прямоугольника, вокруг дворика, укрытая от шума и нескромного любопытства улицы.

“Дворец, – пишет Р. Голдсуэйт, – принадлежал к новому миру *privacy* и был целиком предназначен довольно небольшой группе”. В самом деле, количество комнат было невелико: во дворце Строцци жилым был лишь один этаж, и там насчитывалось не больше дюжины комнат. Вместе с тем все эти комнаты формировали анфиладу, без какого-либо коридора или центрального помещения, предназначенного для общения, что не позволяло изолироваться и создать действительно личное пространство, как это сделает возможным архитектура XVIII века.

С другой стороны, мы знаем, что флорентийская семья кватроченто была немногочисленна. Во флорентийском дворце не проживали многочисленные слуги и работники, что типично для больших домов Франции и Англии в XV-XVI веках или для Италии эпохи барокко в XVII веке, – не более двух-трех слуг, которых всегда держали недолго.

Следовательно, флорентийская модель отличается от той, что я представил. Ее можно было бы сравнить с нашим XVIII веком – размеры семьи, отсутствие многочисленной прислуги, – если бы формирование частного пространства не сопровождалось устройством, мало совместимым с индивидуализацией.

Оригинальность Флоренции заключается, следовательно, в сочетании частного пространства с его обширностью, что хорошо проанализировано Р. Голдсуэйтом: эти дворцы “были, безусловно, задуманы, чтобы дать немногочисленной семье частный мир, только ей принадлежащий, но необычайно большой, превосходящий своими размерами жилые комнаты. В действительности, лучшим способом подчеркнуть новизну этих дворцов является их описание как частного пространства, осуществляющего экспансию из ядра, сформированного жилым помещением средних размеров”.

Конечно, нам неизвестно назначение отдельных жилых комнат, если таковое и имело место. Вполне возможно, что *studiolo*, предшественник наших современных кабинетов, было в этом обществе гуманистов первой формой специализации частного пространства. И между тем эти комнаты без точной функции, но предназначенные для частной жизни уже украшались декоративными вещицами, подобно нашим безделушкам. Это тот же вкус к домашнему благополучию, что и на всех изображениях Рождества Богородицы, будь они фламандскими, французскими, немецкими или итальянскими, на всех картинах с интерьером XV века, где художнику доставляет удовольствие размещать ценные или привычные предметы.

Совершенно естественно, что, таким образом, в сформировавшемся частном пространстве между членами семьи, и, прежде всего, между матерью и ребенком, развивается новое чувство, чувство семьи. “Эта культура, – пишет Р. Голдсуэйт, – формируется вокруг центра, который состоит из женщин и детей, в ней есть новый интерес к воспитанию детей и примечательное повышение статуса женщины... Как иначе объяснить восхищение, а то и одержимость детьми и отношениями “мать – ребенок”, единственной, пожалуй, действительно важной темой Возрождения, с его путти; детьми и юношами, секуляризованными мадоннами и женскими портретами”.

Если дворец эпохи Возрождения был, несмотря на свои большие размеры, предназначен для нуклеарной семьи, укрывшейся за его массивными стенами, дворец барокко, как отмечает Р. Голдсуэйт, более открыт для посетителей и для прислуги, он ближе к классической модели “большого дома” (замок, усадьба, особняк или большая ферма) XVI-XVII веков, до разделения на независимые жилые помещения в XVIII веке.

Флорентийский пример XV века важен и значителен. Я отметил и прокомментировал в своей книге частоту, с которой встречаются начиная с XV века и далее в XVI веке признаки узнавания детства, будь то и художественных представлениях или в образовании (коллеж); однако Р. Голдсуэйт выявил в флорентийском дворце четкую связь между возникновением чувства семьи и особой организацией пространства. Мы пришли, таким образом, к необходимости предположить аналогичные отношения между поиском семейного и индивидуального частного пространства, что подтверждается изображениями интерьеров, начиная с миниатюр XIV века вплоть до полотен голландской школы.

\*\*\*

Сюжет еще далеко не исчерпан. История семьи еще лишь пишется и побуждает к серьезным исследованиям. После долгого молчания она развивается в нескольких направлениях. Эти направления были обозначены демографической историей. Дай Бог, чтобы история семьи не подверглась такой же инфляции! Наиболее популярный сегодня период – XVI-XVIII века. Кембриджская школа с Ласлеттом (P. Laslett) и Ригли (E. A. Wrigley) стремится окончательно решить вопрос о составе семьи, большой или супружеской, ее изыскания вызвали отклики во Франции: подтверждение в отношении севера Франции, сомнения в отношении юга. Молодые французские историки в

большой степени интересуются возникновением, как Гуэсс (O. M. Couesse), и распадом (Лоттен) супружеской пары. Другие, подобно американскому историку Шортеру (E. Shorter), исследуют признаки появления в конце XVIII века большей свободы нравов. Библиографии начинают увеличиваться, ее можно найти, так же как и современную постановку проблем, в трех номерах “Анналов”.

Остается лишь пожелать, чтобы историю семьи не захлестнуло обилие публикаций, связанных с модой на сюжет, как это произошло с ее молодой еще прародительницей демографической историей.

Увеличение числа исследований, посвященных периоду XVII и XVIII веков, которым способствует наличие более богатой, чем предполагалось, документации, поможет подтвердить или опровергнуть некоторые гипотезы. Однако в обозримом будущем мы рискуем вновь и вновь проходить уже до оскомины известные темы с незначительным прогрессом, не оправдывающим масштабы интеллектуального и информационного вклада в исследовании.

Напротив, имеющая решающее значение информация должна прийти из Средневековья и античности. Мы с нетерпением ожидаем первых результатов исследований Мэнсона (Manson), посвященных игрушкам, куклам и в конечном счете детству в античности. Необходимо также с большей настойчивостью, чем я это сделал, обратиться к средневековым источникам, к неисчерпаемым XIV и XV векам, столь важным для становления нашей цивилизации, и к решающему поворотному моменту XI–XII веков и еще к более ранним периодам.

История ментальности всегда является сравнительной и регрессивной, независимо оттого, признается она в этом или нет. Мы неизбежно начинаем с того, что мы знаем о поведении современного человека как модели, с которой мы сравниваем данные прошлого, – рассматриваем эту новую модель, сконструированную с помощью исторического материала, как новую отправную точку, – чтобы вновь вернуться к настоящему, изменив наивное представление о человеке, которое было у нас в самом начале.

На сегодняшний день отношения между XVII–XVIII и XIX–XX веками изучены далеко не полно, но нелегкое движение шаг за шагом позволит добиться определенного прогресса. В противоположность тому, дешифровка веков – тысячелетий! – предшествовавших XVI веку может открыть совершенно новое измерение. Именно здесь стоит рассчитывать на решающий прорыв.

*Мезон-Лафит, 1973*

## **Семья**

### **Глава I. Образ семьи**

Вопрос о существовании светской иконографии в средние века до XIV века достаточно спорен, настолько мирское мало отличается от духовного. Однако среди сюжетов, привнесенных в это видение мира светской традицией, есть один, частота и популярность которого показательны: это тема ремесел и

профессиональной деятельности. Раскопки показали, насколько галлы римского периода любили изображать на барельефах сцены из своей трудовой жизни. Эта привязанность к изображению сцен ремесленной жизни почти нигде более не встречается. Археологи были потрясены редкостью, если не полным отсутствием ее в погребальной иконографии африканских провинций Рима. Следовательно, сюжет восходит к очень давним временам. Он сохраняется и даже получает некоторое развитие в Средние века, и можно сказать, с поправкой на анахронизм формулировки, но при этом, не искажая реальность, что светская иконография Средних веков, прежде всего, создавалась вокруг темы ремесел. Важно отметить, что долгое время именно ремесло предстает в повседневной жизни в качестве привилегированного занятия, именно оно включено изобразительной традицией в культ мертвых галло-римского периода, в ученое и повседневное восприятие мира в Средние века, а календарные сюжеты в соборах пестрят изображениями ремесленников. Несомненно, историки находят это естественным. Но представьте, сколь многие сегодня хотели бы забыть о своей профессии и создать у других совсем иное впечатление о себе. Напрасны были попытки поэтизировать функциональные аспекты повседневного существования; все они закапчивались сухим академизмом, далеким от народной традиции. Сегодняшний человек не станет предлагать изображение своей профессии, пусть любимой, в качестве сюжета для картины, если бы даже нашелся художник, принявший подобное предложение. Значение, придаваемое профессии в иконографии Средних веков, говорит об эмоциональной привязанности к ней, существовавшей в то время. Все происходит так, будто частная жизнь – это, прежде всего профессиональная деятельность.

Одно из самых распространенных изображений труда снижает его с темой времен года, не менее важной, в чем мы уже имели случай убедиться в главе, посвященной возрастам. Нам известно, что западное Средневековье любило символически объединить понятия, далекие друг от друга внешне, но тайно связанные между собой. Так, временам года соответствовали ремесла, периоды человеческой жизни или стихии. Такими предстают перед нами календари из стекла и камня, кафедральные календари и миниатюры в часословах.

Традиционная иконография двенадцати месяцев года сложилась в XII веке и с тех пор почти не претерпела изменений: где бы ни находились памятники – в Сен-Дени, Париже, Санлисе, Реймсе, Амьене, это повседневные работы и дни, им соответствующие. С одной стороны, труд земледельца: заготовка овса, возделывание хлебных полей, винограда, виноделие, выпас свиней. С другой – зимний и весенний перерыв в работе. Работают крестьяне, однако, когда работы останавливаются, на изображениях можно увидеть и дворян, и крестьян. Январь (праздник королей) принадлежит дворянам, сидящим за полным яств столом. Февраль принадлежит простолюдину – он возвращается из леса, где собирал хворост, и спешит присесть к огню. Май представлен то крестьянином, отдыхающим среди цветов, то молодым дворянином с охотничьим соколом в руках. В любом случае май – это

молодежь и майские праздники. В таких сценах мужчина всегда один; иногда за спиной сидящего за столом хозяина стоит молодой слуга (Сен-Дени), но это скорее исключение из правил; о женщине нет и упоминания.

Эта иконографическая традиция развивалась от часослова к часослову вплоть до XVI века, следуя весьма примечательным направлениям.

Сначала появляется женщина: как дама, предмет куртуазной любви, или хозяйка дома. В часослове герцога Беррийского в феврале крестьянин греется уже не один, как это изображается на фресках в Санлисе, Париже или Амьене. Три женщины сидят у огня, сам хозяин, замерзший и покрытый снегом, лишь собирается пойти. В других случаях мы видим внутреннюю часть дома зимним вечером, когда никто не выходит на улицу: мужчина – он только что снял обувь – у заженного очага греет руки, женщина сидит чуть в стороне за прялкой (Карл Ангулемский). В апреле появляется тема любовных ухаживаний: дама со своим другом сердца встречаются в окруженном забором саду (Карл Ангулемский). Дамы сопровождают рыцарей на охоту. Но даже женщина дворянского происхождения не остается только праздным и несколько вымышленным персонажем из апрельского сада или всадницей майских праздников: она также руководит работами в том же саду (Турин). Крестьянка встречается чаще. Она работает в полях вместе с мужчинами (Берри, Ангулем). Она носит питьевую воду жнецам, отдыхающим жарким летним днем (Хеннеси, Гримани). Муж отвозит ее домой на тележке – она сидит рядом с оплетенной бутылкой, которую приносила ему. Дамы и рыцари уже встречаются не только на изображениях благородных апрельских или майских игр. Подобно даме из туринского часослова, они присутствуют среди крестьян во время сбора урожая (сбор вишни – часослов из Турина). Чем дальше мы продвигаемся во времени, особенно в XVI веке, тем чаще семья сеньора изображается среди крестьян, за работой которых он следит и чьи игры разделяет. На многочисленных шпалерах XVI столетия можно видеть сельские сцены, где хозяин со своими детьми собирает виноград или следит за ходом жатвы. Мужчина уже не один. Здесь речь идет уже не только об идеализированной паре куртуазной традиции. Женщина и все члены семьи принимают участие в работе, и все время находятся рядом с хозяином – дома и в полях. Сами изображения еще нельзя назвать чисто семейными сценами: на изображениях XV века нет детей. Однако появляется потребность какими-то скромными средствами выразить тесный союз супружеской четы, мужчин и женщин одного дома в повседневной работе, подчеркивая их близость. Потребность, неведомая раньше.

Одновременно в календарях появляется и улица. Эта тема часто возникает в средневековой иконографии: особенно выразительны изображения парижских мостов в житии св. Дени, рукописи XIII века. Как в сегодняшних арабских городах, улица в те времена была местом, где располагались ремесла, – она была ареной профессиональной деятельности, а также разговоров, встреч, игр и зрелищ. Все, что происходило за пределами частной жизни, долгое время незнакомой художникам, происходило на улице. Тем не менее, на календарных картинках, опиравшихся на темы деревенской жизни, тема улицы появляется

далеко не сразу. В XV веке улица занимает свое место в календарях. Декабрь и ноябрь иллюстрируются в туринском часослове сценой традиционного принесения в жертву поросенка. Однако здесь дело происходит на улице – соседи наблюдают за происходящим с порогов своих домов. В других случаях (часослов Аделаиды Савойской) перед нами рынок: маленькие воришки срезают кошельки занятым покупателями рассеянных хозяек; узнается тема малолетних грабителей и карманников – ее можно встретить на картинах городской жизни на протяжении всего XVII века. Другая сцена из того же календаря посвящена возвращению с рынка: кумушка остановилась поговорить с соседкой, сидящей у своего окна. Мужчины отдыхают на скамейке, с интересом наблюдая за игрой мальчишек, последние борются и играют в мяч. Средневековая улица подобно улице сегодняшнего арабского города не противопоставляется закрытому пространству частной жизни – она является ее продолжением вне дома в рамках профессиональной деятельности и социальных отношений. На относительно более поздних картинах художники в попытках изобразить частную жизнь начнут с ее проявлений на улице, а затем уже проникнут в дом. Вполне возможно, впрочем, что она в большей степени происходит на улице, чем дома.

С улицей в календари приходит тема игр: рыцарские игры, такие как турниры (Турин, Хеннеси), игры общие для всех, фольклорные праздники, подобные шествию с майским деревом. Календарный часослов Аделаиды Савойской состоит в основном из описаний самых разнообразных игр – игр в обществе, соревнований в силе и ловкости, традиционных игр: праздника королей, майских танцев, борьбы, снежков, клюшек, в мяч, водяных побоищ и т. д. В других рукописях можно найти стрельбу из арбалета (Хеннеси), катание на барке под музыку (Хеннеси), купание (Гримани). Однако мы знаем: игры были тогда не только забавой, но и одной из форм выражения принадлежности к одной группе, одной общине – играли дома, между собой играли соседи, возрастные категории, приходы.

Наконец, начиная с XVI века в календарях появляется новый персонаж – ребенок. Конечно, детские изображения можно довольно часто видеть в иконографии XVI столетия, в частности в Чудесах Богородицы. Однако в календарях они отсутствуют, как будто устоявшаяся календарная традиция долгое время сопротивлялась запоздалому приходу детского образа. Во время полевых работ рядом с женщинами нет детей. Иногда ребенок прислуживает за столом во время праздничных январских обедов. Детей можно видеть на рынке в часослове Аделаиды Савойской; там же игра в снежки и освистывание детьми проповедника в церкви, после чего их выставляют за дверь. Во фламандских манускриптах последних лет XVI века художники с упоением отдаются детской теме; по всему заметно, что эта тема становится любимой. Часословы Хеннеси и Гримани довольно близко к оригиналу копируют январскую деревню под снегом из часослова герцога Беррийского – о ней мы говорили выше, – где крестьянин торопится домой к огню, чтобы присоединиться к греющимся у очага женщинам. Но здесь к ним добавляется еще один персонаж – ребенок в позе писающего мальчика, самой распространенной в иконографии

того времени, справляющий малую нужду в дверной проем. Тема писающего мальчика встречается повсюду. Приведем в качестве примера хотя бы сцену предсказания святого Иоанна Крестителя из музея августинцев в Тулузе – раньше она украшала часовню городского парламента – или тициановских путти.

В часословах Хеннеси и Гримани дети катаются на коньках, играют в турнир, подражая взрослым (между ними можно узнать молодого Карла V). В мюнхенском часослове они перебрасываются снежками. В *Hortulus animae* дети играют в любовные ухаживания, опять же в турнир, оседлав бочки, и катаются па коньках.

Итак, в последовательном изображении месяцев года появляются новые персонажи: женщина, соседи и товарищи и, наконец, ребенок. Последний связан с не существовавшей ранее потребностью в интимности, и камерной, если еще не семейной, жизни.

В течение XVI века календарная иконографии претерпит последнее изменение, интересующее нас: станет семейной. Она станет таковой в результате смешения с символикой другой традиционной аллегии – человеческого возраста. Существовало несколько способов изобразить разные возрастные периоды человеческого существования, однако лишь два из них были общепринятыми; наиболее распространенный, дошедший до нас в основном на гравюрах, – возрастная пирамида, поднимающаяся от рождения до вершины – зрелого возраста и затем спускающаяся к старости и смерти. Великих художников не устраивала такая слишком наивная композиция. Они остановились на изображении трех возрастов – ребенка, юноши (здесь часто изображалась пара) и старика. На картине Тициана: два спящих путти, затем – на переднем плане – одетая крестьянка, играющая на флейте, и обнаженный мужчина, а на заднем – сидящий сгорбленный старик, у него в руках человеческий череп. Тот же сюжет у Ван Дейка в XVII веке. В таких композициях три или четыре возраста согласно иконографической традиции представлены отдельно друг от друга. Никому не пришло в голову объединить их вместе внутри одной семьи, где разные поколения могли бы символизировать эти три или четыре возраста. Художники, являясь выразителями общего мнения, оставались верными скорее индивидуалистической концепции возрастов: один и тот же человек изображался в разные периоды своей жизни.

Однако в течение XVI века появилось другое видение, символизировавшее продолжительность жизни через возрастную иерархию в семье. Нам уже представлялся случай цитировать “Большое собрание всякого рода вещей”, средневековый текст, переведенный на французский язык и изданный в 1556 году. Как мы отмечали, это своего рода зеркало мира. В шестой книге говорится о возрастах. Она проиллюстрирована гравюрой на дереве – там нет ни возрастной пирамиды, ни отдельного изображения трех или четырех возрастов: там просто собрана вместе целая семья. Отец сидит, у него на коленях маленький сын. Женщина стоит справа от мужа. Еще один сын стоит слева, другой опустился на колено и берет что-то из рук отца. Гравюра



является одновременно и семейным портретом, очень популярным в ту эпоху в Голландии, Италии, Франции, Англии и Германии, и семейной жанровой сценой, полюбившейся художникам и граверам XVII века. Эту тему ждет повсеместное признание и невиданный успех. Она получила определенное распространение уже в самом конце Средневековья. Особенно ярко она представлена на капители Дворца дождей в Венеции. Вентури датирует ее 1424 годом, Тоекса – концом XIV века. Последнее кажется более правдоподобным, судя по стилю одежды, но тем более поражает ранним появлением сюжета. На восьми сторонах капители рассказывается драматическая история, иллюстрирующая хрупкость человеческого существования – довольно распространенная тема XIV-XV веков, однако здесь все происходит внутри одной семьи, что и ново. Начинается повествование с обручения. Затем молодая женщина предстает в церемониальном платье, на котором нашиты ж большие металлические диски или монеты. Монеты занимают важное место в обрядовой стороне крещения и свадьбы. На третьей стороне – церемония венчания в момент, когда один из супругов держит венок над головой другого: так делают еще христиане восточных конфессий. Теперь супруги имеют право поцеловаться. На пятой стороне – они лежат обнаженные на супружеском ложе. Рождается ребенок – отец и мать держат его завернутого в пеленки. Их одежда становится проще, чем на картине помолвки: отныне они люди серьезные и одеваются с некоторой строгостью или по моде прошлых лет. На седьмой стороне – вся семья позирует художнику для портрета. Отец и мать держат ребенка за плечо и за руку. Это уже семейный портрет – такой, какой мы видели в “Большом собрании всякого рода вещей”. Однако на восьмой стороне разворачивается драма: в семье горе – ребенок умер; он лежит в кровати со скрещенными на груди руками. Одной рукой мать вытирает слезы, другую она положила на руку ребенка. Отец молится. Соседние капители украшены изображениями обнаженных путти, играющих с фруктами, мячами, птицами: сюжет довольно банален, но он позволяет определить иконографический контекст брачной капители.

История брака начинается как обычная история жизни семьи, но закапчивается совсем иначе – темой преждевременной смерти.

В музее св. Реймона в Тулузе можно увидеть фрагменты календаря, который, судя по костюмам, относится ко второй половине XVI века. Июль: семья собрана на портрете, совсем как на гравюре, впрочем, той же эпохи, из “Большого собрания”, однако есть одна важная деталь – присутствие слуг рядом с родителями. Отец и мать стоят в центре. Отец держит за руку сына, а мать – дочь. Слуга находится на мужской половине портрета, служанка – на женской, поскольку полы здесь разделены, в точности как на портретах дарителей – мужчины, отец и сыновья, с одной стороны, женщины – мать и дочери – с другой. Прислуга является частью семьи.

Август посвящен жатве, но художник больше внимания обращает на процедуру расчета с работниками и передачу урожая хозяину – последний держит в руке деньги, которые собирается отдать крестьянам. Эта сцена очень часто встречается в иконографии XVI века, и частности на шпалерах, где

сельские дворяне наблюдают за работой своих крестьян или участвуют в их играх.

Октябрь: семейный обед. Взрослые и дети сидят за столом. Самый младший сидит на специальном высоком стуле, позволяющем доставать до стола. Такой стул предназначен для детей его возраста – им пользуются и сегодня. Мальчик с салфеткой меняет блюда. Это может быть и слуга, и какой-нибудь родственник – его очередь прислуживать за обедом, обязанность вовсе не унижительная в то время, совсем наоборот.

Ноябрь: отец старый и больной, он настолько болен, что без помощи врача обойтись не может. Лекарь смотрит на свет его мочу – довольно распространенный образ традиционной иконографии.

Декабрь: вся семья собирается в комнате у постели умирающего отца. Ему дают последнее причастие. Супруга стоит на коленях рядом с кроватью. Позади плачет коленапреклоненная молодая женщина. Молодой человек держит в руке свечу. На заднем плане виден совсем маленький ребенок: несомненно, внук, будущее поколение, с которым род будет продолжен.

Таким образом, этот календарь ассоциирует смену времен года со сменой человеческих возрастов, однако возрасты представлены здесь через историю семьи: ее создатели в молодости, затем в зрелости и заботах о детях, после приходят старость, болезнь и смерть. Последняя является одновременно и хорошей смертью, – смертью праведника, также традиционная тема, – и смертью патриарха в семейном кругу.

История начинается точно так же, как и на брачной капители Дворца дождей. Однако в календаре смерть уносит не любимого малолетнего сына, здесь события разворачиваются более естественным образом. Отец уходит из этого мира, прожив долгую полную жизнь. Он умирает в окружении семьи, безусловно, оставив приличное, хорошо управляемое наследство. В этом вся разница. Речь уже не идет о преждевременной смерти, история иллюстрирует новое чувство – чувство семьи.

\*\*\*

Появление в иконографии темы семьи не является случайным чайным эпизодом. Следуя общей эволюции, вся иконографии XVI-XVII веков приобретает это направление.

Изначально сцены, изображаемые художниками, происходят либо в неопределенном пространстве, либо в общественном месте, например в церкви, либо под открытым небом. В готическом искусстве, отошедшем от римско-византийского символизма, сцены под открытым небом становятся более характерными и многочисленными благодаря открытию перспективы и любви к пейзажам: дама почти всегда встречает своего кавалера в окруженном забором саду; охота идет в лесах и полях; купание собирает женщин вокруг фонтанов сада; военные маневры; рыцари, сражающиеся на турнирах; армия, расположившаяся лагерем вокруг палатки короля, войска, осаждающие город; принцы, проходящие через ворота городской крепости в окружении горожан и черни. Таким образом, мы проникаем в города, проходим по мостам, мимо лавок, где работают ювелиры. По улице идут продавцы пирогов, нагруженные

барки спускаются по реке; там же, на улице, люди играют в различные игры. Вот жонглеры в сопровождении толпы зевак, а там паломники. Светская иконография Средневековья – это иконография пленэра. Когда художники XIII-XIV веков хотят проиллюстрировать какую-либо забавную сцену из повседневной жизни, они теряются – их наивность оборачивается неловкостью (никакого сравнения с виртуозностью мастеров анекдота XV-XVI веков).

Домашние сцены еще очень редки. Начиная с XV века они встречаются все чаще и чаще. Евангелист, находившийся когда-то вне времени и пространства, предстает нам в виде писца, за пюпитром с пером и скребком в руках. Вначале он сидит на фоне простой декоративной занавески, затем перебирается в комнату, где стоят этажерки с книгами: вместо евангелиста мы видим автора, Фруассара, работающего над книгой или переписывающего уже готовую. В Теренции Герцогов женщины в своих комнатах сидят за шитьем и пряжей, разговаривают со служанками, лежат на кроватях, и частенько не в одиночку. Там же сцены па кухне, в залах трактиров. Галантные сцены и беседы теперь проходят в закрытом помещении.

Появляется тема родов: рождение Девы Марии становится одним из поводов для их изображения. Служанки, кумушки, повитухи суетятся в комнате вокруг постели роженицы. И тема смерти тоже – сцена в комнате: умирающий на смертном одре борется за спасение своей души.

Частое изображение комнаты, зала соответствует новой тенденции обращения к домашнему миру, к частной жизни. Конечно, пленэр не исчезает – он положил начало пейзажной живописи, однако интерьерные сцены изображаются чаще и чаще, все с большей оригинальностью и становятся характерными для жанровой живописи на протяжении всей ее последующей истории. Частная жизнь, столь скрытая в Средневековье, заполняет иконографию, в частности западную живопись и гравюру особенно в XVI-XVII веках: картины голландских и фламандских мастеров, французская гравюра являются свидетельством силы, которую набирает это чувство, еще недавно обделенное вниманием. Чувство уже настолько современное, что нам трудно оценить его действительную новизну для того времени.

Многочисленные иллюстрации частной жизни можно поделить на две группы: первая содержит галантные сцены, сцены из жизни бродяг, сцены в тавернах, на бивуаках, на цыганских стоянках – мы не будем их рассматривать, так как нас интересует здесь вторая группа, объект нашего исследования, – сцены семейной жизни. Когда просматриваешь сборники эстампов или ходишь по выставочным залам, где висят картины XVI-XVII веков, невероятное количество семейных образов просто поражает воображение. Это движение достигает кульминационной точки в первой половине XVII столетия во Франции и на протяжении всего века и даже дольше в Голландии. Жанр сохраняется во Франции и во второй половине столетия, но в основном в гравюре, в гуаши и в рисунках на веере, затем в XVIII веке снова появляется в живописи, где останется вплоть до великой эстетической революции XIX века, изгнавшей из изобразительного искусства жанровые сцены.

Групповые портреты бесчисленны в XVI-XVII веках. Некоторые посвящены братству или корпорации. Но большая часть – изображение семьи. Они появились в XV веке одновременно с портретами дарителей, которых скромно вводили в какую-нибудь религиозную сцену. Обычно они стояли в стороне в знак смирения и набожности. Поначалу дарители достаточно скромны и выступают в одиночестве. Вскоре они стали брать с собой всю свою семью, и мертвых и живых: для умерших детей и жен также находится место. С одной стороны – мужчина и сыновья, с другой – женщина или женщины, каждая со своими дочерьми.

Место, отведенное дарителям, увеличивается за счет религиозной сцены, которая постепенно превращается в фон. Чаще всего религиозный сюжет ограничивается изображением покровителей супругов – святого со стороны мужчины, святой – со стороны женщины. Следует также отметить значение культа святых – покровителей каждого супруга, ставших здесь покровителями всей семьи: он очень напоминает внутрисемейный культ ангела-хранителя, хотя последний носит скорее персональный характер и относится к ребенку.

Этот этап развития портретов дарителя с семьей можно проиллюстрировать многочисленными примерами XVI века: фамильные витражи Монморанси в Моифор-л'Амори в Монморанси, Экуен; не менее многочисленны картины, выставившиеся *ex voto* (по обету) на ступах и колоннах немецких церквей. Некоторые из них можно еще найти в соборах Нюрнберга. Другие, часто наивные, выполненные не очень умелыми художниками, хранятся в региональных музеях Германии и немецких кантонов Швейцарии. Семейные портреты Гольбейна верны этому стилю. Кажется, немцы дольше других сохраняют привязанность к религиозному семейному портрету, предназначенному для украшения внутреннего помещения церкви. Он появляется как дешевый эквивалент изображения дарителя на витраже, связанного с более старой традицией, и предвещает изображающие случаи из жизни красочные *ex voto* XVIII и начала XIX веков с бытовыми подробностями, где перед нами не собранные вместе мертвые и живые члены семьи, а чудесные события, спасшие одного из них от гибели: во время кораблекрушения или другого происшествия, чудесное исцеление ... Семейный портрет становится одним из видов *ex voto*.

Скульптурные надгробия Англии в елизаветинскую эпоху также являются примером религиозного семейного портрета. Пример этот довольно специфичен, поскольку не так часто встречается на территории Франции, Германии и Италии. Барельефные и скульптурные группы на множестве английских могил собирают вокруг умершего всю семью. Особенно поражает настойчивость, с которой перечисляются все дети покойного – живые и умершие. Могилы с такими надгробиями можно еще найти в Вестминстерском аббатстве: сэр Ричард Пексол умер в 1571 году; его изображение помещено между двумя его женами; у подножия монумента видны еще четыре персонажа – его дочери. Покойная Маргарет Стюарт, умершая в 1578 году, лежит окруженная своими детьми. На могиле другой покойной, тоже изображенной лежа, – Уинифред, маркизы Винчестерской, умершей в 1586 году, – стоит

коленипреклоненный супруг, его изображение выполнено в меньшем масштабе – и рядом с ним крошечная могилка ребенка.

Сэр Джон и леди Пакеринг, умершая в 1596 году, лежат бок о бок в окружении своих восьми дочерей. Супруги Норрис (1601) стоят на коленях в окружении шестерых сыновей.

В Голдхэме на могиле Джона Кука (1639) насчитывается двадцать одна фигура; они выстроены в одну линию, как на портретах дарителей, по крестам в руках можно узнать умерших. На могиле Коупа Эйли в Хэмблдоне (1633) четверо мальчиков и три девочки стоят перед коленипреклоненными родителями; один из мальчиков и одна из девочек держат в руках череп.

В Вестминстере герцогиня Бекингем в 1634 году воздвигла надгробие своему супругу, убитому в 1628 году, оба супруга лежат в окружении своих детей.

Немецкие или английские изображения продолжают еще средневековую традицию семейного портрета. С XVI века он больше не носит религиозного характера. Все происходит так, будто дарители захватили все полотно, вытеснив религиозный образ, – он либо вообще исчез, либо от него осталась маленькая иконка с изображением свитого или деяний в дальнем углу картины. Традиция *ex voto* еще чувствуется в картине, написанной Тицианом около 1560 года: члены семьи Корнаро мужского пола – старик, мужчина зрелого возраста с седой бородой, молодой человек с черной бородой (борода, ее форма и цвет говорят о возрасте) и шестеро детей, самый младший играет с собачкой, – собраны вокруг алтаря. Случается, что семейный портрет приобретает форму церковной картины: в музее Виктории и Альберта сохранился триптих 1628 года – на центральной доске изображены маленькие мальчик и девочка, а на крайних – их родители. Эти картины вовсе не предназначались для церкви, отныне они украшают стены частных домов, и секуляризация семейного портрета – явление очень важное: теперь семья сама смотрит на себя. Появляется потребность зафиксировать состояние семьи в данный момент, иногда упоминая и умерших: образ или надпись на стене, служащей фоном.

Таких семейных портретов очень много, и не имеет смысла перечислять их все – список будет долгим и однообразным. Во Фландрии и Италии они появляются во множестве в эпоху Тициана, Порденоне и Веронезе, во Франции с Ленеом, Лебреном и Турньером, в Англии и Голландии с Ван Дейком, то есть в XVI, XVII и даже в начале XVIII века. В те времена они столь же бесчисленны, что и одиночные портреты. Уже немало сказано о том, что портрет отражает развитие индивидуализма. Может быть. Однако хочется особо отметить, что развитие портрета выражает, прежде всего, значительный прогресс чувства семьи.

Сначала члены семьи расположены достаточно механически, как на картинах дарителей, или на гравюрах возрастов из “Большого собрания”, или миниатюрах из музея св. Реймона. Даже если среди них и наблюдается какое-то оживление, держатся они очень торжественно, подчеркивая существование тесной связи друг с другом. На полотне Поурбуса муж положил левую руку на плечо жены; у их ног точно в такой же позе стоят их старший сын и младшая

дочь. Себастьян Леерс заказал Ван Дейку картину, на которой тот изобразил его с женой – они держатся за руки. На одном из полотен Тициана трое бородатых мужчин окружают ребенка – единственное светлое пятно среди темных костюмов, один из мужчин показывает на ребенка пальцем: ребенок в центре композиции. И, тем не менее, на большинстве таких портретов персонажи достаточно статичны: члены семьи помещены один над другим, иногда их связывают жесты, выражающие чувства по отношению друг к другу, но они не участвуют в совместной деятельности. В таком стиле Ван Дейк написал портрет семьи Пемброк, что находится в галерее Боргезе, – отец, мать, семеро детей, – и еще один портрет той же семьи Пемброк, написанный Ван Дейком: граф и графиня сидят, другие персонажи изображены стоя; справа супружеская пара – несомненно, семья старшего сына, слева – два элегантных подростка (элегантность – признак подростка мужского пола, она стирается с приходом зрелости), школьник с книгой под мышкой и двое мальчиков меньшего возраста.

Однако с середины XVI века семью все чаще начинают изображать за общим столом, полным фруктов: так, например, семья Ван Берхен Флориса или семья Ансельм Мартина де Воса. Или же члены семьи прерывают обед, чтобы помузицировать: мы знаем, художник ничего не выдумал – еда часто заканчивалась концертом либо прерывалась песней. Образ семьи, позирующей художнику, останется во французской живописи, с большим или меньшим маньеризмом, по крайней мере, вплоть до начала XVIII века, с Турньером и Ларжильером. Однако под влиянием голландских мастеров семью часто изображают в стиле жанровой сцены: послеобеденный концерт – одна из любимых тем голландцев. Отныне семья запечатлевается очень живо в какой-то момент повседневной жизни: мужчины сидят у огня, женщина вытаскивает из пламени горящий уголек; девочка кормит младшего брата. Теперь почти невозможно отличить семейный портрет от жанровой сцены на тему семейной жизни.

\*\*\*

В первой половине XVII века старые средневековые аллегории тоже оказываются, подхвачены этой волной и трактуется, в нарушение всех иконографических традиций, как иллюстрации к семейной жизни. Мы уже имели возможность наблюдать, что произошло с календарями. Другие классические аллегории постигла та же участь. В XVII веке сюжет возрастов человеческой жизни используется для изображения семьи. У Абрахама Босса есть гравюра о четырех возрастах человека – детство на ней изображается так: младенец в колыбельке под присмотром любящей сестры, ребенок в платье стоит в приспособлении на колесах (что-то вроде бегунков, часто использовалось в XV-XVIII веках), девочка с куклой, мальчик с бумажной крыльчаткой, затем два мальчика постарше – они вот-вот начнут бороться, один из них скинул шляпу и плащ. Зрелость иллюстрируется картиной еды – за столом собирается вся семья, мы видели эту сцену на множестве портретов, она повторяется довольно часто и на французской гравюре, и на голландских полотнах. Тем же духом пронизана гравюра о возрастах середины XVI века в

“Большом собрании” и миниатюра из музея св. Зеймона города Тулузы. Зрелый возраст всегда связан с семьей. Умбло-Юар собирает семью не вокруг обеденного стола, а в кабинете отца, богатого негоцианта, среди мешков с товарами. Отец с пером в руках погрузился в расчеты, ему помогает сын, стоящий позади него, рядом жена возится с маленькой дочкой; входит слуга с корзиной, полной провизии, очевидно, он возвращается от торговца. В конце XVII века Герар на одной из своих гравюр возвращается к этой же теме. Отец, – более молодой, чем у Умбло-Юара, – показывает рукой на окно, за которым видны причалы и корабли – источник его богатства. В комнате около стола, где лежат кошелек, счеты и бумаги, стоит его жена с карапузом в пеленках на руках, тут же играет другой ребенок – в платье. Надпись задает тон и подчеркивает дух таких изображений:

Блажен, кто чтит закон небес  
И положил всю жизнь свою  
На службу Господу, семье и королю...

Семья ставится рядом с Богом и королем. Эта установка не удивляет нас, людей XX века, однако для своего времени это было ново, и ее открытое выражение достаточно неожиданно. Тот же Умбло-Юар проиллюстрировал эту тему, нарисовав молодую женщину, открывающую грудь своему ребенку, вскарабкавшемуся на нее. Не будем забывать, что в XVII веке отнимали от груди очень поздно. Или опять Герар: хозяйка дома с ключами в руках и в компании своих детей отдает какие-то распоряжения служанке.

Другие аллегории возвращаются к знакомым нам семейным сценам. Обоняние – одно из пяти чувств – на одной из голландских картин начала XVII века представлено уже довольно банальной сценой детского туалета: обнаженному ребенку мать вытирает попку.

Абрахам Босс в качестве символа одной из четырех стихий – земли – берет образ семьи: в саду кормилица держит ребенка, одетого в платье; родители с порога дома нежно смотрят на свое чадо и бросают ему фрукты – плоды земли.

Даже заповеди о благодати становятся поводом для изображения жизни семьи: у Боннар-Сандрара пятая заповедь – это мать, прощающая своих детей: в знак прощения она раздает сласти, что уже напоминает популярное изображение семьи в XIX веке.

Таким образом, современная жанровая сцена вышла из традиционных средневековых аллегорий. Однако отныне разница между старинной темой и ее новым выражением становится слишком большой. Аллегории времен года, и в частности зимы, забываются, когда смотришь на “Сумерничание” Стеллы, где на одной половине гостиной ужинают мужчины, а на другой – женщины, запятые пряжей или плетущие солому, и дети – они либо играют, либо их моют. Таким образом, это уже не зима – это сумерничание. Это уже не грубая зрелость, не третий возраст, а семья, собранная вместе. Рождается оригинальная иконография, чуждая прежним забытым темам, которые она когда-то иллюстрировала. Ее вдохновляет, прежде всего, чувство семьи – совсем не то, что вдохновляет старинные аллегории. Было бы просто составить

своеобразный каталог излюбленных сюжетов: мать сидит около колыбели засыпающего ребенка – или кормит грудью – ищет у него вшей на голове (довольно обыденная операция, однако ее не доверяли детям) – младенец лежит в колыбели, его рассматривают, встав на носочки, брат и сестра, – ребенок на кухне со слугой или служанкой – ребенок, отправившийся за покупками; довольно часто встречающийся в голландской живописи сюжет был также использован во французской гравюре середины столетия Абрахамом Боссом (у кондитера) и в конце века Ле Камю (у держателя кабака, у виноторговца), однако нам важно понять дух этого образа. На полотне Ленеа видим уставшего крестьянина, он уснул. Его жена, прижав палец к губам, показывает детям в сторону отца – шум может его разбудить: уже напоминает картины Греза, и, конечно, не стилем и манерой рисовать, а чувством – источником вдохновения. Другой автор, Питер де Хох: семья собралась обедать, отец пьет сидя. Ребенок примерно двух лет стоит на стуле, у него на голове круглая, подбитая изнутри шляпа – такие надевают на детей малого возраста, когда они еще не очень хорошо ходят, чтобы при падении защитить голову. Женщина (служанка?) держит его за руку, свободной рукой она протягивает стакан вина другой женщине (хозяйке?), и та мочит им бисквит. Пропитанный вином бисквит она собирается отдать попугаю, специально, чтобы позабавить дитя, и именно забавляющийся в семейном кругу ребенок, обеспечивающий, таким образом, единство семьи, и есть сюжет, выбранный художником, – смысл рассказанной им истории. Чувство семьи, появившееся, таким образом, в XVI-XVII веках, неотделимо от чувства детства. Интерес к детству, проанализированный нами в начале этой книги, есть всего лишь форма, одно из выражений более общего чувства – чувства семьи.

\*\*\*

Иконографический анализ наводит на мысль, что в Средние века не существовало чувства семьи, что оно появилось лишь в XV-XVI веках и окончательно оформилось в XVII веке. Невозможно устоять перед соблазном сравнить эту гипотезу с наблюдениями историков-медиевистов.

Что касается историков средневекового права и общественных отношений, их общая идея состоит в том, что кровные узы формировали не одну, а две группы, не совпадающие друг с другом, хотя и концентричные: семья, в том понимании, в каком ее можно сравнить с современной семьей, и линьяж, объединяющий всех потомков общего предка. Между семьей и линьяжем больше противоречий, нежели различий, так как усиление одного ведет к ослаблению другого, по крайней мере, у дворян. Семья, пусть и не охватывает никогда весь линьяж, состоит из нескольких элементов, иногда из нескольких семей, имеющих общее наследство, которое не захотели делить. Подобное образование называли “братской семьей”, или *fraternitas*. Такая семья собирает вокруг родителей детей, у которых нет собственного имущества, племянников или двоюродных бессемейных братьев и сестер. Это стремление к неделимости семьи, – а она остается неделимой лишь на протяжении двух поколений, – лежит в основе традиционалистских теорий XIX века о большой патриархальной семье.



Современная супружеская семья появилась в процессе эволюции, в результате которой в конце Средневековья родовые отношения были, по мнению историков, ослаблены, как и стремление к неделимости.

На самом деле взаимоотношения между родом и семьей были гораздо более сложными. Ж. Дюби проследил историю этих взаимоотношений в Маконе и его округе с IX по XIII век включительно.

Во франкском государстве, пишет Дюби, “семья X века сводится, по всей видимости, к своему самому простому виду – супружеской паре; после смерти родителей дети еще могут некоторое время жить вместе, в рамках “братской семьи”, но связи очень слабые. Кровные узы не имеют смысла: судебная система старого франкского государства еще достаточно сильна, чтобы позволить свободному человеку жить независимо и предпочесть, если он этого хочет, компанию соседей или друзей обществу родителей”.

Родовая солидарность и неделимость семейных благ укрепились благодаря развалу единого государства: “После 1000 года перераспределение власти вынуждает людей к более тесному объединению”. Произошедшее тогда укрепление кровных уз, как и проявившиеся иные формы межчеловеческих отношений и зависимости (вассалитет, сеньория и бан, деревенская община), отвечают потребности быть защищенным. “Слишком независимые и не всегда имеющие возможность защитить себя поодиночке рыцари искали опоры в родовой солидарности”.

В то же время в XI-XII веках в маконской округе наблюдается развитие неделимости. К тому же периоду относится и неделимость имущества двух супругов – в X веке оно еще не растворилось в общей массе состояния семьи, управляемой мужем: в X веке муж и жена по отдельности управляли каждый своей частью, которую могли продать или купить независимо друг от друга.

Неделимость часто распространялась и на детей: “Продолжительное существование в отцовском доме, в подчинении старшему, отпрысков, лишенных всякой экономической независимости и собственных денег”. Неделимость имела силу, и после смерти родителей: “Представьте себе, на что был похож тогда дом рыцаря, объединявший в одном домене, при одном “дворе” от дюжины до пары десятков “господ”, две-три супружеские пары с детьми, неженатых братьев, незамужних сестер и дядю-каноника, который время от времени приезжает хлопотать об очередном племяннике”. Такое сообщество существовало, как правило, на протяжении двух поколений, но даже после *divisio* (раздела) родового наследства род сохранял над ним коллективное право *laudatio parentum*, верховной собственности линияжа.

Приведенное выше описание касается, прежде всего, рыцарской семьи или, как можно уже сказать, семьи дворянской. Ж. Дюби предполагает, что в крестьянской семье укрепления родовых связей не произошло, по крайней мере, в той же степени, потому что крестьяне заполнили пустоту, возникшую в результате распада франкского государства, иным способом: опека сеньора заменила государственные структуры, и вскоре деревенская община дала крестьянам иную форму защиты, чем семья. Община играла у крестьян ту же роль, что и род у дворян.

На протяжении XIII века ситуация сменилась еще раз. Новые формы денежной экономики, повышение значения движимого имущества, регулярность коммерческих операций и в то же время рост авторитета принца (короля из династии Капетингов или главы большого княжества) и развитие системы общественного порядка приводят к ослаблению родовой солидарности и исчезновению неделимости родовых благ. Семья, состоящая из двух супругов, вновь становится независимой. У дворян это вовсе не означает возвращение к рыхлой семье X века. Отец сохранил и даже усилил власть, приобретенную в XI-XII веках ввиду необходимости охранять целостность неделимого родового достояния. С другой стороны, нам известно, что в конце Средних веков дееспособность, признаваемая за женщиной, неуклонно урезается. В том же XIII веке в маконской округе право старшинства получает распространение в дворянских семьях и постепенно вытесняет принцип неделимости, встречающийся все реже, с места гаранта целостности родового достояния. Вытеснение правом наследия по старшинству неделимости родовых благ и совместного проживания малых семей говорит здесь и о высоком авторитете отца, и о месте, занимаемом отныне в повседневной жизни группой отец – дети.

Жорж Дюби заключает: “В реальности, когда разваливается государство, человек, находящийся в опасности, в первую очередь ищет убежище именно в семье. Но как только политическая ситуация стабилизируется, кровные узы ослабевают. История рода представляет собой череду моментов напряжения и разрядки, следующую ритму изменения политической ситуации”.

Противостоянию семьи и линьяжа Дюби уделяет гораздо меньше внимания, чем другие историки права. Здесь речь идет не столько о постепенном вытеснении рода семьей – что кажется скорее абстрактным и произвольным заключением, – сколько о расширении или сужении кровных уз, то распространенных на весь род и членов линьяжа, то только на членов супружеской семьи. Создается впечатление, что лишь понятие рода могло пробудить силу чувства кровной близости и человеческое воображение. Вот почему это понятие оставило значительный след в рыцарской литературе. Малая семья, напротив, почти неизвестна историкам. Однако в этом есть смысл. В мире ценностей и чувств семья не имела такого же значения, как род. Можно сказать, что чувство рода было единственным родственным чувством средневекового человека. Тем не менее, оно кажется совершенно отличным от чувства семьи, какое появляется в иконографии XVI-XVII веков. Чувство линьяжа относится к кровным узам, без поправки на ценности совместного существования и интимной близости. Род никогда не собирает людей в общем пространстве, вокруг одного двора. Ничего общего с сербской задругой. Историки права признают, что во Франции нет и следа крупных единых сообществ до XV века. Что же касается чувства семьи, оно связано с домом, управлением хозяйством, домашней жизнью. Его очарования не знали люди Средневековья, потому что имели о семье особое представление – линьяж.

Начиная с XIV века мы присутствуем при образовании современной семьи. Эта достаточно известная эволюция кратко охарактеризована Пето:

“Начиная с XIV века мы наблюдаем постепенную и медленную деградацию положения женщины в семье. Она теряет право решать за мужа, отсутствующего или сумасшедшего... В конце концов, в XVI веке замужняя женщина становится недееспособной в правовом отношении, и все, что она предпринимает без разрешения супруга или органов юстиции, не имеет никакой силы. В результате власть мужа непрерывно усиливается, превращая его в настоящего домашнего монарха... Что касается брака и детей, королевское законодательство, начиная с XVI века все больше внимания уделяет усилению власти отца... В то время как ослабевают кронные узы родовых отношений, а власть мужа в доме усиливается, женщина и дети попадают в очень сильную зависимость от него. Это двойное движение, в той мере, в какой оно было неосознанным и спонтанным результатом установившихся обычаев, безусловно, отражает эволюцию нравов и социальных структур...” Семья приобретает ту же ценность, что имел когда-то род. Она становится ячейкой общества, основой государства и монархической власти. Теперь мы рассмотрим отношение к ней с точки зрения религиозной общераспространенной практики.

\*\*\*

Средневековое прославление рода, родовой чести и родовой солидарности его членов – явление чисто светское, на которое церковь не обращала внимания, если не относилась с некоторой опаской. Языческий натурализм кровных уз мог ей не нравиться. Примечательно, что во Франции, где церковь принимала наследование королевской власти, о кровном родстве не упоминается во время обряда помазания на трон.

В Средние века современный принцип освящения светской жизни был неизвестен, если нечто подобное и наблюдается, то лишь в исключительных случаях: святой король, однако король был помазанником божьим, доблестный рыцарь, но в рыцари посвящали, и церемония посвящения стала, в конце концов, религиозной. Обряд венчания мог бы облагородить супружеский союз, придать ему духовную ценность, как и самой семье. Однако венчание едва ли делало брак законным. Он долгое время оставался разновидностью контракта. Церемония бракосочетания, если верить дошедшим до нас изображениям, проходила не внутри церкви, а снаружи – перед входом. Каким бы ни было мнение теологов, но священники в большинстве своем при всяком контакте с паствой, видимо, поддерживали точку зрения чосеровского священника, согласно которой брак являлся лишь меньшим злом, доне менял греховного характера половых отношений. Конечно, это не привело к полному отрицанию церковью и семьи и брака, как у катаров Южной Франции, однако она с большим недоверием относилась ко всему, что происходило от потребностей к плоти. Человек не мог добиться святости в светской жизни; интимная близость, благословленная венчанием, переставала быть смертным грехом, но не более того. С другой стороны, другой большой грех светского существования подстерегал супружеский союз – грех старения. Светский человек мог обрести спасение, лишь оставив этот мир и уйдя в монастырь. В тиши кельи он мог замолить грехи своего мирского прошлого.

Только в конце XVI века, во времена Филотея св. Франциска Сальского, или в XVII веке по примеру господ из Пор-Рояля, то есть всех тех мирян, занимавшихся активной религиозной деятельностью, теологическими изысканиями, духовной практикой и мистикой, была допущена мысль о возможности обретения спасения вне религиозного призвания, в рамках мирского существования.

Реабилитация светских сословий была необходима для того, чтобы столь естественное и связанное напрямую с плотью образование, как семья, стало объектом поклонения. Развитие чувства семьи и духовное продвижение светского человека идут параллельно. Современное чувство семьи в отличие от средневекового чувства рода пронизывает все виды благочестия. Наиболее ранний, еще очень скромный признак такого отношения видится в привычке дарителей собирать вокруг себя всех членов семьи и еще, в более позднем обычае, приобщать семью к культу святого покровителя. В XVI веке очень часто дарили *ex voto* святых – покровителей супруга и супруги, где рядом с ангелами-хранителями стояли они сами в окружении детей. Культ ангелов-хранителей становится семейным культом.

Влияние чувства семьи видно и по новой манере, особенно в XVII веке, изображать венчание или крестины. В конце Средних веков миниатюристы запечатлевают церемонию бракосочетания такой, какой она была, – на пороге церкви: например, венчание короля Козия и королевы Сабинеды в житии св. Катерины, где священник оборачивает руки супругов епитрахилью; венчание Филиппа Македонского того же Гийома Врело в истории доброго короля Александра: на заднем плане на двери церкви вырезана сцена, где муж бьет свою супругу! В XVI-XVII веках церемонию венчания, если речь идет не о королевских особах, больше никто не изображает. Теперь все внимание переносится на семейную сторону события: родители, друзья и соседи собираются вокруг молодых. Уже у Герарда Давида (Свадьба в Кане, Лувр) – свадебный пир; в другом месте это будет свадебная процессия: у Стеллы новобрачная под руку со своим отцом идет к церкви, где ее ждет жених, У Молинье церемония уже закончилась, кортеж покидает церковь: слева молодой в сопровождении дружек, справа молодая в венце (но не в белом платье – в те времена цветом любви был красный цвет, использующийся в священных украшениях), с подружками; они идут под звуки волюнок, маленькая девочка бросает монеты под ноги молодой. Сборники “обычаев костюма” или “разных костюмов”, иллюстрированные гравюрами конца XVI или начала XVII века, часто описывают молодоженов в окружении сопровождающих церемонию мальчиков и девочек: свадебный наряд уже тогда становится специфичным (хотя это еще не белое платье XIX века и наших дней), он имеет хотя бы несколько отличительных признаков. Эти детали характеризовали национальные обычаи.

Наконец, в иконографию попадают бытовые фольклорные сцены: молодые отправляются спать; пробуждение роженицы.

Точно так же и с крестинами – религиозной церемонии теперь предпочитают традиционные домашние посиделки: семья за бокалом вина по

возвращении из церкви, все слушают мальчика, играющего на флейте; соседи пришли навестить роженицу. Или изображение трудно объяснимых фольклорных обычаев, как на картине Моленара: женщина с ребенком идет сквозь насмехающуюся над ней толпу, присутствующие дамы накрыли головы подолом своих платьев.

Не следует искать объяснения любви к фольклорным праздникам с похабными шутками (последние присутствовали и в речи людей высокого положения) в религиозном безразличии: здесь акцентируется лишь семейная и общественная сторона действия, а не его религиозное значение. В северных странах тема семьи очень распространена – показательна в этом смысле картина Я. Стена, представляющая новую семейную интерпретацию фольклора и традиционного служения Богу. Мы уже имели возможность подчеркнуть коллективный характер праздников, свойственный нравам Средневековья; мы особо оговаривали роль детей, участвовавших в них вместе с взрослыми; все разношерстное общество было счастливо, собравшись вместе. Однако праздник, изображенный Стеном, не похож ни на один из уже известных нам праздников молодости, где дети пели себя как рабы в день сатурналий, то есть играли роль, определенную обычаем и привязанную к взрослым. Здесь же, напротив, взрослые организовали праздник специально, чтобы позабавить детей: день св. Николая, прообраза современного Деда Мороза. Стен ухватил момент, когда родители помогают детям найти подарки, спрятанные в разных углах дома. Некоторые уже нашли. Девочки держат кукол. В руках у других ведра, наполненные игрушками; повсюду валяются башмачки: неужели подарки уже подкладывали в башмачки, те самые, что дети XIX и XX веков будут оставлять накануне рождественской ночи у камина? Речь идет уже не о большом коллективном празднике, а о празднике семейном – празднике в семейном кругу; все возрастающее внимание к семье выражается в объединении семьи вокруг детей. Семейные праздники стали детскими. На сегодня Рождество – самый большой, можно сказать, единственный праздник в году, общий для верующих и неверующих. Он не имел такого значения в обществе Старого порядка – праздник королей, довольно близкий по духу, был более популярен. Однако своим огромным успехом в индустриальном обществе, не принимающем коллективные праздники, Рождество обязано семейному характеру действия, унаследованного от св. Николая: по картине Стена можно судить, что в Голландии XVII века св. Николая чествовали, как Деда Мороза или младенца Иисуса сегодняшней Франции, с тем же чувством семьи и ребенка внутри нее. Новая тема еще более ярко иллюстрирует и другое духовное составляющее чувства семьи – благословение пищи. С очень давних времен было принято, чтобы ребенок, если поблизости не было священника, благословлял еду перед началом обеда или ужина. В рукописных текстах XV века, собранных и опубликованных Фурнивалем, перечисляются правила поведения за столом: “Что прилично делать за столом, как себя держать за столом”. “Мальчик благословляющий... Дитя, когда ты находишься там, где есть хоть один прелат, позволь ему, если он захочет, дать благословение и прощение кому положено. Дитя, если этот прелат или сеньор просят тебя

прочитать молитву, вложи туда всю силу твоего духа, так как это большая честь”. Мы-то знаем, что слово ребенок (дитя) относилось тогда как к самым маленьким, так и к самым старшим детям. В учебниках же civility XVI века право благословения оставлено лишь за самыми младшими: правила поведения для детей Кордье закрепляют за ними эту роль, поддержанную и более поздними изданиями; так, в редакции 1761 года уточняется, что обязанность благословлять стол “принадлежит священникам, а за неимением таковых самому младшему из присутствующих”. В “Новых правилах поведения в обществе” 1671 года издания читаем: “Убрав со стола, ему следует поклониться и прочитать молитву”. В “Правилах приличий и поведения христианина” св. Жана-Батиста де Ла Сая: “Когда среди присутствующих есть ребенок, ему часто поручают эту миссию” (благословлять стол). Вивес в своих “Диалогах” описывает большой обед: “Хозяин дома по праву указал каждому его место. Молитва же была прочитана маленьким мальчиком, она была очень краткой, любопытной и в стихотворной форме:

Все что коснется этого стола,  
Благословится именем Христа”.

Таким образом, теперь честь произнести молитву перед едой отдана не самому молодому из собравшегося общества, а самому младшему из детей в доме. Это есть признак повышения значения детства в XVI веке в восприятии людей, однако самое важное: это чувство напрямую связано с главной семейной молитвой, долгое время единственной, произносимой всей семьей, собранной вместе. В этом смысле отрывки из трактатов о хороших манерах менее показательны, чем иконографические памятники. Начиная с XVI века тема застольной молитвы становится одной из самых распространенных в той новой иконографии, которую мы пытаемся выделить. Возьмем известную гравюру Мериана. Речь идет о портрете семьи за столом, выполненном в стиле, верном уже давней традиции: отец, мать, сидящие в креслах, и их пятеро детей. Служанка несет блюдо, оставив приоткрытой дверь, через которую видна кухня. Однако гравер ухватил момент, когда маленький мальчик в платье, оперевшись на материнские колени и сложив руки, читает молитву: все остальные члены семьи слушают, сняв головные уборы и скрестив руки на груди.

На другой гравюре – Абрахама Босса – изображена та же сцена, но в протестантской семье. Антуан Ленен собирает вокруг стола троих детей и мать: один из мальчиков стоя читает молитву. Лебрен этот же сюжет интерпретировал в более традиционной манере – он обратился к теме Святого семейства. Стол уже накрыт; отец, бородатый старик, стоит, опершись на дорожный посох. Мать сидит и нежно смотрит на ребенка, который, скрестив руки, читает молитву. Эта композиция довольно распространена в гравюре в качестве благочестивого образа.

Совершенно нормально, что мы находим ту же тему и в голландской живописи XVII века. У Стена сидит только отец: старинный деревенский обычай, давно забытый французской буржуазией. Мать подает ему еду, в то время как двое детей примерно двух-трех лет стоят со скрещенными на груди руками и читают молитву. У Хемскерка изображены вокруг стола два сидящих

старика, молодой человек – он стоит, и женщина – она сидит, сложив на груди руки, подле нее маленькая девочка – она следом за матерью повторяет молитву. Та же самая тема обнаруживается и в XVIII веке на знаменитой “Предобеденной молитве” Шардена.

Частое обращение иконографии к этой теме придает ей особую ценность. Чтение предобеденной молитвы ребенком уже не только признак воспитанности. К ней возвращаются, потому что некогда обыденной молитве придают теперь особое значение. Иконографическая тема собирает воедино три движущие силы человеческой любви: любовь к Богу, к детям (в образе самого маленького) и к семье (вся семья за одним столом). Благословение стола стало моделью молитвы, произносимой вместе всеми членами семьи. Раньше не существовало частной духовной практики. В книгах по поведению говорится об утренней молитве (в коллежах интерны читали ее сразу после утреннего туалета). Вечерняя молитва упоминается уже реже. Говоря о молитве утренней особо подчеркиваются, что характерно, обязанности детей по отношению к родителям (в самых старых правилах хорошего тона речь идет не о родителях, а об учителях): “Дети, – пишет Ж.-Б. де Ла Саль, – не должны ложиться спать, не попросившись с отцом и матерью”. Учебник civility Куртена 1671 года издания так предписывает закапчивать детям вечер: “Ребенок должен повторить уроки, пожелать спокойной ночи родителям и учителям, сходить в уборную и после, раздевшись, лечь в постель и заснуть”.

Между тем именно в эту эпоху наравне с внутрисемейной молитвой рождается публичная семейная молитва. Благословение еды является частью семейного культа, и частое изображение этой сцены является доказательством того, что она отражает живую форму благочестия. Семейный культ получил огромное развитие в протестантской среде: во Франции, особенно после пересмотра Нантского эдикта, он вытеснил культ публичный – получившим свободу пасторам пришлось преодолеть немало трудностей, прежде чем удалось вернуть прихожан, – настолько те привыкли молиться в кругу семьи. На знаменитой карикатуре Хогарта видно, как в конце XVIII века молитва, собирающая вокруг отца семейства остальных членов семьи, становится банальной условностью. Очень возможно, что католические семьи претерпели похожую эволюцию – они тоже испытывали потребность не в публичной и не в строго индивидуальной, а в семейной форме благочестия.

\*\*\*

Чуть выше мы описали “Предобеденную молитву” кисти Лебрена, популяризированную гравюрой Саррабата: было очевидным, что предобеденная молитва является еще и аллегорией Святого семейства – молитвы и обеда Девы Марии, св. Иосифа и младенца Иисуса. Картина Лебрена относится к двум направлениям, в одинаковой степени распространенным в ту эпоху, поскольку оба выражали одно и то же чувство. Нужно признать вместе с Тапье: “Вне всякого сомнения это был сам принцип семьи, который напрямую связывали с поклонением семейству Христа”. Каждой семье в качестве образца для подражания предлагалось Святое семейство. Традиционная иконография претерпела некоторые изменения под влиянием возрастающего авторитета

отца; св. Иосиф играет там уже не ту скромную роль, что ему отводилась еще в XV и в начале XVI века, теперь он появляется на переднем плане, как глава семьи, как у Калло, широко известном благодаря гравюрам, изображающем обед Святого семейства. “Дева Мария, св. Иосиф и Дитя, – комментирует Э. Маль, – ужинают: факел, поставленный на стол, создает контраст между ярким светом и тенью и придает сцене таинственный вид; св. Иосиф поит Дитя, умиляющего своим послушным личиком. На шею Христа повязано полотенце”. А вот еще одна тема, которую Эмиль Маль называет “Святое семейство в пути”, – Дитя находится между Девой Марией и св. Иосифом. Я вполне допускаю, что теологи того времени видели в этом изображение Троицы, однако общее восприятие трактовало эти сюжеты как воспевание семьи.

Авторитет св. Иосифа довольно значителен во многих сценах подобного плана: на полотне одного неаполитанского художника XVII века он держит Дитя на руках и, таким образом, оказывается в центре композиции, к тому же приему часто прибегают Мурильо, Гвидо Рени. Есть даже изображения св. Иосифа в плотницкой мастерской, где ребенок Иисус ему помогает.

Глава семьи за столом, за работой у верстака, св. Иосиф остается таковым и в драматический момент жизни семейства, часто изображаемый художниками, – в момент его смерти. Стан покровителем благочестивой смерти, св. Иосиф сохраняет прежний смысл своего образа: он очень напоминает довольно распространенный сюжет о смерти отца, приводимый в качестве иллюстрации благочестивой кончины, и принадлежит к той же иконографической традиции изображения новой семьи.

Другие святые семейства внушают то же чувство. В XVI веке, в частности, художники любили изображать детство других святых современников Христа – святые дети играют вместе. Так, на немецкой шпалере собраны все три Марии, окруженные их детьми, – последние балуются, купаются, играют. Эту группу можно видеть довольно часто, например, на рисунке по дереву начала XVII века, находящемся в церкви Нотр-Дам ля Гранд в Пуатье.

Видимо, сама тема связывается с чувством детства и семьи. Эта связь подчеркивается на декоративной росписи в стиле барокко, украшающей часовню Девы Марии францисканской церкви в Люцерне. Роспись датируется 1723 годом. На своде изображены ангелы, одетые в соответствии с приличиями; каждый из них несет один из символов Богоматери, перечисляемых в литургических текстах (морская звезда и т. д.). На противоположных друг другу стенах – святые родители и дети держатся за руки, они нарисованы в натуральную величину: св. Иоанн Евангелист и Мария Саломея, св. Иаков Старший и Зеведей.

Сюжеты из Ветхого Завета тоже служат иллюстрацией культа семьи. Венецианский художник Карло Рот изображает сцену благословения Иосифа Иаковом в стиле тех, что мы видели в “Возрастах человеческой жизни”, – старик в окружении детей, ожидающий прихода смерти. Но чаще всего фигурирует семья Адама, изображенная в стиле Святого семейства. На одном из полотен Веронезе Адам и Ева стоят во дворе своего дома с детьми Каином и



Авелем, посреди принадлежащих им домашних животных. Один из сыновей сосет грудь, другой, помладше, играет на земле. Адам, спрятавшись за дерево, чтобы не смущать маленьких, наблюдает за сценой. Его видно со спины. Геологический смысл картины представляется ясным: “первый Адам” возвещает о Христе – втором Адаме. Однако богословские нюансы скрыты темой чисто семейных радостей.

Та же тема и на плафоне монастыря Сан-Мартино в Неаполе – они относятся, несомненно, к началу XVIII века: Адам обрабатывает землю, подобно тому как Иосиф плотничает, Ева прядет, подобно тому как Деве Марии случается заниматься шитьем – и тут же рядом находятся дети.

\*\*\*

Так по иконографии можно проследить подъем нового чувства: чувства семьи. Я хочу быть правильно понятым: новое чувство, а не само понятие “семья”, хотя семья изначально и не играла главенствующей роли, которую ей приписывает Фюстель де Куланж и его эпоха. Жанмер делает акцент на существовании в Греции сильных пережитков иных, чем семейные, социальных структур, в частности возрастных классов. Этнографы достаточно много говорили о значении возрастных категорий у африканцев и кланов у американских индейцев. Не очаровываемся ли мы, сами того не замечая, функцией семьи, которую она осуществляет в нашем обществе на протяжении нескольких последних веков? Не кажется ли нам соблазнительным признать за ней нечто вроде абсолютного исторического авторитета? Тем не менее, нет никакого сомнения, что под влиянием семитской (не только библейской) и римской традиций семья окончательно укрепилась. Она, возможно, ослабела во времена германских вторжений. Неважно. Напрасно было бы отрицать существование семейной жизни в Средние века. Однако она протекала в молчании, она не внушала чувства, способного вдохновить поэта или художника. Это молчание заслуживает особого внимания: за семьей не признавали самодостаточной ценности. Также надо отметить значение расцвета иконографии, пришедшего начиная с XV и особенно в XVI веке на смену мраку, покрывавшему семейную тему – зарождение и прогресс чувства семьи. Отныне семья не только скромная сторона жизни человека, – она занимает свое место в системе ценностей, и ее славят и поощряют всеми эмоциональными средствами.

Столь сильное чувство сформировалось вокруг супружеской пары – родителей – и детей. В очень редких случаях на картинах присутствуют более двух поколений; когда там появляются внуки или семьи детей, за ними закрепляется более чем скромное место. Ничего больше не напоминает прежние родовые узы, никакого акцента на расширении семьи, на большой патриархальной семье, изобретении традиционалистов XIX века. Семья или хотя бы образ семьи, какой ее себе представляли, похожа на нашу современную семью. И чувство то же.

А еще чувство семьи очень тесно связано с детьми. Оно все дальше удаляется от понятий родовой чести, или целостности родового имущества, или древности фамилии – чувство семьи касается только родителей и детей. Одним

из наиболее общих его выражений является привычка подчеркивать физическое сходство между ними. В XVII веке существовала склонность изображать св. Иосифа похожим на своего приемного сына – таким образом, подчеркивалась сила родственных связей внутри семьи. У Эразма уже современный взгляд на вещи, согласно которому дети являются основой семьи, а физическое сходство делает семейные узы более глубокими и крепкими; нет ничего удивительного в том, что его трактат о браке переиздавался в XVIII веке, и я позволю себе процитировать его во французском переводе 1714 года, придающем некую пикантность и анахроничность тексту эпохи Возрождения: “Нельзя не восхититься этой странной заботой Природы; она рисует в одном лице сразу двух человек; в своих детях муж узнает портрет жены, а жена – портрет мужа. Иногда дети походят на дедушку, бабушку или сестру бабушки или дедушки”. Главенствует отныне чувство, которое вызывает ребенок, живой портрет своих родителей.

## **Глава II. От средневековой семьи к семье современной**

Изучение иконографии в предыдущей главе показало нам новое место, которое заняла семья в жизни людей в XVI и XVII веках. Примечательно, что в тот же период происходят первые значительные сдвиги в отношении семьи к ребенку. Семья кардинально меняется по мере того, как меняются ее внутренние взаимоотношения с детьми.

Итальянский текст конца XV века отображает довольно точно состояние средневековой семьи, по крайней мере, в Англии, – текст этот взят британским историком Фурнивалем из книги одного итальянского автора: “Бессердечие англичан особенно видно в их отношении к собственным детям. Им позволяют жить дома до пяти, семи или девяти лет (у наших авторов семь лет – возраст, когда мальчик оставлял мать или кормилицу, чтобы пойти в школу или вступить во взрослую жизнь), после чего отдают как мальчиков, так и девочек на тяжелую службу в другие дома, где они обязаны провести семь-девять лет (то есть примерно до четырнадцати-восемнадцати лет). Их называют там подмастерьями. Они выполняют всю работу по дому. Мало кому, независимо от состояния, удастся избежать этой участи, так как каждый отдает своих детей в чужой дом, принимая у себя чужих детей”. Итальянец находит этот обычай слишком жестоким, это доказывает, что в его стране он либо хорошо забыт, либо о нем ничего не знают. Он говорит, что англичане прибегают к услугам чужих детей, поскольку полагают, что последние могут обслужить их лучше собственных отпрысков. Но, видимо, истинную причину этого явления объясняют тому же итальянцу сами англичане: “Это для воспитания у детей хороших манер”.

Такой образ жизни является, вероятно, общим для всей средневековой Западной Европы. Ж. Дюби прослеживает, начиная с XII века историю семьи маконского рыцаря Гигоне, благодаря завещанию последнего. Гигоне отдает двух малолетних дочерей в дом к старшему из своих братьев. Позже многочисленные контракты о передаче детей в обучение свидетельствуют,

насколько практика пребывания в чужих семьях была распространена. Иногда в них подчеркивается, что хозяин должен научить ребенка “своему торговому делу” или проследить за тем, чтобы “ребенок ходил на занятия в школу”. Однако это частные случаи. Общая ситуация – главная обязанность ребенка, отданного в чужую семью, заключалась в том, чтобы тот “как подобает прислуживал” хозяину дома. Если пролистать все эти контракты, не отвлекаясь от духа сегодняшнего времени, очень трудно определить, и каком же действительно качестве пребывает ребенок в чужом доме – как ученик-стажер (в современном смысле слова), или как пансионер, или же, как слуга. Было бы ошибочным настаивать на чем-то одном – наше разделение на качества анахронично, и средневековый человек принял бы их за нюансы одного и того же понятия – службы. Служба в чужом доме, долгое время единственный вообразимый вид службы, была делом достаточно почетным и несколько не унижительным. В XV веке в Англии и Франции существует целая литература на народном языке в форме мнемотехнических стихов, содержащая заповеди хорошего слуги. Одно из стихотворений называется “Порядок для всякого слуги”. Английский эквивалент – *waiting servant*; измененная форма *waiter* остается в современном английском и означает “официант” (в кафе). Конечно, этот слуга должен уметь накрыть на стол, приготовить постель, сопровождать своего хозяина и т. д. Но служба сопровождается еще и тем, что мы назвали бы сегодня функцией секретаря, конторского служащего. Мы быстро приходим к выводу, что это состояние не рассматривается как окончательное – оно продолжается определенный отрезок времени как практика, период профессионального обучения:

Если хочешь быть хорошим слугой,  
Ты должен убояться и любить своего хозяина,  
И за его столом есть стоя...

(Затем следуют правила приобретения хорошей репутации.)

Всегда будь в хорошей компании,  
Будь то миряне, клирики или священники.

(Клирик мог прислуживать в доме другого клирика.)

Чтобы хорошо служить своему господину,  
Нужно забыть о себе  
Ради удобства хозяина.

Если ты служишь женатому господину,  
Кто бы ни была его жена –

Мещанка, барышня или дама,  
Должно охранять ее честь...

Если ты служишь клирику или священнику,  
Не прельстись званием главного слуги...

Если ты служишь секретарем,  
Храни тайны твоего хозяина...

Если ты служишь судье или адвокату,  
Ты не должен болтать об их делах.

Если же тебе случится попасть к барону,

Графу, маркизу или виконту,  
Не выдумывай новых налогов и поборов,  
Иначе от крестьянских грошей ничего не останется...  
Если ты на службе у воюющего дворянина,  
Коль сможешь, сделай так,  
Чтобы заслужить милость и любовь хозяина,  
Дабы самому потом стать хозяином,  
Когда придет твое время.  
Тяжело постигает ремесло,  
Ведь для того, чтобы им заниматься в жизни,  
Надо отдать ему всю душу.  
Только так ты сможешь стать хозяином,  
И тебе будут служить,  
А сам ты будешь счастлив  
И в конце концов  
Обретишь спасение.

Таким образом, служба в качестве прислуги смешивается с учебой “в людях” – общей формой образования. Ребенок учился на практике; эта практика не ограничивалась только обучением какой-либо профессии, тем более что четкой границы между профессиональной деятельностью и частной жизнью не было; обособление профессиональной жизни – термин сам по себе анахроничен – вызвало бы неминуемое обособление жизни частной, с которой она была тесно связана. Не потому ли через пребывание в качестве слуги ребенку, не своему, чужому, передавали багаж знаний, практические навыки и приобщали к общечеловеческим ценностям.

Весь процесс воспитания проходил как практическое обучение подмастерья – само понятие “подмастерье” имело гораздо более широкий смысл, чем тот, что оно приобрело позже. Детей воспитывали не в родительском доме – их посылали в чужую семью, составив контракт или обойдясь без такового, чтобы они начали там взрослую жизнь, или изучили рыцарские манеры, или научились какому-либо ремеслу, или даже для посещения латинской школы. Эта манера обучения была свойственна всем сословиям. Мы уже говорили о довольно близком положении низшего слуги и домашнего работника более высокого ранга внутри самого понятия службы у господина. Сборник английских дидактических поэм, своеобразный стихотворный учебник хороших манер, называется *Babees Books*. Слово “валет” (слуга) означало “молодой человек”, и Людовик XIII, будучи маленьким, еще будет называть себя в приливе нежности к отцу “папочкин валет”. Слово “гарсон” означает одновременно и очень молодого человека, и юного слугу на протяжении XVI-XVII веков: в наше время так все еще называют официантов. Даже когда, начиная с XV-XVI веков стали четче различать внутри хозяйского дома слуг разных рангов, прислуживать за столом будет ребенок, а не нанятый слуга. Чтобы выглядеть воспитанным, недостаточно умения держать себя за столом, как это считается сегодня: нужно было еще уметь прислуживать за столом. Этому навыку посвящено не мало

страниц учебников хорошего тона, всевозможных трактатов об этикете и целая глава учебника христианского этикета Ж.-Б. де Ла Саля, самой популярной книги этого плана в XVIII столетии. Это пережиток времен, когда все услуги в домашнем хозяйстве могли оказывать и дети, которых мы называем подмастерьями, и наемные слуги, скорее всего тоже довольно молодые, – различия между двумя категориями проявились лишь постепенно. Слуга – это ребенок, большой ребенок, и неважно, пребывает ли он временно в чужой семье, дабы приобщиться, таким образом, к взрослой жизни или же без какой-либо надежды стать когда-нибудь хозяином из-за низкого происхождения.

В подобной системе прямой передачи знаний и навыков от поколения к поколению не оставалось места школе. Школа, латинская школа, предназначалась клирикам, латиноязычным, то есть весьма изолированной группе. Она и на самом деле была исключением, и было бы неправильно, только потому, что впоследствии она пронизала все общество, через ее историю описывать средневековое образование – это означало бы сделать из исключения правило. Общим правилом для средневекового общества было обучение в людях. Даже ходивших в школу клириков часто отдавали на пансион в чужой дом, как других подмастерьев, а точнее в дом священнослужителя или такого же, но уже опытного клирика, а иногда и прелата, которому они прислуживали. Служба у господина имела в этом случае такое же значение, как и учеба в школе. Затем она была заменена у наиболее бедных студентов стипендией какого-нибудь коллежа: мы рассматривали историю фондов, которые стоят у истоков коллежей Старого порядка.

Встречаются случаи, когда обучение в людях выходит за эмпирические рамки и принимает формы более педагогические. Любопытный пример обучения, вышедшего из традиционного обучения подмастерьев, приводит учебник псовой охоты. Там описываются настоящие школы псовой охоты при дворе Гастона Феба, где обучали “манерам и навыкам, какими должен обладать тот, кто хочет стать настоящим охотником”. Эта рукопись XV века иллюстрирована очень красивыми миниатюрами. На одной из них изображен настоящий класс. Учитель, дворянского звания, если судить по костюму, поднял правую руку с выставленным указательным пальцем: этот жест является символом речи, которую он произносит, в левой руке у него палка – символ непререкаемого авторитета учителя, инструмент наказания. Три ученика – все трое мальчики еще маленького роста – сжимают в руках свитки, содержание которых они должны знать наизусть: самая обычная школа. На заднем плане за происходящим наблюдают два старых охотника. Тема другой похожей по духу сцены – обучение искусству трубить в рог: “Как должно пользоваться рогом и трубить”. Все это были вещи, которым учились на практике, как верховой езде, владению оружием и рыцарским манерам. Вполне возможно, что некоторые виды профессионального образования, такие как техника письма, вышли из практического уже упорядоченного обучения, по форме напоминающего школьное.

Тем не менее, это скорее исключение, чем правило. Передача знаний и навыков от поколения к поколению обуславливалась широким участием детей

в жизни взрослых. Так можно объяснить тесное сосуществование детей и взрослых, с которым мы сталкивались на протяжении всей нашей книги и которое наблюдается даже в классах коллежа, где, казалось бы, ученики должны быть более строго разделены по возрастам. Но в те времена никто и понятия не имел о разделении детей на разные возрастные категории, столь привычном для нас. Сцены из повседневной жизни представителей того или иного ремесла часто собирают вместе детей и взрослых: так, малолетний подмастерье готовит краски для художника; целая серия гравюр Страдано о ремеслах изображает детей в мастерских рядом со старшими товарищами. То же самое наблюдается и в армии. Известны примеры четырнадцатилетних солдат! Однако и маленький паж, несущий рыцарские рукавицы герцога де Ледижьера, или те, что подносят шлем Алофу де Виньякуру на полотне Караваджо в Лувре или генералу дель Васто на полотне Тициана в Прадо, тоже далеко не старики: их голова едва доходит до плеча хозяина. В целом повсюду, где люди работали или развлекались – даже в подозрительных тавернах, – дети были рядом с взрослыми. Так они учились жить – в тесном ежедневном контакте со старшими, социальные группы формировали замкнутые вертикальные образования, они собирали разные возрастные категории, подобно тому, как домашние концерты служили сюжетом и для семейного портрета, и для аллегии возрастов, потому что собирали всех – и детей, и взрослых, и стариков.

В таких условиях ребенок очень рано уходил из-под родительской опеки, даже если он и возвращался после в семью, будучи уже взрослым, что случалось не всегда. Таким образом, семья не могла питать глубокие экзистенциальные чувства между родителями и детьми. Это вовсе не означает, что родители не любили своих детей, но они занимались ими не столько из своей привязанности к ним, сколько потому, что рассчитывали на их помощь в общем деле, в становлении семьи. Семья была скорее моральной и социальной данностью, чем эмоциональной категорией. В самых бедных слоях понятие семьи было связано с материальным положением супружеской пары внутри более масштабного мира, включавшего деревню, двор, дома “господина” и сеньоров, где бедняки проводили большую часть своей жизни, чем в своей семье, если, конечно, они не были нищими бездомными бродягами. Или понятие семьи ассоциировалось с процветанием фамильного наследия либо с семейной честью. Семья бедняков практически не знала эмоциональной стороны, и когда речь шла о семейном добре или гордости, чувства по отношению к семье возникали из тех же корней, что и древние родовые связи.

\*\*\*

Начиная с XV века реалии и чувство семьи начинают меняться: глубокие трансформации происходят слишком медленно, чтобы быть отмеченными как современниками, так и историками, их трудно распознать. Впрочем, основной сдвиг весьма заметен – повсеместное распространение школьного обучения. Как мы уже видели, средневековое образование держалось на практическом обучении в чужой семье, куда ребенка отдавали в возрасте семи лет. Отныне образование все чаще и чаще связывается со школой. Она перестала быть

учебным заведением для клириков. Теперь она становится обычным инструментом приобщения к жизни в обществе, переходным этапом между детством и взрослой жизнью. Сам механизм мы уже рассмотрели. Он отвечал новой потребности в нравственной строгости со стороны учителей: потребности оградить молодежь от влияния испорченного мира взрослых, продлить пору невинности, воспитать стойкость к соблазнам, которым подвержены взрослые. Он также отвечал желанию родителей быть ближе к своим детям, больше заниматься их воспитанием, отказаться от необходимости отдавать их даже на какое-то время в чужую семью. Вытеснение практического обучения школьным означает и сближение понятий “семья” и “дети”, сближение чувства семьи и чувства детства, прежде далеких друг от друга. Семья сосредоточивается на ребенке. Сначала ребенок все же уходит от родителей – поступает в какую-нибудь далекую школу, хотя в XVII веке уже ведутся споры, стоит ли посылать детей в коллеж, не лучше ли учить его дома, взяв наставника. Однако удаленность школяра от дома носит иной характер, чем удаленность подмастерья, да и продолжается гораздо меньше. Основная часть детей не является интернами коллежа. В основном школяры живут на квартире, у регента, например. Им приносят деньги и провизию каждый базарный день. Связь школяра и его семьи усиливается: судя по диалогам Кордье, потребовалось особое вмешательство учителей, чтобы прекратить слишком частые визиты домой, ставшие возможными благодаря прямому соучастию матерей. Наиболее обеспеченные ученики никогда не уходили учиться одни, их сопровождали наставник, школяр, более старшего возраста, или слуга, часто это был молочный брат. Книги по воспитанию XVII века непременно подчеркивают долг родителей выбрать коллеж и наставника, следить за успеваемостью и проверять домашние задания, если ребенок приходит ночевать домой. Таким образом, климат в семье совершенно изменился – он стал близок к климату в современной семье, как будто сам институт семьи появился одновременно со школой или, по крайней мере, с практикой всеобщего школьного обучения.

Что касается малого процента учащихся, вынужденных жить далеко от дома, родители недолго мирились с таким положением. Примечательно, что именно благодаря усилиям родителей, естественно, при помощи магистрата существенно увеличилось количество городских школ. Цель была одна – приблизить детей к дому. В начале XVII века, как показал отец де Дэнвиль, была создана очень разветвленная сеть учебных заведений разного уровня. Вокруг коллежа с полным преподаванием возникла концентрическая система гуманитарных коллежей (то есть без класса философии), многочисленных латинских регентств (с несколькими классами грамматики). Регентства поставляли контингент для высших классов гуманитарных коллежей и коллежей с полным преподаванием. Современники очень заботились о таком стремительном распространении школ. Оно отвечало одновременно потребности в теоретическом образовании, заменившем прежние формы практического обучения, и потребности не слишком удалять ребенка от семьи и держать его подле себя как можно дольше. Это явление свидетельствует об

изменении структуры семьи: семья теперь полностью концентрируется на ребенке, а семейная жизнь тесно переплетается с чувствами, связывающими детей и родителей. Оно совпадает во времени, и в этом нет ничего удивительного, с другим явлением – утверждением в иконографии темы семьи в образе супружеской четы и их детей.

Конечно, такое распространение школы, сыгравшее столь значительную роль в формировании родственных чувств внутри семьи, не стало сразу же всеобщим. Вначале оно не затронуло довольно широкий слой детского населения, которое продолжало обучаться старым способом – в качестве подмастерьев. Прежде всего, речь идет обо всех девочках. Разве что некоторых из них отправляли в малые школы или монастыри, большинство же училось дома или опять же в людях – в доме родственницы или соседки. Двери обычной школы открылись для девочек только в XVIII веке или даже в начале XIX. В свете сказанного выше заслуги мадам де Ментенон и Фенелона представляются огромными. Долгое время девочек предпочитали учить на практике, а не в школе, и довольно часто обучение проходило и чужом доме.

Что касается мальчиков, школа охватила прежде представителей среднего звена в иерархии сословий, высшее дворянство и люди ремесленных профессий оставались нерпы традиции практического обучения: пажи важных сеньоров или подмастерья. В среде ремесленников и рабочих практическое обучение доживет до наших дней. Заграничные поездки молодых дворян после учения пропитаны тем же духом: они жили при дворах или в семьях с целью изучения иностранного языка, этикета, приобщения к рыцарским видам спорта: путешествия за границу как часть образования вышли из моды в XVII веке – их заменили академии, что тоже является примером замены практического обучения более специализированным и теоретическим образованием.

Существование пережитков старинного способа обучения на противоположных концах социальной лестницы не предотвратило его закат: школа победила благодаря расширению контингента, росту числа учебных заведений разного уровня и моральному авторитету. Так на базе школы возникла наша современная цивилизация. Со временем она окрепла, увеличив продолжительность и охват школьного образования.

\*\*\*

Нравственные проблемы семьи неожиданно проявились в совсем необычном свете. Наиболее ясно это видно в связи с давним обычаем, позволяющим дать преимущество одному ребенку за счет других братьев, как правило, старшему сыну. По всей видимости, обычай этот получает распространение в XIII веке, затем чтобы избежать опасного дробления родового наследия, чье единство больше не защищается принципом неделимости и солидарности линияжа, пришедшими в упадок, а, напротив, находится под угрозой быть поглощенными все большей подвижностью имущества. Привилегированный ребенок – по праву старшинства или просто выбранный родителями – оказывается основой семьи и семейных связей с конца Средних веков до XVII века, но не в XVIII веке. Начиная со второй половины XVII века моралисты-воспитатели оспаривают законность этой



практики, потому что она вредит принципу справедливости, противоречит идее равенства прав всех детей на родительскую ласку и еще потому, что она сопровождается мирским использованием духовных ценностей, а все эти моралисты были еще и религиозными реформаторами. Одна из глав трактата Варе “О воспитании детей”, опубликованного в 1666 году, посвящена “равенству, которое необходимо соблюдать меж детьми в семье”. “Есть и другая несправедливость, поселившаяся в душах христиан, наносящая не меньше вреда принципу одинакового отношения отцов и матерей к своим чадам, – она состоит в возвышении тех, кого по причине ли возраста, личных качеств или просто каприза предпочитают остальным. (Их “предпочитают” потому, что на них больше надеются в связи с будущим семьи. Это уже понятие о семье, как о независимом от личных чувств сообществе, как о “доме”.) Люди боятся, что при равном разделе наследства между всеми детьми невозможно будет достигнуть желаемого процветания и славы своей семьи. Старший не смог бы выполнить всех своих обязанностей, которые на него пытаются возложить, если бы его братья и сестры имели бы те же преимущества, что и он. Значит, нужно поставить их в такую ситуацию, чтобы они не могли оспаривать его права. И их посылают в монастыри против их воли и с ранних лет приносят в жертву интересам того, кто предназначается миру и суете”. Любопытно, что ложное духовное призвание и предпочтение старшего вызывают волну возмущения, но от него не остается и следа, когда речь идет о браке: в этом случае власть родителей остается незыблемой.

Текст, приведенный выше, выражается категорично. В “Правилах воспитания ребенка” Кустель, напротив, предстает в некотором затруднении – он очень осторожно критикует эту старую традицию, связанную с продолжением общества на основе семьи. Он допускает предпочтение одного ребенка родителями: “Дело не в том, что родители плохо поступают, предпочитая среди своих детей самых добродетельных и умных. Но, я полагаю, было бы опасно показывать это предпочтение”.

Аббат Гуссо в своей книге “Портрет благочестивого человека”, появившейся в 1692 году, выражается еще более эмоционально: “..желание отдать лучшую часть семейных благ старшему сыну, чтобы держать его всегда в блеске и тем увековечить свою фамилию (здесь очень хорошо чувствуется противопоставление современного эмоционального понятия семьи и понятия семь дома),– это не только проявление тщеславия; это еще и вопиющая несправедливость. Чем заслужили младшие такое отношение к себе? Есть и такие родители, которые для того, что утвердить одних далеко за пределами того, что они могут, жертвуют другими и запирают в монастырях, не спросив их собственного мнения и не разобравшись, являются ли это их призванием... Отцы их любят меньше и искусственно ставят в низшее положение”. Несмотря на свои убеждения, Гуссо, тем не менее, допускает, как бы с поправкой на общественное мнение, что родители “могут любить одного из детей больше, чем остальных”, однако “эта любовь должна быть похожа на пламя, прячущееся под углями”.

Мы подошли к истокам установки, приведшей к равенству Гражданского кодекса, в конце XVIII века она уже обуславливает нравы. Попытки восстановить в начале XIX века привилегии первородства натолкнулись на непреодолимое неприятие общественного мнения: очень немногие отцы даже в дворянских семьях воспользовались предусмотренным законом правом отдать преимущество одному из своих детей. Фуркасье опубликовал письмо Вийеля, в котором тот жалуется на провал своей политики и предсказывает скорый конец института семьи. В действительности уважение равенства между детьми свидетельствует о продвижении семьи-дома к семье современной, построенной на чувствах. Люди стараются придать сыновней и отцовской любви, несомненно, старой как мир, новое значение, потому что именно на ней стараются отныне строить семейные связи. Теоретики начала XIX века, к которым примыкает Вийель, считали чувства довольно хрупкой основой; они предпочитали им более основательную концепцию – отчий дом, рациональную и общественно обусловленную причину, независимую от личных привязанностей; они также почувствовали, что именно отношение к детству лежит у истоков этого нового семейного мышления, которое им казалось таким подозрительным. Вот почему они попытались восстановить право наследия по старшинству, разрушая, таким образом, традиции моралистов Старого порядка.

Нам здесь важно отметить, что ощущение равенства между детьми в семье смогло получить развитие в новом эмоциональном и моральном климате благодаря сближению родителей и детей.

\*\*\*

Представляется необходимым соотнести с этими соображениями явление, в 1677 году ставшее объектом судебного разбирательства, показательного как своей новизной, так и в моральном плане. В те времена регентам разрешали жениться, однако женатым регентам по-прежнему отказывали в должности при университетах. Так, в 1677 году женатый преподаватель был выбран деканом в Парижском университете. Проигравший кандидат, судебный чиновник дю Булэ, опротестовал результаты выборов, и дело было направлено в Совет по частным делам. Адвокат дю Булэ приводит в своей записке причины, по которым следует сохранить целибат учителей. Регенты обычно имеют у себя дома пансионеров, и, таким образом, нравственность мальчиков оказывается в опасности: “Неудобства слишком велики из-за того, что женатым регентам часто приходится принимать молодых людей, которых они учат, в присутствии своих жен, дочерей и служанок. Ничто не может воспрепятствовать этому ни в отношении пансионеров, что живут у них, ни в отношении экстернов. Господам членам комиссии следует задуматься: неприличное для школяра соседство женских юбок, с одной стороны, и их книги и чернильницы, которые часто перемешаны в общей куче с одеждой, с другой стороны; вид женщин и девушек, расчесывающихся, одевающих или поправляющих свой туалет, детей в колыбели или ползунках и прочих атрибутов семейной жизни”.

На последний аргумент, особенно интересный в контексте нашего исследования, женатый регент отвечает так: “Дю Булэ говорит так, будто только вчера приехал из родной деревни... Так как всем хорошо известно, что в

домах, где есть женщины, имеются предусмотренные для них комнаты, где они переодеваются в частной обстановке (частная обстановка означает свое пространство, куда никто не может войти без стука – новое по тем временам понятие, не известное еще в деревне), и отдельные комнаты для школяров”. *Что же касается младенцев в люльке, то их и вовсе не видно в парижских домах – они и кормилиц:* “ Так же всем хорошо известно, что грудных детей отправляют к кормилице, живущей в какой-нибудь деревне неподалеку, так что у женатых в доме столько же колыбелей и ползунков, сколько их в конторе у господина дю Булэ”.

Из этих текстов можно заключить, что обычай отправлять детей к кормилице, “живущей в какой-нибудь деревне неподалеку” был достаточно распространенным среди городских социальных слоев уровня регента, однако практиковаться он начал не так давно, так как жалобщик мог действительно о нем не знать. Обычай этот получил наибольшее распространение в XVII веке, в то время как воспитатели-моралисты стали его особенно критиковать – они задолго до Руссо советовали матерям самим кормить своих детей. Однако их мнение, часто производившее должный эффект, опиралось на традиционные условности времен Квинтилиана. Оно не смогло победить практику, основанную на личном опыте и соответствовавшую наилучшему обхождению с детьми для своей эпохи. Представьте себе трудности кормления грудного ребенка, если у матери было недостаточно молока. Давать коровье? Именно это было уделом бедняков. Гуманист Томас Платтер, подчеркивая нищету собственного детства в начале XVI века, приводит в качестве самого сильного аргумента тот факт, что его вскормили коровьим молоком. Санитарные условия доения позволяют понять причину отвращения к этому продукту. Впрочем, вскормить таким молоком было сложно и технически: обращение со Странными посудинами, выставленными в музее факультета фармации в Париже, служившими детскими бутылочками, требовало немалой ловкости и терпения. Вот причина появления кормилиц. Что это были за кормилицы? Можно предположить, что их находили чаще всего среди женщин того же дома – молочный брат часто оставался в семье и воспитывался вместе с другими детьми. В богатых домах XVI и начала XVII века для грудничков имелось особое место. Почему же в семьях среднего достатка, например регентских, в семьях младших офицеров, появляется привычка отправлять их в деревню? Можно ли истолковать эту относительно недавнюю практику как меру предосторожности, – я не решаюсь еще произнести здесь слово гигиена, – напрямую связанную с другими явлениями, в которых мы увидели признаки нового отношения к детям?

Итак, несмотря на пропаганду, развернутую философами люди хорошего достатка, дворяне и буржуа, продолжали пользоваться услугами кормилицы до конца XIX столетия, то есть до момента, когда развитие гигиены позволило без всякого риска принимать молоко животного. Тем не менее положение все-таки претерпело кое-какие изменения, теперь не ребенка несут к кормилице, а кормилица идет к ребенку: она будет жить в доме, родители больше не захотят расставаться со своими грудными детьми. Явление по своей значимости

сравнимо с вытеснением экстернатом интерната, которое мы рассмотрели в предыдущей главе этой книги.

\*\*\*

История, набросанная нами здесь, с некоторой точки зрения предстает историей торжества современной семьи над другими формами человеческих отношений, стоящими у нее на пути. Чем больше времени человек проводит на улице или в трудовых, религиозных сообществах, тем больше они подчиняют его разум и тем меньше остается места для семьи в его системе ценностей. Если же отношения с коллегами, соседями, родственниками меньше подавляют сознание, если они перестают отчуждать его, то чувство семьи вытесняет все другие представления о верности и служении и становится главным, а иногда единственным. Вслед за чувством семьи развиваются и понятия частной жизни и семейной близости. Они не получают никакого развития, когда дом слишком открыт; для них нужен минимум закрытости. Долгое время условия жизни не позволяли семье отгородиться от внешнего мира. Одним из главных препятствий являлось, несомненно, отдаление собственных детей, отправленных в люди, и их замена в доме детьми чужими. Однако недостаточно одного лишь возвращения детей в семейный круг благодаря школе и произошедшего, таким образом, укрепления семьи: мы еще очень далеки от современной семьи с ее насыщенной внутренней жизнью. Несовместимые с ней старые социальные структуры существуют почти повсеместно. В XVII веке установился некий баланс между центробежными, социальными, силами и центростремительными, семейными, не переживший развития семейной близости, возможно, вследствие технического прогресса. На предыдущих страницах мы наблюдали пробуждение центростремительных сил. Рассмотрим теперь силы центробежные, являющиеся пережитками более ранних, очень плотных социальных структур.

Историки уже не раз обращали внимание на довольно долгое, почти до конца XVII века, преобладание отношений зависимости – явление, которому раньше не придавалось особого значения. Централизация королевской власти при Ришелье и при Людовике XIV носила скорее политический характер, чем социальный. Если им и удалось ограничить власть, опять же политическую, соперников короны, то социальный аспект остался нетронутым. Французское общество XVII века было обществом иерархически связанных клиентел, когда малые мира сего, то есть “частные лица” присоединились к более могущественным. Для формирования этих групп требовалась целая система тесных контактов – ежедневных, физически воспринимаемых, личных. Конкретно это означает многочисленные постоянные визиты, активное общение, встречи, обмены. Успехи в материальной сфере, социальные условности, развлечения, все еще коллективные, в отличие от сегодняшнего дня, были неотделимы друг от друга, как, впрочем, и частная жизнь, профессиональная деятельность, светская или общественная жизнь. Главное было поддерживать крепкие отношения со всей социальной группой, в которой человек родился, и, искусно пользуясь системой этих отношений, улучшать свое положение. Преуспеть не означало нажать богатство или хорошо

устроиться – или, по крайней мере, эти ценности носили вторичный характер; это означало, прежде всего, получить более высокий ранг в обществе, члены которого встречаются и общаются каждый день. Когда французский переводчик Лоренсо Грасиана (1645) использует фразу “будущий герой должен найти хорошее место”, он имеет в виду не то, что мы называем хорошим местом сегодня, а “такое место, которое позволяло бы делать свое дело на виду у всех к большому удовлетворению каждого и для большой пользы собственной репутации”.

Искусство успеха заключалось в искусстве быть приятным в обществе. Нот как его понимал Бальтасар Кастильоне в своей книге “Придворный” (XVI век): “Каков, в моем представлении, должен быть образ поведения, наиболее подобающий человеку благородному, который живет при дворе государей, так чтобы он мог отменно им послужить в любом достойном деле, получая за это с их стороны благорасположение, со стороны же прочих – одобрение”. Будущее полностью зависит от репутации. “Мне кажется есть еще одна вещь, которая дает или отнимает репутацию, – выбор друзей, с которыми надо будет общаться и тесно встречаться”. Вся литература XVII века отдает очень важное место дружбе, которая из всех видов межличностных отношений является самым развитым. Отсюда значение умения общаться по тому же Кастильоне: “Хотелось бы мне еще раз послушать о правилах жизни и общения с мужчинами и женщинами: мне кажется, что это самый значительный предмет из всех существующих, тем более что при дворе этим только и занимаются”. И не только при дворе. Все так называемые учебники этикета, хороших манер и правил поведения XVII века постоянно подчеркивают важность умения общаться, умения держать себя во время бесед и т. д. В комментариях рассматриваются малейшие детали. “Очень часто беседа грешит разнообразием стилей или неподходящей темой”. В беседе должно уважать правила приличия. Следует избегать слишком личных, семейных, бытовых или практических тем: “Совершают огромную ошибку и те, у кого на устах только жена, дети и кормилица. Мой мальчик вчера меня так позабавил. Вряд ли вы найдете более милого ребенка, чем мой. У моей жены то, се...”. Следует избегать лживого хвастовства (мы находимся в эпохе корнелевского “Лжеца”). Или же цитата из “Новых правил поведения” (1671). “Первый урок – никогда не следует в качестве вступления или аргумента приводить ничтожные темы, когда вы общаетесь с умными и значительными людьми, равно как поднимать сложные вопросы с людьми, которые в них мало смыслят... Не следует говорить в компании о вещах грустных, таких как ранения, уродства, тюрьма, суд, война или смерть (что же тогда остается?). Не рассказывайте о своих снах, свое мнение высказывайте только тогда, когда вас об этом попросят, не поправляйте других, это дело отцов, матерей и сеньоров. Не говорите, не подумав прежде о том, что хотите сказать”.

Необходимо учесть, что искусство общения не являлось второстепенным предметом, как танец или пение. Настольная книга XVII века, о которой Сорель говорил: “Если где-то встречаются человека допускающего ошибки в манере себя вести, про него говорят – он не читал “Галатео”, так вот “Галатео” уточняет,

что речь здесь идет об одной из *добродетелей*: “Я начну... с того, что полагаю необходимым знать, чтобы к тебе относились как к человеку воспитанному и просвещенному, умеющему вести приятную беседу, что само по себе является добродетелью или чем-то очень близким к ней”. “Галатео” проходили во всех коллежах иезуитов. В Пор-Рояле немного позже Николь выскажется в том же духе в своем трактате “О христианском этикете”: “Любовь окружающих необходима каждому из нас. У человека есть совершенно естественная потребность заслужить ее... Мы любим или притворяемся, что любим, с целью привлечь расположение других. На этом и строится умение держать себя в обществе, что-то вроде соглашения с собственным самолюбием, где стараешься привлечь любовь ближнего, демонстрируя свою расположенность к нему”. Хорошие манеры значат для добродетели то, что и богоугодные поступки для духовной практики. “Крепость их союза (союза достойных людей) зависит не только от общности воззрений, но и от иных канатов, прочно стягивающих его”: от соблюдения приличий и умения жить в обществе. Когда живешь в определенном мире, следует “не упускать ни одного случая” и “влюбить в себя их” (людей).

Такой подход вовсе не нов; он восходит к очень древней концепции общества, в котором передача культурного наследия и практических знаний осуществлялась не столько школой, сколько непосредственно в процессе обучения на практике,— общества, где письмо не имело еще своего огромного значения в повседневной жизни. Показательно, что сам этот образ мысли остается действенным в обществе, где значительный прогресс школьного образования говорит о все возрастающем влиянии иного типа мышления. Такое сосуществование старого социального устройства и школьной системы нового типа хорошо ощущали современники, и особенно воспитатели-моралисты, некоторые из которых были очень близки к Пор-Роялю. Почти все они задавались вопросом, какой способ образования лучше — домашний с частным учителем или общественный в школе. По правде говоря, проблема не была столь новой, как это может показаться, раз о ней упоминает еще Квинтилиан: это можно, конечно, назвать прецедентом, однако споры касались конкретных случаев и шли в контексте эпохи. В “Благородном юноше” де Гренай так ставит вопрос: “Мое мнение, я вовсе не хочу принизить старинные традиции с помощью новых идей или выразить недовольство порядком в коллежах, признанным столькими мудрыми людьми... я всего лишь позволю себе заметить, что коллежи — это академии, полезные для общества в целом, на самом деле не столь уж необходимые для частных лиц”. (Благородные “частные лица” попросту бедные дворяне в противоположность большим сеньорам.) С их помощью “бедным наравне с богатыми предоставляется возможность приобрести ценнейший груз знаний, что было возможно раньше лишь при условии обладания значительными богатствами. Есть дети, которые не могут нанять учителя на дом и поэтому вынуждены за счет общества бесплатно получить образование, служившее ранее товаром. Однако для тех, кого фортуна так же, как и природа, щедро одарила своими милостями, лучшим способом получения знаний является домашнее образование. Таково мое мнение. Оно не ново, хотя

и кажется несколько смелым”. Поскольку школы находятся в руках педантов, приведенное выше мнение усиленно муссируется в литературе, по крайней мере, начиная с Монтеня, и прочно укрепляется в массовом сознании и среди прописных истин. Огромный скачок в развитии школы несколько не ослабил презрительного отношения к регентам.

Есть и другие причины: школьная дисциплина была слишком строгой. Что сказал бы господин де Гренай о религиозных коллежах или лицеях XIX века! “Так как там (дома) детям не дают этой порочной свободы (потому что они все время находятся в компании взрослых), их не приходится держать в противном для их природы ограничении”. И еще одна фраза, в которой проскальзывают ностальгические нотки по временам, когда детей не выделяли в особую категорию: “К ним относятся совсем не так, как к остальным”. Школа либо увеличивает риск испортить ребенка вредными знакомствами, либо задерживает взросление, удаляя ребенка от взрослых, а такое возрастание продолжительности детства рассматривается господином де Гренаем как зло: “Даже если общение с соучениками и не повлияет на ребенка в худшую сторону, тем не менее он неизбежно научится тысячам детских глупостей, от которых ему будет очень трудно отвыкнуть,— освободить его от школярских привычек будет столь же сложно, как и оградить от пороков”. Наконец, основной недостаток коллежа заключался в изоляции ребенка, его отрыве от естественной для него социальной среды. “Ему необходимо с ранних лет понять, как нужно вести дела, чему невозможно научить там, где мертвыми занимаются больше, чем живыми, то есть книгами больше, чем людьми”. Вот и сущность этой точки зрения: неприятие школы теми, кто придерживался в той или иной степени старой концепции обучения на практике, то есть предпочитал способ образования, при котором ребенок сразу погружался в жизнь общества, где само общество вынуждало ребенка играть собственную роль, минуя переходный этап инициации в обществе, разделенном на возрастные классы, или школы в современных технологических обществах.

Точно такого же мнения придерживался двадцатью годами позже и маршал Кайе в своей книге “Фортуна знатных людей и благородных частных лиц” (1661 год): “Недостаточно изучить все науки, преподаваемые в коллеже; есть иная наука, чья польза огромна... она не говорит ни на латыни, ни на греческом, но показывает, как нужно пользоваться и тем и другим языком. Она обитает во дворцах... у принцев, к ее помощи прибегают в переулках, где обитают дамы, ей хорошо среди людей военных, она не гнушается обществом торговцев, землепашцев и ремесленников. Ее проводник – осторожность, ее доктрина – искусство общения и жизненный опыт”. Умение вести беседы и знание общества “сформировали немало достойных людей без помощи книг. Мир сам есть большая книга, которая учит нас непрерывно, во всякую минуту нашего существования; беседы – это живые уроки, ни в чем не уступающие книжным... Простое общение с двумя или тремя светлыми головами может быть полезнее, чем посещение занятий всех университетских педантов, вместе взятых. За один час они дадут нам столько, сколько не дадут нам три дня, проведенных в библиотеке за книгами. В мимике и выражении человеческого

лица есть нечто чарующее – по нему можно прочесть все, что собеседник хочет вам сказать”.

В конце XVII века аббат Борделон остается при том же мнении: “Сделайте их (детей) учение менее схоластическим, но более близким к жизни”. Он беспокоится, чтобы продукт “Прекрасного воспитания” (так называется его книга) не походил на этого педанта:

Сей человек оригинал,  
Его учености нет равных,  
Умен, как Перс и Ювенал,  
Катулл, и с ними Марциал,  
Он знает суть явлений тайных,  
Вот только жизнь он не познал.

Отсюда видно, что на протяжении всего XVII века существовало движение, враждебное школе. Если вспомнить, насколько школа была еще нова в те времена, то такая ситуация не вызывает особого удивления. Моралисты, первыми понявшие значение образования, а его недооценивали и их современники, не сразу уловили роль, которую могла и уже играла школа в воспитании детей.

Некоторые из них, в частности близкие к Пор-Роялю, попытались даже примирить преимущества, признаваемые ими за школой, с преимуществами домашнего воспитания. В “Правилах воспитания детей” Кустель более подробно анализирует проблему, взвешивая все за и против. Если детей обучают дома, родители лучше следят за их здоровьем (раньше на этом не заостряли внимания), “они лучше познают искусство держать себя в обществе”, так как родителям часто наносят визиты. “Незаметно для самих себя они постигают принципы общественной жизни и манеру поведения достойных людей”. Однако не все так хорошо: “Что касается времени занятий, очень непросто было бы с ним определиться, из-за того что невозможно установить точное время обеда, от которого напрямую зависит учебное расписание, по причине деловых и прочих визитов, часто совершенно неожиданных, но которых невозможно избежать”. Отметим для себя мимоходом огромное количество этих одновременно деловых и дружеских визитов. К тому же существовал риск, что дети будут слишком избалованы родителями. Наконец, “они являются объектом лести и сочувствия прислуги, благодарными слушателями глупых и пошлых шуток лакеев, от влияния которых не всегда возможно ребенка оградить”. Ох уж это опасное соседство со слугами; даже самые заклятые враги школы признавали его в качестве весомого аргумента в ее пользу. Так де Гренай допускает, что “родители вынуждены отправлять их (детей) в коллеж, так как им лучше находиться в классе, чем на кухне”.

Впрочем, Кустель оговаривается, что дискуссия носит теоретический характер, потому как в его время все мальчики ходят в коллеж: “Из всех способов обучения чаще всего останавливаются все-таки на коллеже”. Коллеж имеет свои преимущества; ребенок “приобретает там выгодные знакомства и друзей, часто остающихся таковыми всю жизнь”. Соревнование между товарищами тоже приносит свою пользу: “...дети получают похвальное умение



говорить на публике, собрание народа не заставляет их бледнеть, как, и положено тем, кто хочет занять высокое положение”. Домашнее образование усиливает робость. Заметьте, преимущества коллежа никак не связаны с уровнем образования; они остаются социальными, или, как тогда сказали бы, “цивильными”.

Однако у коллежа есть и свои недостатки. Мы знаем, насколько были перегружены классы, где число учеников иногда доходило до сотни. Для Кустеля “огромное количество школяров не лучшим образом влияет на уровень знаний и на нравственность учащихся”. В свете того, что происходило в перегруженных классах, помня о буйной жизни студента тех лет, можно понять озабоченность Кустеля: “Как только дети попадают в такие места, они очень быстро теряют невинность, непосредственность и скромность, свойственные их возрасту, благодаря которым они еще недавно были так угодны Богу и людям”.

Но выход есть: уже Эразм советовал – “на пять-шесть детей надо найти одного или двух порядочных учителей, и пусть они занимаются ими в каком-нибудь отдельном доме”. Эта формула была принята в Пор-Рояле: знаменитые малые школы, пусть и недолго просуществовавшие. Тем же принципом руководствуются и многочисленные частные пансионы конца XVII и всего XVIII века.

За несколькими небольшими исключениями моралисты довольно прохладно относятся к коллежу. Историк, ограничившийся только их суждениями, мог бы прийти к выводу, что общественное мнение было настроено довольно враждебно по отношению к школьным формам образования, но мы видели, как люди стремились в переполненные коллежи. Теоретики не всегда лучшим образом представляют свою эпоху.

Однако антишкольные настроения не были случайным явлением; они объясняются тем, что практическое обучение и система социальных связей сохраняли свое высокое прежнее значение, несмотря на прогресс школьного образования. В повседневной жизни соединить и то и другое удавалось гораздо лучше, чем на бумаге, то есть в теоретических выкладках моралистов. Одно не мешало другому. Наравне с обучением в школе существовало обучение в людях, которое также не стояло на месте и совершенствовалось в течение всего XVII века. На нем мы сейчас и остановимся.

\*\*\*

Слово “цивильный” являлось почти полным синонимом современного французского слова социальный, существо “цивильное” есть существо социальное (общественное). Цивильность понималась как знание общества – так бы сказали сегодня, однако разница огромна. В XVI и XVII веках цивильность представляет собой сумму практических знаний, необходимых для жизни в обществе, которым не учат в школе. Цивильность встречается и в более давние времена под именем “куртуазности” – тогда в школах учились одни лишь клирики.

Истоки литературы о манерах, умении держаться, то есть о цивильности в том виде, в каком она существует с XVI по XVII век, не претерпевая значительных изменений, достаточно сложны. Они проглядываются в трех

очень древних жанрах. Прежде всего, это трактаты о куртуазности. В XIV-XV столетиях их много написано на французском, английском, итальянском языках и даже на латыни. Они были адресованы всем: и клирикам, и мирянам, и тем, кто говорил на латыни, и тем, кто пользовался народным языком. По-итальянски в книге “50 правил куртуазности за столом”: вымой руки, садись только тогда, когда тебе предложат. Тринадцатая: пусть тот, кто подает на стол, будет чистым, пусть он ни разу не сплюнет и не извергнет из себя других нечистот в присутствии хозяев. По-французски в книге “Как вести себя за столом”, или на латыни, поскольку речь шла о детях или юношах; в английском варианте такие сборники назывались *Babees books*: в них говорилось, как достойно вести беседу, как приветствовать и отвечать на приветствие, как становиться на колени перед учителем, как отвечать на вопросы и не садиться, пока не пригласят. “Часто стриги ногти, мой руки перед едой. Если вытащил кусок изо рта, не клади его обратно на тарелку... Не копайся в зубах кончиком ножа... Не три руки и не чешись... Не плюй за столом... Не спи за столом... Не выдергивай нитки из одежды... Следи за ее чистотой... Следи за тем, чтоб не рыгать”. Эти практические советы были, как правило, записаны простенькими стихами. В Средние века они были обращены и к женщинам. “Роман о Розе” является в какой-то степени и трактатом о куртуазности: в нем женщинам рекомендуется носить необычный корсет (без металлического каркаса), содержатся советы относительно дамского туалета, ухода за собой, чистоты “обители Венеры”, которую нужно тщательно выбривать. Позже книги цивилиности больше не будут упоминать о женщинах, как будто роль последних значительно ослабла в конце Средневековья.

Второй жанр, лежащий у истоков трактатов о цивилиности, – правила общей морали, содержащиеся в сборниках максим позднеримской эпохи, приписываемых в Средние века Катону Старшему. “Роман о Розе” ссылается на них: “Так думал и Катон, если ты помнишь его книгу”. Сборником Катона пользовались на протяжении многих столетий: он переиздавался и в XVIII веке. Там говорится, как следует жить достойно, уметь сдерживать язык, остерегаться женщин, включая собственную жену, не рассчитывать на наследство, не бояться смерти, не волноваться, если кто-то из окружающих разговаривает вполголоса, и в этом случае не принимать все на свой счет, как обучить детей ремеслу, сдерживать гнев на слуг, скрывать свои ошибки, так как лучше их скрыть, чем приобрести плохую репутацию, не заниматься колдовством или гаданием, не рассказывать о своих снах, хорошо выбрать супругу, избегать обжорства, особенно когда оно в паре с “постыдными любовными желаниями”, уважать старость, быть строгим мужем и т. д. Эти советы, на взгляд современного человека, замешаны на банальных нравоучениях, проявлениях социального конформизма и бытовом здравомыслии: что можно и что нельзя делать в тех или иных кругах, в отношениях с женой, слугами, друзьями, в беседе, за столом – все это вперемешку и, на наш взгляд, довольно тривиально. Однако там, где мы усматриваем влияние условностей и только, наши предки видели заповеди жизни в обществе, кладезь настоящих жизненных ценностей.

Третий жанр: искусство нравиться, или искусство любви, по Овидию, – “О любви” Андре Шаплена, учебники любви XVI века. “Роман о Розе” – типичное произведение жанра. Из него узнаем, что нужно избегать ревности, что муж вовсе не повелитель своей жены (позже мнение изменится), что надо знать искусства и науки, чтобы нравиться своей подруге, что нельзя истязать ее, не должно читать ее письма и стараться застигнуть ее врасплох. Кратко изложено, как избегать различных непотребств, не злословить, не говорить грубостей, не поддаваться гордыне, как приветствовать и отвечать на приветствие, хорошо и элегантно выглядеть, быть веселым и радостным, благородным и верным. Все это рецепты, как завоевать симпатию женщин и всех тех, с кем приходится общаться в мире, где практически всегда остаешься на виду в довольно многочисленном и требовательном обществе.

Куртуазные трактаты, правила поведения, и искусство любви имеют общую цель: приобщить молодого человека (а иногда и даму) к жизни в обществе, единственно возможному способу существования, не считая монастыря, в тесном контакте с людьми, в постоянном общении, идет ли речь о серьезных вещах или играх.

Куртуазная средневековая литература, сложная и многообразная, меняется в XVI веке, она становится проще. Из нее выходят два жанра, близкие по характеру, но разные по форме: трактаты о цивилизности и об искусстве преуспеть, или “о придворном”. Первый учебник цивилизности был написан Эразмом, он и основал сам жанр. Все последующие трактаты, а их много, вдохновлены книгой Эразма или вообще копируют ее. Наиболее заслуживающими внимания авторами являются Кордые, Антуан де Куртэн и Жан-Батист де ла Саль, чьи “Правила поведения христианина” будут переиздаваться множество раз в XVIII и даже в начале XIX века.

Трактат о правилах поведения не школьный учебник, однако, он отвечает потребностям в более строгом воспитании, чем по старым куртуазным сборникам и псевдо-Катону. Обстоятельства, а именно прогресс школьного типа обучения, требуют от него, содержащего правила поведения, не имеющие ничего общего с поведением в школе и чуждые школе, быть привязанным к первым шагам в учении самых младших, к их первым урокам чтения и письма. По трактатам о цивилизности учили читать и писать. Их издавали в нескольких типографических стилях: прямым шрифтом, курсивом, готическим, а также прописью – последний использовался только в подобного рода книгах и даже получил название “цивилезного шрифта”. Такая педагогическая направленность придавала учебнику довольно необычный вид. Бывало, что текст печатался сразу на нескольких языках в вертикальных колонках, каждая своим шрифтом: по-французски, на латыни, испанском, итальянском, немецком (и никогда на английском, в те времена мало распространенном и не несшем никаких культурных ценностей). По нему изучали иностранные языки, которые в школе не преподавали.

Тем не менее, книги эти предназначались не только для детей. Правила Антуана де Куртэна адресованы “не тем лишь, кто имеет детей, но также тем, кто недостаточно обучен учтивости и вежливости, необходимым в свете”.

Посмотрим на читающую девушку с картины Гриму из музея августинцев в Тулузе: на страницах книги, которую она держит в руке, хорошо виден цивилизный шрифт. Сюжеты, рассматриваемые в таких книгах, не всегда можно отнести к детской литературе; часто это довольно взрослые вещи: как вести себя с женой и со слугами, как дожить до хорошей старости. Там можно найти одновременно и элементы правил поведения для детей, и мораль, по сегодняшним меркам недоступную детям. Этот факт легко объясним, стоит лишь вспомнить об истоках правил: в сущности, они являются редакциями обычаев практического обучения, находящимися под сильным влиянием эпохи, когда преподаваемые детям темы не дозировались, тем более что дети сразу же погружались в жизнь общества; у них было время все усвоить – в самом начале им давали сразу все. Затем они оказывались среди взрослых. Мы довольно часто ссылались на книги цивилизности.

Одна из них, “Галатео”, имела невероятно большую аудиторию в первой половине XVII века. Ее приняли на вооружение иезуиты: издание 1617 года предназначалось специально для пансионеров “Общества Иисуса” во Флешу пансионерам коллежа того же ордена в Понт-а-Муссоне, пансионерам, так как она не была программным учебником и, следовательно, не была рассчитана на приходящих учеников.

“Галатео”: “Прежде сочиненная на итальянском языке Д. делла Каза и с тех пор переведенная на французский, латинь, немецкий и испанский языки... Трактат, весьма необходимый для обучения молодежи всяким манерам и способам похвально себя вести, быть всюду хорошо принятыми, снискать одобрение в глазах достойных людей, предназначенный для тех, кто не только с удовольствием занимается латинским, но и вульгарными языками, наиболее сегодня распространенными”. “Галатео”, как и другие учебники цивилизности, учит приличиям – как вести себя в обществе. Мы уже говорили, что это учебник общения. Из него можно узнать, что “класть при всех руку, на какую бы то ни было часть тела далеко не похвально”, так же как в XV веке предписывали не чесаться на людях. Также нельзя было прилюдно раздеваться или одеваться, отправлять естественные надобности, не мыться сразу после этого, испускать “дурной запах”. Избегать оскорблять чувства других, “не скрипеть зубами, не свистеть, не тереть камнем о камень или железом по железу”. В другом своде правил добавится еще: не хрустеть костями, стараться кашлять и чихать как можно тише, не зевать, не держать рот открытым, не рассматривать свой носовой платок. Там же можно вновь обнаружить и принципы поведения за столом, сохранившие свое значение вплоть до конца XVIII века; еда оставалась социальным ритуалом, – чего про нее сегодня уже не скажешь, – где у каждого была только ему отведенная строго определенная роль и где нужно было быть особенно внимательным к своей манере держаться: не есть слишком быстро, не класть локти на стол, не ковырять в зубах, не сплевывать “всякий раз, когда хочется, а если уж никак нельзя перетерпеть, то сделать это каким-нибудь приличным образом”. Там же говорится и о манере одеваться: “...мужчина должен научиться приблизить, сколько он может фасон своей одежды к фасону других жителей города и следовать общему обычаю”.

Малейшее несоответствие в этой области, как, впрочем, и в любой другой, расценивалось как дерзкий вызов обществу. Надо всегда уступать желаниям компании и никогда не навязывать своего; не просить бумаги или туалетного горшка, когда мясные блюда уже готовы и руки вымыты.

Нельзя ни дичиться, ни фамильярничать, ни предаваться меланхолии. Везде надо сохранять достоинство: при слугах (некоторые “не перестают бранить своих слуг, и все время их отчитывают, держа всю семью в постоянном напряжении”), на улице, где нельзя идти ни слишком быстро, ни слишком медленно и ни в коем случае нельзя разглядывать прохожих.

Издания трактатов о цивилизности следуют одно за другим с XVI по XVIII век почти без изменений. Правила Ж.-Б. де Ла Саля имели такой же успех в XVIII веке, что и правила Эразма, Кордые или “Галатео” в XVI-XVII веках, его книга называлась “Правила поведения христианина”. То, что набожный воспитатель, создатель учебного заведения, имевший все полномочия и ответственность, счел не лишним написать трактат о цивилизности, где, как и в предшествующих трудах подобного плана, речь шла о хороших манерах, одежде, прическе, поведении за столом и т. д., говорит о значении, которое придавали теме, ставшей сегодня второстепенной. Конечно, дело тогда имели в основном с публикой довольно грубой и неотесанной, а потому предмет “хорошие манеры” был более необходим, чем теперь в нашем обществе, контролируемом полицией и властями: государство вытеснило хорошие манеры из воспитания индивида, заместив их другими “предметами” – в школе, в правилах уличного движения, во время военной службы... К тому же люди полагали, что в общественной жизни не было ничего малозначительного, настолько сам факт межличностного общения был важен. Вот почему нет ничего удивительного в том, что Ж.-Б. де Ла Саль, реймский каноник, тоже написал традиционные советы по поведению в обществе: “Особо надо следить за тем, чтобы не было грязи и насекомых; эта забота и предосторожность должны соблюдаться и по отношению к детям”. Долгие рассуждения о том, как нужно сплевывать. “Стыдно иметь грязные руки; невымытые руки можно терпеть только у работников и крестьян”. “Когда хочется помочиться, необходимо удалиться в укромное место, также если речь идет и о справлении других естественных надобностей, должно (даже детям) делать это в таком месте, где бы тебя не увидели”. “Разговаривая с кем-либо, неприлично размахивать руками”, “не следует дергать ногой, раскачиваться, когда с кем-то говоришь (непростительно даже для детей), также нельзя переплетать ноги”. Относительно одежды: “Неприлично, чтобы ребенок был одет как взрослый мужчина, чтобы одежда молодого человека была бы украшена больше, чем одежда старика”. И конечно, целая длинная глава о “том, как надо резать и подавать мясо”, сервировать стол, накрывать и убирать с него – функции, выполняемые детьми и молодыми людьми.

Огромное количество сборников правил в многочисленных изданиях и переработках от Эразма до Ж.-Б. де Ла Саля и более поздних авторов – доказательство тому, что школа не полностью монополизировала функцию передачи знаний и опыта. Еще очень большое значение придавалось всем этим

хорошим манерам, которые веком раньше являлись основной частью цикла практического обучения. “Спокойное и гармоничное поведение ребенка,— писал английский педагог XVII века,— в большей степени усиливает доверие к школе, чем какое бы то ни было солидное образование, так как по нему все видят, что ребенок образован, хотя на самом деле его знания, может быть, и не простираются слишком далеко, поскольку хорошие манеры являются главной частью хорошего воспитания”.

\*\*\*

Еще в начале XVII века говорили “знать “Придворного” (книга о манерах), подобно тому, как говорили – “он читал “Галатео”. С “Придворным” Бальдасаре Кастильоне появился новый жанр, точно так же, как Эразм дал образец для цивильных трактатов: жанр этот – искусство расположить к себе и преуспеть. Он отличается от учебников цивильности тем, что не рассматривает первичные элементы приличий: “Хороший педагог преподает детям не только то, как грамотно писать, но и как достойно себя вести, правильно есть, пить, говорить и ходить по улицам”. Предполагается, что ребенок это уже хорошо знает. Тем не менее, у “Придворного” и учебников цивильности, или, точнее, у литературы, вышедшей из них, есть общая часть: как понравиться обществу и как преуспеть благодаря правильному поведению в нем. Она-то и стала главной темой “Придворного” и книг, подобных ему, например “Героя” испанца Лоренсо Грасиана, переведенного на французский, “Достойного человека” Фаре, Бар-дена и другой специальной литературы, исследованной Д. Морне.

Сам предмет можно свести к двум основным понятиям: амбиции и репутация. Наличие амбиций является ценным качеством. Никто не должен довольствоваться своим настоящим положением, всякий должен стремиться поднять свой статус. Это стремление вверх изображается здесь не как желание во что бы то ни стало завладеть всеми возможными благами и жить на широкую ногу, а как идеал, требующий строгой самодисциплины и железной воли, как идеал героя, в котором узнается дух Ренессанса, который будет преобладать до середины XVII века. Он выражен, хотя и довольно наивно, в тексте “Благородного юноши”. Автор господин де Гренай знает, какое значение имеет дворянство: “Желательно, чтоб достойный юноша имел дворянское происхождение... Согласитесь, в дворянах от природы есть какое-то достоинство, которое они сохраняют, даже находясь у крайней черты. Их дети, кажется, командуют и тогда, когда выполняют приказы других, в то время как, наблюдая за начальниками из простолюдинов, иногда кажется, что именно они находятся в подчинении, хотя они-то и распоряжаются”. И все же эту концепцию порядка, опирающегося на происхождение, сопровождает другая, социальная, концепция, занимающая столь же значимое место у автора, для которого голубая кровь есть “божественное качество, поддерживающее мужество, добродетель, а не тщеславие”. Это качество приобретает через добродетель или реноме и растет благодаря “благородным амбициям”. Достойный юноша поднимет звание своей семьи: “Если он родился простым дворянином, то захочет стать бароном, если он маркиз – постарается стать графом. Наконец, он продвинет свои природные права настолько, насколько

ему позволит судьба... Те, кто произошел из семьи благородной, но находящейся не в лучшем положении, должен приложить все свое искусство и умение, чтобы оказаться сильнее природы и подняться как можно выше... В мире гораздо больше людей, выбившихся из грязи в князи, чем князей, оставшихся князьями. Дело в том, что некоторые не упускают ничего там, где другие допускают невнимательность". И Гренай восхищается их смелым продвижением: пусть благородный юноша "знает, что дворянское звание будет иметь еще большую ценность, если он его заслужил, нежели когда оно перешло ему по наследству". Любопытный текст, очень показательный относительно признанного моралью значения амбиций.

Как же осуществить это "возвышение"? Способ только один: сделать себе реноме, репутацию. Знания, профессиональная компетенция, моральные качества не берутся в расчет, они просто включаются в общее восприятие человека "известного" и "любезного". Это восприятие необходимо все время поддерживать, а значит, совершать новые подвиги и новые искусные шаги: "Обновлять величие, воссоздавать репутацию и каждый раз вызывать аплодисменты". Успех возможен лишь благодаря поддержке более сильных и дружескому расположению равных. Чтобы добиться такой поддержки и дружбы, все способы хороши – можно без колебаний скрывать недостатки и изображать несуществующие достоинства. Такая тактика вполне позволительна: "О человек, чья страсть работает на реноме, ты стремишься к величию, сделай так, чтобы всякий тебя знал, но никто не понял твоей истинной сущности. Таким образом, можно представить среднее многим, многое бесконечным, а бесконечное еще большим".

"Добродетель (Фаре, "Достойный человек") является целью всех тех, кто хочет быть воспринятым Двором, где всяк скрывает как может свои нечистоты, пытаясь убедить других в чистоте своей добродетели". Оно и понятно: "...тот кому случится говорить с ним (придворным) всего один раз в своей жизни, уйдет довольный, о чем и расскажет в миру и чего никогда бы не сделал, если бы заглянул ему в душу".

Чтобы приобрести "любовь народа", нужны "душа, полная чудесных качеств и безупречная и совершенная жизнь". Так мы снова возвращаемся к цивилизации, приличиям, искусству жизни в обществе, внешнему виду: "...без чего лучшее исполнение мертво, а само совершенство противно".

\*\*\*

Во второй половине XVII века жанры, вышедшие из правил Эразма и "Придворного" Кастильоне, претерпят некоторые показательные изменения.

Идеал амбициозного, поднявшегося из низов человека эпохи Возрождения сменяет "достойный человек", а Двору приходит на смену Свет. Теперь открыто стремиться к богатству и престижу считается дурным тоном. Рождается новый идеал, который шевадье де Мере культивирует на протяжении всего своего творчества: золотая середина, значительная посредственность. Приличия остаются такой же необходимостью, но постепенно лишаются своего нравственного содержания – соблюдение приличий перестает быть добродетелью. Так едва заметно начинается

эволюция, достигшая своего полного размаха в XVIII-XIX веках: тесное людское сообщество Старого порядка вытесняет более хрупкая и менее разнообразная структура светских связей. И, тем не менее, во второй половине XVII века речь идет лишь о наметившейся тенденции, а само общество, хотя отныне и в меньшей степени подверженное влиянию героического идеала, все еще продолжает быть таким же требовательным.

Учебники civility, как мы уже говорили, долгое время были описаниями хороших манер, предназначенными как для детей, так и для взрослых, в зависимости от того, насколько и те и другие были в них сведущи. Как и в средневековых книгах, послуживших моделью этим сборникам, в них описывалось, как достойный человек должен себя вести, упоминались прежние установившиеся обычаи, не записанные никем ранее, но которым следовали не менее ревностно. Правила второй половины XVII века сохраняют свой традиционный вид, однако оставляют все больше места для советов воспитательного характера, обращенных исключительно к детям, как, например, правила поведения школяра. В “Правилах поведения, полезных для обучения детей” 1761 года издания целая глава посвящена тому, “каким образом ребенок должен вести себя в школе”. Сама книга была вдохновлена правилами и школьными диалогами Кордье, а он занимал пост регента. Ребенок обязан снимать головной убор при входе в класс, как для того, чтобы поприветствовать учителя, так и для того, чтобы поздороваться с товарищами. Место за партой выбирал учитель, и нельзя было самому пересесть: “Не создавайте неудобств своим товарищам, не толкайте друг друга... Не отказывайте им в чернилах, перьях и в чем бы то ни было, если они вдруг забыли принести – так не поступают порядочные и воспитанные люди... Не болтайте на уроках... Проявление злорадства, когда наказывают или застают провинившегося товарища, есть признак лукавого ума”. Речь идет не только о приобщении детей к правилам жизни взрослых, которые они постигали раньше с приобретением опыта в процессе практического обучения; теперь учитывается и школьная жизнь – правила подстраиваются под нее. Таковы последствия развития школы и выделения детей в отдельную категорию: в правилах все больше и больше внимания уделяется детям, за счет сокращения места для взрослых.

“Новые правила civility” издания 1671 года уже напоминают трактат о воспитании, обращенный к родителям, что отличает его от традиционных правил, являющихся редакцией обычаев: как наказывать детей, в каком возрасте начинать учить их буквам. “Ребенок должен повторять дома то, что он прошел в школе или в коллеже, если же он учится дома, то повторять следует непосредственно перед учителем”. Вечером родители рассматривают его поведение в течение дня: “Если ребенок вел себя как человек”, его моют и ласкают. Если он совершил несколько мелких проступков, его наказывают, то есть “журят, высмеивают то, что он сделал, или придумывают иное легкое наказание... Если же его проступок близок к преступлению, как-то: богохульство, воровство, ложь или грубое слово в адрес служанки или слуги, или упорное непослушание, то его следует наказывать розгами... Затем ребенок



прощается со своими родителями и учителями и идет в уборную... Наконец, сняв одежду, он может ложиться спать, без разговоров и баловства (ребенок никогда не спал в одиночестве). Лечь же он должен таким образом, чтобы его поза была удобна и прилична, он также должен быть полностью укрыт. Не следует спать ни на спине, ни на животе, но только на боку (совет средневековой медицины), не снимая рубашки, как того требуют приличия и необходимость быстро одеться, если вдруг что-то случится”.

Даже в расширенном варианте традиционные правила выглядят слишком узкими в свете новых нужд воспитания. Тогда-то и появляются, в частности в Пор-Рояле, настоящие практические пособия по воспитанию в виде советов родителям: “О христианском воспитании детей” Варе (1666), “Правила воспитания детей” Кустеля (1687). Хотя эти издания и содержат главы о хороших манерах (за столом, во время беседы), взятые из традиционных учебников civility, они написаны совсем в другом духе. В них говорится о выборе рода занятий, о непростой проблеме выбора школы, учителей, книг для чтения (исключить романы – настоящий яд для души), об играх, педагогических методах: “Соотносите всегда свои требования, насколько это возможно, с их слабостью, малым возрастом, косноязычием, если так можно сказать, когда готовите с ними уроки”. Наряду с советами родителям, советы даются и учителям. Они должны призывать родителей хорошо держать себя в присутствии детей, подавать благой пример, направлять детей в их знакомствах, “поручить им какую-нибудь обязанность, связанную с планами на будущее, ни в коем случае не позволять им вести праздный образ жизни”, не подвергать “себя лишним неудобствам ради удобства ребенка”.

Мы далеки даже внешне от традиционных правил, так как здесь уже речь идет не о сборнике взрослых обычаев для детей и других взрослых, более невежественных, а о наставлении семьи в ее долге, ответственности и поведении по отношению к детям. Разница между трактатом о civility Эразма и трактатами о воспитании Кустеля и Варе равна дистанции между семьей конца XV века, где преобладают средневековые привычки обучения в людях, и семьей второй половины XVII века, сконцентрированной вокруг детей.

И, тем не менее, эти уже почти современные трактаты о семейном воспитании несколько не мешают успеху традиционных учебников civility, так как концентрация семьи вокруг ребенка еще не противоречит прежним устоям тесного сосуществования: сами авторы признают, что “общение в миру” остается важнейшим предметом.

\*\*\*

Поскольку все зависело от отношений в свете, логично задаться вопросом, а где же люди встречались? Очень многое остается в рамках традиций: часто встречи происходят вне дома, на улице. Это не только случайные встречи в маленьких городах того времени, но и встречи на традиционно для этого предусмотренных площадях и улицах, где во время прогулки в определенные часы можно всегда было повстречать друзей, как это происходит сегодня в средиземноморских городах. Корсо или Пьяцца

Маджоре, ныне малолюдные, где едва ли среди прохожих встретишь одного-двух знакомых, были когда-то необыкновенно оживленными. Сегодняшний турист с большим трудом узнает площадь Белькур в Лионе по описанию, данному ей в 1664 году итальянским путешественником аббатом Локателли: “Мужчины и женщины прогуливаются под руку, держась за руки, как держат ребенка... Одна женщина идет под руку с двумя мужчинами, один мужчина с двумя женщинами. Человеку, не имеющему привычки к подобным манерам (аббат приехал из Болоньи, где, должно быть, вели себя более скромно, чем в Лионе), кажется, что он попал в бордель... У всех них был веселый вид. Я видел, как они в начале променада брали друг друга под руку, которая так и оставалась согнутой, как будто на ней висела корзина, во время всей прогулки”. Удивление жителя Болоньи XVII века, оказавшегося в этой довольной толпе, где все ходят под ручку, сродни удивлению нашего туриста, попавшего в толпу итальянского города.

Встречи происходили на улице, но тогда где же люди общались? В XIX веке, как, впрочем, и теперь (по крайней мере, мужчины), часто собираются в кафе. Современное общество останется непонятым, если не учесть за кафе отведенного ему в жизни места: только там можно собраться и встретиться в любой момент, что стало уже привычкой. По-английски такое место называется “общественным домом”, pub. В XVI-XVII веках жизнь проходила без кафе: таверны и кабаки имели плохую репутацию прибежища недобрых людей, непотребных девиц, солдатни, шатающихся школяров, нищих, авантюристов всех мастей; приличный человек, независимо от своего социального положения, их не посещал. Таким образом, иных общественных мест, нежели частные дома, по крайней мере некоторые из них – самые большие, городские или деревенские, – не было.

Что кроется под понятием большого дома? Совсем не то, что имели бы мы в виду сегодня, тогда это означало прямо противоположное. Сегодня, если жилище называют большим, то сообразуются с количеством человек, там проживающих. Большой дом всегда дом с малым количеством жильцов. Как только плотность населения увеличивается, становится тесно – дом перестает быть большим. В XVII веке, как и в XV-XVI веках, “большим домом” называли многонаселенный дом, во всяком случае, с большим числом народа, чем в малом. Это очень важное наблюдение, сделанное благодаря трудам многих ныне ушедших из жизни историков-демографов.

Опираясь на подушные переписи 1695 года, был изучен демографический состав населения Экс-ан-Прованса конца XVII века. Этот анализ показал очень резкий контраст между густонаселенными кварталами бедных и менее населенными кварталами богатых: у первых – маленькие дома с небольшим количеством проживающих, у вторых – дома большие, полные народа. В одних домах живут по три человека или меньше, в других 31 человек (двое господ, 6 детей, 17 слуг) или 17 (двое господ, 8 детей, 7 слуг).

Такая ситуация не является исключительной для Прованса или для XVII века. Недавняя статья о Карпантрасе середины XV века оставляет такое же впечатление. Двадцать три самые значительные семьи города объединяют под

своей крышей 177 человек, или 7,7 человека на каждый дом; 17,4 процента населения распределены по семьям более восьми человек. У одного из дворян при доме находится 25 человек. Архитектор кафедрального собора живет в обществе 14 подмастерьев. Сложно было бы, опираясь на эти цифры, сделать какие-либо выводы о рождаемости. Напротив, по ним видно, что в богатых домах, помимо собственно семьи, жила целая армия прислуги, подмастерья, работники, клирики, порученцы, приказчики, компаньоны и т. д. Точно так же дело обстоит и в XV и в XVII веках повсюду в Западной Европе. Таким образом, это были большие дома, даже если они и не назывались “отелями”, – на каждом этаже имелось по несколько комнат с окнами на улицу, во двор или в сад. Такие дома сами по себе формировали целую социальную группу. Наряду с большими многонаселенными домами существовали и маленькие, в которых жили только семьи с самыми маленькими детьми. В городе это были дома, какие еще можно увидеть в старых кварталах – с одним или двумя окнами на каждом этаже. Согласно Полю Массону, дома в два окна появились в Марселе как своеобразное улучшение жилищных условий по отношению к домам в одно окно: “Квартиры каждого этажа разделены на две комнаты, окно одной выходит на улицу, окно другой – в другую сторону, в пространство, отделяющее этот дом от соседнего”. Однако часто свет из обоих окон освещал лишь одну комнату. Таким образом, одна-две комнаты для городского жилья. В деревне же простые дома также насчитывали одну-две комнаты, причем вторая комната предназначалась для домашних животных. Естественно, здесь идет речь о жилищах, где можно было переночевать (что делалось не всегда) и поесть. Маленькие дома бедняков не выполняли никакой социальной функции. Они даже не могли служить семейным очагом. Серьезность жилищного кризиса, вспыхнувшего в 50-х годах XX века, научила нас понимать влияние жилища на семью. Конечно, при Старом порядке люди были менее чувствительны к тесноте сосуществования. Однако семья должна была иметь минимум пространства, без которого ее существование и развитие чувства семьи, описанного в этой книге, были бы невыносимы. Мы с полным правом можем заключить, что бедные люди, не имевшие почти никаких жилищных условий, должны были испытывать лишь простую форму любви к самым маленьким детям, соответствующую элементарному восприятию детства, и совершенно не знали иных более сложных и современных форм чувства семьи. Такие семьи в Средние века были “тихими”, то есть элементарными и немногочисленными. Естественно, дети рано покидали эту единственную комнату (сегодня мы сказали бы лачугу) либо затем, чтобы перебраться в другую комнату того же типа, женившись или просто с братом, либо уходили в люди – в чужой большой дом в качестве подмастерья, слуги и т. п.

В этих больших домах, не являвшихся ни дворцами, ни отелями, сельских или городских жилищах, занимавших всего один этаж, и находится культурная среда, где развивается чувство семьи. Именно там мы собрали все наблюдения, составившие настоящую книгу. Первая семья – это семья богатых. Ее изображает семейная иконография середины XVII века, гравюры Абрахама Босса, портреты Ф. де Шампenea, жанровые сцены кисти голландских мастеров. Для

нее пишут свои труды моралисты, ради нее развиваются коллежи. Для нее, то есть для той части населения, которая состояла из таких семей, включавших в себя, кроме супругов и их детей, не других родственников (такой патриархальный тип семьи встречался редко), разве что иногда какого-нибудь неженатого брата, а целую армию слуг, друзей и протеже.

Такой большой дом играл свою социальную роль. В условиях общества без кафе он был единственным местом, где друзья, клиенты, родственники и протеже могли бы встретиться и общаться. К слугам, клирикам, приказчикам, которые в нем жили, нужно добавить целую толпу нескончаемых визитеров. Последние, по-видимому, мало заботились о времени визитов, им никогда не отказывали: воспитатели XVII века полагали, что частота дружеских визитов мешала установить точное расписание обедов, что, в свою очередь, вредило домашнему образованию детей и оправдывало необходимость отправлять их в коллеж, несмотря на отрицательные с моральной точки зрения стороны тесного школьного общества. Постоянные визиты отвлекали детей от учебы. Одним словом, визиты отнимали много времени, как любое серьезное занятие, под них подстраивалась вся домашняя жизнь, включая еду.

Визиты были не только дружескими или светскими, часто они были профессиональными, однако люди не проводили таких различий. Клиенты долгое время оставались в дружеских отношениях с нотариусом и были его должниками. Ни судьи, ни торговцы, ни банкиры, ни деловые люди не имели отдельных помещений для своей профессиональной деятельности. Все происходило там, где они жили со своими семьями.

Собственно, комнаты не имели и особенной внутридомашней роли. Они соединялись между собой, самые богатые располагались на благородных этажах, представлявших собой галереи и анфилады. На других этажах комнаты были гораздо скромнее, они тоже были смежными. Ни одно из помещений не имело точного назначения, за исключением кухни, и, тем не менее, часто приготовлением еды занимались у очага самой большой комнаты. В городских домах и домах среднего размера иметь кухню было очень стеснительно, и когда приходили гости, хозяева предпочитали покупать готовые блюда у находящегося по соседству лавочника. Когда Гортензиус, наставник или регент Франсиона, решил угостить компанию, он так сказал своему доверенному лицу: "...ступай к моему приятелю кабатчику и распорядись, чтоб он прислал мне самого лучшего вина и жаркое. Сказал он это потому, что время было уже позднее и ему все равно пришлось бы угостить ужином всех прибывших, поскольку они привели с собой музыканта и собирались остаться надолго; однако же, он на это не досадовал, ибо гости показались ему людьми весьма приятного нрава, и самое меньшее, что он мог сделать, это раскошелиться ради их общества". Франсион отправился к кабатчику вместе со слугой регента, "...и не найдя у него ничего подходящего, взяли одного только вина. Затем мы решили пойти в кухмистерскую, что на Малом мосту. Дядька купил там каплуна и, желая прихватить еще вырезку, принялся обходить всех кухмистеров в поисках хорошего куска".

Таким образом, люди жили в комнатах, пригодных на все случаи жизни. Ели там не за специальным обеденным столом: самого понятия “обеденный стол” не существовало. Во время обеда расставляли складные подмости, на которых стелили скатерть, как это можно увидеть на гравюрах Абрахама Босса. В середине XV века Альберти, архитектор и гуманист, очень *laudatory temporis acti*, написал в своих воспоминаниях о молодости: “Когда мы были молодыми... жена посылала мужу небольшой кувшин вина и хлеб с чем-нибудь съестным; сама она обедала дома, а мужчины в мастерской”. Не стоит ловить его на слове – эта привычка была довольно распространена в семьях ремесленников и крестьян, однако он противопоставляет обычаи простого народа обычаям городской жизни своего времени: “Два раза в день накрывался стол как для торжественного пира”. На самом деле речь идет о разборном столе. В начале XVII века почти вся мебель была складывающейся или разборной.

В одних и тех же комнатах спали, обедали, работали, принимали визитеров. На гравюрах можно увидеть кровать рядом с сервантом, на котором стоит посуда или кровать в углу зала, где в данный момент обедают. На картине Кодде, написанной им в 1636 году, изображен бал; в глубине зала, где проходит маскарад, видна заправленная кровать и занавешенное окно. Долгое время кровати были разбирающимися. Обязанность их собирать была закреплена за пажами или подмастерьями. Автор “Замка счастливой судьбы” хвалит молодых людей, “приучившихся служить по-французски”:

Эти французы управляют со всем очень ловко,  
Они очень быстро ставят кровати,  
Что меня очень сильно удивляет.

Еще в начале XVII века Эроар упоминает в записи от 12 марта 1606 года: “Одевшись (речь идет о будущем Людовике XIII), сам помогает разобрать свою кровать”. 14 марта 1606 года: “Привели к королеве, спит в комнате короля (отсутствовавшего по делам военной кампании), помогает нести части своей кровати на глазах у королевы; мадам де Монгла показывает, где нужно собирать кровать”. 8 сентября 1608 года при отъезде в Сен-Жер-мен: “...ему нравится самому разбирать свою кровать, не терпит уехать”. Однако теперь кровати стали менее мобильными. Альберти, с тоской вспоминая старые добрые времена, отмечает: “Я помню... можно было видеть всех значительных жителей города, отъезжающих в деревню со всеми их пожитками – кроватями и кухонными приборами, которые они затем привозили обратно. Теперь же содержание одной комнаты более громоздко и дорогостояще, чем все, что раньше можно было найти в целом доме в день свадьбы”. Вне всякого сомнения, превращение разбирающейся кровати в солидную мебель, редко передвигаемую с места на место, говорит о большом прогрессе личного пространства. Вскоре кровать начинают украшать, ставят балдахин, вешают занавески, и в таком виде она служит художникам для иллюстрации тем, касающихся частной жизни: комната супругов, комната, где принимают роды, ложе умирающего старика, а также жилище одинокого человека. Тем не менее, комната с кроватью не является спальней. Она остается как бы общественным местом. Так, возникла необходимость занавешивать кровать, чтобы оградить от

посторонних глаз свое личное пространство. Человек редко спал в одиночестве: он ложился с женой, но часто и с другими людьми своего пола.

Так как кровать не зависела от комнаты и представляла собой небольшой отдельный закуток, их в комнате могло быть несколько, чаще всего по одной в каждом углу. Бюсси-Рабютен рассказывает, как однажды во время боевых действий одна девушка, напуганная солдатами, пришла искать у него защиты и гостеприимства: “В конце концов я отдал распоряжение моим людям уступить ей одну из кроватей, стоявших в моей комнате”. Можно представить себе обстановку, в которой жили люди в этих комнатах, где нельзя было уединиться, а чтобы добраться до своего места, нужно было пройти целую анфиладу смежных комнат, где в каждой спали по несколько супружеских пар, по несколько мужчин и женщин (это, не считая слуг, которые спали рядом с хозяевами или имели обязанность собирать и разбирать кровати в самой комнате или за дверью), где собирались за обеденным столом, принимали друзей и клиентов, а иногда и раздавали милостыню нищим. Вот почему богатые дома всегда были более населенными, чем маленькие квартиры в две или одну комнату. Попробуем представить такие семьи, где, впрочем, уже зарождалось современное чувство семьи, не как убежище от внешнего мира, а как центр общества, очаг плотной социальной жизни. Вокруг них концентрически располагалась система социальных связей, все более слабеющих к периферии: круг родственников, друзей, клиентов, протеже, должников и т. д.

В центре этой сложной системы находились дети и прислуга. Прогресс чувства детства в XVI-XVII веках, настороженность моралистов по отношению к слугам не смогли его разрушить. Это живая и шумная душа большого дома. На многочисленных гравюрах мы можем видеть детей в обществе слуг, часто довольно молодых. Например, на одной из иллюстраций Ланье к пословицам маленький слуга играет с ребенком, который совсем недавно начал ходить. Точно такая же фамильярность, должно быть, присутствовала и в семьях ремесленников, землепашцев, имевших подмастерьев и помощников. Между детьми и слугами не было большой разницы в возрасте, последних принимали в дом очень молодыми. Book of common Prayer 1549 года издания вменяет в обязанность главе семьи следить за духовным воспитанием всех детей, находящихся в доме. Слуги и подмастерья ставились на один уровень с родными детьми. Они играли между собой в детские игры. “И вдруг лакей аббата, играя, как щенок с милой Жакин, бросил ее на землю, сломал ей руку и вывихнул запястье. Ее крики просто ужасны”, – пишет мадам де Севинье, она находит эту сцену забавной.

Еще в XVII веке дети продолжали выполнять дома некоторые функции прислуги, например, подавали на стол, что сближало их с миром слуг. Они также нарезали мясо, носили многочисленные блюда, которые по исчезнувшему сегодня обычаю подавали одновременно, наливали вино, носили или наполняли стаканы. Учебники этикета до самого конца XVIII века посвящали большую главу тому, как надо прислуживать за столом. В жанровых сценах можно часто видеть прислуживающего ребенка. Само понятие

“прислуживать” еще не перешло в разряд низких занятий, сегодня, безусловно, за ним закрепившийся. Факт нахождения в зависимости от другого человека не имел еще унижительного характера, как сегодня. Почти всегда человек кому-либо “принадлежал”. Книжки по искусству нравиться XVI-XVII веков, такие как “Придворный”, советуют “частному дворянину”, то есть неродовитому, хорошо выбрать себе хозяина и постараться заслужить его милости. Общество состояло еще из системы “зависимостей”. Отсюда и некоторая сложность в разделении благородной службы и службы наемной для прислуги самого низкого ранга: она проявляется даже в XVII веке, хотя слуг уже относят к низшему сословию людей ремесленных профессий. Между хозяином и слугой всегда сохранялись какие-то особые отношения, заключающиеся не только в выполнении сторонами условий контракта или сводившиеся к эксплуатации человека человеком: между ними существовала экзистенциальная связь, не исключавшая ни грубости первых, ни хитрости вторых, результат почти ежеминутного общения. Отметим, в каких выражениях моралисты говорят об обязанностях главы семьи: “Поведение мудрого отца семейства сводится к трем основным принципам: первый – научиться оберегать от посторонних свою жену; второй – хорошо воспитывать своих детей и третий – вовремя и достаточно платить прислуге... Соломон на этот счет придумал очень мудрое правило, которое заключает в себе все обязанности господина по отношению к слугам. Есть три вещи, которые всегда должны быть у слуг, говорит он: хлеб, работа и наказание. Хлеб, потому что это их право, работа, потому что таково их положение, наказания и выволочки, потому что это в наших интересах... Если слуга сыт и ему хорошо и вовремя платят, его поведение редко бывает неправильным”. Однако тогда платили вовсе не так, как теперь. Вот что говорит об этом Кустель: “...слишком расточительные родители оказываются не в состоянии вознаградить своих слуг, расплатиться с кредиторами или помочь бедным, как того требует их долг”. Или еще Борделон: “Между хозяевами и прислугой существуют взаимные обязательства. В обмен на службу и почтительное отношение дайте им сочувствие и награду”. Слуге не платили – его вознаграждали, не столько из справедливости, сколько из жалости к более незащищенному существу, – точно такое же чувство испытывали и к детям. Лучшей иллюстрацией к вышесказанному служат слова Дон-Кихота, которые он произнес над спящим Санчо: “Спи, у тебя нет забот. Заботу о тебе ты переложил на мои плечи, такова участь всех, кто по воле судьбы стал слугой. Слуга спит, пока хозяин бодрствует и думает, как накормить слугу, сделать его лучше и совершить для него что-нибудь приятное. Тревога (во время неурожая и т. д.) поселяется не в сердце слуги, а в сердце хозяина, который должен во времена голода и неурожая думать о том, кто служил ему в сытые времена”. Фамильярность этих отношений зависимости проявляется и в комедиях Мольера в разговорах слуг и служанок о хозяевах. В комнатах, где спали, ели, принимали гостей, слуги неотлучно находились рядом с хозяином: в “Кудахтанье роженицы” служанка совершенно естественным образом встречается в разговоры. Это случается как в домах буржуа, так и в домах высокой знати. “Принцесса (Конде), – пишет мадам де

Севинье, – не так давно возымела чувства к молодому слуге, по имени Дюваль, который повел себя достаточно безумным образом, выказав слишком много нетерпеливого страдания по поводу доброго расположения принцессы также и к молодому пажу Рабютену”. Они поссорились прямо у нее на глазах. “Рабютен обнажил шпагу и собирался при ней наказать Дюваля, но тот обнажил свою, и тогда принцесса встала между ними, чтобы их разнять. От шпаги у нее на шее осталась легкая царапина”.

Эта фамильярность постепенно исчезала в отношениях между взрослыми, а моралисты, озабоченные правильным обращением со слугами, советовали, как можно больше увеличить дистанцию между ними и хозяевами: “Не говорите слишком много со своими слугами”. Однако эта фамильярность оставалась у детей и молодых людей. Они играли с самого раннего детства со своими лакеями, почти ровесниками, некоторые из которых имели к ним настоящую привязанность и иногда служили и в коллеже; между ними могла сложиться настоящая дружба. Мы хорошо знаем слуг – персонажей комедий Мольера или слугу из “Лжеца” Корнеля. Но вот слуга из забытой комедии “Школяры” Лариве, он так выражает свои чувства по отношению к хозяину: “Меня вместе с ним вскормили, и я люблю его больше, чем кого-либо из живущих”.

Историки давно подметили, что король никогда не оставался один. Впрочем, до конца XVII века никто не остается один. Большая плотность социума не позволяла уединиться, и на тех, кому надолго удавалось запереться в одиночестве, смотрели как на редкостное явление: отношения между равными, между людьми одного сословия, но зависящими друг от друга, отношения между хозяевами и слугами, продолжавшиеся каждый день всякую минуту не давали человеку побыть одному. Такое строение общества отсутствием личного пространства долгое время мешало развитию чувства семьи. Новый или, по крайней мере, по-другому понятый вид межличностных связей, развивающийся в XVI-XVII веках между родителями и детьми, не нарушил старой структуры. Это сознание детства и семьи, в том смысле, в каком мы говорим о сознании социального класса, требовало личного физического и морального пространства для человека, чего прежде не существовало. Однако оно приспособилось к этой эпохе постоянного совместного пребывания. Соединение традиционной схемы и нового восприятия детства и семьи произошло лишь в части семей – богатых городских или деревенских, дворянских или простых, крестьянских или в семьях ремесленников. Дома этих людей стали очагами жизни, вокруг которых вращался маленький, но достаточно сложный мир. Это равновесие между семьей и обществом не могло противостоять эволюции нравов и дальнейшему развитию личного пространства.

\*\*\*

Начиная с XVIII века семья отдаляется от общества, перестает допускать его в расширяющиеся пределы частной жизни. Организация дома отвечает новой потребности в защите от внешнего мира. Можно говорить уже о современном доме, где каждая комната независима – теперь двери выходят в



общий коридор. Отныне не обязательно проходить комнаты одну за другой, чтобы дойти до нужной. Говорят, понятие комфорта появилось именно в эту эпоху. Комфорт родился вместе с личным пространством, возможностью укрыться от глаза постороннего, он – одно из свойств личного пространства. Теперь кровати уже не стоят где попало. Они находятся в спальне. По обе стороны от них стоят шкафчики и тумбочки, где хранятся туалетные принадлежности. Во Франции и Италии слово “комната” стало противоположным слову “зал”, еще недавно почти полному синониму: комната обозначает отныне место, где спят, а зал – помещение, где принимают гостей и едят. В Англии слово room применяется во всех смыслах, однако когда речь идет о спальне или столовой, то всегда уточняется – для еды, с кроватью.

Такая специализация комнат жилища, прежде всего у буржуа и дворян, несомненно, является самым большим изменением в повседневной жизни. Она отвечает потребности в уединении. В этих менее доступных посторонним помещениях прислуга почти не покидает отведенного ей места, находящегося на достаточном удалении от хозяев, – но не от принцев крови, там еще сильны прежние привычки. Себастьян Мерсье отмечает, как совершенно новую, привычку дам вызывать слуг с помощью колокольчика. Колокольчики теперь устроены таким образом, что управлять ими можно на расстоянии, тогда как некоторое время назад их было слышно лишь в комнате, в которой звонили. Что может красноречивее свидетельствовать о новой заботе людей об удалении слуг и устройстве личного пространства? В конце XVIII века уже не принято навещать друзей и компаньонов в любое время суток и без предупреждения: либо существуют специально отведенные для приемов дни, либо “люди посылают друг другу записки со слугой”. “С помощью все той же почты предупреждают и о визитах... Посыльный относит записки. Нет ничего удобнее, никому не надо появляться на публике, каждый сохраняет дверь закрытой, как и положено”. Новые манеры предлагают избегать того, что раньше было самым естественным делом, единственным способом вести свои дела, сохранять место и друзей. Прежде человек постоянно жил на публике, и все осуществлялось посредством устного общения. Отныне частная, светская и профессиональная жизнь разделены, каждой соответствует определенное место – комната, салон, кабинет.

Использование записок и появление приемных дней принадлежат новому кодексу манер, вытеснившему прежние приличия и именуемому отныне вежливость. Этот кодекс направлен на защиту свободы, индивидуального или семейного пространства от давления социальной среды. Прежние приличия учили искусству жизни вместе и умению подать себя. Новое понятие вежливости принуждает, прежде всего, быть скромным, уважать личное пространство других и скрывать свое. Моральные акценты сместились. Себастьян Мерсье хорошо подметил: “Тон этого века заметно сократил продолжительность церемоний, и лишь провинциалы могут позволять себе длинные церемонии”. То же самое происходит и с обедами: “...теперь они стали короче, а беседы продолжаются уже не за столом”; чтобы поговорить, рассказать увлекательную историю, люди отправляются в салон, в зал – drawing

room. “Больше никто не торопится выпить, никто не принуждает к тому гостей, чтобы показать, как хозяева умеют принимать. Теперь никто не просит вас спеть (вспомните концерты вокруг стола, заваленного фруктами, XVI-XVII веков). От этих глупых и смешных обычаев, столь дорогих нашим предкам, теперь отказались... Эти несчастные сторонники невероятно стеснительных традиций *называли их достойными...* Ни минуты отдыха; люди постоянно состязались друг с другом (в следовании ритуалам) до и после обеда, каждая сторона была педантична и упряма, а знатоки церемоний приходили в восторг от этих ребяческих баталий... Из всех древних правил на сегодня осталось лишь одно – желать здоровья чихнувшему человеку... Теперь шумный ужин по старинке, еще сорок лет назад свойственный хорошему обществу, является уделом портняжек... Лишь в среде мелкой буржуазии (любопытно употребление здесь этого выражения) наблюдаются эти церемонии и бесполезные вечные ужимки, которые принимаются ими за этикет и от которых быстро устаёт человек, вращающийся в свете”.

Устройство собственного дома, реформа общественных нравов дают больше места для частной жизни: она заполняется семьей, состоящей отныне только из родителей и детей, куда закрыт доступ друзьям, клиентам и слугам. По письмам генерала Мартанжа своей жене в 1760-1780-е годы можно судить о прогрессе чувства семьи, освободившегося от всякого архаизма, ставшего таким, каким оно было в XIX и начале XX века. Семья перестала молчать, она стала болтливой – стала темой, заполнившей переписку, и конечно, разговоры.

Старые формы обращения, такие как “сударыня”, исчезли. Мартанж пишет: “Моя дорогая мамочка”, или “милый друг”, или “моя девочка”, или “моя малышка”. Мужу нравится называть жену так, как ее называют дети. Его письма полны подробных расспросов о детях, их поведении, здоровье. Детей называют уменьшительными именами: Кошечка, Коко. Широкое распространение уменьшительных имен соответствует более близким отношениям в семье и особенно потребности называть близких иначе, чем чужих, подчеркивая с помощью особого языка единство детей и родителей и отделяя их от остального мира.

Находясь далеко от дома, отец хочет быть в курсе малейших повседневных событий, которые он воспринимает всерьез. Он ждет каждое письмо с нетерпением: “Я прошу тебя, милая, при всякой возможности черкнуть мне хотя бы пару слов”; “Пожалуйста, пожури слегка мадемуазель Кошечку за то, что она редко мне пишет”. Он с радостью говорит о скором возвращении: “Для меня это будет великий праздник, когда я снова буду с тобой в нашем маленьком бедном владении, а моей самой большой заботой будет обустроить твою комнату и сделать нашу жизнь еще более приятной”. Это уже совсем современный вкус к своему, личному, который противопоставляет дом внешнему миру.

В переписке вопросы гигиены и здоровья занимают очень большое место. Раньше беспокоились только по поводу серьезных болезней и не проявляли ежеминутной заботы о здоровье – мало кого тревожил насморк или другой легкий недуг. Физиология не имела подобного значения: “Мне будет плохо,

если я не буду иметь никаких новостей о твоём здоровье и здоровье наших девочек... Хотя то, что ты рассказываешь о здоровье твоём и наших бедных девочек не может очень порадовать любящего отца... Меня очень беспокоит, как ты пишешь, отсутствие аппетита и проявление болей у младшего. Я бы хотел порекомендовать тебе, дитя мое, и для него и для Ксавьер нарбоннский мед, которым нужно натирать десна при появлении болей”. Такова реакция родителей на появление молочных зубов. Конечно, молочные зубы могли на какое-то время задержать внимание кумушек во времена мадам де Севинье, однако они вряд ли удостоились бы чести стать темой переписки важного генерала: “Меня беспокоит, что девочки слегка простужены... С сегодняшнего утра, кажется, погода наконец-то установилась”. Здесь же обсуждается, какая из существующих вакцин против оспы лучшая, подобно тому, как теперь часто спорят о вакцинах против туберкулеза. “Что касается прививки Ксавьер, я полностью рассчитываю на тебя, единственное – чем скорее ты ее сделаешь, тем лучше, так как все эту вакцину хвалят”. Далее он советует жене пить “воду Седлиц” и принимать “одноименные соли”, пить лимонный сок, добавлять в воду уксус или водку, чтобы не заразиться при эпидемии.

Одна из дочерей вышла замуж в Германии. В письме “милой маменьке” от 14 января 1781 года она дает объяснение своему долгому молчанию: “Сначала оба младшеньких болели в течение двух месяцев коклюшем, да так сильно, что при кашле их личики становились синими, а из носа шла кровь огромными сгустками. После у моей малышки (самой младшей) Ксавье была очень высокая температура”. Врачи не могли сказать ничего утешительного насчет Ксавье: “Бедный мальчик пережил самые страшные мучения, какие только бывают на земле”. Тем не менее, его удалось спасти: “Благодаря Господу все трое остались со мной”. Теперь никто уже не решается утешать себя тем, что родит нового ребенка, как это было еще веком раньше. Отныне ребенка нельзя заменить, и его потеря непоправима. Мать находит свое счастье в окружении детей, больше не являющихся переходным этапом от небытия к настоящей, взрослой жизни: “Все мои радости в общении с детьми”. Здесь на живом примере видна связь между эволюцией чувства детства, прогрессом гигиены, возросшей заботы о ребенке и его здоровье – и иной формы отношения к смерти и жизни.

Отныне очень много говорят о воспитании ребенка и признают значение этого фактора: “Особенно настоятельно я советую тебе не упускать ни минуты для воспитания наших детей; увеличь в два-три раза количество занятий в день, особо обрати внимание на умение держать себя в обществе, за столом, походке” (пережитки прежних правил). У троих детей есть наставник: “Пусть они извлекут из этого как можно больше полезного, а девочкам надо особенно усвоить манеры и красивую походку. Если господину А. удастся привить им грацию, он может считать себя прекрасным учителем”.

У Мартанжа денежные затруднения. Он переживает за последствия непростого материального положения: “Каждый день мучительно переживаю по поводу того, что не могу им дать такого образования, какое мне бы хотелось”. Каковы бы ни были обстоятельства, не следует экономить на

учителях. Мы уже далеки от жалоб моралистов 60-х годов XVII века, вздохавших, что учителям плохо платят, поскольку не понимают всей важности их миссии. “Я бы продал, если бы у меня ничего другого не осталось, мою последнюю рубашку, лишь бы дети были на уровне других детей их возраста и положения. Невежественные нищие дети стали бы унижением для нас. Все мои заботы, милая моя, только о том, как поправить наше состояние, которое могло бы обеспечить им счастье, если же они хотят видеть счастливым своего отца, пусть старательно учатся и пользуются временем, которого у них еще много”. Мартанжа особо беспокоит, как бы время, потраченное на вакцинацию, не сказалось на их учебе: “Постарайтесь обернуть в свою пользу вынужденное пребывание в городе”.

Здоровье и воспитание – вот два основных фактора, волнующих отныне родителей. В этой переписке поражают совершенно по-современному расставленные акценты. Несмотря на два века, разделяющие нас и автора писем, они нам куда ближе, чем письма мадам де Севинье, писавшиеся всего столетием раньше. У мадам де Севинье, наряду с совершенно естественной заботой бабушки о внуках, иногда проявляется какое-то особое любопытство по отношению к детским фантазиям, то, что я назвал выше первым восприятием детства – сюсюканьем. Этого почти нет у Мартанжа. Он относится ко всему более серьезно. Это уже серьезность XIX века в мелочах и во всем, что касается детей, – викторианская серьезность. В XVII веке, когда ребенок не был объектом забавы, он становился объектом матримониальных и профессиональных спекуляций, которые должны были обеспечить продвижение семьи в обществе. Последнее стоит у Мартанжа на втором плане: забота о воспитании и образовании кажется менее корыстной. Дети, такие, какие они есть, семья, такая, какая она есть с повседневными радостями и заботами, выходят за рамки примитивной рутины, занимая самую светлую часть сознания. Группа дети – родители, находящая счастье в самой себе, отделенная от внешнего мира, уже не является семьей XVII века, открытой огромному миру друзей, клиентов, слуг, – это уже современная семья. Одна из самых характерных черт такой семьи – забота о равном отношении ко всем детям. Мы видели, как моралисты второй половины XVII века довольно робко защищали право младших на равную со старшими любовь, особенно подчеркивая возможные последствия ложного выбора пути, в частности религиозной карьеры. Они значительно опередили свою эпоху и уже предчувствовали будущее семейных отношений. По осторожности высказываний можно судить о том, насколько их суждения противоречили общему мнению. С конца XVIII века неравное отношение к детям предстает вопиющей несправедливостью. Именно изменившиеся нравы, а не Гражданский кодекс, принятый во время Революции, отменили право старшинства. Даже когда наиболее ярые реставраторы, вдохновленные новой концепцией семьи, ошибочно приписываемой Старому порядку, вернут его в законодательство, родители не воспользуются этим правом: “Из 20 семей, – писал Вийель Полиньяку 31 октября 1824 года, – едва найдется одна, где бы отдали привилегии старшему или еще какому-нибудь из детей. Система

субординации настолько ослабла повсюду, что в отцы семейств считают своим долгом беречь своих детей”.

\*\*\*

С конца Средневековья до XVI-XVII веков ребенок занял в семье место, какое невозможно было представить во времена, когда его отдавали на воспитание чужим людям. Возвращение детей в лоно семьи является важным событием: оно придает семье XVII века особенность, отличающую ее от средневековой семьи. Ребенок становится необходимым элементом повседневной жизни, забота о его воспитании, устройстве, будущем переходит в разряд важнейших категорий. Он еще не стал стержнем системы, однако его образ приобретает важное содержание. Семья XVII века еще не стала современной: их разделяет тот багаж многочисленных общественных связей, который семья еще сохраняет.

Там, где она существует, то есть в больших домах, семья является центром этих отношений, столицей маленького, сложного, иерархизированного сообщества, которым командует глава семьи.

Современная же семья, напротив, отделяется от общества, противопоставляя ему независимую группу родители – дети. Вся энергия этой группы направлена на продвижение детей, каждого в отдельности, без общей задачи: дети важнее, чем понятие семьи.

Эволюция, приведшая от семьи средневековой к семье XVII века и, наконец, к современной семье, долгое время затрагивала лишь дворян, буржуа, богатых ремесленников и разбогатевших крестьян. Еще в начале XIX века беднейшие, самые многочисленные, слои населения жили подобно средневековым семьям и дети не оставались в родительском доме. Самого ощущения дома у них не было. Чувство родного дома – это другая сторона чувства семьи. С XVIII века и до наших дней в чувстве семьи мало что изменилось. Оно остается таким, каким мы его наблюдали в буржуазной городской или деревенской среде XVIII века. Важное единственное изменение – оно постепенно распространяется на другие социальные слои. В конце XVIII века Эштон констатирует в Англии прогресс семейного образа жизни: “Работники стремятся устроить собственное жилье, вместо того чтобы поселиться у работодателя, а закат практического обучения в этой области позволяет заключать более ранние браки, а значит, благотворно влияет на появление более многочисленных семей”. Длительная отсрочка женитьбы, раннее начало трудовой деятельности, жилищные проблемы, живучесть традиций обучения в людях – все это препятствия идеальному способу существования в буржуазной семье, постепенно разрушенные эволюцией нравов. Семейная жизнь распространилась отныне во всем обществе и мало кто теперь помнит о ее аристократическом и буржуазном происхождении.

### **Заключение. Семья и жизнь обществом**

Историк, работающий с иконографическими документами с целью обнаружить там тот же трепет и дыхание жизни, которые он испытывает в

своем собственном существовании, будет удивлен редкостью, во всяком случае, до XVI века, семейных и домашних сцен. Ему потребуется приложить немало усилий, чтобы их обнаружить, и он сможет интерпретировать их лишь на основе гипотез. И напротив, он очень быстро заметит главного персонажа всех картин и изображений того времени, чье значение сравнимо со значением хора в античном театре, – толпу, не безликую людскую массу сегодняшних городов, а настоящий ансамбль на улицах или в общественных местах (например, в церквях): это соседи, женщины и дети, многочисленные, но не чужие друг другу, – то же разномастное сообщество, что свойственно сегодня базарам в арабских городах или средиземноморским городкам в час вечерних гуляний. Все происходит, как если бы каждый вышел на улицу, вместо того чтобы остаться дома: уличные сцены и рынок, игры и ремесла, военные сцены и двор, церковь и наказания. На улице, в полях, вне дома, на публике, в многолюдном коллективе – вот среда, в которую художники помещают своих героев.

Можно, конечно, выделить индивидуальный и семейный портрет. Но значение, которое мы придавали попыткам создания такого портрета на страницах этой книги, не может скрыть от нас его редкость и робкий характер. Массовые сюжеты, уличные сцены будут преобладать до XVII века, когда семейная иконография исключительно обогатится. Это общее впечатление историка от первого контакта с иконографическими документами, несомненно, соответствует реалиям времени. Вся жизнь человека до XVII века происходила на виду; мы приводили немало примеров всепроникающего влияния общества. Церемонии, сопровождавшие свадьбу и по важности, превосходившие религиозный характер обряда, долгое время отнюдь не были торжественными: благословение супружеского ложа и посещение гостями молодых, находящихся уже в постели, шутки во время брачной ночи и т. д. удостоверяют право общества на личную жизнь супругов. А чему удивляться, когда места личному не было, и все жили вместе – слуги и хозяева, дети и взрослые – в домах, всегда открытых для постороннего глаза. Плотность общества не оставляла пространства семье. Семья, конечно, существовала как повседневная реальность, было бы абсурдным это отрицать, но она не существовала в качестве чувства и ценности.

Мы наблюдали развитие чувства семьи с XV по XVIII век и видели, что вплоть до XVIII века оно не оказывало серьезного влияния на уклад общественной жизни, да и свойственно это чувство было, прежде всего, обеспеченным слоям населения – дворянству, городскому или сельскому, высшему нобилитету, буржуазии, ремесленникам или торговцам. Начиная с XVIII века оно начинает распространяться на все сословия и полновластно навязывается человеческому сознанию. Очень часто путь, пройденный человечеством за последние несколько веков представляют триумфом индивидуального над общественным, к которому относят и семью. Но где этот индивидуализм в современном мире, где любая семья концентрирует все свои усилия на успехе немногочисленного по их же воле потомства? Не ближе ли к индивидуализму живое безразличие столь плодовитых отцов Старого порядка?

Безусловно, современная семья существует на иных материальных основаниях, чем при Старом порядке, когда само понятие семьи было связано с наследством и репутацией. Исключая некоторые случаи, значение которых все уменьшается, проблема передачи материальных благ стоит после блага ребенка, которое вовсе не обязательно связано с профессиональным самоопределением. Семья стала закрытым сообществом, в котором предпочитают проводить время и о котором любят упоминать, как это делает уже генерал Мартанж в своих письмах в конце XVIII века. Вся эволюция нашей современной морали останется непонятой, если забыть этот невероятный прогресс чувства семьи. Победил не индивидуализм, а семья.

Но семейная жизнь получает распространение в ущерб традиционной социальности. Все происходит так, как если бы современная семья постепенно замещала собой пришедшие в упадок старые общественные отношения, чтобы позволить человеку избавиться от невыносимого нравственного одиночества. С XVIII века люди начинают защищаться от повсеместного присутствия общества, бывшего раньше источником образования, репутации и богатства. Глубинные сдвиги разрушают прежние отношения хозяина и слуги, могущественного и маленького человека, друзей и клиентов. Изменения, кое-где запоздавшие из-за инерции, вызванной географической и социальной изоляцией. Они более стремительны в Париже, чем в других городах, в буржуазной среде, чем в среде народной... Повсюду они усиливают влияние семейного круга за счет отношений с окружающими, друзьями и традиционных связей. Историю морали можно интерпретировать в свете усилий человека отделиться от остального общества, чье давление становится нетерпимым. Дом уступил роль общественного места в пользу кафе, в свою очередь все менее посещаемого. Профессиональная и семейная жизнь затмила ту сторону существования человека, которая ранее поглощала все – социальные отношения.

Существует большой соблазн предположить, что чувство семьи и жизнь обществом не могли сосуществовать, и единственный путь развития одного был возможен лишь за счет другого.

## Заключение

Он был свободен, бесконечно свободен до такой степени, что не чувствовал собственного веса на земле. Ему не хватало тяжести человеческих отношений, которые затрудняют ходьбу, этих слез, прощаний, упреков, взрывов радости, всего того, что человек лелеет или рвет всякий раз, когда он делает какой-либо жест,— всех этих невидимых нитей, привязывающих его к другим и делающих его тяжелым.

*Сент-Экзюпери*

В Средние века, в начале новейшей истории дети простонародья живут на равных с взрослыми,— едва достигнув возраста, когда их считают способными обходиться без помощи матери и няньки, то есть спустя несколько лет после отнятия ребенка от груди (достаточно позднего), — примерно в семь лет. И с этого момента они сразу входят в сообщество взрослых, разделяя с друзьями, старыми и молодыми, ежедневные заботы и игры. Поток коллективной жизни нес в одном течении все возраста и сословия, никому не оставляя времени на одиночество и частную жизнь. В таком существовании, слишком коллективном и насыщенном, не было места для личного. Семья выполняла свою функцию — она передавала от поколения к поколению жизнь, материальные блага и имя, не слишком затрагивая чувственную сторону жизни. Мифы, говорящие о куртуазной (или маньеристской) любви, выражают презрение к браку, распространенность обучения в подмастерьях ослабляет связь между родителями и детьми; сегодня можно представить семью без любви, но забота о ребенке и необходимость его присутствия заложены в самом ее понятии. Средневековая цивилизация забыла древних и не знала еще современного воспитания. Основная мысль: она понятия не имела о воспитании как таковом. Сегодня наше общество зависит — и знает, что зависит,— от успеха своей воспитательно-образовательной системы. У общества есть как система образования, образовательная концепция, так и сознание их необходимости. Новые науки, такие как психоанализ, педиатрия, психология, ориентированы на проблемы детства, и их достижения доводятся до родителей благодаря широко распространяемой научно-популярной литературе. Наш мир просто помешан на физиологических, моральных и сексуальных проблемах детей.

Средневековая цивилизация не знала такой заботы, потому как для нее не существовало самой проблемы — ребенка: ребенок, после того как его перестают кормить грудью или еще немного погодя, становится естественным товарищем взрослого человека. Возрастные категории неолита, древних эллинов предполагали разницу между миром детей и взрослых и некий переходный период, который заполнялся обучением и воспитанием.



Средневековая цивилизация не понимала этой разницы и не имела понятия о переходном периоде.

Великое событие ознаменовало начало новейшей истории – появление заботы о воспитании. Сначала она взбудоражила умы некоторого числа религиозных деятелей, законников, учителей, довольно редкие еще в XV веке и все более многочисленные в XVII, когда они соединяются со сторонниками религиозной реформы. В общем, это были скорее моралисты, чем гуманисты: последним была особенно дорога культура человека, распространенная на весь отрезок человеческой жизни, и их мало занимало образование детей. Реформаторы же, моралисты, влияние которых на жизнь семьи и школы мы с вами рассматривали, решительно боролись с анархией (или с тем, что они считали таковой) средневекового уклада, в то время как церковь, несмотря на свое отрицательное отношение к той же анархии, очень долго мирилась с ней и призывала праведников искать спасения вдали от языческого мира, в стенах монастырей. Мы присутствуем при подлинной морализации общества: нравственный аспект в религии постепенно начинает преобладать в культовой практике над обрядовым. Именно таким образом сторонникам нравственного порядка удалось доказать большое значение воспитания. Мы с вами наблюдали их влияние на всю историю школы, на ее постепенное превращение из свободной школы в коллеж со строгой дисциплиной. Их труды берут начало от Жерсона из Пор-Рояля и становятся все более многочисленными в XVI-XVII веках. Возникшие тогда религиозные ордена, такие как иезуиты и ораторианцы, становятся учительствующими орденами, обратившими свое лицо уже не к взрослым, как когда-то в Средние века, когда проповедники и нищие обращали к ним свои проповеди, но к детям и молодым людям.

Теперь устанавливается мнение, что ребенок не готов к взрослой жизни, еще не созрел для нее, и ему надо пройти через специальную образовательную программу, прежде чем присоединиться к взрослым.

Эта новая забота об образовании детей понемногу овладеет умами и произведет революцию в обществе. Семья перестает быть лишь институтом передачи материальных благ и имени, отныне она обладает моральной и духовной функцией – формирует душу и тело ребенка. Между физическим воспроизведением себе подобных и юридическим аспектом семьи существовал пробел, который заполнит образование. Забота о детях принесет новые чувства, новые отношения в семье, запечатленные в иконографии XVII века, те чувства и отношения, что присущи современной семье. Теперь родители не будут довольствоваться лишь самим фактом рождения на свет детей и устройством жизни некоторых из них. Мораль эпохи потребует от них дать всем детям, не только старшим, а начиная с XVII века и девочкам, образование и воспитание. Конечно, под этим следует подразумевать школу. Школа постепенно вытесняет традиционное практическое обучение, школа обновленная, со строгой дисциплиной, укрепленной законом. Поразительный расцвет школы в XVII веке есть не что иное, как прямое следствие родительской заботы о воспитании. Моралисты считают родительским долгом, как можно раньше отправить ребенка в школу. “Родители,— говорится в тексте 1602 года,— пекущиеся о

воспитании своих детей, имеют право на большие почести, чем те, что только лишь произвели на свет потомство. Они дают своим детям не только жизнь, но еще и делают эту жизнь хорошей и здоровой. Вот почему такие родители с самого нежного возраста отправляют своих детей приобретать настоящую мудрость (иными словами в коллеж), где они станут настоящими кузнецами своего счастья, украшением родной страны, семьи и друзей”.

Семья и школа совместными усилиями вытянули ребенка из среды взрослых. Школа поместила некогда свободных детей в пространство со строгой дисциплиной, превратившееся в конце XVIII – начале XIX века в полную изоляцию. Заботами родителей, церкви и моралистов ребенок был лишен прежней свободы взрослого мира. Теперь для него были плеть, заточение и другие наказания, обычно применяемые к преступникам из самых низших слоев населения. Однако такая строгость говорит о новом отношении, отличающемся от прежнего безразличия, – о проявлении чрезмерной любви, ставшей всеобщей в XVIII веке. Без труда можно догадаться, что такое вторжение детства в область чувств породило явление, известное ныне как контроль за рождаемостью. Оно появилось опять же в XVIII веке, в момент, когда семья завершила свое формирование вокруг ребенка и построила между собой и обществом стену частной жизни.

\*\*\*

Современная семья изъяла из общественной жизни не только своих детей, но и значительную часть своих взрослых забот. Она отвечает потребности человека в личном жизненном пространстве и независимости, членов семьи объединяют чувства и привычка к определенному образу жизни. Ей претит тесное сосуществование с другими, наблюдавшееся в прежнем обществе. Конечно, совершенно понятно, что такая победа семьи произошла, прежде всего, в буржуазной среде: высшее дворянство и народ – эти два полюса социальной лестницы – долгое время сохраняли прежние традиции и не смущались тесным соседством с другими. В народной среде эта солидарность встречается и по сей день. Таким образом, существует связь между чувством семьи и чувством класса. На протяжении всей этой книги мы не раз видели, как они пересекаются. В течение многих веков одни и те же игры были общими для разных сословий; начиная же с Нового времени их разделяют – одни имеют отношение только к людям из высшего общества, другие одновременно к детям и взрослым из простонародья. Благотворительные школы XVII века для бедных привлекают в той же степени и детей из богатых семей. Напротив, начиная с XVIII века мещанские семьи не допускают больше такого соседства и забирают своих детей из учебных заведений, которые станут начальными учебными заведениями для народа, отправляют детей в коллежи и пансионы, установив там свою монополию. Игры и школа, прежде единообразные для всего общества, отныне войдут в систему социальных классов. Все происходит так, как если бы полиморфная структура общества разрушилась, уступив место массе маленьких сообществ – семей – и сообществ побольше – классов; семьи и классы объединяют отдельных людей, близких друг другу по духу и образу жизни, тогда как раньше общество в единой ячейке включало людей разных

возрастов, сословий и условий жизни. Насколько сословия отличались друг от друга, настолько они были близки в пространстве. Моральная дистанция заменяла дистанцию физическую. Строгость внешних признаков уважения, разница в одежде искупали фамильярность совместного сосуществования. Слуга не отходил от своего хозяина, которому он приходился и другом и сообщником,— явление, сегодняшнему человеку, вышедшему из подросткового возраста, непонятное; высокомерие хозяина как бы соответствовало наглости слуги, и таким образом устанавливалась иерархия, в условиях отсутствия личного пространства находившаяся постоянно под вопросом.

Контраст был всюду: высокое рождение и невероятное богатство соседствовали с нищетой, порок с добродетелью, разврат с набожностью.

Тем не менее, такая разномастность никого не удивляла, она принадлежала к разнообразию мира, который следовало принимать таким, какой он есть. Мужчины или женщины высокого рода несколько не стеснялись в своих роскошных одеждах навещать в тюрьмах и больницах несчастных, едва прикрытых лохмотьями. Само наличие такого контраста не смущало первых и не унижало вторых. Нечто подобное еще можно наблюдать в моральном климате южной сегодняшней Италии. Меж тем приходит время, когда буржуазия перестала выносить давление большинства и постоянный контакт с народом. Она отделяется от остального полиморфного общества и организует свою жизнь в стороне от него, в своих семьях, закрытых для посторонних, в домах, устроенных для личной жизни, в богатых кварталах, огражденных от народного влияния. Некогда терпимое сочетание неравенства становится для нее невыносимым: отвращение богатых родилось раньше стыда бедных. Устройство личного пространства, потребность в новом комфорте, которого оно требовало (между личным пространством и комфортом существует тесная связь), еще более противопоставляли образ жизни народа и буржуазии с материальной точки зрения. Прежнее общество терпимо сохраняло разнообразные стили жизни в тесном пространстве и допускало, можно даже сказать — специально сближало самые отдаленные сословия. Новое же общество предоставляло каждому сословию отдельное пространство, в котором предусматривалось соблюдение основных конвенций, где следовало стремиться к определенному идеалу и никогда от него не удаляться под страхом изгнания.

Чувство семьи, чувство класса и, может быть, чувство рода есть проявление одной и той же нетерпимости к разнообразию и стремления к единообразию.

## Послесловие

Девизом одного из самых влиятельных направлений французской историографии – так называемой школы “Новой исторической науки” – стало отношение к прошлому как к Другому, достойному понимания и предельно точного воскрешения, адекватного воспроизведения. Получив прививку социологии Э. Дюркгейма и политэкономии Ф. Симиана, представители этой школы сгруппировались вокруг журнала “Анналы экономической и социальной истории”, основанного в 1929 году двумя великими французскими историками – М. Блоком и Л. Февром. В послевоенной Франции “Новая историческая наука” очень быстро заняла главенствующие позиции. “Анналисты” стремительно оккупируют различные научные институты. Несмотря на отрицание наличия самой школы “Анналов”, все историки, определяемые ныне как “анналисты”, во многом следуют катехизису, оставленному отцами-основателями. Весьма коротко “Новую историческую науку” можно определить как открытие человека в окружении, в социальном и вещном пейзаже. В этом состоит кредо “анналистской” “тотальной истории”. Человек исторический в “Новой исторической науке” занимает огромное гносеологическое поле, превращая историка в этнолога, демографа и знатока политэкономии. “Новая историческая наука” опустилась в глубины повседневности, отказавшись от запутанных иероглифов политической событийной истории.

В своем признании и познании инаковости прошлого “Новая историческая наука” во многом обязана человеку, научная судьба которого в не меньшей степени отмечена печатью инаковости. Филипп Арьес (1914-1984), выдающийся французский историк, научная репутация которого сегодня не подлежит сомнению, предопределивший основные темы “анналистской”, исторической антропологии, называл себя “историком, работающим по воскресным дням”. Он не защитил диссертации, не принадлежал к кругу университетской профессуры, работал служащим информационного центра при обществе, занятом торговлей тропическими фруктами. “Лишь в последние годы жизни Арьес получил возможность вести курс в парижской Школе высших исследований в области социальных наук”.

“Ультрароялист и националист правого толка, человек весьма консервативных взглядов, Арьес одно время принимал активное участие в деятельности реакционной политической организации “Aktion français”. Автор посвященной ему статьи в “Словаре исторических наук” пишет, что политические пристрастия Арьеса диктовались его “ностальгическими” взглядами на историю: он видел в ней процесс разрушения старого устойчивого порядка, ценности которого, по его убеждению, превосходили ценности, пришедшие им на смену. Этот аспект биографии Арьеса объясняет, почему он так долго оставался на периферии французской историографии, “пророком, не пользующимся уважением в своем отечестве”. Действительно, некоторая “левизна”, не столь важно из какого источника проистекающая –

социалистического или марксистского, свойственна большинству “анналистов”. Чужой для своих коллег, он, однако, написал две книги, вокруг которых и по сей день не прекращаются споры, по сей день с ним приходится сверяться историкам-антропологам и историкам-демографам: “Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке” (1960) и “Человек перед лицом смерти” (1977). Он стал необходимым и неизменным Другим “Новой исторической науки”. Он обогатил историческую антропологию двумя важнейшими темами. Отечественный читатель уже имел возможность познакомиться с книгой Арьеса, посвященной отношению европейцев к смерти. Сейчас, почти через сорок лет после выхода в свет, мы имеем возможность замкнуть антропологическую диалогию Филиппа Арьеса.

Детство и смерть – приход и уход – великий цикл человеческой жизни. Все мы вышли из детства и живем ожиданием смерти. Нет ничего более усыпляющего и обманчиво незыблемого, чем наше отношение к детству и смерти. Две константы нашего ментального космоса, начало и конец, они подобны дыханию. Наполняющие жизнь смыслом и устанавливающие границы, они меньше всего поддаются анализу и исследованию. Мы склонны экстраполировать наши собственные представления о смерти и наше собственное отношение к миру детства на отдаленные от нас во времени исторические эпохи. Лишь немногие способны увидеть в этом проблему, осознать изменчивость кажущихся столь незыблемыми столпов нашей ментальности. Склонность к абсолютизации настоящего присуща любой исторической эпохе. Признание инаковости прошлого, изобретенности и изменчивости “необходимого как воздух” требует интеллектуального усилия и воображения. Всеми этими качествами обладал Филипп Арьес, который смог увидеть, что современное отношение к ребенку, добровольное рабство взрослого, сложный комплекс механизмов социализации (школа и т. п.) – лишь относительно недавние изобретения западноевропейской цивилизации.

За прошедшие с момента выхода в свет книги Арьеса годы многие выводы историка были подвергнуты серьезной и небезосновательной критике. “Бездушие” взрослых Средневековья к часто умирающим детям, ранняя включенность ребенка в социум и т. д. оспорены не одним десятком ученых. Существенной корректировке подверглась концепция Арьеса “об относительной неразвитости в Средние века родительских чувств к детям”, поскольку “анализ текстов подтверждает уже сложившуюся в медиевистике последних лет тенденцию отказаться от распространения точки зрения Арьеса... Людям того времени отнюдь не была чужда ни материнская, ни отцовская любовь”. Хотя все признают и подтверждают распространенность в X-XIII веках намеренного детоубийства, которое было способом “избавиться от детей (к тому же еще не крещенных) в том возрасте, когда родители, особенно матери, не успели к ним привязаться. Мягкость кары – покаяние – объяснялась... массовым характером явления”. Арьеса упрекали также в пренебрежении материалом “низкой культуры”. Так, французский историк-анналист Э. Леруа Ладюри, исследовавший крестьянство средневековой Франции, упрекает Арьеса в том, что тот стал жертвой “литературного

миража”, так как “высокая культура, литература и живопись, запоздало обратила внимание на это чувство (родительской привязанности.– Е. Ф.)”. Хотя критик и соглашается с той частью концепции Арьеса, которая утверждает, что “роль ребенка весьма зависит от культуры конкретной эпохи. Значит, остается место предположению, что роль эта, в том виде, который известен в наши дни, была определена лишь недавно”. Однако даже оппоненты Арьеса признают, что до сих пор “эта область знаний остается мало изведанной”.

Нетрудно заметить, что в своем исследовании Арьес оперирует элементами так называемой высокой культуры. Говоря коротко, Арьес создал в своей книге настоящий “музей детства”. Нередкие отсылки к реалиям деревенской жизни, жизни низов – не более чем ритуальные заклинания, серьезно не подкрепленные. “Высокая” культура, многословная и красноречивая, – вот (за малыми исключениями) единственный источник для Арьеса. Легче всего отвергнуть выводы историка частично или полностью, однако его “ограниченность”, позволившая сделать столь радикальные выводы, заслуживает более пристального внимания. “Однобокость” Арьеса заставляет и нас задуматься над красноречивым умолчанием “высокой” культуры.

Таким образом, книга Филиппа Арьеса до сих пор остается актуальной, до сих пор она способна будить мысль. Не менее ценно исследование французского ученого и для историков России, поскольку может служить ориентиром для написания уже отечественной истории детства.

***Коректори – Федіна О.І., Білоножко Є.В.  
Технічний редактор – Блах Е.І.  
Головний редактор – Беляєва О.Ю.***

Підписано до друку 26.03.2007. Формат 60x84/16.  
Папір офсетний. Друк цифровий. Гарнітура Times New Roman.  
Умовн. друк. арк. 28,25. Наклад 100.

Друк здійснено з готового оригінал-макета у Видавництві ХДУ.  
Свідоцтво серія ХС № 33 від 14 березня 2003 р.  
Видано Управлінням у справах преси та інформації облдержадміністрації.  
73000, Україна, м. Херсон, вул. 40 років Жовтня, 4. Тел.: (0552) 32-67-95.